

Российская академия наук
Научный совет РАН
«История мировой культуры»

ГК НО

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

письменность искусство археология

ежегодник
2024

Научный совет РАН

История мировой культуры

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Письменность

Искусство

Археология

Ежегодник

2024

МОСКВА

2024

УДК 003; 7.03; 902

ББК 71.1;7д

П 15

Главный редактор

Академик РАН М.Б. ПИОТРОВСКИЙ

Ответственный редактор-составитель издательства РАН

П.А. ГОРДЕЕВ

Редколлегия:

В.Е. БАГНО (зам.председателя)

М.Б. ПИОТРОВСКИЙ (председатель)

Д.А. ШАНЦИНА (составитель)

Памятники культуры. Новые открытия. М.: РАН, 2024. – 604 с.

Первое издание возрожденного ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия», посвященное 300-летию Российской академии наук.

В книге сохранены традиционные разделы: «Письменность», «Искусство», «Археология».

Тематика сборника разнообразна по материалам, восходит к разным культурам и разным научным традициям. Все они наглядно показывают, из каких элементов складывается единая мировая культура: от греческих палимпсестов до записок Распутина, от девизов Петровского времени до «константинопольского фарфора», от Петергофа до Пальмиры, от античных украшений до маскарадного кафтана князя Юсупова и многое другое.

Для искусствоведов, филологов и широкого круга читателей.

Использованы иллюстрации:

© **Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024.**

Фотографии: И.Э. Регентова, Ю.А. Молодковцева, В.С. Терехина, Л.Г. Хейфец

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г.Я. Красников</i> Читателям юбилейного ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия»	6
<i>М.Б. Пиотровский</i> Новые открытия продолжаются	7
ПИСЬМЕННОСТЬ	10
<i>Е.В. Уханова, М.Н. Жижин, А.В. Андреев, А.А. Пойда</i> Греческий палимпсест ГИМ, Муз. II, 12 – вновь найденный фрагмент новозаветного текста IX в: естественно-научные и традиционные методы в атрибуции памятника	12
<i>Л.А. Черная</i> Девизы петровского времени	27
<i>П.А. Дружинин</i> «Грозная туча над Расеей». К вопросу о подлинности пророчества Григория Распутина	36
<i>Т.В. Соколова</i> А.В. Сухово-Кобылин, С.В. Энгельгардт и А.А. Григорьев: силуэт на зеркале архивных реконструкций и семейных связей	82
<i>А.Ф. Лосев</i> Конспект лекций Р.Ю. Виппера	93
<i>Е.А. Тахо-Годи</i> А.Ф. Лосев – слушатель лекций профессора Р.Ю. Виппера: к проблеме «ученик – учитель»	101
<i>П.В. Петров</i> «...Я остался одиноким и решил просить об освобождении от должности...»: К истории одного письма директора Петергофских дворцов-музеев и парков Н.И. Архипова	117
<i>Т.П. Тимофеева</i> Письма Е.М. Каравасовой к А.Д. Варганову (1951–1960-е гг.)	142

ИСКУССТВО	172
<i>Е.А. Савостина</i>	
Голова женской статуи из собрания Эрмитажа: мастера и традиции эллинистического классицизма в скульптуре Пантикапея	174
<i>Д.А. Калинин</i>	
Редкий памятник в античном собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина: бронзовая ветвь спаржи с кузнечиками	187
<i>А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский</i>	
Английский кубок в семье русского боярина (просопографические аспекты провенанса)	196
<i>М.А. Бурганова</i>	
Канон и чувство	219
<i>Ю.Г. Епатко</i>	
Несостоявшаяся сенсация. Несколько слов о «новом» иконографическом изображении Петра Великого	234
<i>А.В. Трощинская</i>	
«Константинопольский фарфор». К вопросу об отправлении русского фарфора в 1793 г. в Османскую Порту с чрезвычайным и полномочным послом М.И. Голенищевым-Кутузовым	241
<i>С.О. Андросов</i>	
Советник Рейфенштейн как русский художественный агент в Риме	265
<i>А.В. Тарханова</i>	
Шелковое, полотняное и прядельное производство, устроенное на фабриках в образцовом городе Софии по указу Екатерины II	297
<i>Е.А. Бортникова</i>	
История формирования коллекции живописи великого князя Петра Федоровича в Ораниенбауме	362
<i>И.Ю. Меркулова</i>	
Кафтан боярский или французский? Исследование маскарадного платья князя Ф.Ф. Юсупова	384
АРХЕОЛОГИЯ	402
<i>В.В. Питулько</i>	
Сокровища царства подземных льдов	404
<i>А.А. Швецова, Ю.В. Филиппов, О.В. Зеленцова, С.И. Милованов</i>	
Изучение муромских древностей в Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике: история и новые исследования	452

<i>Л.И. Акимова</i>	
Терракотовый диск AT 1818 в ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва: “dischi sacri” и их образ космоса	463
<i>Н.Ф. Соловьева, Б.М. Атаянц, Е.К. Блохин, П.Д. Котелевец, Р.С. Малай, Е.А. Малай, Я.А. Низов, М.С. Тушкина</i>	
Цифровые технологии в проекте реставрации Триумфальной Арки Пальмиры	475
<i>А.Ю. Епатко</i>	
Монеты Петра I в Меланезии (Соломоновы острова)	494
<i>Е.Е. Докучаева</i>	
Творчество Ф.О. Шехтеля в контексте исторической архитектуры: древняя церковь св. мученика Трифона в Напрудном и ее реконструкция в конце XIX – начале XX вв.	513
<i>А.В. Постников</i>	
Загадка постройки московского юсуповского дворца (вопрос о заказчике и первоначальном владельце здания)	525
<i>А.В. Максимов</i>	
Состав и хронология кладов бумажных денежных знаков из собрания Ярославского музея-заповедника	536
ПРИЛОЖЕНИЕ	540

ЧИТАТЕЛЯМ ЮБИЛЕЙНОГО ЕЖЕГОДНИКА «ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ»

Уважаемые друзья!

Выход в свет юбилейного ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия», который в нынешнем году приурочен к трёхсотлетию Российской академии наук, – большое, радостное событие.

Задуманная в начале 1970-х годов членами Научного совета по истории мировой культуры Академии наук СССР, серия ежегодников с таким названием в последующие годы заслужила высокое признание среди специалистов, а также широкого круга читателей.

Идея публикации таких сборников принадлежит академику Дмитрию Сергеевичу Лихачёву – выдающемуся филологу, исследователю древнерусской литературы, историку отечественной культуры, много сделавшему для её популяризации. Это издание было призвано расширять кругозор читателя, информировать его о важнейших открытиях в разных областях истории мировой культуры, исследованиях, касающихся её выдающихся памятников – произведений архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, литературных текстов, книг и исторических документов. И потому очень важно, что, несмотря на приостановку, этот замечательный проект был продолжен, получил полную поддержку Российской академии наук и академического сообщества в нашей стране. Хотел бы выразить признательность всем, кто способствовал возрождению знаменитого издания, и поздравить авторов и читателей с началом нового этапа его истории.

Уверен, что проект и дальше будет содействовать популяризации научных достижений, достойно выполнять свою высокую просветительскую миссию, рассказывать читателям о важнейших событиях, связанных с охраной памятников культуры, и, конечно, вовлекать в науку талантливую молодёжь.

Желаю изданию дальнейших успехов, а читателям – самых ярких впечатлений.

Геннадий Яковлевич Красников

Президент Российской академии наук
Академик РАН

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Научному совету РАН по истории мировой культуры исполнилось в 2023 году 60 лет. С 1963 года он был одним из ярких явлений советской науки и культуры, в 2000-х затих и возродился вновь как Научный совет при президиуме РАН «История мировой культуры» в 2021 году. Ежегодник Совета «Памятники культуры. Новые открытия» пользовался заслуженной славой и любовью у специалистов и у читающей интеллигентной публики. Он перестал выходить в свет в 2006 году и сейчас возрождается этим томом, который вы держите в руках. Мы надеемся, что он будет достоин своего предка, связанного с именами академиков Н.И. Конрада, Д.С. Лихачева, Б.Б. Пиотровского, Б.В. Раушенбаха, Ю.А. Рыжова. И с памятью обаятельной и умело руководившей изданием Татьяны Борисовны Князевской.

Вечные вопросы культуры приобретают сегодня новую остроту. Ответ на этот вызов лежит в русле традиций классической культуры и науки. Мир охвачен эмоциями «культуры отмены» и пафосом новой фазы борьбы с «колониализмом». В этой атмосфере отмене подвергаются многие явления культуры: музеи, как «хранители краденного», деятели Просвещения, как «причастные» к работорговле. Повсюду идут протесты против апроприации (присвоения элементов чужой культуры), бушуют споры об атрибуции («война этикеток»: какому народу принадлежит тот или иной художник или писатель). От культурных учреждений требуют активного участия в сиюминутных политических повестках: от изменения климата до прав человека. Чуть ли не регулярно активисты нападают на музейные шедевры. Эти обострения пока не затрагивают основное тело мировой культуры, но явно претендуют на это.

С другой стороны, те глобальные изменения, которые происходят в мире, стремящемся к политической и культурной многополярности, в основе своей имеют и хотят иметь явления культуры. Мир видит основу перемен не в экономике и политике (база и оправдание «глобализма»), а в традиционных ценностях и исторической памяти – а это уже сфера культуры. При этом традиционные ценности и историческая память у всех разные и превратить интерес к ним в диалог и взаимодействие, вместо войн памяти, призваны, как живая культурная деятельность, так и изучение мировой культуры.

Почти неожиданно наш Научный совет с его Комиссиями по изучению культурного наследия Гёте, Достоевского, Лосева, Чехова, Шекспира, Пушкина, Гоголя и Комиссиям по культуре Просвещения, междисциплинарному исследованию художественной деятельности, социокультурным проблемам глобализации, комплексным проблемам изучения человека, культуры, общества; по культуре Ар-

тики и коренных малочисленных народов, геральдике и геральдическим знакам оказывается не просто актуальным, но и необходимым обществу. Научная академическая дискуссия должна быть альтернативой эмоциональным решениям и конфликтам. В этом большая гуманитарная миссия науки, этическое значение настоящего знания и его поиска.

Мир сегодня стремится к суверенности культур, этому, в частности, посвящены дискуссии Петербургского культурного форума. Проповедь суверенности эффективна и привлекательна, но она будет плодотворна только при понимании единства мировой культуры и взаимосвязанности ее суверенных частей. Эта связь, кроме всего прочего, гарантия их выживания в условиях кризисов, которых сегодня не меньше, чем вчера.

Это практическая сторона нашей работы, которая посвящена анализу общего и частного в мировой культуре и в мировых культурах, выявлению природы и механизмов связи между ними. Собственно, сравнительная культурология и есть один из таких механизмов, другой – музеи.

Сегодня наша конкретная программа – изучение образа России в мировой культуре и связи с ней и изучение места мировой культуры в культуре России. Этому посвящены наши конференции и круглые столы, где осязаемые памятники и люди составляют живую мозаику объединенных общими ценностями культур. Они рождают новое знание и создают атмосферу культурного единства, выходящую за пределы чистой науки и становящуюся или должную стать общим устроением.

В этом мире культурного диалога, где и так важно, чтобы эмоции были связаны с фактами и достоверными доказательствами, особое значение приобретает жанр нашего ежегодника. Он посвящен фактам, документам, новым открытиям – то есть тому, из чего реально состоит культура национальная и мировая. Пафос подлинности, магия открытия нового, внезапно высвеченного нового знания, заразительны и привлекательны. При этом наши открытия настоящие, а не публицистические, а сама система доказательств и полемики несет в себе особый эстетический и воспитательный заряд. Я очень надеюсь, что наши открытия будут радовать не только узких специалистов, но и уберегут читателей от увлечения псевдо-открытиями, каких сейчас много в том числе и в около культурных сферах.

Традиционно тематика сборника разнообразна по материалам, восходит к разным культурам и разным научным традициям. Все они наглядно показывают, из каких элементов складывается единая мировая культура: от греческих палимпсестов до записок Рас-

путина, от девизов Петровского времени до «константинопольского фарфора», от Петергофа до Пальмиры, от античных украшений до маскарадного кафтана князя Юсупова, от клада бумажных денег до монет Петра Первого на Соломоновых островах.

Приятно видеть, сколько нового таят в себе как бы давно известные вещи и тексты, как множатся способы извлечения нового знания, радующего нас и укрепляющего связь времен с нашими предками и потомками.

Искренне Ваш

Михаил Борисович

Михаил Борисович Пиотровский

председатель Научного совета при президиуме РАН

«История мировой культуры»

академик РАН и РАХ

генеральный директор Государственного Эрмитажа

председатель Объединенного совета по гуманитарным наукам

Санкт-Петербургского отделения РАН

Что за втреч² ты наш
руководитель бже.
сколько в жизни
пути тернистых.

ГРЕЧЕСКИЙ ПАЛИМПСЕСТ ГИМ, МУЗ. II, 12 – ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ ФРАГМЕНТ НОВОЗАВЕТНОГО ТЕКСТА IX В: ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКА

Е.В. Уханова, М.Н. Жижин, А.В. Андреев, А.А. Пойда

Изучение средневековых рукописей с помощью естественно-научных методов – одно из наиболее перспективных направлений современной медиевистики. Разные факторы на протяжении всего Средневековья привели к гибели огромного массива письменных памятников. Число сохранившихся на сегодняшний день древних кодексов невелико. Многие из них были повреждены – залиты водой, обгорели, их текст угас или был специально смыт, живописный слой миниатюр часто имеет большие утраты. Если учесть, что вероятность обнаружения в XXI в. новых средневековых рукописей близка к нулю, актуальность повышения информативности уже существующей источниковой базы исследования становится для медиевиста невероятно высокой. В этих условиях чрезвычайно востребованным является решение задачи визуализации невидимых глазу, но все еще существующих в кодексах угасших, стертых, осыпавшихся текстов, рисунков и миниатюр, невидимых водяных знаков бумаги. Именно для повышения информационной отдачи уже известных рукописных памятников на современном этапе появляются новые пути их исследования, связанные с использованием естественно-научных методов.

В последние два десятилетия эти методы в изучении древних артефактов вошли в практику ведущих европейских и американских научных институтов и музеев и стали одним из основных мировых трендов развития науки. Их набор не является стандартным, а их выбор в каждом конкретном проекте определяется разными факторами: возможностями сотрудничества владельцев (музеев, библиотек, коллекционеров) с естественно-научными институтами и доступной в них аппаратной базой, зависящими от конкретного памятника научными задачами, величиной бюджета. В российской науке необходимость конвергенции гуманитарных и естественных дисциплин сформулирована давно, однако применение новых методов в исследовании исторических памятников значительной степени ограничено техническими и финансовыми возможностями. По традиции эти методы используются при работе с археологическими находками, в сфере же изучения рукописного наследия подобная практика встречается пока крайне редко.

Сотрудничество Отдела рукописей Государственного исторического музея (ГИМ) и Института космических исследований (ИКИ) РАН началось в 2017 г., и к настоящему времени коллективом ученых разных специальностей были разработаны несколько направлений в изучении средневековых пергаменных и бумажных кодексов IX–XVI вв., когда применение естественно-научных неразрушающих методов и методик приводило к извлечению из них «скрытой» информации. [Уханова и др. 2018; Уханова и др. 2019; Уханова и др. 2021] Наиболее продуктивным стал для нас метод макро- и мультиспектральной съемки средневековых рукописей с последующей программной обработкой полученных цифровых снимков (методом CVA, «диффузной проявки», использованием нейронных сетей). Мультиспектральная научная фотография базируется на существовании разницы в отражении отдельных участков спектра световой волны разными по химическому и молекулярному составу пигментами, образующими цвет видимой глазом поверхности. Отличие химического состава различных пигментов, цвет которых может не различаться при дневном свете, проявляется при сравнении их спектральных профилей и фотолюминесценции в УФ-лучах. Заглянуть под поверхность страницы возможно с помощью ИК-лучей, глубина проникновения которых больше, чем у других спектров световой волны. Рельеф поверхности проявляется при сравнении изображений, полученных при разных углах освещения.

В Советском Союзе одним из пионеров в области специальной научной фотографии для восстановления угасших текстов был руководитель Лаборатории консервации и реставрации документов РАН Д.П. Эрастов [Эрастов 1958]. На рубеже 50-х и 60-х годов им были получены убедительные прочтения смытых надписей с применением ультрафиолетовых и инфракрасных источников света, светофильтров и специальных фотопленок [Гранстрем 1960]. Произошедший в начале 2000-х годов переход с пленочной к цифровой фотографии наряду с изобретением узкополосных светодиодных источников света и стремительным ростом вычислительных ресурсов и математических алгоритмов для обработки изображений позволил существенно расширить, удешевить и ускорить возможности для научной реконструкции смытых надписей.

Наиболее масштабным в этой области стал проект по прочтению Палимпсеста Архимеда, реализованный в 1999–2010 гг. в университетах Рочестера и Джона Хопкинса США под руководством директора по стратегии Национального агентства военно-космической разведки США М. Тофа (M. Toth). Палимпсесты – редкий тип памятников, представляющий собой пергаменные листы кодекса, которые использовали для письма дважды: первоначальный, как правило, древний текст тщательно смывался перед нанесением поверх него нового. Происходящий из библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае Палимпсест Архимеда был куплен анонимом в 1998 г. на аукционе Сотбис за 4 млн долларов. Этот же анонимный технократ (вероятно, владелец компании «Амазон» Д. Безос [Hirshfeld 2009. P. 187]) профинансировал многолетнюю работу по консервации и прочтению уникального памятника, в ходе которой были разработаны технологии мультиспектральной цифровой макро-фотосъемки в рассе-

янным и угловым (racking) свете, включая невидимые глазу ультрафиолетовый и инфракрасный диапазоны, а также алгоритмы обработки изображений для распознавания следов смытого греческого текста [The Archimedes Palimpsest 2011]. Феноменальный успех в прочтении Палимпсеста Архимеда дал начало широкому внедрению методов мультиспектральной фотографии для распознавания угасших текстов. Они использовались в 2018–2022 гг. при оцифровке и обработке более тысячи манускриптов из монастыря св. Екатерины на Синае [<https://sinaimanuscripts.library.ucla.edu/>]. В США и Европе появились академические [Gau et al. 2009; Hollaus et al. 2015; Lettner et al. 2008] и коммерческие [<https://rbtoth.com/spectral-imaging--partners.html>, <https://chsopensource.org/multispectral-imaging-system/>] проекты по визуализации угасших текстов в древних рукописях. В России цифровую мультиспектральную макрофотографию для исследования фресковой живописи впервые использовали ГосНИИР (Н.Г. Брегман) и Институт космических исследований РАН (М.Н. Жижин, А.В. Андреев, А.В. Говоров) в 2007 г. в совместной работе по консервации фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре [Жижин и др. 2018]. Начиная с 2017 г., эта технология используется для изучения пергаменных рукописей в Государственном историческом музее.

Успех новых методов выявления угасших текстов опирается на сочетание нескольких физических эффектов на поверхности исследуемого памятника письменности, которые зависят от направленности и длины волны падающего освещения. В направленности освещения можно выделить два основных типа – рассеянное бестеневое и угловое (racking), т.е. идущее по касательной к поверхности для повышения теневого контраста на микрофотографии (складках, царапинах) поверхности листа. Бестеневое освещение используют чаще всего для удаления теней от обычного коробления пергаменных листов и напрямую не связано со способом нанесения букв. В этом случае текст на фотографии выглядит одинаково контрастно на выпуклых и вогнутых участках поверхности листа. Напротив, при исследовании рельефа – в тиснении на коже или продавленного текста (пером на листе, стилосом на бересте) – угловое освещение позволяет повысить контраст и, следовательно, читаемость надписи с помощью дополнительных теней в местах, где сохранились его следы. Например, с помощью углового освещения удалось восстановить единственный прижизненный портрет царя Ивана Грозного, вытисненный на коже переплета подносного экземпляра первопечатного «Апостола» Ивана Федорова, хранящегося в Отделе рукописей ГИМ [Уханова и др. 2019].

Изменение длины волны освещения, падающего на поверхность листа, позволяет улучшить контрастность и читаемость угасшего текста с помощью как минимум трех физических эффектов: выборочного поглощения падающего света на определенных длинах волн в тех местах, где сохранились следы чернил; расширением глубины проникновения света внутрь листа с увеличением длины падающего света; люминесценции биологического материала листа (папируса, пергамена, бумаги) под воздействием ультрафиолета. В разные периоды в древних рукописях использовались два типа чернил: железо-галловые и

сажевые. Черная сажа хорошо поглощает свет во всем диапазоне длин волн, от ультрафиолета до инфракрасного, тогда как коэффициент поглощения для железо-галловые чернил существенно снижается в ближней инфракрасной области (длина волны 700 нм и более) [Havermans 2003; Gál 2013]. Поэтому сажевые чернила выглядят одинаково контрастно при любом освещении, тогда как железо-галловые «тускнеют» в ИК-лучах. Глубина проникновения освещения вглубь листа пропорциональна длине волны. Поэтому считается, что инфракрасный свет с длиной волны 900-1000 нм «собирает» и усредняет отраженный сигнал в слое под поверхностью листа толщиной в несколько микрон, тогда как ультрафиолетовый свет с длиной волны 360-380 нм отражается непосредственно с поверхности. В этой связи использование инфракрасного света позволяет заглянуть под непрозрачные для видимого света слои масла, лака или воска, которые иногда скрывают под собой надписи.

Освещенные невидимым для глаза ультрафиолетовым светом бумага и пергамен становятся видимыми в темноте за счет эффекта люминесценции. Люминесценция означает способность материалов излучать световые волны («светиться» другим цветом) под воздействием возбуждающего света или другого излучения. Возбужденный светом материал начинает излучать «собственный» свет с большей длиной волны, чем длина волны возбуждения. Наиболее сильным возбудителем люминесценции является ультрафиолет. Бумага и пергамен светится (флюоресцирует) в голубых тонах, железо-галловые и сажевые чернила, напротив, поглощают ультрафиолет. [Measday 2017] Поэтому при работе с текстом использование УФ-лучей позволяет поднять яркость фона относительно чернил (увеличить контраст), выявить в них определенные пигменты, для которых заранее известны длина волны возбуждения, а также цвета и яркость люминесценции. В палимпсестах остатки чернил на поверхности пергамента не дают ему в этих местах флюоресцировать, что позволяет нам отделить их от фона.

Важным этапом в использовании мультиспектрального метода является компьютерная обработка полученных снимков специальными программами. Выбор математического алгоритма определяется степенью сохранности чернильных строк. Простейший случай: когда смытый или угасший текст хорошо виден в ультрафиолете, можно использовать технику «псевдоцвета». Для этого один из трех цветовых каналов цифрового изображения листа в белом свете (напр., зеленый), заменяют черно-белым изображением этого же листа в ультрафиолете. При этом важно, чтобы области видимости (масштаб и размеры) видимого и УФ изображений совпадали. Предварительно надо совместить средние яркости фона (пергамента без текста) на видимом и УФ изображении. В результате, на полученном таким методом псевдоцветном изображении цвет пергамента останется без изменений, вторичный непрозрачно-черный текст станет фиолетовым, а смытый текст «проявится» в зеленом цвете. Большинство страниц из Палимпсеста Архимеда было прочитано именно этим способом [Easton 2003].

В рамках совместного проекта ОР ГИМ и ИКИ РАН была создана научная лаборатория по использованию естественно-научных методов в исследовании рукописей и разработана технология их мультиспектральной съемки. Одной из ос-

новных задач проекта стала визуализация загрязненных и угасших текстов. Для их прочтения была применена мультиспектральная съемка с последующей программной обработкой полученных изображений методом CVA. Использовалась серийная качественная камера Canon, модифицированная для увеличения чувствительности ее сенсора ко всем диапазонам спектра. Применение при съемке современной, намного более чувствительной человеческого глаза оптики (объективов) позволяет различать мельчайшие детали угасших текстов и изображений. Важной деталью созданного для мультиспектральной съемки фотостенда стали 6 узкополосных мощных светодиодов (100 Вт), обеспечивающих в отличие от обычных УФ- и ИК-ламп или фильтров строго заданную световую волну. Одной из важнейших составляющих применяемого метода является программная обработка полученных данных в программном пакете Матлаб. Выбранный нами метод обладает особенно важным достоинством – необходимое для работы оборудование бюджетно и мобильно. Это делает его одним из немногих доступных естественнонаучных методов в условиях работы в фондохранилище Музея.

Работа над визуализацией одного из палимпсестов Исторического музея уже завершена. Речь идет об отрывке из двух пергаменных листов (бифолия) с греческим палимпсестом (ГИМ, Муз. II, 12). В инвентарных книгах он атрибутирован по верхнему тексту и числится как греческое Евангелие апракос XII в. (атрибуция и датировка – Б.Л. Фонкича). Памятник написан минускулом в 2 столбца, число строк – 21, буквы располагаются под линией разлиновки (т.н. «висящая строка»). На линии разлиновки между строками минускула в отдельных местах просматриваются остатки первоначального унциального текста. Происхождение палимпсеста неизвестно: он числится как предмет из старых поступлений, выявленный в процессе сверки фонда Отдела рукописей и занесенный в инвентарь в 2011 г.

При его научной мультиспектральной фотосъемке был использован ультрафиолет (370–390 нм), обеспечивающий контраст между остатками чернил нижнего текста и фоновой люминесценцией пергамена, белый свет (обзорная фотография) и ближний инфракрасный (800–900 нм), обеспечивающий контраст между железо-галловыми и сажевыми чернилами. Фотосъемка велась при бестеневом рассеянном освещении с переключением светодиодных источников ультрафиолетового, белого и инфракрасного излучения, свет от которых был направлен не на листы палимпсеста, а от них, и затем рассеивался во всех направлениях на сторонах белого фотобокса, внутри которого располагался памятник. Выбор программы для последующей обработки полученных цифровых копий был определен высокой степенью смыски первоначального текста, что не позволило прочесть его методом псевдоцвета. Поэтому был применен более сложный метод, называемый каноническим вариативным анализом (canonical variates analysis, CVA). В статистической литературе также используется другое название для этого метода: линейный дискриминантный анализ (LDA). Его идея была предложена Р. Фишером в 1936 г. [Fisher 1936] и обобщена для нескольких классов К.Р. Рао [Rao 1948] и А.А. Любичевым [Lubischew 1962]. Метод CVA впервые был использован для прочтения Палимпсеста Галена [Naima A. et al. 2018]. При сравнении с другими известными алгоритмами

визуализации смытых текстов группа независимых экспертов поставила результаты прочтения этим методом на первое место.

Для использования метода CVA специально для этого проекта была создана программа «Palimpsest», написанная на языке программирования MatLab (авторы М.Н. Жижин, А.А. Пойда). Суть обработки сводится в применении машинного обучения для преобразования цветовых координат так, чтобы максимизировать разницу вариаций между группами по отношению к вариациям внутри групп. После попиксельного совмещения (корегистрации) трех изображений из них составляется псевдоцветное изображение, на котором уже видны отдельные фрагменты смытого текста. Пользователь программы вручную расставляет на нем метки классов фон – верхний текст – нижний текст. Для успешного прочтения необходимо выделить по 10–20 пикселей каждого класса. Используя этот материал обучения, алгоритм CVA позволяет в большинстве случаев существенно улучшить читаемость смытого текста на псевдоцветном изображении на выходе программы. На заключительном этапе обработки в каждой из трех цветовых координатных осей, полученных с помощью CVA, производится полуавтоматическая эквализация гистограммы яркости. Дальнейшие доработки программы сведены к добавлению возможностей сохранения всех промежуточных результатов и настроек (провенанс), переноса дообучения с добавлением новых пикселей из каждого класса и использования уже обученной программы для обработки следующих страниц.

[Илл. 1, 2] В результате применения описанного метода был практически полностью визуализирован смытый нижний греческий текст палимпсеста ГИМ, Муз. II, 12. Палеографический анализ показал, что он был написан заостренным наклонным дуктом унциала (*maiuscola ogivale inclinata*), который использовался в греческих рукописях в IX – первой четверти X в. Более узкая датировка этого памятника была бы возможна с учетом данных о надстрочных знаках (диакритике). Как убедительно показал Б.Л. Фонкич, система знаков ударения и придыхания, обязательная для греческих рукописей вплоть до второй половины XX в., складывается в минускульном письме студийских кодексов в последней четверти VIII – первой четверти IX в. [Фонкич 1999. С. 30] До этого диакритические знаки в рукописях встречаются нечасто и нерегулярно, вскоре после этого рукописи без диакритических знаков практически не создаются. К этому важнейшему для датировки выводу добавим лишь два наших наблюдения. Во-первых, это правило, вероятно, распространялось прежде всего на основной текст, тогда как для «обслуживающих» его почерках схолий, комментариев, записей требования к постановке диакритики были не обязательными еще несколько десятилетий. Во-вторых, распространение этого правила на унциальные почерки также затянулось, вероятно, немного дольше. Регулярная постановка диакритических знаков не случайно возникла одновременно с формированием минускула. Она была призвана, на наш взгляд, маркировать начало и границы слов, слитых в единую массу в связанном минускуле. Унциальный текст намного более прозрачен для словоделения. Поэтому повсеместное распространение регулярной системы диакритики в унциале было связано не столько с объективными потребностями письма, сколько, вероятно, с новыми

правилами пунктуации в целом, распространившимися повсеместно лишь по прошествии некоторого времени. Учитывая то обстоятельство, что складывание регулярной системы диакритики завершается в минускуле к концу первой четверти IX в, можно предполагать ее повсеместное распространение в унциальных рукописях к 850–860-м гг. [Уханова 2007. С. 27–28]

В нашем случае можно констатировать наличие в нижнем тексте палимпсеста диакритики. Знаки ударения и придыхания, вероятно, не различались, поскольку при наличии ударения и придыхания над начальной гласной виден один знак – точка. Кроме нее существует знаки в виде «острого» ударения и короткого прямого титла, которые также могут обозначать любой из трех видов ударения. Помимо этого обычно в начале стиха или фразы можно встретить знак в виде длинной тонкой косой черты, который может иметь просодическое или экфонетическое значение. Проведенная визуализация, к сожалению, не позволяет различить степень регулярности употребления диакритических знаков: над рядом слов они не видны, равно как и невозможно определить оттенок чернил, которым они выполнены. Известны случаи, когда они могли быть внесены в древнюю рукопись позднее. Судя по недостаточной развитости системы обозначения знаков ударения и придыхания, а также по их нерегулярному употреблению на чистом верхнем поле над первой строкой текста, можно предполагать, что развитой регулярной системой диакритики писец не обладал. Это позволяет предположить, что рукопись датируется первой половиной IX в. В любом случае, использованный писцом заостренный дукт унциала (*maiuscola ogivale inclinata*) совершенно определенно указывает на создание нижнего слоя палимпсеста в IX в.

В результате проделанной работы стала возможной и его атрибуция, а также практически полное прочтение текста, сохранившегося на двух листах. Им оказался фрагмент греческого унциального Лекционария – праздничного Евангелия, текст которого составлен из фрагментов (перикоп) в порядке их чтения на богослужении в течение церковного года. Лекционарий, из которого происходит нижний текст палимпсеста, содержал чтения для суббот и воскресений в период от Пятидесятницы до конца Великого поста, поэтому он мог принадлежать к наиболее распространенной группе *lesk* (греч. σαββατικακιακα «суббото-воскресные»; в русской традиции соответствует краткому апракос), или более редкой группе *lsk* – с чтениями для суббот и воскресений в период от Пасхи до Страстной недели (в русской традиции это сверхкраткий апракос). Происхождение Лекционария связывают с Константинополем конца VII в., а после 1204 г. он постепенно вытесняется иерусалимской практикой использования полных списков Евангелия. [Алексеев 2008. С. 120–139]

Мы определили, что наш фрагмент содержит перикопы для 9-й недели и 10-й субботы по Пятидесятнице и 12-й субботы и недели по Пятидесятнице. После визуализации оказалось, что имеющийся в нашем распоряжении пергаменный бифолий (большой лист, который был согнут в тетради пополам и образовал 2 листа для письма) в дошедшем до нас виде сложен неправильно. Согласно разметке текста, листы должны идти в следующей последовательности: 2r, 2v, 1r, 1v. На л. 2r–2v находятся перикопы для 9-го воскресения и 10-й субботы по Пятидесятнице. Это фрагменты Евангелия от Матфея, гл. 14:32–

34, гл. 17:24-27, гл. 18:1-4. На л. 1–1v – перикопы 12-й субботы и воскресения по Пятидесятнице. Это Евангелие от Матфея, гл. 20:30, 32-34, гл. 19:16-23. Из сохранившихся в мире на сегодняшний день 318 древнейших рукописей и их фрагментов IV–X вв. с библейскими текстами, только 49 содержат данный текст. Наш памятник стал 50-м унциальным памятником данных глав Евангелия от Матфея, что делает его редким образцом фрагмента новозаветного текста древнейшего периода. Необходимо отметить, что он имеет разночтения по отношению к греческому каноническому (современному) тексту Евангелия от Матфея (особенно в главе 19:6–23). Это ставит новую задачу поиска в будущем аналогичного списка среди древнейших унциальных кодексов.

Текстология Нового Завета имеет длительную историю. Уже Эразм Роттердамский в 1516 г. выпустил первое печатное издание греческого Нового Завета с использованием нескольких рукописей. В основу классификации списков Нового Завета легла система обозначения рукописей, впервые примененная Иоанном Веттштейном в 1751 г. и Константином Тишендорфом (1869–1872): знаменитый Синайский кодекс IV в. обозначен еврейской буквой «алеф», следующие важные ранние манускрипты – заглавными буквами латинского алфавита и греческого алфавита. Всего 45 кодексов имеют буквенные обозначения. Поскольку реальное число маюскульных кодексов больше, Каспар Грегори изменил систему шифров и обозначил маюскулы арабскими номерами с прибавлением перед ними нуля. Современная каталогизация греческих новозаветных рукописей, была в целом, закончена Т. Нестле и К. Аландом в 26-м издании «*Novum Testamentum Graece*» [Nestle, Aland 1979], выдержавшей затем множество дополненных переизданий. При научно-критической публикации новозаветного текста они зафиксировали 10 тыс. основных текстологических узлов разночтений, используя для коллажей несколько десятков авторитетных списков. [Алексеев 2012] Существуют и альтернативные классификации и издания новозаветных списков, однако мы будем ориентироваться на общепринятую классификацию Нестле–Аланда [Aland 1963; Aland, Aland 1989] Общее количество новозаветных рукописей III–XVII вв. на сегодняшний день включает 136 папирусов, около 286 унциальных рукописей (маюскулов), около 2632 минускульных, а также более 2560 списков Лекционария. [<https://ntvmr.uni-muenster.de/catalog?docID=700004>] Мы сообщили сведения о нашем новонайденном маюскуле в Институт текстологических исследований Нового Завета (Institut für Neutestamentliche Textforschung, INTF), ведущему учет этих памятников, где ему присвоили ID номер L2522.

Ранние Лекционарии выделяются из общего числа маюскульных списков в отдельную группу, несмотря на общность с Четвероевангелиями особенностей текста, датировки, почерка, происхождения, разночтений. Считается, что возникновение этой особой книги евангельских чтений для богослужения относится к концу VII в. к Константинополю. Основные, наиболее авторитетные, списки Четвероевангелия разделены К. Аландом на 5 текстологических групп в зависимости от их гипотетической региональной семьи. I группа отражает Александрийский тип текста, II-я – Александрийский с византийским влиянием, III группа – рукописи с большой византийской составляющей, но и значительным

количеством невизантийских чтений (кесарийский текст»), IV группа отражает западный тип текста, V – византийский. Сравнение узлов разночтений, выделенных Аландом, а также самостоятельное сравнение текста нашего палимпсеста с наиболее важными списками греческих унциальных Четвероевангелий показывает, что в сохранившиеся в Муз.П, 12 чтения от Матфея она отражают практически все, даже неучтенные у Аланда, незначительные вариации текстов двух древнейших унциальных манускриптов W (032) – Вашингтонского кодекса (V в.) и C (04) – Кодекса Ефрема (V в.). [<https://bible.by/verse-gr/40/14/32/>]

Нужно отметить, что с классификацией евангельских текстов в ранних памятниках не все линейно: часть из них может отражать контаминацию нескольких традиций. Так, например, в Вашингтонском кодексе, относящемся к III группе, разделяют: византийский тип текста – Матф. 1-28; Лука 8,13–24,53, западный тип текста – Марк 1,1–5,30; кесарийский тип текста – Марк 5,31–16,20; александрийский тип текста – Лука 1,1–8,12, Иоанн 5,12–21,25; смешанный тип текста (александрийский с западным) – Иоанн 1,1–5,11. Текстологическая характеристика Ефремова кодекса (II) также представляет собой нелёгкую задачу. Как это часто бывало, переписчик Нового Завета в качестве антиграфов пользовался сразу несколькими рукописями, принадлежащими к разным типам новозаветного текста. В результате текст Ефремова кодекса в разных местах обнаруживает признаки разных типов, прежде всего александрийского и византийского. Таким образом, классификация Аландом новозаветных списков не может быть признана оптимальной. В рамках тех чтений, которые отражены в нашем палимпсесте, текст следует с учетом самых небольших нюансов двум ранним унциальным рукописям из разных текстологических групп. Правильнее всего отнести его к «византийской», V-й, группе, нашедшей отражение в рассматриваемых нами всех трех списках.

Ниже приводится компьютерный набор визуализированного и прочитанного текста с сохранением расположения текста на листе в два столбца*.

9-е воскресение по Пятидесятнице, Евангелие от Матфея (137–139), гл. 14:32–34, 10-я суббота по Пятидесятнице, Евангелие от Матфея (177, 178), гл. 17:24–27, 18:1–4

л. 2г

1. 14:32...αὐτῶν εἰς τὸ
πλοῖον . ἐκοπα-
σεν ὁ ἀνεμὸς .
14:33 Οἱ δὲ ἐν τῷ πλοί-
5. ω . ἐλθόντες
προσεκύνησαν

λεῖ τα διδρα-
χμα . 17:25 λέγει ναί .
καὶ ὅτε εἰσῆλθεν
εἰς τὴν οἰκίαν .
προεφθασεν
αὐτὸν ὁ Ἰ(ησοῦ)ς λέγων .

*В круглых скобках приводится восполнение букв, сокращенных под титлами, в квадратных скобках – реконструкция плохо видимых букв. Одинаково обозначенные разные виды ударения даются согласно современным правилам, обозначение в рукописи одним значком одновременно ударения и придыхания над одной гласной так же передается одним знаком.

<p>αυτω + λεγον-
τες . αληθῶς
θ(εο)υ υ(ιο)ς ει + 14:34 και</p> <p>10. Διαπερασαντες
ήλθον . εις την
γην Γενησαρέθ +
ἔν . κατ(α) Ματ(θ)α(ίος). κε(φάλαιο). ρθζ
17:24 Τω καιρω εκεί-</p> <p>15. νω . προσηλθον
οι τα διδραχ-
μα λαμβανον-
τες τω Πετρω
και ειπον . ο
20. διδ[ασ]καλος υ-
μων . ου τε-</p> | <p>Τι σοι δοκεί Σιμων .
οι βασιλεῖς της
γης . απο τίνων
λαμβάνουσιν
τέλη . ή κην-
σον + απο των
υιων αυτῶν
ή απο των αλ-
λοτριων . 17:26 λε-
Γει αυτω ο [Ρ]ε-
τρος + απο των
αλλοτριων
[ε]φη [α]υτω ο Ι(ησου)ς
αρα γ[ε] ελεθ[ε]-
ροι εισιν ο[ι υιοι]</p> |
|---|--|
-
- π. 2v
<p>1. 17:27 ἵνα δε μη σκαν-
δαλήσωμεν
αυτους . πορευ-
θεις εις τήν</p> <p>5. θαλασσαν βα-
λε άγκιστρον +
και τον ανα-
[β]άινοντα πρώ-
τον ἱχθὺν άρον .</p> <p>10. Και ανοιξας το
στόμα αὐτοῦ
ἔυρησεις στα-
τηρα . εκείνον
λαβὼν δος</p> <p>15. αυτοῖς άντι
ἐμου και σου .
18:1 Ἐν εκεινη τη
ωρα . προσηλ-
θον οι μαθη-
ται τω Ι(ησο)υ λέ-
γοντες + τις</p> | <p>ἀρα μήζων
[ε]στίν . ἐν τη
βασιλεία τῶν
οὐ(ρα)νῶν + 18:2 κάι
Προσκαλεσα̃με-
νος ο Ι(ησου)ς παιδί-
ον . ἐστη[σεν]
αὐτο εν μεσω .
αυτων 18:3 και
εἶπεν + αμῆν .
Λεγω υμῖν + ἐ-
αν μη στρα-
φ[η]τε και γέ-
νησθε ὡς τα
παι[δ]εα . οὐ μή
[ει]σελθεται εις
την βασιλεί-
αν των οὐ-
ρανω[v] + 18:4 ὅς-
Τις ου[v] ταπει-
νώσει . ἑαυτον</p> |
|--|--|

12-я суббота по Пятидесятнице, Евангелие от Матфея (205),
гл. 20:30, 32-34, 12-е воскресение по Пятидесятнице,
Евангелие от Матфея (193–195), гл. 19:16-23

л. 1r

1. 20:30 [λε]γοντες . ἔλέη-
σον ἡμας κ(υρι)ε ὕ(ιο)ς
Δα(υι)δ + 20:32 καὶ στας
Ὁ Ι(ησου)ς . ἐφώνησεν
5. αὐτοὺς και
εἶπεν + τι θε-
λετε . ποιησω
ὕμῃν + 20:33 λεγου-
σιν αὐτῷ +
10. κ(υρι)ε ἵνα ανοι-
χθῶσιν η-
μῶν οἱ οφ-
θαλμοι +
20:34 Σπλαγχνησ-
15. θεις δε ὁ Ι(ησου)ς . ἡ-
ψατο τῶν
οφθαλμῶν
αὐτῶν . και
ευθεως ανε-
20. βλεψαν αυ-
τῶν οἱ οφ- | θαλμοι . και
ηκολουθη-
σαν αὐτῷ +
ευγ . κατ(α) Ματθ(αιος). κε(φαλιο) . ρξγ̃ .
19:16 Ὡ καίρω ε-
κεῖνω . νεα-
νισκος τις .
προσηλθεν
τῷ Ι(ησουσο)υ. γονυ-
πετῶν αὐτό
και λέγων +
διδασκαλε
ἀγαθε . τι α-
γαθὸν ποιη-
σω . ἵνα εχω
ζωην αιωνι-
ον + 19:17 ὁ δε εἶπεν
Αὐτῷ + τί με
λεγεις αγαθο[v] +
οὐδεις αγαθός .
εἰ μι εἰς ὁ θε(ο)ς + εἰ |
|---|--|

л. 1v

1. δε θελεις ελθει
εις την ζωνη
τηρησον τὰς
εντολας + 19:18 λε-
5. γει αυτω + ποί-
ας . ο δε Ι(ησου)ς εἶπεν +
το ου φονευ-
σεις*. οὐ κλεψεις
ου ψευδομαρ-
10. τυρησεις + 19:19 τι-
Μα τον π(ατε)ρα . κ(αι)
την μι(ητε)ρα . κ(αι) | ετι ὕστερω +
19:21 Εφη αὐτῷ ο Ι(ησου)ς +
ει θελεις τελει-
ος ειναι . υπα-
γε . πωλησον
σου τα ὑπαρχον-
τα . και δος
πτωχοῖς κ(αι)
ἐξεις θησαυ-
ρον εν ου(ρα)νῳ̃ .
και δευρω α-
κολουθει μοι + |
|---|--|

αγαπησεις το(ν)	19:22 Ακουσας δε ο νε-
πλησιων σου	ανισκος τον
15. ως σεαυτον +	λογον + ἀπλ-
19:20 Λεγει αυτω ο	θεν λυπούμε-
ν[ε]ανισκος +	νος . ἦν γ[αρ] ἐ-
παντα ταυ-	χων + κτη-
τα . εφυλαξα-	ματ[α πο]λλα +
20. μην εκ νεοτη-	19:23 Ὁ δε Ι(ησου)ς [ε]ιπεν
τος μου + τι	τοῖς μαθ[ηται]ς

* На поле вставка рукой писца ου
μοιτευσεις

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.А. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб., 2008.

Алексеев А.А. Текстология Нового Завета и издание Нестле-Аланда. СПб., 2012.

Гранстрем Е.Э. Палимпсесты Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Византийский временник. Т. 17. 1960. С.72–84.

Жижин М.Н., Брегман Н.Г., Андреев А.В., Говоров А.В., Пойда А.А., Поляков А.Н., Ильин В.А. К выявлению угасших и утраченных текстов в древнерусской живописи методом цифровой мультиспектральной фотографии // Сохранение культурного наследия. Исследования и реставрация (= Preservation of Cultural Heritage. Research and Restoration). Материалы II межд. конференции в рамках V международного культурного форума. Санкт-Петербург, 1–3 декабря 2016 г. СПб., 2018. с. 75–84.

Уханова Е.В. Византийский унциал и славянский устав. Проблемы источников и эволюции. // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М., 2007. С. 19-88.

Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В., Пойда А.А. Естественнонаучные и традиционные методы в исследовании Хлудовского глаголического палимпсеста XI в. (ГИМ, Хлуд. 117): предварительные результаты // Studi Slavistici. 2018. Вып. 2 (XV). С. 5–38.

Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В., Пойда А.А., Ильин В.А. Прижизненный портрет Ивана Грозного: визуализация угасшего памятника естественно-научными методами // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 13–29.

Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В. Новые естественно-научные методы в визуализации утрат средневековых рукописей: миниатюры Хлудовской Псалтири середины IX в. (ГИМ, Хлуд. 129д) // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 11. СПб., 2021. С. 244–255.

Фонкич Б.Л. У истоков студийского минускула // Фонкич Б.Л. Греческие рукописи европейских собраний: Палеографические и кодикологические исследования 1988-1998 гг. М., 1999.

Эрастов Д.П. Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М., 1958.

Aland K., Aland B. Der Text des Neues Testaments: Einführung in die wissenschaftlichen Ausgaben sowie Theorie und Praxis der modernen Textkritik. Stuttgart, 1989.

The Archimedes Palimpsest // Ed. Netz R., Noel W., Wilson N., Tchernetska N. Vol. 1. Catalogue and Commentary; Vol. 2. Images and Transcriptions. Cambridge University Press, 2011.

Easton R.L., Knox K.T., Christens-Barry W.A. Multispectral imaging of the Archimedes palimpsest // 32nd Applied Imagery Pattern Recognition Workshop, 2003. Proceedings., Washington, 2003. P. 111-116.

Fisher R.A. The Use of multiple measurements in taxonomic problems // Annals of Eugenics. 1936. 7 (2). P. 179-188.

Gál L., Čeppan, M., Reháková, M., Dvonka, V., Tarajčáková, J., & Hanus, J. Chemometric tool for identification of iron-gall inks by use of visible-near infrared fibre optic reflection spectroscopy. Analytical and bioanalytical chemistry. 2013, November. 405(28), 9085-9091.

Gau M., Vill M., Kleber F., Diem M., Miklas H., Sablatnig R. A Toolbox for manuscript analysis // Proc of Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA'09): Making History Interactive. 2009. Havermans J, Abdul Aziz H, Scholten H. Non destructive detection of iron gall inks by means of multispectral imaging (Part 2) // Restaurator 24, 2003. P 88-94.

Hirshfeld A.W. Eureka Man: The Life and Legacy of Archimedes. NY., Walker & Co, 2009.

Hollaus F., Gau M., Sablatnig R., Christens-Barry W.A., Miklas H. Readability Enhancement and Palimpsest Decipherment of Historical Manuscripts // Kodikologie und Paläographie im digitalen Zeitalter 3 (=Schriften des Instituts für Dokumentologie und Editorik – Band 10) / Herausgegeben von Duntze O., Schaßan T., Vogeler G. Norderstedt, 2015. S. 31-46.

Lettner M., Diem M., Sablatnig R., Miklas H. Registration and enhancing of multispectral manuscript images // 16th European Signal Processing Conference (EUSIPCO 2008), Lausanne, Switzerland, August 25-29, 2008.

Lubischew A.A. On the Use of Discriminant Functions in Taxonomy // Biometrics. Vol. 18. N. 4. 1962, December. P. 455-477.

Measday D., Walker Ch., Pemberton B. A summary of ultra-violet fluorescent materials relevant to conservation // AICCM National Newsletter. N 137. March 2017.

Naima A., Bhayro S., Pormann P.E., Sellers W.I., Smelova N. Analyzing Images, Editing Texts: The Manchester Project // Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies. Vol. 3. N 1. 2018. P. 155-185.

Nestle T., Aland K. Novum Testamentum Graece. Stuttgart, 1979.

Rao R.C. The utilization of multiple measurements in problems of biological classification // Journal of the Royal Statistical Society. 1948. Series B. 10(2). P. 159–203.

<https://chsource.org/multispectral-imaging-system/>

<https://rbtoth.com/spectral-imaging--partners.html>

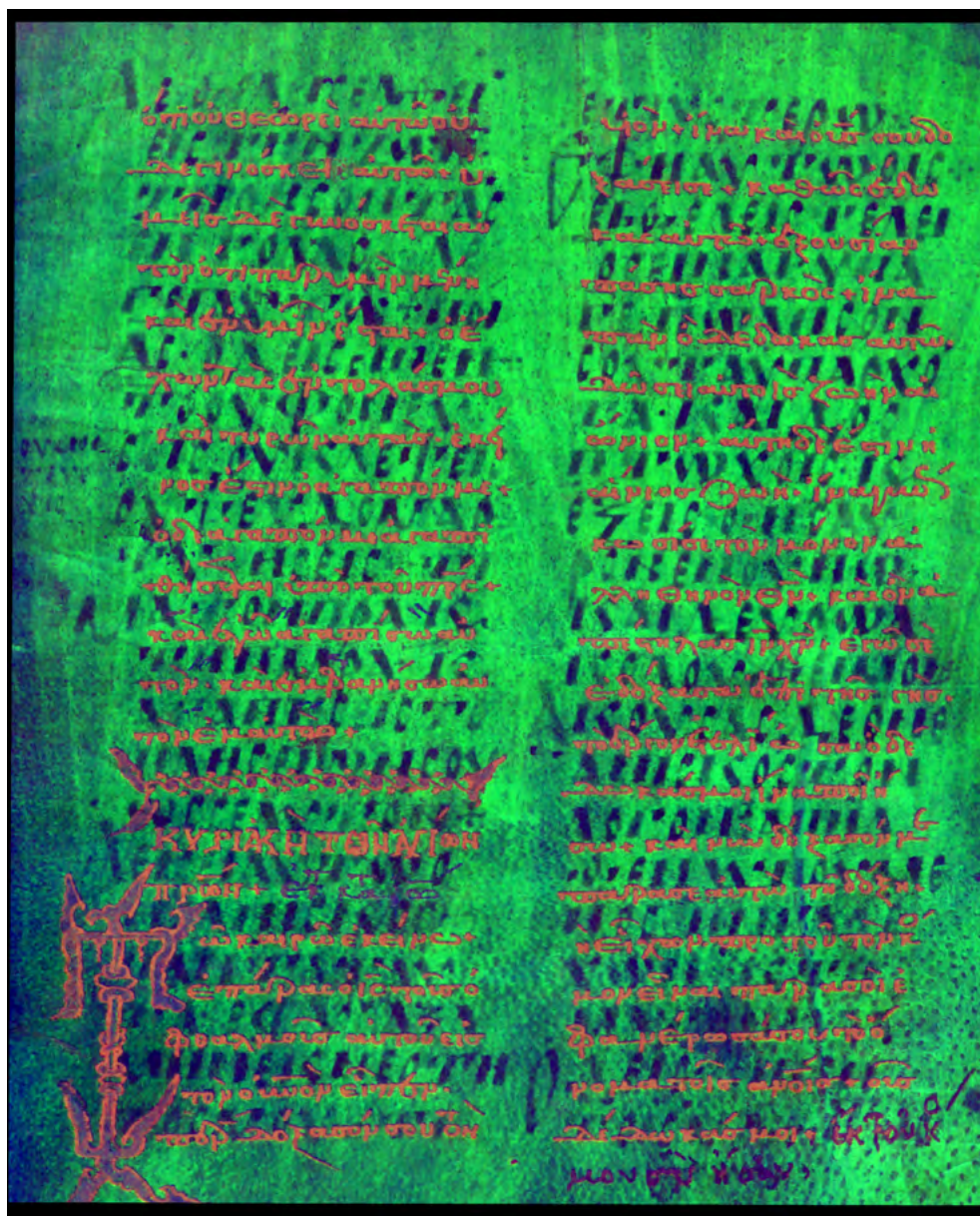
<https://sinaimanuscripts.library.ucla.edu/>

<https://ntvmr.uni-muenster.de/catalog?docID=700004>

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. ГИМ, Муз. II, 12. Отрывок греческого Лекционария XII в. Л. 1v. Съемка в белом свете

Илл. 2. ГИМ, Муз. II, 12. Отрывок греческого Лекционария XII в. Л. 1v. Визуализация нижнего текста палимпсеста – Лекционария IX в. – методом мультиспектральной съемки с последующей программной обработкой методом CVA

ДЕВИЗЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Л.А. Черная

В Архиве древних актов хранятся материалы из Кабинета Петра Великого. Среди них есть описания наградных и памятных орденов, медалей и старинных монет из Кабинета Петра Великого, а также из хранилища Академии наук, составленные в 1742 году¹. Эти две описи фиксируют не только изображения на аверсе и реверсе орденов и медалей, но и девизы на них. Так, на золотой медали, на аверсе которой находился погрудный портрет Петра Великого, на реверсе была помещена надпись на латыни «Что далее идет, то больше становится». Подобный девиз был на медали 1717 г., известной в Париже во время второго путешествия царя по Европе. Правда, вместо слов «больше становится», на ней были слова «...сильнее становится». Можно предположить, что этот девиз в первом и втором вариантах подразумевал преобразование России в империю и был одним из самых любимых девизов Петра Великого.

На серебряной медали, хранившейся в Академии наук, судя по описанию, был «полной портрет его величества в лавровом венцу и в воинском одеянии с положенною вокруг подписью: «Петр Алексеевич повелитель Московской пригноприраститель». На другой стороне этой медали читался девиз: «Молниями и волнами победитель». Внизу была выбита дата «1696»². В 1698 г. после возвращения из Великого посольства Петр выпустил медаль в честь «второго посла» Ф.А.Головина: на аверсе профиль генерала, на реверсе лев с мечом, поверх которого помещен девиз фамильного герба Головина: «Et consilio et robore» («И советом и мужеством»).

После взятия Нотебурга в 1702 г. была отлита медаль, на аверсе которой была надпись на латыни «Петр Алексеевич император Российский и великий князь Московский». На реверсе данной медали была изображена богиня войны Паллада в латах и шишаке, держащая в правой руке ключ, а в левой копье, и сидящая на разрушенных стенах двух крепостей с подписью по латыни: «Не может великим противиться»³. Как известно, на другой золотой медали, сохранившейся на Монетном дворе и выпущенной также по случаю взятия «охотниками» (т.е. добровольцами) Нотебурга, имелась и иная надпись: «Был у неприятеля 90 лет, взят 1702 октября 21».

В том же 1702 г. была выпущена еще одна медаль с портретом Петра Великого в воинском одеянии с лавровым венком, а на оборотной стороне виден план крепости, река с надписью по латыни «Санкт Петербург». Там же, вверху на облаках показаны по правую сторону Меркурий с жезлом, а по левую Пал-

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Разряд 17. № 3. Ч.1. Лл. 112-118 об; 216-250.

² Там же. Л. 234 об.

³ Там же. Л. 235-235 об.

лада, держащая на правом колене изображение замка, они вдвоем держат погрудный портрет царя с надписью по латыни – «Созидает крепкия сии стены», а внизу шла надпись «Санктпетбургской порт и Адмиралтейство»⁴.

Знаменитая золотая медаль 1703 г. с обязательным портретом Петра, без головного убора в воинской одежде, имела на реверсе следующую картину: два шведских корабля с поднятыми парусами, около которых были изображены галеры и боты, захватившие эти суда, причем рука из облаков держала над ними венец и две пальмовые ветви с надписью – «Небываемое бывает»⁵. Этот девиз встречался и в горевшей надписи фейерверка того времени, он, возможно, был также одним из самых любимых царем. Петр Великий лично участвовал во взятии двух шведских судов в устье Невы вместе с гвардейцами Преображенского и Семеновского полков. За это сражение Петр Великий стал шестым человеком, получившим орден Андрея первозванного, офицеры получили золотые медали, а матросы и солдаты серебряные. Как известно, орден Андрея первозванного – это первый российский орден, учрежденный в 1698 г. с девизом «За веру и верность».

В честь Полтавской победы 1709 г. одна из медалей, содержащая на аверсе портрет Петра в лавровом венке, на реверсе имела изображение триумфальных врат, посреди которых жертвенник с горящим огнем, внизу с правой стороны статуя Фортуны, с левой стороны статуя Геркулеса, а сверху между двумя трофеями император на коне с надписью «Победил храм Фортуны и Геркулеса»; внизу надпись – «для одержанной над шведами победы под Полтавою 1709 июня 29 дня»⁶. Были и другие медали, посвященные победе под Полтавою. Среди надписей в честь Полтавы встречались такие: «Дело кончает победа», «Взят воинскою хитростию» и др.⁷ На Монетном дворе были отчеканены медали для унтер-офицеров с изображением кавалерийской битвы, а для солдат – с изображением пехотной стрельбы. Надпись на этих медалях была лаконичной – «За Полтавскую баталию».

Среди медалей Северной войны многие изображали Геркулеса, Марса, Палладу и других античных божеств с девизами по латыни «Под власть торжествующего Марса», «Год исполненной побед», «Бремя не превосходит силы», «Что день, то новые победы» и т.п.⁸ Многие медали содержали девизы с религиозным, православным смыслом, например, медаль 1713 г., в архивном описании которой говорится: «военный корабль при солнечном сиянии, поднявши парусы, в море отправляется, на корме изображен Нептун стоящий, держит в правой руке трезубец, а левую приложил к боку, с подписью – «Имея надежду на Бога, желаем получить благо». 1713»⁹.

⁴ Там же. Л. 235 об.

⁵ Там же. Л. 236.

⁶ Там же. Л. 238 об.- 239.

⁷ Там же. Л. 239-239 об.

⁸ Там же. Л. 240-241.

⁹ Там же. Л. 241 об.

Самое успешное морское сражение Северной войны – битва у мыса Гангут в 1714 г., во время которой русские галеры разбили шведскую эскадру контрадмирала Н.Эреншельда и захватили 10 кораблей, отразилось на медалях (золотых с цепями для офицеров, серебряных без цепей для солдат) в плане сражения на реверсе с надписью по кругу: «Прилежание и верность превосходят сильно». Почти такой же девиз перешел позднее на медаль в честь Гренгамского сражения в 1720 г., только концовка была изменена: «Прилежание и верность превосходят силу».

Чем ближе к окончанию Северной войны, тем панегиричнее становились девизы на орденах и медалях. Так, надписи на медалях 1717-1721 гг. гласили: «Величество твое везде ясно», «Добродетель творит благодушна», «Храбростию и благочестием» и т.п.¹⁰ Во втором по счету русском ордене Святой великомученицы Екатерины (или орден «Освобождения») в 1713 г. имелся девиз: «За любовь и отечество». 24 ноября 1714 г. Орден был возложен на Екатерину I – «освободительницу царя и всей армии российской» в Прутском походе 1711 г. Как известно, Екатерина I отдала все свои драгоценности, а также собрала с офицеров все ценное, чтобы подкупить турецкого везира и добиться освобождения русского войска.

Особую символическую насыщенность имели медали в честь заключения Ништадского мира. На аверсе был все тот же погрудный портрет Петра Великого, а на оборотной стороне офицерской медали (а также на лицевой стороне солдатской медали) размещалась целая композиция: Ноев ковчег, над ним голубь с масличной ветвью в клюве, с двух сторон Санкт-Петербург и Стокгольм, соединенные радугой. Девиз гласил: «Союзом мира связуемые». На солдатской медали весь реверс занимала пространная надпись с прославлением Петра Великого, ставшего императором, а также сообщалось, что впервые медаль сделана из «домашнего серебра».

Наконец, в Академии наук хранилась золотая медаль в память о кончине Петра Великого, которая имела портрет императора в воинском одеянии и лавровом венке с надписью сверху: «Петр Великий император и самодержец Всероссийский», внизу – «родися 30 майя 1672». На другой стороне была изображена Екатерина I, сидящая на морском берегу, по которому плывут с поднятыми парусами корабли и галеры, позади императрицы лежали скипетр и держава, а впереди были положены разные математические и военные инструменты с надписью: «Виждь какову оставих тя»; внизу слова: «преставися 28 генваря 1725 году»¹¹. Эта скорбная надпись выдержана в духе девизов, вместе с изображением она указывает на могущество новой России, созданной Петром Великим.

Помимо орденов и медалей девизы в Петровское время «звучали» повсюду, в особенности, в кораблестроении, поскольку создавался мощный военно-морской флот. За время Петровского правления было построено 147 ли-

¹⁰ Там же. Л. 243-245 об.

¹¹ Там же. Л. 245 об.-246.

нейных кораблей и фрегатов, огромное количество мелких судов. Всем им присваивались названия и девизы. Петр Великий давал и имена кораблям, и придумывал девизы. Дав название баркалону «Елифант» («Слон»), царь повторил распространенный среди иностранных судов девиз – «Злым – лих». Отметим здесь же, что в фамильном гербе адмирала русского флота Ф.М. Апраксина был изображен слон, что некоторые исследователи связывают с этим знаменитым баркалоном «Елифант». Европейские названия и девизы повторяли и некоторые другие корабли, например, «Бомба» с девизом «Горе тому, кому достанусь», «Скорпион» – с девизом «Смертью его исцеляются», «Черепаша» – «Терпением увидишь делу окончанье», «Спящий лев» – «Сердце его бдит», «Шпага» – «Покажи мне суть лаврового венца», «Три рюмки» – «Держи во всех делах меру», «Колокол» – «Звон его не для него», «Еж» – «Лестию и рукою» и другие. Стали появляться и серьезные, «говорящие» названия кораблей со столь же серьезными говорящими девизами, типа «Разженное железо» – «Надлежит трудиться, пока время есть», «Сулица» – «Умерети или выиграти», «Старый дуб» – «Обновляет надежду», «Старый орел» – «Не гласом, но делами моими» и пр. Не намекали, но указывали напрямую такие наименования брандеров, создаваемых для поджога вражеских судов, как «Вулканус», «Феникс», «Сулемандр».

Девизы порой заменяли само имя корабля, поскольку они писались на кормовых деталях судна и были на виду. А так как на кораблях служили вместе с русскими и иностранцы, то девизы писались на нескольких языках. Так, построенный по чертежам и руками самого Петра Великого в 1700 г. 58-пушечный корабль получил название, написанное на корме по-голландски – «Гото Предестинация» («Божье предвиденье»). При создании Азовского флота популярными стали названия, связанные с громовержцем: «Гром», «Молния», «Громовая стрела», имевшие девиз «Юпитеру и молнии его». Вскоре кроме заимствованных и широко распространенных в Европе корабельных наименований, возникла масса своих, типично русских: «Старый орел», «Северный медведь», «Еж», «Журавль стерегущий», «Баран». В ходе Северной войны и после ее окончания строились корабли с именами в честь побед русского оружия: «Полтава», «Лесное», «Гангут», «Петербург», «Кроншлот», «Нарва», «Воронеж», «Москва», «Астрахань», «Азов» и др. Среди названий кораблей в особую группу выделяются шуточные, отражавшие любовь русского монарха к юмору: «Перинная тягота», «Заячий бег», «Страх», «Не тронь меня», «Близко не подходи», «Мяч» (с девизом «Коль вяще биен бываю, толь вяще поднимаюся»), «Камень» – «Над водами силу имеет» и т.п.

Часто девизы помещались на транспарантах кораблей, участвующих в том или ином празднестве. Так, например, в 1720 г. в годовщину Полтавской победы во время фейерверка на одном фрегате был вывешен транспарант с девизом: «Без воли Божьей ничто не совершится» (*Беспярых*, 1991: 154-155)

Девизы были неотъемлемой частью образа каждого корабля, независимо от его предназначения, а также неотъемлемым признаком культуры Нового времени, европеизированной и инновационной. Девизы сопровождали и дру-

гие атрибуты военного профиля, например, знамена. Так, 25 февраля 1711 г. в Успенском соборе был оглашен манифест царя о начале войны с Турцией и было освящено знамя гвардии с девизом: «За имя Иисус Христа и христианство».

Военные победы отмечались шествием войск через триумфальные арки-«врата». За время правления Петра Великого в Москве и Санкт-Петербурге их было воздвигнуто 36. Заранее издавались подробные «изъяснения» картин и надписей, но далеко не все они сохранились. О девизах на картинах триумфальных арок можно судить именно по сохранившимся описаниям, где они перечислены и воспроизведены, а также по воспоминаниям современников, оставивших более или менее подробные описания триумфальных врат. Не все надписи на вратах представляли собой чистые девизы, многие из них просто разъясняли изображенные или подразумеваемые события Северной войны, а некоторые соединяли в себе и то и другое. В целом, надписи на триумфальных арках можно подразделить на две большие группы: светские и религиозные. Религиозные сводились в основном к благодарению Бога и святых за покровительство русскому царю и его воинству. Светские тексты подразделяются на тематические группы: 1) панегирические 2) обличительные 3) призывающие 4) дидактические, 5) разъяснительные. На каждых вратах их количество и соотношение были различными.

На первых триумфальных вратах 1697 года девизов практически не было. Картину над фронтоном под двуглавым орлом сопровождала надпись: «Бог с нами, никто же на ны, никогда же бываемое». Первая часть текста является религиозной оценкой победы, а вторая – «никогда же бываемое» - уже тяготеет к девизу. На тех же вратах особо подчеркивалась морская победа под Азовом, в честь которой была изображена пирамида со словами: «В похвалу прехрабрых воев морских», что явно не является девизом. Также морской победе была посвящена и большая картина маслом на холсте с видом сражения галер и фуркатов с надписью: «На море турки поражены, оставя Москве добычу, корабли их сожжены». От имени побежденных шли слова: «Ах, Азов мы потеряли и тем бедство себе достали». Изображение Нептуна с неизменным трезубцем и веслом, сидящего на морском чудище, сопровождалось словами: «Се и аз поздравляю взятием Азова, и вам покоряюсь» (*Богословский*, 1940. Т.1: 346).

Из первого печатного описания триумфальных врат, созданных учителями Славяно-греко-латинской академии в 1703 г., выясняется, что почти все 57 надписей на них были сделаны по-латыни с дословным, порой крайне неудачным, переводом на русский язык. Доминировали благодарения Богу за «помощь» и панегирики Петру I. Были и девизы, например: «побеждает силою корабли», «надежда благая сияет», «что постоит от лица его». Центральным образом, венчающим врата, был двуглавый орел, который метал перуны-молнии в лежащего внизу «свейского льва», держащего в когтях четыре «похищенных града». Отсюда же и центральной идеей целого ряда надписей можно считать девиз под этой картиной: «Не похищай чуждаго». Много надписей-девизов, предсказывающих дальнейшие победы русского оружия: «достойно есть бояться его»,

«земле страшен и водам», «далее и морем», «торжествует на водах», «трегубою порази язвою побеждена», «паде, иже многим во уме своем пасти хотяше» и др. (Панегирическая литература Петровского времени, 1979: 135–149).

На следующих вратах 1704 г. были пространные надписи, часто стихотворные. Префект Славяно-греко-латинской академии Иосиф Турбойский составил их описание, где перечислено 77 «надписаний». Во-первых, это панегирические, прославляющие Петра как «монократора», освободителя «неправедно похищенных» Швецией городов и земель. Во-вторых, обличающие «свейского льва» с разных точек зрения. В-третьих, призывающие к окончательной победе над врагом и, наконец, разъясняющие сложные и незнакомые широкой публике аллегорические изображения и фигуры.

В честь Полтавской победы 1709 г. в Москве и Санкт-Петербурге было построено семь триумфальных арок единовременно. Из описания врат Славяно-греко-латинской академии, сочиненного ректором Феофилактом Лопатинским, видно, что главная идея всего триумфального комплекса выражена в надписи над центральным проездом арки, как бы выполняющей роль заголовка-посвящения: «Всегда пребывающей добродетели Петра посвящен». На многочисленных картинах показана жизнь юного Геркулеса-Петра, затем «труды государевы», в особенности, по освобождению захваченных шведами земель. «Общим местом» являются «свейский лев» и попирающий его «российский орел». Надписи врат усиливают смысл картин и образов, частично приближаясь к девизам, часто указывают на Божье благоволение к России. Так, бог войны Марс изображен с мечом в правой руке, на мече девиз: «Божия помощь, российская правда».

Над картиной с изображением аллегорического персонажа – Силы Петра, стоящей на колеснице Нептуна и отгоняющей вражеские корабли, была помещена многозначительная фраза: «Ты богом морским связанным владетель. И тому же сих есть управитель». Эти слова как бы ставили точку в покорении Петром I бога морей Нептуна. (Политиколепная апофеозиз, 1709).

В целом, учительские врата были самыми «многословными», с большой религиозной составляющей в текстах, порой тяготеющими к силлабическому, виршевому стихотворству. На остальных вратах надписей бывало значительно меньше, реже звучало благодарение Богу, больше было конкретных фактов и деталей сражений, картины были понятны и без особых пояснений. В конце Петровского царствования монументальные архитектурные формы триумфальных врат взяли на себя основную функцию. Число изображений и девизов резко сократилось, только врата учителей по-прежнему тяготели к повествовательности и назидательности, правда, девизов в них практически не было.

В отличие от триумфальных арок, теснейшим образом связанных с военными победами в Северной войне, фейерверки запускались по самым разным праздничным поводам, а потому обладали гораздо большим разнообразием, как в выборе горящих картин, так и в выборе сопровождающих их текстов. К сожалению, далеко не все горевшие на фейерверках тексты известны. Очевидцы часто упоминают о наличии девизов, но не приводят их дословно. К

примеру, П.Брюс, голландский капитан, оставивший описание торжеств 28 октября 1715 г. в Санкт-Петербурге в честь рождения сына у Петра Великого, подчеркнул: «В честь новорожденного Петра вечером устроили великолепный фейерверк с несколькими занятыми девизами» (*Беспятых*, 1991: 180–181) Но автор не привел эти самые «занятные девизы». Зато известно, что крестины новорожденного младенца 6 ноября 1715 г. также были отмечены фейерверком перед Зимним дворцом и что разноцветными огнями горел девиз «Упование с терпением».

Фейерверки в честь военных побед так же, как и триумфальные арки, содержали порой девизы. Например, в честь первой победы в 1701 г. при Эресфере в январе 1702 г. был фейерверк, запечатленный в офорте А. Шхонебека и вошедший впоследствии в «Книгу Марсову» в 1713 г. Две фигуры из трех этого фейерверка держали в руках один и тот же горящий девиз: «Богу за сие благодарение». Причем, фигурами этими были Фортуна в образе обнаженной девы на раковине с венком в руке и крылатый старец с косой – Время.

Таким образом, девизы были неотъемлемой частью целого ряда явлений культуры Петровского времени. Они выполняли задачи двоякого характера, разъясняя, с одной стороны, цель данного действия, предмета, феномена, а также просвещая и «европеизируя» современное русское общество, приучая к новым формам культуры. Девизы должны были выражать смысл изображаемого кратко, ярко, символично, но в то же время они могли «идти дальше» изображения, причем, значительно дальше, выражая некую обобщенную идею или известную истину.

Петр Великий был инициатором, вдохновителем и создателем целого ряда девизов того времени буквально во всех областях культуры, где девизы имели место. Его речь с юности тяготела к кратким и ярким обобщениям, цитатам из Библии, близким к языку девизов. Так, например, после Азовского похода 1696 г. он писал в своем письме Андрею Винуису по поводу создания первых триумфальных врат в Москве для «почитания» победителей: «...достоин есть делатель мзды своея» (Письма и бумаги Петра Великого, 1887. Т.1: 109). Девизами он серьезно увлекся во время Великого посольства 1697–1698 гг. Обучаясь кораблестроению за границей, царь придумал девиз и для себя лично: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую» (Соловьев, Т.VII: 541). Царь инициировал издание в Амстердаме на четырех языках специальной книги, содержащей 840 образцов девизов с аннотациями, под названием «Символы и эмблемата» (1705 г.). В предисловии к изданию была помещена картина с буквами «P.P.I» с пояснением «значат Петр Первый Император» и восемь эмблем в кругах с девизами, а также сообщалось, что «некоторые из сих эмблем Петром Великим в его печатях употребляемы были» (Эмблемы и символы, 2000: 23). Из книги «Символы и эмблемата» многократно использовались широко известные эмблемы с девизами, например: пень старого дуба с проросшей новой веткой, а вдали восходящее над морем солнце с девизом «Обновляет надежду» или бобер, грызущий корни молодого дуба, сопровождаемый девизом «Исторгнет его, егда продолжати будет». Это издание стало настолько популярным в

России, что картинки с девизами попали из него в самые разные произведения того времени, в частности, на костяные рожки для пороха. Так, на одной стороне рожка с рельефами изображен амур, уносящий сердце от многоглавой гидры с надписью «Никто у меня не отнимет», на другой его стороне – амур с жертвенником, на котором тлеют четыре сердца, и слова «Одного мне довольно» (рядом дата «1719»). На рожках также были сцены: орел, настигающий зайца, всадник, догоняющий страуса, битва Самсона с филистимлянами, человек, согнувшийся под тяжким грузом, и др.

Девизы в Петровскую эпоху писались даже на керамических плитках дворцовых печей. К примеру: изображался солдат в плаще и с ружьем, сопровождаемый надписью «Со страхом караулю» или пес с лозунгом «Знаю место свое», либо заяц с ироничной выкладкой «крепко караулю», а также муж с мечом – «храбрость моя непоколебима», дева, на которую льются с неба лучи, – «ожидаю себе великие милости», дева с лютней – «увеселяю себя радостью великою» и т.п.

Примечателен также и девиз на знаменитом кубке Большого Орла, представляющем собой хрустальный сосуд на 1 л. 125 мл., изготовленный в Ямбурге и хранящийся ныне в Петергофе. На нем изображен двуглавый орел с вензелем «РА I» на крышке и латинской надписью «Tandem bona causa triumphat», что означает «Доброе дело всегда побеждает».

Таким образом, благодаря культурной политике монарха, постепенно менялся характер российской городской культуры, она стала более светской, не связанной напрямую с религией и церковным календарем, поэтому она требовала новых форм репрезентативности. Девизы и были одной из этих форм новой светской культуры. Однако религиозная тематика девизов не была забыта, в особенности в годы Северной войны. Как подчеркивал Д.Редин, Петром Великим «создается система перевоспитания общества» (Редин, 2013: 45), в которой девизы заняли одно из ведущих мест.

ЛИТЕРАТУРА

Беспярых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. М.: Наука. 1991.

Богословский М.М. Петр I: материалы для биографии. Под ред. проф. В.И.Лебедева. Т.1. Л.: Гос. соц-экон. изд-во. 1940.

Панегирическая литература Петровского времени. М.: Наука, 1979.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Гос. тип., 1887. Т.1. (1688-1701).

Политиколепная apotheosis достохвальныя храбрости всероссийскаго Геркулеса пресветлейшаго и великодержавнейшаго, Богом венчаннаго и Богом укрепляемаго, и Богом прославляемаго великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексиевича всея Великия, и Малыя, и Белыя России императора и автократора.: По преславной виктории над химероподобными дивами

гордынею рекше неправдою и хищением свейским. На генеральной баталии в нынешнем 1709 году, в 27 и 30 день, месяца иуния. Бывшой под Полтавою, близ Переволочной, и на иных премногих Марсовых случаях, со подвигоположным и победным православным воинством своим, всенародным радованием, возвращающагося. В царствующий град свой Москву в премудрыя Афины [си есть Палады] великороссийския ареопаг. Узаконенныя от елинославнолатинския же его царскаго пресветлаго величества Академии Московския торжествована лета господня 1709 мироздания же 7218 месяца декемврия в день. [М].: [Московский Печатный двор], 1709.

Редин Д.А. Переходные эпохи, власть и дидактика исторического знания: культурно-семиотическое прочтение// *Quaestio Russica*. 2013. № 1.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М.: Из-во соц.-эконом. лит-ры, 1962.

Эмблемы и символы. Вступ ст. и комм. А.Е.Махова. [М.]: «Интрада». 2000.

«ГРОЗНА ТУЧА НАД РАСЕЕЙ» К ВОПРОСУ О ПОДЛИННОСТИ ПРОРОЧЕСТВ ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА

П.А. Дружинин

ВВЕДЕНИЕ

Одним из заметных памятников отечественной письменности XX в. остается рукописное наследие Григория Распутина. Оно явилось как будто квинтэссенцией личности этого выдающегося исторического деятеля, а яркая индивидуальность руки Распутина отмечалась как его современниками и мемуаристами, так и следующими поколениями исследователей и писателей.

Несмотря на столь выдающиеся характеристики, собственно разработка рукописного наследия Распутина в действительности поверхностна и ограничивается по большей части воспроизведением нескольких характерных писем-записок, обычно начинающихся словами *«Милой дорогой»*. Публикации же сочинений, писем, телеграмм, записок Распутина, с одной стороны, отнюдь не исчерпывают всего сохранившегося корпуса его письменного наследия, с другой, неудовлетворительны с точки зрения текстологии: отсутствует анализ источников и вариантов текста, транскрипция рукописей традиционно наводнена ошибками, передача оригинальной орфографии Распутина не соблюдается, многочисленные темные места трактуются излишне вольно без всяких оговорок и т. д. Безусловно, подобные текстологические принципы неминуемо влияют на историко-литературную науку.

Собственно, и литература о Г.Е. Распутине не менее гадательна: она не только с трудом обозрима, но и преимущественно ненаучна. Можно в данной связи напомнить высказывание А. Эткина: «После десятков томов, которые были написаны о Распутине с очевидно корыстными целями, узнать “правду” о нем кажется вовсе невозможным. Критика источников в этой области ведет к пустоте. Слишком многое, что говорилось и писалось о Распутине, было выдумано» (Эткин, 1997: 223). Эти слова остаются справедливыми как для сочинений первой трети XX в., так и для тех сотен книг, которые были напечатаны в последние десятилетия: они в большинстве своем представляют собой образцы бульварно-романического и вульгарно-агиографического жанров, так что если в них и встречается критика источников, то крайне односторонняя и тенденциозная.

Изучение рукописей Г.Е. Распутина никогда не проводилось, поскольку собственно авторские рукописи не выделялись из общего корпуса наследия. Важно отметить, что необходимо принципиально разделять между собой сохранившиеся *тексты* Распутина и собственно его *рукописи*. Необходимость

такого разделения диктуется как нашими локальными задачами, так и специфическими чертами дошедшего до нас массива наследия: духовно-нравственные сочинения Распутина сохранились преимущественно в виде печатных изданий и списков, а эпистолярный – письма, телеграммы, записки – как в оригинальных рукописях, так и в многочисленных списках разного времени и различной редакции. Ведь уже при жизни Распутина автографы его ценились последователями и собирателями. Как писал С.П. Белецкий, «Письма его, написанные безграмотно, с крестом наверху, письма, как пишут обыкновенно лица духовные, ходили во множестве по рукам и составляли предмет своеобразной пикантности; находились любители, которые покупали их и коллекционировали» (Григорий Распутин. 1997. Т. 1: 153). Здесь нужно заметить, что крест в начале письма, имеющийся даже в берестяных грамотах, отнюдь не свидетельство безграмотности – он означал «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», что придавало письмам Распутина восприятию современников убедительности.

Изучение рукописей Распутина было бы невозможно без решения первоначальной задачи – выявления корпуса источников, то есть именно оригинальных рукописей Г.Е. Распутина. Последние сохранились как в составе комплексов, прежде всего, сборного фонда распутинских материалов бывшего ЦГАОР, так и в виде подборок или отдельных листов в различных архивах и музеях России и мира¹; единичные рукописные памятники было зафиксированы в частных собраниях, также можно использовать факсимильные воспроизведения в печатных изданиях и аукционных каталогах. Общая численность именно подлинных рукописей, которые были нами выявлены, просмотрены и скопированы в государственных архивах и музеях России и впоследствии использованы в исследовании – 260 листов (согласно с традицией описания рукописей мы за лист считаем его лицевую и оборотную стороны, то есть даже если текст имеется на обеих сторонах, мы считали это за один лист). Вероятно, этой цифрой в значительной мере исчерпывается корпус дошедших до нашего времени рукописей Распутина; приращение же этого корпуса если и предстоит, то лишь в виде единичных писем или автографов.

Сформированный массив позволил предпринять изучение рукописного наследия Г.Е. Распутина с целью выявления специфических индивидуальных черт письменной речи – графико-орфографических, фонетических и грамматических особенностей. Также необходимо было отметить наиболее характерные для его рукописей археографические особенности – материал письма, формуляр, приемы использования бумажного листа при написании текста и т.д.

Первоначальной целью нашего исследования было распознавание фальсификатов новейшего времени: ввиду значительного числа вновь обретаемых рукописей проблема их верификации достаточно актуальна, а сформированный корпус эталонных рукописей в значительной степени облегчал бы такую зада-

¹ Перечень архивохранилищ, в которых были выявлены использованные в исследовании рукописи: ГА РФ, РГАДА, РГАЛИ, ГЦМСИР (Москва); РГИА (С.-Петербург), КККМ (г. Красноярск), ГАСО (г. Екатеринбург); НИОР РГБ (поддельные письма 1911 г.).

чу, представляя беспрецедентную базу для сопоставлений. Тем более, что на первый взгляд может показаться, что имитация стиля и почерка Г.Е. Распутина как будто бы не требует особенного мастерства. Отчасти это правда, поскольку первые случаи фальсификации рукописей Распутина отмечены еще при жизни старца: 6 ноября 1912 г. редактор «Русского слова» Г.С. Петров получил письмо, на конверте которого было указано «*Ледахтору Руцкаго Слова от Гришатки Распутина из села Пакровского из Тобольской губернии*»; наполнено письмо было укоризнами за публикации газеты о Распутине²; всего Г.С. Петров получил два письма одинаковым почерком, которые доставлялись в редакцию с нарочным (почтовых отметок на конвертах не имеется). Ничего общего с почерком Распутина рука этого «Гришатки» не имеет, что и было впоследствии установлено (Миронова, 2003: 162–165). Впрочем, и мнение будто «фальшивые записки с широко известными *милай, дарагой, памаги* сотнями ходили по рукам в Петербурге, расходились по правительственным кабинетам» (Миронова, 2003: 165), никаким фактическим материалом не подтверждается, а на архивном хранении подобных подделок не зафиксировано. Подделки же дня сегодняшнего достигают достаточно высокого уровня убедительности и будут описаны нами в отдельной работе. Однако изучение корпуса эталонных рукописей Г.Е. Распутина позволило критически рассмотреть уже казалось бы хрестоматийные рукописные памятники.

Также нужно отметить то обстоятельство, что многие тексты Распутина, в том числе письма и телеграммы членам царской семьи, а также сочинения религиозно-нравственного характера, были тщательно зафиксированы современниками, и в целом большинство важных с исторической точки зрения текстов сохранились в нескольких аутентичных копиях; это оказывается важным инструментом верификации посланий Распутина к царской семье. Основной корпус наследия старца состоит из списков, в том числе и переписанных рукой различных представителей царствующего дома: таковы письма и телеграммы Г.Е. Распутина, сохранившиеся в бумагах императрицы Александры Федоровны в виде переплетенной тетради³; с этой тетради в 1910-е гг. была снята машинописная копия, также сохранившаяся⁴; еще один аутентичный список мы отмечаем в бумагах великой княжны Татьяна Николаевны («Письма, записки и телеграммы отца Григория», 1917)⁵. Также в 1911 г. Распутиным императрице был подарен переплетенный блокнот, в котором на первом листе – дарительная надпись Распутина, а следующие двадцать девять листов заполнены текстами: писарскою рукой туда были занесены духовные наставления старца; остальные же листы впоследствии заполнялись самой императрицей, и здесь также

² НИОР РГБ. Ф. 259. Карт. 25. Е.х. 61. Л. 1–4 (цитата – л. 3).

³ ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 323. Л. 1–48.

⁴ ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–38об.

⁵ ГА РФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 27. Л. 4об–61об. Д. 10. Л.

имеются копии телеграмм Распутина⁶. В 1990-м на основе блокнота Александры Федоровны был издан сборник «Избранные мысли, письма и телеграммы царской семье: собственноручно переписанные на память Августейшими Адресатами» (*Распутин-Новый*, 1990), многократно перепечатававшийся в различных изданиях.

Положительным для сохранения эпистолярного корпуса Распутина оказалось то обстоятельство, что переписка старца стала предметом внимания государства еще при жизни Распутина: опасение попадания переписки Распутина в руки газетчиков (в особенности речь о письмах представителей царской фамилии) было обоснованным и требовало принятия мер. Причем довольно много текстов телеграмм, особенно лицам не императорской фамилии, дословно приводятся в рапортах наблюдения охраны за Распутиным, сохраняющихся в ГАРФ и частично публиковавшихся (Распутин в освещении «Охранки», 1924: 270–288); мы говорим преимущественно об отправляемых телеграммах, содержание которых фиксировалось агентами охраны. То есть имеется достаточно много не только бесспорных распутинских текстов в рукописях, но и в аутентичных копиях, что служит важным источником для сопоставления с текстами, обретенными после смерти старца.

Казалось бы, для изучения языка Распутина необходимы оригинальные тексты, тогда как телеграммы всегда вторичны. Однако в случае с Распутиным и это не вполне так: поскольку в 1910-е гг. за Распутиным неусыпно следовали агенты охраны, мы имеем не только подробные сведения о его действиях (в том числе с упоминанием отправки писем и телеграмм), но и даже сами подлинники телеграмм – то есть «выемки», сделанные охранкой. Здесь необходимо примечание: принимая телеграмму у отправителя, служащий ведомства почт и телеграфов (телеграфист) отправлял текст, взявая надлежащую сумму с отправителя, а заполненный отправителем бланк впоследствии уничтожался; до получателя же доходил уже другой бланк с текстом (телеграфной лентой или, что чаще в нашем случае, написанным телеграфистом). То есть в обычной практике исходная рукопись сохраниться никак не могла; но поскольку охранка дотошно изымала эти исходные бланки из почтовых отделений, куда их приносили сам Распутин или его посыльные, а затем передавала руководству, то именно эти оригиналы в значительной степени отложились в материалах охраны и ныне сохраняются в ГА РФ. При просмотре этих материалов легко увидеть, что лишь часть телеграмм были писаны рукой Распутина, остальные же выполнены под его диктовку, уже со значительной утратой его стиля; однако именно эти рукописи Распутина дают нам сравнительный материал, поскольку мы можем сопоставить исходный текст с тем, какой был получен адресатом. Скажем, если рукописи Распутина изобилуют слитным написанием как предлогов и союзов вместе со следующим словом, так и нескольких слов в границах строки, то телеграфист, калькулируя стоимость телеграммы исходя из числа слов, разбивал по своему усмотрению

⁶ ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 309. Л. 1–636.

текст на слова, после чего передавал, а получатель читал уже текст, разбитый телеграфистом на слова (напомним, что работа телеграфиста подразумевала обязательное знание орфографии).

Сразу же после смерти Распутина государственным стал вопрос сохранности его архива и переписки в доме в Покровском (*Ордовский-Танаевский*, 1993: 422); а после Февральской революции большой корпус корреспонденции Распутина был аккумулирован в делах Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в виде приложений к делу о его убийстве⁷; в дальнейшем, при формировании личных фондов в ЦГАОР, значительная часть материалов Распутина была включена в его личный фонд. В результате мы имеем довольно крупные комплексы источников, которые позволяют рассматривать наследие Распутина с различных точек зрения, скажем, можно даже сличить рукописный оригинал телеграммы, написанной и отправленной Распутиным, с телеграммой, полученной адресатом, и ее же текстом, уже внесенным в тетрадь членом императорской фамилии.

«ГРОЗНА ТУЧА НАД РАСЕЕЙ»

Одним из наиболее знаменитых исторических документов XX столетия по праву считается письмо Григория Распутина царю Николаю II, отправленное накануне вступления России в Первую Мировую войну. Оригинал этого письма сохраняется ныне в Йельском университете (США)⁸. Впервые оно было факсимильно воспроизведено в книге следователя Н.А. Соколова «Убийство царской семьи» (Sokoloff, 1924: Pl. ci-contre p. 33.) и в ее русском издании (Соколов, 1925: илл. 19), увидевшем свет вскоре после смерти автора. Там же имеется следующее пояснение:

«С целью предотвратить участие России в войне с Германией, Распутин обращался к Государю с письмом. Это письмо хранилось Государем. Затем в Тобольске он возвратил его в семью Распутиных. (Это письмо получено мною у известного лица 12 июля 1922 года в Париже).» (Соколов, 1925: 73).

Граф Н.В. Орлов, унаследовавший в 1924 г. имущество Н.А. Соколова ввиду его неожиданной кончины, закончил издание русского варианта книги, а в конце 1920-х гг. перебрался за океан, куда вывез и материалы, позднее распроданные и рассеявшиеся по миру. Письмо оказалось у собирателя романовских реликвий Роберта Брюстера: еще будучи студентом Йельского университета он познакомился с Анной Вырубовой и приобрел ее фотоальбомы и переписку, которые в 1939 г. пожертвовал в архив университета; был он знаком и с М.Г. Распутиной, даже переписывался с ней; в 1951 г. он подарил Йельскому университету и письмо «Грозна туча над Расеей».

Впоследствии историком Л.А. Лыковой были опубликованы подробности того, как это письмо попало к Н.А. Соколову, поставленному приказом вер-

⁷ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 1–311.

⁸ Yale University. Beinecke Library. GEN MSS 313. Box 1. Folder 100.

ховного правителя России А.В. Колчака от 6 февраля 1919 г. для проведения следствия по делу об убийстве семьи последнего русского самодержца:

«1922 года июля 12 дня ко мне, судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколову, в г. Париже (во Франции) явились лично мне известные подданный России князь Николай Владимирович Орлов и подданный Американских Соединенных Штатов мистер Вильям Астор Чанлер, проживающие в г. Париже, и предъявили следующие предметы:

1. Письмо Григория Ефимовича Распутина к Государю Императору Николаю II, написанное перед объявлением войны в 1914 году;
2. Письмо его же к Государю Императору Николаю II с поздравлением со днем Ангела;
3. Записка его же к неизвестному лицу;
4. Изображение Святителя Софрония епископа Иркутского с надписью на обороте Григория Распутина;
5. Портрет Григория Распутина.

Представляя сии предметы, означенные лица князь Николай Владимирович Орлов и мистер Вильям Астор Чанлер объяснили мне, судебному следователю, что, интересуясь делом об убийстве Царской Семьи, они через майора американского Красного Креста мистера Бекмана, находящегося в Вене в составе американского Красного Креста, вошли в сношения с проживающей в том же городе Матреной Григорьевной Соловьевой и приобрели у нее перечисленные предметы за сто пятьдесят (150) американских долларов.

При этом означенные лица объяснили, что Матрена Григорьевна Соловьева, продавая им перечисленные предметы, сообщила, что письмо, значащееся в пункте 1-м, было написано ее покойным отцом Григорием Ефимовичем Распутиным перед началом Великой европейской войны 1914 года; что это письмо хранилось Государем Императором у себя и было возвращено Им ее мужу Борису Николаевичу Соловьеву через камердинера Государыни Императрицы Волкова в г. Тобольске, когда там находился Соловьев, доставивший для Семьи <императора> некоторые вещи.

По рассмотрении всех представленных предметов, судебным следователем было признано имеющим значение для дела письмо, значащееся в пункте 1-м сего протокола. Названные лица князь Николай Владимирович Орлов и мистер Вильям Астор Чанлер изъявили полную готовность представить этот документ к следствию.

Все остальные предметы, ввиду состоявшегося соглашения между названными лицами, были переданы князю Николаю Владимировичу Орлову.» (Дело об убийстве, 2015. Т. 2: 325–326).

В тот же день Н. А. Соколов «производил осмотр письма Григория Ефимовича Распутина к Государю Императору Николаю II» и зафиксировал следующее:

«Письмо написано на листе белой писчей бумаги, имеющем размеры 34,6 и 21,6 сантиметра. Бумага – несколько сероватого оттенка, местами грязноватая. У самого края листа – часть сального пятна. В непосредственной близости с текстом – сальное пятно, круглой формы, имеющее в диаметре 2,6 сантиметра.

Этот лист бумаги не является частью, отрезанной от листа. Он имеет цельную форму и, видимо, в таком виде вышел с фабрики. Он сложен вчетверо и имеет изгибы давнего происхождения; в области этих изгибов бумага – грязноватая, шероховатая.

Содержание текста писано чернилами черного цвета. С дословным сохранением текста, орфографии и самого расположения текста содержание письма представляется в следующем виде:

“милой друг есче раз скажу
грозна туча нат
рассей беда горя много
темно и просвету нету, слес
то море и меры нет а крови?
что скажу? слов нету неописуем
мый ужас. знаю все от тебя
войны хотят и верные не
зная что ради гибели, тяжко
божье наказание когда ум
отымет тут начало конца.
ты царь отец народа не
пусти безумным торжествовать
и погубить себя и народ
вот германию победят а
рассея? подумать так воистину
не было от веку горшей
страдальцы<!> вся тонет
в крови велика погибель
без конца печаль
Григорий”.

При осмотре этого письма не обнаружено ничего, что указывало бы на его апокрифичность» (Дело об убийстве, 2015. Т. 2: 327–328).

Некоторые подробности обретения этой рукописи изложены корнетом С.В. Марковым в книге «Покинутая царская семья» (Вена, 1928):

«...Распутин в дни объявления войны был вдали от Царской Семьи, но, предчувствуя возможность таковой, был противником ее, предсказывая окружающим, что, в случае, если война произойдет, это будет величайшим несчастьем для России. Россия будет залита морем крови и что, вообще, война грозит очень печальными последствиями не только России, но и династии.

Тремя телеграммами и письмами он пытался воздействовать на Государя в сторону недопущения Последним войны. В бытность мою в Тюмени в 1918-ом году зять Распутина, Б.Н. Соловьев, показывал мне это письмо к Государю в

подлиннике, так как Государыня передала до этого Соловьеву на хранение ряд писем Распутина и другие документы. Вот текст этого безусловно исторического письма...» (Марков, 1928: 36–37).

Начиная с 1920-х гг. «Грозна туча над Расеей» становится краеугольным камнем биографии Распутина-пророка, активно используется не только исторической, но и в монархической, православной, художественной литературе (в частности, приведена А.И. Солженицыным в «Красном колесе») (Солженицын, 2006. Т. 8: 414); фотография рукописи оказывается в России и она присоединена к фонду Распутина в ЦГАОР⁹.

Биограф Распутина А.Н. Варламов формулирует в значительной мере консолидированную точку зрения на этот важнейший документ:

«Письмо Распутина интересно не только своим пророческим содержанием, но и тем, что его можно признать абсолютно подлинным <...> и если бы в истории с Распутиным было больше подобных бесспорных, не апокрифичных документов, то и биографию его было бы легче реконструировать» (Варламов, 2012: 424–425).

Историки считают «Грозну тучу над Расеей» ключевым документом:

«Письмо Распутина как раз и представляет нам одну из значимых развилок истории. Что, если Николай прислушался бы к предостережению, если бы те образы, которые Распутин создал этими немногими мощными словами, раскрыли бы царю глаза на великую опасность, на тот ужас, к которому Россия устремилась летом 1914 г.? Если бы Николай последовал совету Распутина, изменился бы ход не только российской, но и мировой истории. Если бы Россия не вступила в войну, едва ли могла бы произойти революция – и уж во всяком случае не настолько яростная и всеобщая катастрофа. Трудно даже вообразить, скольких страданий удалось бы избежать.» (Смит, 2020: 80).

БЫЛО ЛИ ПИСЬМО?

Принципиальным для рассмотрения вопроса о подлинности документа является история его происхождения и бытования в контексте аналогичных посланий Распутина царской семье. Путь этого письма совершенно иной, нежели путь эталонных рукописей.

Первый вопрос, над которым стоит задуматься, состоит в следующем: могло ли вообще существовать такое *письмо*. Не телеграмма, а именно письмо. Постановка вопроса требует некоторых объяснений.

Распутин, безусловно, мог писать и писал письма, но много чаще – записки, а еще чаще – телеграммы. В середине 1910-х гг. в отношениях Распутина и императорского двора именно телеграммы оказываются основным способом коммуникации. Это доказывается не только комплексом сохранившихся документов, в том числе телеграмм и писем Распутина царской се-

⁹ ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 63. Л. 21.

мье и обратно, но и свидетельствами близких ему людей. Поскольку в целом подлинность этого письма фундируется высказываниями А.А. Вырубовой, остановимся на них.

Прежде всего, приведем фрагмент протокола допроса А.А. Вырубовой 6 мая 1917 г. в рамках расследования Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, проведенного председателем ЧСК Н.К. Муравьевым. Поскольку вся работа ЧСК носила по отношению к бывшей императорской фамилии откровенно обвинительный характер, то и допрос бывшей фрейлины имел определенные цели, озвученные председателем на допросе: «Комиссию интересует вопрос о той государственной роли, которую вы играли, и о том вреде, который вы, благодаря Распутину, принесли стране своим политическим влиянием.» (Падение царского режима, 1925: 243). В связи с этим неудивительно, что А.А. Вырубова отнюдь не выпячивала своей роли, а напротив, старалась ее умалить; недаром А.А. Блок, также причастный к работе этой комиссии и настаивавший на публикации материалов, записал тогда:

«В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды, хотя она сама даже перед собой убеждена, что она сказала много правды, что она лгала только там, где нельзя узнать (Распутин нет на свете), или там, где это может быть нужно для ее любимого знакомого семейства.» (Блок, 1962. Т. 8: 446–447).

Соглашаясь здесь с А.А. Блоком, обратим внимание на ее свидетельства касательно чисто технического вопроса:

«Председатель. – Вы были в переписке с Распутиным?

Вырубова. – Нет, потому что он ведь был безграмотен. Так что если писал, только телеграммы.

Председатель. – Но вы ему писали. Не потому, что он был безграмотен?

Вырубова. – Писем безусловно я ему не писала. Что же писать письма, он их не читал, давал посторонним, это не особенно приятно.

Председатель. – Но он вам писал?

Вырубова. – Телеграммы. У меня так: если болезнь бывала сестры или брата, или моя, я писала телеграммы, чтобы он помолился; или, если что-нибудь особенное в семье, я ему писала и получала в ответ телеграммы.» (Падение царского режима, 1925: 237).

То есть, с одной стороны, писем Распутину старались не посылать из опасений (как известно, более чем оправданных), что письма могут попасть в чужие руки. С другой, сам Распутин также действовал телеграммами. Не только и не столько потому, что телеграфист, в соответствии с обязанностью и знанием русского языка, передавал его каракули уже значительно более грамотно, искажая его оригинальный слог. Дело в ином: письма шли очень долго. Даже телеграммы шли из Покровского с задержкой: 1 июля 1914 в газетах отмечалось, что «телеграфный обмен с Сибирью, вследствие повреждения линий и неудовлетворительного прохождения телеграфного действия, производится с большим затруднением... образовалось большое накопление телеграмм, задержка

коих в некоторых случаях достигает 48-ми часов» (Коцюбинский, 2019: 34); а позднее, 31 марта 1916 г., Распутин дал из Покровского следующую: «Царское село Вырубовой я замучился тилиграммы идут ниделю всем привет»¹⁰.

Но ни письмо ни телеграмма не смогли бы остаться незамеченными современниками, а особенно текст столь серьезного содержания. Как уже сказано выше, для верификации подлинности писем Распутина мы имеем совершенно бесценный источник – копии его текстов, включая телеграфные, выполненные членами царской семьи: Романовы искренне верили в молитвенную силу Распутина, в божественность его изречений. Особенно это почитание усугубляется после неудачного покушения на Распутина в июне 1914 г.: именно с этого момента аккуратно фиксируются телеграммы, которые были отправлены им царской семье, включая адресованные и Вырубовой; после этого все они оказываются включены в сборники текстов Распутина духовно-нравственного содержания, остававшиеся в распоряжении царской семьи после его смерти. Судя по тому, что в этих перечнях получатель обозначен лишь буквой (в зависимости от списка, порой он и вовсе опущен), значит непосредственный адресат посланий не всегда имел значение, поскольку слова старца воспринимались как пророчества, а они уже касались всех уверовавших в его духовную силу. Также важно сказать и о том, что всё больше усилий требовалось для сокрытия контактов царской семьи и Распутина, по этой причине центром коммуникаций стала А.А. Вырубова; то есть часто телеграммы на ее имя в действительности имели более широкий круг – всю семью императора, которая получала духовные наставления от старца. Конечно, в число телеграмм на имя Вырубовой входили и «личные», касающиеся как семьи Вырубовой, так и многочисленных деловых вопросов, которые пытался решать Распутин посредством влияния на двор; однако такие послания императрице Вырубова не передавала, они частично сохранились в ее бумагах, но не вошли в списки изречений.

И, наконец, нужно сказать о перлюстрации писем и изъятии охранкой оригиналов телеграмм. Телеграммы перлюстрировались даже несколько раз: как позднее показал товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий, начальник почтово-телеграфной конторы в Покровском был ставленником Распутина (Падение царского режима, 1925: 390); здесь речь об А.П. Шестакове, принимавшем большинство телеграмм в Покровском, а также нередко ссужавшего родных Распутина деньгами. Получал копии телеграмм и начальник Главного управления почт и телеграфов В. Б. Похвиснев: «По установившемуся порядку все телеграммы, подававшиеся на имя Государя и Государыни, представлялись мне в копиях. Поэтому все телеграммы, которые шли на имя Их Величеств от Распутина, мне в свое время были известны» (Соколов, 1925: 72).

Общеизвестно, что вступление России в Первую Мировую войну, провозглашенное 20 июля 1914 г. Николаем II с балкона Зимнего дворца, нашло отклик и у Распутина: старец постепенно приходил в себя после ножевого ранения, нанесенного ему в Покровском 29 июня Х.К. Гусевой. Основой мно-

¹⁰ ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 61. Л. 18. Цитируется по автографу на исходящем бланке.

гочисленных умозаключений относительно позиции Распутина по поводу войны стали именно слова А.А. Вырубовой. В 1922 г. в Париже были напечатаны ее воспоминания «Страницы из моей жизни», в которых мы читаем описания событий, предшествовавших вступлению России в войну:

«Дни до объявления войны были ужасны; видела и чувствовала, как Государя толкают: война казалась неизбежной. Императрица всеми силами старалась удержать его, но все ее убеждения и просьбы ни к чему не привели. Играла я ежедневно с детьми в теннис; возвращаясь заставляла Государя бледного и расстроенного. Из разговора с ним я видела, что он считает войну неизбежной. Он утешал себя, говоря, что война укрепит национальные чувства, что Россия после войны станет еще более могучей и т. д. В это время пришла телеграмма от Распутина из Сибири, где он лежал раненый, умоляя Государя: “не затевать войну, что с войной будет конец России и им самим и что положат до последнего человека”. Государя телеграмма раздражила и он не обратил на нее внимания.» (*Танеева (Вырубова)*, 1922: 64–65).

Трудно сказать, каков источник цитаты: воспоминания писались Вырубовой уже в Финляндии, куда она выехала в конце 1920 г.; хотя к изданию 1922 г. приложены в том числе и письма, но текстов Распутина там не отложилось. Вышедшее в 1923 г. в Берлине переиздание этих мемуаров претерпело существенные редакционные изменения, однако телеграмма приведена в том же виде (*Танеева (Вырубова)*, 1923: 49). Когда в 1937 г. А.А. Вырубова писала дополнения к своим мемуарам, Распутину было уделено больше внимания, как будто бы вынужденно:

«В этих воспоминаниях я не хотела упоминать имени Распутина, имени человека всем ненавистного, о котором так много говорили, писали, даже снимали кинокартины. Я считала данную тему уже лишеной интереса. Но меня упорно и настойчиво продолжают просить высказать свое мнение в целях выяснения исторической истины.» (*Вырубова*, 1978: 169). Она повторяет историю о телеграмме несколько иначе, но стоит учитывать, что текст этот представляет собой перевод с английского, на котором были написаны дополнительные главы:

«Когда началась война, Император заметно охладил к Распутину. Это охлаждение началось после телеграммы Распутина Их Величествам в ответ на депешу, посланную мною, по их поручению, старцу в Сибирь с просьбой молиться об успешном завершении войны. Телеграмма Распутина гласила: “Мир любой ценой, война будет гибелью России”. Получив эту телеграмму, Император вышел из себя и порвал ее. Императрица, несмотря ни на что, продолжала почитать старца и верить в него». (*Вырубова*, 1978: 170).

Нельзя в контексте нашего вопроса не отметить того, что в своих воспоминаниях 1937 г. А.А. Вырубова вовсе воздерживается от упоминания пророческого письма, хотя к тому времени оно было многократно опубликовано. Мы также доподлинно не знаем, существовала ли и та самая телеграмма, потому что, возвращаясь к словам Александра Блока, нельзя не забывать о той тесной и доверительной дружбе, которая была между Вырубовой и Распутиным. А поскольку, говоря словами Вырубовой, старец был сделан «козлом отпущения» (*Вырубова*, 1978: 168), то нельзя отрицать того, что идея реабилитации

Распутина подспудно навязывается через мемуарные тексты Вырубовой. Так как современники понимали прямую связь между вступлением России в войну и крахом Империи, то идея провозглашения Распутина в качестве противника войны серьезным образом улучшала мнение о нем.

В любом случае, как мы уже говорили, события конца десятых чисел июля 1914 г. реконструируются в исторической литературе благодаря воспоминаниям А.А. Вырубовой и письму «Грозна туча над Расеей»:

«Он послал императору телеграмму с требованием не вступать в войну. Телеграмма была утрачена, однако Вырубова утверждала, что успела ее прочесть и что там было сказано: “Не позволяй Папе планировать войну, война – конец России и всем вам, и вы все погибнете до последнего человека”. Николай, по ее сообщению, был сильно разгневан и возмущался тем, как Распутин вмешивается в дела государства, к которым, по мнению царя, никакого отношения не имел. Когда стало ясно, что эта телеграмма не оказала никакого действия, Распутин предпринял еще одну попытку остановить Николая. Он потребовал ручку и бумагу и, все еще лежа на больничной койке, написал потрясающее пророческое письмо» (Смит, 2020: 79–80).

К весне 1916 г. относится и высказывание одной из дочерей Распутина, зафиксированное Тобольским губернатором Н.А. Ордовским-Танаевским:

«Охотятся как за зайцем. А тут еще он наболтал: “Убьют меня – все погибнут!” И сам этому верит. Вот перед началом войны, лежа тяжело раненый, начал поправляться в Покровском<!> и вдруг сорвался с постели: “Еду, еду, и не держите, телеграммами ничего не сделаешь! Надо не воевать с соседями, а в союзе воевать против англичанина и француза. Господи, Господи, что затеяли?! Погубят матушку Россию!”» (Ордовский-Танаевский, 1993: 392).

Поскольку свои мемуары автор начал писать в 1948 г. (в то время он уже был схимонахом Никодимом), а идея, что после 1917 г. «за убийство Помазанника Божия продолжено испытание Российских народов» (Ордовский-Танаевский, 1993: 389) является одной из основополагающих в его картине мира, то мы также не можем ручаться за точность цитаты, хотя и здесь мы также находим важное указание именно о телеграммах (которыми, к слову, обменивался с Распутиным и он сам¹¹).

Об антивоенных настроениях Распутина в целом было известно (Семенников, 1929: 28–32), да и трудно ожидать от Распутина положительной реакции на мысли о войне: он понимал, что в первую очередь будут мобилизовать обычных русских мужиков. Когда в конце мая 1914 г. к приехавшему в Петербург Распутину за интервью пришел корреспондент газеты, то одним из вопросов был о том, справедливы ли слова С.Ю. Витте, будто Распутин «против тех, кто накликал войну». Приведем ответ:

«Относительно противничества войне, то оно конечно, кто же станет желать зла себе и своим. Достоинство свое, национальное соблюдать нам надо, конечно, но оружием браться не пристало. Я завсегда это высказывал» (Никитин, 1914: 3).

¹¹ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 74, 75.

Далее, сообщение о том, что в доме Распутиных-Новых заплакала Казанская икона Божьей Матери, содержащееся в мемуарах Матрены Распутиной:

«Мне написали об этом в Тюмень, и когда я прочитала отцу письмо с рассказом о чуде, его лицо побелело: “Пресвятая Богородица плачет о России. Это знак большой беды, грозящей всем нам”. А через неделю весь мир узнал, что это за беда» (Хроника великой дружбы, 2007: 129; составители, никак не поясняя «что это за беда», но поместив документ в хронологию между 17 и 29 июня 1914, тем самым выдают за предвиденное именно покушение на Распутина, а не начало Первой Мировой войны).

Обратимся теперь к документам. 12 июля Распутин получил срочную телеграмму из Нового Петергофа: «Серьезная минута угрожают войной»¹², на которую ответил 13 июля Вырубовой вполне нейтрально: «Нет ее и не надо это левые хотят дипломаты знают как не нужно, постарайтесь чтобы не было, те узнали что у нас беспорядки, одно горе что не могу приехать»¹³; 15 июля срочная информация из Тюмени, напечатанная в газете «Петербургский курьер»: «Как передают лица, находящиеся у постели больного, Распутин крайне подавлен полученной им телеграммой из Петербурга о сербско-австрийском столкновении»¹⁴; в тот же день, 15 июля, из Нового Петергофа получено сообщение, что «Слава богу все мирно устраивается благодарим любовью помним обрадовались письму Анна»¹⁵. При этом Распутин получал и телеграммы другого тона, которые направляли ему сторонники победоносной войны: «Вам известно что всегдашний враг наш Австрия готовится наброситься на маленькую Сербию страна эта почти сплошь крестьянская беззаветно России преданная – нас покроет позор если допустим эту бессовестную расправу при случае поддержите вашим влиянием если сможете правое дело»¹⁶, писали ему из Инжавино Тамбовской губернии 14 июля¹⁷.

16 июля Распутин отвечает Вырубовой совершенно без волнения, причем прежде просит прислать сделанные ею фотографии села Покровского, которые заботят его много больше: «От нечего делать пошли покровские виды молодуха тоже просит. Не шибко беспокойтесь о войне, время придет, надо ей накласть, а сейчас еще время не вышло, страданья увенчаются» (*Распутин-Новый*, 1990: 32). В тот же день к нему отправляется тревожная срочная телеграмма из Нового Петергофа: «Плохие известия. Ужасные минуты. Помолитесь о нем. Нет

¹² ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 158.

¹³ ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Л. 2. (Опубл с ошибками: *Распутин-Новый*, 1990: 32).

¹⁴ К покушению на Гр. Распутина // *Петербургский курьер*. СПб., 1914. № 170, 16 июля. С. 1.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 160. Неизвестно о каком письме идет речь, возможно, написанном из больницы при возможности написать своей рукой; при этом возможность отправки письма «Грозна туча над Расеей» не укладывается не только в отклик («обрадовались»), поскольку такое письмо получило бы иную характеристику, но, прежде всего, в стремительность событий, поскольку письмо из Покровского до Петербурга шло бы пять-семь дней (см. письма Распутина из Покровского в Петербург с почтовыми отметками в деле: РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 393. Л. 212, 218, 221).

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 159.

¹⁷ Существует неверное мнение, вопреки указаниям в оригинале документа, что это «из Петергофа телеграмма без подписи, скорее всего через посредство Вырубовой»; на этом основании фрейлина выведена сторонницей войны и выдумывается целая интрига (*Смит*, 2020: 79).

сил бороться другими» (Смит, 2020: 79), а князь М. М. Андроников отправляет телеграмму «секретарше Григория Ефимовича Распутина» с оплаченным ответом: «Если здоровье старца позволяет его немедленный приезд необходим для пользы папы ввиду надвигающихся военных событий советуют и горячо просят любящие друзья»¹⁸.

17 июля срочная телеграмма из Нового Петергофа: «Тучи все больше угрожают. Должен ради защиты открыто готовиться, сильно страдает» (Смит, 2020: 89); только 19-го Распутин отвечает двумя телеграммами Вырубовой: «Милые дорогие не отчаивайтесь<!>» и «Верю, надеюсь на мирный покой, большое злодеяние затевают, не мы участники, знаю все ваши страдания, очень трудно друг друга не видеть, окружающие в сердце тайно воспользовались, могли ли помочь» (Распутин-Новый, 1990: 32).

Именно в этот момент, как будто, и происходят события с телеграммой, разозлившей Николая II, которую упоминает А.А. Вырубова, и с тем самым письмом «Грозна туча над Расеей». Но места этому письму не находится в канве фактов.

20 июля 1914 г., в день вступления России в войну, Распутин получает в Тюмени срочную телеграмму из Нового Петергофа: «Германия объявила нам войну молись отчаиваются»¹⁹, по-видимому от А. Вырубовой. В ответ он отправил телеграмму на имя Николая II. Вот ее текст:

«О милый дорогой, мы к ним с любовью отнеслись а они готовили мечи и злодействовали на нас годами и я твердо убежден, все испытал на себе всяко зло и коварство получит злоумышленник сторицей, сильна Благодать Господня под ее покровом останемся в величии» (Распутин-Новый, 1990: 32).

Одновременно Распутин ограждал от мобилизации наиболее приближенных к нему лиц. Речь об офицере Г.И. Патушинском, содержателе нотариальной конторы, чья жена была большой поклонницей Распутина и в доме которых в Ялуторовске Распутин многократно бывал. Распутин просит Вырубову о нем: «Напомни сейчас папе чтобы устроил его он все около меня предан потом мне нужен будет»²⁰; после чего телеграммой Главного штаба тот оставлен при уездном начальнике; жена же его вскоре окажет ответную услугу – пристроит Митю Распутина, ратника 2-го разряда, в местные войска.

В дальнейших телеграммах государю он вполне придерживается той же мысли о победе русского оружия. Объяснить это нетрудно: «Война началась... Под влиянием воинственного угара, которым был охвачен и сам Николай и широкие слои буржуазии, Распутин в разговорах с царем не смел видимо – тем более сразу после начала войны – заикаться о своем отрицательном к ней отношении. Однако, Александра Федоровна Романова, при удобных случаях старалась напомнить мужу взгляды Распутина» (Семенников, 1929: 31).

¹⁸ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 162. С пропуском слова «военных» опубли.: Смит, 2020: 79.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 151. С прочтением «отчаивается» и с указанием «от Аликс» опубли.: Радзинский, 2011: 295.

²⁰ ГА РФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.

Приведем телеграммы Николаю II за 1914 г.:

«С принятием Святых Тайн[!] у Святой Чаши умолая Христа вкушая Тело и Кровь духовное созерцанье небесную красоту, пусть небесная сила в пути с вами ангелы в ряды наших спасенье непобедимых героев с отрадой и победой» (21 октября);

«Любви воспоминанья мудрых вечеров Царя Давида, он сим победиши, с нами Бог не ужасайся» (17 ноября);

«На переселение события днем Ангела, народные волны радости живущие в тебе молитвы их услышаны у престола – Ваши геройства записаны на земле и на Небеси» (6 декабря);

«Милый не скорби, от их лукавых хитростей, Бог мудрый через крест показывает славу, сим крестом победиши. То время настанет. С нами Бог, убоятся враги.» (б/д, 1914) (*Распутин-Новый*, 1990: 33–34).

Этот перечень телеграмм по своему содержанию не позволяет предположить, что между ними была та, которую приводит А. А. Вырубова в подтверждение антивоенной позиции Распутина. И не меньшим диссонансом является письмо, причем не только тем что это письмо, а не телеграмма, но и тоном. Те историки, которые скорее идут вослед своих фантазий, чем исторических источников, осознавая невозможность в тот момент именно *письма*, приводят текст «Грозна туча над Расеей» именно как «той самой» *телеграммы* (*Радзинский*, 2011: 294). Другие считали «той самой» телеграммой совсем другие, адресованные даже не императору – речь о телеграмме от 19 июля «Верю, надеюсь на мирный покой...» (*Амальрик*, 1992: 173).

Часто цитируются строки из донесения сотрудника охраны, приставленного к Распутину в Покровском; приведем их и мы:

«20 июля [1915]. Распутин и [И.И.] Добровольский с женой были в том же селе в гостях у Арапова. Вышел отсюда Распутин выпившим и зашел к жене псаломщика Ермолая. В 5 часов 40 минут дня Распутин, вернувшись домой, хотел опять идти на улицу, но Дуня просила не ходить. Послал ее “к чорту”, пьяный ходил прямо, не разбирая грязи. Во время прогулки Распутин разговорился относительно войны. “Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю переслал ему штук 20 телеграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что это «наши домашние дела и суду не подлежат» <...> Распутин получает много писем и телеграмм и сам много отправляет, но агентам перестал давать относить их на почту.» (Распутин в освещении «Охранки», 1924: 276–277).

Даже если абстрагироваться от контекста, а также от того, что разговор этот происходил в годовщину вступления России в войну (оказавшуюся отнюдь не победоносной), нужно отметить, что Распутин говорит о телеграммах, но не о письме.

При этом можно попытаться отыскать и «ту самую» телеграмму: речь, как нам представляется, об отправленной из Тюмени 19 июля 1914 г., которая начинается словами «Верю, надеюсь на мирный покой, большое злодеяние зате-

вают...» Однако вскоре мирные мысли Распутина были затенены ура-патриотическими. В августе в газете «Петербургский курьер» была даже помещена отдельная заметка об отношении Распутина к войне:

«На днях графиня С. И. Игнатьева получила из города Тюмени от Григория Распутина письмо, в котором последний, выражая надежду на благоприятный исход войны, пишет, что как только ему удастся окончательно оправиться от своей болезни, он немедленно же вступит в ряды армии на борьбу с австрийцами. Это письмо Григория Распутина произвело в кружке графини Игнатьевой настоящую сенсацию и почитатели старца отправили ему срочную телеграмму, в которой умоляют его не ехать на войну, так как “и без него обойдутся”. В крайнем случае ему предлагают вступить в санитарный отряд кружка гр. Игнатьевой в качестве брата милосердия.»²¹

Таким образом, никаких подтверждений существования письма «Грозна туча над Расеей» при жизни Распутина не находится.

ЯЗЫК РАСПУТИНА И «ГРОЗНА ТУЧА НАД РАСЕЕЙ»

В этом разделе мы рассмотрим языковые особенности письма Распутина «Грозна туча над Расеей»²². Необходимо для начала сделать небольшое уточнение: А.А. Вырубова называет Распутина «безграмотным», а толковые словари именно это определение соотносят с теми, кто делает много грамматических ошибок. Однако это не вполне верно: де-факто *безграмотный* (вар. *неграмотный*) человек – это тот, который не умеет писать и читать; Распутин же умел и читать и писать, хотя бы и несовершенно, то есть он был *малограмотным*. Поскольку, говоря словами В.А. Богородицкого, «разница между малограмотным и вполне грамотным – количественная» (*Богородицкий*, 1881: 9), то число орфографических ошибок малограмотного не позволяет его считать вполне грамотным. Но чем дальше текст далек от орфографической нормы, то есть чем больше в нем ошибок правописания, тем лучше он отражает фонологическую систему пишущего, приближаясь к фонологической транскрипции. Это позволяет при наличии систематизированного сравнительного материала выявить позднейшие фальсификаты рукописей такого своеобразного автора, как Распутин.

Но судить о языке Распутина возможно только по подлинным рукописям или же по факсимильным воспроизведениям, поскольку расшифровка (археографическая транскрипция) текста оказывается очень далекой от подлинников, причем безотносительно квалификации тех, кто переводил язык Распутина на общепотребительный. Проиллюстрируем свой тезис примерами. Первый – из книги «Мои мысли и размышления» (*Распутин*, 1915: 8–13). Книга эта, из-

²¹ Гр. Распутин и война // Петербургский курьер. СПб., 1914. № 201, 16 августа. С. 4.

²² Выражаем благодарность проф. М. Б. Попову (СПбГУ), прочитавшему этот раздел перед публикацией, за ряд важных замечаний.

данная почитателями Распутина и с его ведома, показательна с точки зрения текстологии: сравним приведенную в ней цитату с приложенными факсимиле (уже в нашем прочтении):

Факсимиле (наше прочтение)

горе метучимся
и злымъ имъ
и сонце негреетъ
алышныхъ
и скупыхъ весна
неутешаетъ
у<и>хъ вочахъ нетъ
нетъ дня всегданоч
намаре
времено
болезнь
наберегу
всегда
такъ волоно
такъ намор<е>
всемъ видно
болезнь набере
гунекому
неизвесно
бесь душу мущить

Транскрипция

Горе мятущимся
и злымъ — имъ
и солнце не грѣет;
алчныхъ
и скучных весна
не утешаетъ;
у нихъ в очахъ нет
дня — всегда ночь.
На морѣ
временная
болезнь,
на берегу же
всегда
такая волна.
На морѣ
всѣмъ видна
болѣзнь, а на берегу
никому
неизвѣстна —
бѣсъ душу смущает.

Вероятно, издание 1915 г. не преследовало цели буквальной передачи рукописи, собственно археографической транскрипции, а лишь передавало смысл; поэтому намного более удивительны научные публикации недавнего времени (Документы Г. Е. Распутина, 2013: 241–244):

Факсимиле (наше прочтение)

Пус<т>ь угрозы

нешлет

со страницам

я ее непо

нимаю

пус<т>ь готь

всекниги

прочитает

ая подумою

Транскрипция

Русь угрозы

не шлет

со страницам.

Я ее не

понимаю,

Русь, хоть

все книги

прочитаете,

а я подумаю.

Налицо не просто вольное, но абсолютно неквалифицированное обращение с рукописями Распутина: зачастую это не просто редактирование, но и фантазийное прочтение. Примеры эти объясняют необходимость обращения именно к подлинникам. В таком случае язык Распутина, наблюдаемый при изучении совокупности его эталонных рукописей, можно будет охарактеризовать. Кроме того, рассматривая рукописи, приписываемые Распутину, можно будет делать выводы об их подлинности в том числе и на основании родственности или же чужеродности языку Распутина.

Письмо, имея в виду «передачу звуков речи буквами», Распутина в значительной мере приближено к фонетическому, как это бывает у людей овладевших лишь правилами графики, но не орфографии. Оно отражает в частности диалектные особенности Тобольского уезда, где Распутин родился и вырос. У Распутина наблюдается обычная для малограмотных людей вариативность в целом ряде частотных слов, но наряду с этим отмечаются и устойчивые написания, а также традиционные для Распутина особенности в рукописях разного типа. Например, в записках (а именно они наиболее известны, поскольку приводились в качестве образца почерка) замечен авторский стиль письма «одно слово – одна строка» и т.п. Вообще говоря, несмотря на кажущуюся неряшливость в оформлении текста, записки Распутина очень лапидарны, написаны обычно на сложенных вдвое полулистах (рукописи на клочках бумаги достаточно редки), содержательно они незатейливы, хотя прочтение их не всегда легко. Телеграммы часто афористичны, однако писались они для сиюминутного употребления, поэтому зачастую на кусочках бумаги.

Собственно же писем, написанных Распутиным, сохранилось мало. Мы подразумеваем не форму письма (лист, вложенный в конверт), а содержание, которое было бы пространное и несло некоторую связную мысль. То есть, как можно судить по редкости таких писем, написание подобных текстов

представляло для Распутина значительную, почти непреодолимую трудность. Упомянутые Илиодором (*Труфанов*, 1917: X) «собственноручные дневники и собрание изречений» Распутина до нас не дошли; исключение составляет тетрадка «Д<н>евник» в собрании РГИА²³. Тем не менее, либо ситуация, либо жизненные обстоятельства вынуждали порой Распутина заниматься и написанием относительно «длинных» писем. Наиболее примечательны его послания к В. М. Лохтину²⁴, мужу ревностной поклонницы Распутина О. В. Лохтиной, а также матушке Марии (Дружининой) в Тобольск²⁵.

«Грозна туча над Расеей» выделяется на фоне других писем Распутина: столь продолжительное по тексту и, несмотря на смысловые разрывы, целостное послание – единственное сохранившееся. Можно сказать, что оно даже исключительно, поскольку подобные или более обширные тексты Распутина дошли до нас в виде списков или печатных изданий. Как показывает исследование оригиналов телеграмм, подавляющее число длинных текстов были писаны не самим Распутиным: они писаны писарской рукой, вероятно, под диктовку, то есть представляют собой переработанную устную речь Распутина, впоследствии подвергавшуюся еще одной орфографической нормализации уже телеграфистом. Остановимся на некоторых особенностях рукописи.

Словоделение

Одной из индивидуальных черт рукописей является специфическое объединение букв (графем) в собственно графическую систему. В случае с языком Распутина можно наблюдать ряд черт, которые отчетливо проявляются на фоне его малограмотности. Речь о том, что Распутин не всегда орфографически разделяет речевой поток на отдельные слова. Эта особенность его рукописей не то чтобы исключительная: сам вопрос слитного, дефисного, раздельного написаний в русском языке крайне непрост. Считается, что даже сегодня «вычленение в потоке речи отдельного слова – непростая задача, решение которой требует языковой рефлексии и достаточно развитого филологического сознания» (*Друговойко-Должанская, Попов*, 2019: 170). Примечательно, что Распутин также осознавал эту трудность, и деление на слова нередко проверялось Распутиным; то есть даже на фоне общей малограмотности он, перечитывая перед отправкой особенно важные письма (например, В. М. Лохтину), правит деление на слова, а также добавляет пропущенные буквы или исправляет неверно написанные. Важно сказать о том, что как раз в тексте «Грозна туча над Расеей» никаких исправлений нет.

В целом же для Распутина характерны написание типа «*янестаралса тебе на грубить подумай янаско-/лькомог тоделал*» (я не старался тебе нагрубить, подумай, я насколько мог то делал), не говоря о «*потом будуквам*» (потом буду к вам), «*будетдо волен*» (будет доволен), «*виднобудет*» (видно будет), «*онеска*

²³ РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 644. Л. 2–12об.

²⁴ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 393. Л. 210–229.

²⁵ ГАСО (г. Екатеринбург). Ф. Р-2610. Оп. 1. Д. 8. Л. 79–81, 85б, 170–173.

зали» (оне сказали), «тайныххристиана» (тайны христиа<ни>на), «потому чтоутебя» (потому что у тебя), «толь косам» (только сам), «уносах леб» (у нас хлеб) и многие им подобные.

Но даже с относительным соблюдением деления на слова мы отмечаем особенности его языка, которые можно видеть практически в каждой рукописи. Например, написание предлогов, союзов и частиц слитно со следующим словом, иллюстрирующий реликт переходного периода в истории русского письма: от древнерусского языка, когда словоделение отсутствовало, к современному языку, в котором слова разделены. Именно для этого периода истории языка характерно выделение пробелами фонетических слов с одним ударением, это мы видим и в эталонных рукописях Распутина. Это касается особенно слитным написанием предлогов – «векатеринбурге», «забеспокойство», «усибя» (у себя), «уменя», «длемоей» (для моей), «сней», «отсерца», «отвсего», «клучему» (к лучшему), «поповоду», «натакую», «налето», «впокое», «безовсяких»; или же союзов – «иптицы», «иее», «иона» (и она), «апиезжать» (а приезжать), «адругия», «иубедительно», то в значении тогда – «товеть», «топросьти»; или же частиц – «нитак» (не так), «нетак», «неубедитьее» (не убедить ее), «быочень», «нехочу», «незаботь» (не забудь), и т.д.

Нередко Распутин соединяет и союз и предлог со следующим словом: «исмирополитом», «аповоздуху», «икматушке», «ивабалаке» (и в Абалаке), «аунас», «иувсех»; порой мы видим местоимение и частицу: «янехочу», или даже союз-местоимение-частица-слово – «ияянеимею» (и я не имею). Местоимения также нередко пишутся Распутиным слитно как со следующим за ним словом, так и с предыдущим; почти всегда так пишется местоимение я – «яваших» (я ваших), «яветь» (я ведь), «ямаленько», «яодам» (я отдам), «яистено» (я истинно), «ноя» (но я); также и другие местоимения – «уей», «онасовсем», «онадолго», «евопревосходительству» и т.д.

Этого характерного признака оригинального языка Распутина в рукописи «Грозна туча над Расеей» мы не видим. То есть мы вообще не отмечаем в этом обширном тексте никаких свойственных Распутину принципов деления речевого потока на слова при письме, хотя союзов, предлогов и частиц в тексте немало: «и просвету», «слес то море», «и меры», «а крови», «от тебя», «и верныя», «не зная», «не попусти», «и народ», «не было», «от веку», «в крови»... Но все они пишутся здесь раздельно, а не слитно.

Алфавит

Особенность рукописей Распутина состоит еще и в том, как он обходится с алфавитом: некоторые буквы он не употребляет или же употребляет их в строго ограниченных случаях, другие он употребляет ошибочно, то есть придумывает на свой лад им значение. Последнее не ново: «Так как некоторые малограмотные не только не имеют полного знакомства с орфографией, но даже не знакомы с некоторыми буквами алфавита и их применением, то в написаниях малограмотного проявляется более творчества, чем при письме вполне грамотного» (Богородицкий, 1881: 9).

В данной связи скажем о том, что «і» (и-десятеричное) употребляется Распутиным крайне избирательно. Постоянно – только в одном случае, в подписи «Григорій», неоднократно в именах – «Исуса Христа» и «Маріи», изредка в окончаниях на -ій и в некоторых других единичных случаях. Но это скорее исключения, поскольку в большинстве случаев Распутин пишет и-восьмеричное, даже в казалось бы в случаях очевидной для него орфографии личных имен, как, скажем, в имени «Илиодор».

Частотна у Распутина Й (и краткое), особенно на концах слов, в том числе и в традиционной формуле начала записок: «милый», «дорогой», «Григорій», «Новый», «чесной», «Вырубовой» и т.д.; также и в середине слова, но не всегда – «беспокойство», «покойно». Буква «Ъ» на конце слова употребляется часто, но далеко не всегда.

Буква «Ё» в Распутиным не употребляется вовсе, тогда как он употребляет архаичную «іѡ» – букву-диграф, которая использовалась в XVIII в. для обозначения звука «О» после мягких согласных, но была упразднена введением «Ё». Однако и ее Распутин пишет особенным образом: она полностью графически повторяет букву «Ю» (без точек, слитно). Интересно, что в этом случае он как будто повторяет типографские опыты XVIII в., когда в кассе наборщиков большинства типографий такого диграфа не имелось, и он заменялся буквой «Ю». То есть когда Распутин пишет эту букву, то в ряде случаев он подразумевает «іѡ», например «непют» (не пьет), «всю» (всё). Вовсе не использует Распутин фиту, ижицу и ять – мы не находим ни одного случая, где бы эти буквы употреблены были в его рукописях.

В случае же с рукописью «Грозна туча над Расеей» отметим слово «неописуем/мый», написанный через букву ять. Любопытно здесь и то, что в прилагательных, образованных от переходных глаголов, суффикс «ем» пишется через «е», а не через «ѣ», то есть в данном случае ять употреблена еще и в нарушение правописания; главное же, повторимся, в том, что эта буква вообще не встречается в других сохранившихся рукописях Распутина.

Другие особенности языка

Можно перечислить и другие отличия языка эталонных рукописей Распутина от того, что мы наблюдаем в тексте «Грозна туча над Расеей». В его языке имеются особенности, которые могут объясняться как его индивидуальным словоупотреблением, так объясняться и влиянием просторечия или диалекта.

Например, в эталонных рукописях мы вовсе не отмечаем разговорного (просторечного) «нету», тогда как в настоящей рукописи дважды «нету» и одиножды литературный (нейтральный) вариант «нет». Отметим различие обычного для рукописей Распутина написания «слез» (слѣз) от употребленного здесь «слесь», хотя для текстов Распутина как раз характерно отсутствие нарушения морфологического принципа орфографии при обозначении звонких и глухих парных согласных, и это подтверждается его подлинными рукописями.

Также обращает внимание то, что в изучаемой рукописи мы видим «себя», а не характерное для основного корпуса текстов местоимение «сибя» (себя),

отражающее сибирское иканье (Селищев, 1921: 242). Не менее чуждо наречие «еще» (еще), которое бы следовало ожидать в его случае написанным либо ишшо/ишо в соответствии с его говором (Селищев, 1921: 150–151; Кошкарева, 2010: 10–11), либо с одним «Ч»: хотя Распутин и употребляет Ш, например «оманшывось» (обманчивость), однако много чаще мы видим написание через «Ч» – «даиче» (да еще), «пучай» (пушай), «уважающий» (уважающий), «смучает» (смущает), «запречено» (запрещено), «запреченой» (запрещенный), «метучимся» (метушимся); встречается нормативное «ишут».

Чуждо языку Распутина написание прилагательного единственного числа мужского рода «неописуемый»: в безударном положении здесь следует окончание *-ой* (неописуемой) (Кошкарева, 2010: 18). Употребленное существительное «крови» – причем дважды, в родительном («а крови»), и предложном («в крови») падежах, в сибирских говорах имеет форму «крове» (Селищев, 1921: 235), как и в рукописях Распутина («запрещеной плод в крове ув<с>ех и у каждова»).

Внимание привлекает написание топонима Россия двумя способами – «нат Расеей» (твор. п.) и «а Расея» (имен. п.). В так называемом «Дневнике» (РГИА) мы этот топоним видим также несколько раз: «в Русе и в русских очень просто убого все руски не фамеле а в душе» (в России и в русских очень просто убого. Все русские не фамилией, а в душе); «схватывает в один мик всю жизнь Расееи» (схватывает в один миг всю жизнь России); «от любви Расеи за пятой год» (от любви России за пятый год); «оне не одной мамоньке и папаньки детки а всей Расей» (они не одной маменьки и папеньки детки, а всей России)²⁶. То есть мы считаем написание через «і» (и десятиричного) чуждым.

Единственный случай, к которому мы склонны отнести не столь категорично – наречие «воистину». Для сибирских говоров характерна замена «И» на «Е» (Селищев, 1921: 154), да и сам Распутин неоднократно пишет наречие «истено» (истинно), «яистено» (я истинно) и т.д., однако в данном конкретном случае нужно оговориться: это наречие, особенное для церковно-славянского языка, Распутин мог знать и усвоить его орфографию.

Выпадение букв и слогов

Описки, связанные с выпадением букв и слогов, особенно характерны для текстов, несомненно написанных рукой Распутина, примеры этому можно найти почти в каждой рукописи. Чтобы было ясно о каких именно пропусках идет речь, приведем некоторые: «слобожъе» (слово божье), «требуца» (требуется), «качество» (как чувство), «наглавами» (над главами), «неволнуса» (не волнуйся), «тиграфирует» (телеграфирует), «леко» (легко), «неопустят» (не отпустят), «вмете» (вместе), «жалат» (желает), «парахд» (пароход), «тиграму» (тилиграму=телеграмму), «именице» (имениннице), «фатанка» (Фонтанка), «беспокойсто» (беспокойство), «всемоим» (всем моим), «поез» (поезд) и т.д.

²⁶ РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 644. Л. 4об, 8об, 9, 11.

В рукописи «Грозна туча над Расеей» мы напротив обнаруживаем лишь один подобный случай – в слове «страдальн<и>цы». Подобное и нехарактерно, и удивительно для столь пространныго текста сравнительно с другими рукописями Распутина.

Пунктуация

Рукопись «Грозна туча над Расеей» обращает внимание обилием пунктуационных знаков: четыре точки и три вопросительных знака. Это исключительный случай, если рассматривать подлинные рукописи Распутина, поскольку старец последовательно не употребляет знаков препинания.

Единственное, что мы можем отметить, это знак переноса, периодически встречаемый в его рукописях. Но формально он относится не к пунктуации, а к орфографии (поскольку это формально дефис). Дефис же в словах Распутиным также не применяется: «*ногогонебуть*» (на кого-нибудь) или по-своему: «*и запустяков*» (из-за пустяков). Не пунктуационное значение имеют единичные случаи употребления Распутиным знака точки, которую мы встречаем при сокращениях в адресах: «*губ.*» (губерния), «*пр.*» (проспект), «*кв.*» (квартира), «*ул.*» (улица) или после цифири. Обратим внимание на то, что в оригиналах отправленных телеграмм часто имеются короткие черточки карандашом или пером – они были оставлены телеграфистом при подсчете слов и также не имеют отношения к пунктуации.

Единственный известный случай употребления в рукописи вопросительного знака – иллюстрация в книге «Мои мысли и размышления» (1915); это факсимиле, на котором видны следы ретуши, оказывается едва ли не единственной рукописью (дошедшей только в виде воспроизведения), в которой имеется вообще пунктуация: «*что завтре? ты наш | руководитель боже | сколько в жизни | путей тернистых.*» Однако ни одной сохранившейся рукописи из всех выявленных нами 260-ти листов мы не видим вопросительных знаков, запятых, восклицательных знаков, двоеточий, тире. Поэтому наблюдаемое обилие пунктуационных знаков в рукописи «Грозна туча над Расеей» опять же делает ее чужеродной.

Особенности почерка

Графические особенности рукописей Распутина разнообразны, но их описание выходит за рамки настоящей работы, как и почерковедческая экспертиза. Однако можно сказать определенно, что рукопись «Грозна туча над Расеей» не вполне отражает оригинальные особенности почерка Распутина, поскольку написана иным образом, лишь напоминающим почерк старца (это можно увидеть и при сличении воспроизведений, которые иллюстрируют нашу работу).

В качестве примера укажем на то, каким образом начертаны в рукописи буквы «К», а также «Ж». В оригинальном почерке Распутина эти буквы имеют общность, поскольку «К», которая сама по себе пишется Распутиным достаточно характерным способом, графически входит в состав другой буквы: бук-

ву «Ж» он выводит по собственной схеме, в которой правая часть аналогична букве «К». Воспроизведения этих букв в изучаемой рукописи и в эталонных образцах почерка достаточно показательны.

Подпись

И, наконец, абсолютно нехарактерна для рукописей Распутина подпись, которая завершает письмо. Мы наблюдаем даже три признака, которые мешают признать ее свойственной рукописям Распутина.

Первое: сама подпись «Григорій». Если сравнить ее со всеми посланиями, которые направлялись Распутиным царской семье в это время, то мы такой подписи нигде не встретим. Как известно, 15 декабря 1906 г. крестьянин Тобольской губернии Григорий Распутин подал прошение на высочайшее имя о дозволении именоваться фамилией «Распутин-Новый», на что государь «изволил выразить особенное желание эту просьбу уважить» и 23 декабря состоялось официальное решение (Раскин, 1993: 56–57). И абсолютно все сохранившиеся письма и телеграммы Г. Е. Распутина этого времени (как писарские, так и собственноручные) подписаны «Григорій Новый», причем отправленные не только императору и императрице, но даже великим князьям²⁷.

Второе: расположение точки от «і» (и-десятеричного). В данном случае она выставлена не над буквой «и», а над предшествующей ей буквой «р». Поскольку вся рукопись «Грозна туча над Расеей» выведена очень аккуратно, то нет сомнений в преднамеренности этого действия. Но подобного мы не встречаем в эталонных рукописях: они напротив демонстрируют устойчивость в написании точки именно над буквой «і», к тому же довольно странно выставление части буквы «і» над другой буквой, тем более, что Распутин в своих рукописях вполне осознанно использует и-десятеричное.

В данном случае мы также находим аналог не в подлинных рукописях, а в распутинской книге 1915 г.: на одном из факсимиле, где подпись Распутина начертана под строкой, где имеется строчная «д». Именно здесь, в результате «мешающейся» нижней части от буквы «Д», Распутин вовсе не пишет полностью букву «Р», пропускает «і», а привычную точку от десятеричного «і» ставит над мачтой буквы «Р».

Третье: в рукописи первая буква «Г» отчетливо прописная, тогда как в эталонных рукописях первая буква его имени практически не отличается размером от остальных; то есть обычно он и в подписи тоже пишет в своей характерной манере, не делая различия между прописной и строчной.

Резюмируем следующим: перечисленные языковые различия рукописи «Грозна туча над Расеей» и корпуса эталонных рукописей столь многочисленны, что не остается никакой возможности продолжать считать ее подлинником руки Г. Е. Распутина.

²⁷ Телеграммы Николаю II (1915 г.: ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 48. Л. 7, 8, 10, 11, 12; 1916 г.: ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 48. Л. 1, 2, 3, 4; Д. 61. Л. 24, 41, 47, 50); императрице Александре Федоровне (ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 50. Л. 1, 2; Ф. 612. Оп. 1. Д. 61. Л. 2-2об, 25; Ф. 640. Оп. 2. Д. 154. Л. 1); вел. кн. Анастасии Николаевне (б/д, ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 6. Л. 1); вел. кн. Ольге Николаевне (б/д, ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 8. Л. 40.)

ЗАЧЕМ?

Несоответствие этой рукописи стилю, языку, почерку Распутина достаточно явное, а представленных аргументов более чем достаточно, чтобы признать «Грозну тучу над Расеей» фальсификатом. Встает ряд вопросов: каким образом это письмо изначально оказалось принято за подлинник, почему никто впоследствии не высказывал никаких сомнений относительно его аутентичности.

Ответ на первый вопрос кажется нам очевидным, поскольку дело происходило в Париже в 1922 г., а письмо вело генеалогию от дочери Распутина. Вывод же Н. А. Соколова о «неапокрифичности» письма вряд ли можно признать компетентным: как Соколов, так и видевшие это письмо при продаже, вряд ли были хорошо знакомы с подлинным почерком Распутина и знали особенности его письменного языка, а также владели подробностями о корреспонденции старца со двором в дни начала Первой Мировой войны. То же можно сказать и о компетенции С. В. Маркова: по его упоминанию, что он видел это письмо в 1918 г. в руках Б. Н. Соловьева (если даже написанное правда, а не аберрация памяти), мы можем лишь ориентировочно датировать этот фальсификат. Что же касается знания почерка Распутина, то вряд ли «эксперты» вообще держали подлинники рукописей Распутина в руках, и уж точно не занимались их изучением. Напомним, что возможность изучить почерк Распутина даже по факсимильным воспроизведениям в 1922 г. была еще крайне ограниченной: в целом был общеизвестен характер его малограмотных писаний, сравнительного же материала для экспертизы практически не было, за исключением нескольких факсимиле в книге «Мои мысли и размышления» (1915) и единичных в периодической печати; причем именно репродукция из указанной книги распространялась огромными тиражами в виде открытых писем.

То есть в 1922 г. экспертиза в привычном нам смысле не проводилась, поскольку рукопись происходила от ближайших родственников Распутина, тем самым как будто подлинность была гарантирована, причем соседствовала с другими рукописями аналогичного генезиса. Основным же вопросом, как кажется, было приобщение письма к следственному делу об убийстве царской семьи. Кроме того, Н. А. Соколов безусловно оказался под гипнозом содержания этого письма. Мы уже писали о феномене искреннего самообмана исследователей, когда содержание документа настолько их ослепляет, что вопрос подлинности как будто отступает: исследователи смотрят «насквозь», то есть решают с помощью новообретенного документа более серьезные, подлинно научные или общеисторические, вопросы (Дружинин, 2023: 468–469).

Трудно даже оценить, насколько спасительным оказалось появление в 1922 г. этого письма в руках следователя Н. А. Соколова. Факсимильное же воспроизведение, напечатанное в 1924 г. во французском издании его расследования наряду с бесспорными вещественными доказательствами гибели царской семьи, не только верифицировало само письмо, но даже канонизировало его. Выгодоприобретателей от обретения этого письма было более чем достаточно; наиболее обширная группа, к которой принадлежал и сам Соколов, — это те, кто горевал

о падении русской монархии и грезил его. Для сочувствующих монархии болезненным был сам вопрос Распутина: в то время имя старца и вообще вся история его отношений с царской семьей казались позорным пятном в истории российской монархии. И вот неожиданно у монархистов появился реальный шанс оправдать и Романовых и их фаворита. До этого момента трудно было рационально объяснить, почему царская семья подпала под влияние простого сибирского мужика, который, обладая и даром убеждения, и талантом видеть сердца людей, в своих поступках был далек от святости, а общение с ним так уронило монархию в глазах простого народа. То есть идея культа Распутина, которая целиком находится в рамках религиозных исканий начала XX в., с обретением письма «Грозна туча над Расеей» совершенно преображалась: Распутин-дьявол превращался в Распутина-пророка. Тем самым обвинения, которые бросались и царской фамилии, и приверженцам самодержавной власти, и сторонникам Распутина – дезавуировались: если это был пророк, который предсказал будущее России, то конечно его место у трона вполне оправдано.

Кажется безусловным, что фальсифицирование происходило при непосредственном участии Б. Н. Соловьева (а его личные качества ничуть тому не противоречат); также весьма вероятно, что М. Г. Распутина, продавая подборку фальшивых рукописей, понимала суть происходившего. То есть родственники Распутина никак не могли оспорить подлинность рукописи «Грозна туча над Расеей», поскольку были вовлечены в сам процесс фальсификации.

Анна Вырубова, которая тоже должна была понять подложность письма, ничего не сказала об этом в своих мемуарах 1930-х гг., хотя она безусловно была к тому времени знакома и с текстом, и с факсимиле. Но как ей было что-то сказать? Если мы вспомним, Вырубова настойчиво представляла Распутина в своих мемуарах именно как вещего старца и духовного наставника; то есть мифологизация Распутина как пророка оказывалась ей выгодна тоже.

Все те, кто был рядом с Распутиным, то есть последователи, приближенные, родственники – кто мог бы разоблачить фальсификат – не высказали ни малейшего сомнения, понимая важность этой рукописи для собственного блага. Они, повторим сравнение, из родственников или адептов того, кого народ именовал дьяволом, превращались в потомков и последователей убиенного пророка. Но они не ограничились молчанием: поняв благотворность этой мистификации, приближенные Распутина начали всячески развивать «пророческий» сюжет в биографии старца.

Именно продолжением линии письма «Грозна туча над Расеей» стало еще одно письмо – «завещание Распутина», текст которого появился в 1928 г. в книге друга и «секретаря» Распутина А.С. Симановича «Распутин и евреи» (Симанович, 1928: 171–172.). Автор хотя и привлекался впоследствии за подделку банкнот, фальшивые банковские чеки тому подобное, но пошел по более простому пути: он лишь цитирует текст этого письма, повествуя, что лично показал его императрице, а царь прочел его уже после смерти Распутина. И хотя, в отличие от рукописи «Грозна туча над Расеей», пророческое «завещание Распутина» неоднократно подвергалось сомнению, вплоть до характе-

ристики «чистой воды подлог» (*Варламов*, 2012: 692), однако научная критика источников, о чем мы уже упоминали, не является сильной стороной литературы о Распутине.

Остается также вопрос о том, не появлялись ли еще рукописи Распутина этого извода, то есть именно фальсификаты, выполненные в том же стиле и тем же почерком. Как мы помним, вместе с изучаемой рукописью было еще несколько, а они не должны были иметь видимых отличий; да и не исключено, что подобные рукописи были проданы фальсификаторами кому-то еще. Среди сохранившихся рукописей аналогов мы не отыскивали, однако довольно много их бытовало в 1920-е гг. за границей и мы выявили несколько по факсимильным изображениям. Показательно, что хронологически первая из них – дарительная надпись на фотографии «скоро беги пока светло Григорій.» была впервые помещена на фронтисписе первого издания воспоминаний М.Г. Распутиной (*Solovieff-Raspoutine*, 1926: front.), а затем не раз перепечатывалась; тем же почерком исполнена записка министру А.Д. Протопопову: «Милый<sic!> дорогой <sic!> устрой беднаго тебе Бог поможет Григорий.» (факсимиле: *Фомин*, 2009: 370.); такое же более пространное письмо императрице, с пунктуацией и характерной для фальсификата подписью, также не включенное в своды писем царской семье (текст: *Амальрик*, 1992: 103; факсимиле: *Дорогой наш отец*, 2012: 152). Говоря же об основном источнике почерка, можно с уверенностью сказать, что им послужили факсимильные воспроизведения из книги Распутина «Мои мысли и размышления» (1915), бытовавшие в том числе и в виде открытых писем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фальсифицирование образа Распутина, начавшееся особенно после февраля 1917 г., шло по нескольким направлениям: одни силы старались сделать его, еще раз напомним слова Анны Вырубовой, «козлом отпущения», превратив едва ли не в виновника разрушения Российской Империи. Здесь мы видим как многочисленные мемуары, так и множество лубочной литературы, раскрывающей в скабрезных выражениях жизнь Распутина и императрицы. Другие силы, преимущественно некогда приближенные к Распутину, действовали в обратном направлении: Анна Вырубова, Арон Симанович, Мария Распутина пытались не только реабилитировать его, но и превратить в великого пророка. Именно они наполнили его биографию вымышленными фактами и предсказаниями, среди которых и «Грозна туча над Расеей».

Расчет оказался верным: факты и личности, на которых есть ареол сакрального, оказываются недостижимы для научной критики. Тем более, что сакрализация Распутина, превращение его в пророка и поддержание этого мифа – краеугольный камень фантазийного образа дореволюционной России и царской семьи. Именно поэтому тексты Распутина до сего дня служили источниками для экзегетики, а не текстологии.

ЛИТЕРАТУРА

Амальрик А. Распутин: Документальная повесть. М., Слово, 1992. С. 1 – 234с.

Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л., ГИХЛ, 1962. Т. 6 / Подгот. текста Д. Максимова и Г. Шабельской.

Богородицкий В. Изучение малограмотных написаний / Отд. оттиск из «Филологических Записок». Воронеж, в тип. В. И. Исаева, 1881. – 32 с.

Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый / 3-е изд. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.) М., Молодая гвардия, 2012. – 851 с.

Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания. [Окончание] / [Пер. с англ. К. Г. Линтваревой] // Новый журнал. Кн. 131. Нью-Йорк, 1978. С. 145–194.

Григорий Распутин: Сб. исторических мат-лов / Сост. В. Крюков. В 4-х т. Т. 1. М., Терра, Книжная лавка – РТР, 1997. С. 153.

Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения / Сост. Л. А. Лыкова: в 2 т. М., Белый город, 2015. Т. 2. – 432 с.

Документы Г.Е. Распутина, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области / Подгот. к печ. О. А. Бухаркиной // Тихон (Затёкин Н.И.) архимандрит, Бухаркина О. А. Григорий Распутин-Новый: Верхотурские страницы. Нижний Новгород, [Без изд-ва], 2013. С. 234–244.

Дорогой наш отец: Г. Е. Распутин-Новый глазами его дочери и духовных чад / автор-сост. С. В. Фомин. М., Форум, 2012. – 640 с.

Друговеико-Должанская С.В., Попов М.Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: Учебник. СПб., Издательство СПбГУ, 2019. – 400 с.

Дружинин П.А. Антикварная книга от А до Я... М., НЛО, 2023. – 608 с.

Коцюбинский Д.А. Покушение на Г. Е. Распутина 29 июня 1914 г. в откликах российской прессы (июнь – июль 1914 г) // Манускрипт. Тамбов, 2019. Т. 12, вып. 3. С. 33–42.

Кошкарева А.М. Очерки сибирской словесности: Учебное пособие. Нижневартовск, Изд-во Нижневартовского гуманитарного ун-ва, 2010. – 182 с.

Марков С. Покинутая царская семья, 1917–1918: Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. Вена, 1928. – 438 с.

Миронова Т.Л. Подложные «письма» Григория Распутина в собрании РГБ // Культура: от информации к знанию / Румянцевские чтения – 2003: Тезисы и сообщения / Сост. Л. Н. Тихонова. М., Пашков дом, 2003. С. 162–165.

Никитин С. Беседа с Г.Е. Распутиным // Петербургская газета. СПб., 1914. № 144, 29 мая. С. 3.

Ордовский-Танаевский Н.А. Воспоминания (жизнеописание мое) / Подгот. текста М. Ордовского-Танаевского. Simbach-am-Inn; Caracas; М.; СПб., Rostic International, [1993]. – 594 с.

Падение царского режима: Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П. Е. Щеголева: В 7 т. Т. III. Л., Госиздат, 1925.

Радзинский Э.С. Распутин. М., Аст, Астрель; 2011. – 576 с.

Раскин Д. Дневник «святого черта» / Публ. Д. Раскина // Родина. М., 1993. № 10. С. 56–58

Распутин Г. Мои мысли и размышления: Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам. Ч. I. Пг., Тип. В. Д. Смирнова, 1915. – 55 с.

Распутин-Новый Г.Е. Избранные мысли, письма и телеграммы царской семье: (собственноручно переписанные на память Августейшими Адресатами) / [Подгот. к печ. А. А. Щедрин] М., 1990. – 55 с.

Распутин в освещении «Охранки» / Из записной книжки архивиста // Красный архив. Т. 5. М., 1924. С. 270–288.

Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, изд. Гос. Иркутского университета, 1921. – 294 с.

Семенников В.П. Романовы и германские влияния во время Мировой войны. Л., Красная газета, 1929. – 152 с.

Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, «Ориент»; «Историческая библиотека», [1928]. – 207 с.

Смит Д. Григорий Распутин и начало Первой мировой войны: Июнь 1914 // Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции: [Коллективная монография] Под ред. Тони Брентона / Пер. с англ. М., Альпина нон-фикшн, 2020. С. 70–86, 328–331.

Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 8: Красное колесо. Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 2. М., Время, 2006. – 536 с.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. [Берлин], Слово, 1925. – 296 с.

Танеева (Вырубова) А.А. Страницы из моей жизни / Русская летопись: Иллюстрированное историческое издание, кн. IV. Париж, Издание «Русского очага» в Париже, 1922. – 245 с.

Танеева А. (Вырубова). Страницы моей жизни. [Берлин, б/и], 1923. – 199 с.

Труфанов С. (бывш. иер. *Илиодор*). Святой чорт: (Записки о Распутине) / Предисл. С. П. Мельгунова. М., Тип. Т-ва Рябушинских, 1917. – XV, 187 с.

Фомин С. Боже! Храни своих! / Григорий Распутин: Расследование. М., Форум, 2009. – 736 с.

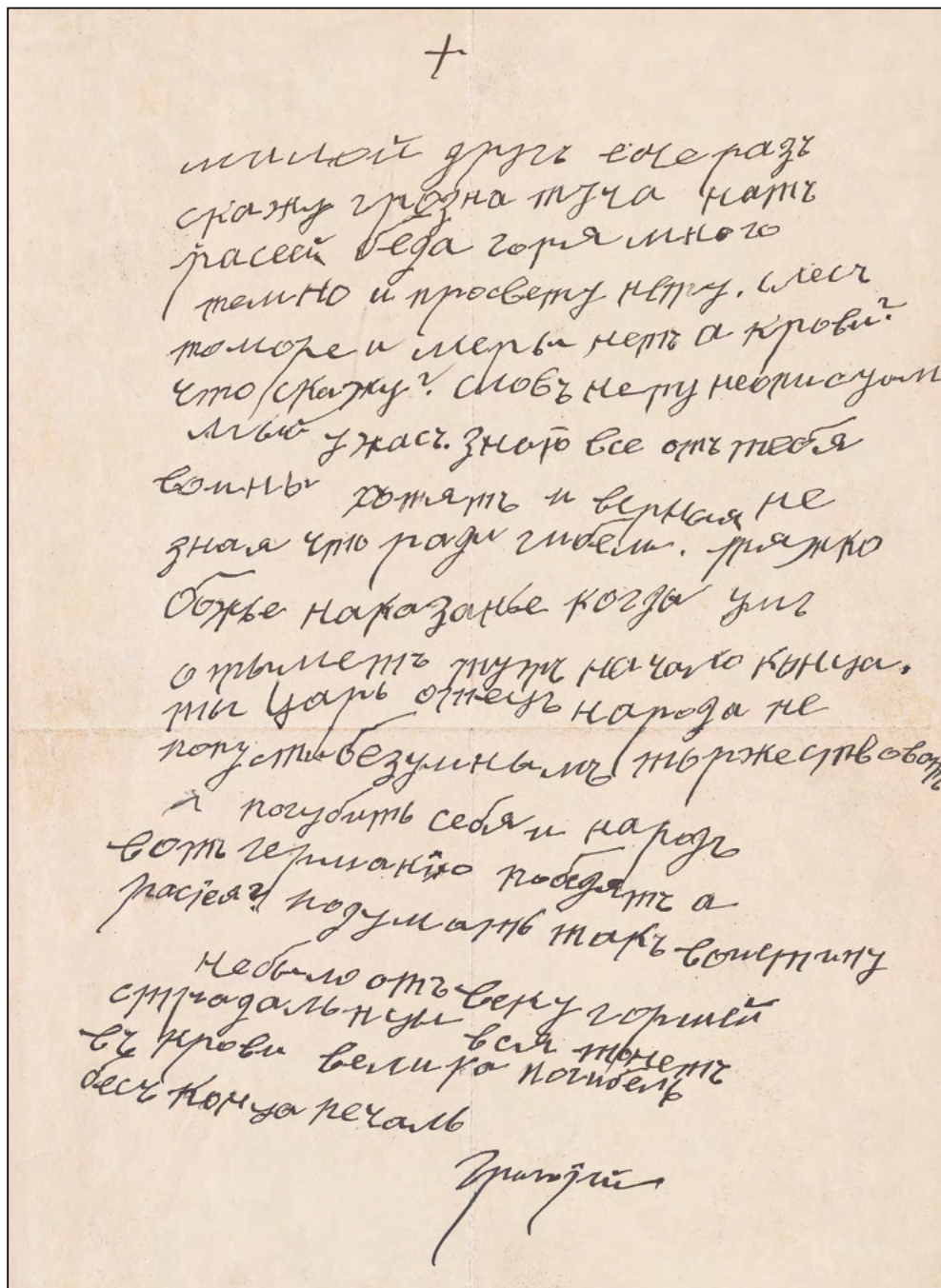
Хроника великой дружбы: Царственные Мученики и человек Божий Григорий Распутин-Новый / Сост. Ю. Рассулин, С. Астахов, Е. Душенова. СПб., Царское Дело, 2007. –

Эткинд А. Дискурс и революция: Григорий Распутин // *Revue des Études Slaves*. Paris, 1997. Т. LXIX, 1–2. P. 223–248.

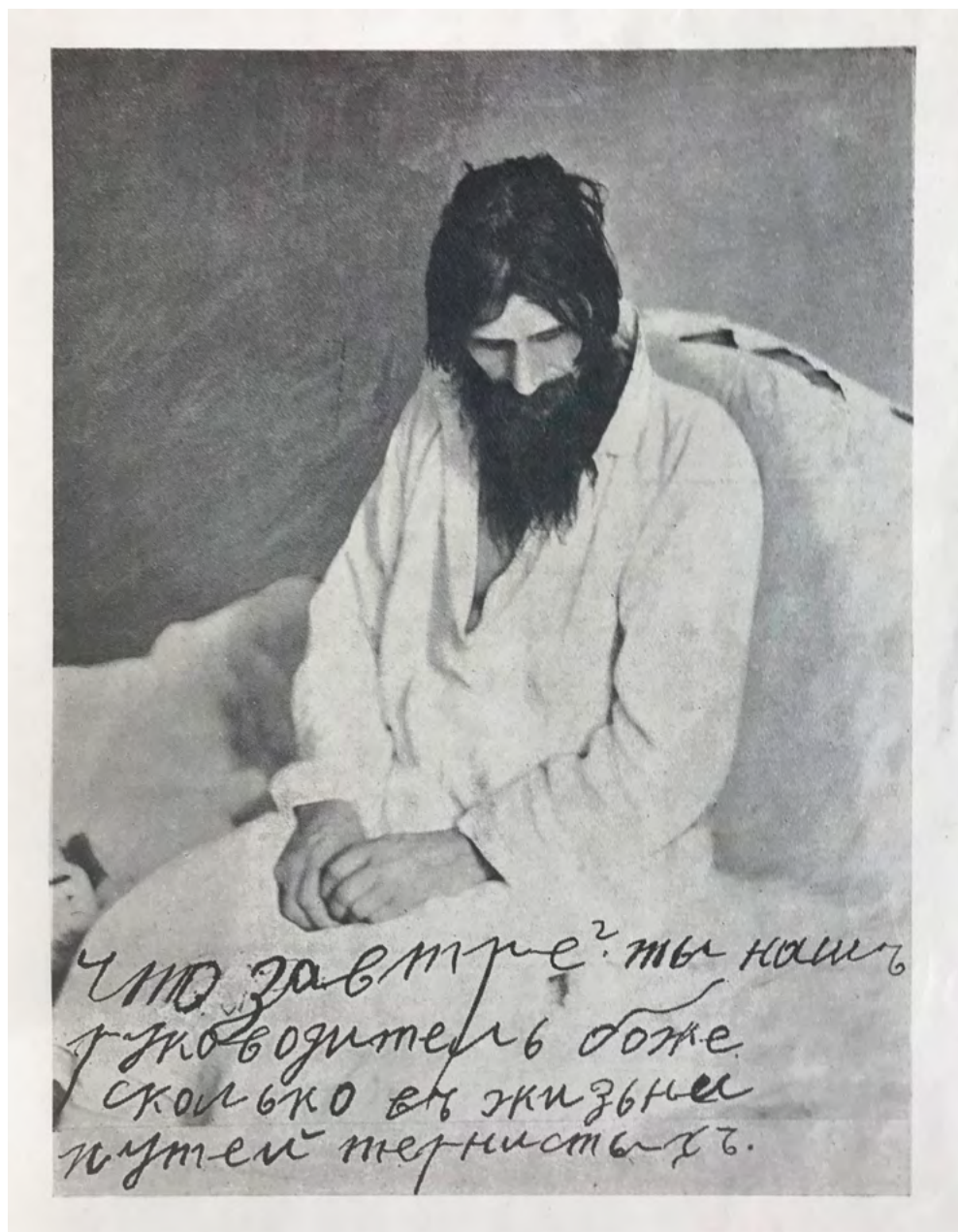
Sokoloff N. Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe. Paris : Payot, 1924.

Solovieff-Raspoutine M. Mon père Grigory Raspoutine : Mémoires et notes. Paris, Povolozky et Cie, 1926.

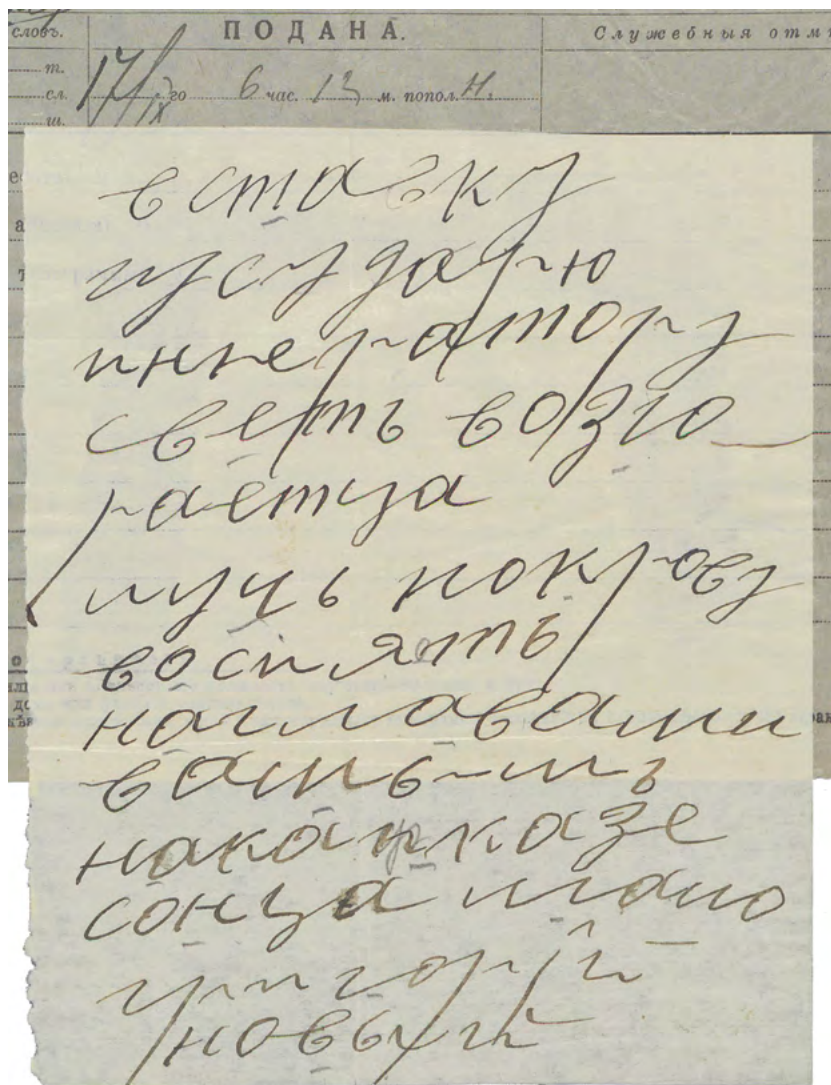
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. «Грозна туча над Расеей». Рукопись, приписываемая Г. Распутину
(Библиотека Йельского университета)

Илл. 2. Фронтиспис книги Г. Распутина «Мои мысли и размышления» (1915).

Илл. 3. Оригинал телеграммы Г. Распутина Николаю II, 17 сентября 1915 (ГА РФ)

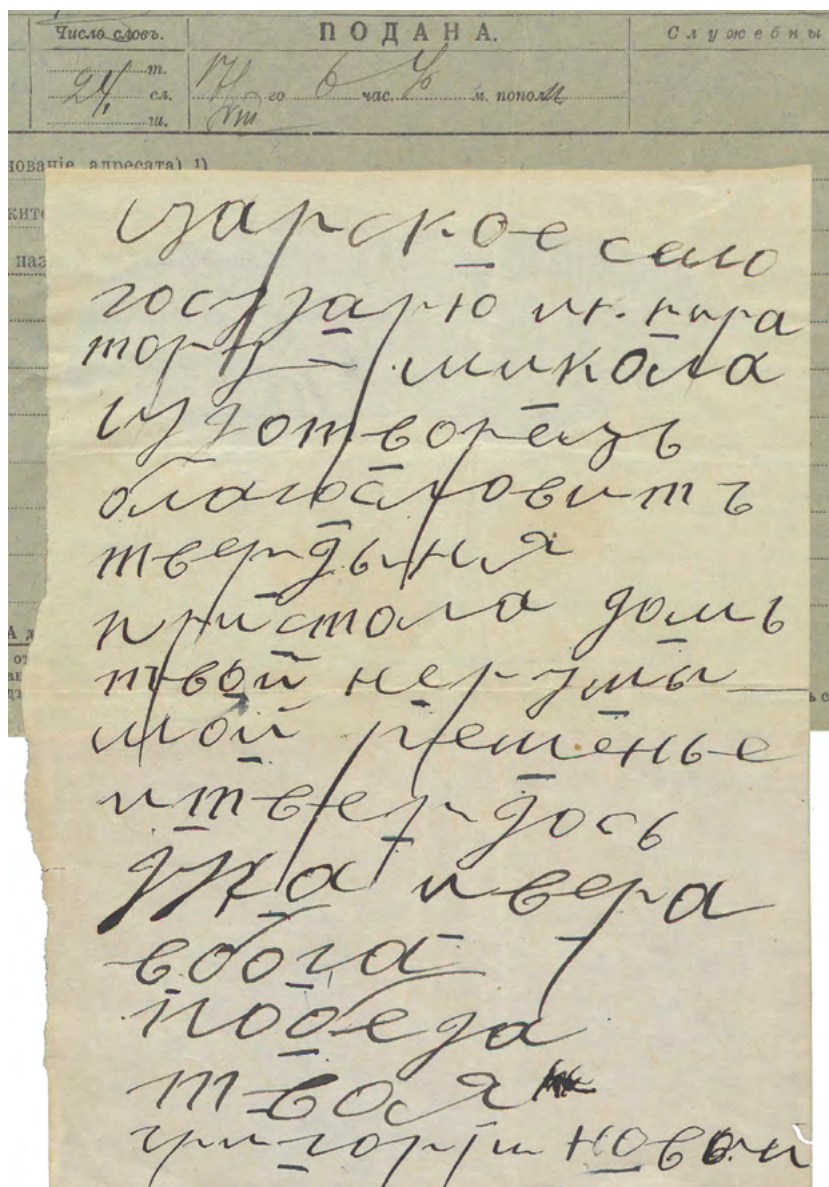
ПОДАНА.

Служебная от м. т. т.

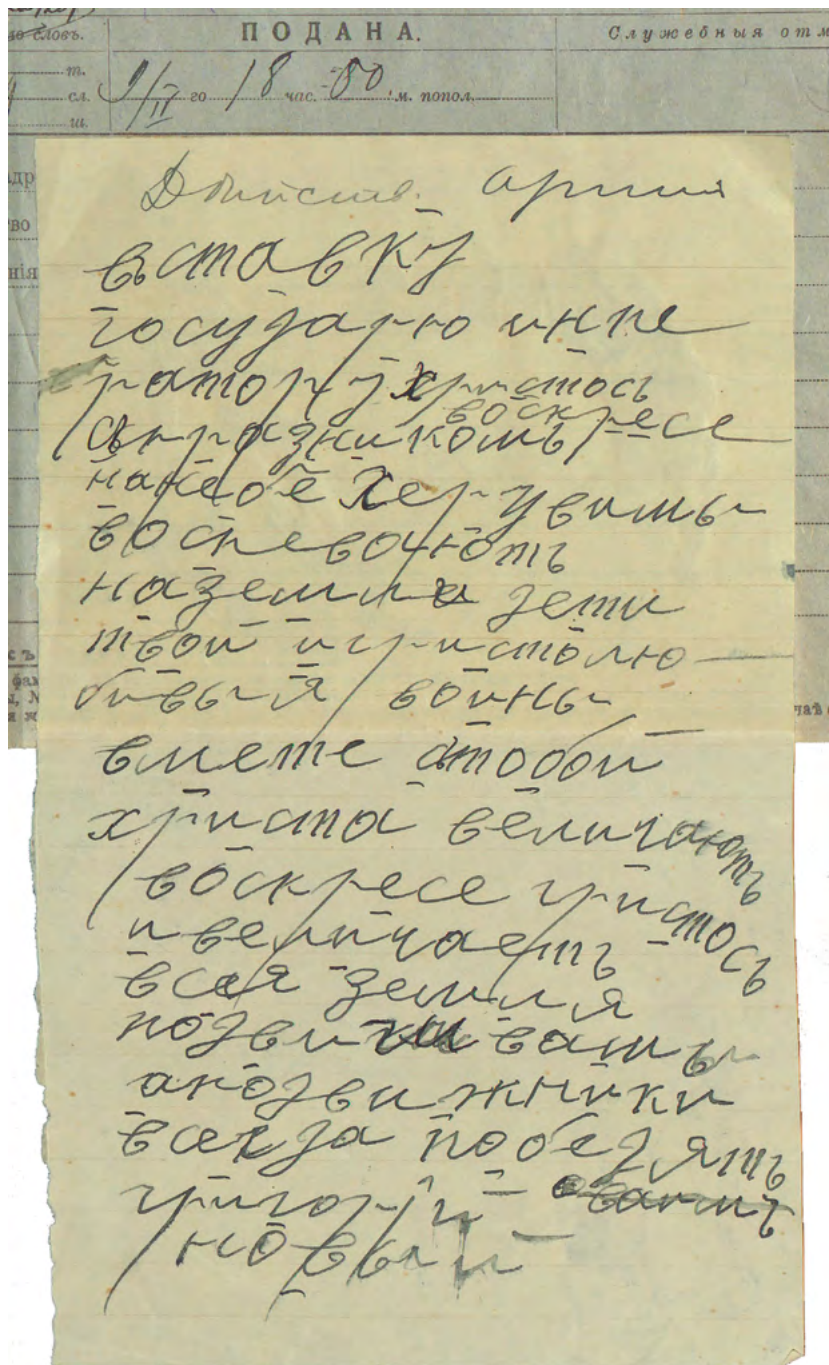
7/9 20 час. 50 м. по пол. д.

в атаку
государю
инне фактору
неопреданте
вмспбтанные
прославит в
госпоуб
своим в
свиектенц
гигорит
новбати

Илл. 4. Подлинник телеграммы Г. Распутина Николаю II, 7 сентября 1915 (ГА РФ)

Илл. 5. Подлинник телеграммы Г. Распутина Николаю II, 17 августа 1915 (ГА РФ)

Илл. 6. Подлинник телеграммы Г. Распутина Николаю II, 9 апреля 1916 (ГА РФ)

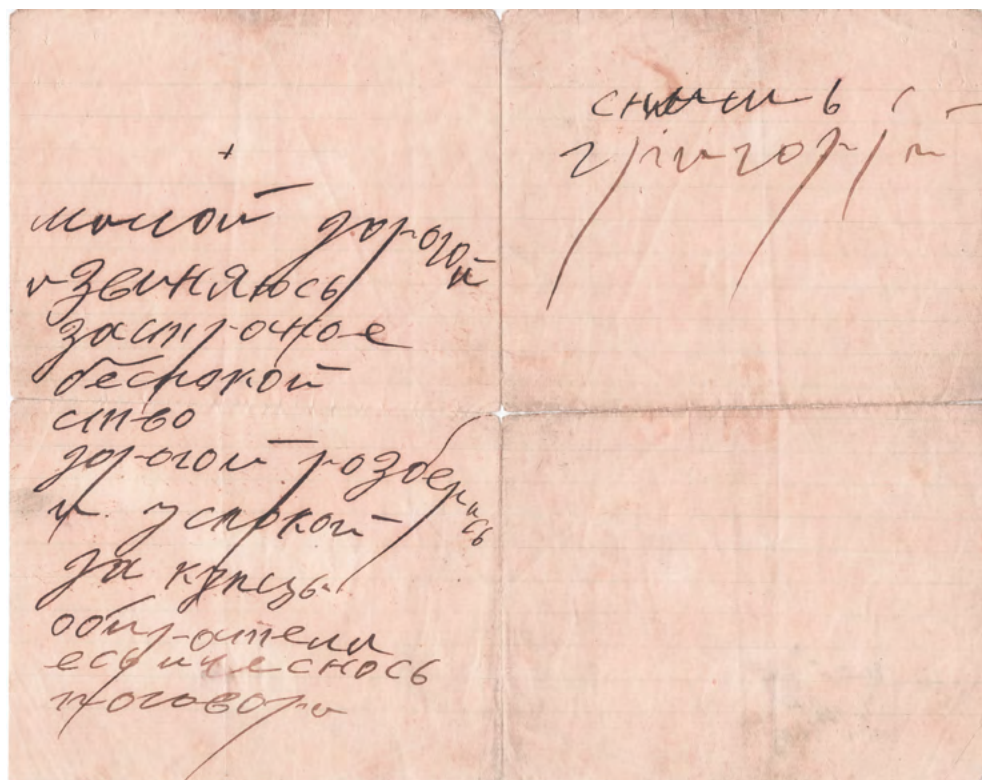
Ловасго ворилъ
онеска зам
что поспомтъ
ръмъ кожда
приведеть ядмаю
разе привдтъ нени
ицныя камне
иномтъ ввѣдакъ
бамъ можно
погрустосовица
Ячмачько по-
мянущъ

Илл. 7. Лист письма Г. Распутина игуменье Марии (Дружининой),
ок. 1911 (Гос. архив Свердловской обл.)

люди изароведн
наземные апоо
здру птмца
консель
это убейте
том ~~у~~ об
скажет
отойдрутми
на невесть тмб
мзросс отвека
гисорт

Илл. 8–9. Фотография Г. Распутина с дарительной надписью на обороте, ок. 1911 (ГЦМСИР)

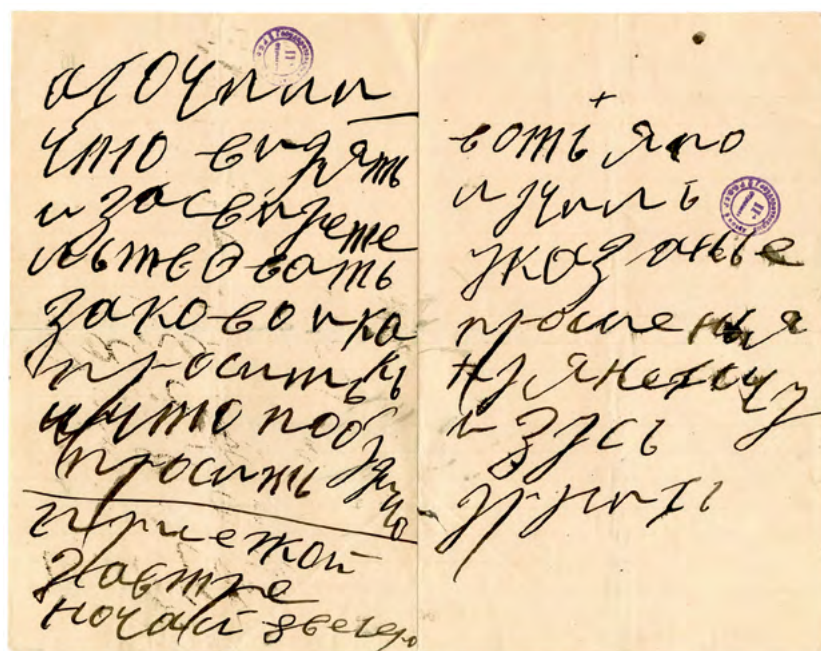
Илл. 10. Письмо Г. Распутина министру финансов П.Л. Барку, 1910-е (ГЦМСИР)

+ 17/6 1910.
Владиславу
Михайловичу Скажы
миной явлю
газету нечитаную
и явлюсь с пленкой
несравненно
также и с фотопро
ктом что у меня
бываю там нет
что такое вас
позвонило написать
срочно и ежели
я не успею сделать
то попросить

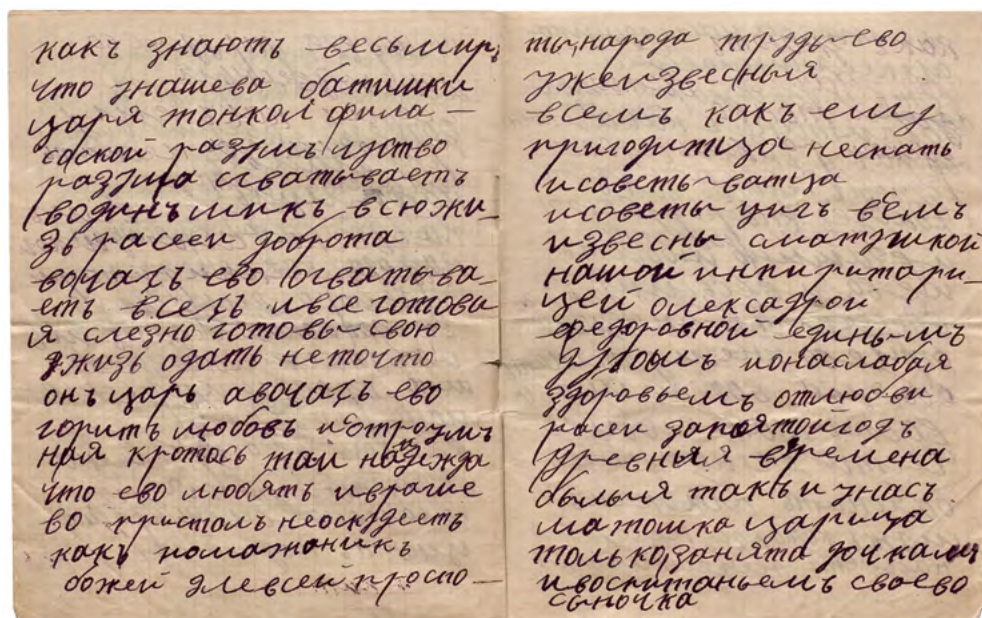
Илл. 12. Первый лист письма Г. Распутина В. М. Лохтину, 1910 (РГИА)

5
+ 5 9/2.
Владимиръ
митаелавичъ
на красномъ въ
сѣнѣвалтесъ
что прирасаванте
чужь она все въ
кого пророка въ
когоучствомъ
и (вотъ чужь
на такъ чужь
несколько прансе
что задумаетъ
и настоятъ

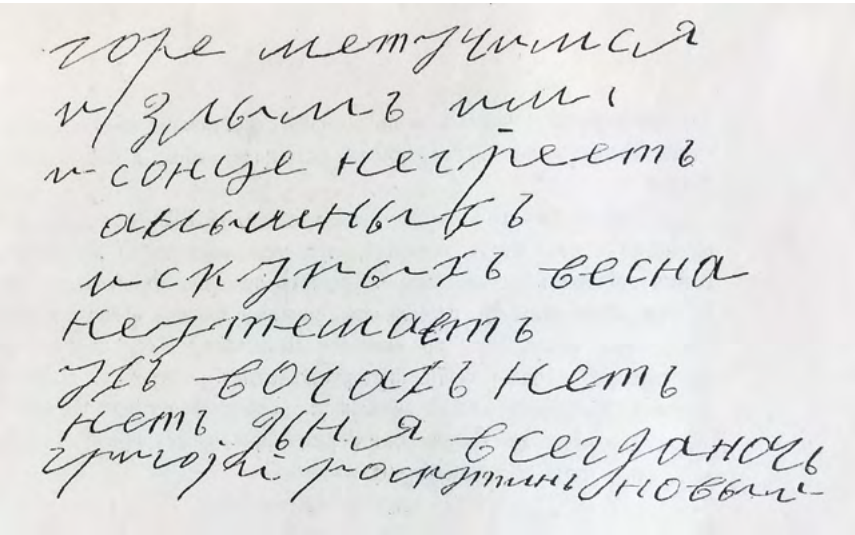
Илл. 12. Первый лист письма Г. Распутина В. М. Лохтину, 1912 (РГИА)

Илл. 13. Письмо Г. Распутина неизвестному, сер. 1910-х (РГАЛИ)

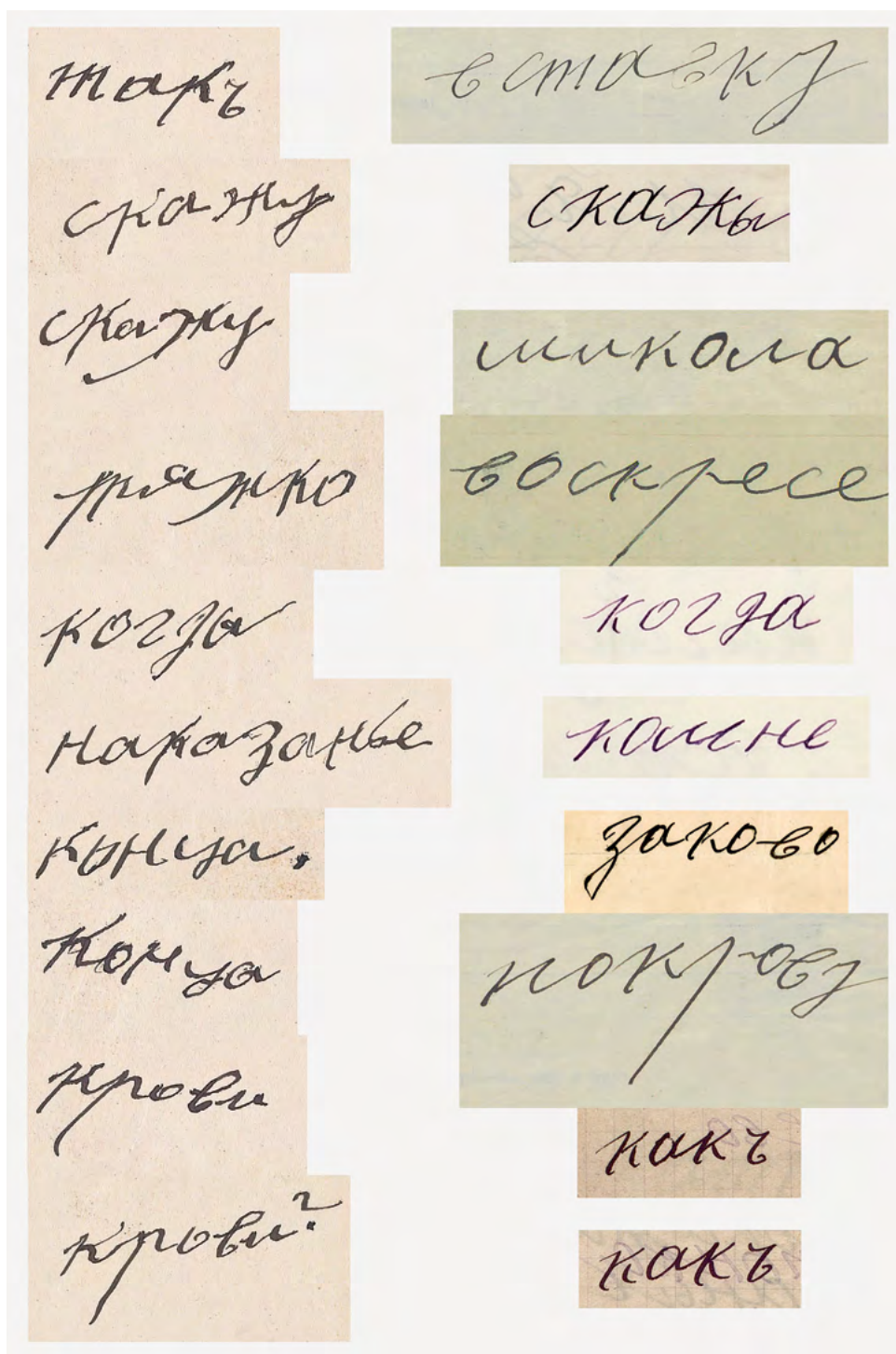
Илл. 14. Разворот рукописного «Дневника» Г. Распутина, нач. 1910 (РГИА)

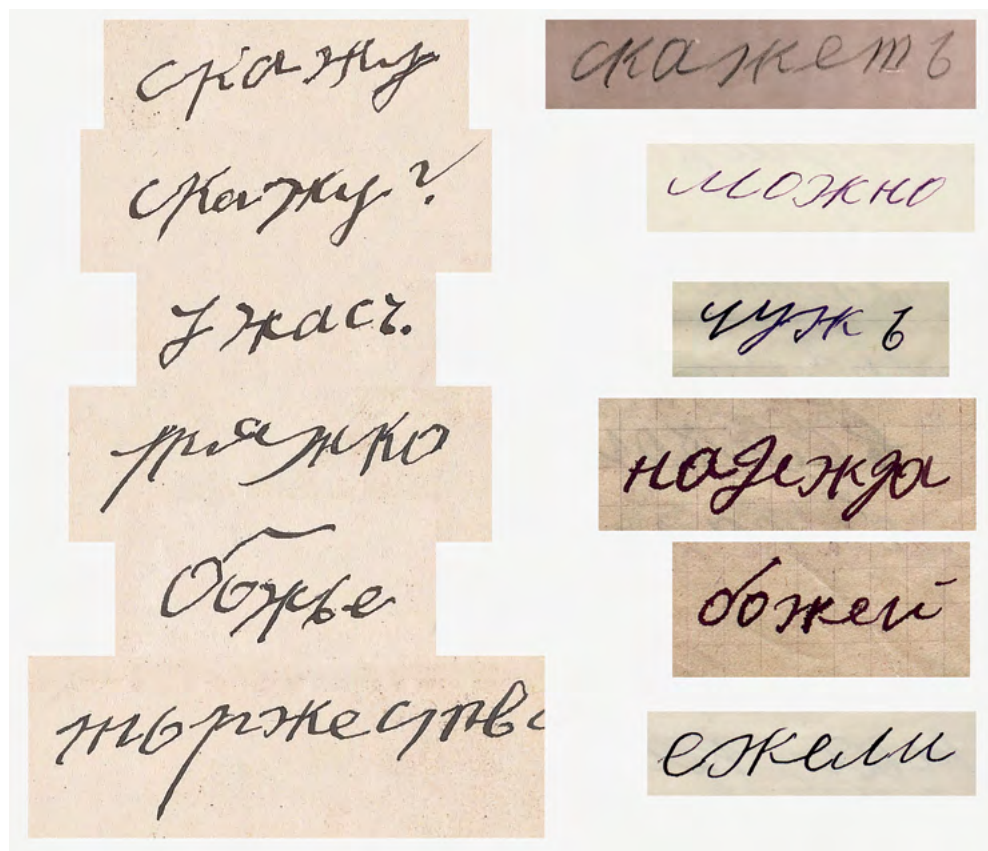
Илл. 15. Факсимиле Г. Распутина из книги «Мои мысли и размышления» (1915).

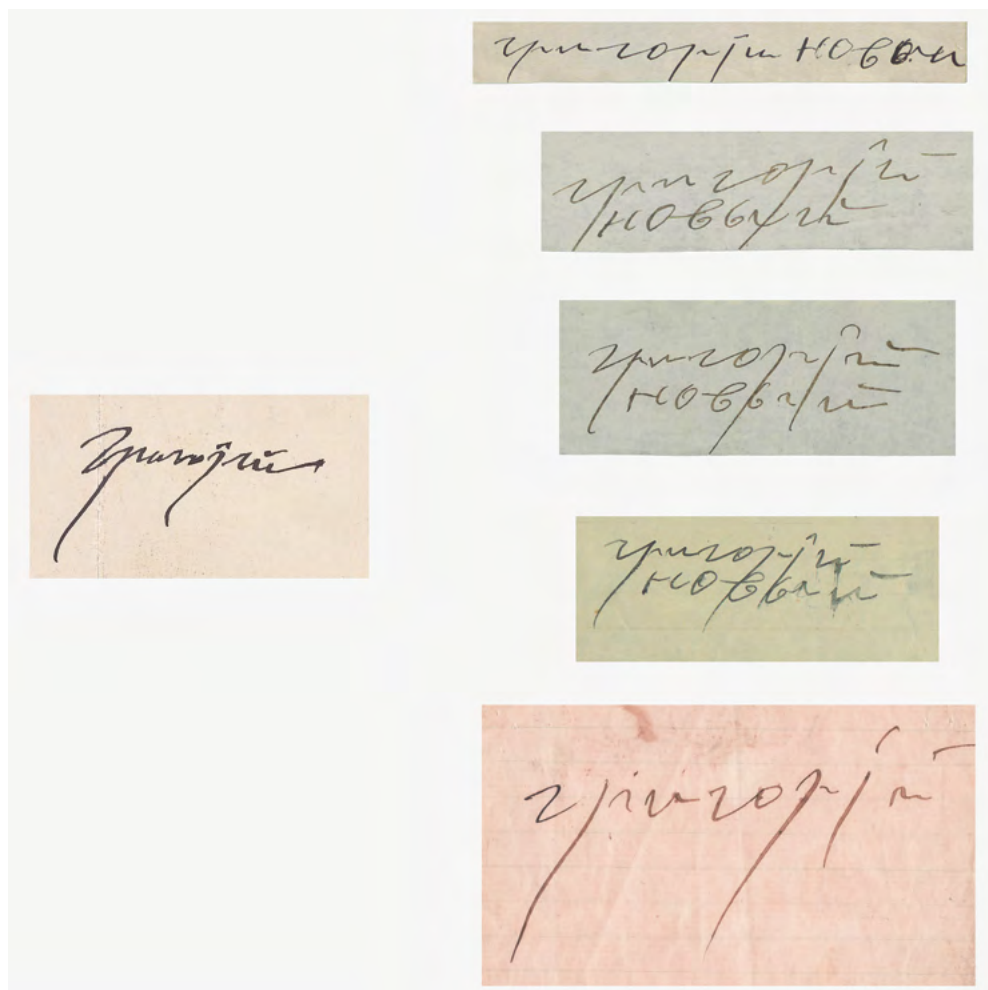
Илл. 16–17. Открытки, воспроизводящие фронтиспис книги Г. Распутина «Мои мысли и размышления», сер. 1910-х.

Илл. 18. Сравнение написания буквы «К» в рукописи «Грозная туча над Расеей» (слева) и в эталонных рукописях Г. Распутина (справа).

Илл. 19. Сравнение написания буквы «Ж» в рукописи «Грозна туча над Расеей» (слева) и в эталонных рукописях Г. Распутина (справа).

Илл. 20. Сравнение подписи Г. Распутина в рукописи «Грозна туча над Расеей» (слева) и в эталонных рукописях (справа).

Илл. 21. Фронтиспис книги Марии Распутиной (1925), на котором воспроизведена фотография Г. Распутина с его фальсифицированным автографом.

А.В. СУХОВО-КОБЫЛИН, С.В. ЭНГЕЛЬГАРТ И А.А. ГРИГОРЬЕВ: СИЛУЭТ НА ЗЕРКАЛЕ АРХИВНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ И СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ

Т.В. Соколова

В отделе рукописей Государственного Литературного музея (ГМИРЛИ им. В.И. Даля, Москва, Россия)¹, в фонде Л.В. Горнунга, хранится автограф перевода на французский язык стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ребенку» («О грёзах юности томим воспоминаньем...», 1840). Сделан перевод Софьей Владимировной Энгельгардт (1828–1894), урожд. Новосильцовой, и датирован 1875 г. (ОРФ ГЛМ. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 49. 1 л., об.; см. илл. 1). В музей рукопись пришла в 1960 г. от Л.В. Горнунга с его пояснительной запиской: «Перевод стих[отворения]я “Ребенку” Софьи Владим[ировны] Энгельгардт, переводчицы Пушкина на фр[анцузский] язык».

Необходимо отметить, что Лев Владимирович Горнунг (1902–1993)², поэт, переводчик и фотохудожник, в чьем фонде находится этот лист, был женат на Анастасии Васильевне Петрово-Соловово (1897–1956), внучатой племяннице А.В. Сухово-Кобылина, и являлся последним владельцем части семейного архива Петрово-Соловово. В эту часть архива входили также материалы, оставленные в России Луизой де Фальтан, дочерью Сухово-Кобылина, когда она в 1918 г. уезжала во Францию³.

Насколько удалось понять при анализе автографа, текст перевода и его автор ни под своей фамилией, ни под псевдонимами (Ольга N., Ольга Н.) в лермонтоведении не фигурировали (см., например: Лермонтовская энциклопедия, 1981; Висковатов, 1989). В частности, не удалось обнаружить упоминания о С.В. Энгельгардт в библиографии переводов произведений М.Ю. Лермонтова на французский язык, в которой значатся самые разные имена — от прекрасных дилетантов до таких «тяжеловесов», как И.С. Тургенев, Л. Виардо, А. Дюма-отец, М.И. Цветаева⁴.

¹ Государственный Литературный музей (ГЛМ) переименован в Государственный музей истории российской литературы (ГМИРЛИ) им. В.И. Даля; см.: Приказ № 493 Министра культуры РФ от 4 апреля 2017 г. Приказ подписан В. В. Аристарховым, в то время первым заместителем министра культуры РФ.

² См. подробнее: Горнунг, 2019; см. также: Горнунг, 2008.

³ См. подробнее: Соколова, 2021.

⁴ Известно, что переводы произведений М.Ю. Лермонтова на французский язык появились в 1840-х гг. Первым из них считается перевод А.А. Столыпина (Монго) «Героя нашего времени», публиковавшийся с 28 сентября по 4 ноября 1843 г. на страницах парижской газеты «La Démocratie pacifique» (см. подробнее: Кандель, 1962; Сосина, 2007; Карбоне, 2020). Стихотворения Лермонтова переводились с середины 1840-х гг. и впоследствии к ним обращались не раз (см. подробнее: Босенко, 2010; Кафанова, 2014).

Lermontoff.

A un enfant.

Nourri d'un souvenir que le passé m'envoie,
Plein d'un trouble secret, d'une secrète joie,
Je te regarde, enfant, dont les traits sont si beaux.
Oh! combien tu m'es cher! — Le sais-tu, toi? — J'adore
Tes yeux vifs, ces charmes épars en blancs anneaux,
Et ton jeune sourire avec toi vois sonner.
On t'a dit, n'est-ce pas, que tu lui ressemblais?
Malin! le temps s'envole, et fêtoie avant l'âge,
Sans que de sa douceur conservés les reflets.
Mais dans mon âme intacte a vécu son image,
Telle ennuie qui autrefois je te traivais aujourd'hui;
Plein de feu son regard sur moi toujours a lui.
Et toi, toi, m'aimes-tu? — Ton cœur me désarçonne;
Mon amour impossible te semble obséquieux,
Pierçant sous d'innocentes larmes cherchant tes jolis yeux;

Источник: Варенцова, 2021, с. 149, кат. 49.

Илл. 1. С.В. Энгельгардт. Lermontoff. A un enfant. Перевод на французский язык стихотворения
М.Ю. Лермонтова «Ребенку». 1875. Автограф. Л. 1.

Текст перевода занимает лицевую сторону листа и его оборот, содержит небольшую правку автора⁵ (см. табл. 1).

Табл. 1. «Ребенку»: перевод, сделанный С.В. Энгельгардт (1875), и текст М.Ю. Лермонтова

С.В. Энгельгардт	М.Ю. Лермонтов. Ребенку. 1840 (цит. по: Лермонтов, 1958, с. 492–493)
<p>Л. 1 Lermontoff. A un enfant. Navré d'un souvenir que le passé m'envoie, Plein d'un trouble secret, d'une secrète joie, Je te regarde, enfant, dont les traits sont si beaux, Oh! combien tu m'es cher! – Le sais tu, toi? – J'adore Ces yeux vifs, ces cheveux épars en blonds anneaux, Et ton jeune sourire avec ta voix sonore. On t'a dît, n'est ce pas, que tu lui ressembais? Hélàs! le temps s'envole, et flétrie avant l'âge, [<i>Нрзб.; зачерк.</i>] Elle a de la douleur conservé les reflets. Mais dans mon âme intacte a vécu son image, Telle encore qu'autrefois je la trouve aujourd'hui, ² Plein de feu ^[1]son* regard [chez] moi** toujours a lui. Et toi, [dis]***, m'aimes tu? – Ton coeur me désavoue; Mon amour imposé te semble obséqueux, Trop souvent mes baisers cherchent tes jolies yeux;</p>	<p>О грезах юности томим воспомина- нием, С отрадой тайною и тайным содрога- нием, Прекрасное дитя, я на тебя смотрю... О, если б знало ты, как я тебя люблю! Как милы мне твои улыбки молодые, И быстрые глаза, и кудри золотые, И звонкий голосок! – Не правда ль, го- ворят, Ты на нее похож? – Увы! года летят; Страдания ее до срока изменили, Но верные мечты тот образ сохранили В груди моей; тот взор, исполненный огня, Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня? Не скучны ли тебе непрошенные ласки? Не слишком часто ль я твои целую глазки?</p>
<p>Л. 1 об. Quelque larme indiscrete aura brulé ta joue! De ma tristesse, enfant, ne lui raconte rien, De moi... rien! et qoui bon! – Ton babil faisait naître</p>	<p>Слеза моя ланит твоих не обожгла ль? Смотри ж, не говори ни про мою печаль, Ни вовсе обо мне... К чему? Ее, быть может,</p>

⁵ Я признательна Г.Л. Медынцевой и Е.Г. Матюшенко за работу с французскими текстами при подготовке этого материала.

Окончание таблицы 1

С.В. Энгельгардт	М.Ю. Лермонтов. Ребенку. 1840 (цит. по: Лермонтов, 1958, с. 492–493)
<p>Le trouble dans son sein, la colère peut être. [зачеркнуто: Mais en secret, à moi, l'on peut tout dire:] Mais à moi, – tu peux tout me confier: Eh bien, La nuit descend; aux pieds d'une image divine – Sa tête sur ton front soucieux s'incline, Elle te souffle un hymne enfantin et tes doigts Se joignent sous les siens pour un signe de croix; T'enseignant à les dire, elle dit la première – Des noms connus, aimés... n'a t'elle point parfois Pour quelqu'un autre encore demandé la prière?... En pâlisant peut être elle aura prononcé Un nom... de ta mémoire en ce jour effacé? Et ne t'en souviens pas! Couvrons le de mystère. A ton oreille, enfant, Dieu veuille le soustraire! Le nom – c'est un son vain. Mais n'importe comment, Par qui, si le hazard faisait qu'il te revienne, Ah! de tes jeunes ans qu'alors il te souviene, Et ne le maudis pas ce nom, ô mon enfant! Moscou, 1875.</p>	<p>Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит... Но мне ты всё поверь. Когда в вечерний час, Пред образом с тобой заботливо склонясь, Молитву детскую она тебе шептала, И в знаменье креста персты твои сжимала, И все знакомые родные имена Ты повторял за ней, – скажи, тебя она Ни за кого еще молиться не учила? Бледнея, может быть, она произносила Название, теперь забытое тобой... Не вспоминай его... Что имя? – звук пустой! Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной. Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно Узнаешь ты его – ребяческие дни Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!</p>

* Возможно, надстрочные цифры в рукописи обозначают изменение порядка слов; в этом случае фраза должна иметь следующий вид: «Son regard plein de feu [chez] moi toujours a lui».

** Возможный вариант прочтения: sur moi.

*** Слово «dis» написано поверх слова «toi» (или наоборот).

Несмотря на то, что фактом литературной жизни этот перевод не стал, он представляет интерес как материальное свидетельство семейных связей и их возможных историко-культурных, в том числе литературных, контекстов, за-

фиксированных архивом Сухово-Кобылиных. Реконструкция аспектов естественной исторической среды бытования этого автографа наводит на мысль о некоторых «сближениях» и позволяет остраненно взглянуть на ряд событий в жизнеописании драматурга и оценке его наследия.

Отношения между Сухово-Кобылиными и Новосильцовыми не ускользали от исследователей. Семьи были в родственных отношениях – через Шепелевых, то есть через семью матери драматурга. И Новосильцовы, и Шепелевы, и Кобылины упоминаются в Государевом родословце⁶. Все три рода – древние, боярские. Хочу обратить внимание на написание фамилии Новосильцовых: члены семьи писали эту фамилию через о, то есть Новосильцовы, подчеркивая, таким образом, древность рода, ибо ветвь, писавшаяся через е – Новосильцевы, – имеет более позднее происхождение⁷.

Не погружаясь в подробности родословий, отмечу, что семьи Сухово-Кобылиных и Новосильцовых в интересующее нас время, то есть при жизни А.В. Сухово-Кобылина, активно взаимодействовали, о чем свидетельствуют, в частности, дневники Сухово-Кобылина, где он отмечает каждый раз, приезжая в Москву, что был с визитом у Новосильцовых. Они же, в свою очередь, бывают у Сухово-Кобылиных, в частности – на именинах Марьи Ивановны, матери драматурга, о чем Сухово-Кобылин тоже упоминает в дневнике⁸.

Значатся разные поколения семейства Новосильцовых и в описи фонда 223 (Петрово-Соловово и Сухово-Кобылины) ОР РГБ, который, как и фонды А.В. Сухово-Кобылина и Л.В. Горнунга в ГЛИМ, состоит из материалов семейного архива и является одной из самых значительных его частей.

Таким образом, состав архивных собраний тоже, безусловно, свидетельствует о прочных и долгих связях между Сухово-Кобылиными и Новосильцовыми.

С.В. Энгельгардт известна разными обстоятельствами своей жизни, но едва ли не более всего тремя: (1) она была другом и корреспонденткой А.А. Фета, переписка с которым публиковалась Н.П. Генераловой в трех томах Ежегодника рукописного отдела Пушкинского Дома⁹; (2) у Новосильцовых собирался кружок «Москвитянина», в который входили Островский, Ап. Григорьев и другие, что представляет для нас особый интерес; (3) в 1875 г. в Париже вышли ее переводы на французский язык произведений А.С. Пушкина (*Oeuvres de Pouchkine... 1875*).

В гуще литературной жизни сестры Новосильцовы оказались благодаря старшему брату – Александру Владимировичу Новосильцову (1822–1884), который был товарищем А.А. Фета и Ап. Григорьева по университету.

Сестер было пять – Екатерина, Софья, Варвара, Надежда и Мария. Чаще других, кроме Софьи, в литературе упоминаются Екатерина и Надежда, а в

⁶ См. подробнее: Веселовский, 1969; см. также: Лихачёв, 1900.

⁷ См. подробнее: Морозов, 1993.

⁸ См.: Сухово-Кобылин, 2002, с. 282, 322, 325, 326, 332 и др.

⁹ См. Генералова, 1998; 1999; 2002.

дневниках Сухово-Кобылина есть запись о частых посещениях Варвары Новосильцовой (Сухово-Кобылин, 2002, с. 325).

Екатерина (1820–1885), старшая из сестер, известна как писательница, публиковавшаяся под псевдонимом Толычева. Когда умерла С.В. Сухово-Кобылина, сестра драматурга и художница, именно она написала некролог¹⁰.

Надежда (ум. 1857) была замужем за Дмитрием Павловичем Голохвастовым (1796–1849), помощником попечителя, а затем попечителем Московского учебного округа и председателем Московского цензурного комитета, двоюродным братом А.И. Герцена. Голохвастов был писателем и историком, печатал статьи в «Москвитянине» и издал «Домострой благовещенского попа Сильвестра» (М.: В университетской типографии, 1849). А Николай Павлович Голохвастов (1800–1847), брат Дмитрия Павловича, упоминается К.Л. Рудницким (со ссылкой на свидетельство Н.В. Минина, друга, почитателя и биографа А.В. Сухово-Кобылина, чей архив хранится в Пушкинском Доме) как один из вероятных прототипов Кречинского¹¹.

После перенесенного А.В. Новосильцовым в 1864 г. удара его дети оказались на попечении С.В. Энгельгардт. Детей было двое:

– сын Юрий (1853–1920), сосед Петрово-Соловово по тамбовским именьям и управляющий Кобылинкой в тот период, когда ею владела уже Луиза де Фальтан, дочь Сухово-Кобылина (документы об этом есть в бумагах Луизы де Фальтан, которые хранятся в ф. 223 (Сухово-Кобылины и Петрово-Соловово) в ОР РГБ). Конец жизни Ю.А. Новосильцова описан его дочерью – М.Ю. Авиновой¹²;

– дочь Евдокия (Нуня) Александровна (род. в 1861), в замужестве фон Регекампф. Умерла она в Киеве, вероятно, в начале войны, но не ранее 2 марта 1941 г., потому что именно этим числом датировано ее последнее письмо Горнунгам, которое нам удалось обнаружить в фонде Л.В. Горнунга в ГЛИМ¹³. Евдокия Александровна уже в глубокой старости (сама она пишет, что ей под 90 лет), в конце жизни, составила, по просьбе Горнунгов, записки о Евгении Тур. Это серия коротких, занимательных, даже курьезных, но правдивых и психологически достоверных сюжетов, которые она в открытых письмах, то есть на почтовых открытках, присылала в Москву племяннице Стазе – Анаста-

¹⁰ См. Толычева, 1867.

¹¹ См.: Рудницкий, 1957, с. 43–45.

¹² Ю.А. Новосильцов умер на Кавказе, вероятно в Сочи, от рака (Avinov, 1968, p. 57). Сама Мария Юрьевна Авинова (1882–1975) была арестована и осуждена тройкой НКВД в 1938 г., сослана в Казахстан. Освободилась незадолго до начала Великой Отечественной войны. Жила в Московской области, так как жить в Москве ей было запрещено. Во время войны оказалась на оккупированной территории. Перебралась во Францию, оттуда – в США. Реабилитирована в 1996 г.; см. [https://ru.openlist.wiki/%D0%90%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%AE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0_\(1882\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%90%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%AE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0_(1882)) (последнее обращение: 5 октября 2021). Некоторое время работала с В.Д. Бонч-Бруевичем.

¹³ Письма Регекампф (ур. Новосильцовой) Евдокии Александровны... Горнунг Анастасии Васильевне. 3 января 1939 – 2 марта 1941. ОРФ ГЛИМ. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 286. 23 л.

сии Васильевне Петрово-Соловово, в замужестве – Горнунг. Рассказы Е.А. Рекеампф – это очень живые и неожиданные (сама она применяла по отношению к ним слово «анекдот») свидетельства, которые имеют особую ценность, потому что являются не только частью жизни семьи, но и частью восприятия семьей того, что в ней происходило. (В 1945 г. эти записки были обработаны Л.В. Горнунгом; в 1947 г. он передал их в ГЛМ, и мы опубликовали их в 2016 г. в журнале «Октябрь»¹⁴.) Записки эти сейчас входят в состав личного фонда Сухова-Кобылина, той его части, что хранится в отделе рукописей Государственного Литературного музея¹⁵.

Еще одно материальное свидетельство отношений между Сухово-Кобылиным и Новосильцовыми обнаружилось в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС): в фонде редких книг тамошней библиотеки хранится Катковское издание (1869 г.) драматической трилогии Сухова-Кобылина с дарственной надписью автора Софье Владимировне Энгельгардт на французском языке (см. илл. 2). Надпись эта достойна того, чтобы ее воспроизвести (см. табл. 2). Из нее драматург предстает вовсе не депрессивным мизантропом, в которого он, судя по множеству свидетельств, превратился после известных постигших его несчастий, сторонящимся света и собратьев по перу, а вполне куртуазным светским львом, дорожающим изданием своих произведений.

Табл. 2. Дарственная надпись А.В. Сухова-Кобылина С.В. Энгельгардт на первом издании драматической трилогии «Картины прошедшего» (1869 г.)

Надпись на французском языке	Русский перевод дарственной надписи
<p>À Madame Sophie Engelhardt Le début de cette histoire ne serait pas comlet si un exemplaire des «Картины прошедшего», grand papier vélin, tenue de gala, ne venait pas frapper à votre porte. Veuillez donc, chère Madame, le recevoir avec bienveillance et affection comme vous en avez toujours reçu l'auteur. Votre parfaitement dévoué, A. Souhovvo-Kabyline [Le] 12. Avril 1869. Moscou</p>	<p>Мадам Софи Энгельгардт Начало этой истории не было бы полным, если бы один экземпляр «Картин прошедшего», на веленовой бумаге большого формата, в праздничном наряде, не постучался бы в Вашу дверь. Соблаговолите, дорогая мадам, его принять с наилучшими пожеланиями и любовью, как Вы всегда гостеприимно принимали автора. Целиком преданный Вам, А. Сухово-Кобылин 12 апреля 1869. Москва.</p>

¹⁴ См.: Соколова Т.В. Евгения Тур в воспоминаниях Евдокии Александровны Новосильцовой / подгот. текста и коммент. Е.М. Варенцовой, Т.Ю. Соболев, Т.В. Соколовой // Октябрь. 2016. № 11. С. 167–182.

¹⁵ ОР ГЛМ. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 48. Автограф Горнунга Л.В. 4 л. 1939. От Л.В. Горнунга, 1947 г.

Источник: <https://lib.ranepa.ru/ru/fond-redkikh-knig/19-k-200-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-aleksandra-vasilevicha-sukhovo-kobylyina> (дата обращения: 21 октября 2021).

Илл. 2. Первое издание драматической трилогии А.В. Сухово-Кобылина (М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1869) с дарственной надписью автора С.В. Энгельгардт на французском языке.
Библиотека РАНХиГС. Москва

Открывшиеся архивные документы, думается, позволяют уточнить не только характер и отдельные обстоятельства взаимодействия двух старинных московских семейств, но коснуться еще одной темы – «огласовки» встречи А.В. Сухово-Кобылина с Ап. Григорьевым на борту парохода, на котором оба возвращались в Россию, с точки зрения *family space* (семейное пространство), то есть встроить этот эпизод в контекст системы семейных связей как социальной сети своего рода.

Эпизод, о котором идет речь, неоднократно упомянут в жизнеописаниях и драматурга, и критика. Ап. Григорьев больше года (с июля 1857 г. по октябрь 1858 г.) жил после закрытия журнала «Москвитянин» за границей, в Италии, куда он уехал в качестве воспитателя князя И.Ю. Трубецкого¹⁶, и возвращался в Россию в надежде продолжить свою деятельность как соредaktor журнала «Русское слово» и снова обрести трибуну для своей деятельности (Зильберштейн, 1973, с. 569). А.В. Сухово-Кобылин возвращался из Франции, куда он ездил уже после завершения дела об убийстве Луизы Симон-Деманш.

За встречей на пароходе и совместным путешествием последовало доверительное чтение находившейся еще в работе пьесы «Дело» самому авторитетному критику времени в Петербурге (Клейнер, 1961, с. 131; Селезнёв, 1989, с. 354). Тем не менее в критическом наследии Григорьева Сухово-Ко-

¹⁶ Трубецкой Иван Юрьевич (1841–1915) – сын Юрия Ивановича Трубецкого (1792–1850, Флоренция), действительного статского советника и камергера, владельца усадьбы Апрашина–Трубецких на Покровке в Москве (Покровка, 22; объект культурного наследия федерального значения); полковник гвардии, военный атташе в Париже. Умер в Париже от эмболии; похоронен там же, на кладбище Батиньоль (*Cimetière des Batignolles*).

былин упоминается, насколько известно, лишь однажды – в статье 1864 г., как автор талантливой и уцелевшей на сцене «Свадьбы Кречинского» (Григорьев, 1980, с. 427). Это и понятно: две другие пьесы Сухово-Кобылина еще не изданы, хотя неподцензурное Лейпцигское издание пьесы «Дело» (1861 г.), вышедшее на средства автора тиражом 25 экземпляров и предназначавшееся для узкого круга лиц, Григорьев мог видеть именно в силу того, что входил в число литературных знакомых Новосильцовых. До других изданий пьес Сухово-Кобылина, а тем более до их постановок, Ап. Григорьев, умерший осенью 1864 г., просто не дожил. Однако после встречи на пароходе в 1858 г., когда Ап. Григорьеву, самому яркому театральному мыслителю времени, и А.В. Сухово-Кобылину, талантливейшему драматургу того же времени, чьи пьесы стали одним из столпов национального театрального репертуара, довелось вместе возвращаться в Россию, постоянного общения между ними не возникло¹⁷. Встреча их носила вполне приязненный характер (не потому ли, что они были уже некоторым образом связаны через Новосильцовых?), и об этой встрече А.В. Сухово-Кобылин 19 октября 1958 г. сделал обстоятельную запись в дневнике (Клейнер, 1961, с. 131).

Что касается лаконичной оценки «Свадьбы Кречинского» в одной из последних статей Григорьева, то причин ее наверняка существует множество, но на одну из них указал Д. Аверкиев в некрологе о критике¹⁸: такую лапидарность, вероятно, можно отнести к недосказанному, высказанному мимоходом и не получившему должного развития. Несостоявшееся же продолжение встречи на пароходе отсылает к теме, к которой обращались исследователи и критики уже более позднего времени, – о подобающем Сухово-Кобылину месте в истории театра¹⁹, которое усилиями крупнейших режиссеров ему удастся занять лишь в XX веке.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиев Д.В. Аполлон Григорьев (Некролог) // Эпоха. 1864. № 8. <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/biografiya/averkiev-apollon-grigorev-nekrolog.htm> (дата обращения: 25 марта 2022).

Александр Сухово-Кобылин. Материалы из собрания Государственного литературного музея: альбом-каталог / Составители Т.Ю. Соболев, Т.В. Соколова М.: Изд-во «Литературный музей», 2021 (серия «Коллекции Государственного литературного музея»).

Босенко В.И. Михаил Лермонтов в переводах Марины Цветаевой // Октябрь. 2010. № 11. <https://magazines.gorky.media/october/2010/11/mihail-lermontov-v-perevodah-mariny-czvetaevoj.html> (дата обращения: 16 октября 2021).

¹⁷ См. подробнее: Мокроусов, 2022 (готовится к изданию).

¹⁸ Аверкиев, 1864.

¹⁹ См., например: Гнедич, 2000, с. 155.

Варенцова Е.М. Рукописи. Документы // Александр Сухово-Кобылин. Материалы из собрания Государственного литературного музея: альбом-каталог / Составители Т.Ю. Соболев, Т.В. Соколова М.: Изд-во «Литературный музей», 2021 (серия «Коллекции Государственного литературного музея»). С. 107–159.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.

Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. Факсимильное воспроизведение книги, вышедшей в 1891 г. в Москве в издании В.В. Рихтера. М.: Книга, 1989.

Генералова Н.П. Письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету: В 3 ч. Ч. I: 1858–1873 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб.: Гуманитарное агентство Академический проект, 1998. С. 43–147; Ч. II: 1874–1884 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 70–120; Ч. III: 1884–1991 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 115–152.

Гнедич П.П. Книга жизни. Воспоминания. М.: Аграф, 2000.

Горнунг Л.В. Свидетель молчаливый. Дневники, мемуары / Сост. Т. Ф. Нешумовой. М.: АСТ: редакция Елены Шубиной, 2019.

Горнунг М.Б. Зарницы памяти. М.: Нумизматическая литература, 2008.

Григорьев Ап.А. Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии и о наших драматургах с воздаянием чести и хвалы каждому по заслугам // Григорьев Ап. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 408–428.

Зильберштейн И.С. Аполлон Григорьев и попытка возродить «Москвитянин» (накануне сотрудничества в журнале «Время») // Литературное наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 567–580.

Кандель Б.Л. Библиография переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки // Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 203–218.

Карбоне А. Три французских перевода «Героя нашего времени» // Лермонтовские чтения – 2019. Многогранные аспекты изучения творчества М. Ю. Лермонтова. Сборник статей. СПб.: АНО РОССИКА «Лики», 2020. С. 31–46.

Кафанова О.Б. Первые критические истолкования Лермонтова во Франции: pro и contra // Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. СПб.: РХГА, 2014. С. 161–174.

Лермонтов М.Ю. Ребенку // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 492–493.

Лермонтовская энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1981.

Лихачев Н.П. Государев родословец и Бархатная книга. СПб.: Рус. генеалог. о-во, 1900.

Мокроусов А.Б. «Мы подружились – я был наэлектризован»: почему не Сухово-Кобылин? «Объективный поэт» в рецепции Аполлона Григорьева // «Не-

видимая величина». А.В. Сухово-Кобылин: театр, литература, жизнь / Сост. О.Н. Купцова, Е.Н. Пенская; отв. ред. Т.В. Соколова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2024. С. 100–109.

Морозов Б.Н. Новосильцовы // *Летопись историко-родословного общества в Москве*. 1993. Вып. 1. С. 32–44.

Рудницкий К.Л. А.В. Сухово-Кобылин. М.: Искусство, 1957.

Селезнёв В.М. Краткая летопись жизни А.В. Сухово-Кобылина // *Сухово-Кобылин А.В. Картины прошедшего* / Изд. подготовили Е.С. Калмановский, В.М. Селезнёв. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1989 (серия «Литературные памятники»). С. 352–358.

Соколова Т.В. Евгения Тур в воспоминаниях Евдокии Александровны Новосильцовой / подгот. текста и коммент. Е.М. Варенцовой, Т.Ю. Соболев, Т.В. Соколовой // *Октябрь*. 2016. № 11. С. 167–182.

Соколова Т.В. Фонд А.В. Сухово-Кобылина в ГЛМ: опыт архивной реконструкции // *Александр Сухово-Кобылин. Материалы из собрания Государственного литературного музея: альбом-каталог* / Составители Т.Ю. Соболев, Т.В. Соколова М.: Изд-во «Литературный музей», 2021 (серия «Коллекции Государственного литературного музея»). С. 69–105.

Соснина Е.Л. Александр Дюма – переводчик М. Ю. Лермонтова. // *Тарханский вестник*. 2007. Вып. 20. С. 177–183.

Сухово-Кобылин А.В. Дневник // *Дело Сухово-Кобылина* / Сост., подгот. текста В. М. Селезнёва и Е. О. Селезнёвой; вступ. статья и коммент. В.М. Селезнёва. М.: НЛЮ, 2002. С. 235–332.

Толычева Т. Софья Васильевна Сухово-Кобылина // *Современная летопись*. 1867. № 36. С. 15.

Avinov M. [Авинова М.Ю.] Pilgrimage Through Hell. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968.

Oeuvres de Pouchkine: traduites du russe par m-me Sophie Engelhardt, nee de Novosiltsoff. Boris Godunoff; Le chevalier avare; Mozart et Salieri; Les nuits d’Egypte / Mme Sophie Engelhardt Nie de Novosiltsoff. Paris: Berger-Levrault et Cie a Nancy, 1875.

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ Р.Ю. ВИППЕРА

А.Ф. Лосев

(Подготовка текста и примечания Е.А. Тахо-Годи¹)

*История
Греции*

Москва
1911–1912

Курс проф. Р.Ю. Виппера

А. Лосев

9 сент<ября> I лекция

Мейер. <<>Теоретические и методологические вопросы истории<>>²
Два рода взглядов на цель изучения истории:

1. Простое описание историч<еских> явлений, простое выяснение причин и следствий (протоколизм и каталогичность).
2. Выяснение *законов* истории.

Представители последнего немецкие историки (Мейер).

Мейер показывает, что ничто в истории не повторяется, все развивается, идет вперед; в истории нет повторений, а потому нет и никаких законов.

Этим двум взглядам соответствует различное понимание истории или как науки естественной, или как науки о духовных явлениях.

Примеры, приводимые сторонниками первого взгляда:

Во Франции – великая революция; для России ничего отсюда не следует.

Древний мир и новый – совершенно различные начала в них жизни.

¹ Благодарю П.В. Резвых и О.М. Савельеву за помощь при расшифровке нескольких неразборчиво написанных слов в лосевском конспекте.

² Речь идет о работе немецкого исследователя древней истории Эдуарда Мейера (1855–1930): *Meyer Ed. Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Geschichtsphilosophische Untersuchungen. Halle, 1902.* По-русски: *Мейер Эд. Теоретические и методологические вопросы истории: Философско-исторические исследования* / Пер. с нем. А.А. Малинин. М., 1904. Второе исправленное русское издание перевода А.А. Малинина вышло как раз в 1911 г.

И первых большинство; но сами сторонники второй теории обнаруживают ее несостоятельность. Так в своих сочинениях:

1. Экономическое развитие древности³
2. Рабство <в> древности⁴

Мейер показывает сходство древнего мира с новым. Как там, так и здесь экономическая жизнь привела к капитализму, к концентрации больших имений и пр<очее>.

Несостоятельность своей теории Мейер показал в споре с Бюхером (экономистом)⁵.

Далее, в «Geschichte des Altertums»⁶ Мейер очень любит сравнения.

И действительно, сравнения для историка заменяют опыт естествоведа.

Вычеркивая исходные факты из явлений и выбирая все общее и постоянное, т. е. пользуясь сравнением как опытом, он может считать возможным признание в основе истории единых и всеобщих начал и строит на их основании, как натуралист на основе своих изысканий, законы, хотя и не совсем точные, то не уступающие почти законам естествознания.

Итак, историк может искать в истории закономерность.

Примеры

Феодализм. Он был результатом

1. древне-германских начал жизни
2. и начал римской истории. (IX–XIII века)

В течение последних 15–20 век<ов> историки отмечали основные черты феодализма.

Они же нашли феодализм и в других странах.

В Японии.

В Африке у темнокожих.

В Московском государстве.

Феодализм<, > по их мнению<, > составляет общую и почти нормальную ступень развития человеческих обществ.

³ Лекция на эту тему была прочитана Эд. Мейером на третьем собрании немецких историков во Франкфурте на Майне 20 апреля 1895 г.; впервые опубликована в «Ежегодниках национальной экономики и статистики» (Jahrbüchern für Nationalökonomie und Statistik, Bd. IX) и одновременно в виде брошюры в издательстве Г. Фишера: Meyer Ed. Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums. Jena, 1895. В 1910 г. вошла в сборник: Meyer Ed. Kleine Schriften. Zur Geschichtstheorie und zur wirtschaftlichen und politischen Geschichte des Altertums, Halle, 1910, S. 6-168. В 1906 г. издана по-русски: Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира / Пер. под ред. М.О. Гершензона. М., 1906.

⁴ Meyer Ed. Die Sklaverei im Altertum. Vortrag, Gehalten in der Gehe-Stiftung zu Dresden am 15 Januar 1898. Dresden, 1898. По-русски: Мейер Эд. Рабство в древности: Доклад, читанный в Дрездене 15 января 1898 г. / Пер. с нем. Е.Н. Каменецкой, под ред. В.Э. Дена. СПб., 1899; Мейер Эд. Рабство в Древнем мире / Пер. с нем. А.В. Вихерского. М., 1899;

⁵ Речь идет о работах Эд. Мейера «Экономическое развитие древнего мира» (1895) и «Рабство в древности» (1898), в которых он полемизировал с немецким экономистом Карлом Вильгельмом Бюхером (1847–1930).

⁶ Главный труд Эд. Мейера «История древнего мира» в 5 томах (1884–1902).

«Средние века» — термин этот стали переносить и в истории и других народов. Напр<имер>, говорят о средних веках Египта за 2000 до Р.Х, Древней Греции, Японии.

Вообще говоря, историки хотят видеть в истории естественную историю человечества. Историк хочет найти типы, группы, общие начала для познания основных двигателей истории.

Не только у многих народов, но даже в пределах истории одного какого-нибудь народа можно находить особенно живучие формы, которые повторяются в течение всей своей истории.

Так в Греции.

Небольшая самоуправляющаяся община — тип для Греции и в стремлении к демократии, и в стремлении к мореходству,

это повторяется одинаково.

Другая живучая форма в древнем мире, враждебная первой: военно-феодалная монархическая власть иностранных держав.

Сначала Персия, потом Рим, потом опять Персия и т. д.

Так в Месопотамии политические, церковные, общественные организации повторялись с замечательным постоянством.

Постоянство замечается даже в СИМВОЛИКЕ.

Замечательно то, как усваивались греческими императорами основы жизни Востока.

Постоянство, т<аким> обр<азом>, можно наблюдать и во времени, и в пространстве исторических явлений (вертикальный и горизонтальный разрез историч<еских> явлений).

Пособия

Пельман⁷

Белох⁸

16 сент<ября> II лекция

Гомеровская Греция.

Археологические раскопки открыли нам подлинную старину Греции, которая стала теперь в истории делиться на целые периоды.

Микенская культура.

Шлиман искал гомеров<скую> эпоху. Но на месте предполагаемой Греции он нашел несколько последоват<ельных> слоев. Нужно поэтому было исследовать, где памятники Гомеровской эпохи.

⁷ Немецкий историк Роберт фон Пёльман (1852–1914). Вероятно, Виппером рекомендован его труд «Очерк греческой истории в связи с источниковедением» («Grundriss des Griechischen Geschichte nebst Quellenkunde»), 4-е издание которого вышло 1910 г. в русском переводе А. С. Князькова под редакцией С.А. Жебелева.

⁸ Немецкий историк Карл Юлиус Белох (1854–1929). Виппер, скорее всего, рекомендовал первое издание его трехтомного труда «Греческая история» (1891–1904), первые два тома были переведены (1897–1899) на русский М.О. Гершензоном.

Эгейская культура.

Открытия на Крите (последние 13 лет)⁹.

В историю Греции не входит изучение истории Востока. Это совершенно иная область.

История Востока не похожа на ту историю, которую изучали 40 лет назад.

Сначала думали, что культуры Египта и Вавилона были совершенно обособлены. Впоследствии этот взгляд сильно изменился.

Кодексы XX или XXII века¹⁰. Они очень сложны, а такие вещи не появляются сразу.

Переписка фараона с подданными сирийцами (XIV века). Она показывает, что существовали оживленные сношения через труднопроходимую пустыню между двумя культурными народами и что был один язык, который можно назвать международным¹¹.

Юго-восток Европы был, т<аким> обр<азом>, частью одного культурного мира.

Еще пример важного значения археологич<еских> исследований.

Область веры и религиозных представлений.

Устанавливается связь между нашей религией и старинной астрологией.

И даже не от вавилонян ведут происхождение наши религиозн<ые> представления, но от еще более древних шумеров¹².

Периодизация истории.

I период. Передняя Азия. [Вавилон, Сирия]

Азиатский. Аравия, Сред<няя> Азия, Малоазийский пол<уостров> и Греция.

(4000–1000 или до 800 года до Р. Хр.)

II период. Центр тяжести передвигается на запад.

Период Передняя¹³ Греция, Рим и Африка.

Средиземного

моря. Район этой культуры – Средиз<ное> море

(1000, 800 г. – 600 г. после Р. Хр.)

⁹ Виппер прежде всего имеет в виду начатые в 1900 г. раскопки на Крите, в Кноссе, предпринятые английским историком и археологом Артуром Эвансом (1851–1941).

¹⁰ Виппер ведет речь о шумерских кодексах, вероятно, о кодексе Ур-Намму.

¹¹ Виппер ведет речь о так называемом Амарнском архиве – клинописных табличках, относящихся к эпохе египетского господства в Восточном Средиземноморье в XIV в. до н.э. Они были обнаружены в 1887 г., к моменту чтения Виппером лекции их изучение только начиналось – первая экспедиция под руководством английского археолога Флиндерса Питри (1853–1942) состоялась в 1891–1892 гг. В 1911 началась экспедиция Немецкого общества востоковедения. Язык Амарнском архиве преимущественно аккадский.

¹² Виппер и в научных публикациях именно так пишет слово «шумеры». Он мог иметь в виду изданную в 1898 г. по-английски, а в 1902 г. в немецком переводе книгу американского ориенталиста Мориса Ястрова (1861–1921) «Религия Вавилона и Ассирии» или работы французского шумеролога Шарля Виrolло (1879–1968) «L'Astrologie chaldéenne: le livre intitulé "Enuma (Anu) ilu Bêl"» (1908), «L'Astrologie chaldéenne: Supplément» (1909).

¹³ В конспекте описка – «передовая».

III период. Центр тяжести передвигается на север.
Среднеевропейский. Особенно интенсивно идет жизнь на Западе, а потом на Востоке.
(600 – до нас).

Что такое гомеровское общество? Отголоски старины или новые начала жизни?

Греки V века (расцвет науки), как они понимали свое прошлое.

В V в. Греция обрела¹⁴ свою независимость. До некоторой степени он развил греческий национализм. Уже тогда задавались вопросы о различии двух столкнувшихся обществ. Конечно, они несколько поддавались стремлениям националистического характера. Но, вообще говоря, культурные греки V в. не знают своей старины.

Так, Геродот говорит много о старых иноземных культурах¹⁵. Но он не присоединяет Греции к восточному миру.

Фукидид еще более характерен.

Первые 22 главы I книги его сочинения¹⁶. В этом очерке гомеровская эпоха для Фукидида только проблеск эллинской культуры. Это эпоха разбоя, имущественной необеспеченности и прочее. Она стоит на низкой ступени социального развития. Эту эпоху Фукидид определяет как первобытную эпоху жизни человеческой.

Как согласить Фукидида с нашими воззрениями? Ведь хронологически он так относится к Гомеру, как мы к Византии. Он очень острый наблюдатель, и во многих отношениях поступает так, как и мы.

Прежде всего возникает вопрос, почему греки V в. начинали свою историю за 4–5 веков до себя?

Очевидно, здесь была какая-то катастрофа, какое-то нашествие народов из глубины Европы, после которого в Греции остались одни руины. О самом завоевании мы имеем предание – переселение дорян в Пелопоннес. Оно вообще вероятно, но оно неправильно передает самый ход завоевания, как одного натиска.

Держава царя Миноса <, по воззрению историков V века >, была переходною ступенью от варварства к культуре.

Какова раса греков и эгейцев – есть между ними разница? Этот вопрос очень смутный, но не представляет особенно живого интереса. Нас более всего интересует культура.

В Гомеровскую эпоху уже начинается национализация народа. Раньше же этот народ был всецело результатом предыдущей истории.

¹⁴ В конспекте описка – «отбила».

¹⁵ Речь идет об «Истории» Геродота.

¹⁶ Речь идет об «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, где в первой книге излагается история древней Греции.

23 сент<ября> 1911. III лекция

Географич<еский> очерк нужен не только в силу традиции или для приличия, потому что в нашей мысли много таких факторов и таких приемов, которые выработались в силу рефлексии над прис<п>о<со>блением.

Антропогеография. Ратцель¹⁷.

2 карты 1) 3 том Мейера¹⁸

2) в Атласе Видаль де Ла Блаш¹⁹

Греческая культура занимает очень малый промежуток времени от 700 года до 300. Всего 400 лет. Но она так много имела содержания, как никакая страна нигде и никогда. Можно ли в природных условиях найти причину этого замечательного развития культуры и затем причину ее неповторения.

Природа была здесь очень небогатая. Климат мало подходящий для культуры, нива мало плодородная и т. д.

Она занимает среднее место между тропическими и умеренными.

Греция – единственная страна перехода и передачи от Востока к Северу.

Вторая особенность Греции. Ее доступность, изрезанность.

В средиземноморском периоде главный район ранней культуры – Эгейское море.

Сухопутные дороги с Востока давали возможность перейти культуре к Греции.

В эпоху ранней цивилизации отдельные перицентры (периметры?) должны были отличаться наиболее интенсивной жизн<ью>, напр<имер> Истия²⁰.

Итак, Греция – это страна транзита. Этим объясняется и то, что на таком малом протяжении могла прокормиться такая масса народа, никогда не скоплявшаяся здесь в таком количестве.

Далее, отсюда же понятно и то, что Греция скоро упала в своей культуре.

Транзит перешел к Сицилии, к Италии, которая действительно находится в центре Средиз<емного> моря, а не в углу его <,> как Греция.

Физические условия способствовали усилению Греции, но пала она не от ухудшения этих условий, а от перемены обстановки.

В изменении природных условий принимал участие и сам человек. Так, желая кормить скот, он не давал на пастбище разрастаться лесу.

Механическое и химическое перерождение почвы.

Второе имело гораздо меньше места в раз<ных> частях Средиз<емного> моря, где были культурные центры.

¹⁷ Немецкий этнограф, основатель геополитики Фридрих Ратцель (1844–1904) издал в 1882–1891 гг. два тома «Антропогеографии», где антропогеография определялась как наука о движении народов, а географический принцип понимания истории использовался для объяснения общественных явлений.

¹⁸ В III томе «Истории древнего мира» Эд. Мейера излагалась история греко-персидских войн и включал карту.

¹⁹ Речь, вероятно, идет об издании «Histoire et Géographie. Atlas classique: 342 cartes et cartons» (Paris: A. Colin, 1894) географа, основателя французской школы геополитики Поля Видаль де Ла Блаша (1845–1918), испытавшего на себе влияние идей Ф. Ратцеля.

²⁰ Город на северо-западной оконечности острова Эвбея.

Но зато механич<еское> перерождение, происходящее от резкого колебания температуры, было там очень велико.

Отсюда здесь резкость очертаний пейзажа; отсюда тот греческий ландшафт, который отличается такой красотой.

Но эта красота вместе с тем и показатель бедности.

Поэтому становится понятной и хрупкость этой великой греческой культуры.

Возьмем, напр<имер> Ахайю²¹. По размерам она не больше нынешней Москвы. След<овательно>, бедность природы вместе с недостатком места делает неизбежной эмиграцию.

Поэтому в природных условиях источник и цепкого чувства независимости и постоянных споров и войн, и чувства привязанности каждого племени к своему месту.

30 сент<ября> 1911. IV лекция

Гомеровский эпос

Нужно разделять вопрос о характере эпоса от вопроса о характере эпохи.

Потому что

1. Эпос – единств<енный> источник сведений о той отдаленной эпохе.

2. Эпос был для общества, которое требовало идеализации.

3. Условности поэтического произведения.

I. Первый вопрос – когда возник и как возник эпос.

II. Второй вопрос – исторический ли это эпос или религиозный.

III. Третий – как относится сюжет к автору хронологически.

IV Четвертый – объективность или субъективность автора

V Пятый. – Среда, в которой действовал автор

I. Вопрос о коллективности гомеровских поэм.

Этот вопрос разрешается сравнительным изучением древнего эпоса разных народов.

Так Калевала у финнов есть коллективное произведение.

Более художеств<енная> композиция у индусов.

Исследования показали, что общий ход развития эпоса у разных народов идет одинаково.

В гомеровских поэмах находят теперь художественный рыцарский эпос, похожий на эпос крестовых походов.

II. Что принадлежит у Гомера действительной истории и что – мифологии?

Воеводский. Введение к Одиссее. (1885 г.)²²

Здесь мифологическое толкование сюжета в гомеровских поэмах. Для него [Л.Ф. Воеводского] вся поэма – надстройка и нагромождение над религиозно-астрономическим мотивом.

²¹ Ахайя (Ахейя) на северном берегу Пелопоннеса изначально занимала пространство около 210 кв.км. Карта Москвы 1911 г., изданная А. Сувориным, охватывает примерно площадь в 329,2 кв. км.

²² Ошибочно указана лектором или автором конспекта дата выхода в свет книги: Воеводский Л.Ф. Введение в мифологию Одиссеи. Ч. I. Одесса, 1881.

У фр<анцузского> ученого Берара в поэмах один реализм²³.

Он думает, что Гомер – предшественник Геродота.

Поэма – руководство для моряков. В ней можно находить заимствования, но все эти заимствования ограничиваются не идеей, а техническими особенностями.

Итак, у Берара история открытий и описание Средиз<емного> моря.

Илиада – история колониального завоевания Малой Азии.

Истинный взгляд на гомеров<ские> поэмы – средний между тем и другим.

III. Именно, у Гомера – разработка реальных личностей на мифической канве, которая заимствована из египетского и вавилонского эпоса.

Фриз доказывает происхождение сюжета гомер<ских> поэм с Востока²⁴.

<Б>реаль. Относит появление И<лиады> и О<диссеи> к 700 г.²⁵

IV. В поэмах находим придвор<ный> этикет, условные приличия и пр<очее>.

Нередко заметно, юморист<ическое> отношение автора к своим героям.

Вообще поэтому автор субъективен.

V. Все говорит за то, что эпоха Гомера довольно культурна.

Какая же ступень развития этой культуры?

V лекция 7 окт<ября> 1911

Не записывал 1 час проп<устил>

VI лекция 14 окт<ября> 1911

VII лекция 28 окт<ября> 1911

VIII лекция 4 ноября <1911>

²³ Речь идет об ученике П. Видаля де ла Блаша, французском эллинисте, исследователе и переводчике «Одиссеи» Гомера Викторе Бераре (1864–1931). Виппер мог иметь в виду книгу Берара «Les Phéniciens et l’Odyssée», опубликованную в 1902 г. Основные работы Берара, развивающие идею реальности путешествия Одиссея, вышли значительно позже: «Les navigations d’Ulysse» (1927), «L’Odyssée d’Homère: étude et analyse» (1931), «Dans le sillage d’Ulysse: photographies de Fred. Boissonnas» (1933).

²⁴ Виппер имеет в виду работу Карла Фриза (1867–после 1940*): Fries C. Studien zur Odyssee. I. Das Zagmukfest auf Scheria / Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft (E.V.). 2/4. Leipzig, 1910. (*дата смерти Р/ Фриза или не указывается, или пишется «после 1934 года», однако его статья была опубликована в январе 1940 г., см: Fries, Carl. L’Origine de la Rhétorique Antique // Revue de philologie, de littérature et d’histoire anciennes, 14 (January 1940), p. 43–50).

²⁵ В конспекте значится: *Реаль*. Это, скорее всего, описка, потому что Виппер, вероятнее, всего имел в виду французского филолога и языковеда Мишеля Бреаля (1832–1915), выпустившего в 1906 г. книгу «Pour mieux connaître Homère» (в 1911 г. вышло ее второе издание), где вопросу о датировке гомеровских поэм уделялось особое внимание и утверждалось, что начало VII века с большой долей вероятности можно называть эпохой Гомера (см. с. 37 по изданию 1911 г.).

А.Ф. ЛОСЕВ – СЛУШАТЕЛЬ ЛЕКЦИЙ ПРОФЕССОРА Р.Ю. ВИППЕРА: К ПРОБЛЕМЕ «УЧЕНИК – УЧИТЕЛЬ»

Е.А. Тахо-Годи

Публикуемый нами конспект из личного архива А.Ф. Лосева сам по себе, конечно, не является памятником истории мировой культуры, но его вполне можно отнести к памятникам истории изучения одного из важнейших ее этапов – истории Греции. Во-первых, он сопрягает имена двух исследователей античного мира – Роберта Юрьевича Виппера и Алексея Федоровича Лосева. Во-вторых, позволяет увидеть позицию Виппера между изданиями двух лекционных курсов, посвященных истории Греции, – 1905 и 1916 гг.

В принципе о факте слушания Лосевым в бытность студентом Московского университета лекций Р.Ю. Виппера было известно давно. Основываясь на лосевских воспоминаниях, А.А. Тахо-Годи в биографии мыслителя, появившейся в серии «Жизнь замечательных людей» еще в 1998 г., писала: «Первая лекция, которую слушал Лосев в самой большой, Богословской аудитории, читал в 12 часов дня 1 сентября 1911 года Р.Ю. Виппер, известный историк античности, занимавшийся также историей раннего христианства. С особенным интересом слушал юный студент историю Греции. Перед этой первой в своей жизни лекцией Лосев дрожал от волнения, как перед слушанием Шаляпина в “Борисе Годунове”» (*Тахо-Годи, 2007: 34*). В кратком, энциклопедическом изложении биографии философа читаем о том же: «В 1911 г. Лосев поступил на историко-филологический факультет Московского Императорского университета, где учился одновременно на 2 отделениях: философском и классической филологии. Историю Греции читал известный античник Р.Ю. Виппер, психологию – Г.И. Челпанов, историю новой философии – Л.М. Лопатин, философию средних веков – И.В. Попов, историю эстетических учений – Н.В. Самсонов, этику Аристотеля – С.И. Соболевский» (*Тахо-Годи, 2016: 469–471*). В опубликованных лосевских письмах к одной из его тогдашних корреспонденток, к Вере Знаменской, мы находим этому подтверждение. 15 сентября 1911 г. он сообщал ей: «В Университете с особенным интересом слушаю проф. Челпанова (основной курс психологии), Щербину (история этики и семинарий по ней), Мальмберга (история древнего искусства), Виппера (история Греции), Поржезинского (введение в языковедение). Еще не читают, но начнут с будущей недели следующие: Лопатин (история новейшей философии), Попов (философия средних веков), Самсонов (история эстетических учений и семинарий по Платону), Соболевский (этика Аристотеля). Специализация в философии, как видите, начинается с первых же пор. Если Вы не забыли, то я ведь на философском отделении историко-филологического факультета» (*Лосев, 2002 (б): 375–376*).

Но, помимо самого факта слушания лекций Виппера или чтения его трудов, таких, как «Очерки истории Римской империи» (штудирование этой книги на третьем курсе университета зафиксировано в лосевском дневнике 9 марта 1914 г. (*Лосев, 2002 (б): 404*), никто до сих пор не задавался вопросом об отношении Лосева-студента к своему профессору и, что еще важнее, к излагаемым им идеям.

С одной стороны, полное игнорирование этой проблемы объясняется очень просто. Изучались связи Виппера с его прямыми учениками – историками (*Наумов, 2018: 77–92*), а Лосев, закончивший факультет по филологическому и философскому отделениям, к этой когорте не принадлежал. С другой стороны, хотя за годы преподавания слушателей у Виппера была не одна сотня, но все-таки не все они выросли в столь масштабного ученого, как Лосев, поэтому достаточно резонов выяснить, повлияла ли на него учеба у Виппера или нет. Однако по лосевским печатным работам прояснить это чрезвычайно затруднительно. Имя Виппера тут встречается всего несколько раз в достаточно нейтральном контексте. В последних томах «Истории античной эстетики» – «Итоги тысячелетнего развития. Книга 1» (1992) – в библиографии к разделу «Гностицизм. Герметизм» указана книга «Рим и раннее христианство» (1954), а в примыкающей к «Истории античной эстетики» книге «Эллинистически-римская эстетика» (1979) в библиографии о Сенеке – статья «Этические и религиозные воззрения Сенеки» (1948). Упоминается Виппер в «Эллинистически-римской эстетике» и в связи с вопросом о «Вековых играх» Августа, причем, что особо примечательно в контексте нашей работы, Лосев не только ссылается на печатные лекции Випера «Очерки истории Римской империи» (1908), но и напрямую вспоминает о годах своего учения у него: «Что такое “Вековые игры”? Нас учили, что все это выдумка и обман Августа. Никаких-де Вековых игр никогда в Риме и не существовало. Август, желавший упрочить свою власть мнимой связью со стариной, сочинил де эти игры, которые будто совершались в Риме один раз в столетие ради прославления и возвеличения мировой мощи Вечного Города. Так, трезвомыслящий Р. Виппер в свое время учил нас, что “Вековые игры” есть только обман и лицемерие Августа. Но уже О. Базинер, не менее трезвый, чем Р. Виппер, но только пользующийся филологическим аппаратом исследователь, смотрит гораздо серьезнее на Вековые игры в своей специальной работе. Тут не место говорить об этих играх подробно. Однако в качестве образа римского эстетического сознания их необходимо кратко зафиксировать в нашем труде» (*Лосев, 2002 (а): 64*).

Как бы ни был любопытен данный пассаж, но понятно, что такого мизерного материала недостаточно. Для реконструкции отношения к Випперу несколько больше дают записи лосевских бесед, сделанные В.В. Бибихиным.

Запись от 16 мая 1971 г. выглядит так: «Table talk. Аза Алибековна: А вы помните этого академика Виппера, который говорил, что киники были первые греческие интеллигенты? – Да, встречался с ним несколько раз. Только это не его мысль, а Бориса Степановича Чернышева: софисты первая интеллигенция» (*Бибихин, 2006: 64*). Ирония А.А. Тахо-Годи неслучайна и, вероятно, целит в

випперовскую манеру модернизации терминологии при описании античного мира (Новиков, Перфилова, 2007: 57–64; Новиков, Перфилова, 2008: 96–100) и в его книгу «Две интеллигенции и другие очерки: сборник статей и публичных лекций, 1900–1912» (1912). Однако Лосев, не упоминая об учебе у Виппера, переадресовывает упрек, указывая на Б.С. Чернышева (1896–1944), ставшего деканом философского факультета МГУ в годы недолго лосевского преподавания там (1941–1944). Второй раз имя Виппера возникает в рассуждениях Лосева об истории греческой культуры 14 июля 1971 г.: «Я всегда поражался скороспелости этой культуры. Один 5 век всё вместили. Помню Виппера Роберта Юльевича, это отец искусствоведа Бориса Виппера. Роберту Юльевичу я сдавал историю Греции и Рима. Настоящий ученый. Российские были такие халявы, неизвестно, стоит на кафедре профессор или мужичье. А он и языки знал западные, и часто бывал на Западе. Так вот он говорил: “Меня всегда поражала скороспелость греческой классической культуры”. Ты смотри, в 6 веке ничего еще нет, или есть всё что угодно. Первая половина 5 века – расцвет, персы, победа над ними. Вторая половина 5 века – уже падение, Пелопоннесская война. 4 век – македонская гегемония <...> На классическую Грецию дай Бог 50 лет падает. Это Виппер говорил. Я и сам тогда думал – что такое классическая Греция! Сначала это же ничтожество! В 6 веке – ничто, в середине 5 века – расцвет. Это загадка, между прочим, мировая загадка для историка. Я вот не знаю, как Тойнби об этом думает. Он ведь глубокий. Тут у него наверное какое-нибудь объяснение глубокое. Я думаю, Тойнби, который написал 12 томов истории культур, знает. Хотя он первоначально специалист по истории Рима. Когда стал знаменитостью, стал писать эти тома, где у него вся мировая история расписана по 21 культуре. Из этих культур некоторые, правда, абортивного характера.

Я бы тебя заставил Тойнби читать, но слишком много на руках дел» (Бибихин, 2006: 87–89).

Таким образом, перед нами вырисовывается следующая, в общем объективная, характеристика Виппера: трезвомыслящий, настоящий ученый, европейски образованный, чьи немецкие корни вполне очевидны, но не свободный от ошибок в своих умозаключениях, игнорирующих филологические науки (как в случае с «Вековыми играми» Августа) и не имеющий столь широкого и глубокого подхода к истории мировой культуры, каковым обладал создатель двенадцатитомного «Исследования истории» Арнольд Тойнби. И – если речь точно передана В.В. Бибихиным – элемент эволюции собственного лосевского понимания истории культуры классической Греции: сначала совпадающего со взглядом Виппера, а потом изменившегося, вероятно, в ходе написания «Истории античной эстетики» («На классическую Грецию дай Бог 50 лет падает. Это Виппер говорил. Я и сам тогда думал – что такое классическая Греция!»).

Может ли эту схематичную картину как-то уточнить публикуемый конспект лекций? Ведь он – не более, чем попытка фиксации первокурсником речи лектора без каких-то личных комментариев. И тем не менее, на наш взгляд, именно этот конспект дает ключ к восприятию Лосевым-студентом своего преподавателя, а вместе с тем и некоторых его идей.

Для того, чтобы реконструировать это отношение, обратимся не только к самому конспекту, но и скажем несколько слов о той общей, в черном колленкоре студенческой тетради, которая его включает. Тетрадь явственно дает нам почувствовать смену психологического состояния слушателя. Сначала он торжественно выводит черными чернилами название лекционного курса, имя профессора, семестр (1911–1912), ставит собственный автограф. Тут сразу ощущается, какую значимость юноша придает предстоящему курсу. Почерк при записи первой лекции, хотя и поспешен, но старателен, однако постепенно эта старательность явно сходит на нет. И дело не в том, что конспекты лекций, в отличие от титульного их листа, пишутся карандашом, а не чернилами – карандаш для быстрой записи, естественно, удобнее, чем ручка с пером и чернилами. Дело в том, что уже через месяц слушанья лекций Виппера Лосев перестает их записывать, а, возможно, и посещать. Итак, праздничное ожидание приобщения к высокой науке, к познанию истории Греции – родины античных авторов, обожаемых им с гимназических лет, – сменяется полным безразличием? Возможно ли такое и как это объяснить, если и в старости Лосев называл Виппера настоящим ученым?

Конечно, лекции Виппера по истории Греции необязательно было записывать, так как профессор первую их часть уже опубликовал в 1905 г. (в 1906 и 1909 вышли второе и третье издания). Хотя Виппер, как известно, никогда не импровизировал, а читал по готовому тексту, все же устные лекции отличались от печатных, потому что воззрения самого лектора в ходе их чтения претерпевали определенные изменения, о чем свидетельствуют и дополненное издание 1916 г. «История Греции в классическую эпоху: IX–IV вв. до Р.Х.», и лосевский конспект первой лекции 9 сентября 1911 г. с ее попыткой теоретически осмыслить различные подходы к изучению истории, что было явно принципиально для Виппера, публиковавшего на протяжении всего 1910 г. в журнале «Современный мир» на эту тему статьи, вышедшие отдельной книгой «Очерки теории познания исторического процесса» как раз в 1911 г. Кстати, лосевские записи этой лекции позволяют скорректировать проводимые ныне сопоставления между воззрениями Виппера и видного специалиста по истории древнего мира, автора пятитомной «Истории древности» (1884–1902), профессора Берлинского университета и сторонника «теории цикличности» Эдуарда Мейера (1855–1930)¹, чьи построения вовсе не казались Випперу бесспорными.

Понять истинные причины отказа Лосева от фиксации лекций Виппера, как представляется, помогает любимый Виппером принцип сравнения («сравнения историка заменяют опыт естествоведа», – говорил он первокурсникам в 1911 г., судя по записям Лосева). Если мы заглянем далее в ту же лосевскую студенческую тетрадь, то обнаружим в ней очень схоже оформленную заглавную страницу другого курса:

¹ Об этом на Международной научной конференции «Три жизни одного историка: Роберт Ю. Виппер (1859–1954) в российской, латвийской и советской историографии» (23–24 марта 2018 г.) был сделан доклад Н.С. Алмазовой «“Русский Эдуард Мейер”? Единая концепция истории древности в трудах Р.Ю. Виппера».

Психология.

Основной курс.

Москва
1911–1912.

Курс проф. Г.И. Челпанова

А. Лосев [ропись]

И тут карандашные записи, и тут они из аккуратных по ходу лекций становятся всё более и более беглыми, но изменение почерка в данном случае – лишь подтверждение стремления слушателя поспеть за полетом мысли лектора и ходом его рассуждений. И главное – слушатель старается не пропускать лекций, их хронология практически не прерывается. Недаром вскоре Лосев стал активным сотрудником челпановского Психологического института, написал под его влиянием выпускное сочинение (видимо, по философскому отделению — по филологическому представлено «Мировоззрение Эсхила») о Вюрцбургской психологической школе и, когда в 1919 г., будучи уже профессором Нижегородского государственного университета, подготовил его к печати (проект этот не реализовался и работа увидела свет посмертно), то сделал следующее знаковое посвящение: «Георгию Ивановичу Челпанову, борцу за истинную психологию в России, посвящает эту книгу автор-ученик» (Лосев, 1999: 6). Свои расположение к любимому педагогу Лосев сохранил до конца его дней².

Но как это связано с Виппером? – могут спросить нас. Связано – и самым прямым образом. У Виппера были сложные взаимоотношения не только с коллегами-историками, включая его собственного учителя В.И. Герье³, но и с Г.И. Челпановым. Явный антагонизм двух профессоров – Челпанова и Виппера – предельно очевиден в переписке Челпанова с одним из любимых его учеников – с Г.Г. Шпетом. 30 ноября 1912 г. Челпанов сообщал Г.Г. Шпету о двух радостных событиях: об утверждении «нашего плана философского отделения» и о том, что «Виппер отказался читать “философию и методологию истории”, по-видимому, навсегда», в связи с чем «явилась надежда, что Вы возьметесь читать этот курс; он для Вас подходящ; а если вам можно будет передать еще курс пропедевтической логики, то откроется возможность навсегда устроиться в Москве» (Густав Шпет, 2012: 73). Правда, в 1916 г. именно Виппер, наряду с Челпановым, выступал оппонентом на диспуте Г.Г. Шпета, где в качестве

² Об отношении Лосева к Челпанову см: (Тахо-Годи, 1994: 36–39; Тахо-Годи, 2007; Стояхина, 2013; Тахо-Годи, 2018: 72–87).

³ См. интересные работы Д.А. Цыганкова: (Цыганков, 2010; Цыганков Д.А. 2016: 54–61; Tsygankov, 2019: 222–234). Последняя статья легла в основу параграфа о Виппере в его докторской диссертации «Формирование сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII — начале XX века» (М., 2023).

диссертации была представлена книга «История как проблема логики. Часть I. Материалы». «Многого ждали от встречи философа-диссертанта со вторым оппонентом, историком Р.Ю. Виппером, но эти ожидания не вполне оправдались. Оппонент свои возражения направлял главным образом с точки зрения исторической разработки материалов, диссертант же стоял на почве философской обработки понятий. Часто не хватало общего языка. Но крупный интерес работы был признан и этим оппонентом», – писали «Русские ведомости» 10 мая 1916 г. (цит по: *Густав Шпет, 2012: 408*).

Противостояние этих двух профессоров не являлось тайным для учащихся историко-филологического факультета и в 1911 г. В подтверждение сошлемся на воспоминания философа П.С. Попова, человека близкого Лосеву со студенческих лет и вплоть до их разрыва в начале 1940-х гг.: «Студентам первого и второго курсов свойственна молодая горячность, интерес к спорам и несогласиям, к борьбе, выяснению противоположных точек зрения и теоретических противоречий. Нас очень интересовали разногласия профессоров на принципиальные теоретические темы. Глухо на это намекали сами профессора. Так, Георгий Иванович Челпанов, читая курс введения в философию в Богословской аудитории, раз определённо заявил: “Я, конечно, хорошо знаю, что с этой самой эстрады час тому назад вы могли слышать совсем другие речи и противоположную аргументацию, это не избавляет меня от необходимости отчётливо воспроизвести свой ход мысли”. Челпанов читал от двенадцати до двух, а до него в той же аудитории происходили лекции Р.Ю. Виппера. Тогда же вышла книга Виппера “Очерки теории исторического познания”, в которой он недвусмысленно говорил о том, что напрасно некоторые профессора хвалят студентов за их серьезные философские искания, поскольку эти искания выходят за пределы обобщений частных наук. Здесь чувствовался выпад против Челпанова за метафизическое его направление» (*Попов, 2021: 386–387*).

Действительно, в книге «Очерки теории исторического познания» (1911) Виппер крайне негативно отзывался о новейших философских устремлениях. Он писал: «Постоянно слышишь, что в наше время возродился интерес к философии; нередко хвалят современных студентов, как поколение, которое “опять стало ценить философию”. Но если под философией разумеать общие вопросы миропонимания, если философия – совокупность общих приемов и задач мысли, то это – похвала, незаслуженная нашим молодым поколением, и упрек, незаслуженный его предшественниками: дело в том, что в науке всегда впереди стояли общие, иначе говоря, философские вопросы, и решительно нет основания утверждать, что, например, 20 или 40 лет тому назад ими менее интересовались, чем теперь» (*Vinper, 1911: 3*). С точки зрения Виппера, «не столько возродился интерес к философии, сколько на первое место стало некоторое новое направление ее», а панегиристы этого нового направления требуют «пересмотра наших общих понятий, суждений и приемов мысли», а главное «отстранение начал, выставленных позитивной философией, они пробивают себе выход из тисков осторожной науки, чтобы взлететь в облака безбрежной метафизики, чтобы приобрести право опять искать Бога, абсолютное

начало, говорить о тайнах непознаваемого, сверхчувственного и сверхразумного» (*Bunper, 1911: 3–4*). Эта «идеалистическая эпопея», по Випперу, «похожа на попытку вернуться в сладкое младенчество сознания» (*Bunper, 1911: 4*). И позднее в статье «Соль земли», вошедшей в сборник «Гибель европейской культуры» (1918), Виппер формулировал ту же идею, может быть, даже более жёстко: «Среди кризиса замечается еще одна любопытная черта. Оттесненные от дела, многие интеллигентные люди с особенным рвением бросаются на отвлеченные вопросы, богословские и метафизические. В обществе оказываются видимо-невидимо философов, занятых выработкой мирозозерцания. Такой странный наклон вкусов показывает, что образовался излишек интеллектуальных профессий. Очевидно, в эту среду устремились натуры ленивые, идиллические, наклонные к жизни созерцательной. Очень явственно обнаруживается перепроизводство интеллигенции в виде упадочников, которые возводят свою неприлаженность, свою неспособность к труду в святой принцип <...>» (*Bunper, 1918: 97–98*).

Конечно, причиной угасания лосевского интереса к лекциям Виппера связаны не только с идейными расхождениями между Виппером и Челпановым, но и с его собственными убеждениями и научными устремлениями.

После ухода из Московского университета В.И. Герье Виппер к началу 1910-х гг. стал самой авторитетной фигурой на кафедре всеобщей истории и одним из самых популярных профессоров факультета. И хотя он читал лекции и о раннем, и о позднем средневековье, и о теории истории в XVIII–XIX вв., его основные курсы по истории Греции и Рима, звучавшие в университетских аудиториях на протяжении двух десятилетий, а также основанные на них учебные пособия заставляли забыть о его студиях медиевиста или историка Реформации, создали ему репутацию ведущего специалиста по античному миру⁴, а это для Лосева как филолога-классика было немаловажно.

Кроме того, Виппера, в отличие от многих профессиональных историков, меньше привлекало изучение «сугубо частных исторических проблем», ему присущ был «интерес к философско-историческим вопросам» (*Малинин, 2009, № 3: 3*), уверенность, что «задача историка теперь состоит в том, чтобы изучать не факты, а “типическое”» (*Малинин, 2009, № 4: 21*). В лекциях по истории Греции Виппер, судя по конспекту Лосева, и об этом говорил своим слушателям в 1911 г.: «Историк хочет найти типы, группы, общие начала для познания основных двигателей истории». Увлечшись идеей исторического круговорота, он задумался о новой типологизации всемирной истории, писал о совмещении географического принципа (физико-биологические условия стран) как естественный границ социально-культурных типов. Доказывая, что «формы общественного быта имеют определенное географическое или национальное происхождение так же, как финиковая пальма, пшеница, верблюд, лошадь и т.п.», он предлагал «рассматривать исторические формы с этой социально-географической точки зрения» и доказывал, что тогда республика и демокра-

⁴ О Виппере как исследователе античности см.: (*Данилова, 1984: 160–174; Перфилова, 2006*).

тия окажутся «продуктом кантонального быта островков и приморских долин Балканского и Апеннинского полуостровов», абсолютная монархия – «широких аллювиальных равнин» (статья «Несколько замечаний о происхождении церкви»: *Bunper, 1912: 296*). Современные исследователи видят тут сходство с последующей идеей «месторазвития» евразийцев (см.: *Малинин, 2009, № 3: 3–18*), а не только идею диалога культур как основного принципа випперовских типологизаций (*Иванова, Михайлова, 2013: 122–133*).

В эпоху русского Серебряного века и расцвета религиозной философии Виппер активно выступал против символизма⁵ и идеализма, утверждая, что человеку не нужны отвлеченные «вечные» идеалы, которые не вызывают «ответного биения сердца», что «человеку нашего времени» нужно говорить о «реальных горизонтах», «реальных формах и красках», «конкретным языком нашего времени» (статья «Символизм в человеческой мысли и творчестве»: *Bunper, 1912: 209*). В истории познания Виппер типологически выделял три эпохи: век хаотического реализма, век символизма, который ушел безвозвратно, и новейший – век организованного реализма (та же статья: *Bunper, 1912: 191*). На его трезвый взгляд настоящему ученому нет дела до «идеалистической эпопеи», для него уже в 1900-е гг. идеализм – явление реакционное, сродни общественной реакции, наводнившее мысль чуждой науке «новой схоластикой» (статья «Реакционный идеализм и новая наука»: *Bunper, 1912: 262*).

Если Виппер-теоретик был против «реакционного идеализма» в любых его проявлениях, то Виппер-педагог был убежден, что нельзя позволять студенту сразу воспарить на теоретические вершины, что «всякому ученому, как бы ни был велик его талант и оригинальность, необходимо пройти предварительную стадию ученической работы» (*Bunper, 1923: 131*). Он ратовал за «хорошую техническую выучку», которая даст возможность обычному ученому, не гению, «исполнить ряд полезных трудов» (*Bunper, 1923: 132*). Он сетовал, что в российских университетах «не существуют эти средние величины», без которых не «могут возникать крупные обобщающие работы, открытия, двигающие науку», что «мы как-то странно колеблемся между самородками, представленными собственным силам, и массой беспомощных фигур» (*Bunper, 1923: 132*), «ведь мы все развиваем студентов на общих вопросах, мы все рисуем им широкие перспективы, набрасываем последние цели науки, но не даем им упражнения их сил, вследствие чего у них и нет масштабов для измерения своих данных, нет понятия о том, что же действительно они могут исполнить, и нет представления о том что сейчас надо делать в области науки» (*Bunper, 1923: 133*).

Явный и нарастающий с течением жизни антиклерикализм Виппера, приведший его в итоге 1950-е гг. к отрицанию исторического существования Иисуса Христа⁶, уже был вполне очевиден и в дореволюционное время. Можно только отдать должное педагогической проницательности В.И. Герье, предложивше-

⁵ О своеобразии отношения Виппера к символизму в целом см.: (*Михайлова, 2016: 150–156*).

⁶ О религиозной позиции Виппера см.: (*Кошеленко, Крысов, 2004: 530–531*).

му колеблющемуся в выборе темы Випперу написать диссертацию «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма: Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI в.» Дух реформации явно был ему психологически ближе, нежели средневековая схоластика или позже «туманно-цветистые речи» новейших теорий «высоко парящего Бергсона» (*Bunper, 1916 (a): 211*) (кстати сказать, вдохновлявшие и А. Тойнби, и студента Лосева). Виппер брался за изучение судеб религии (именно «Судьба религии» называлась его книга 1921 г., где он выделял четыре типа религиозного сознания), но при этом никогда не забывал подчеркнуть и обосновать невозможность возрождения религиозного сознания в XX в. Он был убежден, что религиозные стереотипы мешают главной задаче историка: «уяснить подлинный смысл истории» (*Повилайтис, 2008: 58*). В 1916 г. в «Заметках историка о религиозных исканиях современности» он будет доказывать, что религия в древности была обусловлена потребностью человека во «врачевании, успокоении или “спасении” от физических и психических несчастий» (*Bunper, 1916 (a): 205*), что психологическая установка одинакова и для язычества, и для христианства. Вот почему он видел в Евангелиях «поразительную энциклопедию целительных средств», хотя находил уже в раннем христианстве жестокие «порывы стремительного пуританства» (*Bunper, 1916 (a): 207*). То, что христианство дожило до XVI в., до Реформации, он объяснял «некоторой первобытностью европейского общества времен римской империи и Византии» и присоединенных к нему народов остальной Европы (*Bunper, 1916 (a): 208*). Религиозные чувства, по Випперу, негативно относившегося к психологизации истории, обусловлены в большей степени, нежели психологией, «определенными формами быта», т.е. соответствуют определенному социальному, «жизненному укладу» (*Bunper, 1916 (a): 208*). Вот почему он был уверен, что для возрождения религиозности в современной Европе «столько же данных, сколько для воскрешения первобытной земельной общины» (*Bunper, 1916 (a): 210*), что и в России, где вот уже лет 15-20 в кругах интеллигенции «упорно говорят о предстоящем или совершающемся возрождении религиозного чувства, религиозного сознания и религиозной философии» (*Bunper, 1916 (a): 204*), это не более, чем «иллюзии религиозного возрождения», «схоластика, не желающая признавать великие физические, биологические и археологические открытия последнего века» (*Bunper, 1916 (a): 204*). Современному человеку пора понять, писал Виппер, что «личность ничтожная песчинка в водовороте массовых явлений», а поняв это, «надо бы смириться и стать рассудительным» (*Bunper, 1916 (a): 211*).

Лосев, желавший заниматься именно религиозной философией, вряд ли согласился бы рассудительно отказаться от «старых религиозных символов» (*Bunper, 1916 (a): 212*) или признать свою личность «ничтожной песчинкой». Он уже в студенческие годы относился не к «средним величинам», а к тем «самородкам», которым нужны были «последние цели науки», которых не удовлетворяла полезная фактография, не интересная без более «широкой перспективы». Зачитывавшийся уже на гимназической скамье символистами, Платоном и Вл. Соловьевым (недаром, записывая первую лекцию Виппера, он

напишет прописными буквами слово «символика»), Лосев не мог бы разделить позицию своего профессора, убежденного в том, что «наши диалектические, платоновские и другие методы, которыми мы до сих пор орудовали — богословская схоластика и больше ничего» (*Bunper, 1916 (a): 212*). Зато и в конце жизни он мог бы подписаться под словами Челпанова, услышанными на первой лекции: «<...> чистого описания не существует, ибо человеческий ум не есть фотография. Он выбирает важное и общее, а для этого нужны общие взгляды, гипотезы, теории». Для Лосева как и для Випера, роль типичного в истории, типология истории — одна из центральных научных проблем, но тут есть существенное «но»: собственную типологию исторического процесса он будет строить, выходя «за пределы обобщений частных наук» и не на «материальном», а на «духовном» основании: в конце 1920-х гг. с чисто религиозной позиции (в «Дополнение к “Диалектике мифа”»), а в 1960–1980-е — с эстетической («История античной эстетики»). Видимо, и в 1911 г. для Лосева-студента «позитивистские» суждения Випера об истории Греции с точки зрения географии и климата, как и модернизирующее уподобление гомеровского эпосе рыцарским поэмам, проигрывали в сравнении с рассуждениями Г.И. Челпанова о необходимости «понятия души», о том, «что такое душа в своей метафизической сущности», почему «путь к философии лежит через психологию», отчего не только психология, но и «всякая другая наука нуждается в философии» и в понимании того, что такое «философия духа».

Можно ли в таком случае сказать, что лекции Випера (о чтении его книг мы сейчас не возьмемся судить) не оказали на мышление слушателя никакого воздействия? Рискнем утверждать, что это не так. Помимо уже отмеченной идеи о краткости истории классической Греции (в конспекте лекции недаром зафиксировано, что «культурные греки V в. не знают своей старины»), я бы обратила внимание на проблему взаимодействия истории античной Греции и древнего Востока.

Виппер относился к той категории российских исследователей древнего мира, которые уже в начале XX века поняли, что «история Востока не похожа на ту историю, которую изучали 40 лет назад», что новейшие археологические открытия доказали ошибочность прежних взглядов на культуры Египта и Вавилона как совершенно обособленные, что именно к ним восходят корни верований античной Греции и даже наши религиозные представления ведут свою родословную не только из Вавилона, но от «еще более древних шумеров» (именно так он именовал шумеров). Об этом он специально говорил в лекциях 1911 г. Об этом будет писать в трудах, предназначенных совершенно разным аудиториям. В сборнике «Круговорот истории» (1923) он призывал не смеяться над «панвавилонистами», потому что они стремятся «отыскать среди преходящего, изменчивого прочные вечные элементы» (*Bunper, 1923: 96*), подводят к осознанию того, что «греческая наука и философия V и IV в., которая прежде считалась оригинальным творением греческого гения, все больше и больше представляется нам в свете заимствований с востока, продолжения умственной работы египтян, вавилонян, иранцев, индусов» (*Bunper, 1923: 100–101*), что уже

невозможно «трактовать Восток в виде только экзотического добавления к Греции» (*Bunper, 1923: 105*). Даже излагая историю Древнего мира для младших классов средней школы, Виппер в Предисловии к своему учебнику обращал внимание на то, что за последнее время «прибавился новый богатый исторический материал», изменивший «само понятие о пределах и содержании Древней истории»: «Центр тяжести исторического интереса передвинулся с кратковременной и поздней греко-римской истории, известной нам главным образом по данным литературы, на продолжительную и раннюю историю Востока, доступную по большей части лишь археологически. <...> Теперь уже нельзя трактовать Египет и Вавилон лишь в качестве введения к последующим векам, как это делалось прежде. Ранние восточные культуры перестали быть для нас каким-то сном человечества на заре младенческих времен; все более и более мы научаемся видеть в них *оригинал*, определивший в дальнейшем содержание жизни всего античного мира» (*Bunper, 1914: 3*). В 1916 г. во второе издание лекционного курса по истории Греции ученый ввел специальный параграф «Греция и Восток», хотя и предельно лаконичный – всего на одну страницу. Влияние Востока он видел, прежде всего, в греческой религиозной системе и философских учениях, а оригинальные начала греческого мира – в социальных отношениях, праве и политической жизни. По Випперу, наиболее тесно «примыкала к Востоку, к Египту, Малой Азии и Сирии» догомеровская крито-эгейская культура (этому он посвятил в 1913 г. работу «Древний Восток и эгейская культура»), а «время классической Греции, от IX до IV вв. включительно, надо считать эпохой наибольшей самостоятельности <...>» (*Bunper, 1916 (б): 23*). Но, судя по всему, именно эта концепция, легшая в основу учебных пособий, написанных в последние десятилетия перед революцией (*Алмазова, 2019: 264–287*), заставляла Виппера утверждать в лекционном курсе 1911 г., что «в историю Греции не входит изучение истории Востока», что «это совершенно иная область». Так что когда современные историки древнего мира, например такие, как В.В. Емельянов⁷, задаются вопросом, с чем связано невнимание Лосева к Востоку, к Ассирии, Вавилону, к шумерской культуре, то это можно объяснить и традициями, заложенными в ходе учебы в университете: не только отсутствием в эти годы среди преподавателей историко-филологического факультета Московского университета крупных востоковедов, но и изучения истории античного мира на лекциях Виппера. Ведь если Лосев начинает свою «Историю античной эстетики» с гомеровских времен, то он, по Випперу, обращается к периоду наибольшей самостоятельности греческой культуры от Востока.

Правда, иногда и в «Истории античной эстетики» появляются отсылки к древнему Востоку, как например, когда в первом томе (издан в 1963 г.) речь заходит о Демокрите и его учении об атомах. Указывая на рассуждение Аристотеля об аналогии атомов Демокрита с буквами и напоминая, что «Демокрит бывал в Вавилоне и, по-видимому, не раз», что он написал сочинение под названием «О священных буквах в Вавилоне», автор подчеркивал, что бытие для

⁷ Благодарю профессора В.В. Емельянова за ряд существенных замечаний в ходе подготовки данной статьи.

греков «складывается из элементов так же, как рукопись (а значит, и речь) из букв», что «иероглифический смысл этих элементов, входящих во взаимную связь на манер букв, слогов и слов, никогда в античности не забывался», что и «Платон выводил имена из самой субстанции бытия (или, как позднее стали говорить неоплатоники, имена суть энергии сущности)», что и неоплатоник Прокл рассуждал об именах, что уже в 1918 г. появилась работа Роберта Эйслера (Айслера / Robert Eisler) об «анalogии между учением Демокрита о “поворотах” в очертаниях атомов с практикой вавилонской грамматики и с астрологическими представлениями, зафиксированными в клинописи», да и он сам, Лосев, в книге «Античный космос и современная наука», изданной в 1927 г (а фактически писавшейся в 1918–1923 гг.), приводил материал из Прокла о мысленных изваяниях имен (*Лосев, 2000, Т. 1: 501–503*).

В статье «Элементы Демокрита и табличка Набушумлишира» В.В. Емельянов указывает, что в работе Р. Айслера, на которую ссылается Лосев «ничего не говорится ни об атомизме Демокрита, ни о связи атомов с клинописью», а только «об одном астрономическом наблюдении вавилонян (так называемом “балансе Солнца и Луны”), отраженном в позднеантичном трактате Плутарха со ссылкой на Демокрита», что «идея связи атома с древневосточными письменами содержится в другой работе Р. Айслера, посвященной восточным странствиям Демокрита», но там фигурирует не только клинописи, но речь идет «о возможных ассоциациях с египетскими иероглифами и мероитским алфавитом». В итоге, оказывается, что «автором гипотезы о связи атомов с клинописью является сам Лосев, который выбрал из нескольких вариантов Айслера наиболее подходящий, с его точки зрения, аналог атома» (*Емельянов, 2014: 62*).

Так неожиданно, словно в подтверждение лекции Виппера 1911 г., на основе сопоставления и сравнения исторических фактов Лосев показывает преемственность религиозных и философских учений Греции и Востока, а подспудно и современных ему – религиозно-философского учения об Имени Божием, имяславия. Однако в отличие от Виппера для Лосева тут не только соположение фактов, пусть даже с целью типологизации исторического процесса, но и оправданная точка, чтобы «приобрести право опять искать Бога, абсолютное начало, говорить о тайнах непознаваемого, сверхчувственного и сверхразумного». Закономерно, что в ранней редакции книги «Философия имени», также относящейся примерно к периоду 1918–1923 гг., Лосев апеллировал не к Греции и не к Востоку, но к психологии, которой в 1911 г. его увлек випперовский антагонист – профессор Челпанов⁸. Эта дань студенческим увлечениям исчезнет из окончательного текста «Философии имени», изданного в 1927 г., но очень показательно, что она была там изначально. В 1920-е гг. Лосев всё больше привлекают средневековая диалектика – от Дионисия Ареопагита, святителя Григория Паламы с его учением о божественных энергиях до Николая Кузанского, богословские проблемы – вплоть до прямого диалектического обоснования Рая и Святой Троицы в «Диалектике мифа».

⁸ См., например, публикацию фрагмента: (*Лосев, 2018: 67–71*).

Примечательно, что в 1930 г. на книге «Диалектика мифа», посвященной проблеме соотношения «относительных» и «абсолютной» мифологий, Лосев вызывающе поместит 12 знаков зодиака. На это стоит обратить особое внимание, хотя бы уже потому, что из восьми изданных к этому времени книг это единственная обложка с иллюстрацией. С одной стороны, для Лосева-христианина знаки зодиака, несомненно, одна из «относительных» мифологий. Но с другой стороны, мы можем найти в имяславских тезисах Лосева слова о том, что имяславие требует «в области наук вообще таких методов, с помощью которых можно выработать учение о мире как своего рода законченном имени, подражающем Божию имени», что для этого оно пользуется и дифференциальной геометрией, и векторно-тензорным анализом, и теорией относительности, в том числе «защищает с помощью современной математики алхимию и астрологию» (Лосев, 2009: 18). Чтобы понять это утверждение правильно, нужно обратить внимание, что в книге «Античный космос и современная наука», создававшейся на рубеже 1910–1920-х гг., Лосев будет спорить со «столь тонким ценителем античности, как Ф. Зелинский» из-за того, что тот увидел «в астрологических мечтах человечества одну глупость» (Лосев, 1993: 479), а также подчеркивать важность собственного решения поставить «в необходимую связь с диалектикой – алхимию, астрологию и магию, без которых нет никакого античного космоса» (Лосев, 1993: 305). И тут как раз уместно напомнить о записанных Лосевым-первокурсником словах Виппера о важности новейших археологических исследований для понимания такой области, как религиозные представления, потому что благодаря им «устанавливается связь между нашей религией и старинной астрологией». Не исключено, что этот тезис Виппера в сознании Лосева совместились совсем с иными, философско-богословскими идеями, выраженными на излете XIX в. при обосновании соотношения языческих верований и христианства профессором философии Московской духовной академии В.Д. Кудрявцевым-Платоновым (1828–1891), чье собрание сочинений было приобретено Лосевым-студентом и сохранилось в его библиотеке, помеченное лосевским владельческим автографом. В работе «Из чтений по философии религии» (1879–1890) В.Д. Кудрявцев-Платонов писал, что «созерцание и изучение светил было делом религиозным» и поэтому оно обнаруживается «во всех развитых политеистических религиях» и лишь в дальнейшем, «с изменением религиозного сознания», «та же самая религия, которая положила начало астрономии, скоро наложила на нее оковы, воспрепятствовавшие ее дальнейшему развитию» (Кудрявцев-Платонов, 1898. Т. 2. Вып. 2: 277).

Когда прямо «говорить о тайнах непознаваемого, сверхчувственного и сверхразумного» станет абсолютно невозможно, тогда для размышлений о них, пусть и прикровенных, пригодится университетская «хорошая техническая выучка», знание древнего языческого мира – не только античной философии, но и его истории. Но и у неоплатоников, испытавших на себе влияние Востока, Лосев будет вычленять не те или иные восточные воздействия, но исключительно саму диалектическую парадигму восхождения к Единому,

потому что для него было несомненно, что, «несмотря на чисто формальное сходство структуры всех подобных путей восхождения», у «Василия Великого и ареопагитской линии у всех византийцев вплоть до исихастов, а также блаженного Августина, как и прочих западных неоплатоников средневековья» нет содержательного тождества с «языческим неоплатонизмом» (Лосев, 2000, Т. 6: 910). И тут тоже, наверное, можно было бы задуматься о влиянии на Лосева еще одного его студенческого преподавателя – о читавшем ему, первокурснику, философию средних веков патрологе Иване Васильевиче Попове, писавшем и о Ареопагите, и о византийских богословах, и о блаженном Августине. Но это уже совсем другая тема, требующая отдельного рассмотрения.

Лекции Виппера были восприняты Лосевым не как непререкаемый образец подхода к изучению истории и религии античности, но они стали важной отправной точкой для дальнейшего познания. В сущности, иначе и не может быть в ситуации «ученик – учитель», тем более если «ученик» обладает собственным научным потенциалом. Исследователь древнего мира Эд. Мейер, с имени которого начинаются лосевские записи лекций Виппера, в работе 1902 г. «Теоретические и методологические вопросы истории» совершенно справедливо писал: «<...> учитель может только направлять работу, но научить работать он не в состоянии. Можно, конечно, напрактиковаться под руководством учителя в внешних, технических приемах исследования; но самое главное: внутреннее проникновение в материал, постановка исторической проблемы и умение разрешить ее – все это зависит исключительно от личного творчества исследователя. Учитель может указать путь, натолкнуть ученика на постановку и разрешение какой-нибудь проблемы, проделав ее сам перед учеником; но научить создавать исторические работы так же невозможно, как невозможно научить открывать философские идеи, или законы природы, или научить превращать куски мрамора в художественные произведения, соединять звуки в мелодии, да даже, наконец, если хотите, готовить вкусные блюда. Везде с техникой должна сочетаться творческая самостоятельность; хотя последняя и может пробуждаться путем воздействий извне, но внутренняя сущность ее совершенно недоступна нашему познанию и является первичным, не подлежащим дальнейшему анализу, фактом человеческой природы. Смотря по тому, сколько вносит от себя это личное творчество, мы и различаем в продуктах деятельности человека бесчисленное множество всевозможных градаций: деятельность и произведение человека тем выше и тем ценнее, чем труднее подвести их под общую мерку. Этот пункт совершенно упускается из виду материалистической теорией» (Мейер, 1911: 7–8).

И в завершении скажем еще о небольшой библиографической загадке. В книжном собрании Лосева хранится издание Торквато Тассо «Освобожденный Ерусалим» в переводе Ореста Головнина (Романа Брандта). В томе первом автограф вырезан. В томе втором автограф сделан черными чернилами и зачеркнут такими же: «Роберту Юрьевичу В[нрзб.]у от переводчика». Роман Фёдорович Брандт (псевд. – Орест Головнин; 1853–1920) – был ординарным

профессором кафедры славянской филологии историко-филологического факультета Московского университета. Так что скорее всего книга была подарена им именно Випперу. Но почему и когда она попало в лосевскую библиотеку – вопрос открытый.

ЛИТЕРАТУРА

Алмазова Н.С. Единая концепция истории древности Р.Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода // Аристей. Aristeas: Вестник классической филологии и античной истории. 2019. Т. XX.

Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. 2-е изд. М., 2006.

Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры. Сборник статей и публичных лекций 1914–1918 гг. М., 1918.

Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сборник статей и публичных лекций, 1900–1912. 1912.

Виппер Р.Ю. Древняя Европа и Восток: учебник для младших классов гимназий. М., 1914.

Виппер Р.Ю. Заметках историка о религиозных исканиях современности // Летопись. 1916 (а). № 9. С. 205.

Виппер Р.Ю. Круговорот истории, Берлин, 1923, с. 131.

Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911.

Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху: IX–IV вв. до Р.Х. М., 1916 (б).

Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма / отв ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2012.

Данилова А.П. Р.Ю. Виппер как историк античности // Вестник древней истории. 1984. № 1.

Емельянов В.В. Элементы Демокрита и табличка Набушумлишира // Вопросы философии. 2014. № 6.

Иванова Е.С., Михайлова Е.Е. Диалог культур в контексте культурно-исторической типологии Р.Ю. Виппера // Вестник Тверского государственного университета. Серия, Философия. 2013. № 4.

Кошеленко Г.А., Крысов А.Г. Виппер Роберт Юрьевич // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004.

Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения: В 3 т. 2-е изд. Сергиев-Посад, 1898–1914.

Лосев А.Ф. Бытие: Имя: Космос. М., 1993.

Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. С приложением перевода трактата «О Божественных именах» / подг. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб., 2009.

Лосев А.Ф. Исследования по философии и психологии мышления (1915–1919) // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют / сост. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М., 1999.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. 2-е изд. М., 2000. Т. 1; Т. 6.

Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика / сост., подгот. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; послесл. А.А. Тахо-Годи; примеч. В.П. Троицкого. М.: Мысль, 2002 (а).

Лосев А.Ф. Предмет психологии // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 4.

Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...» / общ. ред. А.А. Тахо-Годи, сост. и комм. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М., 2002 (б). Т. 2.

Малинов А.В. Теория исторического познания Р.Ю. Виппера // Клио. 2009. № 3; № 4.

Мейер Эд. Теоретические и методологические вопросы истории: Философско-исторические исследования / Пер. с нем. А.А. Малинин. М., 1911.

Михайлова Е.Е. «Старый» и «новый» символизм в философской рефлексии Р.Ю. Виппера // Вестник Тверского государственного университета. Серия, Философия. 2016. № 3.

Наумов П.Ю. Ученики Р.Ю. Виппера // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 1.

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Модернизация древней истории в творчестве Р.Ю. Виппера и В.П. Бузескула // 2008. № 2 (55).

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Р.Ю. Виппер и конструирование «образа» античной истории в учебной литературе // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 4.

Перфилова Т.Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р.Ю. Виппера. Ярославль, 2006.

Повилайтис В.И. Роберт Виппер о философских основаниях истории и исторической науки (по работам 1920-х годов) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2008. Вып. 6.

Попов П.С. Н.Д. Виноградов / Публ. А.И. Семёновой // Институт научной философии. Начало / отв. ред. А.В. Черняев, Т.Г. Щедрина. М., 2021.

Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918—1921 гг.). Нижний Новгород, 2013.

Тахо-Годи А.А. Лосев. 2-е изд. М., 2007.

Тахо-Годи А.А. Лосев А.Ф. // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41.

Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев и Г.И. Челпанов // Начала. 1994. № 1.

Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев и психология // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 4.

Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.

Цыганков Д.А. Авторитет учителя и научные конфликты в сообществе московских историков в конце XIX—начале XX вв. // Клио. 2016. №. 8 (116).

Tsygankov D.A. Robert Wipper and the Community of the Moscow Historians in Prerevolution Time // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2019. Vol. 64. Iss. 1.

«...Я ОСТАЛСЯ ОДИНОКИМ И РЕШИЛ ПРОСИТЬ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ДОЛЖНОСТИ...»: К ИСТОРИИ ОДНОГО ПИСЬМА ДИРЕКТОРА ПЕТЕРГОФСКИХ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ И ПАРКОВ Н.И. АРХИПОВА

П.В. Петров

Представленный Вашему вниманию документ рассказывает об одном из крупнейших музейных деятелей 1920-х – 1930-х гг. – Николае Ильиче Архипове (1887–1967), возглавлявшем в течение 13 лет Петергофские дворцы-музеи и парки¹. О жизни и деятельности этого незаурядного человека в последние годы было опубликовано несколько содержательных статей (Белов А.А. Н.И. Архипов и послевоенное восстановление Петергофа // Послевоенная реставрация: век нынешний и век минувший: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», (Проблемы сохранения культурного наследия. XXIVек. I.). СПб., 2010: 165–177; Гейченко Т.С. Памяти хранителя. Письма Николая Ильича Архипова Семёну Степановичу Гейченко // Михайловская Пушкиниана. Вып. 51. Материалы XIII Февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу. Музейная коллекция: изучение, экспозиция, публикация» (12–14 февраля 2010). Сельцо Михайловское, 2010: 124–195; Раскин А.Г., Уварова Т.В. Возвращение имени: Николай Ильич Архипов // Псков. 2010. № 33: 129–141; Раскин А.Г., Уварова Т.В. Услышать зов истории. Николай Ильич Архипов – историк, реставратор, музейный деятель // Россия – Франция. Взаимодействие культур. XVIII – XX вв. Сборник материалов научной конференции. 2010 год. М., 2012: 277–295), но всё же, в полной мере его творческое наследие ещё предстоит оценить следующим поколениям музейных работников. Однако уже сегодня представляется ясным, что его вклад в ленинградскую реставрацию является неоценимым: на основании подробных исторических справок, написанных Н.И. Архиповым во второй половине 1940-х – 1950-х гг., на протяжении послевоенных десятилетий возрождались из пепла дворцы, фонтаны и парки Петергофа. Эти исследования вплоть до сегодняшнего дня не потеряли своей практической значимости, являясь основополагающими для историков архитектуры и искусства. Справедливо оценивая его большой вклад в научную реставрацию ансамбля, Государственный музей-заповедник «Петергоф» в 2016-м

¹ Николай Ильич Архипов работал помощником хранителя, хранителем, заведующим Управлением Петергофскими дворцами-музеями и директором Петергофских дворцов-музеев и парков в период с 1 августа 1924 по 9 сентября 1937 г. – См.: Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 84а. Л. 288, 366; Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб и ЛО). Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 6; Объединенный ведомственный архив культуры (ОВАК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 121. Л. 3об., 5-5об.; Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 14; Д. 4. Л. 27.

году, в первом томе своей книжной серии «Петергофская летопись», издал сборник неопубликованных научных работ Н.И. Архипова, посвященных истории архитектурных памятников этого всемирно известного дворцово-паркового комплекса (Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016). Отдельным блоком туда вошли статьи, посвященные его жизни и деятельности в Петергофе (Кальницкая Е.Я. Николай Архипов: человеческий фактор // Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016: 12–29; Петров П.В. Николай Ильич Архипов (1887–1967). Краткий биографический очерк // Николай Ильич Архипов..., 2016: 30–46; Белов А.А. Научная и реставрационная деятельность Н.И. Архипова в Петергофе // Николай Ильич Архипов..., 2016: 47–78).

Судьба Н.И. Архипова является необычайно яркой и трагичной: на его долю выпали и большие успехи в деле создания новых музеев и экспозиций и реставрации архитектурных объектов Петергофа в середине 1920-х – первой половине 1930-х годов, и тяжелые испытания, связанные с его арестом и последующим заключением в лагерях в 1937–1942 годах. В биографии петергофского директора в полной мере отразились как положительные, оптимистические, так и трагические стороны той очень сложной, переломной для страны эпохи форсированного социалистического строительства. Несомненно, что личность Архипова и в дальнейшем будет привлекать к себе внимание историков, и станет предметом для новых исследований.

В данной публикации мы хотим представить лишь один, ранее целиком не публиковавшийся документ, который дает наглядное, развернутое представление о работе Николая Ильича Архипова на посту хранителя, а затем и директора Петергофских дворцов-музеев и парков в 1924–1937 годах. Данный документ представляет собой собственноручное письмо Н.И. Архипова на имя секретаря ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) А.А. Жданова с просьбой пересмотреть его судебный приговор, направленное из исправительно-трудового лагеря НКВД Соликамстроя 20 июня 1940 года. Говоря об этом документе, следует указать на его особенности. В своем письме Архипов не только вкратце изложил свою биографию, подвел итоги своей долгой, плодотворной работы на посту директора Петергофских дворцов-музеев и парков, но и тщательно проанализировал причины своего увольнения и последующего ареста. Но, главным образом, автор письма сосредоточил своё внимание на принципиально важных, узловых моментах, которые определяли в то время (причем, далеко не всегда в лучшую сторону) деятельность отечественных музеев.

На наш взгляд, развернутое письмо Николая Ильича Архипова интересно не только тем, что в нем подробно описана непростая ситуация в дворцах-музеях Петергофа, сложившаяся к концу 1930-х годов. Автор последовательно изложил свою принципиальную позицию в отношении развития музеев и музейного дела в СССР, прямо указал на неправильную идеологическую политику местных партийных и советских органов власти, которая часто приводила к откровенному пренебрежению историческим прошлым страны и закрытию целого ряда музеев. С этим директор петергофских музеев был категорически

не согласен. Вынужденный следовать распоряжениям советских и партийных властей, со временем Н.И. Архипов стал вступать в противоречие с ними, решительно препятствуя превращению уникального дворцово-паркового комплекса Петергофа в один сплошной парк культуры и отдыха, насыщенный разного рода аттракционами и развлечениями. Принципиальная позиция Архипова в деле сохранения культурного наследия России стала одной из главных причин его увольнения с должности директора Петергофских дворцов-музеев и парков, последующего ареста и несправедливого обвинения.

В своем письме Архипов аргументировано показывал всю несостоятельность выдвинутых против него обвинений и просил пересмотреть его судебное дело, с целью последующего оправдания. Следует заметить, что Николай Ильич одновременно направил письма с просьбой о пересмотре его дела и в другие инстанции – Прокурору СССР А.Я. Вышинскому, председателю Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, наркому внутренних дел СССР Л.П. Берия². Активно ходатайствовали за пересмотр дела сестры Архипова и его сын³. По вышеуказанным обращениям, в 1939–1940 гг. Ленинградской городской прокуратурой была проведена проверка дела Архипова, по итогам которой было отказано в пересмотре приговора⁴. А в конце 1940 – начале 1941 гг. органами НКВД было предпринято дополнительное расследование дела Н.И. Архипова⁵, но начавшаяся вскоре Великая Отечественная война помешала его пересмотру.

Лишь 5 октября 1942 г. Н.И. Архипов был освобожден из исправительно-трудового лагеря Соликамстроя Молотовской области, полностью отбыв срок наказания, на основании решения Прокуратуры СССР⁶, после чего в течение трех лет отработал в Верхне-Муллинском райпромкомбинате⁷. В 1944 году он направил письмо наркому госбезопасности СССР В.Н. Меркулову с просьбой отменить приговор, но ему было вновь отказано⁸. Лишь в декабре 1945 г. Николай Ильич вернулся в Ленинград, но из-за отсутствия городской прописки был вынужден несколько лет работать в музеях Гатчины и Новгорода⁹. Дальше последовал длительный процесс его борьбы за полную реабилитацию¹⁰, увенчавшийся успехом лишь в августе 1956 года¹¹. С июня 1953 г. по ноябрь 1957 г.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 307. Л. 10-12об.; АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 121-123, 126-126об., 128-128об.

³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 307. Л. 6, 9, 22-22об., 24-25об., 28-30, 32-33, 39-41, 43-45, 47-49, 51-53.

⁴ Там же. Л. 55-56об.

⁵ АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 189-226.

⁶ Там же. Л. 256-256об., 258.

⁷ Там же. Л. 259.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 307. Л. 115-115об., 118.

⁹ АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 260, 262-263, 279-280, 282; ОВАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 121. Л. 8, 10-11.

¹⁰ АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 271-271об., 275-276.

¹¹ АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 296-298; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4505. Оп. 12. Д. 83. Л. 12-14.

Архипов работал научным сотрудником ГИОП г. Ленинграда, неоднократно поощрялся за свою работу¹², а в 1957 году вышел на пенсию. Умер Николай Ильич 7 февраля 1967 г. и захоронен на Серафимовском кладбище¹³.

Публикуемое впервые письмо хранится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), в личном деле члена ВКП(б) Н.И. Архипова (Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 29-42). Письмо представляет собой авторизованную рукописную копию¹⁴. Документ публикуется полностью, без каких-либо купюр и исправлений. Стилистика документа сохранена.

Копия

Секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову
Архипова Ник. Ильича, б. члена районной Петергофской
организации ВКП(б), б. директора Петергофских музеев,
арестованного 4 октября 1937 г. и присужденного
Постановлением ОСО¹⁵ НКВД СССР от 4 окт. 1938 г.
к 5 годам заключения в ИТЛ¹⁶ НКВД за КРД¹⁷ и
находящегося в Лагере при Соликамбумстрое
(Молотовская обл.)
Год рождения 1887 г.

Заявление

К Вам, как руководителю Ленинградской партийной организации, в которой я работал и политически воспитывался почти 20 лет, я вторично обращаюсь за помощью против клеветников и вредителей, вырвавших меня из рядов Партии и бросивших в тюремное заключение.

Я вправе рассчитывать на малую долю внимания Вашего к моей просьбе, потому что Партии отдавал я, как убежденный коммунист, свои силы и знания, безотказно и честно выполнял порученные Партией работы, ничем не опозорил знамени, под которым стоял и никогда не превращал высокого звания члена Партии в статью доходного характера.

¹² АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 281, 283.

¹³ Архив ГМЗ «Петергоф». Л.ф. 1. Д. 19. Л. 1-1об.

¹⁴ Похожее по содержанию заявление Н.И. Архипова на имя секретаря ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданова, датированное июлем 1940 г., хранится в его личном деле в Государственном архиве Российской Федерации. – ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 307. Л. 62-74об.

¹⁵ Особое совещание.

¹⁶ Исправительно-трудовые лагеря.

¹⁷ Контрреволюционная деятельность.

Моя работа в Партии началась с апреля 1918 г. в качестве кандидата РКП(б); на пленуме Вытегорской уездной организации (г. Вытегра, б. Олонецкой губ.) в 1919 г. я был переведен в члены РКП(б)¹⁸ и с тех пор вплоть до момента исключения (8 сентября 1937 г.¹⁹) я не подвергался никаким партийным взысканиям. Постоянной моей работой было ведение агитации и пропаганды, и этому виду партийной деятельности я отдавался с увлечением и любовью.

Никогда до вступления в РКП(б) я ни в каких партиях не состоял и позднее ни к каким партийным группам, фракциям и уклонам не принадлежал, им не сочувствовал и в проведении генеральной линии Партии колебаний не обнаруживал.

По социальному происхождению я – крестьянин (Псковской губ., Опочецкого у.); отец мой с юных лет начал работать на заводах; умер в 1923 г. в должности инспектора РКИ²⁰, в которую он был выдвинут рабочими Ленингр. Механического Завода (кажется, «СОШ»²¹), где он служил бракером²², а после отморозения рук – сторожем. Мать (умерла в 1937 г.) – неграмотная крестьянка, сестры и жена (скончавшаяся через несколько дней после и вследствие моего ареста²³) – педагоги ленинградских школ, сын – студент Института Путей Сообщения – комсомолец²⁴.

По окончании (1912 г.) Петербургского Университета (истор.-филол. факультета)²⁵ я был направлен Учебным округом на должность преподавателя реального училища в г. Вытегру²⁶, а с переездом в Петроград в 1923 г. я первоначально заведовал школой рабочих подростков в Московско-Нарвском районе²⁷, а через год (осень 1924 г.) получил назначение на должность храни-

¹⁸ Архипов вступил в РКП(б) в апреле 1919 г., в Вытегорской уездной организации РКП(б). – См.: Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2334. Оп. 1. Д. 150а. Л. 1об.-2.; Д. 28. Л. 28-29; Д. 78. Л. 2-2об.

¹⁹ Исключение Н.И. Архипова из членов ВКП(б) произошло на заседании бюро Петергофского райкома ВКП(б) 8 сентября 1937 г. – См.: ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 1об.

²⁰ Рабоче-крестьянская инспекция.

²¹ Вероятно, здесь имеется в виду бывший электромеханический завод «Сименс-Шуккерт» на 24-й линии Васильевского острова в г. Санкт-Петербурге.

²² То есть, отвечал за проверку качества выпускаемой продукции.

²³ Жена Архипова, Таисия Павловна, умерла 23 октября 1937 г. – См.: ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 307. Л. 61.

²⁴ Сын Архипова – Илья Николаевич Архипов (род 07.08.1914 г.), выпускник Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ), умер от голода во время блокады Ленинграда в феврале 1942 г. и был похоронен на Смоленском кладбище. – См.: Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга Памяти. Т. 2: А-Б. СПб., 1998. – URL: <http://vizs.nlr.ru/blockade/search.html> (дата обращения 19.09.2023).

²⁵ Николай Ильич Архипов учился в Санкт-Петербургском Императорском университете с 1905 по 1911 гг. – См. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 43830. Л. 1-1об., 9-40.

²⁶ Н.И. Архипов был назначен преподавателем истории и географии в Вытегорском реальном училище 5 ноября 1912 г. – См.: Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3/25. Л. 188, 190об.

²⁷ Трехгодичная общеобразовательная школа повышенного типа при Доме коммунистического воспитания молодежи им. Глерона в Московско-Нарвском районе. – См.: URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/R-3107> (дата обращения 21.09.2023)

теля²⁸ одной из жемчужин русского искусства – б. резиденции Петра Великого Петергофа – «Русского Версаля», всемирно известного своими фонтанными садами, парками и дворцами.

В Петергофе я прожил до самого ареста²⁹.

В личной жизни я был скромен, не допускал комчванства³⁰, своим положением не кичился, порученные ценности б. дворцов сохранил от расхищения и стяжательством их себя не опозорил. Личное поведение и отношение к партийным и служебным обязанностям на протяжении многих лет и на одном месте объясняют, почему я, как член Партии, пользовался авторитетом и уважением среди партийных товарищей и беспартийной массы.

Направленный Ленинградской организацией в Петергоф и ободренный оказанным мне доверием (в художественных кругах я был тогда совершенно не известен), я отдал делу много энергии и не только омузеил³¹ и реставрировал этот уникальный историко-художественный памятник русской культуры, но и превратил его в одно из любимых мест отдыха трудящихся, стремясь в то же время постоянно поддерживать его на уровне образцового показателя (для наших и иностранных туристов) высококультурного отношения нашей Партии и Правительства к памятникам национальной истории, искусства и старины.

И в этом, скажу без лишней скромности, моя заслуга перед русским искусством и культурой, отмеченная в 1934 г. Ленсоветом особой грамотой и именными часами³².

Моя работа в течение 13 лет в Петергофе была нелегка и требовала не только инициативы и напряжения, но и долгой утомительной борьбы с теми, кто считал сохранение памятников Петергофа несовместимым с соцстроительством, выдвигал различные проекты их доходной эксплуатации. Немало пришлось выслушать оскорбительных и иронических замечаний со стороны иногда даже ответственных работников, подозрительно косившихся на хранителя «царского добра», не понимая, что дело идет о памятниках русской

²⁸ Архипов был назначен хранителем Петергофских дворцов-музеев приказом по Ленинградскому отделению Главнауки от 22.09.1924 № 77 с 16 сентября 1924 г. – См.: ОВАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 17; Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 84а. Л. 366.

²⁹ Н.И. Архипов был арестован сотрудниками Петергофского районного отдела УГБ НКВД 4 октября 1937 г. Проживал он тогда с женой в Новом Петергофе, на улице Коминтерна, в доме № 1, кв. № 1. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 1, 5-5об.; ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 307. Л. 3, 8, 10.

³⁰ Коммунистическое чванство, высокомерие и зазнайство коммуниста.

³¹ Здесь имеется в виду термин «омузеивание» дворцов, который был предложен в Петергофе и вошел в обиход научных сотрудников петергофских дворцов-музеев в 1920-е годы. В современном музееведении заменен термином «музеефикация».

³² В связи с 10-летием руководства Петергофскими дворцами-музеями и парками и большим вкладом «в дело восстановления дворцов, парков и фонтанных сооружений и развертывание углубленной научно-музейной и широкой культурно-просветительной работы», постановлением Президиума Ленсовета № 75 от 29.07.1934 г. Н.И. Архипов был награжден почетной грамотой и именными часами от Президиума Ленсовета. – См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1000. Оп. 70. Д. 29. Л. 37; Д. 99. Л. 82-82об.; ОВАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 121. Л. 5об.

истории и культуры, об историко-художественном наследии, созданном кровью и потом многих поколений русских «рабочих людей», потомки которых, сбросившие ярмо самодержавия, являются законными владельцами этого наследства.

Вот почему, когда летом 1934 г. я имел счастье сопровождать посетившего Петергоф нашего учителя и вождя И.В. Сталина³³, я решил спросить его: «правильно ли было сохранение Петергофа и правильно ли будет сохранение его впредь?» – на что получил совершенно четкий лаконичный ответ – «правильно». Об этом же мне говорил и С.М. Киров, неоднократно посещавший петергофские парки.

Для меня стало ясным, что многолетняя моя деятельность по сохранению парков и дворцов Петергофа, как историко-художественного документа, была правильной и не противоречила политике нашей Партии в области сохранения произведений искусства, как материала для массовой культурно-просветительной работы.

И вот на почве неодинакового восприятия Петергофа, разного понимания задач его историко-художественного наследства у меня начались трения с руководством УДПЛ (Управления дворцов и парков Ленсовета³⁴) и с секретарем Ленсовета И. Каспаровым³⁵. Этими трениями, моей «непопулярностью» у начальства воспользовались клеветники, которые из-за мелких личных счетов, уверенные в безнаказанности и прикрываясь флагом «бдительности», успешно превратили меня во «врага народа», в пугало, подлежащее изоляции.

³³ В июле 1933 г. генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин вместе с наркомом по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошиловым прибыли в Ленинград, откуда отправились в поездку с целью инспектирования построенного Беломорско-Балтийского канала и посещения Мурманского порта. По соображениям безопасности поездка не афишировалась: газеты сообщили о ней только после возвращения Сталина в Москву. По приезду в Ленинград, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) С.М. Киров пригласил высоких гостей в Петергоф, где их принимали Н.И. Архипов и его коллеги. В хронологии официальной биографии И.В. Сталина этот визит не упоминается. Подробности визита изложены в стенограмме выступления А.В. Шеманского, заместителя директора Петергофских дворцов-музеев по научной работе, на траурном заседании открытого пленума петергофского парткома 1 декабря 1935 г. – См.: Кальницкая Е.Я. «Музею я оставлю по себе хорошую память...». Н.И. Архипов: человек и директор // Дворцы и война. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2015: 153-154.

³⁴ Управление ленинградскими и пригородными дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ) было образовано в 1932 году. Его функциями были: организация культурного отдыха трудящихся в центральном и районных парках культуры и отдыха; организация экскурсионной работы в пригородных дворцах-музеях; восстановление пригородных дворцов-музеев и их эксплуатация. Было ликвидировано на основании постановления Ленсовета от 21 февраля 1938 г. Функции УДПЛ были переданы вновь образованному Управлению культурно-просветительными предприятиями Ленсовета (УКППЛ).

³⁵ Каспаров Иван Сергеевич (1894-?) – секретарь Ленсовета с января 1935 по май 1937 г. В 1926 г. был направлен на партийную работу в Ленинград. Работал сначала заместителем секретаря парторганизации завода «Красный путиловец» и секретарем парторганизации завода Северной судостроительной верфи, а с мая 1927 до конца 1929 г. секретарем парткома завода «Красный треугольник». В 1930-32 гг. работал в Москве в аппарате ЦК ВКП(б), учился в Институте красной профессуры. С осени 1932 г. вновь был направлен в Ленинград, где сначала назначен заведующим орготделом горкома партии, а с начала 1935 г. – секретарем Ленсовета. В июне 1937 г. был снят с должности секретаря Ленсовета и назначен первым секретарем Куйбышевского райкома ВКП(б). Арестован 31 мая 1938 г. Осужден Военным трибуналом 8 декабря 1939 г. по ст.ст. 58-8 и 58-11 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в лагерях, с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества. 22 июня 1940 г. Военная Коллегия Верховного суда утвердила приговор. Был реабилитирован в 1950-х годах.

Учитывая возросшую посещаемость Петергофа³⁶, УДПЛ решило превратить его парки и омузеенные дворцы в увеселительный луна-парк³⁷, утверждая и убеждая меня, что на этой точке зрения стоит Городской Комитет ВКП(б) и его секретарь А.А. Жданов. В этом смысле истолковывали руководители УДПЛ и Каспаров речь А.А. Жданова о реконструкции Ленинграда в той её части, которая касалась бывших пригородных царских резиденций³⁸. В непонимании и ложном толковании директивных указаний этой речи А.А. Жданова я убедился во время посещения последним совместно в тов. Л.М. Кагановичем Петергофа (1936 г.) как из его высказываний, так и из отзыва о моей работе, оставленном ими тогда же (в книге почетных посетителей).

Я никогда не принадлежал к числу тех музейных ревнителей, которые отстаивают необходимость сохранения в полноте и неприкосновенности всего того, что оставило нам прошлое, а потому я и осуществлял в меру потребностей и без ущерба для парков пополнение последних дополнительными элементами массового характера (пляж, павильон-ресторан, большая музыкальная эстрада и пр.). Как член Петергофского Горсовета, я немало поработал над тем, чтобы превратить Петергоф – самый город в город отдыха трудящихся (т.е. работал в направлении, указанном в речи А.А. Жданова). И в последние годы Петергоф, как известно, покрылся сетью здравниц, домов и баз отдыха, лечебных учреждений, для части которых был предоставлен ряд дворцов и все бывшие при них служебные здания. Так из 36 дворцовых зданий, принятых мною в 1924 г., было передано к началу 1937 г. для указанных учреждений 25 и оставлено в качестве музеев только 11 единиц³⁹, но зато самых характерных и ценных в историческом и художественном отношении, составивших в своей совокупности комплекс материальных документов, достаточно полно охватывавших двухсотлетнюю историю царизма.

Я не был музейным консерватором, но я решительно возражал против уродования, искажения исторически сложившегося художественного облика Петергофа путем насыщения его фонтанных парков увеселительными павильончиками, аттракционами, игровыми площадками, другими забавами, необ-

³⁶ Посещаемость Петергофских музеев и парков в 1930-х годах постоянно росла, достигая следующих величин: в 1934 г. – 1 млн. 049 тыс. чел., в 1935 г. – 1 млн. 178 тыс. чел., в 1936 г. – 2 млн. 114 тыс. чел., в 1937 г. – 1 млн. 760 тыс. чел., в 1938 г. – 2 млн. 118 тыс. чел. – См.: Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 418. Л. 185.

³⁷ Данная политика городских властей Ленинграда проводилась в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 декабря 1931 г. «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда», где говорилось о «более рациональном использовании имеющихся крупных пригородных дворцов-парков (Детское Село, Петергоф, Гатчина, Сестрорецк)». – См.: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда от 3/ХП 1931 г. Л., 1931: 9.

³⁸ Вероятно, здесь Н.И. Архипов имеет в виду обсуждение «Генерального плана развития Ленинграда», составленного в 1935 году под руководством архитекторов Л.А. Ильина и В.А. Витмана. В плане 1935 г. была впервые выдвинута идея «Большого Ленинграда» с городами-спутниками. Основной особенностью этого плана была ориентация на приоритетное развитие города в южном и юго-западном направлениях.

³⁹ В указанный период были переданы различным организациям, в основном для устройства домов отдыха и общежитий, такие известные петергофские дворцы, как Бельведер, Собственная дача, Английский дворец, Фермерский дворец, Нижняя дача и ряд других зданий.

ходимыми во вновь строящихся парках, но неизбежно вызывающими при их искусственном внедрении в старых парках XVIII в. (особенно французского регулярного стиля) перепланировку последних и значительную порубку зеленых насаждений.

Личные, проверенные в течение многих лет, наблюдения, привели меня к убеждению, что прибывающих в Петергоф экскурсантов интересуют фонтаны и прошлое нашей истории, впечатленное в экспонируемых музеях, и что имевшийся запас физкультурных мероприятий физкультурного порядка вполне удовлетворяет предъявляемый на них спрос. Я предлагал руководству УДПЛ и Каспарову использовать для строительства парка культуры и отдыха сравнительно новый Александровский парк, но безуспешно: свои затеи они хотели реализовать в раскинутом у подножия Большого дворца так называемом Нижнем парке, фонтанном.

Вслед за парковыми проектами УДПЛ предложило мне к исполнению еще другой проект, сводившийся по существу к ликвидации исторических памятников Петергофа путем превращения ряда музейных объектов в различные одностовные базы отдыха, кафе, банкетные и танцевальные залы, библиотечки, комнаты отдыха, выставки, кабинеты игр и пр.

Осуществление этого плана встретило с моей стороны решительное сопротивление.

Началась травля меня на производственных совещаниях и конференциях; меня именуют «хранителем царских штанов и горшков» (Каспаров), «человеком, осыпанным музейным нафталином» (Лемберг⁴⁰ – нач-к УДПЛ) и прочими эпитетами, словом, «работником, неспособным усвоить требований современности».

Как бы в ответ на мое сопротивление УДПЛ провело в Ленсовет специальное постановление о ликвидации 8 комнат во дворце Николая II и о передаче их со всем имуществом под Базу отдыха⁴¹. Дворец этот во всей остальной части еще ранее был передан Облпрофсовету и эксплуатировался последним как Дом отдыха⁴². Оставлены были как музейные и посещались тысячами экскурсантов только указанные несколько комнат, самых характерных для периода распада

⁴⁰ Лемберг Ганс Гансович (1895-1942), начальник Управления ленинградскими и пригородными дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ) в ноябре 1935 – апреле 1937 гг. Арестован 27 апреля 1937 года. Приговорен 31 марта-4 апреля 1938 г. Специальной коллегией Ленинградского областного суда по ст. ст. 58-10 ч. I и 109 УК РСФСР к 10 годам заключения. 7 октября 1938 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР снизила меру наказания до 1 года ИТР, и, с учетом предварительного заключения, сочла наказание отбытым. Выпущен на свободу 21 октября 1938 года. Умер во время блокады Ленинграда в январе 1942 года.

⁴¹ Передача музейных помещений с экспозицией «Крах самодержавия» в главное здание Нижней дачи, для создания дома отдыха для инструкторов Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), была оформлена постановлением Президиума Ленсовета от 15 ноября 1936 г. (прот. № 45 п. 42) – См.: Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 379. Л. 12, 13.

⁴² В служебных зданиях Нижней дачи в 1930-х гг. размещалась база отдыха ЛОСПС (Ленинградского областного совета профессиональных союзов) и дом отдыха Союза печатников. Помимо домов отдыха, в «детской» половине Нижней дачи с 1932 г. функционировал также военно-химический музей. – См.: Петергоф и Ораниенбаум: Справочник по дворцам-музеям и паркам. Л., 1936. С. 43.

прогнившего самодержавия, без показа которых демонстрация раззолоченных зал Большого парадного дворца XVIII века, отделанных выдающимися архитекторами и художниками, я считал и считаю вредным, вызывающим у экскурсантов искаженные, вредные, но выгодные для царизма, представления и суждения.

Эти соображения я изложил и И.В. Сталину во время осмотра им Петергофа и получил от него одобрение.

Постановление Ленсовета для меня было неожиданным (т.к. на заседание Ленсовета, решавшее этот вопрос, я приглашен не был и о нем ничего не знал) и лишь убедило меня в том, что руководство УДПЛ мало осведомлено, мягко говоря, в вопросах истории и культуры.

Затем началось изъятие из музейных ансамблей разных экспонатов для дворца пионеров и превращение части Петровского Монплезира (предложенной мною к реставрации) в однодневную базу отдыха.

Превращение Петровского дворца Марли в однодневную детскую базу не состоялось, так как я, спасая этот архитектурный памятник Петровской эпохи от неизбежных внутренних переделок и приспособлений, спешно принялся за реставрацию как самого здания, так и его внутреннего картинного убранства.

Понимая, что молчаливое и угодническое претворение в жизнь проектов моего начальства будет рано или поздно расцениваться, как вредительство и что значительную долю ответственности придется нести мне, я обращаюсь в Комитет по делам искусств, подаю докладную записку Нач-ку Комитета т. Керженцову⁴³, полагая, что Комитет обязан заняться вопросами сохранения «Русского Версаля», добиваюсь постановки моего доклада в Ленингр. Отд. Комитета, обращаюсь в Музейный Отдел Наркомпроса, Ленингр. Архитектурно-планировочный отдел (АПО). Все дают сочувственные обещания поддержать меня и этим ограничивается их помощь мне в борьбе со своим начальством за сохранение Петергофа, как историко-художественное заповедника.

Я остался одиноким и решил, закончив строительный летний сезон, просить об освобождении от должности, чтобы перейти целиком на партийно-пропагандистскую работу, о чем и составил мотивированное ходатайство в Горком.

Но в самый разгар строительного и экскурсионного сезона я начал пожирать плоды своего настойчивого отстаивания политик Партии и Правительства в порученной мне области искусства, упорного осуществления личных указаний И.В. Сталина, С.М. Кирова, А.А. Жданова и Л.М. Кагановича.

Немилостью ко мне начальства (которое о своем отношении ко мне заявляло на каждом собрании музейных работников) воспользовались несколько работников на месте, недовольных мною по причинам шкурного характера. Группу

⁴³ Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881-1940) – председатель Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР в 1936-1938 годах. Снят с должности 19 января 1938 года. В 1939–1940 гг. был заместителем главного редактора Большой и Малой советских энциклопедий.

эту (Сабуров⁴⁴, Дзиковицкий⁴⁵, Лагойский⁴⁶, Алейников) возглавил председатель Месткома⁴⁷ гр. Сабуров (чл. ВКП(б)), уличенный мною в разного рода неблаговидных поступках и плутнях (антисемитские выходки, комбинации с курортными путевками, использование своего служебного положения и пр.) и особенно обозленный на меня за увольнение его родственника (зав. гаражом) и его приятельницы (экскурс. диспетчер в Большом дворце). Он демагогически агитирует против меня, его группа начинает мешать мне работать, устраивает разные конфликты, старается раздуть пустяковые неполадки, настроить против меня Райком ВКП(б), профсоюз и местные организации и вообще всячески стремится подорвать мой авторитет, распуская слухи о предстоящем увольнении меня. (Вероятно, такое решение было, действительно, принято Нач-ом УДПЛ Желдиным⁴⁸, о нем знал гр. Сабуров, но разболтал преждевременно, рассчитывая в будущем раздуть свою авторитетность и влияние на моем увольнении.)

Тов. Лукин (чл. ВКП(б), зав. пожарной охраной музеев и другие работники неоднократно предупреждали меня о всяких неприятностях, которые придумывал для меня Сабуров и его компания.

Для деловой характеристики гр. Сабурова я прошу взять справку о нем в Обл. Профсоюзе работников просвещения, а также с места его предыдущей работы (не помню, в каком именно Райсовете). Обстоятельства благоприятствуют Сабурову в его происках против меня.

В июне 1937 г., в связи с арестом ряда работников УДПЛ, арестовывают зав. научно-экскурсионной частью Управления Петергофских музеев гр. Шеманского за «вредительство на идеологическом фронте», как позднее объяснял нач. УДПЛ гр. Желдин. Это было отнесено на счет «отсутствия бдительности»

⁴⁴ Сабуров Арсений Петрович (1907-?) – председатель месткома Петергофских дворцов-музеев и парков в 1935-1937 годах. Работал секретарем Гордеевского райисполкома Западной области в 1931-1932 гг., инструктором орготдела Володарского райсовета Ленинграда в 1932-1933 гг., экономистом в тресте в 1933-1935 гг. Впоследствии учился в Ленинградском сельскохозяйственном институте и Ленинградском электротехническом институте.

⁴⁵ Дзиковицкий Федор Михайлович (1888-?) – парторг, начальник наружной охраны и заведующий хозяйством Петергофских дворцов-музеев и парков в период с января 1936 по февраль 1940 года. С февраля 1940 г. работал управляющим домохозяйством в Петергофском районном жилищном управлении.

⁴⁶ Лагойский Николай Александрович (1891-?) – заведующий личным столом в Петергофских дворцах-музеех и парках в 1930-х годах.

⁴⁷ Местком (местный комитет профсоюзной организации) – термин, принятый в СССР для обозначения низовых подразделений профсоюзных организаций, осуществляющих свою деятельность непосредственно на предприятиях и в учреждениях.

⁴⁸ Желдин Лев Борисович (1905-1959) – начальник Управления ленинградскими и пригородными дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ) в 1937 году. В октябре 1930-январе 1932 гг. работал заведующим культурно-пропагандистским отделом Ленинградского обкома ВЛКСМ, в январе-октябре 1932 г. – заведующим сектором народного образования Ленинградского горкома ВКП(б), в октябре 1932 – ноябре 1936 гг. – заведующим Ленинградским отделением «Детиздата», в январе 1937 – январе 1938 гг. – заведующим культурно-просветительным отделом Ленсовета и начальником Управления дворцами и парками Ленсовета. С февраля 1938 г. – директор литографии № 24 ОГИЗ РСФСР. В январе 1939 г. был арестован и осужден на 8 лет заключения, но проведя 13 дней в тюрьме, был оправдан и выпущен на свободу и восстановлен на работе. В 1940 году награжден орденом «Знак почета».

с морей стороны. А произошедший вскоре (июль-август) бытовой конфликт с вновь назначенным Нач-ком Районного отд. НКВД гр. Андреевым помог Сабурову придать своим склочным наветам политическую форму ревностного и бескорыстного проявления своей бдительности.

Гр. Андреев по приезде в Петергоф, потребовал от меня предоставить немедленно ему квартиру, либо приспособить под квартиру какое-либо жилое помещение. Так как свободных квартир в немногих зимних домах Дирекции музеев в тот момент не было, а устройство квартиры в подходящем помещении требовало затратить по словам архитектора не менее 5000 руб., на что не было кредитов, тоя просил Андреева повременить, обещая устроить его в течение месяца.

На это последовала раздражительная и прямая угроза разделаться со мною. После разговора и отдельным высказываниям я понял, что предс. Месткома гр. Сабуров и в районном Отд. НКВД сделал всё по силе своего умения, чтобы навредить мне и настроить против меня гр. Андреева, пользуясь тем, что последний меня почти не знает.

Предоставление жилых помещений для районных работников входит в обязанность Райсовета, но я всегда в этом отношении шел навстречу последнему (предшественнику гр. Андреева тов. Кобелеву я предоставил квартиру, которую и мог бы занять гр. Андреев, если бы она была освобождена семьей уехавшего т. Кобелева). Не считая себя виноватым перед гр. Андреевым, я сообщил секретарю Райкома ВКП(б) об угрозах Андреева, надеясь, что он разъяснит последнему неосновательность претензий ко мне относительно квартиры. (Об этой моей дерзости Андреев напомнил мне на одном из допросов.)

Результаты для меня получились горькие и неожиданные.

8 сентября 1937 г. я и члены партгруппы музеев были экстренно вызваны на заседание Райкома ВКП(б)⁴⁹.

Открыв заседание, секретарь Райкома ВКП(б) Москалев объявил, что на повестке лишь один вопрос – о возможности дальнейшего пребывания Архипова в Партии ... и вслед за этим обрушил на меня целый ряд обвинений, о которых никогда не было речи ни в партгруппе, ни в Райкоме.

По характеру и искусственности тона выступления Москалева, а затем Андреева мне стало ясно, что вопрос обо мне предрешен, созыв заседания Райкома всего лишь проформа и члены Райкома должны будут голосовать за «исключение».

Я был ошеломлен. Высказаться мне почти не дали. Очень спешили. Что говорили за закрытыми дверьми, мне неизвестно. Через час, а м.б. и меньше,

⁴⁹ В протоколе № 12 заседания бюро Петергофского райкома ВКП(б) от 8 сентября 1937 г. содержалось бездоказательное обвинение Н.И. Архипова в том, что он «допустил вопиющую засоренность их штата работников, окружил себя явно антисоветскими, контрреволюционными вредительскими элементами ... и пользуясь гнилой антипартийной «теорией» о якобы неспособности коммунистов работать на данном участке, не только избегал окоммунизирования аппарата, но создавал условия по вытеснению коммунистов с работы во дворцах-парках ..., принимая меры ухищренного зажима самокритики». Основываясь на данных ложных утверждениях, бюро Петергофского РК ВКП(б) постановило исключить Н.И. Архипова из членов ВКП(б) и поставить перед УДПЛ вопрос о его снятии с должности директора Петергофских дворцов-музеев и парков. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 7-7об.; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 1-1об.

член Партии с 18-летним стажем был отлучен от семьи товарищей, с которой он считал себя спаянным глубоким, неколебимым убеждением в конечном мировом торжестве высоких всечеловеческих идей коммунизма.

С непонятной поспешностью, без большевистской уверенности в своей правоте было проведено мое изгнание из Партии.

Я подал жалобу (28 сентября 1937 г.) в Лен. Обл. Контрольную комиссию.

На вызов последней явиться я не мог, так как 4 октября я был арестован Петергофским районным Отд. НКВД, предъявившим мне обвинения по ст. 58 ч. 11 УК⁵⁰, обвинения те же, какие перечислены были секретарем Москалевым на заседании Райкома.

Знакомство с поэтом Николаем Клюевым

С поэтом Н. Клюевым⁵¹ я познакомился в 1918 г., в бытность мою в г. Вытегре (б. Олон. губ.). Еще в университетские годы я занимался вопросами искусства и на этой почве в обстановке провинциальной глуши произошло мое дружеское знакомство с приехавшим на родину поэтом Клюевым. Писал он в те годы много революционных стихов и гимнов, но позднее, после переезда в Ленинград, когда мы оказались территориально разобщенными (я работал и жил в Петергофе) он попал под чуждые влияния, наши отношения вступили в полосу охлаждения и окончательно порвались с переездом Клюева в Москву

⁵⁰ В постановлении Петергофского районного отдела УГБ НКВД об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения от 29.09.1937 г. содержалось ложное обвинение Н.И. Архипова в том, что он «использовал свое положение члена ВКП(б) и директора Управления музеев и дворцов в контрреволюционных целях, окружив себя целым рядом контрреволюционных фашистско-шпионских элементов, оказывал таковым поддержку и на практике своей работы способствовал им творить контрреволюционные дела». В итоге, Н.И. Архипову было предъявлено обвинение по ст. 58 п.10 и 11 ч.1 УК РСФСР. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 2-20б.

⁵¹ Клюев Николай Алексеевич (1884-1937) – русский поэт, представитель так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века. Участвовал в революции 1905-1907 годов, неоднократно арестовывался за агитацию среди крестьян и за отказ от армейской присяги по убеждениям. Отбывал наказание сначала в Вытегорской, затем в Петрозаводской тюрьме. Первые стихи были опубликованы в 1904 году. На рубеже 1900-х и 1910-х годов Клюев часто публикуется, используя приёмы символизма, насыщает стихи религиозной образностью и диалектной лексикой. Первый его сборник «Сосен перезвон» вышел в 1911 году. Стихи Клюева периода революции 1917 г. и Гражданской войны отражали крестьянское и религиозное восприятие революционных событий. Он посылал свои стихи В.И. Ленину, сблизился с левозэровской литературной группировкой «Скифы». С 1923 г. Клюев жил в Ленинграде, а в начале 1930-х годов переехал в Москву. 2 февраля 1934 г. Н.А. Клюев был арестован по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений» (ст. 58-10 УК РСФСР). 5 марта после суда Особого совещания НКВД выслан в Нарымский край, в Колпашево. 5 июня 1937 г. он был снова арестован и в конце октября расстрелян на Каштанной горе.

Н.И. Архипова и Н.А. Клюева связывали близкие многолетние отношения. Архипов приложил немало усилий к публикации сочинений поэта, который завещал другу «в пожизненное издание» все свои сочинения. После переезда Архипова в Петроград в 1923 г. Клюев последовал за ним и поселился в одном доме с ним на Большой Морской улице. Архипов на протяжении долгого времени записывал в тетрадь сны Клюева, которые воспринимал как особый литературный жанр. Поэт посвятил другу ряд стихотворений и поэм. Благодаря Н.И. Архипову, часть литературного наследия Н.А. Клюева была сохранена и передана в ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), где хранится поныне. – См. об этом: Кальницкая Е.Я. «Музею я оставлю по себе хорошую память...». Н.И. Архипов: человек и директор // Дворцы и война. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2015. С. 148-149.

(1930). Знаю, что позднее он был выслан из Москвы в Сибирь, но за что и где находится в настоящее время, мне неизвестно.

Своего знакомства с Ключевым я не имел оснований скрывать и в 1930 г. я давал сведения в Ленингр. Отд. НКВД о его творческой работе и окружающей его среде. Что преступного в этом факте знакомства, в моем интересе к художнику слова? С Ключевым были знакомы и дружили многие выдающиеся деятели из разных областей искусства, но я не слышал, чтобы кому-либо ставилось в вину знакомство с ним. Факт знакомства это еще не преступление (иначе, сколько бы народа надо было привлечь к ответственности за знакомство напр. с Троцким и др.). Вот продолжение знакомства после дискредитации (политической или общественной) того или иного лица для коммуниста недопустимо, а иногда и преступно. Поэтому я считаю это обвинение просто нелепым.

Знакомство с инж. Бейтелем

С военным инженером П. Бейтелем⁵² познакомился я в своем служебном кабинете в начале лета 1930 г. Он предъявил мне отношение Управления делами Наркомата обороны с просьбой о предоставлении их работнику инж. Бейтелю дачного помещения. На ломаном русском языке он сообщил мне, что он коммунист, германский политэмигрант и уже несколько лет работает в Военном ведомстве инженером⁵³.

Так как дачные помещения уже были сданы, то я предоставил ему комнату на одном коридоре с научной студией (с платой 90 руб.). Эту комнату он занимал и в последующие летние сезоны. Летом 1935 и 1936 гг. жила только его жена, т.к. он находился в командировках. В 1937 г. он приехал из командировки в начале июля и через три недели был арестован по «подозрению в шпионаже», как сообщил Андреев в Райкоме. Жил он тихо, каких-либо гостевых сборищ у него не было и вообще своим поведением он не вызывал никаких подозрений. Его знали и наши партийцы и многие из служащих, как одного из постоянных дачников. К бытовым дачным просьбам Бейтеля я относился внимательно и он ценил это (осенью по возвращении из командировки он, приехав в Петергоф, зашел навестить меня, но не застав дома (я был в отъезде), просил жену передать мне по прибытии из отпуска маленькие стальные часы на руку и благодарил за внимание к жене в его отсутствие). Бывали случаи, когда я обращался

⁵² Бейтель Петр Августович (1883-1939). Уроженец г. Висбадена (Германия). Гражданин СССР с 19.10.1936 г. Инженер-механик в системе Наркомата обороны СССР. Арестован по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической группе Военной коллегией Верховного суда СССР 21 июля 1937 г. Приговорен к расстрелу 2 августа 1939 г. Приговор приведен в исполнение 1 сентября 1939 г. Реабилитирован 24 ноября 1959 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР. Захоронен на Донском кладбище. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 10; URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=4008> (дата обращения 19.09.2023).

⁵³ Судя по показаниям Н.И. Архипова в ходе следствия, военный инженер П.А. Бейтель в прошлом был членом марксистской организации «Союз Спартака», членом ЦК Коммунистической партии Германии. Неоднократно сидел в тюрьмах за политическую пропаганду. Как подпольный работник имел кличку «Черный Петр». В документах следствия также содержится информация, что он был сотрудником Разведывательного управления РККА. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 10, 90.

к Бейтелю за консультацией по некоторым техническим вопросам (прокладки во фланцевых соединениях фонтанных труб, лаки для предметов из металла, чистка позолоты на бронзе и т.п.). Никогда я не интересовался содержанием и местом его работы, считая вопросы такого рода бестактным любопытством в отношении ответственного работника Красной Армии.

Никаких предупреждений или поручений относительно Бейтеля я ни от кого не получал.

Можно ли мне ставить в вину, что я был знаком с одним из работников Красной Армии, дачником, совершенно чужим для меня человеком, которого только в 1937 г. разоблачили как шпиона?

В отсутствии бдительности, в пособничестве шпионажу следует винить не меня, а руководство учреждения, где служил Бейтель.

Я передал следователю и в деле должно находиться направленное в Дирекцию Петергофских музеев ходатайство Управления делами Наркомата обороны за подписью Смородинова⁵⁴ (ныне командарма 2-го ранга) о предоставлении Бейтелю дачной комнаты в Петергофе.

Пособничество шпионажу

В последний свой приезд на дачу Бейтель принес в Дирекцию Петерг. Музеев обращение профкома Укрплодовинсоюза с просьбой предоставить дачную комнату служащей последнего гр. Ядровой, как ответственной работнице, на период ее 2-х недельного отпуска. В деле должно находиться переданное мною следователю ходатайство указанного выше профкома о предоставлении Ядровой дачной комнаты.

Дачные помещения были уже разобраны, но просьбу профкома и Бейтеля я удовлетворил, предоставив Ядровой комнату в т.наз. Розовом павильоне.

Розовый павильон – здание с 3 комнатами, Дирекцией никому не сдавалось, так как находилось в т.наз. водоохранной зоне. Возле него проживали сторожа и смотрители шлюзов. От Б.⁵⁵ дворца в 15 минутах ходьбы.

И вот это обстоятельство, в связи с арестом Бейтеля, послужило основанием для обвинения меня в пособничестве шпионажу. Хотя предоставленный гр. Ядровой срок проживания в водоохранной зоне был короток (2 недели), я все же не захотел осложнять этим вселением в зоне происходивших в это время споров с Коммунальным отделом из-за сенокосных участков возле павильона. Дав распоряжение завхозу обставить комнату необходимым инвентарем, я прибавил: «пусть там наши (т.е. сторожа) не болтают коммунальщикам о дачнице». Этой фразе следователь придал особо важное значение, истолковал ее,

⁵⁴ Смородинов Иван Васильевич (1894-1953) – советский военачальник, генерал-полковник. С января 1933 г. работал заместителем начальника Управления делами **Наркомата по военным и морским делам** и РВС СССР, с февраля 1935 г. – начальником, а с марта 1936 г. – заместителем начальника Управления делами при Наркомате обороны СССР. С ноября 1937 г. являлся начальником штаба Харьковского военного округа, с мая 1938 г. – начальником штаба Киевского военного округа, а с октября 1938 г. по ноябрь 1939 г. – заместителем начальника Генерального штаба РККА.

⁵⁵ Большого.

как пособничество шпионажу, не учтя того, что среди сторожей, проживавших у павильона, имелся осведомитель.

Для большей убедительности в дело вложено сфабрикованное после моего ареста отношение со штампом Дирекции Петергофских музеев в адрес Районного Отд. НКВД о том, что гр. Ядрова проживала в павильоне еще в зимнее время 1936–1937 гг.

Автор этой фальшивки, очевидно, не знал, что павильон этот является летним помещением, зимой не отапливается, что о таинственной жилище, если бы таковая проживала в нем (в холоде, без мебели, без прописки) немедленно было бы известно и милиции, и Районному Отд. НКВД.

С гр. Ядровой я не знаком, ее ни разу не видел, какое отношение к ней имела семья Бейтель, я не знаю. От завхоза я слышал, что она уроженка Петергофа, одно время работала в каком-то магазине Петергофа продавщицей, что у нее есть дети. Паспорт, предъявленный гр. Ядровой для прописки, никаких подозрений не вызвал, и сама она после ареста Бейтеля, была оставлена на свободе.

А вот другой, инкриминированный мне факт, тоже истолкованный, как пособничество шпионажу. В августе 1937 г. Райотд. НКВД арестовал гр. Мартинен⁵⁶, по национ. финна, работавшего некоторое время дворником, а затем переведенного на капстроительство плотником. Определен был Мартинен на работу по представлению коменданта Жилфонда гр. Яскилайнена (работавшего осведомителем в РО НКВД и принятого мною по рекомендации уполномоченного РО тов. Кобелева). После приема Мартинена на службу его анкета была направлена для просмотра в РО НКВД, откуда никаких предупреждений или возражений не последовало. С гр. Мартинен я знаком не был.

Можно ли основании таких фактов предъявлять мне обвинение в каком-то пособничестве шпионажу?

Наличие в аппарате чуждо-классовых элементов и покровительственное к ним отношение

В протоколе допроса перечислено 12 чел. такого элемента без подразделения на рабочих и служащих, временных сезонных и постоянных штатных, что очень важно для выяснения степени засоренности аппарата.

Не вдаваясь в анализ правильности сведений, на основании которых некоторые лица отнесены к этой категории, замечу, что вообще проникновение таких элементов в аппарат, поскольку закон не лишает их права на труд, возможно и неизбежно, особенно в период спешного массового набора временных служащих и рабочих на летний сезон (музейные служители, парковые и музейные кассиры, уборщики, садовые и оранжерейные рабочие и пр.), из которых некоторые с окончанием сезона пробирались в штат на свободные вакансии.

⁵⁶ Рабочий Мартинен был арестован в 1937 году Петергофским РО НКВД как «финский шпион» и был впоследствии отнесен к группе «антисоветских, контрреволюционных вредительских элементов», якобы возглавляемых Н.И. Архиповым. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 2об., 7.

Специальным подбором кадров из классово-чуждого элемента я не занимался, наоборот, чистка аппарата от такого элемента проводилась как постоянная, а не кампанейская работа; приемом и просмотром документов и последующей проверкой анкетных данных занимался стол личного состав, которым заведывал член ВКП(б) т. Михайлов, на которого в течение нескольких лет были возложены обязанности по просмотру и проверке документов как поступающих, так и находящихся на службе граждан. Тов. Михайлов может удостоверить, как много неприятностей (привлечение к судебной ответственности, вызовы в прокуратуру, инспектуру труда и пр.) происходило у меня вследствие увольнений только по классовому признаку при отсутствии служебных проступков⁵⁷.

Я уверен, что большинство лиц, перечисленных в протоколе, продолжает работать на советской службе и права на труд не лишены.

Никакого покровительства чуждым элементам в аппарате я не оказывал. Ко всем рабочим и служащим я относился ровно и беспристрастно, требуя от них честного выполнения трудовых обязанностей и поощряя в согласии с Месткомом наиболее примерных тружеников. Вот почему мало кто из рабочих и служащих, знавших меня как партийца-администратора, поверил басне, что я – «враг народа», басне, которую распространял Сабуров после заседания Райкома ВКП(б).

Следователь особо выделил в деле гр. Николаева – чернорабочего-землекопа, арестованного за к.-р. разговор⁵⁸. При приеме его в 1936 г. на временную сезонную работу канавщика документы его личный стол нашел в порядке, паспортный стол милиции произвел прописку, последующая проверка никаких порочащих данных не обнаружила. Сообщений такого рода из личного стола мне не поступало. До этого гр. Николаев, будучи молодым парнем, работал вместе с дядей и братом в летние сезоны 1924 и 1925 гг. на дренаже в Петергофских парках, и эта тройка обратила на себя внимание своим трудолюбием. Это качество обнаружил гр. Николаев и в летний период 1936 г., при расчистке и дренировании Александровского парка, реставрацией которого руководил я лично. Желая сохранить его, как дефицитного специалиста, сумевшего организовать бригаду канавщиков, я охотно пошел навстречу его просьбе предоставить ему с семьей (жена и двое малолетних детей), проживавшей в соседнем поселке «Стрельна», отдельную комнату и распорядился поселить его в одном из служебных домов, где проживали наши рабочие и служащие. Во время следствия он, как мне сообщил следователь, признался, что он – сын кулака.

⁵⁷ В данном случае Н.И. Архипов имеет в виду категорию т.н. «лишенцев» – лиц, лишенных избирательных прав согласно Конституции РСФСР 1918 и Конституции СССР 1924 гг., вследствие их происхождения и бывшего имущественного статуса (землевладельцы, торговцы, бывшие офицеры, дворяне, священнослужители и прочие). Они были лишены возможности занимать ответственные должности, получать пенсии и пособия по безработице, не могли обучаться в ВУЗах и вступать в профсоюзы, не подлежали призыву в ряды РККА. Данная категория граждан существовала в Советском Союзе в период с 1918 по 1936 годы и была упразднена Конституцией СССР 1936 г.

⁵⁸ Рабочий-дренажник А.Н. Николаев был арестован вместе с заведующим садово-парковым отделом Управления Петергофских дворцов и парков В.Л. Поповым за «контрреволюционную деятельность» летом 1937 г. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 20.

Заявляю, что об этом ни при приеме его на работу, ни позднее, в период его службы, мне известно не было. Ни председ. Месткома гр. Сабуров, ни зав. личным столом гр. Лагойский (чл. ВКП(б)) в известность об этом не ставили.

Считаю, что в распоряжении следствия нет проверенных данных для того, чтобы предъявлять мне обвинения в симпатиях и покровительстве к чуждым элементам.

Выживание из аппарата коммунистов

Это обвинение является клеветой, имеющей целью подкрепить предыдущие обвинения.

Как доказательство приведены фамилии коммунистов, работавших в Мас-совом отделе Дирекции музеев и парков.

1. Зав. отделом массовой работы Гаген⁵⁹, проработавший в Дирекции музеев и парков 2 года, был освобожден по собственному желанию. Работал он ранее в местной кооперации, но по моему настоянию, что может подтвердить и сам Гаген, был направлен Горкомом ВКП(б) г. Петергофа в Дирекцию музеев и парков для заведывания отделом массовой работы в парках. Вследствие инвалидности был малоподвижен; в работе имел постоянную помощь с моей стороны, как товарищ без достаточной общеобразовательной подготовки и притом никогда не работавший ранее в области массовой работы. При проведении массовых кампаний и устройстве парковых гуляний я обычно в помощь ему направлял научный персонал музеев.

Заветной мечтой Гагена, которой он не скрывал, была тихая жизнь семьянина и покойная служба бухгалтером в каком-нибудь маленьком учреждении. За отсутствием кандидатов коммунистов для замещения его должности, я вынужден был отклонять его постоянные просьбы об освобождении для перехода на более спокойную работу. Единственно этим он мог быть доволен на меня. Я давал ему возможность посещать бухгалтерские курсы в Ленинграде, хотя эти отлучки вызывали неудобство для его прямой работы; я добился в центре повышения ему зарплаты до 500 руб. и вообще всячески шел ему навстречу, обещая освободить его при наличии сколько-нибудь подходящего работника коммуниста.

2. Гр. Полосухина – сменившая Гагена, была прислана зам. секретаря Райкома ВКП(б) гр. Москалевым условно, на учете в Петергофской организации не состояла. Мною была принята, и при том по ее просьбе, с месячным испытательным сроком. Показала не только полное незнание массовой работы в парках, но и абсолютное нежелание заниматься этим видом работы. Производила впечатление авантюристки, занялась устройством склок, по всякому поводу закатывала истерики.

⁵⁹ Гаген Андрей Андреевич (1895-?) – заведующий отделом массовой работы Петергофских дворцов-музеев и парков в 1936-1937 годах.

По настоянию секретаря партгруппы т. Дзиковицкого и ряда работников Дирекции я обратился в Райком ВКП(б) с просьбой о замене ее другим работником, Райком ВКП(б) отозвал ее, но на работе в Петергофе не оставил.

3. Тов. Куколев направлен был Райкомом на должность зав. массовым отделом. Молодой человек, с начальным образованием, со слабой политической подготовкой, безинициативный, совершенно непригодный для этой должности в учреждении, обслуживающем сотни тысяч посетителей.

И все же я оставил его при массовом отделе, но он, проработав несколько месяцев, потребовал увеличения ему зарплаты до 400 руб. в месяц. Ввиду невозможности удовлетворения этого требования, он был освобожден от работы для перехода в Жилсоюз на должность зав. массовой работой с указанным выше окладом зарплаты.

К сезону 1937 г. я самостоятельно подыскал работника (т. Недельман, чл. ВЛКСМ) достаточно развитого со стажем в области массовой работы, сумевшего вполне удовлетворительно справиться с обязанностями завед. отделом массовой работы.

Я прошу затребовать от Петергофского Райкома ВКП(б) и от парторга т. Дзиковицкого характеристики (политические и деловые) трех названных и упоминаемых в протоколе лиц, дабы убедиться в клевете и необоснованности обвинения меня во враждебности к коммунизации аппарата.

Я утверждаю, что я дорожил честью и авторитетностью своей партгруппы, не только как член Партии, но и как администратор. Коммунисты учреждения всегда в вопросах служебно-бытового и морального характера имели во мне товарища, помощника и руководителя. Они не смогут привести ни одного факта недоброжелательного, несправедливого к ним отношения.

Несмотря на трудности подбора кадров в условиях территориальной удаленности от центра и наличии малых ставок зарплаты я сумел почти все руководящие посты за исключением зав. админ.-финансовой частью возглавить коммунистами (зав. хозяйств. частью, зав. научным отд., зав. массов. отд., зав. личным столом, зав. садово-парковым отд., зав. музыкальной эстрадой, зав. транспортом, зав. наружной охраной, зав. пожарной охраной, зав. ПВХО⁶⁰, хранитель Большого дворца).

Я прошу проверить эту мою справку о составе партгруппы и занимаемых коммунистами должностях хотя бы на 15/VII-37 (т.е. в период, непосредственно предшествующий моему исключению из Партии) и одновременно затребовать для сравнения те же данные на текущий сезон 1940 г.

Полагаю, что проверка и сравнение убедительно скажут о том, что коммунизации аппарата я уделял немалое внимание и обвинение, предъявленное мне, является не только необоснованным, но и злостно-клеветническим.

⁶⁰ Противовоздушная и противохимическая оборона.

Помощь врагам народа

Основанием для такого обвинения послужило следующее. В июне 1937 г. был арестован по делу бывших руководителей УДПЛ⁶¹ мой сотрудник, зав. научно-экскурсионным отделом А. Шеманский⁶².

Он начал службу в Петергофских музеях и непосредственно после окончания Ленинградского Университета и работал со мной больше 10 лет. Я знал его, как вполне советского человека и потому вместе с прочими партийцами подписал ему рекомендацию на вступление в группу сочувствующих Партии. Его арест я считал временной изоляцией, оперативным моментом следствия. Вот почему, когда жена его предъявила мне его доверенность на получение зарплаты, я, не задумываясь, выдал ей его зарплату за половину июня, тоже повторилось и в июле, и в общей сложности я выдал ей 1½ месячный оклад⁶³.

Обстоятельства, которые могли бы быть приняты, как до некоторой степени извиняющие мою оплошность (выдача зарплаты семье арестованного) следующие.

Отрицательное отношение к стахановскому движению

Такой криминальный вывод сделан на основе лживого показания гр. Сабурова, заявившего следователю Андрееву, что будто бы я сказал: «стахановское движение – пустяки».

Это же заявление повторяет и Алейников (чл. ВКП(б), зав. транспортом).

Я утверждаю, что это заявление Сабурова является клеветой, состряпанной в процессе составления протокола его показаний и подсказанной затем Сабуровым своему приятелю Алейникову.

Такой премудрой, достойной идиота, оценки стахановскому движению я никогда и нигде не давал.

Если бы допросить их, где и при каких обстоятельствах, в чьем присутствии я изрек такой приговор, то я уверен, что показания этих двух свидетелей оказались бы до крайности путанными и разноречивыми.

⁶¹ Имеется в виду уголовное дело о хищениях в пригородных дворцах-музеях Ленинграда (Пушкина, Павловска), возбужденное Управлением НКВД по Ленинградской области весной 1937 г. – См.: Петров П.В. Музейное дело 1937-го и довоенный учет // Адреса Петербурга. 2017. № 63/77: 28-34; Петров П.В. Репрессии среди музейных работников Петергофа и музейное дело 1937 г. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3(7): 114-133.

⁶² Помощник директора Петергофских музеев и парков по научной части Анатолий Владимирович Шеманский (1904-1942) был арестован 2 июня 1937 г. сотрудниками отдела уголовного розыска УРКМ УНКВД по Ленинградской области по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-7, 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. 21129. Т. 1. Л. 223-223об. Т. 2. Л. 243-249.

⁶³ Помощник директора по научной части А.В. Шеманский был исключен из списков служащих Дирекции Петергофских музеев и парков приказом № 118 с 1 августа 1937 г., «как арестованный органами НКВД за вредительскую работу на музейном фронте». – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 19.

Ведь, если бы я, член Партии, руководитель учреждения, обслуживающего сотни тысяч экскурсантов, действительно, выкинул бы такой контрреволюционный тезис, то спрашиваю, почему указанные два свидетеля, отнюдь не питавшие ко мне симпатий, решили замолчать факт преступной агитации директора музеев, не поставили о ней в известность секретаря партгруппы т. Дзиковицкого, не сделали этот факт предметом обсуждения ни в партгруппе, ни в Райкоме ВКП(б), ни в Профсоюзе (Сабуров был председателем районного отдела союза работников просвещения), не отразили его в стенной газете учреждения.

Объяснение просто: это – ложь, выступить с которой возможно было не публично (когда я был на свободе), а в кабинете следователя, когда я оказался за тюремной решеткой.

Каждому работнику Месткома, не говоря уже о руководителях отделов, было известно, что в организации соцсоревнования в учреждении я, вместе с гр. Сабуровым (который, как председатель Месткома нес за это дело ответственность в первую очередь) принимал деятельное участие, что ряд лет, благодаря организации соцсоревнования внутри учреждения, Петергофские музеи выходили на первое место среди предприятий, подведомственных УДПЛ, и награждались премиальными суммами Ленсовета, что сам Сабуров получал неоднократно денежные премии и что директору гр. Архипову не без участия профсоюза были в 1936 г. вручены грамота и значок ударника.

Можно ли признать добросовестным обвинение меня в отрицательном отношении к социалистическим методам труда?

Зажим самокритики

В августовском номере стенной газеты «Красный каскад» за 1937 г. (накануне исключения меня из Партии) помещена статейка Алейникова, в которой рассыпан ряд комплиментов по моему адресу, в связи с взволновавшим слушателей-партийцев моим рассказом о Ленине и его деятельности в ссылке.

Я спрашиваю, почему не только в этом №, но и вообще ни в одном № стенной газеты нет хотя бы маленькой заметки, вскрывающей меня как врага и зажимщика самокритики?

Потому что я не из разряда жуликов с партбилетом в кармане, о которых говорил И.В. Сталин, и темными делишками, для которых опасен свет критики, не занимался. Обвинение в зажиме самокритики беспочвенно и является злостным клеветническим вымыслом.

Таковая моя КРД, мои преступления, за которые я подвергнут суровым мерам наказания: снят с работы, изгнан из Партии, заключен в тюрьму и с клеймом «врага народа» изолирован в исправительном лагере, где от непривычной физической работы постепенно теряю силы.

Партия и власть достаточно сильны, чтобы раздавить замаскировавшую себя гадину, но я никогда не был ни мошенником-карьеристом, ни контрреволюционером. Я вступил в Партию в тяжкие годы борьбы молодой Республики

за право на существование, вступил по убеждению, без всяких корыстных побуждений и как простой рядовой коммунист честно и преданно служил Партии и Советской власти.

И вот как печально закончилась для меня борьба за политику Партии на том участке русского искусства, который мне был поручен, борьба за претворение в жизнь личных указаний Вождя и его сотрудников.

Следствие не вскрыло политической подоплеки той кампании, которую повели против меня, пользуясь неприязнью ко мне начальства, шкурники с провинциальным самолюбием и мещанской спесью. Следствие и не могло осмыслить это дело политически, потому что вел его, к моему несчастью, человек, уже предубежденный против меня клеветниками, озлобившийся против меня (из-за квартиры), незнакомый ни с объемом, ни с характером выполняемой мною работы, принявший меня за вельможу, которого следует проучить «вплоть до физического уничтожения» (слова моего следователя).

Мои протесты против редакции протоколов допросов были безуспешны и в результате родился документ, на основании которого ОСО НКВД СССР могло с полным правом моральным и юридическим вынести постановление (от 4 октября 1938 г.) о заключении меня в исправит.-трудовые лагеря сроком на 5 лет⁶⁴.

Знаю, что оставил я по себе неплохую память у тех партийцев и беспартийных, которые знали мою жизнь и деятельность на протяжении многих лет. В моей виновности не убедили их клеветники, поспешившие вместо помощи моим музейным преемникам, покинуть место своего преступления, содеянного ими под флагом бдительности.

И что этим мещанам до судьбы большого дела, пошедшего благодаря им не в гору, а под гору, судьбы замечательного памятника русского искусства и истории. Она их не интересовала, никогда не волновала, потому что в этом деле они были случайными людьми, не понимавшими его культурно-исторического значения и с легкой душой покинувшие его, усладив свои чувствования болью и страданиями русского человека, трудившегося над сохранением для потомства «Русского Версаля».

Мне приписали ряд тяжких преступлений, наложили на меня, вышедшего из народа, страшное клеймо «враг народа» и в то же время лишили меня неотъемлемого права каждого обвиняемого – права выступления в свою защиту.

Мои преступления не обсуждались в партгруппе, в Райкоме говорить почти не пришлось, вынесли решение, превратили в презренного изгоя без всякого предварительного расследования правильности обвинения на общее собрание городской партийной организации, где утверждали мое исключение, я допущен не был, потому что меня перед этим изолировали при местной милиции, а следствие, игнорируя мои объяснения, трудилось не над выяснением истины, а над редакцией порочащих меня протоколов. Обещанного следователем суда не

⁶⁴ Постановление Особого совещания НКВД СССР, осудившее Н.И. Архипова по ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 5 лет, датировано 8 октября 1938 г. – См.: АУФСБ СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-17803. Т. 1. Л. 256, 258; ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 307. Л. 8, 27, 38.

состоялось, так как Спецколлегия Ленингр. Обл. суда вернула дело в НКВД для исследования⁶⁵, взамен которого состоялось постановление ОСО, куда меня, конечно, не вызывали.

Я надеюсь, что Партия, обладающая многообразными и мощными возможностями, примет действенные меры распутать несложный клубок клеветы, которую опутали лгуны и вредители одного из ее членов, честно служившего Родине и делу социалистической Революции в течение почти двух десятилетий.

Эта крепкая надежда и неколебимая уверенность в разоблачении клеветы и оправдании и побудили меня обратиться с настоящим заявлением.

Н. Архипов
20-VI-40 г.

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 195397/7. Л. 29-42.
Авторизованная копия. Рукопись.

ЛИТЕРАТУРА

Белов А.А. Н.И. Архипов и послевоенное восстановление Петергофа // Послевоенная реставрация: век нынешний и век минувший: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. I). СПб., 2010.

Белов А.А. Научная и реставрационная деятельность Н.И. Архипова в Петергофе // Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016.

Гейченко Т.С. Памяти хранителя. Письма Николая Ильича Архипова Семёну Степановичу Гейченко // Михайловская Пушкиниана. Вып. 51. Материалы XIII Февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу. Музейная коллекция: изучение, экспозиция, публикация» (12-14 февраля 2010). Сельцо Михайловское, 2010.

Кальницкая Е.Я. «Музею я оставлю по себе хорошую память...». Н.И. Архипов: человек и директор // Дворцы и война. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2015.

Кальницкая Е.Я. Николай Архипов: человеческий фактор // Николай Ильич Архипов..., 2016.

Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016.

Петергоф и Ораниенбаум: Справочник по дворцам-музеям и паркам. Л., 1936.

Петров П.В. Музейное дело 1937-го и довоенный учет // Адреса Петербурга. 2017. № 63/77.

⁶⁵ 5 января 1938 г. помощник прокурора Ленинградской области по спецделам Изразлит рассмотрел следственное дело Н.И. Архипова, отказал в его пересмотре и передал на рассмотрение в Особое Совещание при НКВД СССР. – См.: ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 307. Л. 1-2.

Петров П.В. Николай Ильич Архипов (1887–1967). Краткий биографический очерк // Николай Ильич Архипов..., 2016.

Петров П.В. Репрессии среди музейных работников Петергофа и музейное дело 1937 г. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3(7).

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда от 3/ХП 1931 г. Л., 1931.

Раскин А.Г., Уварова Т.В. Возвращение имени: Николай Ильич Архипов // Псков. 2010. № 33.

Раскин А.Г., Уварова Т.В. Услышать зов истории. Николай Ильич Архипов – историк, реставратор, музейный деятель // Россия – Франция. Взаимодействие культур. XVIII–XXI вв. Сборник материалов научной конференции. 2010 год. М., 2012.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Н.И. Архипов, студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Апрель 1912 г. Вытегорский объединенный музей

Илл. 2. Николай Ильич Архипов за рабочим столом в Петергофе. 1964 г.
Вытегорский объединенный музей

Илл. 3. Портрет Н.И. Архипова. 1960-е гг. Вытегорский объединенный музей

ПИСЬМА Е.М. КАРАВАЕВОЙ К А.Д. ВАРГАНОВУ (1951–1960-е гг.)

Т.П. Тимофеева

В 2024 г. Суздаль отмечает свой 1000-летний юбилей. Никто не сделал для Суздаля, для сохранения архитектурного ландшафта уникального города-музея больше, чем А.Д. Варганов. В течение десятилетия его самоотверженной помощью была Е.М. Караваева. В личном фонде А.Д. Варганова в Государственном архиве Владимирской области (далее – ГАВО) хранится 23 письма Караваевой к Варганову и одно письмо от её мамы (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 1–40)¹.

Алексей Дмитриевич Варганов (1905–1977) – директор Суздальского музея (1931–1958), архитектор Владимирской реставрационной мастерской, искусствовед и археолог, выдающийся исследователь и реставратор суздальского зодчества, автор книг и ряда научных, а также множества популярных статей о Суздале и его архитектуре, заслуженный деятель искусств РСФСР, почётный гражданин города, подлинный и бескорыстный подвижник. Елизавета Михайловна Караваева (1924–1978) также принадлежит к узкому кругу учёных – исследователей архитектуры и градостроительства г. Суздаля. Караваева была связана с Суздалем с самого начала 1950-х гг., а в 1953–1959 гг. работала архитектором во Владимирской реставрационной мастерской, на суздальском участке под руководством Варганова²; затем – в Переславле-Залесском, Ростове, Ярославле, Рязани, Шушенском³, а в 1970 г. – в научно-методическом совете Министерства культуры СССР (Зайцева, 2018: 22.). Ей принадлежит фундаментальное исследование «Градостроительное развитие Суздаля» (1964) и кандидатская диссертация с тем же названием (1966), а также несколько статей. О её работе в Переславле, Ростове и Рязани становится известно именно из публикуемых писем.

К сожалению, датировано только три письма (№ 1–3) – от 11.02.1951, 02.10.1951 и 11.06.1953 гг. Первое (№ 1, л. 1, 5–6 об.), от 11.02.1951, написано после поездки в Александров и Юрьев-Польской. Упомянутые в письме Миша, Никита и Володя фигурируют в Дневнике Варганова по западному корпусу Архиерейского дома за октябрь 1954 г.: «В предварительном осмотре здания уча-

¹ Л. 1 – конверт 1955 г., л. 2–4 – фотографии памятников г. Горького (Нижнего Новгорода).

² По другой версии – 1954–1960 гг. – Владимиро-суздальская школа реставрации: 315. В «Дневнике реставрационных работ по Западному корпусу Архиерейских палат. 1953–1954 гг.» А.Д. Варганова записано: «8 апреля 1953 г. Караваева готовит материал... 13 апреля 1953 г. Приехала Е.М. Караваева... Архитектору Караваевой дано задание...» – ГАВО. Ф. Р-8 НТД. Оп. 1. Д. 106. Л. 4, 12, 13.

³ О Е.М. Караваевой см.: Тимофеева Т.П., 2009: 54–61; 2012: 179–203; Владимиро-Суздальская школа реставрации: 315.

ствовали арх. Караваева и студенты МАИ (читай: МАрХИ. – Т. Т.): Шишкин М., Смирнов Вл., Никита...» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 106. Л. 48.). Второе письмо (№ 2, л. 7–7 об.), от 02.10.1951 г. описывает поездку в Юрьевский район. Последнее из датированных писем (№ 3, л. 8), от 11.06.1953 г. – открытка с сообщением о предстоящей московской комиссии по обсуждению проекта реставрации трапезной церкви Архиерейского дома, посланная с домашнего адреса (Московская обл., Горьковской ж/д, ст. Железнодорожная. Октябрьская ул., д 10). Реставрация Западного корпуса Архиерейского дома велась в 1953–1954 гг.

Остальные письма датируются только приблизительно, исходя из некоторых известных дат и событий. Их можно условно разделить на две группы: написанные в период работы в Суздале, то есть в 1950-е гг., и после отъезда, то есть в 1959 г. и позже. К первой группе возможно отнести 8 писем (№ 4–11), ко второй – остальные (№ 12–24).

5 писем суздальского периода можно датировать 1953 г. В одном из них (№ 4, л. 35–36 об.) идёт речь о проекте реставрации крыльца Западного корпуса Архиерейских палат, над которым работа велась именно в этом году. В другом письме (№ 5, л. 9–10 об.) упоминается открытие выставки Рублёва в Музее им. Андрея Рублёва, состоявшейся также в 1953 г. К этому же году относится и письмо, написанное, когда Варганов был в каком-то отъезде (№ 6, л. 24–26). Письмо, где говорится о «водворении» М.В. Рудько (№ 7, л. 17–17 об.), вероятно, также можно датировать 1953 г., так как именно тогда она стала директором мастерской. В том же году написано, по-видимому, и следующее письмо (№ 8, л. 40).

Ещё два письма, одно с упоминанием трёх участков Мастерской (№ 9, л. 11), второе с описанием архивных находок (№ 10, л. 28–29 об.) тоже явно принадлежат к суздальскому периоду, может быть, к 1955–1956 гг., но точнее определить невозможно. Вместе с письмами в деле находится конверт с домашним адресом Караваевой, на штампе которого различаются цифры «2.55», т. е. февраль 1955 г. (л. 1).

Последнее из суздальских писем (№ 11, л. 37) заканчивается пожеланием «счастливого новоселья». Очевидно, речь идёт о квартире, которую Варганов получил во Владимире осенью 1959 г., поэтому письмо возможно датировать этим годом. На отдельном листке (без даты) помещена «Песенка реставратора» – сатирические частушки об областном отделе архитектуры, сочинённые кем-то из владимирских реставраторов, возможно, самой Караваевой (л. 38–39 об.). Можно думать, что это продолжение указанного письма.

В одном из писем 2-й группы описана поездка в северные города (№ 12, л. 12–13 об.). К этой же группе относится письмо, в котором Караваева сообщает адрес Ю.П. Спегальского (№ 13, л. 14–14 об.),

В переславский период, скорее всего, в 1959 г., написано письмо из Переславля (№ 14, л. 18–18 об.). В 1959 г. Караваева выполнила геометрическое построение главы Троицкого собора переславского Данилова монастыря (*Щадунц*, 2015: 359, 365).

К послесуздальскому времени можно отнести письмо, где говорится о предстоящей защите (№ 15, л. 16) и письмо, где Караваева упоминает свою публи-

кацию в институтском сборнике (*Караваева*, 1961) и автореферат (№ 16, л. 15). Очевидно, в обоих случаях речь идёт о кандидатской диссертации.

К ростовскому периоду следует отнести 4 письма: где рассказывается о памятниках Ростова (№17, л. 14а – 14а об.), разбирается вопрос о деревянном крыльце при каменных кельях (№ 18, л. 32), фигурирует Благовещенская церковь в Борисоглебском монастыре (№ 19, л. 19), упоминается водомёт, о котором ей написал И.А. Столетов (№ 20, л. 33). По всей вероятности, речь идёт о водомёте, обнаруженном им во время реставрации Успенского собора Княгинина монастыря XVI в. и описанном в отчёте 1960 г.: «При разборке одной из пазух закомар был найден и внешний конец водомёта» (ГАВО. Ф. Р-8. НТД. Оп. 1. Д. 87. Л. 19). Поэтому письмо закономерно отнести к 1960-м гг. Фотография этого водомёта XVI в. опубликована (Владими́ро-суздальская школа реставрации: 62).

К послесуздальскому периоду принадлежит письмо с упоминанием Варваринской церкви и «странствующего диссертанта» Синякова (*Тимофеева*, 2021: 147–153), написанное во время работы над диссертацией (№ 21, л. 21–21 об.), письмо с вопросом о Космодемьянской церкви, реставрация которой закончилась в 1960 г. (№ 22, л. 22–23 об.), а также письмо с упоминанием доклада о ярославском Спасо-Преображенском соборе⁴ и благодарностью за присланную «книжечку» Варганова «Суздаль», вышедшую из печати в самом конце 1957 г., но полученную автором позже (№ 23, л. 27–27 об.). В письме Лизиной мамы (№ 24, л. 34) сообщается о работе Лизы в Рязани, т. е. после Ярославля.

Письма Караваевой очень содержательны и ярко раскрывают её личность – увлечённого архитектора, реставратора, исследователя и просто замечательного, искреннего человека; показывают самые тёплые, душевные отношения с Варгановым и другими суздальцами. Письма сразу же и глубоко погружают в живую атмосферу текущей жизни. В них много суздальских, и не только, архитектурных реалий, подробностей реставрационного процесса, впечатлений от поездок по Владимирской области и стране. В повествовании участвуют многие известные архитектурные деятели и безвестные уже чиновники от архитектуры. Письма значительно обогащают наши представления и о личности Караваевой, и о реставрационном деле в советское время, в середине XX в. (*Тимофеева*, 2018: 147–156.) Текст писем полностью публикуется впервые.

В публикации максимально сохранены особенности авторского текста, исправлены только явные орфографические и пунктуационные неточности. В квадратных скобках помещены редакторские расшифровки или обозначения: Коля [Сибиряков], С. П. м. [Спасо-Евфимиевский монастырь], [Приписка на полях], [рисунок] и пр. Слова, которые не удалось прочитать, помечены в квадратных скобках: [нрзб.], а лица, которых не удалось установить: [?]. Курсивом указаны предполагаемые годы недатированных писем. В комментариях приводятся краткие сведения об упоминаемых лицах, которых удалось установить.

Тимофеева Т.П.

⁴ К этому времени относится статья: Караваева, 1963: 39–50.

№ 1

Л. 5

11.2.51

Алексей Дмитриевич!

Наконец, собираюсь отплывать в Суздаль. В этот раз мало что удалось сделать душеполезного, т. к. началось воспаление надкостницы и пришлось лечить сразу все зубы. Последний сеанс назначен в пятницу. К этому дню должны быть готовы металлические детали моста и коронки. Если примерка пройдет успешно, то постараюсь к выборам вернуться.

Л. 5 об. Если же что-нибудь не заладится, придется проголосовать здесь. Тогда попрошу Вас позвонить на участок, чтобы там не волновались. А я еще пришлю телеграмму для убедительности. Но это только на всякий случай. Я уже соскучилась по Суздалю. Хотела съездить в Переславль-Залесский, но оказалось, что туда надо ехать на автобусе 68 км от Загорска. Мы не рискнули в мороз и поехали в

Л. 6 Александров, а затем в Юрьев. Коля [Сибиряков] показал нам подвалы. Ходили туда со свечой. Зрелище потрясающее. Видела Успенскую и Покровскую церкви со сбитой штукатуркой. Очень интересно. Вопрос, как и у нас, упирается в галерею и гульбища. В воздухе повисают таинственные двери и т. п. Вечером сели на Кинешемский поезд и ночью были в Юрьеве. На рассвете подошли к собору. И любовались на него весь день, т. к. музей в понедельник был закрыт. Зимой в снегу он еще лучше. Снегом припорошило рельефы и цоколи, и форма стала еще выразительнее.

Л. 6 об. Возвращались с приключениями, т. к. предшествующий поезд полетел под откос и мы ждали в Загорске на вокзале почти всю ночь. Но компания была такая хорошая, что настроение не испортилось: Люся, Миша, Никита и Володя. После сдачи первого проекта они стали еще дотошнее и все фотографируют. Собор отпирал нам Галкин [?]. В Суздаль он, кажется, не собирается. Была у Ивана [?] поздно вечером и все-таки не застала. Попытаюсь еще раз. Теперь у него есть телефон, можно позвонить даже из Суздаля. Тут и карандаши купила. Только нет мягче 2Н. Посмотрела подарки Сталину. Очень интересно. Все расскажу.

До скорого свидания. Привет всем. Лиза

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 1, 5–6 об.

№ 2

Л. 7

2-го X 1951

С праздником, Алексей Дмитриевич!

Сидим мы в деревне с керосиновой лампой. Обмерили последнюю деревенскую церквушку и завтра утром собираемся в Переяславль. Места здесь красивые с лесами и полями. Течет все та же знакомая Нерль. За это время видела много интересного. Церковь в Глодове крыта по скатам двойным тесом по всем правилам. Она упоминается еще в описи 1628 г. Егорьевская церковь маленькая. Осталась она от Егорьевского монастыря XVI в. Говорят, что в ней хранились записи на бересте. Особенно интересная кирпичная церковь в Подольце, где крыльцо очень похоже на наше западное [рисунок крыльца]. В деревне этой сохранился столетний старик. Мы его проинтервьюировали. Он с первого же слова заявил, что церковь стоит уже более 100 лет. Потом вспомнил, что в детстве

Л. 7 об. играл черепицами от главки, их только что заменили в то время, т. е. лет 90 тому назад. А в гостинице в Юрьеве встретили земляка, суздальца по фамилии Соловьев. Он учился 3 года в бурсе и отчетливо помнит, как они с товарищем ходили по подземному ходу. Вход в него был из кухни – это где-то внизу под трапезной. В.М. [Снегирёв] должен бы помнить т. к. он уже тогда преподавал физику. Сегодня перед выездом из Юрьева все смотрели на собор. Интересно, что притвор (северный) там тоже врезаются в аркатурный пояс и след крыши проходит по животам святых, вырезанных в аркатуре.

Завтра мечтаю увидеть собор в Переяславле. Мужчины наши не выдержали тяжести экспедиции и оба заболели и уехали. Остались мы с Марьей [Рудько] и шофером. Я все еще каким-то чудом почти здорова. Правда, Марья меня бережет и даже уступает мне кабинку, а сама лежит в кузове на матрацах и соломе. Сложно только загружать и выгружать ее. Загрузка производится с табуретки. Привет всем нашим. После праздников надеюсь вернуться в Суздаль. Всего хорошего. Лиза

[Приписка на полях] Видала проездом Городище – это маленький городочек, окруженный валом и рвом. Выглядит как макет.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 7–7 об.

№ 3

Л. 8.

[Открытка нехудожественная. На штампе: 11.6.53]

Куда: Суздаль. Музей. Варганову А.Д.

Откуда: Московская обл. ж/д им. Дзержинского, ст. Железнодорожная, Октябрьская ул., 10. Караваева.

Алексей Дмитриевич!

Сейчас была у Григорова [?]. Он сказал, что Грабарь с компанией будет

17-го. Просил подготовить место для обсуждения и выставку развесить. Подобрать аналогии с фронтонами для XVI в. Их все еще затрудняет восьмискатный верх. Во всяком случае, они не верят, что он XVI в. Справку о Золотниковской пустыни я дала в печать, завтра она будет готова. Сухов хотел приехать, но может только после 20 ч[исла]. Он хочет приехать один, без Грабаря. Очень интересные вещи рассказал об отоплении. Лиза

[Приписка на полях] Привет от Брунова и Сухова. Обейте штукатурку со свода, где должен быть барабан (изнутри), с ниши у северного портала, они подозревают там окно! Подготовьте вход на чердак.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 8

№ 4

Л. 35.

б/д 1953 г.

Алексей Дмитриевич, здравствуйте!

Пишу с неожиданной оказией. Не успели мы порадоваться Милочкиным [?] успехам (она сдала четыре экзамена на 5 и один на 4 – русский письменный), как оказалось, что в списках поступивших ее нет. Хотя в последний день экзаменов ей сказали, что ее, вероятно, направят на факультет востоковедения и еще добавили «Такие нам нужны!» Им понравилось содержание сочинения. Видимо, оказалось много заступников у других сдающих, т. к. многие поступившие имеют тоже по одной четверке, и тоже по-русскому, но все-таки прошли! Вот и приходится поневоле искать в Вашем лице заступника. Попробуйте бросить светлый свиточек на чашу весов в этом страшном суде!

Марья [Рудько] наверняка писала Вам, что мы ходили «продвигать» дела с палатами. Палатка, крыльцо и вариант открытого гульбища сомнений не вызвали даже у Иванова! (первый случай в моей практике).

Л. 35 об. Вечером того же дня мы ринулись на Крутицы. Петр [Максимов] стоял в надгробной позе под только что выложенным шатром своего крыльца. Марья мужественно поднялась на леса. Ей удалось оказать Петру скорую помощь в сметных делах, т. к. Бородин [?] составил для Н[ово]-Иерусалимского в полтора раза раздутую смету. Марья знает бородинские повадки и за какие-нибудь 5 минут подчеркнула красным карандашом все бородинские происки. Брешь в надгробном настроении была пробита на столько, что поправила даже мой промасленный призрак иерусалимского храма (калька с иконы). Затем Марья развернула боголюбскую башню Столетникова [А.В. Столетова]. Потом я показала крыльцо и спросила о форме шатра. Тогда Петр приложил линейку к ширине крыльца и справился с высотой шатра. Это и оказалось найденной закономерностью! Никаких других они пока не открыли. Высота шатра = ширине крыльца. У нас почти так и вышло, только у меня осталось недоверие к этой «закономерности».

Л. 36. Стену Петр выправил хорошо. Крутицы выходят хорошо. В колокольне сидит бледнолицый помощник и к нему добавлена еще более хрупкая помощница, но оба производят симпатичное впечатление. За это время они нашли замечательный белый резной камень XV–XVI в. и изразец с поливой, напоминающий цветной искусственный мрамор юрьевских музейщиков. Мне кажется, что я видела в Суздале такой осколок изразца. Если это мне не помешалось, напишите – пусть приоритет будет за Суздалем! До сих пор мне снится восьмискатный чердак, который никак не перекрывается, и я просыпаюсь у себя на террасе в «лоне Авраамовом». В Москве открылась индийская выставка. Там есть замечательные репродукции фресок пещерного храма VIII в. Очень хорошая «черная принцесса», «небесные танцовщицы», «бешенные слоны», «искушение (нрзб.)» и т. п. Интересно, что встречаются иконостасные композиции и форма царских врат [рисунок]. Из книг вышли хорошие Архитектура Болгарии и Архитектура Средней Азии. Борис Засыпкин.

Л. 36 об. Получили ли Вы их в музей? Если надо, я могу купить. В Андрониковском монастыре открыта выставка Рублева. На переднем плане увеличенная почти до натуральной величины репродукция миниатюры «Рублев пишет образ Спаса, сидя на лесах», потом идут рублевские фрески, предшественники и современники Рублева. В I этаже Андрониевской трапезы идет реставрация. Иконописный старичок с седой бородой (брада аки у Авраамия) показал мне 3 огромные плоские ниши для печей. Проемы стены во II этаже очень похожи на наши в Покровском монастыре. План там тоже [рисунок]. А в уступе С-В угла лестница. Если бы не готовиться к экзаменам, уж я бы распотрошила все трапезные со всеми их тайнами отопительными и пищеварительными! Но приходится сидеть в лоне Авраамовом и читать Грецию, которую я никогда не видела в натуре! Вчера были в Институте, узнала расписание экзаменов: 1 сентября марксизм, 5 история архитектуры, 8 советская архитектура, 10 язык. Когда слушала Маленкова, вспоминала всех вас и суздальские колхозы. Думаю, что теперь аграрный вопрос будет разрешен и в нашем районе. Привет всем-всем. Ругайте меня в день экзаменов – говорят хорошая примета.

[Приписка на полях] Марья сказала, что Вам бросили сильное подкрепление. Напишите, как идут дела и как здоровье. Если готово фото крыльца, пришлите.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 35–36 об.

№ 5

Л. 9.

б/д 1953 г.

Алексей Дмитриевич!

Вы прекрасно знаете, что для Марьи [Рудько] археологические «мелочи» приобретают смысл только тогда, когда они «льют воду на ее мельницу или мельницу ее врагов». Чтобы заставить Марью защищать архитектурные истины, надо сделать из нее прочного и настоящего союзника в борьбе с общим

Л. 9 об. врагом. Вы же своими колебаниями в сторону Тракторного завода оставили Марью без поддержки. Она не может управлять в одиночестве. Естественно, это заставило ее кинуться в объятия Землянского. Что касается пристройки, я знаю, что Марья в Москве отстояла ее сломку. Теперь

Л. 10. остается только опрокинуть сопротивление облотдела. Следы примыкания на колокольне И.П. [Задворнов] без Вашего разрешения облицевать не посмеет. В таких делах надо быть непримиримым. Малейшее колебание может навсегда подорвать Ваши позиции. В таких случаях надо звонить прямо домой Барановскому. Марья его боится. Он время от времени

Л. 10 об. кидается на нее. Саша [Шенников] Вам поможет говорить по телефону. Вообще во всех случаях, когда надо сохранить – обращайтесь к Петру [Барановскому]. Дело верное! В остальных случаях Марья умеет пробивать дороги сама. Только не ссорьтесь с ней. Ведь она беспредельно уживчива! Я это по себе знаю. Со своей стороны я, конечно, нажму на нее.

Как здоровье Глафиры? [?] Марья подняла скандал против Землянского в Москве. Поддержать ее. Привет всем. Лиза

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 9–10 об.

№ 6

Л. 24.

б/д 1953 г.

Алексей Дмитриевич!

Скоро неделя, как Вы вступили в «полосу отчуждения». События разворачиваются без Вас. В тот день, когда мы ходили с коллегией, Серегин окончательно разоблачил себя. Он предложил ... стереть надписи с тех памятников архитектуры, которые имеют скандальный вид, т. к. это материал против органов охраны! И начальник комитета охраны говорит это во всеуслышание мне. Что может быть глупее?

Апсида Смоленской церкви оказалась наполненной гусями. Они прекрасно отображены на фотографии.

Л. 24 об. Из двери, прорубленной в окне алтаря, выглядывают гуси, а на них смотрит дядя с бородой. Я постараюсь сделать наиболее прохладительные аннотации и послала целый пакет уборных и свиарников на страшный суд. В этот же день вскрыли пол в трапезной, но верхний слой кирпича оказался снятым. Портала нет. Нашли осколки плитки из белой глины. Как это объяснить? Ковырнули и крыльцо снаружи. Арка снизу беленая, но ступеней нет. Их, наверное, вынули, прежде чем закладывать. Ведь

Л. 25. они должны быть вкладные на ребро. Но почему нет следов ступеней на стенках? Сбили штукатурку внутри трапезы в углу. Портал явно без

распалубка и весь фальшивый. Хотя из коридора он вделан добротнo. Горелышев прокопал яму на валу для столба новой электромолнии (у Никольской церкви). Там явные остатки сгнивших бревен. Не было ли каркаса? Вчера пошли посмотреть, куда вставлять изразцы на воротах, и ужаснулись. Чибриков выложил такую ширинку, что тошно смотреть. Тесать кирпич он не умеет. И, несмотря на то, что мы показали ему тогда профиль с валиком

Л. 25 об. и маленькой полочкой, он выложил две отвратительных галтели подряд. Работает он без инструмента, без кирпича, кое-как. Правильно сказал дядя с бородой, что мы распыляем средства, когда вынуждены получать по 2–3 тыс. на объект. Цыган тоже бегаёт один и где-то красит двери. Хромов с двумя рабочими поплелся пешком в Кидекшу. Когда же вся эта кустарщина кончится? Наталья [?] прислала записку. Просит найти Вашу пояснительную к центральному корпусу. Где она? Сегодня выпал снег и Саша [Варганова] уже катаётся на санях по мокрой траве, т. к. снег ещё пока только символический.

Л. 26. Я начала заниматься в кружке по философии в школе вместе с Володей [?]. Завтра будет второе занятие. Кружок такой большой и из таких разных людей (все учителя от историков до физкультурников), что пока чувствую себя как в Ноевом ковчеге. Два дня у нас не горел свет и я со свечой читала Лаврентьевскую летопись. Там очень хорошо изложены начала православия, когда Владимир слушает греческого философа. Нашли ли Вы себе там прохладительное чтение и душеполезных собеседников? Володя [?]

Л. 26 об. заходил посмотреть на шурфы. Ему пришла интересная мысль: сделать дядю Васю [?] сторожем памятников. Пожалуй, из него выйдет. Что Вы скажете? Пока всё. Вы, наверное, там, как на острове пингвинов, попали в другой мир. Пишите! Копите силы для новых боев! Лиза.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 24–26 об.

№ 7

Л. 17.

б/д 1953 г.

Алексей Дмитриевич!

Очень рада письму. Предыдущее письмо Ваше я почему-то не получила. Хорошо, что Марья [Рудько] водворилась, без нее я уже не могу представить себе мастерскую. Приедешь, и никто не завопит на тебя: «Сколько можно ждать?» Хорошо и то, что Вы были на сессии. Может быть, все мы еще придем в себя и поработаем вместе – я об этом мечтаю. Как здоровье Карпыча? [?] Сейчас я заходила к Сатанову [?]. Он сказал, что оба объекта строятся противозаконно, т. к. по проекту в охранных зонах новое строительство запрещено, а проект утвержден, и те поправки, которые были предложены, давно посланы во Владимир, но Зем-

лянский молчит. Сатанов сказал также, что котельня в С[пасо]-Е[вфимиевском] м[онастыре], если ее уже нельзя остановить, должна быть сделана с вентилятором вместо трубы. Такой прием есть, и он применяется. Если в Кремле – вещь по его мнению немыслимая, т. к. при окнах тоже требуется котельня, прачечная, сад и целое хозяйство. Убедите в этом суздальских воротил, если уж они законов не признают, то пусть хоть здравый смысл соблюдают.

Начался ли у вас ледоход. Мне очень хочется проехать по свежим следам и заснять зону затопления и льдину с Покровского моста и у Ильинской церкви и у Дмитриевских ворот кремля.

Л. 17 об. С текстом я пока покончила – первую редакцию отдаю в печать. Теперь займусь фотографиями и чертежами. Прислать ли вам первую редакцию? Или все равно некогда будет читать? Ведь у Вас теперь, наверное, самое горячее время – начало работ, спешка с проектами. Может быть Владимир Михайлович [Снегирёв] прочитает? Я чувствую, что многое пишу ошупью, а кое-что, может быть, и вру, а главное, плохо знаю литературу по Суздалю, т. к. все время посвятила архиву, а на печатные источники времени не хватило. Спасибо Шенникову, он пишет все, что ему попадает в Публичной библиотеке. Я к стыду своему даже не знаю, напечатаны ли где-нибудь описи 1646, 1647, 1678 и 1711 г. Может быть, Вам попадались они в губернских изданиях? На всякий случай я их переписала. Ведь там, что ни слово, то золото. Мне все хотелось найти в семействе ключарей Анания Федорова в 1711 г., но почему-то нет. Федор-то есть, а Анании среди его сыновей не видно. Неужели он мог родиться после 1711 г.? Попробовала расставлять двory по описи 1629–30 гг. на плане, кажется, что выходит. Теперь займусь этими планами вплотную. Привет всем. Пишите! Всего хорошего. Лиза

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 17–17 об.

№ 8

Л. 40.

б/д 1953 г.

Алексей Дмитриевич!

У нас пока все благополучно. Зап[адный] корпус [Архиерейских палат] не вызвал возражений и нападков (во всяком случае явных). Я просила Соколова принять эти работы в мастерской, чтобы не тащить в отдел, как предполагалось сначала. Пока еще не решено, что делать с собором и надвратной [Покровского монастыря]. Сегодня кончается сдача работ и я буду говорить о всех подробностях с А.В. [Столетовым]. Вчера и позавчера

Л. 40 об. торопились с Марьей [Рудько], денно и ночью обводя чертежи по трапезной (юрьевской). Сегодня возьмусь за свои дела, т. е. выпарапывание фотографий из облотдела. Сдача проектного задания Татьяне [?] для надписей и т. п.

Добьюсь расставления штампов и тогда необходима Ваша подпись. Пишите о своих делах! Подробнее напишу после переговоров с А.В. Привет от Марьи!

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 40.

№ 9

Л. 11.

б/д 1955–1956 гг.

Алексей Дмитриевич!

Получила задушевно-потустороннее письмо. Оно очень хорошо написано и носит характер предсмертного завещания. Рано Вы поникли, рано встали на созерцательные позиции. А настал момент, когда надо действовать и оживать. Наконец, Управление получило постановление Совета Министров. Дядя с бородой (Апенченко) [?] оказался не дурак. Свои разговоры о монополистах он видимо вел от противного для испытания облотдела и т. к. по постановлению организовано 3 участка Суздальский Юрьевский и Александровский. И в этот момент Коля [Сибиряков] продает дом и уезжает из Александрова после сорокаминутного разговора с Землянским. Марья [Рудько] одной ногой в Андрониевском монастыре. А Вы в упадке! После такого письма мне захотелось скорее увидеть Вас живым,

Л. 11 об. настоящим наяву и даже для убедительности выпить вместе. Я сижу и до одурения расставляю размеры бесчисленные и мельчайшие на чертежах. Марья пишет сметы по западному portalу, Галя [?] выписывает зарплаты и интересуется Вашей деятельностью за февраль, новый бухгалтер героически ругает по телефону Землянского, Наталья [?] подбирает фото к отчетам по Гороховцу. Она просит прислать последовательный в порядке помещения список №№ фото к пояснительным запискам по Западному корпусу. В.В. [?] ходит на рентген в связи с приобретенной на нервной почве язвой желудка. А.В. [Столетов] испытывает массу затруднений от путаницы расчетов с Успенским собором, от головной боли, от безденежья и т. п. Егоров собирается писать самостоятельное письмо. Марья на днях будет у Вас и привезет доски. Большое спасибо за укрепление (хотя Вы и состарили меня на 2 года, приписав мне 22 год рождения) но я думаю, что это не помешает голосовать. Привет нашим. Лиза.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 11–11 об.

№ 10

Л. 28.

б/д 1955–1956 гг.

Алексей Дмитриевич!

Ваше поручение выполнила давно, и Вы, наверное, уже получили ответ. Недавно в архиве встретила Ушакова [?] («отрок в пещи»). Он защитил что-то о рабочем движении и преподает в Петрозаводске историю в педагогическом

институте, но в связи с перепроизводством историков факультет закрывают, и скоро читать лекции будет некому. Жена у него археолог. Летом они копают корело-финский неолит. Интересы к работе в нем так же незаметны, как и раньше. В архиве занимается народниками. Просил передать Вам привет. Марью [Рудько] я еще не видела. Получила в институте письмо от Жени [Архипова]. Он, кажется, целиком на стороне Землянского. Кажется,

Л. 28 об. настает время, когда Архипов станет единственным архитектором во Владимирской области. Во всяком случае, Землянский к тому гнет. На Вашем месте я писала бы свой путеводитель по Суздалью и не ждала, когда меня кто-то пригласит. Никто лучше не напишет всё равно. Им без Вас написать куда труднее, чем Вам без них. Пишите! В архиве мне все время попадаются межевые знаки в виде столба и ямы, а в яме «изгарина железная», а в описи 1617 г. еще значится один «рудомет». Видно, плавил болотную руду до самого XVI в. Как Вы думаете? Мне кажется, что это было главное производство когда-то. Потом на первое место вышли кожевники. Удивительно, что так

Л. 29. много гончаров. Правда, каменщики почти все, у кого есть лавки, торгуют горшками в 1629 г. Еще загадочнее «чюлошники» в 1647 г. в слободе монастыря. Кто в XVII в. носил эти «чюлки»? Скоро надеюсь вынести из архива записки по 1629, 1683, 1711 г. Попался мне и Илья Артемьев сын Куприяновых, в 1711 г. ему было 43 года (а умер он в 1743 г. по припискам Кольчугинского списка) [«Исторического собрания о богоспасаемом граде Суздале» Анании Федорова]. Он значится в описи как «архитектурного дела ученик». Как Вы думаете, что он строил? На его время падает, например, Ильинская ц[ерковь]. Надо все это обсудить с Вами и В.М. [Снегирёвым]. Передайте привет всем нашим. Мне очень хочется приехать в половодье снимать льдины и широкую реку.

Л. 29 об. В Моспроекте сочинили хороший дуэт. М.И. Глинка – «Не украшай».

Не украшай дома без нужды / Лепниной пышною своей / Индустриальным
стройкам чужды / Все украшения прежних дней // Внимай словам постановления
/ Приемы новые готовь / И не моги предаться вновь / Архитектурным извращениям
// Ошибок прежних ты не множь / Не повторяй о прошлом слова / И не беги от типового
/ От типового не уйдешь // Не суй повсюду капители / Забудь коринфские листы
/ А применяй везде панели / Как символ вечной красоты //

Мишу Фирсова я видела по телевизору. Он выступал в хору Моспроекта с солдатскими песнями на архитектурные темы. Пока кончаю. Всего хорошего. Лиза.

Л. 30. Купила книжечку Агафонова «Горький». Там есть капитель [два рисунка].

Л. 37

б/д 1955 г.

Алексей Дмитриевич.

Получили вчера Ваше письмо и публично зачитали в раю. Наконец, услышали Ваш живой голос! Сразу на душе легче стало. А ночью снились символические животные из Откровения Иоанна Богослова. Чертежи надвратной [Покровского монастыря] Егоров снял, но в мастерской не оказалось мягкой бумаги и сегодня он будет переснимать в расчете на имеющуюся бумагу. Обводить осталось продольный разрез и план. Голосовать приходится здесь. Пришлите, пожалуйста, открепление. Всего хорошего. Счастливого новоселья. Привет из рая. Лиза

[Приписка на полях] Рукопись получили. Надвратную сняли. Д.А. Егоров получил отпущение грехов. Благодарит Вас за участие.

Л. 38. Песенка реставратора

Ах, отдел, отдел, отдел, / Голос твой скрипучий. / Нам ли ты не надоел, / Ннас ли не измучил. // За фиксацию под суд. / Фото преступления. / Пусть фотографы сбегут, / Меньше расточенья. // Ах. отдел, отдел, отдел, / Горькая обида. / Мастерская под тобой, / Как кариатида. // Нам проекты не нужны. / Мысли, изученье / Для отделовской казны / Только оскуденье. // Эх, отдел, отдел, отдел. / Загубил науку. / Мастерская не у дел, / Ты сковал ей руки! //

Л. 39. Собираем, как грачи, / Матерьял по ветке. / Задушили палачи / У финансов в клетке. // Размахнулся как-то раз / Взмахом генеральским. / Громогласно дал приказ / Сметы генеральной. // А оставил облотдел / Рожки лишь да ножи. // Список пунктов поредел, / Словно от бомбежки // Пусть к возмездью не зовут / Памятников раны. / Пусть невольники сотрут // Надписи охраны. //

Л. 39 об. Ах, отдел, отдел, отдел, / Бич родной культуры. / Ты бы вывеску надел: / «Смерть архитектур». // Пусть огонь сатиры смел / Пусть горит публично / Ненавистный облотдел / И Землянский лично. //

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 37–39 об.

Л. 12.

б/д 1960-е гг.

Здравствуйте, Алексей Дмитриевич!

Письмо Ваше получила еще в Пскове. Из Пскова приехала в Новгород, а из Новгорода в Ленинград. Сейчас едем с поездом Ленинград-Ярославль, а оттуда хотим заехать в Ростов и Борисоглебский монастырь. В нашем купе один пар-

нишка как раз из Борисоглебского. Он знает село Покровское – Вашу родину (если память мне не изменяет). В Ленинграде в Летнем саду у домика Петра I встретила Володю Смирнова. Они всей компанией на практике в Ленинграде. Володя рассказал, что они были в Суздале и говорили с Вами. Я видела столько святых мест, в том числе Псково-Печерский монастырь, Изборск, а в Новгороде развалины Нередицы и даже Николу на Липне – голова идет кругом! А после Эрмитажа даже прихворнула. Там после войны открыли русский раздел, начиная с Петра I и сейчас

Л. 12 об. готовят к открытию отдел с IX по XVII в. В Русском музее видела нашу икону Троицу из Покровского мон[астыря] (в Суздале копия). В Пскове и Новгороде была на раскопках. В этот раз я странствовала с фотоаппаратом. Очень хочется напечатать все и перевезти в Суздаль, показать и рассказать. Интересно, что даже фрески Пскова и Новгорода не могут затмить наших Кидекшских, Суздальских и Владимирских. Большинство из них без графы на очень толстом растворе и почти нет переходов одного цвета в другой. Графья видна только в кругах нимбов. Очень хорошо сохранились фрески в Снетогорском монастыре под Псковом. А у реки в обрыве берега лежат цветные глины. Я даже захватила образцы. Мы обязательно должны увидаться в этом году. А на будущий год у меня запланировано 3 месяца на Суздаль. Только не подкачайте со здоровьем. Уж очень Вы рискованно действуете.

Л. 13. Я все еще надеюсь Вас застать сидящим где-нибудь «в Юрьеве» за работой. Теперь ведь советский отдел открыт, а работ по реставрации, наверное, в этом году не много. Собираюсь с силами. А на будущий год засядем в прохладной трапезной и напишем на страх «Колумбусам». В Новгороде очень интересный XVI в. с килевидными формами. Но такой чистой кладки из кирпича, как в Суздале, нигде нет. Везде в кладку замешаны камни круглые и плиты. А орнаменты подражают каменным зданиям. Хочется одуматься и сравнить судьбы всех этих городов, так мало похожих друг на друга. Очень жаль, что в Пскове реставрация ведется в страшном темпе (200 рабочих) и совершенно безнадзорно.

Л. 13 об. Нач[альник] Облотдела Егоров заявил мне, что на 15% накладных он не может прокормить надзор. Город так безнадежно «облагорожен», что нет доверия ни к одному законченному объекту. В Новгороде действует Шуляк, но других столь же опытных работников не видно на горизонте. Правда, они все культурные архитекторы, но помешанных на реставрации больше нет. Все же они берутся восстановить развалины Николы на Липне и даже Нередицу. Но грубая кирпичная кладка на растворе с добавкой цемента производит плачевное впечатление рядом с красивейшей кладкой, где камни, изрезанные крестами, дополняются кирпичом и розоватым раствором. Доживем ли мы до настоящих материалов? Как Марья [Рудько]? Ребята говорят, что видели ее грустной. Пока всего хорошего. Привет всем нашим. Лиза

№ 13

Л. 14.

б/д 1960-е гг.

Алексей Дмитриевич, здравствуйте!

Наконец добыла для Вас адрес Спегальского: Ленинград. Ул. С. Перовской 2, кв. 13. Юрий Павлович Спегальский. Вчера заходила к планировщикам и видела эскиз реконструкции. Пока они стараются делать, «не сокрушая костей». Сложный вопрос с этажностью застройки. Если делать дома одноэтажными, то ставить их придется так густо, что не окажется места для садов и огородов, а если проектировать 2–3 этажные домики, то их некому строить, т. к. у индивидуальных застройщиков на это «кишка тонка». Мне кажется, что XIX в. не зря перешел на 2–3 этажную застройку. Проектировать нужно в расчете на такие домики, чтобы обязательно осталось место для садов.

Л. 14 об. Я надеюсь, что через 1–2 года будут продавать сборные дома на несколько квартир по доступной цене. Скажите Вл[адимиру] Мих[айловичу] [Снегирёву], что обе обходные магистрали уже проведены на плане по его предложению. Планировщики собираются скоро побывать в Суздале. Меня они попросили написать историческую справку. Я принесла им Вашу книжку, а XVIII и XIX в. написала сама по описям 1784 и 1851 г. Особенно подчеркнула значение огородов и садов для экономики Суздаля. Сегодня их вызывают в Госплан. Напишите, как дела. Командировку я передала тогда же Столетову и надеюсь, что он оформит вместе со своей. Вы так и не написали, удалось ли Вам добыть какой-нибудь корм в вагоне. Когда я Вас посадила, меня мучила совесть, что я не организовала кормление.

Была я у Воронина. Он мечтает видеть Суздаль городом-музеем, и слышать не хочет о какой-либо промышленности. По-моему, это ересь. Можно ли допустить, чтобы XX в. был беднее XVIII? Недавно сдала философию. Теперь осталась русская и советская архитектура. Лиза.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 14–14 об.

№ 14

Л. 18.

б/д 1959–1960 гг.

Здравствуйте Алексей Дмитриевич!

Мы хотели нагряться в Суздаль еще в августе, но осень для реставраторов – всегда тревожная пора, собраться очень трудно. И все-таки приедем обязательно. Я уже подговорила В.С. Баниге и Гнедовского, а пока смотрю на перекрестке дорог, откуда когда-то шел путь на Суздаль. Здесь все пришлось начинать сначала и притом в одиночку. Сами знаете, что «наемник бежит, ибо он наемник». Только к осени начало налаживаться производство и как раз в тот момент, когда рухнул Госстрой и обещанные им средства. Пока не сдаемся жи-

выми. Выколачиваем с арендаторов, работаем в долг и т. п. Интересного здесь очень много. Особенно хороши жилые каменные корпуса монастырских келий XVII в., есть прекрасные иконы, а главное – само озеро Плещеево. Но Суздаль ничуть не меркнет в сравнении с Переславлем. Суздаль тише, сосредоточеннее, полнее, туда всегда тянет и будет тянуть.

Недавно уехал Саша Шенников. Он приезжал на несколько дней.

Л. 18 об. Настроение у него мрачное, работа скучная, так что он даже мечтает, чтобы его выгнали из Академии, а пока, загнанный в подполье, героически пишет о сельских каменных домах, которых оказалось очень много на этом свете, хотя их и не принято замечать. Зовет меня работать куда-нибудь ближе к Ленинграду, а куда, сам не знает. А мне так трудно достался Переславль, что бросать его рука не поднимается. В это лето я сделала проект покрытия ц[еркви] Петра митрополита (впервые в жизни XVI в.) и крышу на башне Горицкого монастыря, спасла несколько икон из сельской церкви, в их числе подписная 1585 г. «Фрол и Лавр» с житием и замечательный церковный архив из Рыбной слободы на Трубеже. Вот, пожалуй, и все мои «деяния» за это лето. Еще обнаружила интересную рукопись в подвальной церковке под Петром митрополитом. Это – жития местного святого князя Андрея Смоленского. Самое «прохладительное» в этой книге – описание обретения мощей князя в 1540 г. Труп был обернут «берестяными скалами» и сохранился нетленным с волосами, одеждой и медными «пугвицами». Может быть, и в Успенском соборе во Владимире береста была такого же назначения?

[Приписка на полях] Надеюсь скоро всех увидеть! Привет суздальцам и своим домашним и рабочим и Вл[адимиру] Мих[айловичу] и музейщикам, одним словом, «всем нашим». Всего хорошего. Лиза.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 18–18 об.

№ 15

Л. 16.

б/д 1960-е гг.

Алексей Дмитриевич!

Говорила с Бруновым. Он обещал узнать в Академии и при следующей встрече сказал, что защита готовится безмятежная, а все отзывы считаются положительными, в том числе и Ваш. Брунов советует написать в Ученый совет Академии с просьбой зачитать на защите, или в Институте истории и теории. Пишите без промедлений! А мне напишите, чем сейчас занимаетесь.

Вчера на заседании кафедры у нас был Соловьев, директор Останкинского музея. Он рассказал, что в Останкине создан архив, где имеются копии материалов московских и ленинградских архивов, собраны все описи дворца. Хорошо бы и нам иметь в Суздале все описи в переплетенном виде! Глафира Ивановна [?] говорила, что

Л. 16 об. у вас сейчас есть помощник – научный сотрудник, даже историк. Я очень рада этому. Наконец Вам повезло. В этом году я надеюсь представить Вам полный список каменщиков XVII и XVIII в. Даже знаю, где они жили. Собираюсь составлять план по описи 1629–30 г. на базе плана 1761 г. Сейчас кончаю историческую главу, которая написана по описям 1617, 1629–30, 1646–1647, 1678, 1711, 1784, 1851. Очень интересно было бы посоветоваться с Вами. Приедете ли в марте на сессию? Напишите, какие вопросы Вас интересуют, пока я еще копошусь в архиве. Привет всем! Лиза.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 16–16 об.

№ 16

Л. 15.

б/д 1960-е гг.

Здравствуйте, Алексей Дмитриевич!

Вчера звонила Марья [Рудько] в Москву, но ее тут еще нет. Я так и не знаю, чем кончились столкновения с облотделом по приемке работ. Боюсь, что Суздальский участок все еще на осадном положении. У меня за последнее время проявилось дело с публикацией – печатать можно в институтском сборнике. К 15 числу я должна подготовить к печати половину работы, а вторую половину пустить в следующий № сборника. Сейчас заканчиваю автореферат. Срок у меня кончился. На днях я получила последнюю стипендию, но Брунов по-прежнему меня консультирует и хочет, чтобы я взялась вести семинарские занятия на 3-м курсе по русской архитектуре в группе Максимова. Курс русской архитектуры начнется после зимних каникул, так что до февраля у меня выкраивается время на подготовку чертежей к защите. Дело осложняется тем, что на этот срок нужно найти себе работу. Прежде, чем начинать разведку в московских мастерских, я решила написать Вам и узнать, нет ли в Суздале работы по подготовке проектов к будущему лету. Конечно, мне легче браться за знакомые памятники, чем поднимать целину. Буду ждать ответа.

Что делает Владимир Михайлович [Снегирёв]? Привет всем домашним и сотрудникам музея! Получили ли Вы письмо с грамотой? Лиза.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 15

№ 17

Л. 14 а

б/д 1960-е гг.

Алексей Дмитриевич, здравствуйте!

Спасибо за письмо – Суздалем повеяло! А сегодня вдобавок видела Марью [Рудько]. Она пасла свою внучку в садике и потом показывала мне «воплъ

души», обращенный к Серегину и написанный в Марьином стиле («не разрешайте ему (Землянскому) вбить последний кол в могилу мастерской») и т. п. Самое страшное в данный момент – это «воинствующие безбожники», которые вместо просвещения человеческих голов предпочитают сшибать церковные головы. По этому вопросу надо писать прямо в высшие инстанции. Никакой Климов и никакой Серегин не решится вправлять мозги невежественным райкомовским деятелям, которых, увы, достаточно еще на горизонте. Я пытаюсь сосватать Вам помощника из Ростова. Если уж человек в яркий солнечный воскресный день способен рисовать фрески на соборном чердаке с керосиновой лампочкой, значит, он подойдет для работы в нашей мастерской. Он недавно окончил Академию. Ярославские заправила типа Ваш Насонов конечно не сочувствуют «одержимым». Вас он знает по рассказам ленинградских друзей и очень хочет повидать.

Л. 14 а об. Я дала ему Ваш адрес. Он хотел написать. Фамилия его – Скобельцин. Зовут Борис. Он хотел посоветоваться с Вами насчет датировок разных фресковых слоев. Работает он сейчас над собором, и никто не помогает ему. Воронин перекопал низ, но вышележащие века его не интересуют. Жена Скобельцина – искусствовед. Это тоже хорошо. В реставрацию он влезет вместе с головой и жаждет только понимающего руководителя. Марья надеется забрать его в мастерскую путем перевода. Очень хочется, чтобы вышло это дело. Видно, что «насоновщина» измучила и разозлила его до предела. Вообще Ростов очень интересный архитектурный сгусток да еще на берегу огромного перламутрового озера. Но Суздаль серьезнее цельнее значительнее гораздо. От всех сравнений Суздаль как город выигрывает, хотя памятники его проще, иногда гораздо беднее по внешнему впечатлению, чем ростовские и ярославские. Побывала я и в Борисоглебском монастыре у тех ворот, где когда-то в детстве мечтала дотянуться до гирьки! Тверской в главе «Города в период образования Русского централизованного государства» пишет: «В противоположность Московскому Кремлю укрепленные центры старых городов деградируют, посады же их в своем развитии идут в ногу с посадом московским на пути к формам ... торгово-промышленного города как культурного городского комплекса в социально-экономическом и архитектурном отношении. Некоторые особенности общего развития и планировки мы встречаем в тех торгово-ремесленных поселениях, которые возникали на землях больших монастырей в ближайшем соседстве с ними. В рассматриваемый период монастыри являлись не только центрами религиозного влияния, но и проводниками московской государственности». Передайте эту мысль «воинствующим». Привет всем. Лиза.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 14 а – 14 а об.

№ 18

Л. 32.

б/д 1960-е гг.

Здравствуйте, Алексей Дмитриевич!

Спасибо за рукопись. Прочитала ее с удовольствием и оставила отцу переписывать. По-моему, она совпадает с Кольчугинским списком [«Исторического собрания о богоспасаемом граде Суждале» Анании Фёдорова] и выписками И.М. Стаховского. Я сейчас мучаюсь с деревянными крыльцами для келей. Гнезда от балок есть, а все равно ничего не выходит, как-то неправдоподобно. Надо знать много разных примеров и образцов, чтобы сделать одно крыльцо мало-мальски сносное. Кельи оказались расписаны фресками петровских времен. В кельях стояли простые прямоугольные и изразцовые круглые печи с рельефными цветными изразцами, а крыша в конце XVIII в. была тесовая по скалам и выкрашена красною краскою. Тесину нашли шириной в 27 см. О деревянных крыльцах к каменным кельям знаю только из загорской иконы (рисунок келей с крыльцом). Не попадалось ли Вам чего-нибудь похожего на деревянное крыльцо при каменных кельях? Привет всем! Всего хорошего! Лиза.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 32.

№ 19

Л. 19.

б/д 1960-е гг.

Алексей Дмитриевич, здравствуйте!

Письмо Ваше получила, но оно не заменило, конечно, Вашего личного заезда. Увы! Когда же мы теперь увидимся? «Маркса» удалось найти, хотя он оказался не совсем Марксом, а Марком или Максом. Мама Милочкиной [?] подруги нашла его и передала письмо, и теперь он наверняка уже ответил. Из архивных дел пока нашла на след только того игумена Кузьмы, который освятил Благовещенскую

Л. 19 об. церковь где-то здесь за рекой, кажется, в Борисоглебском монастыре, который относился к архиерейскому дому. Сейчас у меня нет с собой записей. Пишу у Марьи [Рудько], а она бросается на Колю [Сибирякова ?] с новыми порывами отчаяния и мольбы, добиваясь, чтобы он отдал ей свои чертежи, а он не дает и хочет везти сам [нрбч.]

Л. 20. Милочка сидит и читает к экзаменам всеобщую историю. Написал ее Авдиев туманно и невразумительно. Племена с невероятными названиями спускаются с гор и покоряют друг друга. А ей предстоит сдавать первую

сессию в жизни. Марья проводила Колю и начала функционировать. Кончаю. Привет всем. Лиза. С Новым годом!

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 19–20

№ 20

Л. 33.

б/д 1960-е гг.

Здравствуйте, Алексей Дмитриевич!

Цитату из дневника Сапеги переписал Владимир Михайлович. Поэтому я надеялась, что Вы ее сразу получите, как только попадете в Суздаль. Но Вы, видно, совсем там не бываете. Как там дела? Удалось ли защитить от разрушения сельские церкви в Батыеве и другие? Я на всякий случай написала Солоухину и если понадобится, буду действовать и дальше. У нас тоже идет наступление на памятники и на реставраторов, особенно после статьи в «Известиях» о прибалтийских замках, но мы на провокации не поддались. Как готовитесь к парижской выставке? Большое спасибо Игорю [Столетову] за письмо и водомет. В Борисоглебском монастыре недавно откопали в земле прекрасный целый водометище! Как будет шаблон – пришлем! Фото сторожей еще не отпечатаны, но имение вышло хорошо. Посылаю Сапегу. Всего хорошего. Лиза.

[Приписка на полях] Привет сотрудникам, суздальским и своим домашним!

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 33

№ 21

Л. 21.

б/д 1960-е гг.

Здравствуйте, Алексей Дмитриевич!

С тех пор как Марья [Рудько] сообщила мне, что Варваринскую разобрали, рука не поднималась писать. Если уж телеграммы из Москвы к Спорову [?] недостаточно, то что же делать? Не оказалось ли там при разборке чего-нибудь старого в нижних частях? Методсовет находится в плачевном состоянии: Михайлов ушел, Смирнов насаждает себе сад где-то под Москвой, Барановский пытается спасти монастыри, от которых отреклись музейщики. Что нового в Суздале? Как разрешаются сельскохозяйственные проблемы? Я могу похвастаться только одним минимумом по немецкому языку и архивными материалами, которые я, наконец, получила и, выходя из архива, пожалела, что не могу сразу же принести эту животрепещущую добычу на растерзание Вам и «Володе» [В.М. Снегирёву?]. Это военно-статистические описания Владимирской губернии 1784, 1817 и 1851 г.

1784 г. «Герб одного города древний есть сокол в княжеской короне съдающий на землю въ красном и голубом поль, а когда и как пожалованъ неизвестно».

«Васильевский мужской, состоящий на своем пропитании обнесен деревянною оградой, в нем находится строитель.

Обывательских домов 747, торговых лавок 184, шелковая фабрика 1, заводов солодовенных 2, кожевенных 9, кирпичных 3.

«Свои товары юфть и прочие отвозят для продажи сухим путем к Санктпетербургскому порту до 5000 рублей. Во время урожая в вишневых садах вишень отвозят великое множество в Москву. Жители занимаются по

Л. 21 об. большей части торговлею и разведением садов, которые содержат без всякого порядка, по подобию льсного кустарника. Сок из ихъ ягод выжимають в зделанных нарочно станках и выжатой бочками отвозят для делания вишневки в Москву, отчго жители имеющие сады получают прибытку каждой от 50 до 500 рублей».

«О ярмонках».

«Стечение всего народа бывает от трехъ тысячъ человек, а ярмонка продолжается не более двух дней».

Жители промышляют болъе торгомъ заведенныхъ ими издревле садов плодами, въ которыхъ довольное множество находится плодовыхъ деревьевъ как то груш яблок вишен и прочих, так же и огородными овощами, а сверх того и деланьемъ разной серебряной и медной работы и резьбою печатей».

«А под селом Володынинымъ помыкають соколовъ которыхъ помытки отпращают ко двору въ Егермейстерское ведомство, зверей же и трав отменных не имеется». Город делится на части: I Кремль II земляной город и предместия: 1) Большая улица, 2) Всполье 3) Васильевская сторона 4) Яруновка 5) Пинаиха 8) Щипаиха 7) Кожевники 8) Варварки 9) Борисоглебское 10) Ивангорское 11) Андреевское 12) Никольское 13) Скучилиха.

Это только выдержки. Привожу их для «заманки». Описание 51 г. еще подробнее и интереснее. Оно напечатано, но при сравнении с рукописью заметно, что наиболее вольнодумные места вычеркнуты карандашом при подготовке к печати. Переписала все эти материалы, думаю о том, как можно состряпать из этих описей отдел развития капитализма в музее. Вообще много прохладительного. Пишите, что можно использовать для музея – я пришлю. Только не отдавайте Синяковым и прочим «странствующим диссертантам», а то Брунов меня съест! Мама позавчера послала на Ваше имя посылку Карпычу [?] с обещанными георгинами, т. к. я не знаю № его дома. Числа 10–15 я должна сдать минимум по истории архитектуры. Если останусь – напишу. Привет ото всех наших домашних и институтских. Передай-те привет музейным деятелям, строителям, библиотекарям, одним словом «нашим». Пишите. Лиза.

№ 22

Л. 22.

б/д 1960-е гг.

Алексей Дмитриевич!

Поздравляю с праздником Вас и всех наших! В Суздаль едет экскурсия наших ребят с III курса. Я рассказала руководительнице, что смотреть. Надеюсь, что собор и музей будут в праздник открыты. Пришлите с ними мне записочку. Как дела у Карпыча? [?] Если он ничего не добился во Владимире, то я пойду в Академию, где работает

Л. 22 об. Лысенко [?] и поговорю где-нибудь в партбюро на эту тему. Перед праздниками не пошла, т. к. все были заняты подготовкой к вечеру и демонстрации. У нас в институте все лаборантки изготавливают розы алого и лимонного цвета из бумаги для украшения демонстрации. Сегодня Марья [Рудько] должна привезти мне для обводки чертежи по деталям (окна). Постараюсь использовать праздники для этого дела.

Л. 23. Времени уже не хватает. Отвыкла от книжного изучения архитектуры. Зато с Суздальской темой чувствую себя как рыба в воде. А Брунов дал мне волю в этом деле и пока что не утратил интереса – во всяком случае, задает мудрые направляющие вопросы. К 21/XI мне велено завести карточки с «историей болезни» каждой церкви. Года через 3 мне угрожает карточный ураган, как в «Пингвинах». Вспоминала Вас. Вчера читала о Евфим[иевском] монастыре в издании Вл[адимирской] уч[еной] археол[огической] комиссии 1912 г.

Л. 23 об. о шатровых верхах надвратной церкви и о «безумствующих колодниках». Не знаю, где прочитать о сухопутных дорогах XI–XII в. в Суздале. По житию Бориса и Глеба, Глеб кажется, плыл из Мурома? а Борис из Ростова? а ехал на коне. Как только оформят все приказы, пойду в архив. Что Вам посмотреть? Вчера я встала на учет. Назначили агитатором в одну группу II курса. А там у ребят такие умные морды, что страшно заговорить с ними. Передайте привет всем из библиотеки. Как дела со стенгазетой? В прошлом письме Вы жалуетесь на «клюющий палец». Пишите точнее. Если нужно, я нажму на Марью [Рудько] со своей стороны.

[Приписка на полях] Как Космодемьянская? Привет Тамаре [супруге Варганова], ребятам [детям Варганова: сыну Алик и дочери Саше], Вл[адимиру] Мих[айловичу] [Снегирёву] и всем нашим сотрудникам. Это письмо, наверное, придет тогда, когда в Суздале все будут петь «Ермака»!

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 22–23 об.

Л. 27.

б/д 1960-е гг.

Здравствуйте, Алексей Дмитриевич!

На днях я была в Москве. Делала доклад по Преображенскому собору в Ярославле. Когда отмечала командировку в Академии Наук, меня поймал Бунин и сказал, что включил меня в 7-летний план с суздальской темой. Я услышала это в первый раз и ничего понять не могла. Оказалось, что по городам хотят выпустить большие монографии в 20 печатных листов каждая. Суздаль намечен на ближайшие два года. Когда я услышала, что писать надо обо всем (об отдельных памятниках, о живописи и т. п.) я сказала, что всем этим специально не занимаюсь и что писать такую книгу надо поручить Варганову, а я могу написать там градостроительный раздел. Тогда Бунин попросил меня написать Вам, чтобы узнать Ваше мнение на этот счет, и немедленно начинать действовать, т. к. 2 года срок очень маленький для такой работы, даже если бы кроме нее ничего другого не было.

Л. 27 об. У меня с Преображенским собором начали немножко проясняться горизонты. Нашелся старый карниз барабана, нашлось западное крыльцо (уровень площадки и сама площадка). Возможно, что теперь удастся дать полную реставрацию трехглавия и посводного покрытия. Я уверена, что Вы там нашли много интересного. К 7 ноября выставку должны открыть, и тогда утихнет горячка и можно будет поехать в Суздаль. Отпуска у меня еще не было, жить в Ярославле негде, и я очень устала и мечтаю хоть поздней осенью поехать по «святым местам». Саша [Шенников] в это лето обследовал окрестности Пскова, а на работе изучает какие-то условия освещения современных квартир и пишет озлобленные письма. Не знаю, куда писать Вам. Пишу на мастерскую. Наш адрес тоже изменился. Нас выгнали из монастыря к Михаилу Архангелу: Ярославль, Революционная, 15, ЯС-НПРМ. Можно ответить прямо Бунину на Подсосенский пер[ереулок]. Всего хорошего! Лиза

[Приписка на полях] Спасибо за «Суздаль» (книжечку). Привет всем!

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 27–27 об.

№ 24. [Письмо Лизиной мамы]

Л. 34.

б/д 1960-е гг.

Уважаемый Алексей Дмитриевич!

С огромной благодарностью, наконец, возвращаю Вам рукопись. Простите за проволочку. Вина лично моя: никак не могла покончить с перепиской, а «Старик» [отец Лизы?] и вообще отказался принять участие в этом деле. Лиза все еще в Рязани. Реставрирует там в Кремле и Солодче (в 18 км). И

работой и краем пока «премного довольна». Нашлись там и пещеры, «земляные тюрьмы» для раскольников, их исследуют. В нашей личной пещере все по-прежнему. Всего, всего Вам хорошего. Очень благодарю за всё, всё. Караваева

Лиза собирается написать Вам. Самый сердечный привет от «Старика».

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247. Л. 34

КОММЕНТАРИИ

АРХИПОВ

Евгений Александрович (1923–2017) – архитектор Владимирской реставрационной мастерской (1951–1957). По его проектам выполнена реставрация дома Селина в г. Гороховце, Зачатьевской церкви Покровского монастыря г. Суздаля; автор проектов охранных зон гг. Муром, Юрьев-Польского, Киржача. *Заслуженный архитектор РСФСР.*

БАНИГЕ

Владимир Сергеевич (1905–1973) – в 1953–1964 гг. архитектор Ростовского участка Ярославской реставрационной мастерской, кандидат искусствоведения (1964).

БАРАНОВСКИЙ

Пётр Дмитриевич (1892–1984) – российский, советский архитектор, реставратор памятников древнерусского зодчества. Основатель музея в Коломенском и Музея имени Андрея Рублёва в Андрониковом монастыре.

БРУНОВ

Николай Иванович (1898–1971) – историк архитектуры, профессор МАрХИ (1934), доктор искусствоведения (1943), член-корреспондент Академии архитектуры (1940).

БУНИН

Андрей Владимирович (1905–1977) – советский архитектор и историк архитектуры; доктор искусствоведения (1958), член-корреспондент Академии архитектуры (1941), профессор МАрХИ (1942).

ВОРОНИН

Николай Николаевич (1904–1976) – доктор исторических наук, профессор, автор фундаментальных работ по древнерусской культуре: зодчеству, живописи, пластике, градостроительству, летописанию; популяризатор древнерусского зодчества.

ГНЕДОВСКИЙ

Борис Васильевич (1914–1998) – архитектор-реставратор, исследователь народного деревянного зодчества, в 1954–1960 гг. руководил Ярославской реставрационной мастерской.

ГОРЕЛЫШЕВ, ЧИБРИКОВ, ЦЫГАН, ХРОМОВ – каменщики Суздальского участка Владимирской реставрационной мастерской в 1950-е гг.

ГУСЕВА

Ольга Гавриловна (1927–2016) – архитектор-реставратор. В 1957–1976 гг. работала во Владимирской реставрационной мастерской. Творческие пути Гусевой и Караваевой пересеклись в Суздале, когда Караваевой там уже не было. У Гусевой сохранилось два письма Караваевой, написанные во время работы над кандидатской диссертацией, где она просит прислать фотографии Ризположенского монастыря и Лазаревской церкви, интересуется новыми реставрационными работами, посылает рисунок уличного фонаря простой формы, спрашивает о старшем друге, суздальском старожиле и краеведе В.М. Снегирёве, обещает прислать автореферат диссертации 1965 г.

ЕГОРОВ Д.А. – фотограф Владимирской реставрационной мастерской в 1950-е гг.

ЕГОРОВ – архитектор Владимирской реставрационной мастерской в 1950-е гг.

ЗАДВОРНОВ И.П. – прораб Суздальского участка Владимирской реставрационной мастерской в 1950-е гг.

ЗАСЫПКИН

Борис Николаевич (1891–1955) – русский и советский архитектор-реставратор. В 1934 г. был арестован и сослан. С 1937 г. жил в Узбекистане, работал архитектором в управлении охраны памятников. После 1953 г. был назначен начальником управления охраны памятников Узбекистана.

ЗЕМЛЯНСКИЙ М.И. – начальник Владимирского областного отдела архитектуры в 1950-е гг.

ИВАНОВ Л.М. – московский архитектор-реставратор в 1950-е гг. 8 июня 1953 г. участвовал в выездной комиссии по реставрации галереи Западного корпуса Архиерейских палат в Суздале.

КЛИМОВ Е.П. – московский архитектор-реставратор в 1950-е гг.

МАКСИМОВ

Пётр Николаевич (1903–1972) – советский историк архитектуры, доктор архитектуры (1970), профессор, Лауреат Государственной премии СССР. Преподавал в МАрХИ. Исследовал и реставрировал памятники архитектуры в Москве, Пскове, Новгороде.

МИХАЙЛОВ

Борис Петрович (1901–1969) – советский инженер-архитектор, историк архитектуры, искусствовед, преподаватель, член-корреспондент Академии архитектуры СССР, доктор технических наук, доктор архитектуры, профессор. 8 июня 1953 г. участвовал в выездной комиссии по реставрации галереи Западного корпуса Архиерейских палат в Суздале.

НАСОНОВ

Василий Васильевич – директор Владимирской реставрационной мастерской в начале 1950-х гг.

РУДЬКО

Мария Владимировна (1892–1980) – инженер-архитектор, реставратор; в 1947–1953 гг. – архитектор, в 1953–1956 гг. – директор Владимирской реставрационной мастерской. С 1956 г. жила в Москве.

СЕРЁГИН – начальник Владимирского областного отдела архитектуры в 1950-е гг.

СИБИРЯКОВ

Николай Васильевич (г. р. 1922 г., г. Александров) – архитектор-реставратор. Много и плодотворно работал на памятниках архитектуры Москвы, Московской области, Александрова. В 1950–1960 гг. руководитель Александровского участка Владимирской реставрационной мастерской.

СИНЯКОВ

Владимир Петрович – архитектор Академии архитектуры. В 1954–1956 гг. пытался защитить диссертацию на основе работ Владимирской реставрационной мастерской, чем вызвал справедливое возмущение со стороны А.Д. Варганова, а также Н.Н. Воронина и Н.П. Сычёва.

СМИРНОВ – архитектор, член Научно-методического совета по охране памятников культуры (при президиуме АН РСФСР?)

СНЕГИРЁВ

Владимир Михайлович (1888–1977) – известный суздальский старожил и краевед. Блестяще закончил Киевскую духовную академию. Прослушал курс физического факультета Петербургского университета. В Суздале преподавал в школе физику.

СОКОЛОВ Н.С. – сотрудник (главный архитектор) Владимирского областного отдела архитектуры в 1950-е гг.

СПЕГАЛЬСКИЙ

Юрий Павлович (1909–1969) – известный архитектор, реставратор, художник, знаток и популяризатор псковского зодчества.

СТАХОВСКИЙ

Иван Михайлович (1892–1952) – уроженец г. Суздаля, сын смотрителя духовного училища Михаила Егоровича Стаховского. Автор диссертации по истории Суздаля (1943).

СТОЛЕТОВ

Александр Васильевич (1896–1966) – главный архитектор г. Владимира (1944–1949), главный архитектор Владимирской реставрационной мастерской (1950–1959), один из основоположников владими́ро-суздальской школы реставрации.

СТОЛЕТОВ

Игорь Александрович (1931–2014) – с 1956 г. архитектор, с 1965 г. – главный архитектор Владимирской реставрационной мастерской. Действительный член Российской Академии архитектуры (1972), член-корреспондент Российской Академии художеств (1988), член-корреспондент Московского отделения Международной Академии архитектуры (1992), заслуженный работник культуры РСФСР (1976), лауреат государственных премий (1977 и 1999).

СУХОВ

Дмитрий Петрович (1867–1958) – архитектор и реставратор, профессор, член-корреспондент Всесоюзной Академии архитектуры, художник, педагог, защитник историко-культурного наследия России.

ТВЕРСКОЙ

Лев Михайлович – автор книги: Русское градостроительство до конца XVII века. Л.-М., 1953.

ФЁДОРОВ Анания (1711–1762) – ключарь суздальского Богородицерождественского собора, автор «Исторического собрания о богоспасаемом граде Суздале».

ФИРСОВ

Михаил Александрович (1922–1977) – архитектор Владимирской реставрационной мастерской (1949–1954). Автор проектов реставрации дома Сапожникова, жилого корпуса Сретенского монастыря и Никольского собора в г. Гороховце, охранных зон ряда памятников архитектуры в гг. Гороховце, Александрове, Вязниках.

ЧЕХРАНОВ

Виталий Павлович – архитектор, возможно, однокашник Е.М. Караваевой. В 1950-е гг. преподавал в школе десятников г. Юрьева-Польского. В ГАВО хранятся два его письма к А.Д. Варганову 1954 и 1955 г. с вопросами о юрьевском Георгиевском соборе; в первом он сообщает о болезни Лизы, называя её «энтузиастом своего дела».

ШЕННИКОВ

Александр Александрович (1926–2002) – художник-архитектор. Кандидат искусствоведения (1960), доктор архитектуры (1986). Соавтор Е.М. Караваевой по статье об иконе Евфросинии Суздальской (Караваева, Шенников, 1969: 61–66).

ШУЛЯК

Любовь Митрофановна (1896–1996) – архитектор-реставратор, создатель новгородской школы реставрации.

ЛИТЕРАТУРА

Владими́ро-сузда́льская школа реставрации. История, методы и практика реставрации объектов историко-культурного наследия. Владимир, 2011.

ГАВО. Ф. Р-8. НТД. Оп. 1. Д. 87.

ГАВО. Ф. Р-8 НТД. Оп. 1. Д 106.

ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 247.

Зайцева Л.Н. Как это было, или «само упало». Владимир, 2018.

Караваева Е.М. История архитектурного ансамбля Суздаля // Труды МАРХИ. Вып 1. М., 1961.

Караваева Е.М. Собор Спасского монастыря в Ярославле (исследование и реставрация) // Архитектурное наследство. № 15. М., 1963. С. 39–50.

Караваева Е.М. Градостроительное развитие Суздаля // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. М., 1964. С. 149–179.

Караваева Е.М., Шенников А.А. Суздаль в 1700 году (по изображению на иконе) // Архитектурное наследство. Т. 18. М., 1969. С. 61–66.

Тимофеева Т.П. Суздаль в исследованиях архитектора-реставратора Е.М. Караваевой. Тезисы // Материалы исследований Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Вып. 15. Владимир, 2009. С. 54–61.

Тимофеева Т.П. Город Суздаль в исследованиях архитектора-реставратора Е.М. Караваевой // Труды государственного Эрмитажа. Выпуск LX / Проблемы охраны, исследования и реставрации памятников культуры. СПб., 2012. С. 179–203.

Тимофеева Т.П. Письма Е.М. Караваевой к А.Д. Варганову (1953–1960-е гг.) // Суздальский сборник за 2017 год: Сборник научных статей (материалы Все-

росс. научно-краеведческих чтений «Суздаль в истории России». 27.10.2017). Владимир, 2018. С. 147–156.

Тимофеева Т.П. История несостоявшийся диссертации 1952–1956 гг. (по письмам А.Д. Варганова, Н.Н. Воронина, Н.П. Сычёва) // Суздальский сборник за 2020 год: Сборник научных статей. Владимир, 2021. С. 147–153.

Шадунц Е.К. Белый камень в Переславле-Залесском: артефакты и документы // Материалы XIX Международной краеведческой конференции (25 апреля 2014 г.). Владимир, 2015. С. 359–366.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Фото. Слева направо: В.П. Чехранов, Е.М. Караваева, А.Д. Варганов, сотрудница Суздальского музея. 1950-е гг.

Илл. 2. Письма Е.М. Караваевой к О.Г. Гусевой

ИСКУССТВО

ГОЛОВА ЖЕНСКОЙ СТАТУИ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА: МАСТЕРА И ТРАДИЦИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО КЛАССИЦИЗМА В СКУЛЬПТУРЕ ПАНТИКАПЕЯ

Е.А. Савостина

На выставке «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства» (ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2017) среди памятников скульптуры, найденных в Пантикапее, экспонировалась мраморная голова от большой женской статуи из собрания Эрмитажа (ГЭ. ПАН.740) (рис. 1 а, б). С сильными повреждениями, но все же весьма выразительная, она впервые была опубликована еще А.Б. Ашиком (*Ашик*, 1848: 55, рис. CVI) и с тех пор не привлекала специального внимания исследователей. В документации музея скульптура значится как произведение строгого стиля, в каталоге недавней выставки, напротив, обозначена как римская копия греческого оригинала конца V – первой половины IV вв. до н. э. (*Жижина, Захляпин*, 2017: 276-277, кат. 142). Однако ее своеобразные стилистические черты и многочисленные совпадения с иными произведениями греческой пластики, обнаруженными в Пантикапее, позволяют усомниться в окончательности такого определения.

Голова акролитной статуи (выс. 44 см) с высоким широким лицом опирается на прямую массивную шею. Судя по правой стороне изваяния (рис. 1 а), обрамлявшие лицо волосы, не зачесываясь наверх, собирались низко на затылке. В их широких волнистых прядях, частично сохранившихся на левой стороне, просверлены цилиндрические углубления для металлических вставок (рис. 1 б), как в декоре мраморных голов статуй богинь, в том числе Афины (ГМИИ. М-1526, выс. 44,5 см) и боспорского царя, найденных в разные времена в Пантикапее (ГЭ. П.1860-20, выс. 42 см) (*Жижина, Захляпин*, 2017: 277).

Совершенно очевидно, что и другие характерные элементы этого женского изваяния уже встречались в портрете боспорского царя, также относящегося к акролитной статуе (*Савостина*, 2012: 189 сл.). Несомненна общность схемы построения голов статуй, их монументальность, техника обработки мрамора наряду с характером примененных декоративных элементов. Однородность системного подхода к созданию скульптурного образа и трактовке деталей была понятна уже при первом впечатлении. Однако более подробно удалось рассмотреть эти памятники, зрительно сопоставить и сделать уточняющие заключения только во время подготовки следующего выставочного проекта – «В поисках античного Боспора» (ГЭ, 2022)¹, где они экспонировались вместе (рис. 2).

¹ Огромная благодарность за осуществление эксперимента всем устроителям выставки, хранителям, реставраторам и фотографам ГЭ, и в первую очередь Н.К. Жижиной.

Ранее нам приходилось обсуждать стилистическую манеру, в которой было выполнено изображение царя (*Савостина*, 2012: 191 сл.). На наш взгляд, она представляет собой характерный сплав, сочетающий черты позднеэллинистической иконографии (в данном памятнике – черты лисипповского Александра, укоренившиеся в иконографии и богов, и правителей; яркий пример – голова статуи Гелиоса, III в. до н.э., Родос (*Smith*, 1991: 242, fig. 303) и строгого стиля ранней классики. Приметы этих эпох, как бы отвечая двум предыдущим атрибуциям, проступают и в женском статуарном образе. Гладкий овал лица, контраст фаса и профиля, резкое сочленение частей, крупный рот с уголками, отмеченными сверлом, массивный выступающий подбородок, – все эти черты видим в женском изображении, как и в портрете боспорского царя. Аналогичны в обеих скульптурах приемы изображения глаза – овального, чуть опущенного к слезнику (рис. 3). Поверхность глазных яблок, обрамленных верхним и нижним веками, слегка выпуклая и имеет наклон, обусловленный точкой обзора скульптуры. В статуе женщины сохранились следы росписи глаза² (ср.: *Blume*, 2015: 177, Abb. 6).

Оборотные стороны голов статуй царя и женщины также построены по единому принципу: они не завершены пластически и подготовлены под накладку (рис. 4). Несмотря на сильные утраты, сколы и следы воздействия огня (*Жужина*, *Защляпин*, 2017: 276), оборот головы женской статуи сохранил признаки первоначальной обработки и следы орудия (острое зубило) – косые штрихи, нанесенные под разными углами, как это делали греческие скульпторы (*Palagia*, 2006: 251). Особенно хорошо они заметны на макушке и шее. Посередине головы, ото лба, проходит глубокий пропиленный желоб, напоминающий след от плуга или другого мощного металлического орудия, воздействие которого могло послужить причиной разрушения правой верхней части головы статуи. По левой стороне, над уцелевшим глазом, поверхность сохранилась лучше и можно видеть, что она подработана зубилом с закругленным краем, применяемым для более выраженного изгиба (*Palagia*, 2006: 252). За линией волос, обрамляющих лицо, поверхность головы слегка прогибается, по границе волос отмечены редкие углубления, сделанные буравом (вероятно, для крепления головного убора). Более частые углубления просверлены на полоске волос – нередко это делалось для крепления металлических, обычно бронзовых, а иногда свинцовых прядей. Как считается, благодаря пластичности металла так было легче изобразить что-то в более реалистичной манере, включая волосы, украшения, детали вооружения (*Jacob*, 2019: 679). По оставшемуся фрагменту можно понять, что в целом схема расположения углублений похожа на ту, что мы видим на голове статуи боспорского царя (рис. 4). Так же, как у него, поверхность головы женской статуи подготовлена под накладку, но, судя по усеченной форме затылка, она имела иной характер, о котором сейчас трудно судить. В статуе царя на основании сохраненной скульптором полной формы оборота головы

² Последние реставрационные мероприятия по расчистке и закреплению камня проводились в 2014–2015 гг. Реставратор К.Н. Благовещенский (Лаборатория научной реставрации цветного камня ГЭ).

мы предполагаем головной убор из бронзы, воспроизводящий характерную ахеменидскую шапку типа кирбасии (*Савостина*, 2012: 199; *Трофимова*, 2016: 71). По мнению исследователей в скульптурном изображении доспеха и его элементов металлические накладки применялись с VI в. до н.э., включая шлем на голове курса из Лувра (*Hamiaux*, 2001: 91, по 82). В группе пантикапейских памятников под металлический шлем была подготовлена голова статуи Афины. «Сборные статуи» были особенно популярны в эллинистический период и могли делаться не только из нескольких блоков, но и из полос мрамора (*Jacob*, 2019: 660). Иногда они дополнялись стуком (глиной) или бронзой, и этот прием был известен еще в архаике, судя по несовершенной форме затылка некоторых статуарных голов (*Jacob*, 2019: 662).

Впечатляющее сходство двух рассмотренных статуй – как общей структуры построения, стилистических особенностей, так материала и характерных элементов – не оставляет сомнения в их родстве. Определенно женская голова выполнена мастером, по меньшей мере, того же круга и того же времени, что и голова статуи царя. Но рискнем пойти дальше и предпочтем видеть в них работу одного мастера.

В ходе исследования были рассмотрены различные варианты предназначения этих родственных статуй и их сочетаемости в группе – типа диптиха, в которых эллинистический правитель и его супруга были представлены в образах различных божеств (*Queyrel*, 2019: 207–209). Однако визуальное сопоставление памятников показало разновеликость их масштабов: голова женской статуи оказалась крупнее (рис. 2). Более выраженная моделировка (мягкость и легкость которой служит здесь признаком эллинистического стиля) оживляет и одухотворяет ее лицо, что особенно заметно по контрасту с изваянием царя. В случае если эти статуи стояли рядом, статуя женщины, в соответствии с ее масштабом, бесспорно представляла богиню. Но и без обстоятельства места ничто не препятствует такому предположению.

Кто она, эта богиня, остается вопросом. В какой-то мере идентификация божества может зависеть от трактовки головного убора, однако пока можно только предполагать возможные варианты. На основании упомянутого изгиба, проходящего за линией волос, и расположения новой линии углублений можно предположить, что голову богини венчала stefana. Венец, надетый над широкой полосой волнистых волос, украшает голову воюющей богини на фризе сокровищницы сифносецев, 525 г. до н.э. (*Stewart*, 1990: Fig. 198), богини на троне из Тарента, 470 г. до н.э. (*Stewart*, 1990: Fig. 256), статуи Деметры Книдской, 340–330 гг. до н.э. (*Stewart*, 1990: Fig. 572). Но и шлем Афины с западного фронтона храма Афины Афайи, 490–480 гг. до н.э., с прикрывающим шею задником надвинут на затылок, также оставляя надо лбом полосу волос, распадающихся на две стороны (*Stewart*, 1990: Fig. 241). Нельзя пропустить и более близкий по времени пример статуи Афины Парфенос в пергамской библиотеке, ок. 170 г. до н.э., голова которой также увенчана шлемом с широким задником, хотя надет он несколько иначе, скрывая волосы надо лбом (*Niemeier*, 2011: 330, Abb. 5).

На выставке 2022 года рассмотренные изваяния стояли рядом еще с одной мраморной головой – так называемым Митридатом Пергамским, I в. до н.э. (ГЭ. П.1909–144, выс. 38 см) (рис. 5), широко известная иконография которого не оставляет сомнения в атрибуции (Неверов, 1968: 235). Эта скульптура также была составной, причем, дополнялась вся затылочная часть головы. Митридат, скорее всего, был представлен в образе Геракла, весьма популярном в его статуарной традиции (Савостина, 2012: 204 сл.). Происходивший из династии персидских сатрапов, завоеватель Азии и враг Рима Митридат, выступая за объединение восточногреческих земель, завоеванных Александром, сопоставлял себя с ним на этом поприще как «Новый Александр». Греки и сами видели в нем лидера в борьбе за независимость с Римом, такого же, каким был Александр в борьбе с персами. По аналогии с группой освобождения Прометея, где Митридат видится в аллегорическом образе Геракла, несущего свободу Греции (Pollitt, 1986: 37, fig. 30), полагаем, что в подобном же образе царь был представлен и на Боспоре, чем объясняется характерная драматичность его изображения, отмечаемая исследователями.

Далекая северная страна на окраине греческого мира впервые привлекла внимание Митридата на пути воплощения дедовской идеи всепонтийского единства (Шелов, 1986: 39, 40). Затем ему была передана власть над ней – из рук боспорского царя Перисада V, отчаявшегося совладать с постоянным давлением скифов (Strab. VII, IV, 4; Шелов, 1983: 45). Так в 106 г. до н.э. Боспор вошел в «универсальную персидского типа монархию на эллинской базе» (Ростовцев, 1913: 19), и царствование Митридата стало последним независимым боспорским царствованием перед протекторатом Рима.

Расположение описываемых скульптурных голов в экспозиционно-выставочном пространстве не было случайным. Новая атрибуция головы женской статуи послужила поводом для возвращения к давней теме, связанной с мужскими портретами, их датировкой и идентификацией. В отсутствии контекста находок точная датировка скульптуры затруднена и нужно полагаться на стилистические соответствия с другими памятниками. В свое время на характерные черты Митридата Пергамского мы опирались при отождествлении портрета царя (ГЭ. П.1860–20) с его прижизненным изображением как Митридата Евпатора Диониса (до 63 г. до н.э.). А.А. Трофимова, в свою очередь, предложила видеть в нем скульптуру Митридата августовского времени (Трофимова, 2016: 71). Тема находится в дискуссионном поле, и выставка дала уникальную возможность визуального сопоставления не только «царя» и «богини», но и портретных изображений Митридата Пергамского (Геракла) и Митридата Диониса.

При различии иконографического решения очевидна их стилистическая общность: крутая линия лба, как бы набухающего у надбровий, уплощенный треугольник в месте перехода от надбровий к переносице, глубина глазниц, круглый выступающий подбородок, слабо моделированная поверхность щек (рис. 5). Эта общность не говорит о прямом повторении, но все же свидетельствует о близких художественных приемах и общих эстетических предпочтениях в работе скульптурных мастерских, проявившихся не только в изображении царя и голове женской статуи, в которых видим работу одного мастера, но и в портрете Митридата Пергамского (Геракла).

Но и это еще не все, что можно было бы вспомнить в связи с анализом этой группы. Узкая полоска волос надо лбом Митридата-Геракла – до среза под накладку – трактована короткими косыми насечками. Примечательно, что такие же насечки видим на прическе Афины из ГМИИ (рис. 6 а, б) (*Савостина*, 2012: 15). Они появляются на втором этапе существования статуи – несомненно более ранней, чем митридадовская серия, – после ее переработки, когда были заложены углубления, декорировавшие прежнюю более пышную прическу, и в виде отдельных накладок дополнены уши (*Толстиков*, 2000: 314). Очевидно, тогда был заменен убор богини, изменился тип шлема и, соответственно, способ его ношения. Где была переработана статуя – на Боспоре или такой она была сюда привезена – неизвестно, но судя по сходству трактовки волос в изображении Митридата Пергамского, второй этап существования статуи Афины мог совпадать с бытованием этой статуи Митридата в Пантикапее. В таком случае они могли составлять еще одну идеологически значимую скульптурную пару богини и царя.

В эллинистическую эпоху такого рода статуи ставили и правители для народа, и народ, почитающий правителей. Это была норма и более раннего времени, но в эллинизме данная тенденция усилилась (*Manakidou*, 2012: 438). Почитали не только своих, но и иных правителей, оказавших благодеяние городу. Известно, что и боспорский царь Спарток III в 285/4 г. до н.э. за щедрое пожертвование зерна был удостоен двух статуй в Афинах, одна из которых была поставлена на Агоре, рядом с изображением его предков, а другая, возможно, на Акрополе (IG II² 653, 40–2; *Krumeich*, 2007: 164). Короткий исторический период между возвышением Пергама (281 г. до н.э.) и завоеванием Римом всего Средиземноморья был отмечен особым поворотом в искусстве, направленным на пропаганду династического права монархии (*Bairami*, 2015: 156). Скульптурные и живописные портреты правителей устанавливались и на площадях, и в храмах, где их нередко размещали рядом с культовыми статуями богов (*Krumeich*, 2007: 165). За исключением случаев, когда эти портреты представляли царя или царицу как воплощение божества (*Queyrel*, 2019: 207), эти портреты обычно являлись приношениями по обету.

Митридат, многочисленные статуи которого после гибели царя провозили в триумфе Помпея, бесспорно, не пренебрегал возможностью своего прославления. Надо думать, что известны еще не все типы его статуарного воплощения. В одном только Пантикапее с ним связаны несколько изображений разного рода. Наиболее знамениты рассмотренные выше портретные образы: один традиционный, в героическом греческом стиле, другой необычный, передающий образ греко-восточного плана. Возможно, им обоим соответствовали изображения богинь: Афина – предположительно, неизвестная «новая» богиня – несомненно. Как говорил Аппиан, Митридат любил эллинскую культуру, знал и выполнял эллинские религиозные обряды (*App.*, *Mith.*, 112). При его отношении к культам греческим и персидским, к собственной личности и власти легко предположить, что он мог также применять практику сочетания своих изображений со статуями богов.

Очевидно, что статуи были привезены из Малой Азии и составляли серию изваяний, имеющих важное значение в идеологической системе, создаваемой

Митридатом Евпатором – некогда великим правителем Понта, завершавшим свой век в качестве царя Боспора. В определении этой серии преобладали не иконография, а художественная форма и стиль – «художественно-исторические моменты», о чем говорил еще О.Ф. Вальдгауер (*Вальдгауер*, 2021. Т.1: 2). Серия выявлялась постепенно, от памятника к памятнику, и голова женской статуи из собрания Эрмитажа стала её новым звеном (рис. 6).

На эллинистическом этапе развития греческой скульптуры были возможны разнообразные стили, наполнявшие художественное пространство городов. Популярна была, как упоминалось, техника «сборки статуй». Все крупные центры производства: Пергам, Магнезия на Меандре, Кос, Ксанф, Родос, Делос и Мелос, – применяли эту практику. Металлические дополнения получили более широкое распространение, а количество прикрепленных деталей увеличилось «иногда без той умеренности, что бывала ранее» (*Jacob*, 2019: 660, 667). Однако со II в. до н.э. и на Родосе, и в Пергаме доминировали классицистические тенденции (*Bairami*, 2015: 162).

Вопрос о классицизме в античности ведет к дифференциации между творениями, имитирующими классические стили, римскими произведениями, в разной степени точности воспроизводящими греческие прототипы, и новыми концепциями (*Ridgway*, 1987: 635). Й. Нимайер поднимал вопрос о классицизме в античности еще в 1980-е годы (*Niemeier*, 1985). По его мнению, тенденция к дублированию произведений искусства была связана с Атталидами и культурной политикой Атталы в Пергаме. Однажды начавшись, эта тенденция никогда не останавливалась и существовала и в римский императорский период. Принимая этот тезис в целом, Б. Риджвей считает, что классицизирующие формы появляются ранее, еще в начале III в. до н.э. (*Ridgway*, 1987: 625), но памятники того периода стилистически более однородные – это либо повторение классики, либо стилизация. Данный феномен трактуют не только как «возвращение к прошлому», но и как продолжение (*Niemeier*, 2011: 327). К подобным примерам можно было бы отнести изображение Афины из ГМИИ (рис. 6 а).

Всё значительно изменяется во II в. до н.э., когда появляется теоретическая концепция – как назвал это явление Нимайер (*Niemeier*, 2011: 327), отраженное взаимодействие с эпохой и культурой, признанной во всей ее полноте образцовой – с ранней классикой. Однако восприятие классической скульптуры составляет лишь один аспект классицизма, который начал проявляться в этот период. Смешиваются старые и новые формы, относящиеся к современной эпохе. Собственно, это мы и наблюдаем в стилистике скульптуры пантикапейской серии – двух портретах Митридата и женском образе (рис. 6 б-г).

Первопроходцем в новом стиле стала скульптура из Пергама и Й. Нимайер весьма убедительно охарактеризовал события в его культуре в третьей четверти II в. до н.э.: «такое вообще происходит впервые в истории древнего искусства» (*Niemeier*, 2011: 330). Далее в истории древнего классицизма Пергаму также отводится первостепенная роль, но не единственная. Родос, Делос и ряд других вышеперечисленных городов также вошли в это культурное поле. Как самостоятельное государство Пергам существует до 133 г. до н.э. и затем попадает под протекторат Рима. Как развивались его и Митридата отношения в культурном

плане, нам неизвестно. Поскольку, помимо Пергама в классицистическом стиле работали и другие эллинистические центры Малой Азии, можно определить тот стиль, в духе которого работали мастер и мастерские, изготовившие статуи для Пантикапея, как малоазиатский или эллинистический классицизм.

Не так давно в разряде традиционных итогов изучения греческой скульптуры за прошедшие годы XXI в. Ш. Диллон привела заключение о том, что модель развития скульптуры, предполагающая одну или даже множество линий непрерывного развития, неадекватна для объяснения исторических, культурных и эстетических сложностей греческого скульптурного производства. «Это миф», – пишет Ш. Диллон (*Dillon, 2017: 232*). Знакомясь с малоазиатской скульптурной продукцией, попадающей или не попадающей на Боспор, можно легко с этим согласиться. Многие произведения действительно не находят точного места ни в пергамской, ни в родосской линиях развития. Их сходство определяет иную совокупность – группу, серию, обладающую несколькими общими признаками, связанными художественными принципами и историческими условиями. Довольно сложно и не сразу выявляется каждое новое ее звено. В этом плане такое развитие науки как раз предлагал (или предвидел?) О.Ф. Вальдгауер (Вальдгауер, 2021: 1–2). Однако нельзя также не согласиться с Ш. Диллон в том, что именно из-за таких сложностей изучение греческой скульптуры «продолжает оставаться бесконечно увлекательной и продуктивной областью исследований в классической археологии» (*Dillon, 2017: 232*).

ЛИТЕРАТУРА

Ашик А.Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1–3. Одесса, 1848–1849.

Вальдгауер О. Ф. Этюды по истории античного портрета, часть 1-я // Ежегодник Рос. института истории искусств. СПб., 1921. Т. I.

Жижина Н., Замятин Б. Фрагментированная голова от большой женской статуи. Кат.142 // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. (Каталог выставки 27 июня – 17 сентября 2017 г.). М., 2017. С. 276-277.

Неверов О.Я. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // СА, 1968, № 1. С. 235-238.

Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК 49, 1913. С. 14–15.

Савостина Е.А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь – Керчь, 2012.

Толстиков В.П. Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея // Древности Боспора. Вып. 3., М., 2000. С. 302–339.

Трофимова А.А. Царский портрет на Боспоре: хронология, типология, специфика // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола 22-25 ноября 2016 года. СПб., 2016. С. 68-74.

Шелов Д.Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. № 2, 1983. С. 40–58.

Шелов Д.Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. № 1, 1986. С. 36–42.

Bairami K. Rhodes and Pergamon: Affinities in large-scale sculpture // Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten & Ausstrahlung. Internationales Kolloquium Berlin, 26.–28. September 2012. Berlin, 2015. S. 156–164.

Blume C. Zur Polychromie pergamenischer Plastik. Vom Attalos-Porträt zur “Athena mit der Kreuzbandägis” // Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten & Ausstrahlung. Internationales Kolloquium Berlin, 26.–28. September 2012. Berlin, 2015. S. 135–143.

Dillon S. Approaches to the Study of Greek Sculpture // The Diversity of Classical Archaeology. Ed. by A. Lichtenbergend and R. Raja. Vol. 1, 2017. P. 223–234.

Hamiaux M. Les sculptures grecques I. Des origines à la fin du IVe siècle avant J.-C. Musée du Louvre, département des antiquités grecques, étrusques et romaines. Paris, 2001.

Queyrel F. The Portraits of the Ptolemies // Handbook of Greek Sculpture. Ed. By O. Palagia. Vol. 1. Berlin/Boston, 2019. Pp. 194–224.

Krumeich R. Human achievement and divine favor: the religious context of Early Hellenistic portraiture // Early Hellenistic portraiture: image, style, context. Cambridge, 2007. Pp. 161–180.

Manakidou E. Politics and Society // A Companion to Greek Art. Ed. by T.J. Smith and D. Plantzos. Vol. II. Oxford, 2012. P. 414–439.

Niemeier J.-P. Kopien und Nachahmungen im Hellenismus. Ein Beitrag zum Klassizismus des 2. und frühen 1. Jhs. v. Chr. Bonn, 1985.

Niemeier J.-P. Pergamon und der hellenistische Klassizismus // Pergamon Panorama der antiken Metropole Begleitbuch zur Ausstellung. hg. von Ralf Grüßinger, Volker Kästner und Andreas Scholl, Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin. (Ausstellung der Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin im Pergamonmuseum, Museumsinsel Berlin 30.9.2011–30.9.2012). Berlin, 2011. S. 327–333.

Pollitt J.J. Art in the Hellenistic Age. Cambridge, 1986.

Smith R.R.R. Hellenistic Sculpture. London, 1991.

Stewart A. Greek Sculpture: An Exploration. New-Haven, 1990.

Palagia O. Marble Carving Techniques // Greek Sculpture: Function, Materials and Techniques in the Archaic and Classical Periods. Ed. by O. Palagia. Cambridge, 2006. P. 243–279.

Ridgway B. S. Review of Kopien und Nachahmungen im Hellenismus: Ein Beitrag zum Klassizismus des 2. und frühen 1. Jhs. v. Chr., by Jörg-Peter Niemeier // [AJA] American Journal of Archaeology, 1987, 91. P. 624–626.

Jacob R. Piecing, Attachments, Repairs // Handbook of Greek Sculpture. /Ed. By O. Palagia. Vol. 1. Berlin/Boston, 2019. Pp. 657–689.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

а

б

Илл. 1. а, б. Голова женской статуи, мрамор, I в. до н.э., ГЭ. ПАН.740. Фото ГЭ

Илл. 2. Голова статуи царя и голова женской статуи. Мрамор, I в. до н.э. ГЭ. П.1860-20; Пан.740. Фото ГЭ

а

б

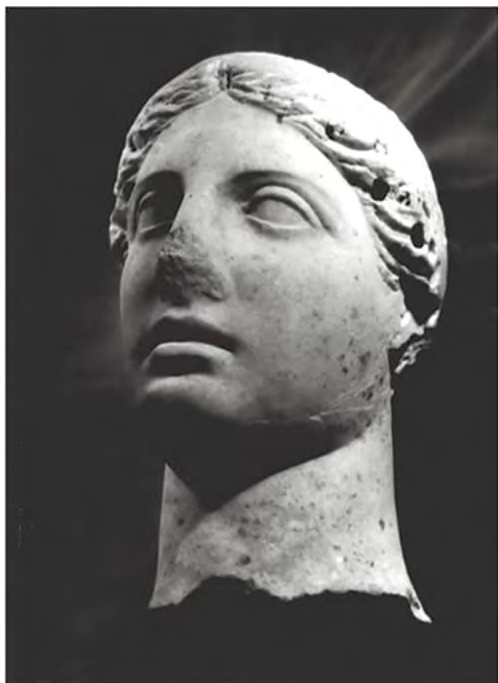
Илл. 3. а – Голова статуи царя. Деталь б – Голова женской статуи. Деталь. Фото ГЭ

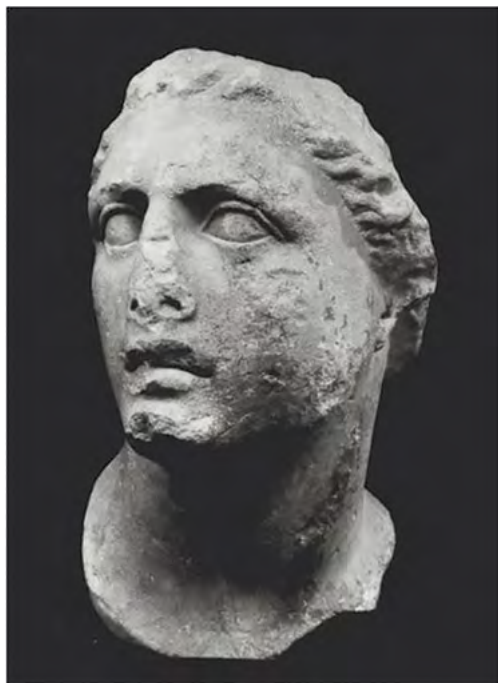
Илл. 4. Обратная сторона головы статуи царя и головы женской статуи. Фото автора

Илл. 5. Головы статуй женской, царя и Митридата Пергамского в экспозиции выставки «В поисках античного Боспора» ГЭ, 2022 . Фото автора

а

б

в

г

Илл. 6. Головы статуй: а - Афины, б - Митридата Пергамского (Геракл),
в - Митридата Диониса, г - «новой» богини

РЕДКИЙ ПАМЯТНИК В АНТИЧНОМ СОБРАНИИ ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА: БРОНЗОВАЯ ВЕТВЬ СПАРЖИ С КУЗНЕЧИКАМИ

Д.А. Калинин

В 1946 г. в коллекцию ГМИИ им. А.С. Пушкина поступил необычный предмет бронзовой пластики. (Голоса воображаемого музея Андре Мальро. Каталог выставки. 2016: 86–87). Он был найден в Фаюме, а в 1930 году передан в собрание Берлинских музеев¹ историком-египтологом профессором Карлом Шмидтом (1868-1938). (*Franken*, 2011: 7. [N. N.], 1930: 89). Это небольшое произведение изображает трех насекомых, сидящих на растительном побеге² (Илл. 1). Вертикальный, полый снизу стебель с отходящими от него короткими боковыми отростками увенчан продолговатой кистью, которая представляет собой группу еще нераспустившихся веточек растения с листьями. У насекомых овальная голова и узкое удлинённое тело с плотно прижатыми к нему лапками; лучше всего различимы длинные голени задних ног. Одно из этих существ расположилось между двумя боковыми отростками в нижней части стебля; второе, заметно меньшее – сбоку, в центре; а последнее, самое крупное – непосредственно над первым, на боковой стороне верхней кисти. Их продолговатые тела ориентированы вдоль стебля, а головы обращены к вершине побега.

Прежде всего, обращает на себя внимание необыкновенная «верность натуре»: все детали пластической композиции выполнены подробнейшим образом; в особенности это касается стебля с отростками. Детализировка столь точна, что позволяет определить биологический вид растения: перед нами молодой побег спаржи (*Asparagus officinalis*). Что же касается определения таксона насекомых, то здесь можно лишь уверенно утверждать, что они относятся к семейству саранчовых (Acrididae) отряда прямокрылых (Orthoptera). Представители нескольких родов этого семейства по-русски называются кобылками; по размеру некоторые из этих насекомых близки к их бронзовым изображениям на ветке спаржи из ГМИИ. Однако, поскольку наименование «кобылки» не часто используется вне круга ученых-энтомологов, нам будет проще называть их кузнечиками.

Предельный натурализм побега спаржи с кузнечиками из собрания ГМИИ дает убедительный повод предположить использование способа литья «по на-

¹ Berlin, ANT Inv. Nr.: 31133.

² Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Инв. Абр 2676. Размеры: Дл. 13,2. Ш. 1,7.

туральной модели», при котором отливка становится точной копией природного объекта, служащего основой при изготовлении литейной формы. После высушивания форма, полученная попеременным нанесением на объект слоев песка и специально подготовленной глины, обжигается при высокой температуре, а находившаяся внутри натуральная модель при этом полностью выгорает; в полученную таким образом керамическую полость и заливается расплавленная бронза.

По предложению известного специалиста по античным бронзам доктора Норберта Франкена действенность этой технологии была проверена немецкими учеными-экспериментаторами из Государственного археологического музея в Трире; им удалось установить, что ряд бронзовых отливок растений в их собственном собрании, а также нескольких частных античных коллекциях Германии, вероятнее всего, был изготовлен именно таким способом (*Faust, Schneider, 2013: 7 – 13*). Интересно отметить, что во всех этих случаях речь шла именно об изображениях стеблей спаржи – что не может быть случайным совпадением³.

Несмотря на существование подобных, не столь уж редких, аналогий нашего памятника, московскую ветвь спаржи отличают от них украшающие ее кузнечики (которые во всех других известных нам случаях отсутствуют). Возможно, они помогут прояснить смысл этой, во многом загадочной, композиции.

Прежде всего следует заметить, что образ кузнечика на растительном побеге существует в искусстве римского времени не только в той крайне натуралистичной форме, которую представляет ветвь спаржи из ГМИИ. Мы находим его и в более художественно-отвлеченных, и в то же время, богатых ассоциациями образах. Речь идет, в первую очередь, о римских геммах. Среди них изображение кузнечика встречается многократно – причем чаще всего именно в иконографическом варианте, который представляет его сидящим на верхушке растения, или же рядом с ним (*Илл. 2*). Этот сюжет достаточно популярен: геммы с подобной композицией есть в Британском музее⁴, музее Эшмола⁵, и ряде других собраний. Как правило, кузнечик изображен сидящим на колосе злака⁶ – вероятно, пшеницы или ячменя. Это позволяет напрямую соотнести такие изображения с нашей бронзовой ветвью – в том числе, и потому, что спаржа, подобно упомянутым растениям, употреблялась в пищу (как людьми, так и кузнечиками). Развитые сюжеты на основе композиции с сидящим на верхушке злака кузнечиком мы встречаем в ряде сцен, где он предстает в «человеческой» позе – чаще всего, стоящим во весь рост или идущим на выпрям-

³ Ср. также аналогичные по технологии исполнения ветви молодой спаржи в Римско-Германском музее, Кёльн: Inv. Metal 1002; Inv. Metal 743; Inv. N 9034 (*Franken, 1996: 167 – 168*).

⁴ Лондон, Британский музей, Инв. 1814,0704.1444; Инв. 1814,0704.2218; Инв. 1814,0704.2222.

⁵ Оксфорд, музей Эшмола, Инв. AN1890.285.

⁶ На одной из гемм в Британском музее в подобной композиции стебель растения увенчан завершением, напоминающим кисть спаржи: Лондон, Британский музей, Инв. 1814,0704.2217.

ленных задних ножках. (Илл. 3). Кузнечик может быть изображен как «сборщик урожая» – или, скорее, зажиточный владелец пашни: важно вышагивая, он несет за спиной пару огромных колосьев⁷ – или же стоит перед доверху наполненным ими огромным широким сосудом, к которому сверху тянется голодная птица⁸ (*Furtwängler*, 1900: 223. Taf. XLVI, 38).

Тема выращивания и сбора урожая кузнечиком приобретает особое звучание, поскольку и зерно, и сам кузнечик служат пищей человеку. Здесь стоит вспомнить, что латинское название семейства саранчовых – *Acrididae* – напрямую отсылает к акридам. Согласно Новому Завету, акридами и медом питался Иоанн Креститель (Марк 1:6). В Ветхом Завете они отнесены к «чистым» животным: «из всех пресмыкающихся... тех только ешьте, у которых есть голени выше ног, чтобы скакать ими по земле» (Левит 11:21). Во многих областях античного мира кузнечики-акриды служили людям пищей (*Keller*, 1913: 455-456). Так, на одной из гемм в Британском музее помещено изображение карикатурно тощего бородатого человека с посохом, который тащит за спиной огромного кузнечика, ухватив его за ноги⁹. Эта сцена перекликается с композицией упоминавшейся геммы, на которой сам кузнечик несет за спиной колосья, держа их за длинные стебли. То есть, становится понятно, что кузнечик может выступать в роли как жертвующего, так и жертвы; образы колоса, кузнечика и человека оказываются взаимозаменяемыми.

Другим важным аспектом этой темы выступает связь с разными периодами годового цикла; в подобных композициях она выражена очень часто. Так, геммы с сюжетами, где кузнечик выступает в роли «сборщика урожая», явным образом привязаны к его завершающей фазе, а побег спаржи из ГМИИ, напротив, к самой ранней, весенней – когда боковые веточки еще не отросли, и сочные молодые стебли этого растения употребляются в пищу. К этой же фазе следует отнести и еще одну гемму в Британском музее, украшенную антропоморфно трактованной фигуркой кузнечика с хлыстом в «руке», который стоит за плугом, с впряженной в него парой пчел¹⁰ (Илл. 4). Очевидно, что в этой сцене, отсылающей к началу пахотного сезона, также отражена стадия весеннего пробуждения природы.

Соответствие разным стадиям аграрного цикла дает возможность предположить, что образ кузнечика может иметь самое прямое отношение к Дионису. Действительно, в том же собрании мы находим римскую гемму с изображением кузнечика, сидящего на виноградной лозе¹¹ (Илл. 5). Отсылками к этому божеству, вероятно, служат также изображения кузнечиков-музыкантов, представленных в антропоморфном облике: так, на одной из гемм

⁷ Лондон, Британский музей, Инв. 1814,0704.2718; Инв. 1814,0704.2857.

⁸ Берлин, Государственные музеи, Инв. 5852.

⁹ Лондон, Британский музей, Инв. 1913,0307.185.

¹⁰ Лондон, Британский музей, Инв. 1814,0704.1445.

¹¹ Лондон, Британский музей, Инв. 1923,0401.348.

в Британском музее насекомое изображено играющим на флейте-авлосе¹², а на другой – на лире¹³. При этом, важной деталью композиции с кузнечиком-флейтистом служит бабочка, обратившись к которой, он, подобно заклинателю, играет свою мелодию. В римской глиптике образ бабочки обычно представляет Психею, и тот сложный комплекс представлений, связанных с посмертными метаморфозами Души и жестокими очистительными испытаниями, которым подвергает ее Эрот ради достижения бессмертия. Возможно, что именно в этой связи следует рассматривать и две других геммы в том же собрании: на одной из них Эрот силой удерживает кузнечика, не давая ему взлететь¹⁴; на другой освободившийся кузнечик возносится к небесам на колеснице, запряженной бабочками¹⁵ (Илл. 6). Здесь стоит отметить, что именно в Египте, где найдена ветвь с кузнечиками из собрания ГМИИ, близкий по смыслу образ известен еще со времен Древнего Царства: он встречается в текстах пирамид, где фараон уподоблен саранче, вспрыгнувшей на небо. (*Mohamed Ragab*, 2018: 584).

Что же касается упоминавшихся выше изображений кузнечиков-музыкантов на римских геммах, то они совсем не случайны, и отражают природную способность этих насекомых издавать «музыкальные» звуки. И в этом контексте кузнечик вполне может быть уподоблен птицам. – Здесь будет уместно вспомнить об отдаленной аналогии нашего побега спаржи – небольшой ветви деревца с сидящими на ней птицами из дома М. Фабия Руфа в Помпеях (Илл. 7). Сходство этих двух некрупных произведений бронзовой пластики касается общей структуры, и, скорее, проявляется на уровне идеи: в обоих случаях речь идет об изображениях поющих существ, которые сидят на растительных ветвях, отростках или стебле. О композиции с птицами существует предположение, что она является частью «поющего фонтана» (*Marzano*, 2008: 5). Такие фонтаны, работавшие за счет разницы уровня воды в скрытых резервуарах, были изобретены Героном Александрийским и описаны им в трактате «Пневматика»: полный стебель растения, в который нагнетался вытесняемый воздух, издавал звуки, напоминающие пение птиц (в данном случае, стрекотание насекомых). (*Woodcroft*, 1851: 31. *Amedick*, 1998: 506). Придуманый Героном механизм служил созданию определенного эффекта, который можно назвать «драматическим»: когда в работе резервуаров, действовавших по принципу сообщающихся сосудов, наступал переломный момент, и один из них опустошался, а другой, напротив, наполнялся водой, то неподвижно сидевшая сова чудесным образом оживала и разворачивалась к щебечущим птицам; их пение внезапно смолкало. Затем, когда соотношение воды в резервуарах вновь менялось, сова опять отворачивалась, а птицы, как по сигналу, тут же начинали петь.

¹² Лондон, Британский музей, Инв. 1923,0401.323.

¹³ Лондон, Британский музей, Инв. 1814,0704.1447.

¹⁴ Лондон, Британский музей, Инв. 1923,0401.464.

¹⁵ Лондон, Британский музей, Инв. 1814,0704.1446.

Таким образом, в основе замысла «поющего фонтана» лежит циклическая идея бытия космоса: бронзовые животные, расположившиеся на древе, которое символически обозначает вечность жизни и непрерывность существования, оживают, и поют, а затем внезапно вновь возвращаются в неподвижное, молчаливое состояние – т.е. как бы умирают – но не навсегда, а только чтобы снова ожить в назначенное время. Этому представлению о постоянстве жизненного круговорота отвечает, в частности, и образ кузнечика, который, подобно богу Дионису, может выступать как в роли жертвы, так и приносящего ее, и, тем самым, вечно возрождающегося существа.

ЛИТЕРАТУРА

Голоса воображаемого музея Андре Мальро. Каталог выставки. Редактор-составитель И.А. Антонова. / ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2016.

Amedick R. Ein Vergnügen für Augen und Ohren: Wasserspiele und klingende Kunstwerke in der Antike (Teil I) // *Antike Welt*. 1998. Bd. 29. Nr. 6. S. 497–507.

Faust S., Schneider F. Römische Spargelmesser im archäologischen Experiment. Zu antiken Messern mit Spargelgriff // *Funde und Ausgrabungen im Bezirk Trier*. Aus der Arbeit des Rheinischen Landesmuseums Trier. 2013. Bd. 45. S. 7–13.

Franken N. Ägyptische und ägyptisierende Bronzen in der Antikensammlung – Staatliche Museen zu Berlin. Ausgewählte Ergebnisse einer neuen Bilddatenbank im Internet: Isched. Journal des Ägypten Forums Berlin eingetragener Verein, 01/2011, S. 5–13.

Franken N. Die antiken Bronzen im Römisch-Germanischen Museum Köln. Teil 3. Fragmente von Statuen. Figürlicher Schmuck von architektonischen Monumenten und Inschriften. Hausausstattung, Möbel, Kultgeräte, Votive und verschiedene Geräte // *Kölner Jahrbuch*. 1996. Bd. 29. S. 7–203.

Furtwängler A. Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum. Bd. I–II. Leipzig, Berlin, 1900.

Keller O. Die Antike Tierwelt. Bd. II. Leipzig, 1913.

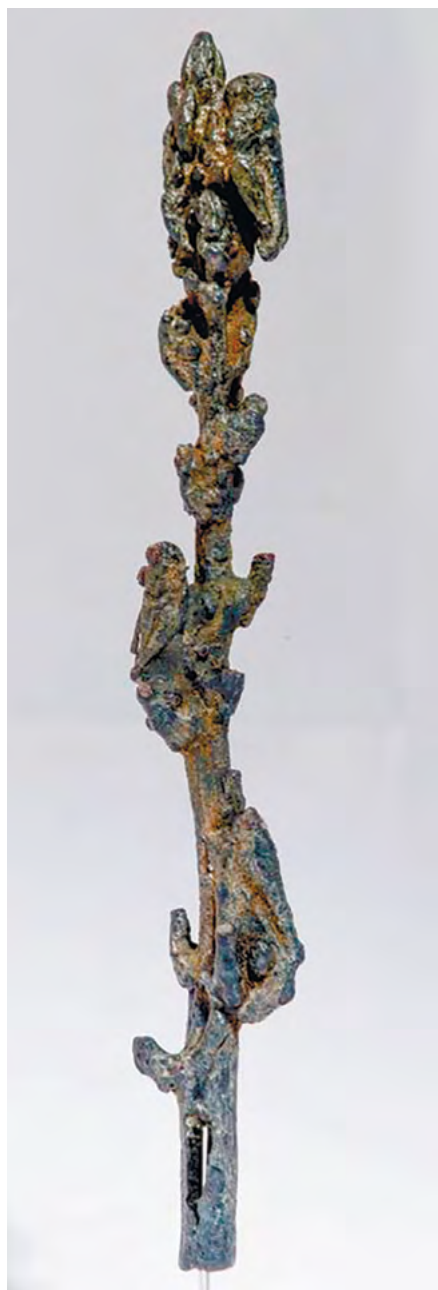
Marzano A. Ancient Gardens from Babylon to Rome // *American Journal of Archaeology*. 2008. Vol. 112. No. 2. P. 1–8.

Mohamed Ragab S. Locust and its signification in Ptolemaic texts // *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences*. 2018. Vol. 3. No. 4. P. 584–587.

[N. N.]. Berliner Museen: Berichte aus den preussischen Kunstsammlungen. 1930. Bd. 51. S. 89.

Woodcroft B. The Pneumatics of Hero of Alexandria. From the original Greek translated and edited. London, 1851.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Бронзовая ветвь спаржи
с сидящими на ней кузнечиками.
Египет, I в. до н.э.
Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина.
Инв. Абр 2676. (В. 13,2 см. Ш. 1,6 см).

Илл. 2. Гемма из красной яшмы с изображением
кузнечика на колосе. Рим. I–II вв.
Оксфорд, Музей Эшмола. Инв. AN1890.285.
(В. 1,0 см. Ш. 1,3 см).

Илл. 3. Стекланная гемма (инталья) с изображением кузнечика, несущего колосья. Рим, 1 в.
Лондон, Британский музей. Инв. 1814,0704.2718. (В. 1,10 см. Ш. 1,35 см).

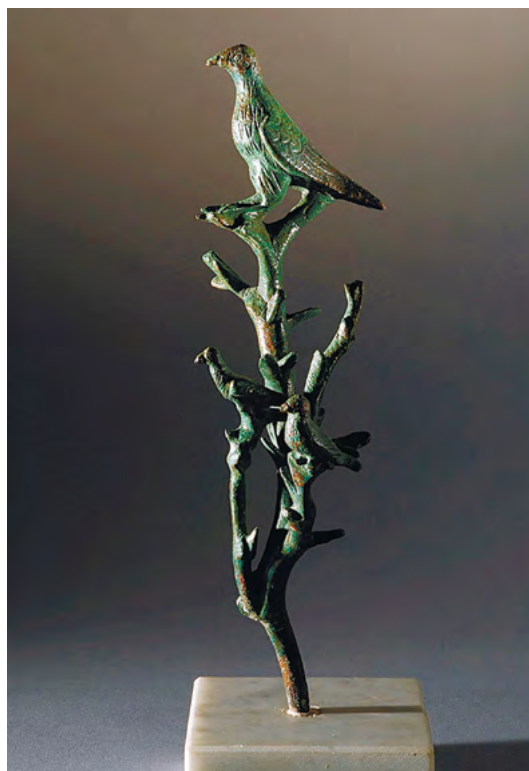
Илл. 4. Гемма с изображением кузнечика за плугом. Рим, I в. до н.э.
Лондон, Британский музей. Инв. 1814,0704.1445. (В. 1,3 см. Дл. 1,6 см).

Илл. 5. Гемма из красной яшмы с изображением кузнечика и виноградной лозы. Рим, I – III вв.
Лондон, Британский музей. Инв. 1923,0401.348. (В. 0,9 см. Дл. 1,1 см).

Илл. 6. Гемма из сердолика с изображением кузнечика на колеснице, запряженной бабочками. Рим, I – III вв. Лондон, Британский музей. Инв. 1814,0704.1446. (В. 1,10 см. Дл. 0,70 см).

Илл. 7. Бронзовая ветвь дерева с сидящими на ней птицами, из дома М. Фабия Руфа в Помпеях. Рим, I в. Суперинтенданство Помпей. Инв. 14142. (В. 25,1 см).

АНГЛИЙСКИЙ КУБОК В СЕМЬЕ РУССКОГО БОЯРИНА (ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕНАНСА)*

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

Отправной точкой настоящего исследования стала атрибуция владельцев драгоценного кубка, изготовленного в Англии в конце XVI в. История этого предмета на Руси в совокупности с недавно открытыми образчиками эпистолярного жанра позволяет установить родственные связи, объединяющие царей Бориса Годунова и Василия Шуйского со знаменитыми представителями русской элиты Смутного времени. Кроме того, в работе предлагается опыт построения женских биографий этой эпохи на основе художественных артефактов и деловых документов.

Anna Litvina, Fjodor Uspenskij

AN ENGLISH GOBLET IN THE FAMILY OF A RUSSIAN BOYAR (THE PROSOPOGRAPHIC ASPECTS OF PROVENANCE)

The starting point for the present research work was the identification of the owners of a valuable goblet made in England about the late 1500s. This object's provenance in Russia, along with the recently discovered pieces of epistolary genre, allows us to reveal family connections that link czars Boris Godunov and Vassily Shuyskiy with famous members of Russian elites from the Time of Trouble. Moreover, the paper offers an attempt at teasing out female biographies from artworks and business papers of that period.

В ризнице Троице-Сергиевой лавры среди других драгоценных экспонатов находится серебряный кубок английской работы, изготовленный, согласно именному клейму, известным лондонским мастером Симеоном Бруком (Someone Brooke) в 1584/85 г. (Ил. 1).

*При подготовке публикации использованы результаты проекта «Языки и тексты русской культуры XI-XVIII вв.: проблемы интерпретации», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Илл. 1. Кубок работы Симеона Брука
(Ризница Троице-Сергиева монастыря, инв. № 151 их)

Когда именно кубок попал на Русь мы можем лишь догадываться, однако здесь он сразу же обрастает довольно увлекательной и нетривиальной владельческой историей. Самая крупная надпись на нем, выполненная полууставом, связывает этот предмет с одним из богатейших и могущественнейших людей своего времени – Дмитрием Ивановичем Годуновым, дядей царицы Ирины и царя Бориса:

КѡБОКЪ БОАРИНА КОНЮШ/СГО ДМИТРИСА / ІВАНОВИЧА / ГОДУНОВА

Однако еще более примечателен, на наш взгляд, второй текст, написанный более мелким полууставом непосредственно рядом с первым и как бы его продолжающий (Ил. 2). Адресатом этого дарственного обращения выступает женщина, что, вообще говоря, некоторая редкость, тем более что речь идет о предмете сугубо светском, а одариваемая предстает здесь в той роли, каковую мы были бы склонны, скорее, присваивать мужчине – она должна пользоваться этим парадным предметом по прямому назначению, к вящей для себя пользе:

ДАНЬ КНАИНѢ СЮЛЕНѢ ІВА/НОВНѢ ПИТИ ИЗ НСВО НА ЗДРАВИС

Наконец, на кубке имеется и третья надпись – она выполнена менее искусной гравировкой, и речь здесь идет об еще одном человеке, на этот раз мужчине, принадлежащем к роду Годуновых, однако отнюдь не к царской семье непосредственно:

КУБОКЪ ѠДА^и НИКИ/ТЕ ВАСИЛЬСВИ/ЧЮ ГОДУНОВУ

Кроме того, существует источник, позволяющий думать, что история этого предмета на Руси была довольно сложной и нелинейной – как полагает Л.М. Воронцова (2010: 171), именно интересующий нас сосуд упомянут и кратко охарактеризован в Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г.:

кубокъ серебрян, с кровлею, вѣсомъ три гривеньки тритцать три солотника; складнои Дमितеевы жены Годунова (Опись Троице-Сергиева монастыря..., 2020: 500, л. 344об.).

Если это отождествление верно, то «женская составляющая» в истории нашего кубка заметно усиливается. Существенно, прежде всего, что здесь он вновь связывается с семьей царского дяди, однако не с самим Дмитрием Ивановичем Годуновым, но с его супругой. Более того, эта запись сразу же задает некоторую интригу: кубок принадлежал Дмитрию Ивановичу Годунову, был подарен загадочной Олене Ивановне, завершил свой путь в монастырской ризнице как заклад супруги исходного владельца, да еще некогда успел побывать у Никиты Васильевича Годунова, скончавшегося в 1622 г.

Илл. 2. Фрагменты надписей на кубке (Воронцова, 2004: 51)

Что же мы знаем о владельцах этого драгоценного предмета на Руси рубежа XVI–XVII вв.?

В свое время Т.Г. Гольдберг (1954: 440) предположила, что серебряный сосуд был привезен из Англии знаменитым дипломатом и торговым агентом Джеромом Горсеем Борису Годунову, а тот, в свою очередь, отдал его дяде. В таком развитии событий нет ничего невероятного – по своему качеству и ценности этот предмет вполне мог входить в число посольских даров, а Горсей после 1585 г. не раз оказывался в Москве в роли посланника, тайного или явного. Из описи Казенного приказа известно, что по крайней мере по одному предмету подобного рода Борис Годунов и в самом деле дарил своему дяде и его жене (Викторов, 1877: 8). Однако решительно никаких письменных или материальных свидетельств о том, что именно кубок работы Брука побывал в руках Горсея, равно как и Бориса Годунова, в нашем распоряжении нет.

Разумеется, Дмитрий Иванович мог получить этот подарок от англичан непосредственно – в ту пору, когда его племянник располагал столь внушительной властью при дворе Федора Ивановича (не говоря уже о том времени, когда Борис стал царем), дядя, еще в отрочестве заменивший Ирине и Борису отца, отнюдь не был обойден вниманием прибывавших на Русь иностранцев. Драгоценная пиршественная утварь – кубки, чары, ковши, блюда – были, так сказать, одной из ключевых единиц дарения и при дипломатических контактах,

и в собственно русском обиходе, они нередко меняли своих владельцев и могли переходить как от высших к низшим в качестве награды, так и от низших к высшим в качестве подношения. Нередко они делались частью вклада в монастырь, а то и отдавались туда в залог, и тогда обитель могла стать финальной точкой их странствий. Однако так происходило не всегда – не только залог, но и вклад порой выкупались, причем сделать это могли как сами донаторы, так и их родня, и даже посторонние лица.

Так или иначе, двух обладателей интересующего нас предмета – Дмитрия Ивановича и Никиту Васильевича Годуновых – мы можем идентифицировать вполне надежно и определенно, хотя версий о том, когда и при каких обстоятельствах кубок на время попал в распоряжение последнего, можно выстроить несколько. Наиболее загадочной оказывается пресловутая «женская составляющая» владельческой истории этой вещи, и она же, на наш взгляд, наиболее любопытна с точки зрения просопографии и истории повседневности Руси на пороге Смутного времени.

В каталоге европейского серебра из ризницы Троице-Сергиевой лавры, содержащем полное описание кубка (Воронцова, 2010: 168–171. Кат. 32), предлагается идентификация пресловутой княгини Олены Ивановны. Автор каталога исходит из того, что это была не кто иная, как мать Никиты Васильевича, супруга Василия Осиповича (Асановича) Годунова. Однако принять такую атрибуцию не представляется возможным. Отчество и происхождение матери Никиты Годунова нам не известны, зато хорошо известно, что в миру она носила имя *Евфимия*¹, а *Еленой* стала лишь в монашеском постриге². Вполне традиционная, антропонимическая схема (монашеское имя, в соответствии с чрезвычайно распространенной в ту пору практикой, подобрано к крестильному и совпадает с ним по первой букве) сама по себе уже заставляет усомниться в том, что адресатом дара была именно эта женщина. Действительно, крайне редко бывает так, чтобы в тексте к иноческому имени присоединялся светский титул и отчество, а какое-либо указание чернеческого сана при этом полностью бы отсутствовало³, и уж вовсе трудно представить, чтобы монахине декларативным образом предлагался столь светский подарок, да еще с пожеланием «пити из нево на здравие». Есть при этом и другой, куда более весомый аргумент против атрибуции Л.М. Воронцовой: род Годуновых –

¹ Как *Евфимия* жена Василия Осиповича Годунова упоминается среди сидевших за столом боярынь на последней свадьбе Ивана Грозного и Марии Нагой, состоявшейся в 1580 г. (ДРВ: 113).

² Супруга Василия Осиповича Годунова фигурирует как *старлица Елена* в Переписных книгах костромского Ипатьевского монастыря, родовой обители Годуновых (Соколов, 1890: 27, 51) и в синодиках (Алексеев, 2007: 18, л. 47об.). В 1603/04 г. Никита Васильевич дает вклад по своей матери — «иноке Елене» — в Троице-Сергиев монастырь (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, 1987: 122, л. 456). По-видимому, к этому времени Евфимии (Елены) уже не было в живых, следовательно, она приняла постриг между 1580, когда она показана под мирским именем среди гостей на царской свадьбе (см. предыдущее примеч.), и 1603/04 гг. (ср.: Павлов, 2019: 285, примеч. 2030).

³ Ср. фрагмент вышитой надписи на фелони, вложенной Никитой Годуновым в Троицкий монастырь: «...по ѿце своємъ Василье и по матерѣ инокѣ Елѣне скимниц[е] и по своихъ родителехъ» (Воронцова, 2014: 298, 300, ил. 195).

некняжеский, а, следовательно, *княгиней* именоваться мать Никиты Васильевича никак не могла.

Кем же была, в таком случае, княгиня Олена Ивановна? Как кажется, на эту роль имеется вполне подходящая кандидатура из ближайшего окружения боярина Дмитрия Ивановича Годунова. Речь идет о женщине, чья судьба представляет немалый интерес как сама по себе, так и благодаря тесному переплетению с несколькими не менее захватывающими биографиями представительниц женской части русской элиты. Отправной точкой в рассказе об этом переплетении может служить еще одно ценное свидетельство частной жизни начала XVII в.

В 1609 г. царевна Ксения Борисовна Годунова, пережившая трагическую смерть родителей и брата и постриженная в монахини с именем *Ольга*, пишет из осажденного Троице-Сергиева монастыря два письма в Москву. Письма эти весьма наглядно демонстрируют мощнейшую сеть родства через брак, которая охватывала русскую знать, старую и новую – всякий матримониальный союз объединял не только двух брачующихся, но и, без преувеличения, десятки родственников разных поколений с обеих сторон. В посланиях Ксении мы можем наблюдать, к примеру, то особое терминологическое сближение, с помощью которого свойственники приравниваются к родичам кровным, а родство отдаленное – к ближнему. Самый же факт существования этой переписки позволяет видеть, что одними только терминами это сближение не ограничивалось. В тяжелые времена, в особенности, когда ближайшей родни не оставалось в живых или на нее невозможно было рассчитывать, женщины-свойственницы всеми силами старались поддерживать эпистолярное общение и с большим или меньшим успехом актуализировать всевозможные связи, возникшие благодаря давним бракам.

Адресата одного из писем, свою дальнюю свойственницу, княгиню Домну Богдановну Ноготкову (урожд. Сабурову), Годунова именует *тетушкой* (АИ: 213. № 182/1)⁴, в другом же письме фигурирует не только *бабушка* – жена двоюродного деда, Стефанида Андреевна, но и целая семья, и оно-то интересует нас более всего. Приведем это послание целиком:

Къ (госу)д(а)р(ы)не моеі светъ бабушке Стефаниде О[н]дрее(в)не Борисова до(ч) Федоровичіе Годунова чело(м) бье(т). Буди, г(осу)д(а)р(ы)ня, здорова на многие лета с с(ы)номъ свои[м] с кня(з)[ем] Ивано(м) Семеновичемъ и с невесткою с княгінею Аленою Ивановною. Пожалуй, (госу)д(а)р(ы)ня, пиши ко мне о свое(м) здаро(в)е, а мне про ваш[е] здаро(в)я, слышив, радовати(с). А похоче(ш) про меня ведать, я у Живонача(л)ные Троицы в осаде (с) ма(р)

⁴ В работе Д.Ф. Кобеко (1905) замечательно продемонстрировано, каким образом Домна Ноготкова могла считаться *тетушкой* Ксении Годуновой. Родная тетка Ксении, Ирина Годунова, вышла замуж за будущего царя Федора Ивановича, соответственно, в древнерусском исчислении не только Федор Иванович, но и его брат, Иван Иванович, оказывались дядьями Ксении Борисовны. Иван Иванович же какое-то время был женат на Евдокии Богдановне Сабуровой, которая благодаря браку Ирины Годуновой делалась Ксенией теткой. У Евдокии, в свою очередь, была родная сестра, Домна Богдановна (вышедшая замуж за князя Ивана Андреевича Ноготкова) – ей-то и пишет несчастная Ксения Годунова, причисляя ее к своим тетущкам.

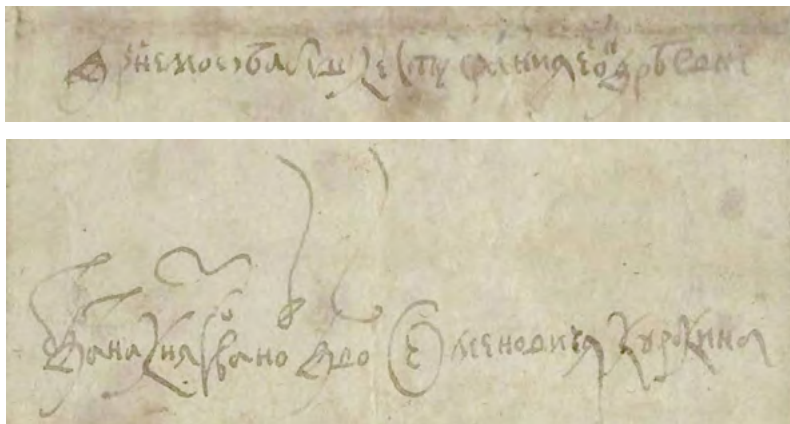
та по 29 в свои(х) беда(х) чу(д) ж[и]ва со всеми старицами, коне(ш)но, бо(л) [на], а впре(д), (госу)д(а)р(ы)ня, ни[к]то не чае(т) себе живата. Зде(с) у на(с) за гре(х) за н(а)шь шато(с)ть и измена великая, да у на(с) з же в осаде мороя пов(е)трея, пришли на всяки(х) люди скорби великие смертные. А всякоі днь хороня(т) мертвы(х) чла(в)ъ по дваца(т) и по трицати и б(о)лши. Которые люди по ся месте остались, и те собою не владеють, все обезножели. Да пожалуй(и), г(осу)д(а)р(ы)ня, о(т)пиши ко мне про моско(в)ское жи(т)е, про все подлинно, что у ва(с) деяца. А я тебе г(осу)д(а)р(ы)не свету много чело(м) бью (Тюменцев, Тупикова, 2018: 945, прилож., № 1)⁵.

На оборотной стороне письма имеются указания, кому и куда надлежит доставить письмо (Ил. 3.):

<госу>дрне моеі бабвшке Стефаниде О"дрѣвнї

о"да^т на кня^з Ивано^в дво^р Семеновича Куракина

По каким-то причинам эти приписки не были отражены в современной публикации документа, между тем, именно благодаря им оказывается возможным окончательно установить два непреложных факта и сделать одно — напрашивающееся, на наш взгляд — предположение.

Илл. 3. Письмо Ксении Годуновой, фрагменты оборотной стороны (Stockholm. Riksarkvet. Ryskabrev. E 8610. PEA 34)

Начнем с последнего, с нашей гипотезы. Она заключается в том, что *княгиня Олена Ивановна* из дарственной надписи на кубке и упоминаемая в письме *княгиня Алена Ивановна*, невестка Стефаниды Годуновой, жена ее сына Ивана

⁵ Письмо хранится в шведском Государственном архиве в Стокгольме (Stockholm. Riksarkvet. Ryskabrev. E 8610. PEA 34), его цифровая копия доступна по адресу: Skoklostersamlingen, Dokumentordnadesnummer, SE/RA/720795/III/03/002/-/PEA 34 - Riksarkivet - Sökiarkiven (дата последнего обращения — 13.07.2023).

Семеновича – это одно и то же лицо. Не менее интересны и два непреложных «зеркальных» факта, устанавливаемые благодаря соположению письма Ксении, кубка из Троице-Сергиева монастыря и множества фрагментарных генеалогических данных, уже существовавших в распоряжении исследователей – они важны как сами по себе, так и для верификации нашего предположения о принадлежности драгоценного сосуда.

Итак, Стефанида / Матрона Андреевна Годунова, хозяйка одной из интереснейших мастерских лицевого шитья, женщина, прожившая огромную жизнь и наблюдавшая всю смену царствований от последних десятилетий эпохи Грозного до середины правления Михаила Романова, была матерью одного из самых заметных деятелей Смутного времени, князя Ивана Семеновича Куракина. Соответственно, сам князь Куракин, полководец, придворный, литератор, а к 1613 г. и едва ли не богатейший из землевладельцев в боярской думе, приходился пасынком царскому дяде Дмитрию Годунову и, если так можно выразиться, сводным кузеном царю Борису и царице Ирине – ни то, ни другое до сих пор не отмечалось в научных исследованиях (Рис. 1).

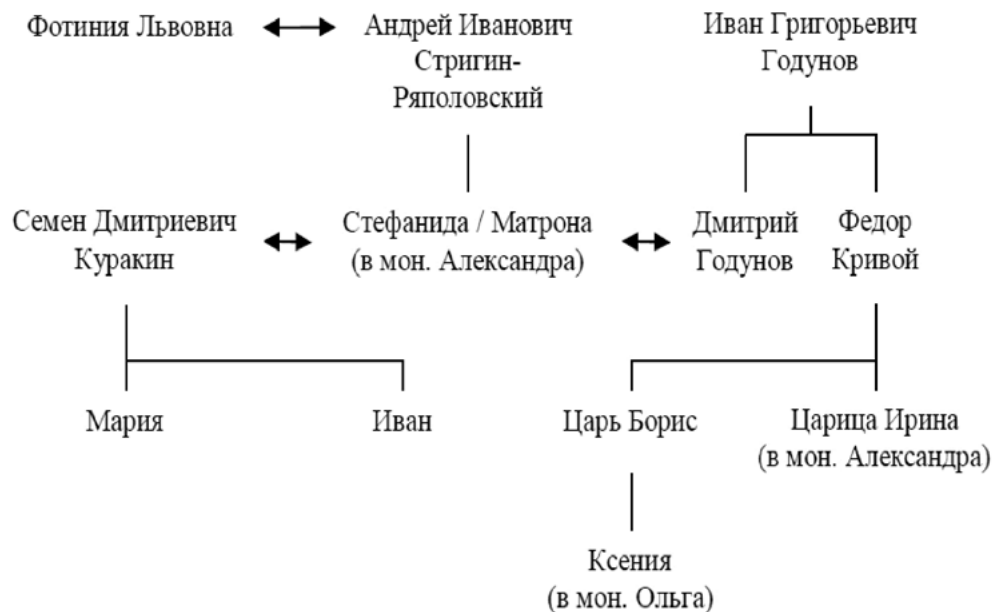

Рис. 1. Куракины, Годуновы и Стригины-Ряполовские

Странствия кубка в пределах одной семьи в известном смысле оказываются воплощением счастья и падения дома Годуновых: роскошный предмет, нарочитым образом привезенный из Англии, в эпоху расцвета легко может быть подарен знатной невестке, дабы потом, в годы куда менее тучные, быть безвозвратно отданным в залог свекровью. Биографии же двух женщин, владевших этим изделием, придают всей истории объем и неоднозначность.

Казус Стефаниды Андреевны Годуновой лишний раз демонстрирует, насколько специализированным должен быть подход к женской просопографии этого времени. Парадоксальным образом, сведений о ней дошло до нас совсем мало и на удивление много, причем ситуация эта лишь отчасти обусловлена недостаточной сохранностью источников Смутного времени и в куда в большей степени – самой спецификой русского повседневного обихода вообще и положением женщины в его рамках, в частности. Прежде всего, бросается в глаза некая диспропорция в области дат – мы не можем в точности назвать ни года, когда Стефанида появилась на свет, ни когда она умерла, ни точной даты ее первого замужества и первого вдовства, как не знаем, впрочем, когда родились оба ее супруга и кто бы то ни было из детей. Все это – с большей или меньшей степенью надежности – приходится реконструировать по косвенным данным. При этом нам известно, когда наша героиня отмечала свои именины, кто были ее патрональные святые и на какой день в году выпала ее кончина.

От Стефаниды Андреевны не сохранилось ни личных писем (хотя судя по посланию Ксении Годуновой, она должна была их писать или надиктовывать), ни дневника, ни иных сколько-нибудь интимных записей, ни даже подписанных ею документов (хотя от ее лица они, несомненно, подавались). И все же у нас есть шанс воссоздать ее жизненный путь и увидеть за ним – пусть фрагментарно, беллетризовано и неточно – живой характер.

По рождению она принадлежала к княжеской семье Стригиных-Ряполовских и получила сразу два христианских имени – *Стефанидой* она звалась в публичном обиходе, тогда как в крещении была *Матроной*, в честь преподобной Матроны Цареградской⁶. Именины княжны приходились на 9 ноября, весьма вероятно, что в этот день она появилась на свет (*Литвина, Успенский, 2022: 125–127*). Ее отец, Андрей Иванович, скончался 28 октября 1570 г., прежде замужества дочери, и его погребение в Троице-Сергиевом монастыре отчетливо говорит о том, что их состояние вполне соответствовало знатности. Однако после его кончины дела семьи пошли несколько хуже, во всяком случае, вдова Андрея Ивановича, княгиня Фотиния Львовна, отдавала в залог земли, которые много лет спустя выкупит ее внук, сын Стефаниды / Матроны (Писцовые материалы Ростовского уезда..., 2012: 379, № 148, л. 723об.–725)⁷.

Первый брак княжны Стефаниды также трудно счесть особенно престижным. Род ее супруга, князя Семена Дмитриевича Куракина, переживал далеко не лучшие времена, значительно пострадав во времена опричнины – никакой сколько-нибудь заметной служебной карьеры ему построить не удалось. Кажется, лучшее, что он сумел сделать для своих будущих наследников, это жениться на нашей княжне Стригиной-Ряполовской. При этом сама Стефанида / Матрона приобрела в этом скромном браке то единственное, чего у нее не будет во втором, куда более блистательном, замужестве – она родила двоих детей, достаточ-

⁶ Об именах Стефаниды / Матроны Андреевны, светских и иноческом, см. подробнее: Литвина, Успенский, 2022: 100–143.

⁷ Ср. в этой связи: Павлов, 2019: 41–42.

но крепких для того, чтобы войти во взрослую жизнь. Для сына и дочери Стефаниды Андреевны материнская родня по крови несомненно была не менее важна, чем отцовская – во всяком случае, много десятилетий спустя Ивана и Марию погребут рядом с дедом по матери, князем А.И. Стригина-Ряполовского (*Ундольский*, 1846: 42. Прилож.)⁸. Однако когда Стефанида овдовела в первый раз, у нее не было ни братьев, ни влиятельных сестер и зятьев – отцовский род пресекался, и в родной семье не оставалось никого, кто способен был оказать протекцию и покровительство ее детям. Обеспечить их будущность смог лишь второй матримонийный союз матери: в 1589 г. Стефанида Андреевна стала, как известно, супругой Дмитрия Ивановича Годунова. По-видимому, он был к тому моменту весьма немолод, но его положение при дворе и огромное состояние позволяли новой жене не только войти в высший эшелон элиты, но и оставить редкостный след в истории материальной культуры своего времени.

В искусствоведческой традиции супруги Дмитрия Годунова известны прежде всего как хозяйки мастерских лицевого шитья, по числу и художественным достоинствам произведений уступавших лишь царским (*Маясова*, 1984). Разумеется, образ этот достаточно условен, и создается он скорее по аналогии со временами более поздними – в сущности, у нас практически не сохранилось рассказов о том, что Стефанида Андреевна вышивала что-либо собственноручно, подбирала сюжеты или тексты вышивки, определяла ее стиль и композицию или какими-то иными способами руководила созданием этих замечательных образчиков декоративно-прикладного искусства. Тем не менее, ее имена – как крестильное *Матрона*, так и публичное *Стефанида* – и/или изображения ее святых-тезок появляется по крайней мере на пяти известных нам драгоценных вышивках: сударь «Богоматерь Воплощение», воздух «Христос во гробе» (1600 г., ростовский Авраамиев Богоявленский монастырь), воздух «Христос во гробе» (костромской Анастасий Богоявленский монастырь), плащаница 1604 г. «Положение Христа во гроб» и пелена «Крещение» с изображениями в овалах каймы св. Матроны и Димитрия Солунского (небесного покровителя ее мужа)⁹. Замечательно, что один из воздушных и сударь она отдает в костромской Богоявленский Анастасий монастырь самостоятельно, по себе и по своим родителям. Муж здесь в качестве вкладчика не фигурирует, причем на одном из предметов (на воздухе) его имя все же появляется, поскольку Стефанида охарактеризована как его супруга, а на другом отсутствует вовсе – на сударе «Богоматерь Воплощение» наша героиня предстает исключительно как *Стефанида Ондреевна* (*Маясова*, 1984: 51), подобно тому, как на интересующем нас кубке ее невестка будет названа княгиней *Оленой Ивановной*, без уточнения имени мужа.

⁸ Погребения Стригина-Ряполовского и Куракиных были расположены с западной стороны церкви Сошествия Св. Духа.

⁹ См.: Маясова, 2004: 182–183, № 45, 192–193, № 50; Литвина, Успенский, 2022: 108–111. Просопографические сведения, сообщаемые о нашей героине Н. А. Маясовой (1984: 33–36, 51; 2004: 64–65) неверны, так как автор исходит из ошибочной предпосылки, согласно которой Матрона и Стефанида – это два разных человека. Подобного рода заблуждения относительно обладателей двух светских христианских имен нередко встречаются в научной литературе.

Сохранился также целый ряд образчиков лицевого шитья, вложенных от имени Дмитрия Ивановича в различные монастыри в те годы, когда Стефанида / Матрона была его супругой и, соответственно, могла иметь прямое отношение к их созданию: пелена «Троица в деяниях», еще два воздуха «Христос во гробе», два сударя «Богоматерь Воплощение» и сударь «Агнец Божий» (*Маясова*, 2004: 174–179, № 43, 180–181, № 44, 184–185 № 46, 186–187, № 47, 188–189, № 48, 190–191, № 49), а возможно также судари «Спас Вседержитель с символами евангелистов», «Дмитрий Солунский» и «Святая Троица» (*Маясова*, 2004: 168, № 40, 170, № 141, 172, № 42). Даже этот сухой перечень производит немалое впечатление, при этом необходимо учитывать и хрупкую природу самих вышивок, и те многочисленные катаклизмы, которые пришлось претерпеть монастырским вкладам за несколько минувших столетий, дабы оценить, насколько многочисленнее были пожертвования этой четы изначально.

Стоит вспомнить здесь и о богато украшенных богослужебных книгах, где личность вкладчиков, Дмитрия Ивановича и Стефаниды / Матроны, запечатлена благодаря напрямую названным именам или изображениям их святых тезок – таковы, например, Псалтири из Кирилло-Белозерского (1594 г.), Чудова (1600 г.). Троицкого Калязина (1602 г.) монастырей и Евангелие 1605 г. в драгоценном окладе с дробницами из костромского Ипатьевского монастыря. Нельзя обойти вниманием и драгоценный оклад к иконе «Троица», также предназначенный для Ипатьевской обители: во вкладной записи в качестве жертвователя указан лишь Дмитрий Годунов, однако среди патрональных изображений на дробницах присутствует и св. Матрона (*Маясова*, 2004: 179; *Зюзева*, 2016: 66–68).

Не менее интересны и дошедшие до нас светские предметы, составляющие лишь малую толику того, что принадлежало семье Годуновых – особого внимания здесь заслуживает, пожалуй, блюдо из аугсбургского серебра, которое Дмитрий Иванович, согласно надписи на нем, подарил Стефаниде Андреевне (Ил. 4)¹⁰. Судьба таких вещей могла быть столь же насыщенной и драматичной, как история нашего кубка. Помимо всего прочего, здесь возникает некий общий вопрос: распоряжалась ли замужняя женщина подобного рода подарками безраздельно, или они хотя бы до некоторой степени считались собственностью всей семьи? В самом деле, одна из надписей на блюде – лохань конюше(г)[о] боярина ДМИТРЕЯ ИВАНОВИЧА ГОДУНОВА / о(т)да(л) ЖЕНЕ МОЕЙ СТЕФАНИ(де) / О(н) ДРЕЕВНЕ – не оставляет сомнений в том, что Дмитрий Иванович преподнес его супруге, однако в конце концов оно попадает в Ипатьевский монастырь, причем в качестве вкладчика, вопреки ожиданиям, поименован один лишь Дмитрий Иванович, а его жена, которой блюдо было подарено, не упомянута вовсе – блюдо конюшего и боярина ДМИТРЕЯ / ИВА/новича ГОДУ[но]ва дал в дом живоначалной / Тро/ице в Ыпацкой монастырь. Здесь можно было бы усмотреть случайное недоразумение, однако, судя по тому, что с такими противоречиями

¹⁰ См.: Борис Годунов..., 2015: 314–315, № 129, автор кат. оп. А. Г. Кудрявцева. Блюдо изготовлено в Аугсбурге в 1599 г., мастер Мельхиор Баир (Melchior Bair).

в провенансе мы сталкиваемся неоднократно, за этим может стоять какая-то интересная специфика финансово-экономического обихода XVI–XVII столетия, нуждающаяся в дальнейшем исследовании.

Илл. 4. Блюдо-лохань аугсбургского серебра
(Музеи Московского Кремля, инв. № МЗ-336)

Более ясное – хотя все равно далекое от полноты – представление о числе и значимости драгоценных предметов, побывавших в руках у Стефаниды Андреевны, можно составить, читая разнообразные описи и перечни конца XVI – первой половины XVII в., где учтены и охарактеризованы многие несохранившиеся или неатрибутированные объекты. Так, известна опись казны Бориса Годунова, начатая 9 октября 7097/1588 г. и содержащая ряд приписок, отражающих убыль – текущие дарения. Кому же дарились кубки? Сестре-государыне Ирине Федоровне, патриарху Константинопольскому Иеремии и патриарху Московскому Иову (поставлен в 1589 г.), митрополиту Терновскому Дионисию и князю Ивану Михайловичу Глинскому (свояку Бориса Годунова)... При этом в описи специально помечено, что один кубок был отдан Дмитрию Ивановичу Годунову, а другой – «Дмитріевъ женѣ Ивановича» (Викторов, 1877: 7–8). Если учесть, что Годунов-дядя лишился своей жены Агриппины 5 декабря 7097/1588 г., а в 1589 г. уже вступил в брак со Стефанидой Андреевной, то кубки эти, всего вероятнее, Годунов-племянник подарил обоим новобрачным к свадьбе.

Так или иначе, даже дошедшие до нас вещи Годуновых, будучи собраны воедино, могли бы составить великолепный и разнообразный музей материальной культуры своей эпохи, как собственно русской, так и европейской, причем интересующий нас кубок занимал бы в нем не последнее место. Здесь можно проследить и определенную эволюцию в стилях лицевого шитья в рамках одной мастерской, и особенности формуляра вкладных записей на различных предметах, и некие тенденции и предпочтения в ювелирной моде... Однако пожелаем мы предварить нашу виртуальную экспозицию портретами владельцев, вместо изображения самой Стефаниды Андреевны нам пришлось бы довольствоваться одним из ликов ее небесной покровительницы, преподобной Матроны Цареградской, запечатленном в вышивке на воздухе «Христос во гробе», на пелене «Крещение» и в дробницах на окладах. В этом отношении Стефанида / Матрона, как уже говорилось, являет нам пример ситуации в чем-то парадоксальной, а в чем-то весьма типичной для Руси того времени – жизнь знатной женщины воплощена не в портрете или нарративе, но в тех предметах, которые так или иначе проходили через ее руки, и в них-то мы обречены, как кажется, искать отпечаток ее личности. Именно в мире вещей она могла творить и выбирать, другая же сфера социальной жизни, в которой у нее была возможность выступать как активно действующее лицо, это не что иное, как создание новых семейных связей, хитросплетение которых требовало не меньшего мастерства, чем искусство лицевого шитья. Здесь-то Стефаниду Андреевну можно, пожалуй, назвать своеобразным гением – вольным или невольным гением свойства, оказавшимся в центре целой череды весьма успешных матримониальных конструкций. Она сама и ее дети служили одновременно и важнейшим объектом, и инструментом этой кропотливой работы.

Более богатого и влиятельного отчима для Ивана и Марии Куракиных подобрать было трудно. Дмитрий Иванович Годунов, некогда заменивший рано осиротевшим племянникам Борису и Ирине отца, по всей видимости, мечтал о собственных наследниках, однако в этом отношении судьба была к нему неблагосклонна – из всех его отпрысков, ни один не перешагнул порог взрослого возраста¹¹. Стефанида, так же, как и ее предшественница Агриппина, потеряла всех рожденных в браке с Годуновым детей, зато свойство с царем несомненно заложило основу для той головокружительной карьеры, которую удалось сделать ее сыну от первого замужества, Ивану Куракину¹². По всей видимости, он

¹¹ Точное число детей Дмитрия Ивановича Годунова доподлинно неизвестно (ср.: Веселовский, 1946: 78–79, примеч. 5). Во Вкладной книге костромского Ипатьевского монастыря с пометой «по Димитрієвыхъ дѣте» перечислено около дюжины имен (Книга вкладная..., 1728: л. 13об.), при этом незначительная часть из них повторяется. Отдельные корма, на преставление (31 мая) и на память (21 июля, свв. Симеон и Иоанн Юродивые), предписывается устраивать по сыну Ивану (Там же) и по Владимиру (преставление – 24 июля, память – 15 июля, св. князь Владимир) (Там же: л. 15), который был еще жив в 1599 г. (Макарий Мироточивый, 1861: 234; Борис Годунов..., 2015: 296–297, № 120, 121, автор кат. оп. С. Г. Зюзева). Кроме того, 25 мая 1590 г., согласно все той же Вкладной книге, Дмитрий Иванович, уже женатый на Стефаниде, дал поминальный вклад по младенцу Феодоре (Книга вкладная..., 1728: л. 14), из чего можно сделать вывод, что эта дочь родилась во втором браке и приходилась единоутробной сестрой Ивану Семеновичу Куракину. Показания Синодика Ипатьевского монастыря в отношении детей Дмитрия Годунова еще более неопределенны (Синодик...: л. 15).

¹² Наиболее обстоятельно биография князя Ивана Семеновича Куракина изложена в работах Л. В. Соколовой и Я. Г. Солодкиной (1993), В. Г. Ананьева (2014) и С. Ю. Шокарева (2019).

получил незаурядное для своего времени образование, во всяком случае, его способность порождать витиеватые риторические произведения не вызывает сомнений. Единственный дошедший до нас текст, достоверно принадлежащий перу Куракина – это так называемая «Чаша государева», своеобразная здравица царю Михаилу Федоровичу, написанная князем уже в зрелые годы. Однако исследователи и прежде отмечали непосредственную связь этого сочинения с другим образчиком того же жанра – анонимной «Чашей Бориса Годунова» (Соколова, Солодкин, 1993: 210). Теперь же, когда мы знаем, что создатель одного из этих текстов состоял с царем Борисом в столь близком свойстве, мы вправе, кажется, предположить, что близость двух произведений объясняется единым авторством, или, попросту говоря, тем, что сын Стефаниды Андреевны, в молодости составив здравицу своему сводному кузену, годы спустя перелицевал и расширил ее и преподнес новому государю.

Кто позаботился о литературных навыках Ивана Семеновича – родной отец, овдовевшая мать или влиятельный отчим – мы едва ли когда-нибудь узнаем, несомненно, однако, что именно Стефанида Андреевна, вступив во второй брак, подготовила для сына своего рода матримониальную лестницу, по которой ему суждено было не только подняться в эпоху Смуты, но и стремительно спуститься во времена более стабильные. Его женитьба на Елене Ивановне, княжне Турениной, стала возможна прежде всего благодаря тому, что он приобщился к семье Годуновых, а этот брак, в свою очередь, запустил целый каскад чрезвычайно выгодных связей по свойству, о которых нам предстоит упомянуть чуть позже, говоря о его жене, владелице серебряного кубка.

Брак, устроенный для дочери Стефаниды Андреевны, Марии Семеновны, был не менее успешным – ее муж, князь Иван Петрович Буйносов-Ростовский, в какой-то момент оказался царским шурином, когда далеко уже не юный царь Василий Шуйский решил жениться на его сестре Марии / Екатерине. Именно дочь родила Стефаниде Андреевне того единственного внука, Алексея Ивановича Буйносова-Ростовского, который прожил долгую жизнь и успел, подобно родному отцу и дяде по матери, Ивану Семеновичу Куракину, побывать тобольским воеводой. Впрочем, на нем и эта линия ее потомков пресеклась в 1665 г.

Что же касается самой Стефаниды Андреевны, то ее вложения в детей оказались вполне удачными: именно они обеспечили ей многолетнее благополучие после кончины второго мужа. Действительно, Дмитрий Иванович Годунов умер в один из самых неподходящих моментов, в 1604/05 г. – его царственный племянник, Борис, лишь несколькими месяцами пережил дядю, жена Бориса, царица Мария, и его сын Федор погибли вслед за ним, а дочь Ксения после известных мытарств вынуждена была принять постриг. В это самое время ее нареченная бабушка, которая, казалось бы, могла лишиться всего, еще многие годы продолжает жить мирской жизнью в семье своего сына, князя Ивана, занимавшего столь высокое положение при трех царствованиях и сосредоточившего в своих руках огромное состояние.

В 1621 г., однако, мы видим Стефаниду Андреевну монахиней (с именем *Александра*), но при этом постриглась она в Москве, в престижнейшем Новодевичьем монастыре, где, по всей видимости, и пребывала до конца своей жизни. Упадок и крах сыновней карьеры пришелся на 20-е годы, ту пору, когда эпоха Го-

дунова окончательно превратилась в исторический эпизод, достаточно спокойно осмысляемый современниками, и ей уже ничто не мешало вернуться к ипостаси жены Дмитрия Ивановича – во всяком случае, именно так она характеризуется в жалованной подтверждающей грамоте царя Михаила Федоровича (АСЗ: 438–439. № 527) и во всяческих вкладных записях. Будучи инокиней, она вполне свободно распоряжается некими остатками наследства своего последнего мужа в то время, когда имущество ее сына подвергается частичной конфискации. Так, в 1628 г., когда московский двор Куракина (возможно, располагавшийся в приходе церкви Гребневской Божией Матери на Лубянке), продают по государеву указу (Смольянинов, 1907: 314; Ананьев, 2014: 42), «старица Александра Дмитриевская жена Годунова» дает весьма значительный вклад (50 рублей) в Троицкий Калязин монастырь (Кормовая книга Колязина монастыря, 1892: 26). С другой стороны, судьба нашего кубка заставляет заподозрить, что ее экономическое положение не было столь уже безоблачным – во всяком случае, она отдает некий серебряный сосуд «с кровлею» в Троице-Сергиев монастырь не вкладом, а в качестве залога, и выкупать этот заклад оказалось некому.

Стефанида Андреевна переживет не только двух мужей, но и собственную дочь (Мария Семеновна ушла из жизни довольно рано, 8 октября 1619 г.), невестку, пресловутую княгиню Елену Ивановну, скончавшуюся в 1624 или 1625 г., и свою «внучку», Ксению Борисовну Годунову († 1622). Сын же ее, по всей видимости, умер вскоре после матери (его смерть приходится на 1632 г.), а земли, которыми она владела, отошли при этом дальней годуновской родне (Павлов, 2019: 282). Весьма характерным для русской коммеморативной практики образом в источниках сохраняется день Стефанидиной кончины (31 июля) – именно в этот день ее предписывалось поминать в Новодевичьем монастыре – но отнюдь не год, когда это произошло:

31 <июля> Предпразднество происхождению честнаго и животворящего креста господня и святаго праведнаго Евдокима Преставление инокине схимнице Александре Дмитриеве жене Годунова, вкладу 100 рублей. Да по ней же колокол 70 рублей, ризы, да стихарь, да крест золот с камением и с мощми 50 рублей, да другие ризы да стихарь (*Источники по социально-экономической истории России...*, 1985: 206).

Размер вклада весьма велик, он соответствует тому, что давалось на помин души по самым знатым и богатым персонам. Разумеется, чрезвычайно интересно, каково было то церковное облачение, которое Стефанида / Матрона (Александра) отдала своему монастырю – не могло ли оно быть произведением ее вышивальщиц или хотя бы отчасти делом ее собственных рук? Однако едва ли здесь возможно установить что-то определенное. После кончины ее изменявшая родовая идентичность как будто дробится и распадается на два причудливых русла: во Вкладной книге Новодевичьего монастыря ее именуют, как мы убедились, женой Дмитрия Годунова, тогда как в Синодике Ипатьевского монастыря, главного центра годуновского благочестия, она причислена к семье

своего сына, Ивана Семеновича Куракина, причем семья эта, знаменательным образом, исчерпывается в помяннике лишь двумя фигурами – жены и матери князя (Синодик...: л. 19). Погребена же инокиня Александра, по-видимому, была там, где монашествовала, в Новодевичьем монастыре, но и это всего лишь догадка – во всяком случае, в перечне надгробий ее родни в Троице-Сергиевом монастыре ее упоминание отсутствует.

Жизненный путь Стефанидиной невестки, Елены Ивановны Куракиной (урожд. княжны Турениной), был заметно короче и, казалось бы, не оставил по себе такого количества материальных следов. В самом деле, она побывала замужем лишь единожды, о ее монастырских вкладах мы ничего не знаем, детей у нее, по выражению одного из источников, «отроду... не бывало», так что зачастую приходится говорить не о том, что она делала, а скорее о том, что с нею происходило или могло происходить.

Однако в нашем распоряжении имеется не только кубок с надписью, который, по всей видимости, был подарен именно ей, но и весьма интересный «женский» документ – копия челобитной ее сестры, где пересказывается часть завещания самой Елены Ивановны, а также некое описание надгробья нашей княгини. Все это, в совокупности с другими записями, где она так или иначе упоминается, позволяет составить просопографический набросок и отметить несколько любопытных черт социально-экономического обихода русской элиты конца XVI – первой половины XVII в.

Что касается дат, то здесь мы наблюдаем почти такую же картину, как и со Стефанидой Андреевной, разве что с днем кончины княгини Елены связана история более сложная и загадочная. Так или иначе, в каком году она родилась и вышла замуж остается неизвестным, хотя день ее появления на свет можно установить довольно уверенно. Дело в том, что подобно своей свекрови, будущая княгиня Куракина была двуименной – в крещении она звалась *Гликерией*, тогда как *Елена* (*Алена*, *Олена*) это не что иное, как ее публичное, обиходное имя. Судя по такой антропонимической паре, она скорее всего появилась на свет 13 мая, на память Гликерии Траянопольской, а имя *Елена*, появляющееся в том числе и на нашем кубке, получила по царице Елене, чья память отмечается 21 мая. Любопытно, что много лет спустя, разбирая дело о ее наследстве, уже покойную к тому времени княгиню будут именовать обоими ее именами в пределах одного документа (*Беляев*, 1907: 317–318), тогда как в других текстах появляется лишь одно из них – подобная ситуация совершенна типична для носителей светской христианской двуименности на Руси, но приносит немало затруднений исследователям, этой двуименности не учитывающим¹³.

¹³ О светских христианских именах княгини Куракиной см. подробнее: Литвина, Успенский, 2021: 104, примеч. 16; Литвина, Успенский, 2022: 132–133. Как это нередко бывает, наличие у одного и того же человека двух христианских имен в миру порождало путаницу в исследовательской литературе: имя *Гликерия* могло ошибочно приниматься за монашеское имя Елены Ивановны Куракиной (Смольянинов, 1907: 313; Хоруженко, 2019: 214, д. 2/13), или – столь же ошибочно – Елена Ивановна и Гликерия Ивановна считались двумя разными персонами, что, в свою очередь, мешало правильной идентификации лиц, упоминаемых в различных документах, в частности, в интересующем нас письме Ксении Годуновой (Тюменцев, Тупикова, 2018: 939).

О родительской семье Елены / Гликерии мы знаем, пожалуй, несколько больше, чем о семье Стефаниды Андреевны. Во всяком случае, известно наверняка, что ее мать Домна Ивановна происходила из семьи Зачесломских и была дочерью Ивана Борисовича († 1564) и Анны Федоровны. Эти сведения небезынтересны с точки зрения тех способов, каковыми в конце XVI в. снабжали дочерей приданым. Князь Иван Самсонович Туренин (отец нашей Елены / Гликерии) счел нужным, выдавая дочь за князя Куракина, выкупить у Троице-Сергиева монастыря село Богородское, которое прежде его теща (бабушка невесты, Анна Федоровна) отдала на помин души Ивана Борисовича Зачесломского. Таким образом, имение одних свойственников передавалось в собственность другому – новому зятю, или, если рассматривать ситуацию в несколько иной перспективе, девушка получает в приданое не родовые земли отца, а благоприобретенные, но характер подобного благоприобретения не произволен – он связывает новобрачную с ее родней по матери. Дальнейшая судьба этого землевладения не менее интересна с точки зрения истории знатных родов, однако нам еще предстоит вернуться к ней позже, при разговоре о завещании Елены Ивановны.

В целом же бракосочетание этой княжны Турениной пришлось на пору успеха и процветания родительской семьи. Отец ее, Иван Самсонович, приближенный Бориса Годунова, оказавший последнему столь значительную услугу, как убийство одного из могущественных противников, князя Ивана Петровича Шуйского († 1588), имел возможность обеспечить всем своим дочерям выгодные придворные браки, так чтобы его зятя-свояки могли в дальнейшем поддерживать друг друга. Весьма вероятно, что как раз на свадьбу интересующий нас кубок английской работы и был преподнесен Елене Ивановне четой Годуновых, свекровью и «свекром», однако случай и возможность делать подобные подарки новому члену семьи у них оставались еще долгое время. Как уже отмечалось, в ту пору кубки были едва ли не самой расхожей формой светского дарения – так, муж Дарьи Ивановны, сестры нашей Елены / Гликерии, Петр Федорович Басманов, согласно преданию, получит от царя Бориса, помимо огромной денежной награды, несметное их количество. Очевидно, что свойство с Басмановым могло сослужить хорошую службу чете Куракиных и при дворе царя Бориса, и, что еще более существенно, во времена правления Лжедмитрия I, для которого Петр Федорович сделал столь многое. Характерно при этом, что после того как в 1606 г. Басманова убили, Иван Семенович Куракин получил значительную часть земель своего свояка в качестве царского пожалования от Шуйского (*Павлов*, 1992: 184–185). Поскольку земли эти лежали в Галичском уезде, то весьма вероятно, что ему досталось и приданое его свояченицы, Дарьи Ивановны Басмановой (урожд. Турениной), которая умерла довольно рано, оставив своего мужа бездетным вдовцом.

История придворной жизни самой княгини Елены Ивановны, супруги столь высокопоставленного человека, как князь Куракин, должна бы быть весьма занимательной, однако на сегодняшний день мы не располагаем никакими упоминаниями о том, что она делала при Годунове, двух Лжедмитриях, Василии

Шуйском и Михаиле Федоровиче Романове. Достались ли ей новые посольские дары из Англии в ту пору, когда ее мужу довелось вести переговоры с миссией Джона Мейрика (Меррика) в 1615 г.? Последовала ли она за Иваном Семеновичем в Тобольск, когда в том же году он был назначен туда воеводой, сменив в этой должности своего зятя по сестре, князя Ивана Петровича Буйносова-Ростовского? Доводилось ли ей видеть или держать в руках какие-либо экзотические предметы из Китая или Западной Монголии, связи с которыми поручено было обустраивать ее мужу?¹⁴ Могла ли она хотя бы на какое-то время вернуться ко двору, когда ему было предписано ехать из Тобольска в Москву? Все эти вопросы, к сожалению, пока обречены оставаться без ответа.

Как уже отмечалось исследователями, довольно неожиданно, например, что ни Елена Ивановна, ни ее муж даже не упомянуты среди присутствующих на свадьбе царя Василия Шуйского, с которым благодаря этому событию они вступали в столь близкое свойство. Так или иначе, если бы не надпись на подаренном ей парадном кубке английской работы, у нас, в сущности, не осталось бы никаких свидетельств ее участия в торжественных церемониях. С другой стороны, имея перед глазами эту надпись, встречающуюся и на дорогих кубках, чарках, ковшах и братинах, принадлежащих мужчинам, можно предположить, что речь в ней идет не только о пожелании здоровья владельцу, но и о функции предмета. Возможно, из него предполагалось пить во время тех самых «чаш-здравиц», провозглашаемых в честь государя, митрополита, знатного лица или хозяина дома, автором по крайней мере одной из которых был муж нашей Елены Ивановны¹⁵.

Выше нам уже приходилось упоминать, что княгиня Куракина, подобно своей сестре Дарье Басмановой, осталась бездетной. Казалось бы, ей неко-го было женить, не для кого заботиться о налаживании выгодных связей, и роль ее в плетении сети элитарного свойства и родства оставалась, по преимуществу, пассивной. Более того, можно подумать, что она оказалась одним из тупиковых звеньев в этой системе. В самом деле, множество знатных семей, игравших столь важную роль в политической жизни XVI и начала XVII столетия, как будто бы не сумели пересечь границу середины века или, во всяком случае, не перешагнули в Новое время – таковы были не только Туренины, Басмановы или Буйносовы-Ростовские, но и одна из младших ветвей Куракиных, последним представителем которой оказался Иван Семенович, и та ветвь

¹⁴ Об этой стороне деятельности князя И. С. Куракина в Тобольске см.: Мясников, 2000: 117–120.

¹⁵ Ср. в этой связи надписи на чарке Алексея, епископа Вологодского, вложенной в 1549 г. в Троице-Сергиев монастырь: «Чарка добра челоѡѡка пить из нее на здравье хваля Бога и моля про Господарево многолѣтное здравие», на серебряном ковше, возможно принадлежавшем семье князей Ушатых в первой половине XVI в.: «Ковшъ пити из него на здравие моля Бга хваля Гдря поминая друга миллов», или надпись на братине 1592 г.: «Братина добра челоѡѡка пити из нее на здравие хваля Бга...» (Олсуфьев, 1925: 42, № 103/4, 79, № 1/34; Олсуфьев, 1925а: 16, № 4); см. также: Олсуфьев, 1925: 29, № 76/21, 32–33, №№ 83/27, 84/28, 35, № 86/20, 39, № 102/33, 43, № 104/5, 88, № 17/35, 92, № 20/36. Обращают на себя внимание в этой связи и своеобразные дополнения к владельческим надписям, встречающиеся на нескольких братинах середины XVII столетия: «...а въ сию братинѣ наливаются сѣѣйшаго Патріарха чаша» или «Повелѣніемъ великаго Гѣдѣра въ сию братинѣ наливаются бѣѣцѣна чаша» (Опись Московской оружейной палаты, 1884: 60, № 695, 697).

Стригиных-Ряполовских, из которой происходила его мать, Стефанида Андреевна. С точки зрения классической андроцентричной генеалогии, запечатленной в родословных росписях и в «Бархатной книге», эти линии действительно пресеклись, поскольку потомства мужского пола у них не осталось. Однако вся матримониальная работа предшествующих поколений этих семей отнюдь не пропала даром. Система свойства и родства через женщин была глубже и надежнее сугубо патрилинейных связей – ее экономические и статусные механизмы продолжали действовать и по-прежнему устремлялись в будущее. Это общее (и отчасти тривиальное) утверждение обретает плоть, кровь и интерес, когда оно может быть продемонстрировано на примере выдержек из завещания нашей княгини Куракиной.

Часть земель, некогда выделенных ей в приданое, она оставляет не бездетному родному брату, не мужу и не мужнину племяннику, а своей родной сестре Марии и ее сыну – собственному племяннику по крови, князю Михаилу Андреевичу Кольцову-Мосальскому. Напомним, что прежде это была земля прадеда князя Михаила по материнской линии, Ивана Борисовича Зачесломского, а позже ее выкупал его дед, князь Иван Самсонович Туренин. Со временем эти владения суждено будет унаследовать детям и внукам М.А. Кольцова-Мосальского, и село из *Богородского* превратится в *Мосальское*. Таким образом, генетическая и экономическая преемственность по разным линиям женского родства оказываются неотделимы друг от друга, а сконструировала эту двойную связь в нужный момент не кто иная, как тетюшка Елена Ивановна Куракина. При этом не стоит целиком уподоблять ее литературному персонажу Нового времени – одинокой тетке, располагающей немалым состоянием и по прихоти выбирающей из племянников своего будущего наследника. Положение княгини Куракиной было куда более драматичным: ее муж был жив, и приданные земли, строго говоря, принадлежали ему, однако он нисколько не оспаривал право жены распорядиться Богородским. По всей видимости, князь Куракин предчувствовал усиление опалы и не считал нужным отказать ей в этом. С другой стороны, он не имел ни малейшего намерения отдавать прочие остатки ее приданого бездетному шурину, князю Василию / Жару Туренину, и судился с ним, уже будучи в сослан в Галич. Вообще говоря, с того времени, как князь потерял расположение царя Михаила Федоровича, свойственники-мужчины, которым он уже едва ли был чем-то полезен, стремятся, скорее, поживиться за его счет, как он сам некогда пытался укрепить свое благополучие за счет поверженной родни по браку.

Смерть княгини Елены / Гликерии пришлась на пору явного заката мужниной карьеры, при этом с ее погребением связана пара хронологических загадок. В неоднократно упоминавшейся нами челобитной ее сестры в качестве даты кончины Елены Ивановны указывается 14 декабря (7)133/1624 года (Беляев, 1907: 318), тогда как в списке надгробий Троице-Сергиева монастыря, составленном в XVII в., фигурирует несколько более поздняя дата – «Князя Ивана Семеновича Куракина, княгиня Гликерья, преставися 133 г. генваря въ 18 день» (Ундольский, 1846: 42). Быть может, дата из списка – это день погребения

ния, а не смерти Елены / Гликерии? На самом деле, есть некоторые сомнения и относительно того, когда, собственно, ее похоронили «у Троицы»: скорее всего, она была положена близ западной стены церкви Сошествия Св. Духа после кончины, однако государево распоряжение о погребальном вкладе по ее мужу оставляет простор для иной трактовки событий:

141 (1633)-го году генваря в 27 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярин Федор Иванович Шереметев дал вкладу по князь Иване Семеновиче Куракине да по его княгине Гликерье денег 366 рублей. И за тот вклад их погребли у живоначальных Троицы в большом монастыре и имяна их написали в вечные сенадики с сельники (*Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря*, 1987: 96, л. 339).

Можно думать, что княгиню, скончавшуюся семью годами раньше своего супруга, только после его смерти погребают вместе с ним в «большом монастыре». Вероятнее, впрочем, что государевы деньги предназначались не на ее перезахоронение, а лишь на погребение мужа и регулярное поминовение их обоих. Так или иначе, небезынтересно, что Михаил Федорович, выделяя огромную сумму на вклад по сосланному князю, не забыл и о его давно почившей жене – вероятно, это свидетельствует о том, что ее роль и статус в публичной жизни были выше, чем может казаться сегодня из-за отсутствия документальных свидетельств.

О душе Елены / Гликерии в свое время успел позаботиться и сам Иван Семенович, дав по ней поминальный вклад в Троице-Сергиев монастырь в год ее кончины. В известном смысле, этот вклад демонстрирует всю неустойчивость и неоднозначность положения семьи в ту пору – с одной стороны, князь жертвует монастырю весьма значительную сумму, а, с другой, сразу передает туда же изрядное количества имущества в залог по описи (*Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря*, 1987: 95, л. 338об.). Как уже упоминалось, ее причастность к клану Годуновых не исчезает и после смерти, во всяком случае, она фигурирует рядом со своей свекровью в Синодике Ипатьевского монастыря¹⁶.

Итак, до того, что в наши дни считается старостью, Елена Ивановна не дожила. Ее юность и замужество, пришедшиеся на 90-е годы, не были омрачены ужасами грозненского времени – в этом отношении ей повезло куда больше, нежели ее свекрови, у которой родня по первому мужу (его отец и братья) погибли в опричнину¹⁷. Вдобавок княжна Елена / Гликерия, в отличие от Стефаниды Андреевны, в молодости была окружена собственной кровной родней,

¹⁶ «Роск. книга Ивана Семеновича Куракина, княгиню Гликерию, иноку Александру» (Синодик...: л. 19).

¹⁷ В своем недавнем исследовании авторы этих строк ошибочно исходили из того, что князь Семен Куракин был казнен вместе с отцом и братом в 1565 или 1570 г. (Литвина, Успенский, 2022: 137). Между тем, Семен Дмитриевич доживает по меньшей мере до 7086/1578 г. и принимает участие в качестве воеводы сторожевого полка в царском походе на Кесль (Разрядная книга..., 1966: 285, л. 377). Весьма вероятно, что он дожил и до 80-х годов XVI в., во всяком случае, мать его детей, Стефанида Андреевна, вступает во второй брак – с Дмитрием Годуновым – лишь в 1589 г.

связи с которой, по всей видимости, никогда не теряла — замуж ее выдал отец, а сестры, брат, зятья и единственный племянник, со всей очевидностью, играли немалую роль в ее жизни. На склоне лет судьба был к ней менее благосклонна, однако в фигуре ее мужа даже после его кончины оставалось для современников как что-то весьма отталкивающее, так и нечто притягательное, и часть этой своеобразной ауры, по всей видимости, досталась и ей. Бездетность — этот страх и проклятие знатной женщины той эпохи — не привела ее ни к разводу, ни к монашескому постригу, а вероятно даже и придала некоторые нестандартные перспективы и возможности ее жизненному пути.

Сколько лет Елена Ивановна владела подаренным ей изделием английского ювелира, мы, в сущности, не знаем — возможно, как раз при ней оно на некоторое время уходило к дальней родне, Никите Васильевичу Годунову († 1622). Как бы то ни было, если «кубокъ серебрян с кровлею» после кончины невестки вернулся к ее свекрови, Стефаниде Андреевне, то история женской части этой семьи в определенном смысле замкнулась в круг, не слишком благоприятный для всех ее участниц.

ЛИТЕРАТУРА

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. В. 5 т. СПб., 1841–1842. Т. 2.

Алексеев А.И. Древнейший синодик Макариева Унженского Троицкого монастыря // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 5–41.

Ананьев В.Г. Князь Иван Семенович Куракин: исторический силуэт // Canadian-American Slavic Studies. 2014. Vol. 48. С. 36–44.

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV–XVII века / Сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. В 4 т. М., 1997–2008. Т. 4.

Беляев И.С. Документы Московского архива Министерства юстиции // Старица и новизна: Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. М., 1907. Кн. XII. С. 316–319.

Борис Годунов..., 2015 — Борис Годунов: От слуги до государя всея Руси. Каталог. М., 2015.

Веселовский С.Б. Из истории древнерусского землевладения // Историческое записки. 1946. Вып. XVIII. С. 56–91.

Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, 1584–1725 г. Вып. 1. М., 1877.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987.

Воронцова Л.М. Английское серебро XVI–XVII веков // Антиквариат. 2004. № 10 (21): Октябрь. С. 50–55.

Воронцова Л.М. Европейское серебро из ризницы Свято-Троицкой Сергиевой лавры: Каталог. Сергиев-Посад, 2010.

Воронцова Л.М. Сокровища ризницы эпохи Московского царства. XVI – начало XVII века // Ризница Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Т. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. С. 183–310.

Гольдберг Т.Г. Из посольских даров XVI–XVII веков: Английское серебро // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 435–506.

ДРВ – Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е, вновь испр. В 20 ч. М., 1788–1791. Ч. 13.

Зюзева С.Г. Золотой оклад иконы «Троица» конца XVI века: Иконографические и стилистические особенности лицевых изображений // Московский Кремль в государственной жизни России: Четыре столетия истории. (Музеи московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. XXVII.) М., 2016. С. 64–80.

Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В. И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985.

Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминак в дом Живончальные Троицы в Ыпацкий монастырь. 1728. (КГИАХМЗ, КОК 24010, № 91).

Кобеко Д.Ф. Сабуровы и князя Ноготковы // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1905. Вып. 2. С. 3–6.

Кормовая книга Колязина монастыря / С предисл. И. А. Иванова. Тверь, 1892.

Леонид (Кавелин). Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Из наблюдений над ковчегом князя Ивана Хворостинина (1601–1621 гг.) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2021. Т. X/1. С. 94–112.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни (Биографические разыскания). СПб., 2022.

Макарий (Миролюбов). Вклады Годуновых в Ипатьевском монастыре // Известия императорского Археологического общества. 1861. Т. III. С. 231–237.

Маясова Н.А. «Светлицы» в доме боярина Дмитрия Ивановича Годунова // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века: Материалы и исследования. М., 1984. С. 32–56.

Маясова Н.А. Древнерусское лицевое шитье: Каталог. М., 2004.

Мясников В.С. «Разбойный корабль» на Амуре (к вопросу об открытии Татарского пролива) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 115–127.

Олсуфьев Ю.А. Опись серебряных чарок с плоскими полками и серебряных братин. Троице-Сергиевой Лавры. [Б. м.], 1925.

Олсуфьев Ю.А. Опись серебряных ковшей (формы лады) б. Троице-Сергиевой Лавры. [Сергиев], 1925а.

Опись Московской оружейной палаты. Ч. II. Кн. 1: Золотая и серебряная посуда. [Б.м.], 1884.

Опись Московской оружейной палаты. Ч. II. Кн. 2: Серебряная посуда. [Б.м.], 1885.

Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года: Исследование и публикация текста / Изд. подгот. Л. А. Кириченко, С. В. Николаева. М., 2020.

Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) / Отв. ред. Ю. Г. Алексеев. СПб., 1992.

Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: Просопографическое исследование. В 2 т. СПб., 2019. Т. 2.

Постникова-Лосева М.М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 139–216.

Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века: 1629–1631 годы / Сост. В.А. Кадик. М., 2012.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, ввод. ст. и ред. В. И. Буганова; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966.

Синодик половины 17-го века (1646–1755 г.) [из Костромского Ипатьевского монастыря] (КГИАХМЗ, КОК 24534).

Смольянинов Вл. Примечания к статье Чаша Государева // Старина и новизна: Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. М., 1907. Кн. XII. С. 312–315.

Соколов М.И. Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. М., 1890. [= ЧОИДР. 1890. Кн. III. С. I–XII, 1–60]

Соколова Л.В., Солодкин Я.Г. Куракин Иван Семенович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 206–212.

Тюменцев И.О., Тушикова Н.А. Новые письма и челобитные Смутного времени из Троице-Сергиева монастыря и его вотчин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. LXIII/3. С. 935–948.

Ундольский В.М. Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова. Приложение: Список надгробий Троицкого-Сергиева монастыря, составленный в XVII веке // ЧОИДР: Заседание 23-го февраля, 1846 года. 1846. Год первый. № 2. С. 24–46.

Хоруженко О.И. Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2019.

ЧОИДР – Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1845–1918.

Шокарев С.Ю. Опала князя Ивана Семеновича Куракина // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г. М., 2019. С. 448–451.

КАНОН И ЧУВСТВО

М.А. Бурганова

Проблема соединения сакральной идеи, канона и религиозного чувства с практикой создания художественного образа – одна из важнейших не только в церковном искусстве, но и в творчестве современных авторов, создающих произведения на библейские темы. По сути, в обоих случаях, эти значимые составляющие нерасторжимы. Но современные исследователи порой рассматривают произведения, наполняющие пространство храма, опираясь только на канонические программы, заменяя исследование произведения церковного искусства прочтением в его композиции и пластике церковных догматов или, напротив, анализируя только художественный образ. Однако история религиозного искусства изобилует примерами выдающихся произведений, уходящих за рамки канона благодаря неординарности художественного решения и выразительности образов. Именно на основе их прочтения возникали новые сакральные образы, создавались множественные варианты и интерпретации исходного сюжета.

Религиозное чувство, опираясь на сакральную идею, постоянно ищет особые формы ее выражения. И порой приоритеты в выборе иконографического репертуара определяет не каноническая идея, а именно религиозное чувство.

Одним из примеров, иллюстрирующих подобные процессы в церковном искусстве на протяжении длительного времени, является изображение Бога Отца (Саваофа). Существование целого ряда иконографических изводов в трактовке этого образа и его различные интерпретации на протяжении многовековой истории сакрального искусства говорят о случаях возможного расхождения религиозной программы и религиозного чувства.

Исследованию изображений Бога Отца в церковной скульптуре посвящено не много изысканий, и большей частью они касаются полемики на церковных соборах относительно несовпадения догматов и практики художественного отображения Бога. Известный спор митрополита Макария с дьяком Висковатым на Соборе 1554 года именно об этом. Дискуссировалась сама возможность воплощения образа Бога Отца в иконописных образах. Опираясь на декларированный факт нематериальной неосязаемой невидимой сущности Саваофа, Его изображения в красках, а тем более в трехмерном скульптурном выражении, подверглись резкой критике.

На противоположных полюсах оказались те, кто полагал достаточным аргументом явление Его в пророческих видениях, и те, кто отрицал саму возможность воплощения образа Бога Отца изобразительными средствами. Столь неоднозначное отношение к этому вопросу постоянно сопровождало образ Саваофа в комментариях к церковному изобразительному искусству.

Большой Московский Собор выступил жестко и определенно¹ по этому вопросу: «... и да престанет всякое суемудрие не праведное, иже обыкоша всяк собою писати безсвидетельства: сиречь Господа Саваофа образ в различных видех. Повелеваем убо от ныне Господа Саваофа образ в предь не писати: в нелепых и не приличных видениях зане Саваофа (сиречь Отца) никтоже виде когда воплоти»².

Необходимо также отметить, что вопрос о возможности изображения Бога Отца неоднократно ставился и в предшествующий, и в последующий периоды восточной и западной христианскими церквами, что говорит о повсеместном отрыве практики церковного искусства от догматов религиозной идеи.

Несмотря на определенное отношение Церкви к этой проблеме, сегодня редко найдется храм, где не было бы освященного образа Саваофа, что проявляет желание и возможность создавать и созерцать Бога, отразившее религиозные чувства. Презентация образа Саваофа в ряду избранных сюжетов, постоянная критика и одновременно упорное нежелание отказаться от изображения Бога-Отца привлекают внимание и ставят определенные вопросы, ответы на которые, очевидно, находятся в самой специфике сосуществования историзма и символизма в христианстве, переплетения чувства и разума.

В первые века обретения христианства темы изобразимости Бога не существовало. И даже после завершения катакомбного периода эта проблема не дискутировалась Церковью в виду отсутствия самого предмета обсуждения – антропоморфных изображений Саваофа. В период становления христианской иконографии и сложения изобразительных канонов фигуративные изображения Бога Отца практически не встречаются. Его место в программе сакрального пространства не было определено. Можно только констатировать, что образ Саваофа встречается в изображениях на предметах, не организующих

¹ «Господа Саваофа (сиречь Отца) брадою седа, и Единороднаго Сына во чреве Его, писати на иконах и голубь между ими, зело не лепо и не прилично есть, зане кто виде Отца, по Божеству; Отец бо не имать плоти, и Сын не воплоти родися от Отца прежде веков аще Давид пророк и глаголет: из чрева прежде денницы родих Тя, обаче то рождение не плотское: но неизреченно и непостижимо бысть. Глаголет бо и Сам Христос во святом Евангелии: никтоже весть Отца, токмо Сын. И Исаия пророк во главе 40 глаголет: кому уподобисте Господа, и коему подобию уподобисте Его. Еда бо образ сотвори древодела, или златарь сливав злато позлати и, или подобием сотвори Его. Подобие и святыи Павел Апостол в деянии глаголет, во главе 17, зачало 40: род убо суще Божий, не должны есмы непщевати, подобну быти Божеству злату, или серебру, или камению и начертанию художну, и смышлению человека. Глаголет бо и Иоанн Дамаскинский: коим же, невидимаго и безтелеснаго и не описаннаго и не образнаго Бога, кто может сотворити подражание; пребезумия убо крайняго и нечестия образовати Божество. Подобие же възбраняет о сем и Святыи Григорий Двоеслов; сего ради Саваофа, Иже есть Божество: и тое преждевечное рождение Единороднаго Сына от Отца, умом точию подобает нам разумети, а писати во образах, отнюд не подобает и невозможно. И Святыи Дух не есть существом голубь, но существом Бог есть. А Бога никтоже виде, якоже Иоанн Богослов и Евангелист свидетельствует, обаче аще во Иордане при святом Крещении Христове, явися Святыи Дух в виде голубине; и того ради на том месте точию подобает и писати Святаго Духа в виде голубином. А на ином месте имущии разум, не изображают Святаго Духа в голубином виде. Зане на Фаворстей горе яко облаком явися и иногда, инако. Еще же Саваоф не именуется точию Отец, но Святая Троица. По Дионисию Ареопагиту, Саваоф толкуется от жидовска языка, Господь сил: се Господь сил, Святая Троица есть, Отец и Сын и Святыи Дух. Обаче аще и Даниил пророк глаголет: яко видех ветхаго денни седяща на судиши. И то не о Отце разумеется, но о Сыне, еже будет во Второе Его Пришествие судити всякаго языка страшным судом». - Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 гг. М., 1893

² Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 гг. – М., 1893.

церковное пространство, а «внесенных» в него – на рельефах саркофагов, декоре культовой утвари.

Пример тому – образ Бога Отца в сцене благословения Евы, созданной из ребра Адама – в рельефах Большого Латеранского саркофага³. В этом памятнике группа святой Троицы расположена на периферии композиции в левой части рельефа. Бог Отец восседает на троне, протянув руку к Еве. Справа от Него находится Христос, слева сзади – святой Дух. Лик Бога Отца особо не выделен. Иконографический извод Ветхого Денми еще не сложился и возрастные границы между лицами святой Троицы отсутствуют. Ипостась Саваофа акцентирована тем, что Он представлен сидящим на троне. Это выделяет Его персону по отношению к Христу и Святому Духу. Композиция рельефов явно отмечена печатью «историзма» и отличается повествовательностью. Последовательно в хронологическом порядке расположен ряд сюжетов⁴, который определяет периферийное место Троицы в общем композиционном пространстве этого памятника. Но примеры, подобные Большому Латеранскому саркофагу, очень редки.

Наиболее распространенным образом Господа Саваофа до XII века было изображение указующей или благословляющей десницы. И эта традиция сохранилась как на Востоке, так и на Западе вплоть до настоящего времени. Композиционная схема таких изображений, как правило, универсальна: из облаков, размещенных сверху в центре или в правой верхней части композиционного поля, протянута десница Господа в благословляющем жесте. Этот образ имеет то же символическое значение, что и в дохристианское время, и прочно закрепляется в сознании поколений и в изобразительном языке как знак некого говорящего или обращающегося к кому-либо. По сути, это «изображение» гласа Божьего.

Около XII века в церковное искусство входит новый образ Саваофа в виде Ветхого Денми. Этот иконографический вариант берет свое начало в византийской традиции и затем широко распространяется на христианском Востоке и Западе. Возрастная характеристика особенно подчеркнута соединением в одной композиции Отца-старца наряду с изображением Иисуса – ипостаси Бога в расцвете сил.

Среди ранних скульптурных произведений с изображением Бога Отца в образе Старца – рельеф храма Сурб Карапет монастыря Норавак⁵, датированный XIII-XIV вв. Композиция рельефа, расположенная в нише килевидной

³ Большой саркофаг» из Латеранского музея в Риме. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: В 2 т. – СПб., 1914-1915. – Т. I. – С. 40. – Рис. 19.

⁴ Наименование композиций цит. по - Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: В 2 т. – СПб., 1914-1915. – Т. I. – С. 40.: «Рельефы саркофага, кроме неоконченных бюстов мужа и жены в среднем щитке, представляют сверху: *Сотворение Евы, дарование Богом колоса и козленка и древа познания добра и зла со змеей; Превращение воды в вино, Умножение хлеба и рыбы, Воскрешение Лазаря; внизу – Поклонение волхвов, Исцеление слепорожденного, Даниил во рву львином, Отречение Петра, Пленение Петра и Изведение воды Моисеем*».

⁵ Монастырь Норавак находится на территории Армении близ Еревана. Основан в 1205 году епископом Ованнесом. Церковь Сурб Карапет построена в 1216-1227 годах по заказу князя Липарита Орбеляна. Автором скульптурного убранства храма предположительно является скульптор Момик.

формы, уникальна по содержанию. Правой рукой Саваоф благословляет крестную жертву – распятие Христово, левой рукой держит голову Адама. Между ними – Святой Дух в виде голубя. В этой композиции проявилось и особое символическое значение правой, благословляющей руки Господа, и левой – наказующей. Жертва Распятия как искупление адамова греха приобретает здесь особенный дидактический смысл. Сама композиция, вознесенная в тимпане в верхнюю часть стены, становится заглавным сюжетом, доминируя над всем изобразительным и содержательным рядом. Место ее в структуре сакральной архитектуры, определенное как главенствующее, что придает образу Бога-отца статус вершины Макрокосма.

Западноевропейские скульпторы создали уникальные иконографические изводы, представив собственное прочтение этого образа. Расцвет сюжетов с образом Бога Отца приходится на XVI-XVIII века. К шедеврам средневековой пластики можно отнести скульптурную композицию «Отечество»⁶ выдающегося немецкого скульптора Бернта Нотке из Любека, представляющую стоящую в полный рост фигуру Бога Отца с телом Христа. Фигуры созданы как нерасторжимое целое. Это единая сущность Бога, представленная в двух ипостасях: в смерти, воплощенной в человеческой ипостаси, и в Вечной жизни – вневременной ипостаси Бога Отца.

Безвольно упавшие руки Христа прочитываются с расстояния как руки Саваофа. Обнаженное расслабленное тело Сына на какие-то мгновения, особенно с фронтальной точки зрения, становится телом Бога Отца. Мастеру удалось создать поразительный образ взаимопроникновения двух божественных ипостасей Первого и Второго лиц Троицы.

Эта композиция пользовалась популярностью и многократно цитировалась Европе, в том числе и в сокращенных изводах. Среди лучших из них – скульптура нидерландского мастера из Аахенского Suermont-Ludwig-Museum «Бог Отец с телом Христа. Отечество»⁷. Обе фигуры изображены по пояс. На руках Бога Отца поникшее обнаженное тело Христа. Нижняя часть композиции оформлена стилизованными крупными облаками. Этот элемент наиболее часто встречается в композициях с полуфигурным изображением Саваофа.

Один из самых драматических образов Бога Отца в европейской скульптуре – композиция «Бог Отец и Мария с телом Христа»⁸ – был создан в мастерских Южной Германии и датируется XV-XVI веками. Бог Отец, держащий на коленях мертвое тело Сына, и склонившаяся к Нему Мать представляют пронзительную сцену человеческой трагедии. Такая гуманистическая трактовка сюжета отразила время переходного периода и религиозных поисков в немецком обществе. Это время Мартина Лютера, давшего новые комментарии к Библии. Именно его слова о Христе как об отражении отеческой любви Божией можно

⁶ Bernt Notke. "Gnadenstuhl". – Um 1500. – Lübeck, St.-Annen-Museumü.

⁷ Gottvater mit Leichnam Christi. Gnadenstuhl. XVI. Jahrhundert. Suermont-Ludwig-Museum, Aachen. SK 223.

⁸ Gottvater mit Leichnam Christi und Maria. XV-XVI. Jahrhundert. Suermont-Ludwig-Museum, Aachen. SK 551.

считать девизом этих скульптурных произведений. Именно в контексте новых переживаний Библейского сюжета создается образ скорбящего Отца, ставший одним из самых распространенных в европейской скульптуре этого периода.

Русская скульптурная традиция изображения Саваофа несет печать того опыта, какой явила христианская культура целом. Однако некоторые сюжеты получили определенные приоритеты, другие не нашли отражения вовсе. Каждый из иконографических изводов многократно представлен в церковных документах, отражающих бурную полемику по вопросу изобразимости Бога. Среди наиболее обсуждаемых образов – композиция «Отечество»⁹, в то время как чином освящения приняты изображения Ветхозаветной Троицы и троичного изображения Господа в композициях Крещение, Преображение и Пятидесятница. Образы Троицы в трактовках Ветхого завета сложились в самостоятельные композиции. Например, Троица Новозаветная обрела устойчивое место в намерении створок складня «Дванадцатые праздники». Эти образы получили наибольшее распространение в рельефных литых иконах. Однако, в отличие от западного иконографического извода, где зачастую лики Бога Отца и Христа почти неразличимы¹⁰, ипостаси Бога в православной художественной традиции имеют явные возрастные дефиниции.

Русские путные литые иконы, многократно запечатлевшие образ Саваофа, являют уникальные примеры вариативности композиции. В связи с особенностями технологии, позволяющей составлять при литье различные части в новые структуры, образ Бога Отца осенял самые различные сюжеты, располагаясь в намерении Распятый и над фигурами избранных святых. Один из самых распространенных иконографических изводов – «Благословляющая десница», встречается в литых рельефных иконах и крестах часто. Это изображение с течением времени практически не претерпевает каких-либо изменений. В группе небольших литых иконах XIV-XVI с сюжетами «Чудо Георгия о змие»¹¹ и «Благоверные князья Борис и Глеб»¹² десница Господа в сегменте круга помещена, согласно сложившейся традиции, в правом верхнем углу. Изображение благо-

⁹ Священным Синодом Константинопольской Церкви при Патриархе Софронии II, в 1776 году: «Соборно постановлено, что эта якобы икона Святой Троицы является новшеством, чуждым и не принятым Апостольской Кафолической Православной Церковью. Она проникла в Православную Церковь от латинян». – Цит. Языкова И.К. *Богословие икон*. – М., 1995.

Коронование Марии. Англия. Вторая треть XV века. Suermont-Ludwig-Museum, Aachen. SK 449.

¹⁰ Коронование Марии. Англия. Вторая треть XV века. Suermont-Ludwig-Museum, Aachen. SK 449

¹¹ «Чудо Георгия о змие». Новгород, конец XV-XVI вв. Красная медь, литье. ЦМИАР (Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. М., 2000 г. // № 65); «Чудо Георгия о змие». XIX в. по иконографии XVI вв. Медный сплав, просечное литье. ЦМИАР (Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. – М., 2000. – № 87.); «Чудо Георгия о змие». XIX в. по иконографии XVI вв. Медный сплав, просечное литье. ЦМИАР (Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. – М., 2000. – № 88.)

¹² «Благоверные князья Борис и Глеб» XIX в. (по иконографии конца XV-начала XVI вв.) Медный сплав, просечное литье. ЦМИАР (Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. – М., 2000. – № 89.); «Благоверные князья Борис и Глеб» XVII в. (по иконографии XV вв.) Медный сплав, литье. ГИМ (Россия, Православие, Культура / Каталог. – М., 2000. – № 89.).

словляющей руки Господа заняло устойчивые позиции и вплоть до начала XX века повсеместно встречается в композициях, посвященных святым воинам, что подчеркивает одну из ипостасей Саваофа как покровителя небесного воинства.

Особая тема, распространившаяся не только в скульптуре, но и в других видах церковного искусства – передача присутствия Бога Отца абстрагированными символическими средствами. К таким изображениям можно отнести символический треугольник, тождественный треугольному нимбу Бога Отца и обозначающего образ этой ипостаси Господа именно в контексте догмата о неизобразимости Бога. Треугольник с исходящим сиянием и помещенными на его поле буквами «БГЪ» можно увидеть на фасадах храмов, в декоре церковных интерьеров, иконостасов, окладов¹³.

Среди других распространенных иносказательных знаков Первого лица Троицы, особенно часто встречающихся в мелкой пластике, иконографический тип Ангел Благое Молчание. Этот образ, отмеченный многослойным соединением сакральных знаков, неоднократно привлекал к себе внимание выдающихся исследователей. Интерес к нему в данной работе обусловлен восьмиугольным нимбом вокруг головы юного ангела. Обычно такой нимб присущ образу Саваофа. Возможно предположить, что это образ молодого Бога до воплощения в момент творения мира. Изображение Ангела Благое молчание с восьмиугольным нимбом встречается в целом ряде книжных миниатюр, на иконах и фресках.

Полнофигурное изображение Бога Отца получает наибольшее распространение в русской скульптуре в XVIII-XIX веках. Эта выразительная иконография присутствует и в произведениях народных мастеров, создававших крупные храмовые образы, и в мелкой пластике. Среди наиболее выразительных произведений – икона «Страшный суд» XIX века Костромского музея-заповедника¹⁴ и серебряная дарохранительница XVIII века из Государственного Эрмитажа¹⁵. Расположенное фронтально по оси общей композиции изображение Саваофа с воздетыми в благословляющем жесте руками из композиции «Страшного суда» контрастирует по стилю и пластике художественного выражения с динамичным образом Саваофа из композиции дарохранительницы. Это различие, связанное с эпохой Нового времени, стало откликом на привнесение в русскую сакральную пластику западноевропейской изобразительной системы, отличающейся повествовательностью и реалистической манерой трактовки сакральных образов.

¹³ Оклад иконы «Михаил Тверской». XVIII век. Серебро, чеканка, золочение. Петербург. Т. Рокман. 1817 г. ГЭ. (1000-летие русской художественной культуры: Каталог. – М., 1988. – № 345.)

¹⁴ Икона «Страшный суд» XIX в. Дерево, левкас, темпера. Костромской музей заповедник. «Ипатьевский монастырь». (Бурганова М.А. Русская сакральная скульптура. – М., 2003. – С. 269. –Илл. 68-71.)

¹⁵ Дарохранительница. Петербург. Мастер Лунд. 1787 г. Серебро, литье, чеканка, пунцирование, золочение. ГЭ. . (1000-летие русской художественной культуры: Каталог. – М., 1988. – № 338.)

Группа полнофигурных изображений Саваофа, хотя и является довольно многочисленной, уступает в количественном исчислении другому иконографическому изводу. Наибольшее распространение в русской скульптуре получило поясное Его изображение. Такая трактовка образа Бога-отца распространена в многочисленных литых рельефных Распятиях и многих иконах и складнях XVIII-XIX веков¹⁶. Монументальные вырезанные из дерева полуфигуры Саваофа с распростертыми руками устанавливались в наверху иконостасов. Большей частью эта композиция была представлена в провинциальных храмах.

Одним из впечатляющих образов, исполненных в этом изводе является изображение Саваофа из Пермской художественной галереи, созданного резчиком Домниным в конце XVIII – начале XIX веков.¹⁷ Он представляет собой особый образ Саваофа – энергичного творца и Вседержителя. В руках Его атрибуты власти – скипетр и держава. Композиция подчеркнута геометрична. Тема треугольника повторена здесь многократно – фронтоны, сияние вокруг фигуры, обозначенные четкими линиями лучей, нимб, даже изгибы локтей. Весь образ проникнут силой и энергией, в отличие от многочисленной группы образов благословляющего Саваофа с раскинутыми руками и склоненной головой.

Особенностью этой скульптуры стало кардинальное изменение многократно повторенной в различных памятниках христианского мира XVIII века и устоявшейся к началу XIX века иконографии Ветхого Денми. Пермский Саваоф – не умудренный опытом седовласый старец, а молодой энергичный творец с античным профилем и чувственными приоткрытыми устами. Крупные каштановые пряди Его волос обрамляют тонкий абрис светлого лица, отразившего соединение классицистической линии и народного искусства, столь характерное для скульптуры российской провинции XIX века.

Анализируя иконографический состав данного сюжета в интерпретациях Восточного и Западного миров, можно отметить общность в прочтении основополагающих образов христианской культуры в целом. Несмотря на то, что истоки одних иконографических изводов лежат в византийской традиции, а другие берут свое начало в западном Средневековье, трудно усматривать в их свободном перетекании черты простой копийности или формального заимствования. Совпадение композиционных схем в трактовках образов Саваофа на Востоке и Западе стали результатом соединения множества аспектов. В их числе и то личностное переживание библейских текстов, благодаря которому жесткие рамки религиозной идеи оказываются подвижными и гибкими.

¹⁶ Крест напестольный. «Распятие Христово». Петербург. 1797 г. Серебро, чеканка, гравировка, золочение. ГЭ. (1000-летие русской художественной культуры: Каталог. – М., 1988. – № 343); Икона «Святые Зосима и Савватий Соловецкие». XVIII в. Кость, Резьба. МКСИ «Бурганов-Центр». (Бурганова М.А. Русская сакральная скульптура. – М., 2003. – С. 162. – илл. 71.)

¹⁷ Серебряников Н.Н. Пермская деревянная скульптура: Материалы предварительного изучения и опись. – Пермь, 1928. – С. 33.; Власова О.М., Лыгин В.Г. К вопросу об авторстве пермской деревянной скульптуры: Домнин Д.Т. // Древнерусская скульптура. – № 5. – Запад-Россия-Восток. – М., 2007.

В многообразии типов изображения Бога Отца можно усмотреть устойчивые элементы, сопряженные с символическим, аллегорическим и историческим направлениями в церковном искусстве. Специфические оттенки в композициях, посвященных образу Бога Отца, множественны. Благодаря этой вариативности, в *de facto* расширенных рамках канонических догматов в христианском искусстве возникает богатство иконографических изводов священных образов.

Современное иконописание несомненно находится в рамках канона и традиции. Но также необходимо отметить наряду с этими основополагающими понятиями такую важнейшую составляющую церковного искусства, какой является художественное творчество, всегда опирающееся на чувственное переживание; творчество, имеющее в своей основе эмоциональный импульс, созидание и поиск. Уникальным явлением, соединившим канон и чувство, стал священный образ, воплощенный художественными средствами и методами. То же можно сказать и о произведениях на церковную тематику, в которых отражено бережное отношение к традиции храмового искусства. Именно гармония между каноном и художественным творчеством становится залогом создания выдающегося сакрального образа или образа на библейскую тематику, в которых нет ни противоречия между каноном и чувством, ни противопоставления этих понятий друг другу, ни преобладания одного над другим.

ЛИТЕРАТУРА

1000-летие русской художественной культуры: Каталог. – М., 1988.

Бурганова М.А. Нидерландская гравюра и скульптура Троицкого собора Троице-Гledenского монастыря. Образ и прототип // Статья в сборнике трудов конференции «Архетип и универсалии в искусстве христианского мира от античности до современности: изобразительное и монументально-декоративное искусство, архитектура и предметно-пространственная среда». XXVI Международные Рождественские образовательные чтения: «Нравственные ценности и будущее человечества». 2018. Москва, 24–26 января 2018 года. М., 2018. С. 110–115

Бурганова М.А. Русская скульптура XVI–XIX вв. Великий Устюг. М., 2012

Бурганова М.А. Русская сакральная скульптура. – М., 2003

Бурганова М.А. Художественный образ русской церковной скульптуры // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2014. № 3. С. 39–49.

Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 гг. – М., 1893

Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: В 2 т. – СПб., 1914–1915

Россия, Православие, Культура / Каталог. – М., 2000

Серебрянников Н.Н. Пермская деревянная скульптура: Материалы предварительного изучения и опись. – Пермь, 1928

Языкова И.К. Богословие икон. – М., 1995

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. «Большой саркофаг» из Латеранского музея в Риме

Илл. 2. Рельеф храма Иоанна Предтечи монастыря Нораванк (Армения)

Илл. 3. Бернт Нотке. «Отечество». 1500. St.-Annen-Museum, Любек

Илл. 4. Бог Отец с телом Христа. Начало XVI в. Suermont-Ludwig-Museum, Аахен

Илл. 5. Бог Отец с телом Христа и Мария. Отечество. XV-XVI вв.
Suermont-Ludwig-Museum, Аахен

Илл. 6. Чудо Георгия о змие. Новгород, конец XV-XVI вв. Красная медь, литье. ЦМИАР

Илл. 7. Благоверные князья Борис и Глеб» XIX в. (по иконографии конца XV-начала XVI вв.)
Медный сплав, просечное литье. ЦМИАР

Илл. 8. Оклад иконы «Михаил Тверской». XVIII век. Серебро, чеканка, золочение.
Петербург. Т. Рокман. 1817 г. Государственный Эрмитаж

Илл. 9. Саваоф. 1776-1784 гг. Иконостас Троицкого собор Троице-Гледенского монастыря. Великий Устюг

Илл. 10. Домнин. Д.Т. «Саваоф». Конец XVIII – начало XIX вв. Пермская государственная художественная галерея

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СЕНСАЦИЯ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «НОВОМ» ИКОНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗОБРАЖЕНИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО*

Ю.Г. Епатко

Иконография основателя Санкт-Петербурга хорошо изучена. Опубликованы сотни статей о портретах Петра I – от изображений малолетнего царевича до картин И.-Г. Таннауэра и И.Н. Никитина, запечатлевших императора на смертном одре. Существуют специальные исследования по петровской иконографии А.А. Васильчикова, Ф.К. Фридебурга, В.В. Стасова (*Васильчиков*, 1872; *Фридебург*, 1872; *Стасов*, 1903). Д.А. Ровинский и А.В. Морозов описали и издали все известные им гравированные и литографированные портреты первого русского императора. (*Ровинский*, 1888. Т. 3: Стб. 1504 – 1736; *Морозов*, 1913. Т. 3: Стб. 845 – 931). Ни одна книга о петровской эпохе не обходится без воспроизведения портретов Петра I. Иногда кажется, что нам известны все изображения легендарного монарха. Поэтому заявленный в программе ежегодной научной конференции Государственного Эрмитажа «Петровское время в лицах – 2009» доклад П.А. Кротова «Портрет Петра I первой половины мая 1703 г.» (*Кротов*, 2009: 200-204) вызвал немалый интерес. Судя по заголовку, в научный оборот вводился неизвестный, точно датированный портрет Петра Великого.

«Портрет, о котором пойдёт речь, – пишет автор сообщения, – хранится в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук. Он имеется в одном из альбомов, в которые переплетены графика, рисунки, чертежи, рукописные карты, имевшиеся среди личных бумаг первого русского императора» (*Кротов*, 2009: 200).

Рисунок, выполненный пером на бумаге, опубликован П.А. Кротовым целиком и фрагментарно. Этот портрет Петра I, очерченный овалом, и стал главным предметом доклада. Рисунок, по мнению исследователя, представляет условное изображение дельты Невы с островами и восточной частью Финского залива. Вверху композиции изображён орёл, который когтями ухватил льва за гриву и тащит его на небеса. П.А. Кротов полагает, что это аллегория на первые победы России над Швецией. Внизу, в овале – портрет молодого Петра I в латах; с левого плеча спадает мантия, отороченная соболиным мехом и украшенная вышитыми двуглавыми орлами. Над верхней губой монарха тонкие, по моде петровского времени, усы, на голове – пышные, вьющиеся волосы.

* по материалам: Труды ГЭ. XIX. Петровское > время в лицах -2021. Материалы научной > конференции. СПб., 2021. С. 142-147

«Рисунок в целом остался незавершённым» (Кротов, 2009: 202), – констатирует исследователь, отмечая при этом, что портрет самого Петра I тем не менее можно считать законченным.

Далее исследователь устанавливает время исполнения овального изображения царя. «К какому времени относится портрет... заключить несложно, – полагает автор сообщения. – На островах дельты Невы ещё нет обозначения Санкт-Петербургской крепости! Острова в невом устье, согласно карте, пустынные. Портрет, можно полагать, был написан до дня закладки царем крепости на Заячьем острове – до 16 мая (ст.ст.) 1703 г. <...> Нижний рубеж, в котором попадает дата выполнения портрета Петра I, – это 1 мая того [же] года. В тот день россиянам сдалась шведская крепость Нюенсканс (нем. Ниеншанс)» (Кротов, 2009: 202). Период, во время которого был выполнен рисованный портрет, датируется исследователем первой половиной мая 1703 г.

«Кого можно предполагать автором портрета Петра I... и всего подготовительного рисунка к гравюре, призванной прославить возвращение Россией выхода к побережью восточной части Финского залива?» (Кротов, 2009: 204), – вопрошает П.А. Кротов, и приходит, как ему кажется к логическому выводу: учитывая, что в апреле 1703 г. Походная гравировальная мастерская в составе, которой находился П. Пикарт, совершила вместе с русской армией переход от Шлиссельбурга к Ниеншацу, то автором упомянутого рисунка исследователь называет П. Пикарта. По мнению, П.А. Кротова, в этом труде голландцу помогал не совсем искушенный в технике гравёр-ученик П. Бунин. Впрочем, после фамилии россиянина исследователь поставил знак вопроса. (Ил. 1)

Подводя итог, автор сообщения приходит к следующему выводу: «Имеющийся на рисунке поясной портрет 30-летнего монарха, выполненный на важном рубеже государственных реформ, занял свое место в иконографии Петра Великого» (Кротов, 2009: 204).

Атрибуционная и иконографическая работа, казалось, завершена. Однако при внимательном рассмотрении портрета Петра I, опубликованного в докладе П.А. Кротова, приходим к выводу, что это произведение очень похоже на известный портрет молодого Петра, выполненный в 1698 г. английским художником Годфри Неллером (Аллен, Дукельская, 1998: 16). История создания этого самого известного и тиражируемого изображения российского царя хорошо известна.

Вкратце напомним, что в середине января 1698 г. Петр добрался до Лондона, где был радушно принят английским королём Вильгельмом III. Король пожелал иметь портрет русского монарха и уговорил его позировать придворному художнику Годфри Неллеру, знаменитому портретисту конца XVII – начала XVIII вв. Г. Неллер запечатлел всю английскую и европейскую знать; ему позировали девять европейских монархов, включая Петра Великого.

Царь «Московии», которому в момент исполнения портрета было 25 лет, изображён в полный рост в рыцарских доспехах, с мантией, ниспадающей с плеч, подбитой горностаем и с вышитыми двуглавыми орлами на лицевой стороне. В правой руке – жезл полководца, слева на подставке – царская корона,

справа – оконный проем с видом на море и двухмачтовую яхту, подаренную английским королем Петру I.

А.А. Васильчиков в книге об иконографии Петра приводит любопытный эпизод из жизни российского царя, связанный с его портретом кисти Г. Неллера: «Известный путешественник Корнелис де Брюйн в январе 1702 г., в Москве, увидел в первый раз царя в доме голландского резидента Хульста. Узнав, Петра в толпе царедворцев, он обратился к нему с приветствием. «Царь, казалось, был этим удивлен, – повествует де Брюйн, – и спросил меня по-голландски: «Как Вы знаете, кто я и откуда Вы меня знаете?». Я отвечал, что видел портрет его у сэра Годфрея Неллера в Лондоне, и что портрет этот произвёл на меня глубокое впечатление, которое ничто не могло изгладить» (*Васильчиков, 1872: 43*).

Г. Неллер был предприимчивым художником и заботился о распространении своих творений. В его доме жил выдающийся гравер Джон Смит, который перевел в гравюры около 140 работ Г. Неллера. Дж. Смит и голландский гравёр Питер Шенк в том же 1698 г. с оригинала Г. Неллера выполнили погрудные гравированные изображения Петра I в латах и горностаевой мантии, концы которой соединены на груди пряжкой, украшенной драгоценными камнями¹. Густые, волнистые волосы обрамляют лицо молодого царя, над верхней губой – тонкие, чуть заметные, усы. Гравированные портреты заключены в овальные рамки, внизу овала на постаменте царская корона, скипетр, держава и сабля. Гравюры Дж. Смита и П. Шенка получили широкое распространение, их много копировали, в том числе и в России.

Портрет Петра I кисти Г. Неллера в середине XIX в. по заказу князя А.Б. Лобанова-Ростовского «точно» скопировал итальянский художник Энрико Белли. Копию Э. Белли князь подарил в Романовскую галерею Зимнего дворца (Галерея Дома Романовых, 1866: №16). Оригинал же Г. Неллера, как собственность Её Величества королевы Великобритании Елизаветы II, уже более трёхсот лет хранится в Кенсингтонском дворце в Лондоне, а копия Э. Белли находится в Государственном Эрмитаже.

А что же представляет собой рисованный портрет Петра I, представленный П.А. Кротовым как «поясной портрет 30-летнего монарха» и выполненный, по мнению исследователя, П. Пикартом в первую половину мая 1703 г.? И какое место он может занять в иконографии Петра I?

На наш взгляд, так называемый рисунок Питера Пикарта является слабой в художественном отношении копией с гравюры П. Шенка или, проще говоря, перерисовкой, которая объясняет недоумение П.А. Кротова – почему «рисунок в целом остался незавершённым, а... портрет же Петра I... тем не менее можно считать законченным» (*Кротов, 2009: С. 200*). Нам представляется, что неизвестный художник, вероятно, не очень даровитый, не справился с об-

¹ Гравюра Дж. Смита опубликована в издании: Государственная Третьяковская галерея. Британский совет. Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVIII – XIX век. М., 1997. С.17 (илл.). Гравюра П. Шенка опубликована в изд.: Морозов А.В. Там же. Стб. 847, № 8, илл. 320.

щей композицией рисунка, а перерисовать чужую работу – портрет Петра I – худо-бедно смог.

Определив рисованный портрет русского царя как работу П. Пикарта, автор сообщения после фамилии художника поставил спасительный знак вопроса. Но если сравнить рисунок с собственноручной гравюрой П. Пикарта «А.Д. Меншиков на коне на фоне сражения при Калише», выполненной с большим мастерством, то после фамилии «П. Пикарта», как предполагаемого автора рисованного портрета Петра I, нужно поставить десять вопросительных знаков.

Также вызывает сомнение предложенная П.А. Кротовым датировка рисунка «1–16 мая 1703 г.». На портрете отсутствуют знаки ордена Св. Андрея Первозванного, которым Петр был награжден 7 мая 1703 г. Будущий основатель Петербурга был шестым кавалером андреевского ордена, который он получил из рук первого кавалера Федора Алексеевича Головина (*Левин С.С.* 2003: 5, № 6). Петр был награжден за необыкновенный подвиг: два шведских военных корабля слишком близко подошли к берегу в устье Невы. Отряд солдат, которым командовал царь, находясь в чине бомбардир-капитана, взял корабли на abordаж... Небывалый случай, чтобы сухопутный отряд разоружил и пленил военных моряков!

П. Пикарт, находившийся в мае 1703 г. с гравировальной мастерской «вместе с ударными силами русской армии», не мог не знать о таком знаменательном событии. После 7 мая 1703 г. П. Пикарт и любой другой художник, находившийся в стане русских войск, нарисовал бы Петра I со знаками ордена Св. Андрея Первозванного.

У нас также нет уверенности, что рисунок выполнен на бумаге, произведенной до 1703 г. Автор доклада ничего не говорит о физическом состоянии бумаги, о наличии филигранных. То, что рисунок переплетен в одном томе с документами «Походной канцелярии монарха», не является свидетельством его аутентичности с другими датированными документами. В переплет могли попасть разновременные документы.

Определим вкратце наши итоги: портрет царя Петра I, опубликованный П.А. Кротовым, несомненно, является всего лишь копией неизвестного художника; возможно, П. Бунина, с гравюры П. Шенка, фрагментарно воспроизводящей портрет работы британского живописца Г. Неллера, выполненный в 1698 г. на берегах Темзы. Копийный же портрет Петра I иконографической ценности не имеет.

ЛИТЕРАТУРА

Аллен Б. Дукельская Л.А. (ред.) // С берегов Темзы на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже. СПб., 1997. С. 16 (илл.)

Васильчиков А.А. О портретах Петра Великого. М., 1872; Фридебург Ф.К. Портреты и другие изображения Петра Великого. СПб., 1872; Стасов В.В. Галерея Петра Великого в Императорской публичной библиотеке. СПб., 1903.

Галерея Дома Романовых. Портреты в фотографиях по оригиналам Императорского Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1866. № 16.

Государственная Третьяковская галерея. Британский совет. Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVIII – XIX век. М., 1997. С.17, 320 (илл.).

Кротов П.А. Портрет Петра I первой половины мая 1703 года // Труды Государственного Эрмитажа. XLVII. Петровское время в лицах – 2009: Материалы научной конференции к 300-летию Полтавской победы (1709 – 2009). СПб., 2009. С. 200 – 204.

Левин С.С. Орден Святого Апостола Андрея Первозванного (1699 – 1917). Орден святой Великомученицы Екатерины (1714 – 1917): Списки кавалеров и кавалерственных дам. М., 2003. С. 5, № 6: 1703. 05. 07. Император Петр I Алексеевич».

Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 3. М., 1913. Стб. 845-931.

Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 3. СПб., 1888. Стб. 1504-1736.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Фрагмент портрета Петра I. Копия П. Пикарта (?) с гравюры П. Шенка 1698 г.
ОР БАН. F 266. Т. 3. Л. 106.

Илл. 2. П. Шенк. Пётр I. 1698. С оригинала Г. Неллера (1698). Гравюра резцом.
Из иконографического архива Ю.Г. Епатко.

Илл. 3. Э. Белли. Портрет Петра I. XIX в. Копия с оригинала Г. Неллера. Холст, масло.
Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-3295.

«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ФАРФОР». К ВОПРОСУ ОБ ОТПРАВЛЕНИИ РУССКОГО ФАРФОРА В 1793 г. В ОТТОМАНСКУЮ ПОРТУ С ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ И ПОЛНОМОЧНЫМ ПОСЛОМ М.И. ГОЛЕНИЩЕВЫМ-КУТУЗОВЫМ

А.В. Троцинская

Одним из интереснейших вопросов бытования фарфора в XVIII столетии является его роль в «дипломатии подарков» того времени. Хорошо известны примеры поступления в Россию фарфоровых представительских даров, как в виде отдельных драгоценных предметов, так и целых сервизов, среди которых можно выделить «Сервиз с российским гербом» (Мейсен, 1727), «Андреевский сервиз» (Мейсен, 1744–1745), «Венский с гербом» (Вена, 1730–1735), знаменитый «Десерт» прусского короля Фридриха II (Берлин, 1772–1774) и многие другие выдающиеся произведения (См.: Казакевич, 2003: 26–168; Ляхова, 2007: 29–35; Meissen for the Czars, 2004).

Отправление фарфора из России, в особенности на Ближний и Средний Восток, относится по-прежнему к малоизученным аспектам дипломатических контактов. К ним принадлежит и история, связанная с посылкой русского фарфора в Османскую Порту в 1793 г. вместе с торжественным посольством во главе с Михаилом Илларионовичем Голенищевым-Кутузовым (1745–1813)¹. Посольство было вызвано важным для России мирным договором, заключенным 29 декабря 1791 г. в Яссах. Он подводил итог в очередной русско-турецкой войне и окончательно закреплял российские позиции в Крыму и на Черном море.

Благодаря изысканиям в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, а также работе в хранилище драгоценностей дворца Топкапы (Стамбул, Турция) нами был выявлен практически весь комплекс материалов, отражающий основные обстоятельства и детали размена торжественными посольствами России и Османской Порты в 1793–1794 гг., и появилась возможность

¹ Впервые на несколько документов из РГИА, связанных с подготовкой и отправлением русского фарфора в Османскую Порту, обратила внимание Н.В. Сиповская. В своей книге «Фарфор в России XVIII века» она упомянула два счета «отправленным с фарфорового казенного завода... вещам для Турецкого посольства...», на основании которых исследовательница заключила, что они предназначались султану в качестве «грандиозного подарка» (Сиповская, 2008: 190–191). Однако более детальное исследование этого интересного события показало, что каждый список с фарфором имел свое особое назначение. Более многочисленный по составу фарфоровый груз был отправлен вовсе не для подарка, а для совсем иных целей.

прояснить основные подробности как «фарфорового подарка», так и этого знаменательного события в целом.

К подготовке торжественного посольства в Константинополь или Царьград, как по традиции называли Стамбул в России, отнеслись со всей серьезностью. Были разосланы многочисленные распоряжения, собраны справки, как о самом церемониале, так и обо всех деталях предыдущего размена торжественными посольствами 1775 г. (по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мира 10 июля 1774 г.), который и был взят за образец. Тогда в Порту был отправлен чрезвычайным и полномочным послом князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801). Его подробные реляции и протокол приемов, да и весь церемониал в целом, были взяты за основу намечавшегося события.

Подготовка и сборы продолжалась около года. Первым был отослан собственноручный указ Екатерины II Коллегии Иностранных дел от 23 февраля 1792 года, по которому послом назначался генерал-поручик Александр Николаевич Самойлов (1744–1814). В том же указе, в частности, отмечалось: «Что же касается до церкви с ризами и книгами, до аптеки со всеми ее принадлежностями, до карет парадных с шорами и лошадьми цуговыми, дорожных экипажей, палаток, сервизов, белья столового, погреба, и до всех прочих надобностей к сему посольству относящихся, равно как и до вещей на подарки от двора назначаемых, все оное сообразно прежнему примеру силою сего указа Нашего требовать от тех мест, откуда, что в последнее Константинопольское Посольство отпущено было; и по приуготовлении и снабдении всем нужным подать нам рапорт с приложением всему тому подробных росписей²» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 776: 190–101).

Но уже осенью, 26 октября 1792 г., произошла замена – по высочайшему указу императрицы чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь был определен генерал-поручик Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Намеченного же первоначально к посольству А.Н. Самойлова Екатерина II поставила исполняющим обязанности генерал-прокурора Александра Алексеевича Вяземского (1727–1793). Этот шаг был вызван серьезной болезнью верного помощника императрицы (ее «ученика», как она называла князя), ведь он один на протяжении почти двадцати лет совмещал сразу несколько должностей: генерал-прокурора, государственного казначея, и в том числе – директора императорских стекольного и фарфорового заводов. Интересная подробность отмечена в дневнике статс-секретаря Екатерины II Александра Васильевича Храповицкого, который записал 19 июля 1792 г. об очередной просьбе Вяземского об отставке. Императрица ответила, «что скоро кончат сие дело и теперь занимаются выбором людей к разным его должностям» (*Храповицкий*, 2008: 225). Она еще в апреле подобрала несколько кандидатур, но не спешила с окончательным решением. Наконец, 17 сентября 1792 г., видимо смирившись с неизбежностью и с фактом того, что князь неизлечимо болен, Екатерина II подписала указ о его отставке «со всеми жалованьями, ежегодно им получае-

² Здесь и далее при цитировании сохранена орфография оригинала.

мыми», определив править его должность «на краткое время Самойлову, ему же ведать и Тайную», ассигнационный банк и казначейские экспедиции остались без назначения, а управление императорскими стекольным и фарфоровым заводами было передано князю Николаю Борисовичу Юсупову (1750–1831) (Там же: 228).

Спустя почти месяц, 13 ноября 1792 г. Коллегия Иностранных дел, собрав и изучив все необходимые справки по прошлым посольствам, предоставила императрице «всеподданнейший доклад», в котором в частности предлагалось: «Столовый серебряный сервиз заимствован быть может частью из принадлежащего Константинопольской миссии и пожалованного ей по случаю отправления в 1781 году министра Булгакова, но по весьма малому числу в нем нужных вещей надлежит дополнить оный прикупкою недостающих так, чтоб он мог достаточен быть для угощения во время больших посольских обедов хотя восьмидесяти человек; или же в отвращение сей издержки из казны Вашего Императорского Величества повелеть соизволить отпустить новый полный сервиз от двора Вашего Величества, с тем, чтоб доставить его туда обратно по возвращении посла, [...] что же касается до десерта, поваренной и стеклянной посуды, фарфора и погреба, то доставить оные натурою или же, если угодно будет и деньгами по примеру посла князя Репнина, которому по имянному Вашего Императорского Величества указу, данному коллегиею 13 марта 1775 года повелено отпустить тогда на покупку белья и прочей посуды 10 000 рублей из субсидных денег» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 776: 197–198). О посылке фарфора при прошлом посольстве в коллегии выяснили (с приложением справок), что в 1775 г. А.Н. Репнину были выданы от Придворной конторы «Сервиз серебряной, десерт, поваренная посуда, фарфор, стеклянная посуда и погреб...» (Там же: 78 об.). Так же для образца императрице был предоставлен «Генеральный реестр всех вещей, принятых послом Князем Репниным для подарков у турецкого Двора и на пути во время его Посольства...», в котором в первой графе, наряду с алмазными и другими драгоценными вещами, упоминался «Сервиз кофейной фарфоровой Петербургской фабрики с позолоченным подносом» (Там же: 84).

Окончательное решение Екатерины II выразил высочайший указ от 17 декабря 1792 г., в котором говорилось: «Что касается до сервизу и протчаго фарфора, оный отпущен быть должен из нашей фарфоровой фабрики, стеклянная посуда из нашего стеклянного завода, алмазные вещи, мехи и протчее от Кабинета Нашего... по примеру как то во время Посольства прежняго учинено было» (Там же: 226, 230).

Сохранился чрезвычайно интересный недатированный документ, который также проясняет некоторые подробности подготовки торжественного посольства в Константинополь. Он содержит многочисленные распоряжения «От Ея Императорского Величества назначенные», и в частности то, что «Сервиз серебряный дать бы можно из Киева наместнической, к которому прибавкою послужит Цареградской миссии, или же нет ли в Кабинете?» Что касается фарфора, то предложен «...Десертный сервиз фабрики Петербургской, буде есть

хороший в придворной канторе. Помнится, что князем Вяземским был один представлен и с разными декарациями...» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 2287: 241).

Как уже упоминалось, князь Александр Алексеевич Вяземский, будучи генерал-прокурором, одновременно, с 1773 по 1792 г. являлся управляющим Императорским фарфоровым заводом, правда, по состоянию здоровья (его разбил паралич) он фактически удалился от дел в 1789 г. За время своего директорства он много сделал для развития отечественного фарфорового производства: организовал более эффективную работу завода, повысил художественный уровень изделий, тесно сотрудничал с Академией Художеств и пригласил из-за границы талантливого скульптора Жака-Доминика Рашетта (1744–1809), возглавившего с 1779 г. его модельную мастерскую (Императорский фарфоровый завод, 2008: 79, 84–85). Одной из самых больших удач того периода стало создание в 1784 году знаменитого Арабескового сервиза, отличавшегося не только новыми формами и замечательной орнаментальной росписью, но и великолепным «программным» настольным украшением, ставшим классическим образцом русской фарфоровой пластики той эпохи: «Сей столовый прибор составлен и исполнен по данной от его сиятельства князя Александра Алексеевича Вяземского идее³, модельным мастером Рашеттом и опробован Императорской Академией Художеств, которого главное намерение состояло в том, дабы исполняя полученную от его сиятельства идею, представить в честь ее величества разные в колоссальном роде монументы, для предания различных потомству эпох, приключившихся в царствование Всеавгустейшей Монархини...» (Императорский фарфоровый завод, 2008: 94). 23 сентября 1784 г., на следующий день после торжеств по случаю двадцатилетия коронаования, Екатерина II со всей августейшей фамилией в Зимнем дворце «изволила смотреть сделанный на здешних Санкт-Петербургских фарфоровых заводах, на 60 персон, фарфоровый столовый сервиз» (Камер-фурьерский церемониальный журнал 1784 г., 1884: 487). По-видимому, именно о нем вспомнила императрица в начале 1793 г., когда говорила о сервизе «с разными декарациями», представленном ей когда-то князем Вяземским⁴.

Между тем подготовка посольства шла своим ходом. К 14 февраля 1793 г. относится распоряжение Коллегии Иностранных дел: «Послать в Придворную конюшенную кантору промеморию, а к директору фарфоровой фабрики и стеклянного завода князю Юсупову сообщение следующего содержания. Имянным Ея Императорскаго Величества высочайшим указом за собственноручным Ея Величества подписанием данным сей коллегии 17 го декабря прошлаго 1792 года назначен к Порте Оттоманской чрезвычайным и полномочным послом генерал-порутчик и кавалер Михайла Ларионович Голенищев-Кутузов и

³ В настоящее время известно, что «программа» Арабескового фарфорового ансамбля создавалась при участии архитектора и поэта Николая Александровича Львова (1751–1793).

⁴ Уточнить время недатированного документа с распоряжениями императрицы нам позволила одна подробность. В нем в частности пишется: «Стеклянную посуду дать из фабрики покойного князя...» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 2287: 241). Из чего можно заключить, что эти указания относятся ко времени после кончины А.А. Вяземского, последовавшей 8 января 1793 г.

между прочим повелено, [...] чтоб фарфор из фарфоровой Ея Императорского Величества фабрики, а стеклянная посуда из стеклянного Ея Величества завода отпущены были и во исполнение онаго высочайшего повеления Коллегия Иностранных дел сообщает о сем Вашему Сиятельству, дабы благоволили по требованию помянутого господина посла приказать отпустить оные и о том Коллегию уведомить» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 776: 250 об.). В тот же день из Государственной Коллегии Иностранных дел был препровожден пакет «к его сиятельству господину тайному советнику и кавалеру князю Николаю Борисовичу Юсупову, коего в приеме благоволено было под сим подписать 14-го февраля 1793 года» (Там же: 248).

Все основные приготовления к выезду в Константинополь, в частности прием послом предметов для официальных подарков турецкому султану и всех необходимых вещей для русской миссии в целом, проходили именно в феврале 1793 г.⁵ Послу были вручены две «Грамоты от Ее Императорского Величества к Султану Турецкому», писанные на александрийских больших листах с золотыми заставками, «называемых цесарских», собственноручно подписанные императрицей. Одна из грамот, запечатанная государственной большой печатью «под кустодию бумажною фигурною на красном воску», была вложена в золотой газетовый мешок, обшитый серебряным шнурком. Она была адресована «его султанскому величеству» в больших титулах: «Преизрядных Салтанов великому и почтеннейшему, Королей лепотнейшему, Мекскому и Мединскому и Защитителю святого Иеросалима, Королю и Императору пространнейших Провинций, поселенных в странах Еропейских и Ассийских и на Белом (так тогда называлось Средиземное. – А.Т.) и на Черном море, Светлейшему и Державнейшему и Величайшему Императору, Салтану сыну Салтанову и Королю и сыну Королей, Салтану Селиму Хану, сыну Салтана Мустафы Хана» (Там же: л. 338).

Помимо приготовления верительных грамот, хронология февральских сборов была следующая. 6 февраля М.И. Голенищев-Кутузов расписался в получении со Стеклянного завода ординарной и хрустальной позолоченной посуды, «под филейные доски плато», а также оконных и зеркальных стекол

⁵ Известно, что почти одновременно, 18 февраля 1793 г., Екатерина II повелела изготовить сервиз для главы Коллегии Иностранных дел графа Александра Андреевича Безбородко (1747–1799), о котором тот упоминает в письме от 9 июня 1793 г. к князю Юсупову. В нем шла речь о начале работы над «богатым столовым и десертным сервизом с бисквитами и кофейными приборами, по примеру того, какой в прошлом 1784 году подносим был Ея Императорскому Величеству» (РГИА, ф. 468, оп. 37, д. 64: 11). Подарок императрицы канцлеру А.А. Безбородко был приурочен к удачному заключению мира в Яссах и с надеждой на благоприятное завершение размена русско-турецкими посольствами в России. Этот роскошный сервиз с видами Рима и его окрестностей в круглых медальонах и цветочными бордюрами на золотом фоне изготавливался в течение нескольких лет (первый счет был выставлен Императорским фарфоровым заводом 16 августа 1794 г.) Впоследствии, аналогичный ансамбль был выполнен для императора Павла I. После смерти первых владельцев оба комплекта хранились в Кабинете Императорского двора, отчего и появилось общепринятое сейчас название – «Кабинетский сервиз» (См. Кудрявцева, 2003: 57). Эти факты интересны для нас в особенности тем, что заказ сервиза для графа А.А. Безбородко практически совпал с изготовлением всего фарфора для приема и отправления русско-турецких делегаций, в том числе – подарков для турецкого посла Рассых Мустафы Паши, что говорит о высоком техническом и художественном уровне и огромном потенциале, которыми обладал Императорский фарфоровый завод в то время.

(РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3908: 127–128). 12 февраля у княгини Елены Никитичны Вяземской (вдовы генерал-прокурора А.А. Вяземского) из сумм Кабинета был приобретен столовый серебряный сервиз «для Константинопольского посольства» за 11597 рублей 96 копеек (РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 4027: 87)⁶, таким образом, первоначальное предложение использовать Киевский наместнический серебряный комплект отпало.

Наряду со стеклянной посудой, князь Николай Борисович Юсупов предоставил для торжественного константинопольского посольства и фарфор, счета за который были выставлены Кабинету в том же феврале 1793 г. По-видимому, существовало какое-то устное распоряжение императрицы от 7 февраля об оплате одного из счетов, так как 20 февраля князь напомнил управляющему Кабинетом о ее «всевысочайшем указе» заплатить 3934 рубля по «счету за сделанные в фарфоровом заводе для турецкого посольства вещи» (Там же: 72). Об оплате же второго счета за стеклянную и фарфоровую посуду на более значительную сумму 17087 рублей 36 копеек (деньги за которые следовало получить не из Кабинета, а «от посольства»), собственноручное повеление императрицы последовало только 8 июня 1793 г. (РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3908: 126). По-видимому, специально выделенной суммы для сборов полномочного посла не хватило, и фарфор был оплачен позже из казны.

Рассматривая последний пространный «Щет отправленным с фарфорового казенного завода нижеписанным вещам для Турецкого посольства...» (Там же: 129–131 об.), трудно сделать вывод о «грандиозном подарке» турецкому султану (по заключению Н.В. Сиповской). Даже при беглом знакомстве с перечнем фарфоровых изделий, возникало много вопросов, выраставших в проблему. В первую очередь, вызывало большое сомнение отправление султану настольного украшения, отдельные предметы которого представляли собой колонны и обелиски с «военной арматурой» (трофеями), символизировавшими военную мощь России на море и на суше – это было неуместным напоминанием о проигранной турками войне. Как и включение в «сюрту-де-табль» аллегорических композиций, посвященных отвоеванным у Порты Грузии и Крыму, или скульптурных аллегорий, недвусмысленно говоривших о триумфе русской императрицы. Вдобавок многие из этих фигур представляли собой недопустимые у правоверных мусульман изображения людей, точнее, полуобнаженных женщин в античных туниках, а также путти, купидонов и т. д.

Очень существенным представлялось и то, что в XVIII в. культура османского стола, как и его сервировка, совершенно отличалась от европейской. Так, в султанском серале вообще не использовали многопредметные столовые сервизы вплоть до второй половины XIX века, когда официальная резиденция была перенесена из Топкапы в новый дворец Долмабахче, оформленный и обо-

⁶ Из заметок статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого можно заключить, что княгиня Е.Н. Вяземская после смерти супруга очень нуждалась в средствах, даже собиралась продать свой дом в Санкт-Петербурге и имение в Александровском. Продажа серебряного сервиза могла выручить ее из трудной ситуации, как и сдача ее дома, располагавшегося на Невском проспекте (на месте Пассажа?), в аренду в тот же год, летом Коллегии Иностранных дел для приема турецкого посла Рассых Мустафы Паши (См. Храповицкий, 2008: 238; АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 2287: 29–39, 49, 51–52).

рудованный в современном европейском стиле. На живописных миниатюрах из собрания дворца Топкапы хорошо видно, как подавалась и употреблялась за традиционным османским столом еда – все присутствующие сидят на коврах на полу или на низких возвышениях (в России их называли «полками», затем они трансформировались в «диваны»), а в центре, также на полу, стоит огромное общее блюдо или несколько блюд и подносов, из которых гости берут угощение (Yerasimos, 2007: 36, 41). Султан всегда обедал отдельно и никто не мог брать пищу из его блюда или подноса. Не было в обычае у турок и употреблять во время общей трапезы вино (оно запрещено мусульманской религией), поэтому две фигуры Бахуса, упоминающиеся в счете в числе фигур настольного украшения, оказались бы непонятны и неуместны не только за официальным обедом, но даже в султанской сокровищнице, где по обычаю хранился и драгоценный фарфор.

Известно, что Екатерина II была очень деликатна и щепетильна в дипломатических вопросах. Например, в 1775 году перед первым торжественным турецким посольством по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мира она собственноручно написала генерал-прокурору А.А. Вяземскому повеление «чтоб из речи вычернить все слова уничижительные для Порты» (РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 464: 15 об.) Что уж говорить о роскошном фарфоровом подарке, в котором не должно было быть никаких намеков об унижении для Турции мире и поражении в недавно закончившейся войне. В проекте секретного рескрипта к послу Голенищеву-Кутузову Екатерина II прямо указывала: «Намерение Наше конечно есть искреннее сохранить мир и доброе согласие с Портою, нужные для отдохновения по толиких трудах и беспокойствах Империию Нашею понесенных и полезные для разпространения торговли, и приведения в цветущее состояние различных населений и заведений Наших; а по сему быв весьма от того отдалены, чтоб вызывать Порту на брань, инаго от нея не требуем, как точнаго исполнения поставленных между нами соседственных и торговых условий, при чистосердечном с ея стороны попечении отвращать все, что тишину и безопасность границ Наших колебать может...» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 776: 301–302).

В довершение ситуацию осложнило и то, что русский фарфор XVIII в. не был обнаружен в хранилище крупнейшего музея Стамбула, дворце турецких султанов Топкапы (его собрание фарфора в целом считается одним из самых значительных в мире); об этом «грандиозном подарке» ничего не известно турецким исследователям, в отличие от фарфора, преподнесенного русским императором Николаем I султану Махмуду II уже в XIX столетии (несколько ваз, отдельные предметы, а также один из сервизов николаевской эпохи почти в полном составе хранятся и ныне в фондах дворца) (Туфан, 2010: 249–254).

Фарфора нет и в списке официальных русских подарков – «Росписи алмазным, золотым и серебряным вещам на подание султану и на дачу визирю и другим двора турецкаго чинам и на протчие чрезвычайные расходы посылаемым в Константинополь с послом генералом-порутчиком Голенищевым-Кутузовым» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 776: 382–389). Принимая во внимание этот

внушительный список даров, хочется отметить, что стоимость большого фарфорового сервиза (например, его столовой части), состоявшего из 302 предметов на сумму 1879 рублей, не выдерживает сопоставления с ценой любого предмета из упоминаемых в «Росписи». Так, один «кинжал в золотых ножнах осыпанный бриллиантами изумрудами и яхонтами» оценивался в десять раз дороже – в 19280 рублей, а, кольцо с бриллиантами, которых было около пятидесяти в списке – в 1000 рублей, табакерка в среднем – от 2500 до 6000 рублей. Только лисьих мехов было послано в Константинополь на 100 900 рублей (причем один мех был оценен в баснословную сумму 65 000 руб.) Становится очевидным, что «самый крупный из сервизов XVIII века», полная стоимость которого, включая столовую и десертную части, а также «филейный прибор» (3654 предмета) составляла 8776 рублей 14 копеек явно уступал в цене остальным подаркам.

О художественных особенностях русского фарфора и его декоре по обнаруженным документам судить очень трудно. Счета не содержат никаких подробностей, что, безусловно, осложнило поиски аналогов. Упоминаются только названия форм предметов: «терины с блюдами», соусники, салатники, «подливальники» овальные, тарелки мелкие и глубокие, «рюмошницы», «бутылошники», а также блюда овальные и круглые разных сортов и «рагощеты» (РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3908: 129–129 об.) О последних хотя бы можно сказать то, что в их оформлении использовался рельеф «озье» или так называемая «живая плетенка». Часть перечисленных предметов была трех сортов (1-го, 2-го и 3-го), что соответственно отражалось на их стоимости.

Та же ситуация характеризует и фарфоровый «десертный прибор». В его состав без упоминания «особых примет» входили «корзины круглые и овальные с лотками» и «овальные большие на поддонах»; «рюмошницы овальные», «бутылошники ликерные», мороженицы «большие в 3-х штуках», чашечки для мороженого, «сахарницы для мелкого сахару с лотками» и сахарницы круглые; масленки, компотьеры, «раковины» и «листы канфетные», а также тарелки «десертные», глубокие и прорезные, и «черешки ножевые и вилошные» с ложками (Там же: 129 об.–130).

Помимо записанной в отдельную графу многочисленной скульптурной пластики, столовую часть сервиза дополнял один «купидон бюсквитовой со птичкою» и к нему дорогой пьедестал «крыт кобальтом, украшен золотом», который, что любопытно, оказался почти в два с половиной раза дороже самой фигуры.

Безусловно, очень хотелось соотнести «константинопольский» фарфор с каким-нибудь из известных сервизов, например Арабесковым или Яхтинским, ведь название и состав их форм в счетах очень сходны. Вселял надежду и намек императрицы на некий известный ей сервиз «с разными декарациями», представленный ей когда-то князем Вяземским (скорее всего, она имела в виду именно Арабесковый ансамбль). Однако денежные затраты по счетам на «константинопольский» фарфор были довольно скромны. Стоимость предметов Арабескового сервиза нам пока не известна, но можно сравнить «кон-

стантинопольский» фарфор с заказанным в феврале 1793 г. «богатым столовым сервизом» для графа А.А. Безбородко. Если тарелка и блюдо «константинопольского» фарфора обошлись в 2 рубля и 18 рублей 50 копеек, то второго соответственно – в 16 рублей и 51 рубль и т. д., то есть значительно дороже (Императорский фарфоровый завод, 2008: 751). Таким образом, несмотря на заманчивость этого предположения, в Царьград отправился, скорее всего, относительно недорогой столовый фарфор из разряда «ординарного» – с цветочными полихромными букетами, ассиметрично разбросанными по поверхности (Там же: 751–759).

Чайно-кофейная часть десерта отличалась большим разнообразием и качеством декора. Сюда входили разных видов чашки: чайные (20 дюж. по 15 руб.), «шеколадовые» (10 дюж. по 18 руб. и 4 пары по 2 руб. 50 коп.), «писанные борты красками» (3 ½ дюж. по 6 руб.), «писанные ландшафтами» (1 ½ дюж. по 8 руб.), «писанные фигурами» (две пары по 5 руб.). Здесь же упоминались 24 стакана, 24 «кафейника», 35 чайников, 35 «молошников» по разной цене и 12 сахарниц (РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3908: 130–130 об.).

Особый интерес вызывает «филейный прибор» с «бюсквитовыми» и «глазурными» фигурами. Из бисквитных наиболее замечательны уже упоминавшиеся выше «Колон с военной арматурой» и «Абелиск с военной же арматурой» – это известные скульптурные композиции 1791 г. Ж.-Д. Рашетта «Сожжение турецкого флота» и «Взятие Очакова» (Ил. 1), хранящиеся ныне в Государственном Русском музее. В Турцию также было послано 896 «цветов бюсквитовых» и несколько ваз: «с двумя купидонами» (156 руб.), пара «вазиков небольших на верху у одного огонь, а на другом цветы» (по 39 руб.), пара «с пеликанами» (по 117 руб.), «с четырьмя головками» (78 руб.), «со змеями и медалионами» (117 руб.), пара «с бараньими головами и гирляндами» (по 78 руб.). Все перечисленные вазы отнесены к «бюсквитовым вещам», как и две фигуры Бахусов (по 20 руб.) и композиция «мать с детьми» (150 руб.). В отдельную третью графу «одинаких фигур» входили: «Правосудие и Воспитание» (две по 33 руб.), «русских и немецких» (двадцать по 4 руб.), «купидонов» (двадцать четыре по 3 руб.), по восемь фигур «изображающих годовое время» и «чувства» (все по 5 руб.), а также большое количество «вазиков» и «вазов». Среди первых: «разных небольших» (пятьдесят два по 2 руб. 50 коп.), по одному «со цветами» (20 руб.) и «небольшой с гирляндами» (12 руб.), а также отдельно два «ваза больших с крышками и поддонками» (по 40 руб.).

В составе настольного украшения (так называемой «филейной части») без сомнения угадываются все скульптуры Арабескового сервиза, за исключением центрального монумента с фигурой императрицы (полный комплект ныне хранится в ГРМ (См. Жак-Доминик Рашетт, 1999)). Прежде всего, это композиции «Крым, или Таврис, под державою Екатерины II» и «Грузия под покровительством России» (в списке – две группы «Грузия» и «Крым», Ил. 2); парные фигуры «Правление» и «Великодушие» (записаны как пара под одним названием «Правление»), «Человеколюбие» и «Справедливость» (в списке – «Воспитание» и «Правосудие»), а также «Морская сила» и «Военная (сухопутная) сила»

(в списке – четыре скульптуры «трофеев военных», **Ил. 3**). Заметны некоторые разночтения в названиях, но, они на наш взгляд, были допустимы при составлении счетов. В последний комплект из четырех фигур, представляющих собой композиции из военных трофеев, могли входить, помимо двух роскошных «арабесковых», и другие отдельные скульптурные военные атрибуты. Известны, например, полихромные фарфоровые композиции со знаменами, оружием и барабанами из Государственного Эрмитажа и частных собраний (Геральдика на русском фарфоре, 2008: 66–67). Все они числились в составе глазурованных вещей, как и еще несколько групп: две «Памоны в 3-х фигурах» (по 40 руб.), «в 3-х фигурах Лето с рожью» (45 руб.), «в 2-х фигурах с виноградом Осень» (25 руб), четыре «с купидонами, из них 2 на барабах и 2 на козлах» (по 10 руб.) и одна скульптура «Бочар» (15 руб.).

В счете есть еще одна интересная подробность: дополнительно включены расходы «за украшение цветами бюсквитовых вазов и за чистку бюсквита», что говорит о том, что в Константинополь могли послать не новые и запыленные предметы. Можно допустить, что часть моделей была подготовлена из имеющихся в то времена на заводе. Вряд ли тогда могла идти речь о каком либо специальном проекте, трудоемком и сложном, на выполнение которого было предоставлено всего около пяти месяцев. Но новые работы на Императорском заводе продолжали исполнять, откликаясь на все значимые события. Это и композиция Ж.-Д. Рашетта на смерть князя А.А. Вяземского (1793; ГМК «Кусково»), и его же группа «Ясский мир», выполненная скульптором по случаю заключения в 1791 г. мирного договора с Турцией (ГЭ). Интересно, что последняя модель, как и венчающий сюрту-де-табль Арабескового сервиза монумент с фигурой императрицы Екатерины II, судя по перечню скульптур в счетах, не были отправлены с М.И. Голенищевым-Кутузовым в Константинополь, в чем, возможно, проявилась особая деликатность Екатерины II по отношению к османам. Императрица сознательно могла не послать в Порту свои «триумфальные» изображения (за исключением, конечно, живописного парадного портрета, украшавшего «тронную» комнату дома Константинопольской миссии), чтобы лишний раз не акцентировать внимание на своей персоне и не травмировать политических противников. Это, конечно, предположение, но несомненно одно – документальный «реестр» со столь многочисленной фарфоровой пластикой очень интересен, ведь многие из упоминавшихся скульптур на сегодняшний день не известны специалистам и вероятно утрачены.

Как уже было отмечено, первоначальное заключение о назначении этого огромного фарфорового комплекта, как о подарке, оказалось ошибочным. Это не укладывалось в общую канву всей ситуации: русский фарфор не вписывался ни в османскую традиционную культуру, ни в сложную политическую игру двух империй, ни даже в современное положение дел (очень странным выглядело бы отсутствие столь большого по составу «дипломатического подарка» в султанской сокровищнице, разве что восточный владыка разбил его от негодования «в сердцах»?) Но если это первоначальное предположение отпадало, тогда, возможно, цель отправления этого фарфора была совсем иной.

Так для чего же был послан огромный фарфоровый груз (со столовой, десертной и филейной частями) вместе, напомним, с серебряным сервизом и хрусталем? Ответ напрашивался сам собой – для русских приемов в доме нашей миссии в Царьграде и в загородной посольской резиденции в Буюкдере – они бывали очень многолюдными, только официальные обеды собирали до 80 человек, а ужины и того больше.

Русская миссия (с 1867 г. – посольство) располагалась в очень живописном месте Константинополя, в Пере – европейской части современного Стамбула, откуда открывался прекрасный вид на азиатскую часть города – на бухту Золотой Рог, дворец султана Топкапы, на Святую Софию (Ая-Софию), Голубую мечеть (Гёк-джами) и Сулеймание. М.И. Голенищев-Кутузов так описывал свои первые впечатления от увиденного: «Константинополь вот что: видя турецкие города, между прочим и Адрианополь, подумаешь иметь воображение об Константинополе; но ошибешься. Здесь строят, особливо в Фанаре и Пере (районы Стамбула. – А.Т.), так мудро и смешно, что превосходит воображение. Улицы шириною с лосолев кабинет. Дома превысокие, множество окон, и балконы сходятся в верхних этажах вместе. Над моим домом есть бельведер. Взойдешь на него и увидишь все положение Константинополя: сераль, гавань превеликая, покрытая беспрестанно судами и лодками, которых, конечно, во всякое время глазом увидишь тысячу, Константинополь с прекрасной Софией, Сулимание, Фанари, Галата, Пера, прекрасной пролив Константинопольской, называемой древними Босфор Фракийской; за ним предместье Скутари в Азии; в нем 200 000 жителей; море Мармара, острова Княжия, мыс Калцыдонской, гора Олимп, la tour de Leandre (башня Леандра (фр.). – А.Т.) и множество других мест, – все это видно вокруг. Сии чудеса увидя, не рассмеешься, а заплачешь от чувства нежности» (Кутузов, 1989: 40).

Растроганность и даже восторг от Константинополя, которые охватывали тогда и охватывают сейчас многих наших соотечественников, возможно, объясняются неким глубоким внутренним родством русских с древним византийским городом. Приезжая в Царьград, как будто попадаешь в давно знакомые, родные места. Русская история тесно переплетена с восточной столицей, ее святынями, еще со времен первых походов Аскольда и Дира, со времен «щита на вратах Цареграда» князя Олега, и эпохи обретения новой, христианской веры князем Владимиром, послы которого говорили по возвращении на Русь (побывав по легенде на богослужении в Святой Софии): «и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая...» (Повесть временных лет, 1983: 60).

Странными и удивительными нам кажутся сегодня впечатления и от Москвы, которые иностранные путешественники и дипломаты XVIII в., со своим «взглядом со стороны», находили совершенно очевидным. Приезжая в древнюю российскую столицу они сравнивали ее именно с ...Константинополем. Так, испано-американский подданный Франсиско де Миранда писал 11 мая 1787 г.: «Наконец, продолжив путь по разбитой и тряской дороге, впрочем, уже не такой скверной, как прежний тракт, мы увидели вдаль Москву, огромный

город – 32 версты – на возвышенности с дворцами, садами и бедными лачугами, все вперемешку, что придает ему некоторое сходство с Константинополем» (Миранда, 2001: 165). Старый Гостиный двор «с галереей и комнатами в глубине для приезжих торговцев» тоже поразительно напомнил ему турецкий: «Оттуда прошли в торговые ряды, своим расположением напомнившие мне безестан в Константинополе (перс. basistan, восточный рынок, базар – А.Т.). В каждом ряду продают свои товары, и улочки здесь чрезвычайно узкие. Думаю, что всего в этом квартале никак не меньше 6 тысяч лавок. По-русски он называется Китай-город (Kitai-Gorod), или китайский город, наверное, потому, что в прежние времена, когда у России почти не было отношений с Европой, здесь главным образом продавали товары из Китая» (Там же). Действительно, «азиатская» красота старой Москвы с древними церквями, золотом куполов, оживленностью и пестротой уличной жизни, резко отличалась от церемонного «европейского» Петербурга – новой столицы Российской империи. Не исключено, что это почувствовал и М.И. Голенищев-Кутузов, с «нежностью» наблюдая стамбульские красоты. «Находясь в Константинополе в почетном звании представителя могущественной Монархии, – писал известный историк Д.Н. Бантыш-Каменский, – и покоясь от военных трудов под роскошным небом, в кругу народа, преданного неге, Кутузов любовался прелестными видами и называл это время счастливейшим в своей жизни» (Бантыш-Каменский, 2008: 306).

Чрезвычайно интересна и история самого дома в Пере, в котором останавливался М.И. Голенищев-Кутузов. Когда-то он принадлежал вдовствующей княгине Гике и арендовался османским правительством для проживания в нем иностранных посланников. По заключению Кючук-Кайнарджийского мира в 1775 г. здесь останавливался приехавший в Константинополь князь Н.В. Репнин. После смерти княгини, в начале 1780-х гг., русскому послу Якову Ивановичу Булгакову (1743–1809) удалось приобрести этот дом для себя, и именно здесь стали в дальнейшем жить русские дипломаты со свитой. При содействии М.И. Голенищева-Кутузова этот дом, уже известный в Константинополе как du Palais de Russie, был приобретен у Я.И. Булгакова в казну в начале 1795 г., то есть стал государственной собственностью (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 778: 169–170 об). К большому сожалению, старое здание XVIII столетия не сохранилось, оно сгорело еще в 20-х гг. XIX в. (в Константинополе пожары, как и в Москве, бывали не более редки и не менее разрушительны). Сгоревший дом стоял на том же месте, где располагается ныне Генеральное консульство Российской Федерации в Стамбуле, отстроенное после пожара в 1837–1845 гг. по указу императора Николая I по проекту и под наблюдением архитектора Гаспаре Фоссати (1809–1883)⁷. Иногда, правда, старые гравюры и даже фотографии живописных видов летней резиденции Посольства России в Буюкдере на берегу Босфора (Ил. 4) принимаются за изображение

⁷ По завершении строительства российского посольства, по просьбе султана Абдул-Меджида (1839–1861), Гаспаре Фоссати несколько лет работал в Константинополе. Он руководил реставрационными работами всемирно известного собора Святой Софии. Также по его проектам были построены несколько дворцов, включая дворец Великого визиря, и здание Стамбульского университета.

дома Константинопольской миссии в Пере (и в том, и в другом домах бывал М.И. Голенищев-Кутузов)⁸.

Когда обустраивался русский «министерский дом» (как его часто называют в документах XVIII в.), в 1781 г. от Коллегии иностранных дел был отпущен серебряный сервиз для торжественных посольских приемов. Большая заслуга в украшении и обустройстве дома для приема М.И. Голенищева-Кутузова принадлежала поверенному в делах в Константинополе, полковнику Александру Семеновичу Хвостову (1753–1820). Мы можем судить о недошедшем до нашего времени здании и его убранстве, благодаря подробной «Описи дому, приготовленного для его превосходительства чрезвычайного посла», составленной Хвостовым и относящейся к 1793 г. (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 777: 104–115). Документ очень интересен не только тем, что содержит краткое описание мебели, тканей, обоев, люстр и подсвечников, расставленных в комнатах и украшавших некогда интерьеры, но и тем, что здесь упоминается и «казенный» фарфор – преимущественно вазы, размещенные на каминах и пристенных столах с мраморными столешницами. В Описи есть довольно большое количество художественных предметов, записанных как «вещи от графа Шуазеля». По-видимому, покидая османскую столицу для того, чтобы отправиться в далекую Россию ко двору Екатерины II, бывший французский посол в Константинополе, дипломат и археолог, член Французской академии, граф Мари-Габриэль-Флоран-Огюст Шуазель-Гуфье (1752–1817) уступил русскому поверенному в делах часть своих вещей, из-за трудности их перевозки и отправления за границу⁹. Они пришлись как нельзя кстати в доме российской миссии, украсив интерьеры, а привезенные М.И. Голенищевым-Кутузовым драгоценное серебро, хрусталь, стекло и фарфор с Императорских заводов должны были придать торжественным посольским приемам роскошный вид и подобающий уровень.

Такой случай как раз и представился 24 ноября 1793 г. в День тезоименитства императрицы Екатерины II, когда после литургии и молебна с коленопреклонением и пушечной пальбой, состоялся торжественный обед, на который был приглашен весь дипломатический корпус и много гостей: «Стол был на 80 кувертов, в вечеру был бал и ужин, на котором было до 500 человек и все изобильно угощены, двор, сени и некоторые комнаты иллюминированы были: вензелевое имя Ее Императорского Величества и вензелевые имена всей императорской фамилии в прозрачных картинах представлены были; также ил-

⁸ Ошибочные подписи даны, к примеру, под иллюстрациями в книгах: Брикнер А.Г. «История Екатерины Второй» (Брикнер, 2002: 411); Кутузов М.И. «Письма, записки» (Кутузов., 1989: ч.б. вклейка, фотография дома).

⁹ Граф Шуазель-Гуфье эмигрировал в Россию после Великой Французской революции, по-видимому, в начале 1790-х гг. Он был представлен Екатерине II 19 июня 1793 г., о чем есть упоминание в дневнике статс-секретаря императрицы А.В. Храповицкого: «Представлен и хорошо принят le Comte Choiseul-Gouffier, бывший короля французского министр в Цареграде и оттуда приехавший прямо к нам. Ему дадут пенсию comme a St. Priest, a Senac de Meilhan (т.е. как другим французским эмигрантам Сен-При и Сенаку де Мейлану. – А.Т.)» (Храповицкий, 2008: 239). К этому можно добавить, что в России граф Шуазель-Гуфье получил чин тайного советника, при Павле I он управлял Академией художеств и был директором Императорской публичной библиотеки. Он возвратился на родину в 1802 г., был пэром Франции.

люминован был фронтиспис дому в прозрачной картине с вензелевым именем Ее Императорского Величества. На сим бале находились некоторые знатные турки, знатнейшие из них были инкогнито» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 779: 80 об.) Об этом празднике не преминул рассказать и сам Михаил Илларионович в письме к жене: «В Екатеринин день у меня был праздник: великолепной обед на 70 человек, люминация, было 500 человек и ужин вдруг на 200. Стихи посылаю и хор, которой на бале пели...» (Кутузов, 1989: 65).

В важном для нас «Журнале путешествия российского в Царьград посольства» фиксировались все основные события (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 779 11–103). В частности, здесь отмечено немалое количество приемов и официальных обедов, для которых наверняка использовали русский фарфор: «В течение же всего месяца генваря и до февраля половины ничего примечания достойного не произошло, кроме разных обедов, ужинов и других угощений, кои были зделаны для посла и всей его свиты у разных чужестранных послов, министров и других дипломатический корпус составляющих особ. У посла же во все сие время продолжались всякую неделю два раза балы, на кои приглашены были как все составляющие здесь дипломатической корпус, обоего пола особы, так и многие греческой, армянской и других наций разного звания христианские в Пере жители с их фамилиями» (Там же: 83).

Таким образом, удалось установить, что фарфор из второго, наиболее пространный, счета, обнаруженного в РГИА, использовался для приемов в доме русской миссии в Константинополе. Однако, поскольку счетов было два, обратимся теперь к первому из них – «Щету отправленным с фарфорового казенного завода нижеписанным вещам для турецкого посольства за которые деньги следует получить из Кабинета Ея Императрского Величества» на общую сумму в 3 934 рубля (РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 4027: 73–74). Его, как мы помним, должны были оплатить не из сумм посольства, а из Кабинета, и сделали это буквально сразу, уже в конце февраля 1793 г.

Первыми в этом документе упоминаются три дорогих чайных сервиза – дежёне, стоимостью от 700 до 800 рублей. Известно, что такие камерные фарфоровые ансамбли в то время отделывали исключительно тщательно. Несмотря на относительно малое количество входивших туда вещей, по цене они вполне могли соперничать с многопредметными столовыми и десертными сервизами.

Именно эти роскошные фарфоровые дежёне вместе с другими особо ценными подарками и были отосланы в султанский сераль, что зафиксировано в «Книге записей расходов на отправление посольства в Константинополь 24 мая 1793 – 26 мая 1794 года», куда вносились все сведения о ежедневных «дачах» (подарках) в течение всего того времени (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 782).

Как уже отмечалось, факт «фарфорового подарка» установить было чрезвычайно сложно, так как русский фарфор отсутствовал в списке официальных даров и на сегодняшний день ни один предмет пока не выявлен в турецких музейных собраниях. Появилось даже предположение, что его вообще не преподнесли султану. Однако, именно в «Книге записей расходов» были обнаружены упоминания о русских «фарфоровых подарках». Так, 31 октября 1793 г.,

что «По ордеру его высокопревосходительства господина чрезвычайного и полномочного посла за № 65 записаны в расход выданные накануне аудиенции у султана вещи секунд-майору Резвому для доставления Его Султанскому Величеству в сераль, а именно: Перо бриллиантовое с изумрудами в середине с одним яхонтом и жемчугом (№ 1, 40 000 руб.); Курительница золотая, осыпанная алмазами, изумрудами и яхонтами (№ 2, 24 316 руб.); Поднос, осыпанный изумрудами и яхонтами (№ 3, 12 000 руб.); Поднос, на котором кофейник, молочник и сахарница золотые (№ 4, 14 428 руб.)». Затем названы «два чайных прибора фарфоровых» без указания стоимости и порядкового номера в списке официальных подарков (что не удивительно, ведь их не было в реестре). Помимо этого султану были преподнесены многочисленные драгоценные бархаты, парча, китайские товары (в их числе различные ткани: «камфа», «канча», «фанза» и «камка», а также чай черный и зеленый) и конечно дорогие меха (Там же: 21–22).

Спустя три дня, 3 ноября внесена следующая запись: «По ордеру его высокопревосходительства господина чрезвычайного и полномочного посла за № 66 записаны в расход вещи, выданные советнику посольства Пизани для доставления матери Его Султанова величества в сераль, а именно: Перо бриллиантовое с бурмитскими зернами и изумрудами; Чайный прибор фарфоровой» (Там же: 22 об.). Далее перечисляются бархаты, парча, китайские товары, чай, меха, а заключают список «Четыре вазы фарфоровых с золотом» (Там же). Михаил Илларионович посчитал важным написать об этом официальном «дипломатическом жесте», в котором выразилось особое внимание Екатерины II к матери султана Селима III, в своей официальной реляции: «Подарки к султан-валиде отправлены в харем (sic) с советником и двумя кавалерами посольства, где приняты кизляр-агою с великою почтительностию, и уже известно здесь, что султан внимание сие к его матери принял с чувствительностию» (Кутузов, 1989: 52).

Мы можем составить некоторое представление о трех подаренных и отправленных в сераль фарфоровых дежёне по их краткому описанию в счете: «1-й прибор раскрыт кобальтом, украшен богато золотом во вкусе турецком, в нем состоят вещи: большой овальной лоток, кофейник, чайник, молошник, сахарница, полоскательная чашка и 12 пар чашек с местечками» (всего 18 предметов стоимостью 710 рублей); «2-й прибор, в равномерных вещах тож раскрыт кобальтом, по местам украшен золотом в турецком вкусе» (18 предметов; 700 рублей); «3-й прибор раскрыт краскою пурпуром, богато украшен золотом, заключающий в себе лоток, кофейник, молошник, чайник, сахарница и 12 пар чашек» (17 предметов; 800 рублей) (РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 4027: 73).

Как видим, кроме упоминания о цвете и живописном декоре, а также количестве и стоимости предметов, других подробностей в документе не содержится. Мы не знаем, какие формы использовались в дежёне, цилиндрические или округлые (и та и другая модели были распространены и известны в то время под названием «аглинского» и «французского фасонов» (Императорский фарфоровый завод, 2008: Прил. № 25, № 32)). Прежде всего, обращает на себя внимание интересное упоминание о богатом золотом декоре «во вкусе турец-

ком» по кобальтовому и пурпурному крытью. Однако о том, что подразумевалось под этой формулировкой, можно только догадываться – аннотированные аналоги русского фарфора с «турецким» орнаментом в отечественных собраниях не известны, кроме тех, которые украшали так называемые «арабески», безраздельно господствовавшие в то время в декоративном искусстве. Но они, несмотря на «арабское» название, были навеяны вовсе не восточным орнаментом, а античным гротеском Геркуланума, Помпей и Рима.

Вместе с тремя дежёне в петербургском счете зафиксировано 8 пар ваз и 48 разнообразных чашек. Описаны они, по сравнению со столовым фарфором из пространного предыдущего списка, несколько подробнее: 18 пар чашек «шеколадовых крытых кобальтом, украшенных золотом во вкусе турецком» (под «парой» имеется в виду чашка с блюдцем. – А.Т.); 12 пар «таковых же подешевле»; 6 пар «французских писаных золотом»; 6 пар «таковых же по-меньше, писанных золотом полосками» и 6 пар «стаканчиками (т. е. цилиндрической формы. – А.Т.), писанными золотом». Что касается этих чашек, то неизвестно, предназначались ли они для подарков (других упоминаний о «фарфоровых презентях» в документах нет), или их использовали за столом для приема гостей.

Очень трудно определить, какие именно четыре вазы «фарфоровых с золотом» были преподнесены валиде-султан, так как в счете фигурирует восемь парных ваз: «больших античных» (150 руб.), «больших с арабесковыми ручками и гирляндами из цветов» (180 руб.); «покрытых кобальтом с медалионами, ручками и гирляндами» (170 руб.); «средних с ручками и гирляндами на педесталах» (160 руб.), «небольших с гирляндами» (60 руб.); «с медалионами ручками и гирляндами средних (110 руб.), «с ручками и гирляндами средних» (70 руб.); «кобальтовых небольших с ручками на педесталах» (150 руб.). Ни в одном из этих кратких описаний не отмечено использование позолоты, что делает невозможной любую попытку выявить нужную пару ваз, посланных валиде-султан. К тому же, как уже упоминалось, эти предметы пока не обнаружены и в хранилищах дворца Топкапы и других турецких музейных собраниях.

Тем не менее, можно со всей определенностью утверждать, что подарки пришлось по вкусу султану Селиму III, его матери и верховному визирю, которые отблагодарили русского посла не менее щедрыми дарами. Михаил Илларионович писал из Перы своей супруге: «Я въехал 26 сентября в Константинополь [...] Визирь на другой день приезда прислал спросить о здоровье и табакерку с алмазами, чашку кофейную с алмазами и яхонтами, чрезвычайной работы, и 9 кусков богатых парчей, с таким еще вниманием, что каждого цвета по 30 пик здешней меры, чтобы стало на женское еропейское платье. Все это ценят с лишком на 10 000 пия{стров}... Говорят, бытто велел султан готовить богатые подарки» (Кутузов, 1989: 39). Спустя некоторое время он вновь пишет жене: «...Ничего примечательного после последней почты не случилось, кроме вещи здесь небывалой, а именно: султан-валиде, то есть мать султанская, прислала в церемонии чиновника своего валиде-кегая-колфосы, провождаемого переводчиком Порты, спросить об моем здоровье, объявить внимание ее ко мне и вручить от лица ее подарки, состоящие

из шалей, трех платков, которые вечно сохраню, и многих парчей турецких, ост-индских и ормуских, и чашечку для кофея с дорогими камнями; всего пиястров на 10 000...» (Там же: 64–65).

Упоминаемые русским полномочным послом «чашечки для кофея» с дорогими «каменьями», «алмазами и яхонтами» являются очень характерными турецкими сосудами для употребления кофейного напитка, ставшего очень популярным в Европе XVIII в. Мода на кофе пришла как раз из мусульманского мира и в частности из Османской империи. Как известно первая кофейня была открыта в 1555 г. именно в Константинополе. Считается, правда, что кофе не был тогда широко известен у основного населения; его пили только визири, высшие военные чины, люди искусства и поэты. Позднее его употребление стало широко распространенным, и количество кофеен в Стамбуле быстро возросло. Уже в 1630 г. известный путешественник Эвлия Челеби насчитал в городе 55 кофеен (*Soyturk*, 2005: 13–14).

Несмотря на то, что употребление кофе получило распространение во многих европейских городах (прежде всего в Венеции, исторически связанной морской торговлей с Константинополем), только благодаря «столице мира», Парижу, напиток получил действительно повсеместный успех. Это произошло, опять же, благодаря прибытию в столицу Франции турецкого посольства: «В 1669 г. турецкий посол Сулейман Мустафа Рача, надменный, но обходительный человек, принимал много гостей и угощал кофе своих парижских визитеров. Посольство не удалось, но кофе имел успех, а благодаря турецкому посольству в Париж этот напиток стал распространяться при высочайших королевских домах» (*Бродель*, 2007: 225). Именно из Константинополя присылали в Россию к императрице Екатерине II знаменитый левантский кофе, «самого лучшего сорта, называемой мокко» (АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 649: 93). Кофейные зерна входили в состав дипломатических подарков как драгоценные предметы и фарфор. Известно, например, что в том же 1793 г. турецкий султан Селим III отправил английскому королю Георгу III «4 мешка мокского кофе, сухим путем привезенного» вместе с восточными тканями, арабскими жеребцами и дорогим оружием (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 777: 158).

Вместе с кофе из Османской империи пришла и традиция его употребления из фарфоровых чашек, правда, их форма отличалась от принятой в Европе. Турки необычайно ценили фарфор, доказательство тому – великолепное собрание дворца-музея Топкапы. По старой османской традиции фарфор всегда использовали за столом, а европейцы, позднее познакомившиеся с «белым золотом» из Китая, вначале собирали его как драгоценные раритеты, помещали в сокровищницы и украшали им интерьеры. На официальном же европейском столе, кроме тех случаев, когда употребляли модные чай, кофе и шоколад, повсеместно господствовало серебро.

Традиционные кофейные турецкие чашки сначала были из китайского фарфора (мусульманский мир поддерживал прочные связи с Поднебесной), затем с середины XVIII в. их стали вытеснять европейские. Как правило, они были небольшими, с чуть отогнутым наружу краями (напоминали миниатюрные пи-

алы). Поскольку кофе употребляли очень горячим, а фарфоровая чашечка была мала, то чтобы не обжечь руки, и для удобства, ее помещали в специальную подставку – «зарф» (Ил. 5). Выполняли ее, чаще всего, из металла с чеканкой, гравировкой или финифтью. Роскошные зарфы из золота и серебра турки украшали драгоценными камнями: бриллиантами, изумрудами, рубинами (Напат, 2006: 208–209. (Ил. 6, 7)). Именно такие фарфоровые кофейные чашки в великолепных подставках и были, скорее всего, преподнесены русскому послу.

Когда в 1794 г. М.И. Голенищев-Кутузов стал собираться обратно в Россию, то вместе с великолепными турецкими подарками с ним должна была вернуться и многочисленная серебряная и фарфоровая утварь (за исключением серебряного сервиза Константинопольской миссии), как это и планировалось изначально («чтоб доставить его туда обратно по возвращении посла»). Известно, что по своем приезде домой Кутузов составил обо всем подробное донесение в Государственную Коллегию Иностранных дел. В этом документе есть одна интересная подробность: «Данной мне серебряный сервиз оставлен под надлежащим присмотром и в целости в Елисаветграде, также и фарфор, из которого часть перебилась, и трон с креслами. И сколь скоро прогонные деньги получены будут, то доставится немедленно за караулом прапорщика Литвинова и гвардейской команды в Санкт-Петербург и куда сие отдать предписано будет, имею ожидать резолюции» (АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 779: 8 об.) Наконец, 9 февраля 1795 г. М.И. Голенищев-Кутузов доложил в Государственную Коллегию Иностранных дел: «Бывший при посольстве придворный серебряный сервиз минувшего генваря 22 дня в Кабинет Ея Императорского Величества с прапорщиком Литвиновым отправлен, с данной же в приеме онаго сервиза из Кабинета росписи прилагаю копию» (Там же: 142, 143–147).

О судьбе сильно пострадавшего в дороге русского фарфора нам пока мало что известно, за исключением того, что его большая часть действительно вернулась в Россию. Был ли он отдан в Кабинет, или в Казенную сервизную, или в другое место, и в каком составе? А может, некоторые отдельные предметы были все-таки оставлены в Константинополе? Например, ими могли быть вазы для украшения посольского дома. Ведь осталась же по документам часть не презентованных подарков в Царьграде «на будущее». Посол отрапортовал тогда касательно «ведомости принятым ... на подарки золотым и алмазным вещам с показанием употребленных в расход и оставшихся за расходом»: «Часть оных оставлена при константинопольской миссии на употребление впредь, а на место их взяты от чрезвычайного посланника и полномочного министра господина Кочубея некоторые вещи, по цене их и по образу неудобные на подарки в Константинополе» (Там же: 2–3, 104–141).

Конечно, вызывает большое сожаление упоминание в рапорте М.И. Голенищева-Кутузова о частично «перебитом» в пути драгоценном фарфоровом грузе. Действительно, сухопутное передвижение торжественного посольства с многочисленными обозами, было крайне трудным не только для фарфора, но и для людей. Известно, что в дороге умерло 10 человек, некоторые из слуг «бежали и потурчились» (Там же: 130–131). Часть пути проходила в Балканских горах,

посольские обозы пересекали реки, одну из которых «между хрептов извивающуюся» под названием Байран «17 раз в сем марше переезжали». Интересно, что во время движения посольства случилось солнечное затмение, «продолжавшееся три четверти часа» («Солнце имело вид луны в первой четверти»). Когда же по горной дороге прошли границу Булгарии и Румелии, было отмечено, что «сей переход есть самотруднейший по всему пути» (Там же: 41–42).

Говоря об обменах торжественными посольствами между двумя великими империями, Российской и Османской в целом, невозможно не сказать о том, что они несомненно способствовали взаимному культурному обогащению двух держав. Безусловно, политическая ситуация была тогда далеко не простой. В XVIII столетии между Турцией и Россией постоянно возникали конфликты, шли войны, в которых погибали и страдали тысячи людей. Однако изучая материальные памятники, прежде всего великолепные произведения искусства, отмеченные несомненным мастерством и талантом их создателей, бури и волнения той поры словно уходят на второй план. Изделия исключительно высокого качества, сопровождавшие посольства и заключавшие в себе все самое лучшее, чем обладали соперничающие государства, являлись своеобразной «культурной данью» обеих сторон друг другу. Искусство в этом общении и обмене, в отличие от суровой политики интриг, несло в себе позитивное созидательное начало.

К сожалению, русский «дипломатический фарфор» XVIII в. пока не выявлен в турецких собраниях, несмотря на найденные в отечественных архивах свидетельства. Однако даже эти скудные описания очень важны для современных исследователей, так как раскрывают еще одну сторону многогранного русского фарфорового искусства. Упоминание об особом типе декорации «в турецком вкусе» спровоцировало увлекательные поиски (остающиеся актуальными и сегодня) этих необычных вещей за пределами России. Возможно, обнаружение этих произведений в будущем могло бы внести новое слово в историю русского Императорского фарфора. Таким образом, несмотря на все обнаруженные и описанные подробности трудной дороги «константинопольского фарфора» в Турцию и обратно, точка в этом путешествии еще не поставлена. Это интересное событие по-прежнему представляет многообещающую почву для дальнейшей работы заинтересованным исследователям Императорского фарфора, как в России, так и за ее пределами по линии «дипломатии подарков».

ЛИТЕРАТУРА

АВПРИ, ф. 2 (Внутренние коллежские дела), оп. 2/1, д. 649. Сношения КИД с Придворной канторой. 1762–1795 гг.

АВПРИ, ф. 89 (Сношения России с Турцией), оп. 8, д. 776. Документы об отправлении торжественного посольства в Турцию... 1793 г.

АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 777. Реляции чрезвычайного посла в Турции Голенищева-Кутузова Екатерине II... 1793–1794 гг.

АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 778. Проект рескриптов чрезвычайному послу в Турции Голенищеву-Кутузову... 1793–1795 гг.

АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 779. Донесения чрезвычайного посла в Турции Голенищеву-Кутузова в Государственную Коллегию Иностранных дел с отчетом о расходах на нужды посольства, с приложением журнала путешествия посольства... 1793–1795 гг.

АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 782. Книга записи расходов на отправление посольства в Константинополь... 1793–1794 гг.

АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 2287. Документы о приезде в Россию турецкого посла Беглер-Бея (1783 – 1784)... Записка о пребывании в России турецкого посла Рассых-Мустафы Паши... 1793–1794 гг.

РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 464. Указы Екатерины II генерал-прокурору А.А. Вяземскому. 1763–1782 гг.

РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2 (Кабинета Его Величества именные и объявленные высочайшие указы. 1714–1883 гг.), д. 3908. Указы 1793 г.

РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2 (Кабинета Его Величества исполнительного отделения изустные высочайшие указы. 1787–1830 гг.), д. 4027. Указы 1793 г.

РГИА, ф. 468, оп. 37, д. 64. О заказанных графу Безбородко фарфоровых сервизах, столовом и десертном. 1793–1795 гг.

Бантыш-Каменский Д.Н. Российские генералиссимусы и генерал-фельд-маршалы. М., 2008.

Брикнер А.Г. История Екатерины Второй / Репринт. М., 2002.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. М., 2007.

Геральдика на русском фарфоре: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. Авт.-сост. Г.В. Вилинбахов, И.Р. Багдасарова, Е.С. Хмельницкая и др. СПб., 2008.

Жак-Доминик Рашетт. 1744–1809 / Авт.-сост.: Е. Карпова, Т. Носович, И. Попова. СПб., 1999.

Императорский фарфоровый завод. 1744–1904 / Сост. Н.Б. Вольф, С.А. Розанов, Н.М. Спилюти, А.Н. Бенуа. Репринт 1907 г. / Под науч. ред. В.В. Знаменова. СПб., 2008.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1784 г. СПб., 1884.

Казакевич Н.И. Западноевропейских фарфор в Эрмитаже. История собрания. СПб., 2003.

Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989.

Кудрявцева Т.В. Русский императорский фарфор. СПб., 2003.

Ляхова Л.В. Мир Запада и миф Востока. Запад и Восток в тематике раннего Мейсенского фарфора: Каталог выставки. СПб., 2007.

Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи / Пер. с исп. М., 2001.

Повесть временных лет // Повести Древней Руси. Л., 1983.

Сиповская Н.В. Фарфор в России XVIII века. М., 2008.

Туфан О. Коллекция русского фарфора во дворце правителей Османской империи // Виноградовские чтения в Петербурге. Фарфор XVIII–XXI вв.: Предприятия. Коллекции. Эксперты: Материалы международных научно-практических конференций 2007–2009 / сост.: Е.М. Тарханова, А. Циффер. СПб., 2010.

Храповицкий А.В. Дневник. // Екатерина II. Искусство управлять: История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. М., 2008.

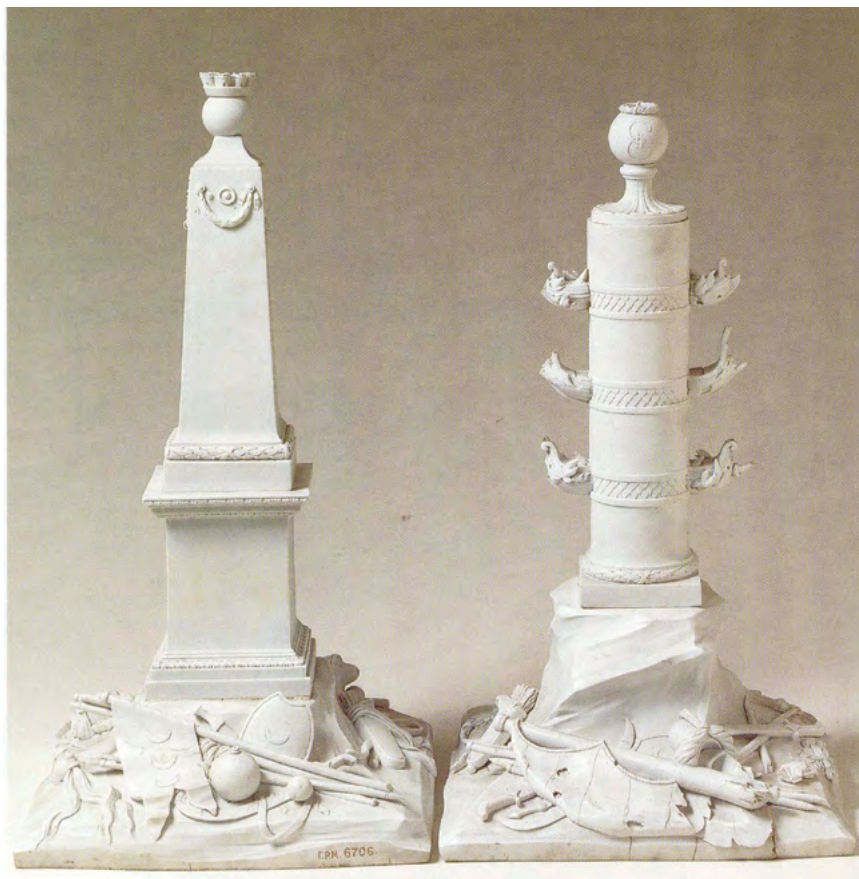
Hamam. Osmanli'da Yikanma Gelenegi ve Berberlik Zanaati / Topkapi Sarayı Müzesi. İstanbul, 2006.

Meissen for the Czars. Porcelain as a Means of Saxon-Russian Politics in the Eighteenth Century / Ed. U. Pietsch. München, 2004.

Soyturk M. The Story of Turkish Coffee and Turkish Delight. İstanbul, 2005.

Yerasimos M. 500 years of Ottoman Cuisine / Tr. S. Bradbrook. İstanbul, 2007.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. «Взятие Очакова». «Сожжение турецкого флота»
Скульптурные композиции Ж.-Д. Рашетта. 1791 г. Бисквит. ГРМ.

Илл. 2. «Крым, или Таврис, под державою Екатерины II». «Грузия под покровительством России»

Скульптурные композиции Ж.-Д. Рашетта из настольного украшения Арабескового сервиза. 1784 г. Фарфор, золочение, цировка; золоченая бронза. ГРМ.

Илл. 3. «Морская сила». «Военная (сухопутная) сила»

Скульптурные композиции Ж.-Д. Рашетта из настольного украшения Арабескового сервиза. 1784 г. Фарфор, золочение, цировка; золоченая бронза. ГРМ.

Илл. 4. Дом летней резиденции русского посольства в Буюкдере
С рисунка начала XIX века Ульфальви, из собрания П. Я. Дашкова
(Брикнер А. Г. История Екатерины Второй / А. Г. Брикнер. Репринт. М., 2002. С. 411.
Неточно указан как «Дом русского посольства в Константинополе»)

Илл. 5. Турчанка за чашкой кофе и табачной трубкой
Неизвестный акварелист. XVIII в. Из издания Немецкого археологического института
(Стамбул, 1966).

Илл. 6. Зарфы для кофейных чашек
Османская империя. XVIII – XIX вв. Золото, бриллианты. Дворец Топкапы. Стамбул.

Илл. 7. Традиционные турецкие кофейные чашки с зарфами
Османская империя. XIX в. Золото, финифть, фарфор. Дворец Топкапы. Стамбул.

СОВЕТНИК РЕЙФЕНШТЕЙН КАК РУССКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АГЕНТ В РИМЕ

С.О. Андросов

Иоганна Фридриха Рейфенштейна (1719–1793), уроженца города Рагнит в Курляндии, следует считать важной интернациональной фигурой в культурной и художественной жизни Европы второй половины XVIII в. Приехав в Рим в 1762 г., он остался здесь на более чем тридцать лет. После смерти Иоганна Иоахима Винкельмана в 1768 г. он занял место последнего в качестве знатока Рима и его древностей. Однако Рейфенштейн оставил после себя не столько сочинения по истории искусств или теоретические трактаты, а многочисленные письма, в которых отражены культурная жизнь Рима, археологические открытия и деятельность современных художников в «вечном городе». Рейфенштейн поддерживал переписку со многими интеллектуалами и влиятельными политиками в Европе, оказывая бесспорное влияние как на развитие интереса к античности, так и на практическую деятельность современных архитекторов и художников. Кроме всего прочего, он пользовался известностью как чичероне, сопровождавший высоких гостей по Риму. В их числе были, например, граф и графиня Северные (наследник русского престола великий князь Павел Петрович и его супруга Мария Федоровна), посетившие Рим весной 1782 г.

Пребывание графов Северных в Риме достаточно хорошо документировано самим Рейфенштейном, от которого остался дневник, в котором кратко указано времяпровождение высоких путешественников день за днем (*Стадничук*, 2003.25–83). Из него мы узнаем, что великий князь и его супруга не только знакомились с достопримечательностями Рима – первыми музеями и церквями, но также посещали мастерские живописцев и скульпторов, приобретая произведения искусства. Не вызывает сомнений, что наставником графа и графини снова был Рейфенштейн, ориентировавший их на художников неоклассической ориентации, таких как, например, живописец Помпео Батони или скульпторы Карло Альбачини и Кристофер Хеветсон. Большинство произведений живописи и скульптуры, купленных или заказанных графами Северными в Риме, попало в их дворец в Павловске (ныне – ГМЗ «Павловск») (*Андросов*, 2011. 224–233).

Имя Рейфенштейна довольно часто встречается в дневнике Иоганна Вольфганга Гете, побывавшего в Риме в 1786–1788 гг. Он относился к Рейфенштейну с несомненной симпатией. Поэт упоминает о том, что вечерами Рейфенштейн собирал молодых художников из разных стран для обмена впечатлениями и показа рисунков, сделанных днем. Гете писал, что Рейфенштейн «умеет руководить этими заседаниями, вносить в них порядок своим знанием и авторитетом»

(Гете, 2013. 133). Можно предположить, что участниками таких импровизированных заседаний были также русские пенсионеры Академии художеств.

Личность Рейфенштейна и его вклад в развитие русского искусства и культуры лучше всего прослеживается по его многочисленным письмам, хранящихся в архивах Москвы и Петербурга. Часть их была известна В.Ф. Левинсону-Лессингу, который впервые достаточно подробно охарактеризовал деятельность Рейфенштейна и его взаимоотношения с русскими художниками и коллекционерами (*Левинсон-Лессинг*, 1985. 98–101). В начале XXI в. ряд важных публикаций, связанных с Рейфенштейном осуществил швейцарский историк искусства Кристоф Франк, собравший в результате многолетней работы большое число писем советника (*Франк*, 2003. 44–48; *Франк*, 2004. 52–61; *Frank*, 2001). В 2007 г. была опубликована статья Л. М. Бедретдиновой, подробно рассмотревшая деятельность Рейфенштейна как куратора пенсионеров Академии художеств в Риме (*Бедретдинова*, 2007. 34 – 36). Девятью годами спустя часть писем Рейфенштейна, адресованных Фридриху Мельхиору Гримму (1723–1807) и предназначавшаяся вниманию Екатерины II была опубликована в качестве приложения к переписке императрицы с Гриммом в научном издании, осуществленном С. Я. Карпом (*Catherine II*, 2016. 245–264). На современном этапе представляется важным попытаться собрать известные и малоизученные материалы, связанные с Рейфенштейном, чтобы достаточно полно и объективно оценить его значение для русских художников, путешественников и коллекционеров.

По-видимому, первым из русских, познакомившихся с Рейфенштейном, стал Иван Иванович Шувалов (1727–1797), первый куратор Академии художеств. Он сообщал Ивану Ивановичу Бецкому, ставшему Президентом Академии художеств, 17 апреля 1770 г.: «Советник Рейфенштейн родом прусак, о котором я прежде к вашему превосходительству писал, достоин вашего покровительства, он человек великаго знания в художествах в отсутствие мое все комиссии исполнял и ученикам академическим во многом способствовать может не изволите ли оному дать какое-либо звание в академии художеств, поручите ему дирекцию над нашими пенсионерами, приказать ему исполнять впред, когда я здесь не буду камисии касательно до художеств, а когда ему дадите пансионат 120 или 150 ефимков в год он крайне будет доволен...» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 440. Л. 1 об., 2). Более подробные сведения о себе и своих взглядах на искусство дает сам Рейфенштейн в письме на французском языке, датированном 21 декабря 1768 г. и адресованном, по-видимому, тому же Шувалову. Он видел свою задачу в том, чтобы помогать художникам в их работе, «...содействовать успехам изяшных искусств, зависящих от Рисунка и возбуждать в художниках стремление к самоусовершенствованию в манере великих мастеров древности...» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 436. Л. 1, 1 об.) Кроме античных авторов, Рейфенштейн находил свой идеал в творчестве итальянских живописцев классического направления и выражал надежду, что Академия может способствовать появлению в России талантливых художников, новых юных Рафаэлей и Доменикино, хотя недостижимым для него оставалось ис-

кусство древних греков. Свою роль как руководителя занятий художников он видел именно во внедрении этого нового вкуса в современность и стремился «возродить подлинный вкус к изучению искусств вслед за древними великими мастерами»...» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 136. Л. 1, 2 об.). Со своей стороны Рейфенштейн надеялся получить от Академии художеств пенсию, чтобы «... совершенствовать и закончить мои открытия в разных областях искусства, в том числе в камнях, барельефах и вазах из пасты, к которым В[аше] П[ревосходительство] уже великодушно проявило свой интерес...» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 136. Л. 2 об.).

Согласно распоряжению Бецкого от 30 мая 1770 г., вопрос о Рейфенштейне был вынесен на Совет Академии художеств. Заседание Совета, прошедшее 7 июня, в целом одобрило предложение Шувалова и выразило желание иметь Рейфенштейна своим сочленом, однако попросила Рейфенштейна дать свое согласие на избрание почетным академиком (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 136. Л. 5). В письме от 12 сентября 1770 г. Рейфенштейн подтвердил свое желание служить Академии: «... стать полезным Императорской Академии художеств в качестве члена или с ней связанного»...» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 136. Л. 6, 6 об.).

В результате собрание Академии художеств 9 января 1771 г. признало Рейфенштейна «почетным академиком своего академического собрания» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 136. Л. 9). С этого момента можно с уверенностью говорить об активной деятельности Рейфенштейна как художественного агента и советника Академии, а также и царицы Екатерины II. Рейфенштейн отозвался на свое избрание письмом от 26 апреля 1771 г., в котором подтверждал желание помогать пенсионерам Академии в Риме и выполнять дальнейшие распоряжения «Господина Генерала де Шувалова». Рейфенштейн писал также о своем желании представить в Академию некоторые свои труды: «Я подготовлю, тем временем, некоторые образцы моих опытов над камнями в стекольной массе, чтобы их послать в Академию при одной из первых okazji...» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 136. Л. 49).

Таким образом, Рейфенштейн принял руководство над пенсионерами Академии художеств в Риме. Он относился к своим обязанностям чрезвычайно ответственно, в то же время с инициативой, о чем свидетельствуют его письма, хранящиеся в разных делах фонда Академии. Одним из примеров этого может служить история пенсионера Федора Алексеева, специализировавшегося в области театрально-декорационной живописи и поэтому посланного в Венецию. Проведя год под руководством живописца Джузеппе Моретти, Алексеев разочаровался в своем наставнике и попытался перейти к другому мастеру – Якопо Гаспари, затем стал стремиться в Рим. Прибегнув к помощи своих товарищей по Академии, он обратился к Рейфенштейну, который отнесся к молодому художнику с большим пониманием. По просьбе советника, Алексеева посетил живописец Людвиг Филипп Тишбейн, также находившийся в Венеции, который рекомендовал перевести того в Рим. Рейфенштейн ходатайствовал за молодого художника перед Советом Академии и предлагал устроить его здесь.

Ободренный такой поддержкой, Алексеев просил Академию о продлении пенсионерского срока еще на год и переводе его в Рим (письма от 11 августа и 19 октября 1776 г.). Однако решающим для Совета Академии оказалось негативное отношение к Алексееву русского консула в Венеции маркиза Пано Маруцци, который должен был курировать его жизнь в городе Сан Марко. В результате Алексееву было отказано в продлении срока, и в конце августа 1777 г. он был отправлен на родину, так и не побывав в Риме (*Федоров-Давыдов*, 1955. 25–28). Остается напомнить, что в России художник стал одним из основоположников пейзажной живописи и городского ландшафта.

О педагогических талантах и вкусах Рейфенштейна свидетельствует его письмо в Академию художеств от 25 сентября 1784 г. Пенсионер Михаил Воинов, получивший разрешение копировать картины в известном римском собрании Джустиниани, остановил свой выбор на полотне Микеланджело да Караваджо «Св. Матфей с ангелом», которое позднее находилось в Берлине и погибло во время последней войны. Этот выбор не мог понравиться Рейфенштейну, однако он постарался поставить дело таким образом, что пенсионер, по его словам, сам осознал свою ошибку и позднее скопировал также картину Доменикино «Св. Иоанн Евангелист». Из письма Рейфенштейна видно также его отношение к Караваджо, которому он явно предпочитает мастеров болонской школы. «Господин Мишель Воинов, который выразил желание копировать некоторые картины в Галерее Джустиниани, я дал ему разрешение выбрать их по его доброй воле. Его выбор пал на картину в наутральную величину, представляющую Св. Матфея Евангелиста и его Ангела, написанную Мик[ел] Анд[желло] де Караваджо в энергичной манере. Имелись в той же самой галерее Св. Иоанн также в натуральную величину, написанный Доменикино и Св. Магдалина в полуфигуру, написанная Тицианом...» Рейфенштейн не стал запрещать молодому живописцу копировать Караваджо, но постарался объяснить ему превосходство двух других мастеров. Результатом этого явилось то, что Воинов уже в процессе работы над копией стал замечать «все более и более, грубую манеру в рисунке контуров и слишком сильные тона в затемненных местах, которыми отмечены произведения этого мастера, неблагородный характер низкой и заурядной натуры, и цвет тела, слишком слабый, созданный, чтобы уравновесить коричневые и густые тени...». В результате Воинов проникся пониманием прекрасного преподанного ему Рейфенштейном, что последний посчитал своим большим успехом: «...ныне, старательно закончив свою копию Г- н. Воинов сам попросил копировать другую картину Доменикино, предвидя, что он получит много больше пользы, подражая стилю мастера, способ мышления которого более возвышенный, формы более элегантнее и цвет более богат и более натурален» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 136. Л. 30 об., 31). Представляется очень интересным это мнение Рейфенштейна о Караваджо и Доменикино, которое, очевидно, было общим для своего времени.

Остается пожалеть, что копия с картины Караваджо, сделанная Воиновым, по-видимому, не дошла до наших дней. Выполненная со старанием, которое отметил Рейфенштейн, она могла бы до какой-то степени восполнить представ-

ление об утраченном шедевре Караваджо. В то же время копия с «Св. Иоанна Евангелиста» Доминикино сохранилась и ныне находится в ГМЗ «Петергоф» (Бортникова, 2018. 204–210).

Рейфенштейн исполнял свои обязанности руководителя русских пенсионеров практически до конца жизни. Его последнее письмо в Академию художеств о пенсионерах Родчеве, Мартынове и Причетникове датировано 12 июня 1793 г. (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 136. Л 42–43 об.). Спустя несколько месяцев они же известили Академию о смерти Рейфенштейна, последовавшей 6 октября 1793 г.

Со временем Рейфенштейн стал одним из советников и художественных агентов Екатерины II. Это произошло, вероятно, после того как в 1775–1776 гг. в Риме побывал Фридрих Мельхиор Гримм, постоянный корреспондент русской царицы. Прежде чем вернуться в Париж, где он издавал свою «Correspondence littéraire», одним из подписчиков которой с 1764 г. была Екатерина II, Гримм провел около десяти месяцев в Петербурге и мог рекомендовать ей Рейфенштейна. В свою очередь, Гримм и Рейфенштейн должны были знать друг друга с молодости, по крайней мере, с 1754 г. и имели общих покровителей в германских странах, в частности, герцогов Саксен-Готских (Catherine II, 2018 245). Как известно, Гримм, находясь в постоянной переписке с Екатериной II, выполнял различные ее поручения, в том числе связанные с литературой и искусством. Сам он однако не столько занимался поиском или приобретением произведений искусства, сколько служил посредником в этих делах. С конца 1770-х гг. Рейфенштейн сделался доверенным лицом Гримма и Екатерины II в Риме, заказывая и покупая здесь произведения искусства. Не находясь в прямой переписке с царицей, он получал задания и поручения от Гримма и отчитывался перед ним же, посылая ему длинные и подробные письма на французском языке. Копии этих посланий затем пересылались Гриммом к Екатерине II и обсуждались в дальнейшей переписке. Таким образом, значительное число писем Рейфенштейна, сохранившееся в Архиве древних актов в Москве, публикуется в приложении к переписке Екатерины II с Гриммом, первый том комментированного издания которой недавно вышло из печати (под редакцией С.Я. Карпа). Первое письмо Рейфенштейна к Гримму, присланное затем царице, датировано 18 февраля 1778 г. (Catherine II, 2016. 246–248).

Самым грандиозным предприятием, руководство которым взял на себя Рейфенштейн, стало, несомненно, создание копий Лоджий Рафаэля для Петербурга (Никулин, 2005; Андросов, 2022. 398–409). С 1775 г. Екатерина II получала гравированные раскрашенные издания лоджий, осуществленные Джованни Вольпато и Джованни Оттавиани. В письме к Гримму от 1 сентября 1778 г. она в характерной для нее шуточной манере выразила желание заказать копии с лоджий в натуральную величину. «Я умру, точно умру. С моря дует ужасный ветер, какого нельзя и вообразить. Утром я была в бане, от чего кровь прилила к голове, а после полудня мне под руку попали рисунки потолков в лоджиях Рафаэля. Теперь меня поддерживает только надежда, прошу вас, спасите меня; скорее напишите Рейфенштейну, я вас прошу, при-

казать скопировать эти своды в натуральную величину, также как и стены, я даю обет святому Рафаэлю приказать выстроить эти лоджии и там поместить копии картин, ибо мне совершенно необходимо видеть их такими, какие они есть ...» (Catherine II, 2016. 250).

Рейфенштейн проявил необычайную расторопность в организации порученных ему работ. Уже 21 октября того же года он писал Гримму о начале переговоров с живописцем Кристофоро Унтербергером (Унтерпергером) (1731–1798), работавшим в Риме: «...потом я переместился к живописцу Унтербергеру, который написал образцу пилястр лоджий из Ватикана, что бы получить для него дальнейшие приказания от Ее Императорского Величества на этот счет и чтобы договориться с ним о средствах для договоренности с некоторыми другими художниками, которые могли бы объединиться с ним, чтобы довести до конца это предприятие наилучшим образом и как можно быстрее...» Тогда же он нанес визит архитектору Антонио Кики, занимавшемуся изготовлением моделей архитектурных памятников и условился о подготовке копии Лоджий Рафаэля: «Затем я пошел увидеться с Архитектором Киджи (Кики), которые изготавливает в настоящее время последнюю модель из пробкового дерева, повторяющую античные памятники для кабинета Ее императорского Величества (это Цирк Каракаллы), чтобы с ним проконсультироваться о стоимости и условиях изготовления модели лоджий Рафаэля. Он очень охотно принял это задание» (Catherine II, 2016. 250). Неделью спустя, в письме от 27 октября Рейфенштейн не только подтвердил, что Кики и Унтербергер уже приступили к работе, но и нарисовал утопическую картину переноса в Петербург копий не только лоджий, но и других произведений Рафаэля, прежде всего «Афинской школы» и истории Амура и Психеи из Фарнезины. Эти произведения, наряду с повторениями лоджий должны были украшать целый дворец, который, очевидно, предполагалось возвести в Петербурге или его окрестностях. Потолки залов этого дворца должны были, по замыслу Рейфенштейна, украшать копии плафонов Аннибале Карраччи (в Палаццо Фарнезе), Гверчино (в Палаццо Роспильози и на вилле Лудовизи) и Доменикино (Catherine II, 2016. 252–257).

Такое стремительное развитие событий в том, что касалось лоджий, получило одобрение императрицы, и в письме к Гримму от 28 декабря она сообщала о переводе крупной суммы денег (23 126 римских скуди) к римскому банкиру Гаспаре Сантини, очевидно, для финансирования работ по копированию Лоджий Рафаэля (Catherine II, 2016. 197). В то же время вряд ли она могла рассматривать всерьез предложение Рейфенштейна о столь глобальном переносе монументальной живописи из Рима в Петербург.

Небольшая модель Лоджий Рафаэля была исполнена Антонио Кики относительно быстро, к маю следующего 1779 г. О завершении его работы сообщала, в частности, римская газета “Diario Ordinario”: «Госп[один] Архитектор Антонио Кики исполнил модель из серы Лоджий Ватикана и ее посылает в Россию, чтобы она служила в качестве модели для строительства таковых в России. Кристофоро Оттербергер копирует живопись» (Diario Ordinario 1779). К сожалению, эта модель Лоджий Рафаэля до нас не дошла.

Работы над непосредственным копированием росписей Лоджий Рафаэля заняли около восьми лет. Для этого привлекались различные живописцы, специализировавшиеся в разных областях искусства: за орнаменты и гротески отвечали Джованни и Винченцо Анджелони, за фигуративные композиции – Джованни Баттиста Делл’Эра, Феличе Джанни и Андреа Мизертауре, за пейзажи – Камповеккьо (Cristoforo Unterberger, 1998. 188). Работы оплачивались банкиром Гаспаре Сантини, тесно сотрудничавшим с Рейфенштейном.

Хронология работ над Лоджиями Рафаэля недостаточно до сих пор изучена историками. Первые образцы копий с росписей Рафаэля были получены в Петербурге уже в мае 1779 г. и одобрены Екатериной II. Следующая часть копий была подготовлена к отправке в Россию к августу 1780 г. и выставлена в комнатах Квиринальского дворца в Риме, где их осмотрел папа Пий VI (Cristoforo Unterberger, 1998. 30) В конце того же года, 23 ноября, Рейфенштейн сообщал об успешной работе над лоджиями и рассчитывал в новом году отправить наибольшую часть росписей, упакованных в два десятка ящиков (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 281. Л. 14). По-видимому, они были отправлены в Ливорно 16 февраля 1781 г., вместе с произведениями, полученными от наследников Менгса (письмо Рейфенштейна от 21 февраля 1781 г.) (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 281. Л. 22). Из письма к Гримму от 15 июля 1784 г. следует, что Рейфенштейн посылал записку с перечислением материалов, направленных ранее в Петербург в 72 ящиках и рассчитывал закончить все работы над лоджиями в течение года (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 281. Л. 30). В то же время в письме к Рейфенштейну от 12 марта 1787 г. Джакомо Кваренги, отвечавший за строительство помещения, предназначенного для размещения копий и уже начавший их располагать на местах, указывал: «...обнаружено, что многого еще не хватает...» (Giacomo Quarenghi, 1988. 156).

Важные дополнения к этой хронологии дает переписка Сантини с А.А. Безбородко, по-видимому, курировавшим оплату лоджий. Интересен, например, расклад расходов на конец июля 1780 г. Общая сумма исчисляется в 11 888 скуди и 5 байокки. В нее входят выплаты людям, названным по их профессиям: архитектору (264 скуди, 50 байокки); живописцу (6 840 скуди); скульптору (1371.42); столяру (1731.95); позолотчику (966.28); живописцу здания (713.90) (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 504. Л. 138). На 13 июня 1781 г. общая стоимость работ по лоджиям Рафаэля составляла уже 21 200 скуди (АВПРИ, Ф. 78. Оп. 2. Д. 118, Л. 50 об.), а на 27 февраля 1782 г. – 30 812 скуди (АВПРИ, Ф. 78. Оп. 2. Д. 123, Л. 3 об.). Письмо Сантини к Безбородко от 22 декабря 1787 г., имеет, по нашему мнению, особое значение. В нем банкир вполне определенно сообщает о завершении работы над лоджиями и приводит счета, связанные с отправкой последних восемнадцати ящиков. Как можно понять, эти ящики под номерами 144–157 были отправлены в Петербург через Ливорно морским путем двумя кораблями – в марте и в мае 1787 г. В списке расходов Сантини отмечены также выплаты живописцу Унтербергеру, архитектору и автору моделей Кики и самому Рейфенштейну, вероятно, по случаю завершения работ. Общую сумму своих расходов по этому этапу работ Сантини оценивал в 3715 римских эку

(скуди), что соответствовало 5 284 рублям и 76 копейкам (АВПРИ, Ф. 78. Оп. 2. Д. 138, Л. 1 – 4 об.).

Работа над сооружением помещения для лоджий Рафаэля велась под руководством Джакомо Кваренги, выстроившего точную копию ватиканского коридора вдоль Зимней канавки. Работы завершилась, как предполагается, только в 1792 г. Авторами живописных копий был, как уже указывалось, Кристофоро Унтербергер с помощниками, но непосредственным участником работ нужно признать и Рейфенштейна, который контролировал процесс создания копий в Риме и занимался, вместе с Сантини, организацией их транспортировки в Россию.

По всей вероятности, с предполагаемыми работами по лоджиям связан вопрос о приглашении двух итальянских архитекторов в Россию, которым также пришлось заниматься Рейфенштейну. Его выбор пал на Джакомо Тромбару (1742–1808/1811) из Пармы и Джакомо Кваренги (1744–1817) из Бергамо, не имевших, в силу объективных причин, возможности реализовать свои проекты в Италии. Если карьера первого из них в России сложилась не очень удачно, и он работал в основном в провинции, для частных заказчиков, то Кваренги строил много и успешно. Он стал ведущим архитектором при Екатерине II и продолжил свою карьеру при Александре I. Он проработал в России почти сорок лет, оставив в Санкт-Петербурге, Москве и других русских городах многочисленные постройки. Приглашение в Россию Кваренги следует считать замечательным свидетельством понимания Рейфенштейном задач архитектуры, а также объективной оценки способностей художников и архитекторов.

Как видно из обширной переписки, опубликованной Кристофом Франком, переговоры Рейфенштейна с обоими архитекторами начались в середине 1779 г. После получения предварительного согласия от обоих, некоторое время ушло на составление и согласование их контрактов. В письме к Гримму от 23 августа 1779 г. Екатерина II выразила свое согласие с предложенными ими условиями. Годовой оклад Кваренги составлял 2000 скуди, а Тромбары – 1500 скуди, не считая дорожных расходов. В августе того же года Тромбара выехал из Рима в Петербург, а 14 сентября туда же направился Кваренги. Дорога была трудной и заняла у архитекторов много времени и, вероятно, много сил. Тромбара появился в Петербурге в начале декабря 1779 г., а Кваренги – только в первых числах февраля 1780 г. (Frank, 2003. 79 – 91).

Еще один важный сюжет переписки Екатерины II, Гримма и Рейфенштейна составляли произведения Антона Рафаэля Менгса (1728–1779), пользовавшегося исключительной славой в Европе того времени. В письме к Гримму от 29 апреля 1776 г. императрица выразила желание приобрести картины Менгса: «Я очень люблю картины, или одну хорошую картину Менса, но их трудно заполучить» (Catherine II, 2016. 71).

Менгс вернулся из Испании в Рим в 1777 г. Рейфенштейн, хорошо знакомый с ним, стал посредником между царицей и живописцем. В письме к Гримму от 18 февраля 1778 г. Рейфенштейн подробно останавливается на возможности заказа двух картин саксонскому мастеру. Речь шла о двух картинах на сюже-

ты, взятые из «Илиады» и предложенные ранее А.К. Разумовским – «Аполлон спасает Венеру, раненную Диомедом» и «Венера, спасающая Париса из рук Менелая». Предполагалось, что это будут монументальные полотна размерами примерно 250 на 350 см, предварительно оцененные около 4000 скуди за каждую картину. Сам художник с пониманием отнесся к выбору сюжетов: «эти два сюжета кажутся ему (Менгсу) включающими в себя все, что художник может пожелать в соединении стиля, героического, возвышенного и грациозного, он надеется, по меньшей мере, показать в этих двух картинах все, что питало его талант во время продолжительных упражнений в основных частях его искусства и сможет его вдохновить» (Catherine II, 2016. 247).

Картины так и не были написаны из-за болезни и смерти Менгса, последовавшей в Риме 29 июня 1779 г. Переписка Рейфенштейна с Гриммом, частично опубликованная К. Франком, не только дает свидетельства о последних днях жизни Менгса, но и показывает важную роль Рейфенштейна в приобретении произведений живописца, оставшихся после его смерти.

Уже на следующий день, 30 июня, Рейфенштейн сообщил Гримму о кончине Менгса. По его словам, тяжело больной художник глубоко сожалел, что не успел выполнить две картины на сюжеты из «Илиады», заказанные ему русской императрицей, чтобы выразить ей свою признательность (Frank, 2001. 91, 94). Хотя смерть Менгса не была внезапной и неожиданной, можно предположить, что его детям было трудно разобраться с делами покойного, оставившего много долгов. Судя по всему, здесь им очень помог Рейфенштейн, со свойственной ему практичностью и педантичностью. Он организовал составление описи имущества Менгса, в которой были тщательно перечислены картины и рисунки живописца, а также другие произведения искусства (в том числе – слепки с античных статуй и бюстов). Одновременно Рейфенштейн через Гримма вел переговоры с Петербургом о приобретении картин и рисунков живописца. Прошло больше года, прежде чем была достигнута договоренность о стоимости картин, картонов и рисунков Менгса, а также античной камеи с изображением «Персея и Андромеды» (письмо Рейфенштейна к Гримму от 6 сентября 1780 г.). Согласно данным, представленным Сантини, наследникам Менгса выплатили за произведения художника 19 650 скуди, 2000 скуди за неосуществленные картины на сюжеты из «Илиады» и еще 3000 скуди за античную камею (Roettgen, 1999. 572–575, 583–585; Frank 2001, 92).

Купленные произведения, по-видимому, были привезены в Петербург летом 1781 г., после чего Екатерина II распорядилась передать рисунки Менгса в Академию художеств. В настоящее время в Музее Академии художеств по-прежнему хранятся подготовительные картоны «Гений, увенчивающий искусства» (для росписи виллы Альбани), «Пророк Моисей на троне» и «Апостол Петр на троне» (для Кабинета манускриптов Ватиканской библиотеки). В Эрмитаже находятся монументальные композиции «Проповедующий Иоанн Креститель», «Благовещение» и «Суд Париса», две картины небольшого размера («Благовещение» и «Сошествие св. Духа на апостолов»), а также античная камея с изображением Персея и Андромеды.

Интересно отметить, что, по-видимому, чуть ранее, 1 сентября 1780 г. в Петербург была доставлена самая знаменитая картина Менгса «Персей и Андромеда», над которой он работал несколько лет (1774–1777). Законченная картина была представлена на суд художников и знатоков на вилле Барберини в конце 1777-начале 1778 г. и вызвала всеобщие восторги. Позднее ее приобрел за 600 цехинов английский любитель искусства сэр Уоткин Уильямс Уинн (Watkin Williams-Wynn). Картину отправили в Ливорно, где погрузили на корабль Westmorland, направлявшийся в Англию с многочисленными произведениями искусства. Однако около Марселя на него напали французские каперы, захватившие корабль. Позднее имущество и груз, находившиеся на корабле, распродали. В результате картина Менгса попала в Париж, где ее владельцем стал министр морского флота М. де Сартин. Рейфенштейн из своих источников знал о захвате корабля и писал об этом Гримму 25 февраля 1779 г. По-видимому, именно он подсказал своему корреспонденту мысль о приобретении шедевра Менгса для русской царицы. Более того, из письма Рейфенштейна от 24 марта можно заключить, что и сам Менгс знал о происходящем и даже выражал удовлетворение от того, что картина может попасть в Россию. В результате Гримму действительно удалось перекупить ее и отправить в Петербург (Frank, 2001. 80, 89, 90).

И здесь мы сталкиваемся с фактом, который можно признать парадоксальным. Активно приобретая произведения искусства для русских (возможно, также и для германских) заказчиков, Рейфенштейн удивительно редко получал разрешение на вывоз картин и скульптуры из Рима. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Рима, лишь трижды упоминают имя «советника Рейфенштейна» как подателя прошений о получении вывозной лицензии, к тому же каждый раз речь идет о произведениях, не претендовавших на высокую стоимость. Так, 20 апреля 1767 г. Рейфенштейн получил разрешение на вывоз 14-ти картин, среди которых значились два пейзажа фламандской школы, копия с Паоло Веронезе, картины живописцев XVIII в., Франческо Тревизани и Плачидо Костанци, а также произведения неизвестных авторов (ASR. Camerale 1. B. 679. F. 106). Скорее всего, эти картины не предназначались для отправки в Россию, потому что контакты Рейфенштейна с Шуваловым и Академией художеств начались несколько позднее.

Следующая лицензия относится к вывозу произведений скульптуры и должна быть связана с русскими заказами. В документе от 5 мая 1780 г. упоминаются мраморные статуи и бюсты работы современных мастеров, суммарно оцененные в 250 скуди: «...следующие мраморы, то есть Флора Фарнезе, другая аллегорическая статуя Женщины, которая приносит жертву, бюст Коринны, голова Гомера, одна (голова – С.А.) Гения, современные произведения» (ASR. Camerale 1. B. 693. F. 13 г.). Можно предположить, что это были работы, купленные или заказанные Шуваловым незадолго до возвращения на Родину, по каким-то причинам остававшиеся в Риме, в ожидании отправки. Среди них опознается аллегорическая статуя, более точно называемая «Признательность», заказанная Шуваловым молодому немецкому скульптору Фридриху Вильгельму Ев-

гению Деллю, находившемуся в Риме в качестве пенсионера Саксен- Готского герцога Эрнста II под покровительством Рейфенштейна. Статуя, подписанная Деллем, по всей вероятности, была поднесена Шуваловым Екатерине II в знак благодарности за возможность возвращения в Россию. Ныне она по-прежнему хранится в Эрмитаже (Карчева, 1991. 61–69).

Последнее известное нам разрешение на вывоз, полученное Рейфенштейном 22 мая 1789 г., несомненно, было связано с его руководством русскими пенсионерами в Риме. Согласно заключению асессора Пьетро Анджелотти, это были работы учеников, очевидно, пенсионеров Академии художеств: «все перечисленные картины исполнены молодыми учениками для их применения и они стоят двести пятьдесят скуди». В приложенном списке значились следующие копии: «...Похищение Европы Паоло Веронезе, которая существует в Капитолии. Другая большая (копия – С.А.), представляющая Св. Матфея, снятая с такого же Караваджо из Дома Джустиниани. Другая копия Магдалины, которая также существует в Доме Джустиниани. Другая (копия – С.А.) Св. Матфея Гверчино, копированная с картины в Капитолии, другая копия Св. Михаила Архангела у Капуцинов, другая копия Тайной вечери из лоджий Рафаэля, три головы, скопированные с разных оригиналов, два маленьких пейзажа, эскиз на исторический сюжет Фиданцы» (ASR, Camerale II. В. 13). Среди них можно отметить копию со знаменитого «Апостола Матфея» Караваджо, исполненную Михаилом Воиновым, которая ранее обсуждалась в письме Рейфенштейна, направленном в Академию художеств в Петербурге. К сожалению, картина не дошла до наших дней. Возможно, тот же Воинов был автором и «Марии Магдалины» Тициана, также упоминавшейся в приведенном ранее письме. Две картины повторяли оригиналы Паоло Веронезе и Гверчино из Капитолийского музея, а «Михаил Архангел» «у Капуцинов» – очень прославленная картина Гвидо Рени, до сих пор украшающая церковь Санта Мария делла Кончеционе, известную также как «церковь капуцинов».

Других документов, связанных с вывозом произведений искусства Рейфенштейном, найти не удалось. Не подавал, насколько нам известно, подобных прошений о вывозе копий с Лоджий Рафаэля и картин Менгса также постоянный компаньон Рейфенштейна Гаспаре Сантини. По-видимому, вывозились из Рима без получения лицензии также картины и скульптуры, о которых речь пойдет далее. Все это позволяет высказать предположение, что Рейфенштейн, проведший долгие годы в Риме, имел какой-то особый канал для организации транспортировки картин и скульптур из «вечного города». Может быть, в какой-то степени это было связано с деятельностью знаменитого антиквара Томаса Дженкинса, у которого Рейфенштейн купил целый ряд картин старых мастеров в начале 1780-х гг. История этой покупки до недавнего времени казалась таинственной, а имевшиеся сведения о ней были косвенными и неясными.

Осенью 1781 г., по-видимому, одновременно с поступлением картин и рисунков Менгса, в Петербурге были получены также картины старых мастеров, приобретенные Рейфенштейном у Дженкинса. Эти произведения не понравились Екатерине II, и 27 сентября 1781 г. она с гневом писала о них Гримму,

называя их «отвратительным хламом», как это словосочетание перевел в свое время Я.К. Грот (СИРИО, 1878. 154) (или «скверной мазней», что, как кажется, более подходит к живописи).

В то же время долго оставалось неясным, о каких картинах, купленных у Дженкинса, шла речь, и что вызвало столь гневную отповедь русской царицы. Лишь знакомство с неопубликованными до сих пор письмами «божественного» Рейфенштейна к Гримму позволило внести ясность в этот вопрос, а заодно убедиться в несправедливости упреков Екатерины II и таким образом, реабилитировать Рейфенштейна.

Информация о картинах, принадлежащих Томасу Дженкинсу и представлявших большой художественный интерес, появляется в письме Рейфенштейна к Гримму от 9 июня 1779 г.: «Г(осподин) Дженкинс, которого Вы знаете, только что обогатил Рим покупкой в Тоскане великолепных картин, достойных Капитолия (то есть Капитолийского музея – С.А.) или какой-нибудь другой первой галереи в мире...» (РГАДА. Ф. 30. Д. 10. Л. 78 об. – 79 об.). К этому письму прилагался краткий список из картин с их размерами и стоимостью. Это были произведения Корреджо (стоимостью 1500 цехинов), Рафаэля (2000 цехинов), Леонардо да Винчи (300 цехинов), Якопо Пальмы Веккьо (1000 цехинов), Скарселлино (1000 цехинов), а также две картины Никола Пуссена, без указания их цены.

По-видимому, ответом явилось письмо царицы к Гримму от 14 июля, в котором она признавалась, что не может устоять перед именами славных живописцев: «Что касается покупок Рейфенштейна, Корреджо, Рафаэль, Леонардо, Карраччи, Пальма, Скарселлино и Пуссена, какой дьявол может сопротивляться этим великим именам...». Однако императрица все-таки хотела узнать мнения Менгса, Батони, Марона и Хаккерта о перечисленных произведениях» (СИРИО, 1878. 154).

В письме Рейфенштейна к Гримму от 23 июня 1779 г. содержится более подробное описание произведений с указанием их сюжетов и оценкой их художественных достоинств. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Л. 78 – 83). Остановимся здесь на картинах, которые на данный момент убедительно идентифицируются. Картина, приписывавшаяся Рафаэлю, описана Рейфенштейном особенно подробно. Она изображала «Поклонение младенцу» с коленопреклоненными св. Иеронимом и Франциском. Рейфенштейн отмечал хорошую сохранность картины и относил ее к флорентийскому периоду творчества мастера: «Этот шедевр, который Рафаэль должен был исполнить, когда он отверг сухую манеру своего первого учителя, усвоив во Флоренции манеру писать более мягко, с более богатыми красками, как было принято в мастерских Леонардо да Винчи и фра Бартоломео». Картина, поступив в Эрмитаж, была записана в инвентарь под номером 2512 под именем Рафаэля. В дальнейшем она никогда не покидала стен музея, однако ее атрибуция была изменена. Уже во второй половины XIX в. эту картину отождествили с произведением Ридольфо Гирландайо, исполненным для монастыря в Честелло, которое упоминает в своих «Жизнеописаниях» Джорджо Вазари (*Вазари*, Т. 5. 1971, 10). В насто-

ящее время авторство Ридольфо Гирландайо и датировка картины началом 1510-х гг. не вызывают сомнений, и она находится на постоянной экспозиции музея. Таким образом, картина действительно была создана современником Рафаэля и художником, близким ему по манере живописи. Для конца XVIII в. атрибуцию Рафаэлю следует признать совершенно закономерной (*Кустодиева*, 2011. 115 – 118. № 78).

Картина «Св. Иоанн», считавшаяся произведением Леонардо да Винчи, была описана Рейфенштейном довольно кратко: «Третья картина – Леонардо да Винчи и представляет св. Иоанна в половину фигуры: это произведение хорошо написано и очень мягко закончено, хорошего периода для своего автора». Она была, вероятно, ошибочно занесена в инвентарь Эрмитажа под номером 2450 как изображение «Спасителя». На самом деле картина представляет реплику фигуры св. Иоанна из фрески Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» в монастыре Санта Мария деле Грации в Милане. Позднее возможным автором считался ученик Леонардо Марко д'Оджоно. В настоящее время картина приписывается другому ученику художника из Винчи – Джампетрино (*Кустодиева*, 2011. 125–126. № 85).

Картина, обозначенная в первом списке Рейфенштейном просто как «Картина Нашего Господа Луи Карраччи» при более подробном описании оказывалась изображением «Обрезания». По-видимому, при поступлении картина не понравилась Екатерине II, которая распорядилась передать ее в церковь св. Марии Магдалины в Павловске, строительство которой тогда завершалось, по проекту Кваренги. После закрытия церкви в 1932 г. «Обрезание» передали в Эрмитаж, а оттуда в 1980 г. в Дворцы-музеи Ломоносова (Ораниенбаума) (ныне – ГМЗ «Петергоф»). При реставрации, завершенной в 2012 г., открылась подпись Лодовико Карраччи и дата создания – 1611 год. В результате картина может быть отождествлена с находившейся в Оратории делла Скала, примыкавшей к церкви Сан Франческо в Ферраре, которую с похвалой упоминали старые путеводители по городу. Около 1772–1773 гг. ее продали Джону Удни (Udney), который, по-видимому, вскоре уступил ее своему соотечественнику Дженкинсу. Таким образом, в поле зрения исследователей возвращается фундаментальное произведение Лодовико Карраччи, считавшееся утраченным. Можно вполне согласиться с Рейфенштейном, характеризовавшим его как «капитальное произведение этого мастера, как по своей величине, так и по блеску своего исполнения и сохранности».

«Благовещение», созданное феррарским живописцем Ипполито Скарселлой, прозванным Скарселлино, имело примерно ту же историю, что и картина Лодовико Карраччи. Как и «Обрезание», картина Скарселлино происходит из того же Оратории делла Скала в Ферраре. Пройдя через руки Джона Удни и Томаса Дженкинса, усилиями Рейфенштейна, она попала в Петербург, где Екатерина II распорядилась о передаче обеих произведений в церковь Марии Магдалины в Павловске. «Благовещение» вернулось в Эрмитаж в 1932 г., но в 1980 г. его передали в Ломоносов (ныне – ГМЗ «Петергоф») (*Артёмьева, Бортникова*, 2022. 94 – 115).

Как следует из письма Рейфенштейна к Гримму от 6 октября 1779 г., им было получено согласие Екатерины II на покупку перечисленных ранее восьми картин (РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Л. 93 – 95 об.). В том же письме он сообщал еще о трех картинах, принадлежавших Дженкинсу, которые могли заинтересовать императрицу. Две из них, изображавшие сивилл, происходили из того же Ораторио делла Скала и также принадлежали Лодовико Карраччи и Скарселлино. Об их судьбе сведений пока что обнаружить не удалось. Возможно, их приобретение для Эрмитажа так и не состоялось. Зато нет сомнений в том, что для Эрмитажа была куплена третья картина, принадлежавшая Дженкинсу. Рейфенштейн дает ей следующее описание: «Сюжет составляют юноша и молодая женщина на кровати во время любовного разговора, которых из-за двери наблюдает старуха». Уже тогда картина приписывалась Джулио Романо и отождествлялась с упомянутой в «Жизнеописаниях» Джорджо Вазари как принадлежавшей в свое время герцогу Мантуи Федерико Гонзага (*Вазари*, Т. 4, 1970. 77). Заслуживает внимания и дальнейшая история этой картины, как ее рассказывает Рейфенштейн. «Она была одним из самых прекрасных украшений галереи Его Величества католического (короля Испании Карла III – С.А.), где некоторые доброжелатели должны были найти средство убедить, что картина такого рода не устраивала королевскую галерею в Испании. Было решено удалить ее из королевства, и Менгс был счастлив исполнить это желание. Он ее купил и обладал ею здесь среди многих других произведений, которые были вынуты из ящиков только после его смерти. В неотложных нуждах, в конце жизни, он уступил ее своему другу Дженкинсу, кошелек которого часто был открыт для него, с условием, однако, не выкупать ее при жизни (Менгса – С.А.). Он требовал поэтому ее хранить в тайне и даже не очень спешить ее продать в случае его смерти». Далее Рейфенштейн писал о некоем английском любителе искусства, который хотел бы приобрести картину Джулио Романо и ссылаясь на авторитет Вазари и Менгса, а также не названных по именам римских художников. «Профессора-ценители очень восхищались этой картиной, когда изучали другие. Я не считаю необходимым добавлять еще что-то после выражения их чувства по поводу этой картины. Выбор и свидетельство Менгса и Вазари достаточно гарантируют ее качество и оригинальность; она имеет 14 пальцев 8 дюймов длины на 7 пальцев 8 дюймов высоты, написана на дереве, ее стоимость 1000 цехинов».

Картина Джулио Романо была приобретена Екатериной II и занесена в инвентарь под номером 2511 как «Галантная сцена». Тем не менее, можно предположить, что эротические детали не понравились русской императрице, как и испанским королям. Картина не включалась в каталоги Эрмитажа и не выставлялась на экспозиции музея. В настоящее время авторство Джулио Романо принято всеми, а картина признана одним из лучших произведений художника. Тем не менее, сюжет ее остается неясным. Ни одно из предлагавшихся до сих пор толкований сюжета («Александр и Роксана», «Марс и Венера», «Юпитер и Алкмена») не может быть принято, потому что они не подтверждаются серьезными аргументами (*Кустодиева*, 2011. 131–133, № 90; *Androsov, Nikol'skij, Cvetkov*, 2019. 56–67).

Исходя из всего изложенного, следует признать, что Екатерина II и ее консультанты в Петербурге были неправы, столь критически оценивая приобретения Рейфенштейна. Возможно, как предположила недавно И.С. Артемьева, негативное отношение вызвали скорее картины из коллекции барона Цукмантеля, очевидно, привезенные на том же корабле. Тем не менее, реконструируя список картин, купленных Рейфенштейном, мы не только дополняем историю картинной галереи Эрмитажа, но и до какой-то степени восстанавливаем историческую справедливость.

Можно предполагать, что, получив суровую отповедь от Екатерины II, Рейфенштейн, кроме работ по копированию Лоджий Рафаэля, больше занимался покупкой и заказом резных камней, а также гравюр и миниатюр, о чем регулярно сообщал Гримму в своих письмах. В свое время В.Ф. Левинсон-Лессинг указывал, что, после отъезда Шувалова из Рима Рейфенштейн не занимался приобретением скульптуры, тем более античной (*Левинсон-Лессинг*, 1985. 99). Материалы, ставшие известными в последнее время, дают данные о покупке Рейфенштейном статуй и бюстов для русских коллекционеров, открывая новую страницу его деятельности. В частности, среди переписки Сантини находится послание Рейфенштейна, адресованное, по-видимому, А.А. Безбородко, которое, по косвенным данным, можно отнести к концу февраля-марту 1782 г. Рейфенштейн сообщает своему корреспонденту об отправке в Россию двух мраморных групп, исполненных мало известным скульптором Джузеппе Соди. Одна из них изображала «Амура и Психею», а другая – «Вакха и Ариадну». Далее речь идет о статуях, присланных в Рим скульптором из Каррары Антонио (Антуаном) Берте: «Венере Каллипиге», «Сидящем Аресе» (по-видимому, копия с «Ареса Лудовизи»), «Клеопатре», а также бюстах «Аполлона Бельведерского» и Солона. Все эти произведения перечисляются с их размерами и возможной ценой, таким образом, ясно, что они предлагались для продажи в Петербург (АВПРИ. Ф. 78. Оп. 2. Д. 123, Л. 7–8).

Чуть позднее в переписке Рейфенштейна появляются также упоминания о пяти статуях, купленных им для императорской коллекции по заданию А.А. Безбородко. В письме от 29 июля 1786 г. он сообщал Гримму о том, что они упакованы в пять ящиков и отправлены в Ливорно, откуда в мае на шведских кораблях были посланы в Петербург. Именно здесь советник указывает сюжеты статуй, очевидно, выполненных в мраморе. «Эти пять статуй представляют Гигею, Нимфу или Няяду, которая поддерживает двумя руками таз (*un basin*), Венеру, выходящую из бани и вытирающую волосы, маленького Аполлона Медичи и Геня, держащего лук, копию с такого же в Капитолии. Эти статуи предназначены для украшения бани; первая из них была заказана, а четыре других были одобрены после выбора, который я предложил» (АИИ, Ф. 203. Д. 165. Л. 5, 5 об). По крайней мере, четыре последние статуи из этого списка находились в императорском дворце в Гатчине. Их судьба после событий военного времени и немецкой оккупации города сложилась по-разному. «Аполлино» (копия со знаменитой статуи из Уффици) по-прежнему хранится в ГМЗ «Гатчина». «Нимфа» и «Купидон» были утрачены во время войны. Больше повез-

ло статуе «Венера, вытирающая волосы», которая была найдена в Гатчине и в настоящее время находится в ГМЗ «Павловск». Она была включена в каталог скульптуры из Павловска как копия с античного оригинала XVIII в. (Королев, 2007. 58. № 70). Имеющиеся документы позволяют уточнить датировку статуй. Очевидно, все они были исполнены в 1780-е гг. (Андросов, 2020. 32).

Опубликованные в последнее время дневники известного римского скульптора и реставратора Винченцо Пачетти (1746–1820) показывают, что Рейфенштейн был постоянным посетителем его мастерской, в которой всегда находились произведения скульптуры, древние и современные, предназначавшиеся для продажи. Нередко его при этом сопровождали русские любители искусства.

Так, в марте 1785 г. Рейфенштейн приобрел два античных бюста, реставрированных Пачетти, которые изображали Сципиона и Брута. Из записи скульптора от 21 марта следует, что предназначались они для «Signor Conte Rusaumoffski Moscovita» (Roma 1771–1819, 2011. 46). Без сомнения, это был граф Андрей Кириллович Разумовский, занимавший в 1777–1784 гг. пост русского посланника в Неаполе и регулярно посещавший Рим. К сожалению, упомянутые бюсты не идентифицируются.

Интересный эпизод, относящийся к сотрудничеству Рейфенштейна и Пачетти, связан с попыткой приобретения античной группы, реставрированной им как «Богиня Эйрена с Плутосом». Придя в мастерскую Пачетти вместе с Рейфенштейном 3 декабря 1792 г. Signor Moscovita предложил купить скульптуру за сумму в 250 цехинов, что показалось владельцу недостаточным (Roma 1771–1819, 2011. 129). Переговоры продолжились в следующем году, когда, по словам Рейфенштейна, General Moscovita был готов повысить цену. Наконец, 7 апреля сам Пачетти нанес визит Рейфенштейну и дал согласие на продажу группы за 250 цехинов (Roma 1771–1819, 2011. 134). Из этой записи мы узнаем имя генерала – им был граф Иван Григорьевич Чернышев, вице-президент Адмиралтейской коллегии, неоднократно посещавший Италию и покупавший здесь скульптуру. Сделка все же не состоялась, о чем можно только пожалеть. Эта группа была известна по документам со второй половины XVI в. и находилась на вилле Эсте в Тиволи. В 1788 г. ее купил Пачетти, который после реставрации пытался продать ее королю Польши Станиславу Августу, Чернышеву, а затем, с помощью архитектора Винченцо Бренны, и русскому императору Павлу I. В конце концов группу «Эйрена с Плутосом» приобрели для Ватиканских музеев, и она находится там в настоящее время (Picozzi, 1988. 65–83).

Однако основная совместная деятельность Рейфенштейна и Пачетти по покупке скульптуры оказалась связана с заданиями придворного банкира Екатерины II Ричарда Сутерланда. Получив должность придворного банкира в 1785 г., Сутерланд, вероятно, по прямому указанию царицы, стал активно заниматься покупкой произведений искусства. Он поддерживал деловые отношения с римскими банкирами Франческо Барацци и Гаспаре Сантини, однако, основным его компаньоном здесь стал маркиз Джузеппе (Иозеф) Чойа, очевидно, стоявший во главе небольшого банка. Чойа, в свою очередь, пользовался услугами того же Пачетти и его друга аббата Фабрицио Дзаннотти (1722–1804).

Результатом их деятельности стало приобретение двух партий скульптуры, включавшей в себя 18 произведений, в том числе монументальных античных статуй «Дионис с Деметрой» и «Геркулес» (*Андросов*, 2015. 150–159; *Davydova, Androsov*, 2019. 137–144). Однако сотрудничество Сутерланда с Чойей оказалось недолгим. В сентябре 1786 г. в Петербурге было получено сообщение о банкротстве Чойи, который не выполнил своих обязательств и остался в долгу перед Сутерландом.

По-видимому, после этого Сутерланд обратился к Рейфенштейну с просьбой продолжить деятельность по приобретению скульптуры. Письмо Рейфенштейна от 21 октября 1786 г. свидетельствует о том, что он принял на себя эти функции, рассчитывая, как всегда, на финансовую поддержку Сантини (РГИА. Ф. 602. Д. 93. Л. 176, 176 об.). В последующих письмах к Сутерланду «божественный» со свойственным ему многословием рассказывал о своих действиях в этом направлении.

В следующем письме, от 7 апреля 1787 г., Рейфенштейн писал о своей встрече с аббатом Дзаннотти, на которой обсуждались произведения, отобранные для продажи в Петербург. Наиболее подробно описана в этом письме статуя «Ганимед с орлом», копия Пачетти с античного оригинала, оцененная в 430 скуди («сделанная тем же умелым скульптором Пачетти»), а также античная статуя Аполлона ценой в 300 скуди («довольно искусно раставрированная, представляющая Аполлона в момент, когда он хочет дотронуться до своей лиры»). Речь шла также о «головах», вероятно, бюстах Венеры, оплакивающей Адониса, члена семьи Августа и Гракха. Их общую стоимость в 975 скуди Рейфенштейн считал вполне подходящей и умеренной (РГИА. Ф. 602. Д. 103. Л. 163, 164).

Далее в переписке, которой мы располагаем, возникла пауза, затянувшаяся более, чем на год. В письме к Сутерланду от 18 июня 1788 г. Рейфенштейн сообщал о своей болезни, продолжавшейся с конца зимы, но одновременно выражал свое неудовольствие, не получая писем из Петербурга. Тем не менее, он писал о шести ящиках со скульптурой, отправленных Гаспаре Сантини через Ливорно в Петербург. К письму прилагался также список произведений, посланных в Петербург на общую сумму в 1660 скуди» (РГИА. Ф. 602. Д. 112. Л. 33, 33 об.).

Основным поставщиком скульптуры и на сей раз был Пачетти. В его дневнике сохранилась запись о большинстве произведений, которые присутствуют в приведенном ранее списке. Их покупателями названы советник Рейфенштейн и аббат Дзаннотти. Нет сомнений, что они предназначались для отправки в Петербург. Заслуживает внимания также легкое расхождение между ценами, по которым бюсты были куплены у Пачетти и теми, по которым их продали Сутерланду.

Переговоры Рейфенштейна с Пачетти начались, очевидно, в январе 1787 г., когда скульптор записал под датой 31 января: «Был у господина Советника Рейфенштейна, мне говорил о коммерции с Москвией, хочу сопоставить вещи с аббатом Дзаннотти» (Roma 1771–1819, 2011. 69). Предложения по скульптуре

Пачетти передал Рейфенштейну уже 5 февраля 1787 г. (Roma 1771–1819, 2011. 70). А 28 марта мастерскую Пачетти посетили вместе Рейфенштейн и Дзанотти для совместного осмотра произведений, отобранных для России: «Пришел Советник Рефештин с аббатом Джанотти, чтобы посмотреть вещи, отобранные для Московии» (Roma 1771–1819, 2011. 71). О статуе Ганимеда, по-видимому, упоминал Пачетти также 14 мая 1787 г.: «Господин Аббат Дзанотти мне заплатил 200 скуди, которые с другими 50, уже полученными означают оплату за Ганимеда Господина Вольпато...» (Roma 1771–1819, 2011. 72).

Под датой 21 августа 1787 г. упоминается договоренность с аббатом Дзанотти о приобретении двух бюстов. «Сказанному Аббату Дзанотти передал две редкие головы Лусиллы и Победителя Немейских игр, каковые головы ныне продаются, мне должен заплатить цену в 80 скуди за первую и 60 скуди за вторую. Эти вещи доставятся к Господину Сутерлану в Россию» (Roma 1771–1819, 2011. 75). В результате было принято стало решение о приобретении пяти бюстов (запись от 3 сентября: «Вчера Господин Аббат Дзанотти подтвердил покупку бюстов, то есть Лусиллы 80, Парис и Венеры по 70, Вакханки 50, Антонина Пия 80 скуди, что вместе составляет 280 скуди») (Roma 1771–1819, 2011. 76). Наконец, 14 сентября договоренность о покупке бюстов была подтверждена: также и Рейфенштейном (Roma 1771–1819, 2011. 76). Для этой группы скульптур о разрешении на вывоз ходатайствовал Гаспаре Сантини и получил его 31 октября 1787 г. (ASR, Camerale I. B. 695. F. 221).

Не вызывает сомнений, что эта партия скульптуры была успешно получена в Петербурге, о чем узнаем из следующего письма Рейфенштейна от 27 сентября 1788 г., являющегося ответом на послание Сутерланда от 14 июля того же года: «Я был очень рад слышать, что Ваши 6 ящиков прибыли к Вам, и я буду еще более (рад), когда услышу, что Вы довольны их содержимым» (РГИА. Ф. 602. Д. 112. Л. 36).

К сожалению, описания всех произведений не отличаются большой подробностью, поэтому их идентификация вызывает большие затруднения. Статуя «Ганимед с орлом», копия с античного оригинала, исполненная самим Пачетти, может быть отождествлена с хранящейся ныне в ГМЗ «Павловск» (ее высота 152 см). Она была включена в каталог скульптуры дворца в Павловске как копия итальянского скульптора XVIII в. с античного оригинала (*Королев*, 2007. 98. № 80). Действительно, она является репликой статуи высотой 140 см, датируемой началом III в. н. э., хранящейся ныне в Ватиканских музеях (Музей Кьярамонти). Как кажется, имеющиеся в нашем распоряжении документы дают возможность признать статую из Павловска произведением Пачетти. Ее размеры вполне могут соответствовать оценке в 250 скуди, сделанной самим автором.

«Аполлон с лирой» также может быть отождествлен со статуей в Павловске. По-видимому, это статуя так называемого Аполлона Ликейского (высота 121, 5 см), которая считается древнеримской копией с оригинала эллинистического времени. По всей вероятности, реставрацией этого «Аполлона» также занимался Пачетти (*Королев*, 2007. 28, 29 № 9).

Сложнее обстоит дело с бюстами. Остается надеяться, что публикация данных документов позволит идентифицировать другие произведения, приобретенные в Риме Рейфенштейном.

Из уже упоминавшегося письма Рейфенштейна к Сутерланду, датированного 27 сентября 1788 г., можно понять, что в Риме обсуждалась следующая покупка скульптуры для России, в которой снова должны были участвовать Чойя и Дзанотти. Советник писал, что он видел у Дзанотти «бюсты и также статую, полную достоинств, многие хорошие произведения реставрируются еще у скульптора...» (РГИА. Ф. 602. Д. 112. Л. 36). Нет сомнений, что этим неназванным скульптором был Пачетти. Из записи Пачетти, сделанной 5 октября, следует, что скульптура должна была предназначаться именно Сутерланду: «Господин Аббат Дзанотти мне дал хорошие надежды на продажу Суттерману» (Roma 1771–1819, 2011. 86).

По-видимому, речь шла о скульптуре, список которой вслед за тем был послан Сутерланду, вместе с сопроводительным письмом к «господину советнику», подписанным «преданным слугой и другом». Он был составлен, вероятно, аббатом Дзанотти и включал в себя 1 барельеф, 14 бюстов и три статуи, изображавшие Амазонку, Эвтерпу и лежащую нимфу (о последней шла речь в предыдущей переписке). Общая стоимость этих произведений оценивалась в 2890 скуди (РГИА. Ф. 602. Д. 112. Л. 40, 40 об.).

Судя по всему, Сутерланд не подтвердил покупку скульптуры и даже не стал отвечать на это письмо. По крайней мере, на нем есть отметка о его получении 25 января 1789 г., но нет даты ответа, которую обычно ставил на обороте придворный банкир. Это можно объяснить тем, что еще 16 января 1789 г. Сутерланд сообщил своему корреспонденту о прекращении всяких дел с маркизом Чойя. Одновременно к Рейфенштейну через Сантини было переведено 500 цехинов, вероятно, в счет оплаты предыдущей партий скульптуры (РГИА. Ф. 602. Д. 161. Л. 23, 22).

Скорее всего, решение Сутерланда было вызвано тем, что Екатерина II уже полностью удовлетворила свой интерес к античной скульптуре (в 1783 и 1784 гг. в Петербург прибыла большая коллекция английского собирателя Лайда Брауна). Возможно также, что к этому времени финансовое положение Сутерланда пошатнулось, и он решил отказаться от рискованных и дорогостоящих операций связанных с покупкой антиков.

Как уже указывалось ранее, Рейфенштейн скончался в Риме в ночь на 6 декабря 1793 г. Его должны были хоронить ночью как протестанта из-за опасности беспорядков и нападения римской черни. Современник упоминает о грандиозных похоронах советника, организованных «русским министром», то есть Гаспаре Сантини. Эти строки прекрасно характеризуют значение Рейфенштейна для римского общества и вообще римской культуры конца XVIII в. «Этот человек был тем, кого называют антикваром, то есть человеком, который служит знатым иностранцам, объясняя им древности Рима... Он был общим покровителем художников всех национальностей, которые основывались на его суждении в своих произведениях. Его похороны были настолько торжественными, хотя, по обычаю, состоялись ночью, что даже римляне проявили к

нему уважение. Их организовал русский министр. Шестьдесят карет следовали за телом, потому что это был человек, известный всему Риму, и более, чем двести факелов были зажжены по пути. Русский министр, прусский министр и многие католики, большинство профессоров Академии св. Луки, шествовали за телом» (Rotili, 2004. 42, 43).

Даже перед самой смертью Рейфенштейн продолжал заботиться о пополнении русской императорской коллекции. Среди документов Кабинета Екатерины II за 1795 г. находится счет Фридриха Мельхиора Гримма об оплате провоза ряда произведений искусства из Рима через Франкфурт и Любек до Петербурга. В их число входил и портрет Менгса, завещанный Рейфенштейном императрице. Под датой 8 августа 1795 г. здесь значатся «Издержки с ящиком с портретом Менгса, оставленным по завещанию покойного Г-на Рейфенштейна Ея Императорскому величеству» (РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4029. Л.313 об.). Этот портрет находится в коллекции Эрмитажа и рассматривался как копия с известного автопортрета Менгса из Галереи Уффици во Флоренции (Roettgen, 1999. 344. Nr. WK 31). В то же время он отличается высоким качеством. Основываясь на информации, идущей от Гримма и зная о дружбе Рейфенштейна с Менгсом, можно с уверенностью подтвердить авторство немецкого живописца для эрмитажного портрета.

За помощь в работе автор приносит глубокую благодарность И.С. Артемьевой (Государственный Эрмитаж), Р. Р. Гафифуллину (ГМЗ «Павловск»), К. Франку (Университет Итальянской Швейцарии). Особая благодарность С.Я. Карпу (Институт Всемирной истории), предоставившему важные документы о Рейфенштейне.

ЛИТЕРАТУРА

Андросов С.О. Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб. 2011.

Андросов С.О. Неизвестный эрипод приобретения скульптуры в Риме // Сообщения Государственного Эрмитажа 2015. Вып. 73. С. 150 – 159.

Андросов С.О. Рейфенштейн и приобретение скульптуры в Риме. Новое о статуях Павловска // Кучумовские чтения. СПб. 2020. С. 29 – 38.

Андросов С.О. Лоджии Рафаэля в Риме и в Петербурге // Линия Рафаэля. Каталог выставки. М. 2022. С. 398 – 409.

Артемьева И.С., Бортникова Е.А. К истории приобретения И. Ф. Рейфенштейном картин для Екатерины. Часть 1. «Обрезание» Лодовико Карраччи и «Благовещение» Скарселлино // Искусствознание 2022/3. С. 94 -115.

Баженова О.К. «Список Дженкинса» об одном «потерянном документе // Павловск Парк Дворец Музей 2009 – 2010. С 33 – 39.

Бедретдинова Л.М. Иоганн Фридрих Рейфенштейн и Императорская академия художеств (по материалам дела в РГИА) // Иностранные мастера в Академии художеств. Сборник статей. М. 2007. С. 34 – 46.

Бортникова Е.А. Святой евангелист Иоанн Богослов в собрании ГМЗ «Петергоф» (новое из биографии художника и истории создания картины) // Академия художеств в прошлом и настоящем. СПб. 2018. С. 204 – 210.

Вазари, Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. IV. М. 1970. Т. V. М. 1971.

Гете И.В. Итальянское путешествие. М. 2013.

Карчева Е.И. Неизвестная статуя Ф. В. Делля, исполненная для России // Зарубежные художники и Россия. Часть 1. СПб. 1991. С. 61 – 69.

Королев Е.В. Скульптура Павловского дворца-музея. Каталог. Т. III. СПб. 2007.

Кустодиева Т.К. Государственный Эрмитаж. Итальянская живопись XIII – XVI веков. Каталог коллекции. СПб. 2011.

Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764 – 1917). СПб. 1985.

Сборник Императорского исторического общества. Т. 23. СПб. 1878.

Стадничук Н.И. Римский журнал графа и графини Северных // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2002. М. 2003. С. 25 – 83.

Франк К. Иоганн Фридрих Рейфенштейн – советник и агент русской императрицы Екатерины II // Пинакотекa 2003 № 16 – 17. С. 44 – 48.

Федоров-Давыдов А.А. Федор Яковлевич Алексеев. М. 1955.

Androsov S., Nikol'skij A., Cvetkov A. Alcune novita' sui "Due amanti" di Giulio Romano // Giulio Romano. Arte e desiderio. [Catalogo della mostra]. Milano 2019. P. 57 – 67.

Catherine II de Russie Friedrich Melchior Grimm. Une correspondance priver, artistique et politique au siècle des Lumiers. Tom I. 1764 – 1778. Edition critique de S. Karp. Moscou. 2016.

Cristoforo Unterberger. Un pittore fiemmese nell'Europa del Settecento. [Catalogo della mostra a cura di C. Felicetti]. Roma. 1998.

Davydova L., Androsov S. Brevi note storico antiquarie su una statua antica di Ercole nel Museo Ermitage // Bollettino d'Arte. 2019. Anno CIV, n. 43. P. 137-144. Diario Ordinario 15.05. 1779, n. 456.

Frank Ch. "Plus il y en aura, miex ce sera". Caterina II de Russia e Anton Raphael Mengs. Sul ruolo degli agenti "cesarei" Grimm e Reiffenstein // Mengs. Scoperta del neoclassico. [Catalogo della mostra a cura di St. Roettgen]. Venezia. 2001. P. 81 – 95.

Frank Ch. Appendice documentaria sul viaggio in Russia di Giacomo Quarenghi e Giacomo Trombara in 1779 // Dal mito al progetto. La cultura architettonica dei maestri italiani e ticinesi nella Russia neoclassica [Catalogo della mostra a cura di L. Tedeschi e N. Navona]. Mendrisio. 2003. P. 79 – 91.

Giacomo Quarenghi. Architetto a Pietroburgo. Lettere e altri scritti. (a cura di V. Zanella). Venezia. 1998.

Picozzi M.G. Il "Gruppo della Pace con Pluto bambino" di Vincenzo Pacetti // Monumenti musei e gallerie pontefici. Bollettino. 1988. T. 8. P. 65 – 83.

Roettgen St. Anton Raphael Mengs. 1728 – 1779. Bd. 1. Das malerische und zeichnerische Werk. Muenchen. 1999.

Roma 1771 – 1819. I giornali di Vincenzo Pacetti (a cura di A. Cipriani, G. Fusconi, C. Gasparri, M. G. Picozzi, L. Pirzio Biroli Stefanelli). Pozzuoli. 2011.

Rotili V. Quattro funerali protestanti nella Roma di fine Settecento e qualche novita' su Alessandro Trippel e Vincenzo Pacetti // *Ricerche di Storia dell'Arte*. 2004, 84. P. 41 – 48.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ АРХИВОВ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи (Москва)

АИИ – Архив Института истории (Санкт-Петербург)

РГАДА – Российский Государственный архив древних актов (Москва)

РГИА -- Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

ASR – Archivio di Stato, Roma (Рим)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

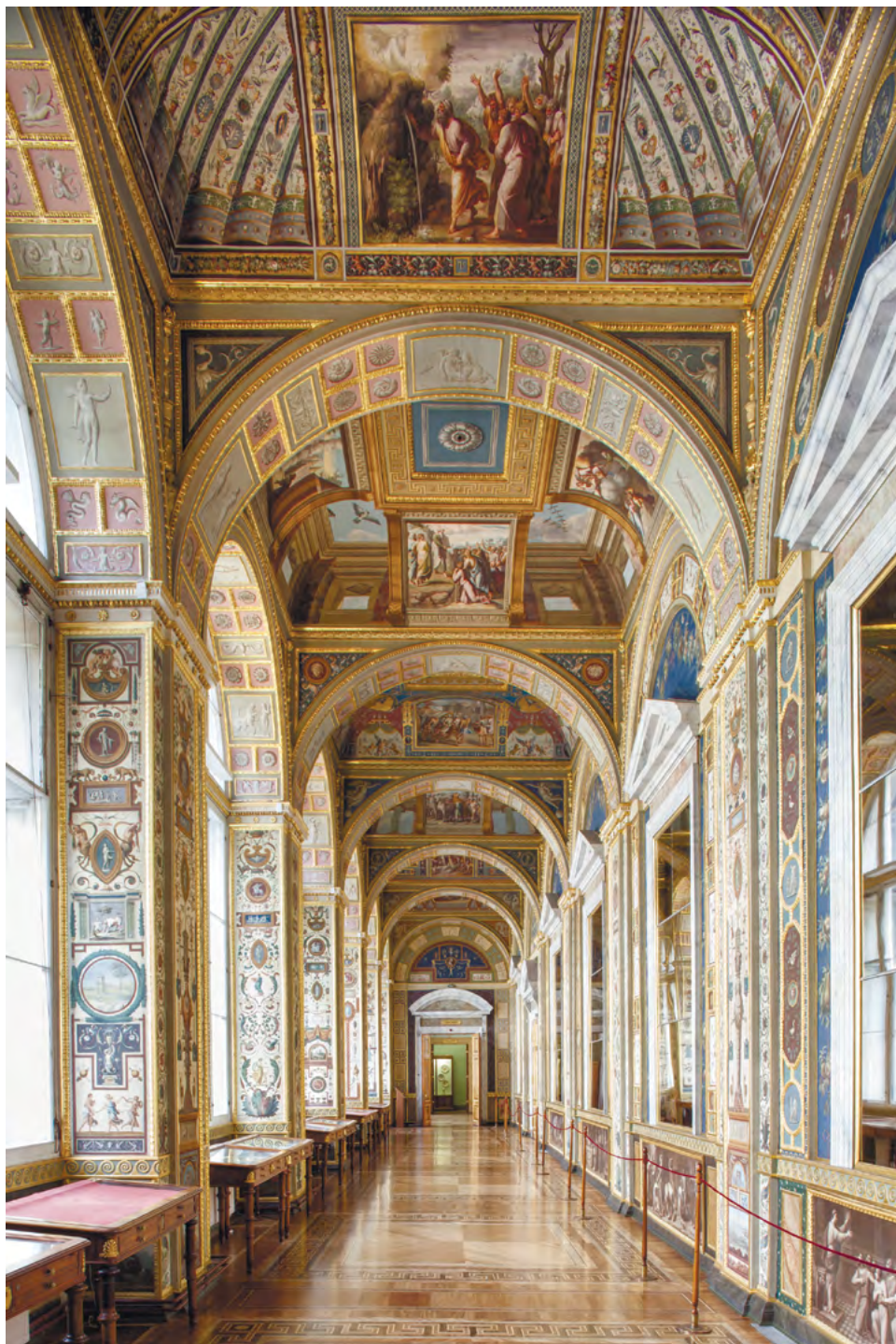

Илл. 1. Ангелика Кауфман. Портрет И. Ф. Рейфенштейна. Конец 1780-х гг.
Холст, масло. Частное собрание.

Илл. 2. Токке, Луи. Портрет И.И. Шувалова. Россия, Санкт-Петербург. 1750-е гг.
Холст, масло. 83х63 см

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Илл. 3. Лоджии Рафаэля. Государственный Эрмитаж.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Илл. 4. Лоджии Рафаэля. Государственный Эрмитаж.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Илл. 5. Менгс, Антон Рафаэль. Святой Иоанн Креститель, проповедующий в пустыне.
Германия, после 1772 г. Холст, масло. 208х153 см.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Илл. 6. Менгс, Антон Рафаэль. Персей и Андромеда. Германия. 1778 г.
Холст, масло. 227х153,5 см.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Илл. 7. Гирландайо, Ридольфо. Поклонение младенцу Христу со св. Франциском и св. Иеронимом. Италия, начало 1510-х гг.

Холст (переведено с дерева), масло, темпера. 173х174 см.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Илл. 8. Джампетрино (Джан Пьетро Риццоли), приписывается. Апостол Иоанн.
Италия. 1530-е гг. Дерево (пиния), масло. 163х337 см.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Илл. 9. Джулио Романо (Джулио Пиппи). Любовная сцена. Италия, между 1524 и 1525 гг.
Холст (переведена с дерева), масло. 163х337 см.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Илл. 10. Антон фон Марон. Портрет скульптора Винченцо Пачетти. 1790. Холст, масло.
Рим, Национальная Академия Св. Луки.

Илл. 11. Винченцо Пачетти. Адонис с орлом. 1780-е гг. Мрамор
Гос. Музей-заповедник "Павловск"

Илл. 12. Менгс, Антон Рафаэль. Автопортрет. Германия, после 1773 г.
Дерево, масло. 102х77 см.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

ШЕЛКОВОЕ, ПОЛОТНЯНОЕ И ПРЯДИЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО, УСТРОЕННОЕ НА ФАБРИКАХ В ОБРАЗЦОВОМ ГОРОДЕ СОФИИ ПО УКАЗУ ЕКАТЕРИНЫ II

А.В. Тарханова

По воле Екатерины II для апробации производства разных видов ткани именно в окрестности Царского Села, в создаваемом образцовом городе Софии, были учреждены прядильная и полотняная и шелковая фабрики, под руководством итальянского мастера Юлиана Гутейна (Julian Guttine)¹ и организована белильня для выделки полотен.

«Надобно знать, что Государыня Екатерина II, желая, сколько возможно, заселить и распространить, за верхнемъ Царскосельскимъ садомъ и большою дорогою, новый городъ *Софію*, повелела тамъ сперва устроить несколько десятковъ домовъ для 54 нанятыхъ, по контрактамъ, Англинскихъ мастеровъ и мастеровыхъ разнаго дела, многихъ и съ семействами, какъ то каменнаго, кирпичнаго, каменнотеснаго деланія сводовъ и другихъ, да и частнымъ людямъ весьма щедро способствовала въ построеніи тамъ домовъ и заведеніи фабрикъ, мануфактуръ и разныхъ ремесель», – сообщаетъ И. Яковкинымъ в книге «Описание села Царского или спутникъ обозревающимъ оное с планомъ и краткими историческими объяснениями» (1830 г.).

Краткое описание образцового города Софии, основанного по указу императрицы Екатерины II и объединенного с Царским Селом по указу императора Александра I в августе 1808 г., приведено в книге «Исторический очерк. Царское Село. Знакомое и незнакомое», Г.В. Семенова: «Софию называют «идеальным городом русского классицизма», с основания которого Екатерина II начала реформу российских городов. В сущности, это был градостроительный эксперимент, не реализованный во всей своей полноте, но оказавший значительное влияние на дальнейшее развитие Царского Села... Градостроительную и художественно-архитектурную композицию Софии разработал архитектор Ч. Камерон. Плану Софии была придана форма части круга, радиусами и границами которой в реальности служили Гатчинская и новая Новгородская, впоследствии «гулевая» Гуммаласарская дорога, ныне соответственно – Красносельское шоссе и Кадетский бульвар. С юга город очерчивали вал и ров, за ними находились земли городского выгона, граница которого была проведена параллельно передней линии города и городскому валу... Нивелирование и разбивка плана города на местности проводились инженер-майором П. Поздеевым под руководством

¹ В Контракте, заключенном с императрицей Екатериной II, имя указано так – «Юлиан Гутейн». В архивных документах встречается несколько вариантов написания имени: Джулиан [Юлиан, Жулиан, Жульен] Гуттейн [Гутин, Гутен, Гюттен]. Мы будем использовать современное написание этого имени.

генерал-майора Ф.В. Бауэра... С 1780 г. их возглавлял городничий подполковник А. Токарев... Промышленность Софии представлял старый кирпичный Дубининский завод. «Для распространения рукоделия» предназначались новые фабрики – прядельная, полотняная и ткацкая».

Таким образом, подробные сведения о «заводимой в Городе Софии Шелковой и полотняной фабрики» в литературе не встречались.

Данное исследование «Софийской фабрики» началось с того, что обнаружилось сведения о выделении в 1782 г. значительных средств² из комнатных сумм императрицы Екатерины II на обеспечение работы «заводимой в Городе Софии Шелковой и полотняной фабрики»:

– января 21 – «Софийскому Городничему на надобности для заводимой фабрики – 2000 [руб.];

– 20 марта – «Комиссару Базилевичу на производство при заводимой в Городе Софии Шелковой и полотняной фабрики работ – 6000 [руб.];»; «Софийскому Городничему на выдачу фабрикантам жалованья и за работы – 2000 [руб.];

– апреля 11 «Софийскому Городничему на жалованье фабриканту Гутину с прочими жалованья – 1000 [руб.];»;

– мая 17 – «Софийскому Городничему на строение для фабрики фабриканта и мастеровых 5 домов – 8851 [руб.];»;

– 1 августа – «Софийскому Городничему на строение фабрикантам домов, конюшни и сарая – 4441 [руб.];».

Составленный в 1783 г. «План города Софии с выгонной землей» не фиксирует местоположение «казенной Софийской прядельной и полотняной фабрики». Расположение фабрики, состоящей из каменных и нескольких деревянных зданий и строений³, определялось потребностью в водных ресурсах, поэтому можно предположить, что она находилась рядом с тем местом⁴,

² РГИА. Ф. 468. Оп.1. Д. 3897.

³ В 1790-е гг., при ревизии и ремонте зданий фабрики, связанных с передачей ее голландскому купцу фон Лилаарду, была составлена «Опись Фабрике в городе Софии». В ней указаны следующие объекты, относящихся к фабрике: «домъ, где жиль скульптор», каменный дом «где жиль слесарь», «домъ подле кузницы», «домъ, где жил токаръ», «домъ, где хранились пряжи», «домъ, где жиль Карла», каменный дом, баня. См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 352.

⁴ Нахождение полотняной, прядельной и шелковой фабрики определяет архивный документ, касающийся высочайшего повеления Екатерины II о назначении места для устройства белильни для беления полотен (РГИА. Ф. 487. Оп.1. Д. 960. Л. 1. Об устройстве белильни для полотен в Царском Селе. 1791 г.): «Милостивый Государь Аристарх Петрович!

Благоугодно ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, чтобъ белильня для беле́ния полотенъ построена была по прежнему позади бумажной мельницы на отведенномъ уже предсим для того месте о чемъ подченнейше донеся, Покорно прошу приказатъ Господину Инженер Капитану Толю, чтобъ вследствіи того зделал он планъ обще съ Мастеромъ Гуттейном и Смету вочто оное Строение обойдется, прислать ко мне.

Въ прочемъ имею честь быть съ искреннимъ Почтениемъ

Вашего Превосходительства
Милостивого Государя
Покорнейший Слуга
Петръ Турчаниновъ

В С. П.бурге
Сентября 8 дня
1791 Году».

где впоследствии, в XIX в., была Царскосельская обойная фабрика⁵.

Документы, собранные сотрудниками Кабинета ЕИВ к 1788 г., поясняют указы императрицы Екатерины II, связанные с обустройством нового текстильного производства в Софии, фиксируют сведения об организации «заводимой въ Городе Софїи Шелковой и полотняной фабрики», а также последующее переоснащение в 1790-е гг.

В этих документах содержатся данные о штате мастеров и служителей, перечень станков и инструментов, составляющих оснащение фабрик, а также перечень остатков тканей и нитей, характеризующий ассортимент тканей (указан размер полотняных полотнищ). Это предприятие предназначалось, в первую очередь, для апробации новых технологий и машинерии, предназначенных для оснащения русских ткацких фабрик, а также для изготовления тканей, необходимых императрице для апробации элементов тканевого убранства для отделки царскосельских дворцов. В дальнейшем, после этапа апробации и внедрения в России технологических новшеств, способствующих прогрессивному выпуску шелковых тканей, была проведена реорганизация этой казенной фабрики: императрице нужны были качественные полотняные изделия, в особенности столовое белье. В записке, составленной для сведения Кабинета ЕИВ, пояснено: «Въ прошломъ 1795-мъ году благоудно было блаженныя памяти ГОСУДАРЬНИИ дать изустное повеленіе бывшему въ то время Генералъ Майоромъ, что ныне Тайнымъ советникомъ, Попову о заведенїи въ Царскомъ селе полотняной фабрики усмотря въ помощь къ устроенїю оной торгующаго здесь Голландскаго Купца Фонъ Лилаарда. Вследствїе сего повеления препоручено отъ него было означенному купцу Лилаарду осмотреть в городе Софїи то строенїе, где уже и доселе такая же фабрика находилась, также и въ Царскомъ Селе место для построенїя белильни»⁶. Таким образом, приводимые в данной статье сведения и документы, выявленные в Российском государственном историческом архиве (РГИА), существенно дополняют опубликованные ранее научные материалы, связанные с генезисом русской ткацкой промышленности, и, соответственно, развитием видов искусства, сопряженных с этой отраслью.

Следует отметить, что перед началом проведения реорганизации ткацкой промышленности в России Екатерина II осведомилась о состоянии данной отрасли и ее коммерческом успехе, наблюдавшемся в Европе.

⁵ «В 1779 г. императрица Екатерина II распорядилась соорудить фабрику для производства высококачественной бумаги – гербовой и для денежных знаков-ассигнаций – на плотине 5-го Нижнего пруда, которые впоследствии получили название Фабричных. Строительство фабрики-мельницы производилось в 1784–1785 гг. по проекту и под руководством выдающегося петербургского военного инженера-гидротехника Ф.В. Баура... Дома для управляющего фабрикой, чиновников, мастеровых и воинской команды, охранявшей фабрику, а также склады находились с северо-западной стороны пруда. В связи с учреждением в 1819 г. Экспедиции заготовления государственных бумаг, включившей работников царскосельской ассигнационной фабрики, последнюю упразднили. Однако производство бумаги, перепрофилированное для выделки бумаги для обоев, здесь еще долго сохранялось. Царскосельская обойная фабрика, созданная на основе переведенной из Ропши Императорской обойной мануфактуры, занимала эти здания в 1819–1860 гг.». См.: Семенова Г.В. Фабрика ассигнационных бумаг // Энциклопедия Санкт-Петербурга [электронный ресурс] URL: <http://www.ensspb.ru/object/2855743646?lc=ru> (дата обращения 29 сентября 2023 г.).

⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 352

По указу императрицы Екатерины II стали разбирать архивные документы⁷, письма и книги, принадлежавшие Петру I и после их тематического и хронологического упорядочения отдавать в переплет. Поэтому императрице Екатерине II и ее тайным советникам стали известны аспекты, касающиеся посещения Петром I французских фабрик, и приглашения из Франции специалистов и мастеров для устройства ткацкого дела в России. Исследователи отмечают, что «первой шелковой мануфактуре» были предоставлены особые привилегии: безвозмездно выделены земли для строительства зданий и строений, дано право на беспошлинную продажу шелковой продукции⁸. Известно, что в период основания первых русских ткацких предприятий П.П. Шафиров закупил и вез в Россию беспошлинно крупную партию шелковых тканей из Италии⁹.

Определив необходимость реорганизации и развития шелководства в России, а также заведения русских фабрик по производству шелка, императрица воспользовалась законами, учрежденными при Петре I, упомянутыми нами выше. Так, 19 июня 1770 г. Екатерина II, рассмотрев просьбу своего подданного Н.А. Бекетова об определении необходимого ему надела земли в Астраханской губернии, подписала Указ:

«Поданнымъ ваше Превосходительство во оную канцелярію прошеніемъ просили о даче вамъ подъ заведеніе Шелковаго завода на основаніи проспирсаннхъ въ томъ Вашего Превосходительства прошеній ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА законовъ, дачею безденежно какъ и другимъ заводчикамъ въ смежности къ покупной Вашей земли удобнымъ къ сему заводу положеннымъ местамъ въ вечное владеніе... ОПРЕДЕЛЕНО отдать подъ заведеніе толь полезного государству Шелковаго заводу въ вечное вамъ владеніе безъ всякаго въ казну за оную платежа денегъ; А о даче Вашему Превосходительству, такъ какъ и Шелковому заводчику Сарафову для охранения какъ того завода, такъ и будущихъ на немъ мастеровыхъ и работныхъ людей отъ всякихъ воровскихъ нападений салдогвардіи здешнихъ баталионовъ десять человекъ Салдатъ и одного капрала, Собственнымъ Вашего Превосходительства всю ту команду содержаніемъ, въ Астраханскую оберкамендантскую канцелярію сообщено. А какъ все воинскія команды зависятъ отъ Государственной военной коллегіи, то по такой необходимости сія Сальвогвардія Вашему Превосходительству дана, оной коллегіи представлено доношеніемъ съ требованіемъ темъ, дабы она благоволила о неизъемлимости оной отъ Вашего Превосходительства къ здешнему Г-ну Обер-Коменданту подтсвердить Указомъ. Чего для сей ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и дан о вечномъ предписанною землею владеніи и о заведеніи на оной Шелковаго заводу, изъ Архангельской Губернской канцеляріи, Іюня 19го дня 1770го года»¹⁰.

⁷ Сведения о суммах, регулярно выделяемых для переплета писем и документов Петра I в 1780-е гг. содержат документы, фиксирующие расходы Кабинета ЕИВ.

⁸ Опубликовано на электронном ресурсе URL: trojza.blogspot.com (дата обращения 26 сентября 2023 г.).

⁹ Лаппо-Данилевский А. Русские промышленные и торговые компании в перв. пол XVIII в. СПб. 1899; Полуденский М. Пётр I в Париже // «Русский Архив» 1865 г., №№ 5, 6; Неелов В. И. Ткачество: от плетельных рам до многозевных машин. М., ЛЕНПРОМБЫТИЗДАТ, 1986.

¹⁰ РГИА. Ф. 398. Оп. 81. Д. 15. Л. 164 – 164 об.

В начале XIX в., зять Н.А. Бекетова отставной флота капитан генерал-майор Ахматов, подает прошение о компенсации ущерба по случаю случившегося пожара и сообщает, что имеет «Шелковичной заводъ со Ста-тысячами старыхъ и молодыхъ деревьевъ...»¹¹. Среди поданных документов сохранилась карта, на которой показано размещение строений предназначенных для шелководства и фабрики Бекетова / Ахматова, а также место плантации тутовых деревьев. (илл. 1–2) Эти уникальные свидетельства об устройстве образцового шелкового производства позволили нам понять закономерности обустройства подобных заведений, создаваемых по Указу Екатерины II в Софии, Киеве для апробации и последующего внедрения в России передовых отечественных и зарубежных методов производства шелка и лучших шелковых тканей.

К 1780 г. в Европе на ткацких предприятиях использовали как проверенные временем образцы машинерии (Илл. 4, 9–11, 21), так и новые станки и модели прялок, позволявшие существенно увеличить выработку ассортимента тканей, уменьшить трудозатраты и использовать рационально труд высококвалифицированных мастеров: «Так обстоит дело, например, с механической моталкой, имевшейся в Лионе в восьмидесятых годах XVII века, которая перемещает окрашенные обработанные шелка с мотка на храповики, используемые на следующих этапах ткачества: в этой операции женщина, работающая в одиночку, может заменить четырех работниц»¹².

На лионских фабриках, владельцы которых, по сведениям зарубежных исследователей, были одновременно комерсантами и знатоками производства шелка, предпочтение отдавалось ежегодной смене декора выпускаемого ассортимента тканей. При этом особую ценность представляли крупные полотнища ткани, но лионцы, как правило, обучали своих зарубежных учеников делать

¹¹ «Оное село досталось

покойной жене моей по покупке отъ Дяди ее Никиты Афанасьевича Бекетова, съ переводомъ платежа пятидесяти тысячъ родственникамъ Его. Въ Селе ономъ разведены обширныя виноградныя Сады, имеющія въ себе Виноградныхъ кустовъ 60 тысячъ, а изъ фруктовыхъ разныхъ сортовъ 5000 деревъ, приносящихъ пользу въ Россіи многимъ губерніямъ. – Для поливы коихъ устроены 10 ветреныхъ машинъ съ чугунными шестернями и пальцами, каждая стоить более четырехъ тысячъ рублей, и 10 конныхъ машинъ, стоящихъ также немалой суммы. Вина выделяется белаго, не уступающего ни въ чемъ французскому до 10ти тысячъ ведер. – Шампанского отъ Пяти до Семи тысячъ бутылокъ.

Крестьянъ при Г-не Бекетове было только 180 душъ. И какъ для исправного содержанія садовъ было ихъ недостаточно, то покупкою и переводомъ родовыхъ моихъ и жены моей крестьянъ, прибавлено 146 душъ; для поселенія коихъ куплена была у Князя Урусова по смежности къ Селу Началову земли, въ коей настояль крайней недостатокъ: ибо въ дачахъ села Началова удобной земли по планамъ числится только 1800 десятинъ, изъ

коихъ лучшая занята садами, тутовыми деревьями, посевомъ кунжута и горчицы, изъ коихъ выделяемое масло вошло въ большое употребленіе на место Параванскоаго. – И какъ покупныя у Князя Урусова земли въ 1803-мъ году по несправедливому представленію бывшего тогда здесь Губернатора Князя тенишева, отсуждены сенатомъ въ Казну, то переведенныя сюда крестьяне оставаясь безъ земли, зделались въ отягощеніе содержаніемъ ихъ помещику: ибо получаемыхъ отъ садовъ доходовъ едва только доставляло на содержаніе людей, на заплату процентовъ, не выплаченныхъ на покупныхъ крестьянъ и наследникамъ Бекетова долговъ коимъ после покойной жены моей осталось поименованныхъ въ духовной ея 75ть тысячъ рублей.

Къ оплате долговъ сихъ въ виду было устроенное во всехъ частяхъ капитальное заведеніе, огражденное кругомъ всей дачи для безопасности отъ наводненіевъ высокимъ Валою по примеру Голанди.

Размноженіе Садовъ и новый способъ выделяванія Винъ, открытой Эмигрантомъ точно по правиламъ Иностранныхъ, отъ чего и Вино улучшилось.

Шелковичной заводъ со Ста-тысячами старыхъ и молодыхъ деревьевъ...»

¹² Roberto Tolaini et Francesco Battistini. Lyon et l'Italie séricicole du XVIe au XVIIIe siècle. [Лион и шелководство Италии: XVI–XVIII вв.]. Presses universitaires de Lyon, 2009. p. 193–212. [Электронный ресурс] URL: <https://books.openedition.org/pul/13254> (дата обращения 29 сентября 2023).

ткани «по образцу», а не создавать новые декоративные решения. Благодаря своему оснащению и креативности лионские фабрики к 1780-м гг. по-прежнему были, практически, монополистами в создании лучшего ассортимента ряда узорчатых тканей. Исследователи отмечают: «Все более важная роль Лиона, признанная со второй половины века фабрикантами Европы, объяснялась существованием в этом городе особой организации производства, основанной на передовых технологиях и, прежде всего, на способности ежегодно выходить на рынок с новым ассортиментом оригинальных тканей»¹³.

В России в XVIII в. был известен коммерческий успех не только французского шелководства и шелкоделия, но и английского, а также – итальянского. В Англии использовали прежнюю машинерию французского типа:

«Монополия, которой до сих пор пользовались фабриканты, хотя и была неполной, имела достаточное влияние, чтобы сделать изобретения и открытия сравнительно редкими в торговле шелком¹⁴; но закон Спиталфилдса уничтожил все ростки улучшения. Парламент, в своей мудрости, счел нужным принять закон, согласно которому фабрикант должен платить за работу, выполненную с помощью лучших машин, столько же, сколько, если бы она была сделана вручную, было бы безумием думать о попытке сделать что-то новое»¹⁵.

По сведениям английских исследователей, в Англии (преимущественно, в Спиталфилдсе¹⁶), также как и прежде в Европе, были и локальные, частные ма-

¹³ C. Poni, *Moda e innovazione: le strategie dei Mercanti di Lione nel secolo XVIII*, in *La seta in Europa*. [Мода и инновации: стратегии лионских купцов XVIII века, шелк в Европе]. P. 17–55.

¹⁴ Более 1500 образцов ассортимента тканей фабрик и мастерских Спиталфилдса, включая разновидности атласа, дамасскую ткань, ткань с эффектом смывки, парчовый шелк и тафту, многие из которых имеют мелкие пятнистые узоры и полосы, а также представлены в различных невыцветших цветах, – собраны в альбоме образцов J. & J. Jourdain. *Silk textile sample swatch book*. London, Spitalfields, 177–1786. (Museum Purchase, OBJECT NUMBER 1974-47); разновидности английской ткани 1770–1780 гг. содержит и ассортиментная Книга образцов (V&A, инв. номер: T. 374–1972). См. Ротштейн Н. Шелковые узоры восемнадцатого века. V&A, Thamesand Hudson, 1990. p. 253. Разновидности французских материй, которые нелегально пытались продать в Лондоне 1760-е гг. представлены в альбоме образцов, который был передан в 1764 г. из таможенной компании Warner & Sons. Этот альбом был приобретен в 1972 г. Музеем Виктории и Альберта (V&A, инв. номер: T. 373–972). См. Лесли Эллер Миллер. Продажа шелка: книга образцов торговца (1764). Издательство Музея Виктории и Альберта. Лондон, 2014.

¹⁵ *Словарь коммерции*. Лондон, 1882. 1279.

¹⁶ Зарубежные исследователи поясняют феномен развития шелководства и шелкоделия в Англии: «Происхождение этой важной отрасли, основные производства которой расположены в Спиталфилдсе, восходит к отмене Нантского эдикта Людовиком XIV в 1685 году, когда французские протестанты, изгнанные из своей страны преследованиями, в большом количестве нашли убежище в Англии... Переселенцы были искусными ткачами из Лиона и Тура, которые установили свои ткацкие станки в Спиталфилдсе и наладили там массовое производство лостров, бархата, парчи, атласа, варианты очень прочного шелка, известного как падуасы, мундштуки, черные и цветные мантау, дюкапы, мантийные таби, а также ткани из смеси шелка и хлопка – все высочайшего качества, которое раньше можно было получить только на знаменитых французских ткацких станках. Вскоре беженцы научили жителей Спиталфилдса производить эти и другие товары самого высокого качества для себя, и их ученики вскоре сравнялись со своими учителями и даже превзошли их. Вайс сообщает, что узорчатые шелка, которые поступали из лондонских мануфактур, были почти исключительно результатом мастерства и трудолюбия трех беженцев, Лосона, Мариско и Монсо... К 1721 г. производство шелка в Англии увеличилось в цене на 700 000 ф. ст. больше, чем прежде. В тексте Закона, принятого в том же году для ее поощрения, шелкоделие определено как “одна из наиболее значительных отраслей промышленности этого королевства”». См.: Industries: Silk-weaving // *A History of the County of Middlesex: Volume 2, General*; Ashford, East Bedfont With Hatton, Feltham, Hampton With Hampton Wick, Hanworth, Laleham, Littleton [Отрасли промышленности: шелкоткачество // История графства Мидлсекс: том 2, Общие сведения]. – Victoria County History, 1911. – P. 132–137. [Электронный ресурс] URL: <https://www.british-history.ac.uk/vch/middx/vol2/pp132-137> (29 сентября 2023 г.); Charles Weiss, *Hist. of French Protestant Refugees* [Вайс Ч. История французских протестантских беженцев] (1854), 253. (1854), 253.

стерские, безупречно создававшие ткани, вид которых указывался в контракте, заключенном с заказчиком:

«Ткач обычно имеет два ткацких станка, один для своей жены, а другой для себя, и по мере того, как его семья увеличивается, детей в возрасте шести или семи лет обязывают работать перьями из шелка; в девять или десять лет собирать шелк; а в возрасте двенадцати или тринадцати лет (в зависимости от роста ребенка) его сажают на ткацкий станок ткать. Ребенок очень скоро учится ткать простую шелковую ткань, чтобы стать мастером в этом деле. Таким образом, ткач нередко имеет четыре ткацких станка, на которых работают члены его собственной семьи. На жаккардовом станке ткач может заработать 25 шиллингов, в среднем, в неделю (фн. 37); на бархатном или простом «богатом», шёлковом станке [для изготовления ткани с узором сложного плетения] – от 16с. до 20с. в неделю; а на простом шелкоткацком станке от 12 ш. до 14 с.; за исключением случаев, когда шелк плохой и требует тщательной чистки, когда его заработок уменьшается до 10 шиллингов в неделю; и на одной или двух очень низкокачественных тканях – 8с. иногда зарабатывают только в неделю, хотя, как сообщается, заработок на этих грубых тканях редко бывает таким низким... Дома, занимаемые ткачами, строятся для особого удобства их ремесла, имея в верхних этажах широкие решетчатые окна, идущие почти по всему фасаду дома. Эти «светильники» абсолютно необходимы для того, чтобы бросить сильный свет на каждую часть станков, которые обычно располагаются прямо под ними»¹⁷.

У Екатерины II особый интерес вызывали итальянские ткацкие фабрики и частные мастерские и мастера, а также меры, принимаемые государством. Итальянские исследователи отмечают: «В конце 18-го века, с пиком в 1870-х годах, итальянская шелковая текстильная промышленность, вероятно, насчитывала 24 000 ткацких станков для всех типов тканей, узорчатых, однотонных, чулок, лент: число, которое, таким образом, сравнимо с числом в годы господства [итальянских ткачей – А.Т.] в конце XVI-начале XVII вв.»¹⁸. Такому росту производства способствовала государственная поддержка итальянских фабрик. Исследователи предприятий Пьемонта отмечают: «Основным инструментом этой политики является ежегодное в период с июня по сентябрь посещение прядильных фабрик технологами и знатоками искусства производства шелка. Во время этих посещений технологи обязаны были обучать рабочих соответствующей практике, и если подрядчики или управляющие предприятиями не соблюдают правила, установленные правительством посредством «Патентной грамоты», технологи должны были налагать денежные взыскания»¹⁹. Императрица Екатерина II ориентировалась на выпуск тканей с применением новейших ткацких станков и механического способа их действия, осуществляемого при помощи ветряной мельницы. Такая

¹⁷ A History of the County of Middlesex... – P. 132–137.

¹⁸ Roberto Tolaini et Francesco Battistini. Указ соч.; Giuseppe Chicco. Il ruolo del Piemonte nell'industria serica italiana del Seicento // La seta in Italia dal Medioevo al Seicento: dal baco al drappo [Роль Пьемонта в шелковой промышленности Италии XVII века // Шелк в Италии от средневековья до семнадцатого века: от тутового шелкопряда до драпировки] / Molà, Luca; Zanier, Claudio Mueller Reinhold Christopher [Hgsg.] – Venezia, 2000. S. 353–356.

¹⁹ Там же.

технология применялась в Ломбардии и получила особое признание специалистов к 1785 г. Однако сбыту продукции и активному развитию многих ткацких предприятий Италии мешал экспорт французских тканей.

Для апробации модных разновидностей лучших зарубежных тканей и лент Екатерина II в 1780-е гг. заказала доставку отрезов таких материй. Сведения о заказе 1783 г. содержат «Реестръ выписаннымъ по указу по даннымъ образцамъ и отданнымъ въ Комнату ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО Величества отъ швейцарскаго Купца Иогана Вейнахта [J. Weynachet] товарамъ За которыя надлежитъ получить деньги [32658 рубля 33 $\frac{3}{4}$ к.].». Эти данные дают полное представление о большинстве видов ткани сложной выделки и расцветки, предназначенной для шитья костюма и для обойных работ.

Приведем лишь некоторые из них, расположив в алфавитном порядке и по целевому назначению:

Ткани, преимущественно плательные и костюмные

- Атласы – синий «съ розовыми мелкими пятнышками», белый «съ такими жъ алымъ шелкомъ цветочками», белый чашуйчатый «съ розовыми съ зеленою меткими цветочками», темно-вишневый «съ белыми съ разнымъ шелкомъ цветочками», гридленовый «съ Белыми съ алымъ с Зеленью цветочками» и «съ белыми съ амымъ с чернью мелкими пятнышками» и др.;

- Узорчатый гродетур – отрезы «двулишневаго оранжеваго съ белымъ, съ белымъ съ вишневымъ шелкомъ цветочками», «Селадоноваго съ белыми пятнышками и вишневыми цветочками», «двулишневаго мердуа съ белыми и вишневыми пятнышками и цветочками», «априкозаваго съ белыми съ вишневымъ шелкомъ цвеиточками», «Селадоноваго съ белымъ съ гридленевыми икофейными шелковыми цветочками», «Лиловаго съ Селадоновыми пятнышками», «белаго съ фиолетовыми пятнышками», «Селадоноваго съ разными шелковыми цветочками», «двулишневаго мердуа съ белымъ и съ белыми съ фиолетовымъ цветочками», и др.

- Камлотовъ шелковыхъ «Коришневаго съ голубымъ», «Вишневаго съ Голубымъ», «Мердуа с кофейнымъ», «Аранжеваго съ голубымъ», «Скворцоваго», «малиноваго съ чернымъ», «Вердепомъ съ Зеленымъ и белымъ», «Пунсоваго съ чернымъ», «Голубаго съ Белымъ», «Пунсоваго съ фиолетовымъ», «Селадоноваго съ Зеленымъ», «Селадоноваго съ малиновымъ», «Лиловаго съ фиолетовымъ», «Аранжеваго съ чернымъ», «пунсоваго съ чернымъ», «Пунсоваго съ фиолетовымъ» «Голубаго съ Белымъ», «шеколадной съ коришневымъ и белымъ»;

- Карле «фиолетовой съ поперешными и Змейчатыми полосами и зелеными тeneвыми пятнышками»,

- Мексикены – отрезы «мраморнаго съ зеленым и съ вишневым тeneвыми пятнышками», «Априкозаваго съ белыми съ вишневымъ шелкомъ цветочками», «вишневаго съ белыми пятнышками и белыми жъ съ чернью цветочками»,

- Тафта волнистая и узорчатая – отрезы «волнистой мердуа», «волнистой селадоновой», «белой съ голубыми съ Зеленью волнистыми цветочками», «Селадоновой съ волнистыми и печатными цветочками», «голубой съ печатными цветочками», «мердуа съ черненькими и белыми пятнышками», «маковой съ

алинькими съ белымъ мелкими пятнышками», «дымчатой съ белинькими съ чернымъ мелкими пятнышками», «дымчатой с печатными цветочками», родитуря «Зеленаго», «дикаго», «синяго», «белаго», «малиноваго», «чернаго», «двулишневой Голубой с розовымъ», «Оранжеваго съ Голубымъ» и др.

- Перувиены – отрезы «лиловаго съ такими же тeneвыми местами пятнышками», «Голубаго съ лиловыми мелкими тeneвыми пятнышками», «Селадоноваго съ Лиловыми съ белыми тeneвыми пятнышками», «Ускаго аранжеваго съ белымъ и съ Лиловыми тeneвыми пятнышками», «Гридлиневаго съ чижевым и съ белымъ тeneвыми пятнышками».

Ткани, преимущественно для обойных работ

- Атласы: «Белаго толстаго», «Белаго Средняго»
- Камлоты полушелковые: «Синяго съ малиновымъ», «Голубаго съ Аранжевымъ», «Голубаго съ Вишневымъ», «Розоваго съ Голубымъ», «Зеленаго съ Розовымъ», «Вердепомъ»,
 - Саржа – отрез «белой»,
 - Серсака – отрез «Серебренаго»
 - Тафта двойная и одинарная – отрезы «белой», «двулишневой оранжевой съ Голубымъ», «двулишневой Розовой съ Голубымъ», «Малиновой», «Зеленой», «дикой», «синей», «голубой»,

Указан и перечень приобретенных лент

- «Голубых кавалерскихъ широкихъ мерою по 40 ар. въ куске по 100 ру кусокъ»;
- «отласныхъ пунсовыхъ разной ширины и ценъ»,
- «Градитуровыхъ пунсовыхъ разной ширины и ценъ»,
- «белыхъ Градитуровыхъ разной ширины и ценъ».

Отметим, что выбор цветового решения материй не случаен, поскольку полностью характеризует технологические возможности окраски шелка, типичные для Европы 1780-х гг. Лучшие рецепты окраски шелка составляли по рекомендациям лионских мастеров. Многие из них приведены в книге «The ART of Dying Wool, Silk and Cotton, translated from the French of M. HELLOT, M. MACQUER and M. Le Pileur d'APLIGNY», изданной в Лондоне в 1789 г., переведенной с французского языка на английский. (ил. 9–13) Образцы окраски тканей XVIII и XIX вв. представлены в рукописи William Butt's dye book ²⁰ (1768–1785 гг., Beinecke Rare Book and Manuscript Library). Схемы плетения указанных в упомянутом Реестре тканях соответствуют схемам таблиц иллюстраций из тематического раздела французской энциклопедии «Наук, Искусств и Ремесел», представленной в собрании ГМЗ «Царское Село» и Государственного Эрмитажа (Энциклопедия Дидро и Д'Аламбера: Иллюстрации инв. № У-1883/ ...).

²⁰ Полное название книги: “Рукописный том, содержащий десятки подробных рецептов красителей для тканей, сопровождаемый небольшими образцами ткани, окрашенными в нужные цвета. Некоторые записи сопровождаются листками с заказами тканей и видом готовой партии товара”.

Исследователи выделяют существенную особенность, влияющую на развитие текстильной промышленности XVIII в.: «Моду диктовал не покрой, а узор и фактура ткани... Расходы на дамское платье исчислялись ценой материала, стоимость же сложного шитья была ничтожна. Материалы менялись чаще, чем фасоны платья. Именно материалы диктовали перемены в одежде»²¹. Коммерческий успех лионских фабрик основывался на ежегодном обновлении ассортимента, связанном с технологическими усовершенствованиями и разработкой новых рисунков. Для того чтобы определить варианты актуальных декоративных композиций и опробовать их в быту, Екатерина II приобрела отрезы тканей со сложными составными декоративными композициями. Сохранился список обойных тканей, предназначенных для отделки интерьеров и мебели:

«Нижеписанные обойные материи выписаны по Указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Голандцемъ Иоганомъ Энгберсомъ за которыя надлежит получить деньги а именно

	Рубли	Копейки
10 Кусковъ гродитуру широкаго белаго съ малеваными американскими птицами и древомъ съ разными цветами съ Золотомъ и Серебромъ мерою 225 арш. по 6 ру. 50 ко. арш.	1462	50
12 кусковъ гродитуру такого жъ малеваннаго живописью представляющую Китайцовъ въ разных упражненьяхъ мерою 270 арш. по 6 ру. 50 ко	1755	—
10 кусковъ Гродитуру такогужъ по Светлокрапивному грунту малеванаго живописью представляющей Китайской народъ въ разных упражненьяхъ мерою 225 арш. по 6 ру. 50 ко.	1462	50
14 кусковъ Отласу Зеленаго обойнаго съ разными шелковыми разводами мерою 327 арш. по 6 ру.	1962	—
13 кусковъ Отласу малиноваго съ желтыми разводами мерою 310 арш. по 6 ру	1860	—
11 Кусковъ Отласу Голубаго полосатаго съ разными пукетами съ птичками и бабочками мерою 256 ¼ арш. по 6 ру.	1537	50
13 кусковъ отласу малиноваго толстаго съ разными изображени-ями Китайцовъ мерою 330 ¼ арш. по 13 ру.	4293	25
Тогожъ Отласу на 12 кресель съ подушками и съ локотниками и на 2 Канапи по 50 ру. штука и того	700	
10 Кусковъ мерою 232 ½ арш. Градитуру белаго писанаго Сини-ми цветами съ серебромъ по 8 ру.	1860	
ИТОГО	16892	75

Jan Engberts & Comp.»²²

²¹ Roberto Tolaini et Francesco Battistini. Lyon et l'Italie séricicole du XVIe au XVIIIe siècle. Presses universitaires de Lyon, 2009. p. 193–212. [Электронный ресурс] URL: <https://books.openedition.org/pul/13254> (дата обращения 29 сентября 2023).

²² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3896. Л. 57.

Таким образом, к началу 1780-х гг. в камерцалмейстерских кладовых уже существовал запас тканей, состоящий из трех основных типов:

1. восточные ткани – остатки материй, относящиеся к снаряжению казенных «китайских» торговых караванов; ткани купленные для отделки Мраморного дворца;

2. ткани и ленты, голландские, французские, итальянские, немецкие и английские; басонные изделия, преимущественно, французские;

3. ткани отечественного производства (шелк, парча, тафта, бумазая), закупаемые для убранства дворцов.

Аналитический подход к сбору сведений по устройству ткацких фабрик, позволил Екатерина II определить концепцию будущей реформы текстильной промышленности России. По повелению императрицы был заключен контракт с механиком И.К. Миллером, находившимся в Италии, который сделал специально для апробации в России ткацкое оборудование, усовершенствовав по-возможности, используемые на европейских предприятиях виды станков и прочего оснащения. Для доставки этой машинерии, а также для ее наладки и изготовления в России, и еще для проведения реорганизации производства русского шелка, полотняных тканей и сукна, от имени императрицы Екатерины II был выписан по контракту итальянский специалист ткацкого ремесла Ю. Гутейн.

Контрактная работа Гутейна осуществлялась по распоряжениям императрицы и не зависела от приказов Кабинета ЕИВ. Многие выплаты производились из личных средств императрицы и комнатных сумм.

«Выписка о фабриканте Гутейне, и объ отпускаемых из Кабинета деньгах, какъ ему такъ и на содержание Софійской фабрики:

Фабрикантъ Гутейнъ находился при полотняной въ Городе Софіи фабрике, которая въ ведомстве Кабинета не состояла, а была какъ из дель видно подь управленіемъ господина генерала порутчика и кавалера Турчанинова, а въ отсуствія его препоручаема была бывшему въ Царскосельской канторе члену господину Коллежскому советнику Бееру.

И на каком основаніи помянутый Гутейнъ былъ выписанъ въ Кабинетъ неизвестно, да и Контракта его въ оный доставлено не было, а представлена имъ при последних же съ нимъ по Кабинету расчетахъ съ онаго копия из Которой видно что он Гутейнъ принять въ службу въ Риме господиномъ Рейфенштейномъ 1781-го года Августа 20-го дня на три года съ жалованіемъ по 2360 хр на годъ, для заведенія мануфактур шелковыхъ, полотняныхъ, льняныхъ и пенковыхъ, и обучать ему искусству данныхъ ему людей. Срокъ службы его считать со дня пріезда въ Россію; по прошествіи же трехъ летъ выдать на заведеніе 1000 ру, да на обратный проездъ, ежели же не пожелаетъ остаться 150 цехиновъ, и если угодно будетъ удержать его еще въ службѣ, то положить новыя условія.

Когда онъ пріехалъ въ Россію того въ Кабинете не было известно, а онъ Гутейнъ объявилъ, что первый его приездъ былъ въ Ригу 23 Ноября того 1781-го года, съ котораго времени и началъ онъ получать жалованье, коего по последнему расчету выдачи кончилось по 1-е Маія 1793 года, и по сіе время составить

всей его службы 11-ть летъ 6-ть месяцевъ съ днями; но былъ ли возобновленъ съ нимъ контрактъ по прошествіи какъ первыхъ трехъ летъ такъ и въ последующее время продолженія службы его въ Кабинете также неизвестно, а деньги привозились ему по особымъ Ея И-го В-а повеленіямъ.

По 1787-й годъ находился при помянутой Софійской фабрике, а втомъ году во время высочайшаго Ея И-го В-а присутствія въ Кіеве, Указомъ писаннымъ собственною рукою Апреля въ 20-й день 1787 года, на поднесенномъ отъ обер-Гофмейстера и кавалера Графа Александра Андреевича Безбородки докладе, касательно до препорученія вновь заводимого въ Кіеве шелковичного завода, на основаніи плана Фабрикантомъ Гутейномъ представленного, въ веденіе тамошнего Кіевского предводителя Капниста, между прочимъ повелено, первымъ пунктомъ: «Фабриканта Иулиана Гутейна отправить въ Италію для привоза оттуда осьми человекъ для сего завода потребныхъ, и необходимо нужныхъ къ тому орудій и вещей».

Отправленія же его въ Италію от Кабинета не было, а деньги выдавались по особымъ же повеленіямъ. По возвращеніи сего изъ Италіи въ 1788-мъ году съ мастеровыми и инструментами для Кіевского шелковичнаго завода нужными, употребленъ онъ былъ паке къ Софійской прядильной фабрике, где находился по 14-е число Іюня 1792-го года, по которое время удовольствованъ онъ отъ Кабинета какъ жалованьемъ такъ и проездными въ Отечество его деньгами».

Приведемъ перечень обязанностей этого универсального мастера, указанный в Контракте:

«Настоящий Контрактъ хотя приватною подписью отвержденъ, но однако долженъ имѣть место и силу какъ бы оной здѣланъ былъ публичнымъ Нотариусомъ.

Я Иванъ Фридеригъ Рейфенштейнъ по повеленію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Императрицы Всероссійской и проч.: принимаю въ службу ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Г-на Іюлиана Гутейна, на три года, для исполненія и обученія его искусству, какъ въ нижеслѣдующихъ пунктахъ изъяснено А ИМЕННО:

1^е. Что долженъ г-нъ Гутейнъ отправиться нынѣшнюю осень 1781-го года въ Санктпетербургъ для произведенія въ дѣйство наложенную ему должность: о мануфактурахъ шелковыхъ, полотняныхъ, изъ льна и пеньки, следуя по предписаннымъ Правиламъ Г-на Кавалера Миллера.

2^е. Во исполненіе сего долженъ онъ быть Директоромъ и управлять тремя подчиненными, которые съ нимъ отправятся в С-т Петербургъ, чтобы руководствомъ онымъ въ произведеніи работъ, по предписаннымъ правиламъ Начальника которому ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО благоволило вверить правленіе, надъ Мануфактурною Коллегіею.

3^е. Прежде начатія, и по опробованіи Начальникомъ все, что онъ почтетъ, въ пользу Государства для заведенія прядильнаго искусства въ тонкихъ сученыхъ ниткахъ, на новыхъ изобретенныхъ Г-мъ Кавалеромъ Миллеромъ колесахъ, следуя по предписаннымъ правиламъ въ его Книге о прядильномъ искусстве имъ сочиненной, и по другимъ наставленіямъ которыхъ копія вручена Г-ну Гутейну, что по прибытіи его въ С-тъ Петербургъ долженъ онъ снестись

к начальнику для зделания съ нимъ плана и исполнить такимъ образомъ какъ оное в Фолигне [Фолиньо] и в Тюрине производятся по представленію Г^{на} кавалера Миллера.

4^е. Что обучить ему всехъ поручаемыхъ ему отъ того начальника учащихся которые почтутся нужными для распространенія въ імперіи мануфактуръ суконныхъ, полотняныхъ нитокъ, машинами изобретенными темъ же Г^{мь} Кавалеромъ Миллеромъ, а особливо теми которые определены для сученія и для основы нитокъ.

5^е. Что наставлять ему подмастерьевъ и рабочихъ людей которые ему будутъ даны отъ тогожъ начальника къ деланію Штофовъ шелковыхъ, а особливо смешанныхъ изъ золотыхъ, серебряныхъ и бумажныхъ нитокъ, а изъ шерстяныхъ ковры, обои, и для стульев и кресель, чехлы, для произведения двухлестнею коммерціею во внутренности Имперіи следуя плану предложенному Г^{мь} и Кавалеромъ Миллеромъ.

6^е. Что обучать воспитанниковъ которые ему даны будутъ по Повеленію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рисовать по вкусу и примеру Французскихъ и Итальянскихъ фабрикъ.

7^е. Что обучать ему рабочихъ людей которыя ему даны будутъ искусству крашенія шелка по примеру Лионскому давая имъ на то письменныя рецепты къ составленію лучшихъ красокъ.

8^е. Что обучать ему сказанныхъ людей совершеннейшему способу разнымъ частямъ до сего искусства принадлежащихъ, къ деланію шелковыхъ штофовъ съ раскрашиваніемъ разными ветвями, такъ какъ красятъ в Лионе, и другихъ Городахъ Италіи, и такъ какъ онъ, оные производилъ во Флоренціи, Палерме и въ Риме.

Въ рассужденіи сего, прилагается здесь перечень плана техъ станковъ и машинъ кои присланы были ко двору съ разными образцами утвержденныхъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ

А ИМЕННО:

1. Станокъ двойной называемой Абутонъ для деланія Штофовъ коего рисунокъ малъ въ рассужденіи Образца означенного подъ литерою А и поднесенный ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

2. Станокъ абутонъ такого же рода простаго сложенія для деланія Штофовъ по образцу означенному подъ литерою В и поднесенной какъ вышесказано.

3. Станокъ двойной для деланія обыкновенныхъ штофовъ означенной подъ литерою С и поднесенный какъ упомянуто.

4. Подобный же станокъ простаго сложенія на деланіе обыкновенныхъ штофовъ означенной подъ Литерою D и поднесенной, какъ упомянуто.

5. Станокъ на деланіе золотыхъ и серебряныхъ парчей означенныхъ подъ литерою Е и поднесенный какъ сказано.

6. Станокъ со всеми ему принадлежащими снарядами на делание бархатовъ по образцамъ присланнымъ подъ знакомъ F.

7. Станокъ для деланія вышитой Церковной Утвари на обыкновенном Атласе, Генуеской Камки по присланному образцу подъ знакомъ G.

8. Машина для основывания всего принадлежащего до Шелковыхъ Штофовъ.

9. Машина для мотанія шелковъ на Итальянской образецъ.

10. Машина для деланія Канителей.

11. Машина для навожденія лоску на шелку.

Сверхъ того, упомянутый Г^{нб} Гутейнъ обязанъ велеть устроить сѣи станки и машины; приведя въ действо и науча способу къ употребленію оными рабочихъ людей, кои ему будутъ поверены равно долженъ прилагать все свои старанія, чтобы распространить въ Государстве искусство въ вырабатываніи шелка, пряденія, сученія, стращенія нитокъ, какъ оной въ Пьемонте делаютъ, какъ равно красительному искусству, тканью и всемъ другимъ такого рода работамъ, для приведенія вышеупомянутыхъ штофовъ къ ихъ принадлежащему совершенству. А какъ изобретенныя Г^{нб} Кавалеромъ Миллеромъ машины для пряденія, сученія, стращенія нитокъ весьма къ тому способствовать могутъ; то въ разсужденіи чего долженъ онъ велеть оныя сделать. И показывая все способы рабочимъ людямъ какъ оныя употреблять следуя моделямъ кои ему присланы будутъ изъ Италіи отъ помянутого Кавалера.

9-е. Реченный Г^{нб} Гуттейнъ обязанъ велеть сделать въ Петербургѣ Станокъ /à pointe de Hongrie/ изобретенной темъ Г^{нб} кавалеромъ Миллеромъ следуя модели, которая ему прислана будетъ, что потомъ долженъ онъ показать всю стройность сего станка, следуя наставленіямъ полученнымъ отъ Сказанного Г-на Кавалера Миллера.

10-е Что помянутый Господинъ Гуттейнъ обязанъ обучать всехъ техъ, которыхъ ему припорушено будетъ лощить и Атласить тонкіе полотна делать узорчатые камки и атласы на двухъ машинахъ изобретенныхъ Господиномъ Кавалеромъ Миллеромъ кои действуютъ во всю длинну штофовъ чего для и прислано отъ онагожъ Кавалера въ С^{тб} Петербургъ две Моделли.

11-е. Что помянутый Гуттейнъ обязанъ показать способъ какъ очищать ленъ и пеньку къ деланію тонкихъ полотень съ предписанными правилами, данными ему отъ Г^{на} Кавалера Миллера»²³.

Для представленія объ обязанностяхъ, характеризующихъ специфику работы нанятыхъ въ Италіи Гутейномъ мастеровъ, приведемъ текстъ контракта, заключенного 1787 г., проиллюстрировавъ его, преимущественно, рисунками и фотографіями изъ итальянскихъ книгъ и журналовъ 1880 – 1902 гг. (см.: **ил. 2, 5, 6**):

«Переводъ

Я Джулианъ Гуттейнъ, находящийся въ службѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ Всероссийской по части заведенія Мануфактуръ, объявляю въ присутствіи Его Превосходительства Господина Полномоченного при Венецианской Республике Министра и Морскихъ силъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль Майора Мордвинова, что въ следствіи повеленія и власти, данныхъ мне по ИМЯННОМУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу отъ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА Графа Безбородки, о найме и вывозе въ Россію

²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 371. Л. 163–166, 15, 62–72 об.

людей для основанія в оной на щет правительства разныхъ приготовлений къ деланію шелка по поднесенному отъ меня ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАМУ ВЕЛИЧЕСТВУ въ начале прошедшаго Апреля и удостоенному высочайшей Апробаціи плану, сею моею особенною записке которая имеетъ быть почитаема какъ бы учиненной въ присутствіи публичного Нотариуса со всеми узаконенными обрядами Актъ, принимаю Господина Серафина Зуальди и Госпожу Женовезу жену его въ Службу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на пять летъ съ темъ, чтобы они производили ремесло свое и обучали оному, какъ будетъ изъяснено въ нижеследующихъ пунктахъ, а именно:

1°. не позже первыхъ чиселъ Генваря месяца будущаго 1788-го Года, Господинъ Серафинъ Зуальди и жена его обязаны ехать въ Россію съ темъ, чтобы он Зуальди исправлялъ тамъ по званію своему должность прядильщика подъ начальствомъ управителя большого стана, а она жена его, заслужила бь место главной пряжи, подъ начальствомъ управителя пряжи, согласно с темъ, какъ въ апробованномъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА плане поставлено, и какъ отъ определенного къ сей части начальника приказано будетъ.

2°. По вынятіи шелка, когда начнетъ действовать большой стан, Господинъ Зуальди долженъ къ обработанію шелка и к надлежащей онаго выделке употребить все то, что завитит от большого стана, то есть: оное шелки обращать в основы и утки; а другіе шелки, как то простыя, первосъемныя и прядки, сучить соделывая годными для шитья.

3°. Онъ долженъ будетъ иметь присмотр касательно содержанія большого стана в чистоте и хорошем состояніи, заставляя чистить мотовилцы и все другія онаго приборы, дабы имель онъ надлежащий ходъ, по правиламъ установленнымъ для венецианского успеха помянутаго стана.

4°. Он же Господинъ Зуальди долгомъ своимъ имеетъ весною когда станъ стоитъ безъ употребленія, прилежать къ кормленію шелковичныхъ червей пока настанетъ пора пряжи.

5°. Госпожа Женовеза Зуальди, жена его, по своему главной пряжи качеству, должна иметь купно съ прочими главными пряжами вышнее надзираніе надъ прядениемъ, отправленнымъ посредствомъ котловъ по примеру какъ оное въ Ломбардіи употребляется, завися отъ начальства и приказаний управителя пряжи. Почему означенная Женовеза и должна присматривать надъ другими пряжами сама начиная мотки для техъ же, которыя мало упражнялись, должна учить ихъ какъ червячковъ въ котле болтать, обмакивать ихъ и снимать съ нихъ нити, навертывать оные на мотки и пасмы, съ меньшею сколь возможно потерю шелка, показывать им, какимъ образомъ перемешивать помянутыхъ насекомыхъ какъ обнаженныхъ, полуобнаженныхъ, такъ и яйца и охлопки и бархатовидные оныхъ гноеныя мешечки по пристойной соразмерности качеству всякого шелка изъ нихъ прядомаго. Сверхъ того она непрестанно должна смотреть пасмы, передніе оныхъ двойнишные концы, и на степень теплоты водъ, равно какъ и надъ темъ надсматривать, какимъ образомъ употребляютъ холодную воду на железе и нити, что толе много содействуетъ къ раскрытію шелковичныхъ мешочковъ и къ лоску, красоте и доброте шелка; тщательно примечать силу огня разводимаго прядильщиками умножать оный или уменьшать, какъ

качество шелка того требует; толкуя и показывая им оныя разности; заставляя их вычищать шелкъ, снимать съ мотовилецъ и складывать, научая при всехъ оныхъ действияхъ наблюдать такую твердость, опрятность и ухватку, съ какою обыкновенно поступаютъ, имея много онаго, дабы трогая его не измять, но сберечь; ибо сие можетъ починить не малую утрату въ навивке шелка.

При томъ имеетъ она всегда толковать прядильщикамъ при очищеніи ихъ нитокъ и шелковичныхъ обнаженныхъ червей, сколько имъ надобно навертывать и выравнивать помянутыя нити, и когда имъ должно выбрасывать из котла оныхъ обнаженныхъ червячковъ, чтобы не поделать много обрывков и шелку наподобие Арапскаго и простаго къ сущей потере онаго. И наконецъ помянутая госпожа Женовеза обязана подъ руководствомъ управителя пряжи, наставить и обучить варению, по данным и исследованнымъ началамъ, всехъ техъ женщинъ, кои къ ней пришлются, дабы преумноженіемъ числа искусныхъ прядильщицъ сей промыселъ могъ по всей ИМПЕРІИ распространиться.

6°. Но какъ пряденіе шелка не более трехъ месяцевъ въ Году продолжается. То до времени последующаго за темъ собранія шелковичныхъ яицъ, помянутая госпожа Женовеза должна прилежать и управлять пряденіемъ простаго шелка, капичола называемого, первосъемного и прядокъ шелковыхъ, весною же иметь пещеся о вскармливаніи червей, пока приспееетъ время новой пряжи.

7°. А Господинъ Серафимо Зуалди равнымъ образомъ обязанъ наставить и обучить всехъ техъ учениковъ, которые даны ему будутъ, соделывая ихъ искусными во всехъ частяхъ пряденія, обращенія съ большимъ станомъ и во всемъ прочемъ, что къ его званію принадлежить, чтобы ученики сїи могли оную ветвь промысла распространить въ Имперіи.

8°. Въ награжденіе же за вышеизъясненные труды помянутыхъ Зуальди и жены его Женовезы, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО прикажетъ производить Господину Серафину Зуалди ежегодно по четыреста по пятидесяти рублей, а Госпоже Женовезе жене его по пяти сотъ по пятидесяти рублей въ годъ, а обоимъ тысячу рублей Россійскою ходячею монетою, которыя имъ всегда впредь платимы будутъ въ техъ равныхъ доляхъ, каждая чрезъ четыре месяца, и именно по триста по тридцать по три и одной трети рубля. Сверхъ того ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволяетъ дать имъ домъ для нихъ и для семейства ихъ, также дрова и свечи, какъ для работанія по ихъ званію, такъ и для собственного употребленія въ доме ихъ. И наконецъ если бъ понадобилось господину Зуальди и жене его, для исполнения дель по сей ихъ обязанности, ехать куда-нибудь вонъ изъ места, где учреждена Мануфактура, въ такомъ случае дорожные протори будутъ имъ платимы.

9°. Помянутый Годовой окладъ составляющий всего тысячу рублей, въ пользу рученнаго Зуалди и жены его начнетъ идти съ 1-го числа будущаго Генваря 1788-го Года. И Сверхъ того дается ему Господину Зуальди на путь его изъ Венеціи въ Россію восемьдесятъ червонныхъ, и столько же на дорогу жене его, а всего сто шестдесятъ червонныхъ; которая сумма денегъ выдается имъ и по истечении пятилетнего срока, на обратный имъ обоимъ путь. Наконецъ когда Господинъ Зуалди и жена его верно и достаточно выполнять все обязанности, возлагаемые на нихъ симъ договоромъ, тогда ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изъ высо-

чайшей милости своей прикажетъ имъ выдать по прошествіи пятилетнего срока, единокрatно въ награжденіе обоимъ шестьсотъ рублей.

10°. Въ случае же. /: чего Боже сохрани: / когда бѣ климатъ Россіи оказался вреднымъ здравію Господина Зуалди и жены его, и когда бѣ тамошніе лекари сочли нужнымъ для сохраненія ихъ и для здравія возвратиться имъ въ Италію, и когда потому были бѣ они принуждены ехать из Россіи прежде истеченія пятилетнего ихъ срока, въ таковомъ случае ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соблаговолить велеть имъ выдать заслуженное жалованіе по день отъезда ихъ, и сто шестьдесятъ червонныхъ, положенные на обратный ихъ путь.

11°. Мы Серафино Зуалди и Женовеца Зуалди читавъ неоднократно выше-прописанные десять пунктовъ, и имея полное сведеніе и разуменіе о содержаніи оныхъ, смысле, силе и существенности, по подлинному званію нашему и полной и свободной воле, обещаемся и обязуемся производить и исполнять верно, каждый со стороны своей, во всемъ, пятигодичное время по сему нашему договору, начиная с 1-го числа будущаго Генваря все оныя обязанности на насъ возложенныя въ помянутыхъ пунктахъ съ темъ, чтобъ мы себя подвергли всемъ изъясненнымъ въ нихъ условіямъ, не освобождая себя ни отъ какой статьи тамъ изображенной, которые все охотно и добродушно мы примемъ.

12°. По глашенію вышеписаннаго одиннадцатаго пункта все договаривающіеся стороны сказуютъ, признаютъ и объявляютъ паки, что они совершенно поняли весь смыслъ и содержаніе сего договора, который все взаимно утверждаютъ; по елику никакой статьи в ней не забыть, и не отставлено места впредь ни къ какому взаимному притязанію относительно употребленія формъ и перетолкованія, держась просто буквеннаго смысла, и каждый с своей стороны – во всемъ по содержанию, торжественно обещая исполненіе, колико возможно точнейшимъ образомъ. Для вышего же утвержденія сего договора, Его Превосходительство Полномочный ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ Всероссийской при Венеціанской Республѣкѣ – Министръ и Морскихъ Ея Силь Генераль Майоръ Мордвиновъ, самъ изволилъ подписать оный и печать къ нему свою приложить. Почему и договаривающіеся стороны въ срокъ присутствія подписались въ трехъ Экземплярахъ: одинъ для оставленія в Венеции, другой для послылки въ Петербургъ, а третій для врученія господину Серафину Зуалди.

Венеція сего 6-го Октября 1787 года. Имеетъ служить на пять летъ, начиная какъ изображено ежегодно по 1000 рублей.

На подлинномъ подписано тако:

Мордвиновъ

Джулианъ Гуттинъ

Все вышеписанное утверждаю Серафинъ Зуалди тожъ

Женовеца тожъ»²⁴

Перечень станковъ и другихъ инструментовъ, купленныхъ Гутейномъ в Италіи в 1787 г. изложенъ на итальянскомъ языкѣ и переведенъ на русскій языкъ.

²⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 371. Об отпуске из кабинета сумм на содержание казенной Софійской Прядильной и полотняной фабрики и о фабрикантѣ Гутейнѣ. С 1787 по 1796-й годъ по августа 2-го 1787 года. Л. 85

«Записка

Издержкам учиненнымъ Жульеномъ Гюттенемъ въ Италіи по препорученію
Его Сиятельства Графа Александра Андреевича Безбородки по повелению ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Кіеве 27 Мая 1787-го года

Сии цилиндры по употребленію гугена находятся в Софії	Заплачено въ Венеции разнымъ людямъ подъ ихъ росписки A	секов 700	—
	Заплачено Литейщику Арсенала въ Венеціи за вылитіе двухъ Цилиндровъ изъ металла, на подобіе Лионскихъ и Венециан- скихъ весомъ 1895 фунтовъ подъ расписку B	710	2/3
	Заплачено Господамъ Капелину и Реберту за зделаніе Боль- шого Цилиндра, за выточеніе и обделание и за опытъ, который онымъ учиненъ былъ у Его Превосходительства Мордвинова въ Феврале месяце лощить разныя матеріи, подъ Росписку C	375	
	За деревянной Цилиндръ и его обделку, за сдѣланіе опыта, за дрова, Уголья, за работника и шесть аршинъ Серебряной парчи по записке D	128	
	Заплачено Господину Лекуру за перспективной рисунокъ со всеми къ тому принадлежностями и съ масштабомъ, на пяти большихъ листахъ за рисованіе и покрытие краскою. Рису- нокъ сей представляетъ Большую Мельницу для мотанія и сученія шелку, которая находится въ Плезанце на реке По, под росписку E	секинов 1913 60	2/3
	Заплачено за открытіе искусства Делать Газы и Крепы Больн- сике, за два къ тому гребня и модели машинъ для всехъ произ- водствъ для деланія сказанныхъ Газовъ и Креповъ принадле- жащихъ; равнымъ образомъ за разные пробы, учиненныя Г-мъ Калви, и на прожитокъ въ Балоне съ Іюля по Сентябрь мѣсяцъ для изученія всехъ сихъ раблоть, по записке F	173	
	Заплачено за 4 модели разнымъ машинамъ въ Ломбардіи находящимся, для пряденія шелку, по росписке G	45	
	Заплачено за разныя инструменты ко сказаннымъ выше ма- шинамъ, для пряденія и сученія шелку и пр. по записке H	184	
	Заплачено Г-ну Жуберти чрезъ Адвоката Каллія въ Турине, за 5 фунтовъ яйцъ шелковичныхъ, по росписке J	41	
	Заплачено за проездъ Колонистовъ изъ Италіи въ Санктпе- тербургъ по ихъ роспискамъ K	970	
	ИТОГО Секиновъ	3386	2/3

считая по по 3 ¼ ру. за Секинъ РУБ.	11006	41
-------------------------------------	-------	----

За издержки Колонистовъ въ С-Петербурге за 3 месяца про- житья или въ сей столице до отправленія их в Кіевъ	750	
--	-----	--

ИТОГО Руб.	11756	41
------------	-------	----

Получено въ Октябре месяце отъ Его превосходительства
Господина Мордвинова въ Венеціи Секинов 364

Тожъ въ Декабре отъ Графа Моцениго въ Ливорне 850

отъ него же въ Апреле месяце в Пизе 1200 _____
Секинов 2414

Считая по 3 ¼ ру. за Секинъ	7845	25
-----------------------------	------	----

Рубл.	3911	25
-------	------	----

При подаче сея записки секинъ стоилъ 3 р. 25 ко, а когда Гуттенъ былъ заплаченъ, то тогда стоилъ 3 р. 60 к. отчего онъ имель существенную потерю въ той выдаче, въ коей онъ нимало не корыстовался».

Таким образом, Ю. Гутейн привез из Лиона и Ломбардии новое оборудование, позволившее наладить производство очень практичной и красивой плотной блестящей тафты, парчи, штофов и прочих шелковых и полотняных материй, необходимых для убранства интерьеров. Нам удалось выявить Белый штоф (ил. 1 8) созданный на ткацком станке, заказанном по высочайшему повелению Екатерины II (Илл. 15): «Станокъ двойной называемой Абутонь для делания Штофовъ коего рисунокъ малъ въ рассуждении Образца означенного подъ литерою А и поднесенный ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ». Этот белый штоф с мелким узором (ширина рапорта ок. 44 см) был использован для изготовления Штандарта Лейб-Кирасирского полка [Ея Императорского Величества]²⁵ именно потому, что он был узнаваем (скорее всего, применялся в отделке покоев и предметов, принадлежащих Екатерине II). Рисунок штофа соответствует выбранной императрицей типологии образцов. Это вариант симметричного «малого» рисунка, состоящего из крупных и более мелких садовых цветов: гвоздик, пионов, бархатцев и др. Большинство элементов рисунка видны, что способствует точному воссозданию рапорта (в том числе и закрытых вышивкой деталей). Изображенные на штофе садовые цветы украшали сады императорских резиденций, напоминали изображения цветов на английских и китайских тканях XVIII в. Текстура штофа видна на аналогичном штандарте Лейб-гвардии Кирасирского полка Ея Императорскаго Величества (штоф другого цвета и ри-

²⁵ Штандарт из белого штофа указан М. Марковым, при описании полковых штандартов периода правления Екатерины II. См: Марков М. История Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка. СПб., 1884 г.

сунка) из собрания ГМЗ «Царское Село» (инв. номер: ЕД-1507-II; размеры: Дл. – 52 см; ш. – 44, 2 см). (Илл. 15). Текстура сатина желтого и палевого оттенка, ставшего образцом для изготовления штандартов Лейб-гвардии кирасирского полка в 1817 г. видна на фрагментах этой ткани, приложенных к документам, обнаруженным в РГИА. (Илл. 14, 17) В них речь идет о срочном заказе, который, в итоге, был предоставлен фабрике Лазарева.

При описании предметов Купольной комнаты Зубовского флигеля Старого (Большого) Царскосельского дворца, в архивных документах упомянут палевый баркан, что вполне соответствует цветовому решению баркана, воссозданного по французскому образцу XVIII в. для обивки стула из собрания музея Виктории и Альберта (инв. номер: 1062–1882). Баркан – плотная и тяжелая шерстяная ткань с двуниточной основой и от 3-х до 6-ниточным утком, которой придают во время каландрирования²⁶ муарообразный рисунок, употребляется для обивки мебели.

Известна стандартная ширина баркана, который закупался для дворцов Царского Села: «Барканъ штофный разныхъ цветов, шир. от 14 до 15 верш.»²⁷. То есть 62,2 см – 66,7 см.

Опробованная на софийских фабриках и признанная эффективной машинерия внедрялось на крупных русских частных фабриках. Так, обнаружены сведения о закупке парчи в 1781 г. и 1782 г. у фабрикантов Колосовых²⁸, выявлены их счета, в которых указаны разновидности выделки и декоративных решений ткани, приобретенной для комнат Екатерины II:

**«Резе́стръ ... деланнымъ по Указу на московской мануфактуре Содержателей
Василья и Ивана Колосовыхъ и отданныхъ в комнату ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА за которыя надлежитъ получитьъ деньги _1781 г.**

	Рубли	копейки
/.../41 ½ арш. Отласу пунсового съ Золотыми полосами и съ мелкими цветочками по 8 ру	332	–
33 ¼ арш. Парчи Золотой съ поперешными Зелеными полосами по 10 ру	337	50
120 ¼ арш. Прачи Серебряной съ Зелеными волнами по 11 ру	1322	75
74 ¾ арш. Парчи Серебряной съ шелковыми цветами по 10 ко	747	50
31 арш. Парчи Серебряной съ Золотыми и с шелковыми цветочками по 13 ру	299	–

²⁶ Каландрирование – технологическая операция, производимая на прессе с горизонтально расположенными валами, между которыми пропускают рулон ткани для придания плотности и блеска; нанесения муарового декора.

²⁷ РГИА. Ф. 487. Оп.8. Д. 6268. Л. 17–43

²⁸ См.: Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). – М.: Наука, 1988. – 189 с.

57 арш. Полу. Гласету Голубаго съ серебром по 5 ру.	285	—
51 ½ арш. ПолуГласету Голубаго съ Серебром по 5 ру	257	50
31 ½ арш. Отласу коришневаго с золотыми вдоль полосами и с цветочками по 7 ру	220	50
52 арш. парчи Серебряной съ алою фольгою клетчатой по 13 ру.	676	—
52 арш. полу Гласету вердепомъ съ Серебромъ по 5 ру	260	—
24 арш. парчи белой с аранжевыми и с Золотыми поперечь поло- сами съ Голубыми Столбиками по 5 ру.	120	—
40 ½ арш. Парчи пюсовой съ серебряными клеточками по 10 ру	405	—
37 ½ арш. фризе Золотаго по 13 ру.	487	50
55 ½ арш. гродитуру Белаго полосатаго съ серебряными цветоч- ками по 3 ру 50 ко	194	25
67 ½ арш. парчи пюсовой съ золотыми клеточками по 12 ру	810	—
24 ½ арш. Парчи широкой по Золотой Земле съ шелковыми цветами по 23 ру.	557	75
25 арш. парчи серебряной широкой с шелковыми цветами и с попугаемъ по 24 ру.	600	—
35 арш. Отласу Голубаго съ серебряными полосами с алинками съ чернью Цветочками по 7 ру	245	—
33 ¾ арш. Отласу пюсоваго съ Золотыми вдоль полосами и съ ь мелкими шелковыми цветочками по 7 ру	236	25
31 ¼ арш. Отласу пюсоваго съ Золотыми жъ вдоль полосами и съ шелковыми цветочками по 8 ру	250	—
26 ¾ арш. Бархату вишневаго не разрезнаго по 30лотому Грун- ту по 8 ру. 50 ко.	227	37 ½
71 ½ арш. Штофу обойнаго голубаго с шелковыми Большими травами по 4 ру.	286	—
ИТОГО	28822	12 ½

К сему щету Шелковой Мануфактуры Содержатель Василей Колосовъ руку приложилъ»²⁹

²⁹ РГИА. Ф. 468. Оп.1 Д. 3897.

Приведем и еще один реестр тканей Колосовых:

**«Реэстръ парчамъ деланнымъ по Указу на московской мануфактуре
Содержателей Василья и Ивана Колосовыхъ и отданныхъ в комнату ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА за которыя надлежитъ получить деньги**

1782-го Года Февраля 20-го	43 ½ Аршина парчи вердепом с Серебряными полосками а Алинками мелкими пятнышками по 10 рублевъ аршинъ	435	
	53 ¼ Аншин парчи Белой с Золотными вдоль полосками с Синими и зелеными цветочками, по 20 рублев Аршинъ	1056	
	50 ¼ парчи дикой с серебряными вдоль полосками и алыми и зелеными цветочками по 18 рублевъ	900	
	45 ½ аршин парчи серебряной с алыми вдоль полосками по 18 ру съ серебряными цветочками	699	
	60 Аршинъ парчи Золотой широкой травчатой с голубы- ми вдоль полосками по 21 руб. аршинъ	1260	
	53 ½ аршинъ парчи серебряной с селадоновой фольгой и с шелковыми пятнышками по по 12 руб.	642	
	49 ¾ Аршин парчи серебряной с алой фольгой и с шелко- выми цветочками по 12 руб.	587	
	44 ½ аршина парчи Золотой с поперешными серебре- ной Бити полосками и с Шелковыми пятнышками по 11 рублевъ	489	50
	53 ½ Аршина парчи по Серебряной Земле с Золотными и Шелковыми цветочками по 13 ру	695	50
	54 аршина парчи позолотной Земле съ шелковыми тра- вочками по 11 рублевъ	594	
	22 ½ Аршина парчи Серебряной съ голубыми Спалевыми и с Шелковыми цветочками по 14 ру.	315	
	29 ½ аршина парчи Золотой с Серебромъ и съ малиновы- ми синелевыми Цветочками по 15 руб. аршинъ	442	50
	24 ¾ Аршина парчи Серебряной с птичками, аленьями, и съ шелковыми цветочками по 24 рубли	594	
	51 Аршинъ парчи по серебряной Земле съ шелковыми цветочками по 10 рублевъ	510	
	41 ½ Аршинъ парчи золотой съ Голубой Синелью по 6 ру	249	
	42 ½ Аршина парчи Серебряной с фиалетовым поддо- номъ с полосками	340	

51 Аршинъ мухояру Голубага с серебромъ по 10 руб.	510
50 ½ Аршинъ мухояру вердепомъ с серебромъ по 10 руб.	505
29 ½ аршинъ Штофу Голубага съ Цветами по 4 ру	418
65 ¼ Аршинъ Бархату пунсоваго клетчатого съ Золотомъ по 12 ру. аршинъ	783
ИТОГО	11733 50

Къ Сему щету Содержатель Василей Колосовъ руку приложилъ»³⁰.

Для того чтобы пояснить как именно проходила апробация тканей, предназначенных для отделки дворцовых интерьеров, приведем обнаруженные нами сведения о парче, купленной для комнат Царскосельского дворца по изустному указу Екатерины II и отданной в покои ее внуков:

«По высочайшимъ Вашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелениямъ на убираниѣ въ Санктъ-Петербургскомъ и Царскосельскомъ дворцахъ нижеписанныхъ покоевъ употреблено забранныхъ отъ купцовъ и мастеровыхъ людей вещей за которыя надлежитъ заплатить деньги

В Царском Селе

Въ четыре покоя ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, кроме отданныхъ изъ комнаты ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА обоевъ писанныхъ поградитур и на мебели казенныхъ парчицъ 6535 ру. 35 ко.»³¹.

В покоях самой императрицы Екатерины II в Царском Селе парча появились не сразу³². Это, в первую очередь, связано с продолжительностью времени для наладки станка и внедрения его в производство, для чего потребовалось подготовить специалистов. Нами обнаружены сведения кроватном уборе императрицы Екатерины II, находящемся в Опочивальне Зубовского флигеля Царскосельского дворца с 1783 г. до замены кровати на новую, сделанную по проекту Дж. Кваренги (ок. 1788 г.)³³:

³⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. I Д. 3897. Л. 33.

³¹ РГИА. Ф. 468. Оп. I. Д. 3897. Л. 206–207 об.

³² Тарханова А.В. Фасоны и элементы комплектов тканевого убранства интерьеров царскосельских дворцов в 1780–1790-е гг. // Андреевские научные чтения. Новые поступления, атрибуции, исследования архивов. Сборник статей / ред.-сост. А.Г. Герасимова, М.М. Тренихин. – М.: ГМЗ «Царицыно», 2022. – С. 105–125; Федосеева О.А. Деятельность «Польско-королевского подданного» Карла Гампеля в Царском Селе // Россия-Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2012. С. 578–587.

³³ Дж. Кваренги Лист «Camera da letto di Caterina II a Carskoe Selo». 1780-е гг., Accademia Carrara di Bergamo.

«Въ Опочивальню ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на кровать къ Убору зделанному изъ кисей шитой шелками и золотомъ отданной изъ комнаты ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Бахрамы шелковой цветной съ золотом 136 ар по 3 ру 50 ко аршин на,	476 ру
Кистей такихъ же 84 по 2 ру 50 ко кисть на,	210
Бортику такого же 260 ар по 60 ко аршинъ на,	156
Снуру такого же 112 ар по 1 ру 60 ко аршинъ на,	179 20 ко.

НА ЗАВЕСЫ

Атласу белого толстого 181 ар по 2 ру 25 ко аршинъ на,	407 25
--	--------

ТАФТ БЕЛЫХ

Двойной 84 ар $\frac{3}{4}$ по 1 ру 80 ко аршинъ на,	407 25
Одинакой 164 ар по 1 ру 20 ко и по 1 ру 25 ко аршин на,	201
Ситцу фиолетоваго съ золотом и серебромъ на чехлы на мебели по 2 ру 50 ко аршинъ на,	355 12 $\frac{1}{2}$
Бумазеи, холста, тесьмы, шерсти, ниток, колец и гвоздей на,	40 ру. 28 ко
Обойнаго дела мастеру французу за кровать	25 ру.
За дело на нее убору кисейнаго и завесов из атласу и тафты белыхъ 125 ру., итого	150
Итого на кроватный убор 2327 ру 40 $\frac{1}{2}$ ко» ³⁴ .	

В собрании ГМЗ «Царское Село» парча с золотой нитью (Илл. 19), созданная в последней трети XVIII в., представлена в обивке кресла-каталки императрицы Екатерины II.

С внедрением новых станков появилась возможность производить золотую парчу. Известно, что золотая парча, без узоров использовалась преимущественно для шитья кирас (Государственный Эрмитаж, инв. номер: ЭРТ-15881), палаток (детали представлены в собрании Государственного Эрмитажа); а также для драпировки стола, во время торжественного поднесения султанской грамоты после заключения Ясского мира. Приведем данные из камер-фурьерского журнала 1793 г.:

³⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3898.

«...по правую сторону отъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА поставлень былъ столъ, покрытый весь золотою порчею по краямъ съ бахрамою, а по угламъ съ золотыми кистями для султанской грамоты, а предъ трономъ немного впереди, на правой же стороне, находился столъ изъ двухъ большихъ красного дерева съ полами штукъ, покрытый вокругъ малиновымъ бархатомъ, съ золотымъ по краямъ гасомъ, для положения на немъ султанскихъ подарковъ, а для принятия оныхъ подарковъ при семъ столе стоялъ правящий Кабинетомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА генерал-Майоръ Василий Степановичъ Поповъ».

При описании убранства самой маленькой комнаты Екатерины II в царско-сельском дворце – «Табакерки» указана турецкая парча:

«Уокошекъ завесь ...съ фестонами и банграсами изъ турецкой парчи съ Кистями и шнурами шелковыми съ золотомъ 1 пара

Въ окошке верхъ обить такою же парчею } ветхие»³⁵.

Турецкая (османская парча) – тяжелая шелковая ткань со «шнуром», имеющая более крупные и круглые ребра, чем фэй. Ребра или набивка обычно хлопчатобумажные, полностью покрытые основой. Окрашенная пряжа. Использование: пальто, отделка. Плетение – гладкое. Ширина 36", 40". К примеру, фрагмент турецкой парчи XVIII в., размером 23,0х19,6 см, представлен в собрании Ярославского художественного музея (инв. номер: П-6455).

До 1788 г. на «казенной Софийской фабрике» использовали усовершенствованные станки и машины французского (лионского типа) которые были широко применимы как в Италии, так и в Англии (Спиталфилдс). Часть ткацких машин, которые использовал Ю. Гутейн и мастера, обученные им, была сделана в точности по рисункам и по образцам машинерии И.К. Миллера. Некоторые валы для них были изготовлены на тульском оружейном заводе к 1782 г. Из документов, собранных сотрудниками Кабинета Ея Величества к 1793 г., известно, что по прибытии в Россию цилиндры для шелкового производства не сразу были направлены в Киев, а оставлены на шелковой фабрике в Софии (Царское Село): «А въ Генваре месяце сего года по высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеленію, объявленному ему Господиномъ Генераль Порутчикомъ Турчаниновымъ повелено, приготовить присланные из Италіи цилиндры для шелковой Софийской фабрики»³⁶.

Сменные детали для конструкций покупались Гутейном у Санкт-Петербургского купца Федота Сыренкова в 1787–1789 гг., указаны в отдельном перечне «Щет коликое число отпущено въ Софійскую казенную полотняную Фабрику, фабриканту Жулиану Гутену отъ Санкт-Петербургскаго купца Федота Сыренкова разнымъ железнымъ и прочимъ материаламъ»³⁷.

Кроме машинерии, производству высококачественных тканей по европейским образцам, способствовало формирование специализированной библиотеки. В архивных документах упомянут Николай Джило – содержатель книг

³⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 667.

³⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 371.

³⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 371. Л. 101–104.

«Императорской Софийской фабрики», которому в 1788–1792 гг. начислялась заработная плата:

«Милостивый Государь

Николаю Джило Содержателю Книгъ Императорской Софийской фабрики доводится получить его жалованья по 1-е Ноября 1792-го года 2116 р. 66 к. Прошу Вас покорнейше сделать мне одолженіе сказать, стоитъ ли сія сумма въ Списке, чтобы Кабинетъ долженствовалъ ему заплатить?

И именно доводится ему	
за 1788-й год –	200 руб.
За целые годы 1789, 1790, 1791 –	1500
За 10 м-цев по 1-е Ноября 1792 –	416 – 66
Итого:	2116 – 66» ³⁸

Основой для сформировавшейся к 1788 г. библиотеки стали руководства, упомянутые в Контракте Ю. Гутейна: «Книга о прядильномъ искусстве» сочиненная И.К. Миллером и ряд других наставлений «которыхъ копія вручена Г-ну Гутейну».

В обнаруженных нами документах представлены некоторые сведения о тканях, изготовленных на казенных фабриках в Софии, машинерии и деталях оснащения:

«Опись
Принятымъ вещамъ въ городе Софїи съ бывшей полотняной фабрики
от господина Городничаго Крестьяна Ивановича Гейнама какіе именно
вещи значатся под симъ 7 августа дня 1798 года

	Налицо Состоять			
	число вещей	рубли	фунты	аршины
Часы Стенные английскіе въ футляре	1			
деревянные простые	1			
Льну чесаннаго		2	30	
Нечесаннаго		21	15	
Пеньки чесанной		9	39	
Пряжи толстой негодной		3	31	
Катушекъ съ пряжею	118		14	

³⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 352. Л. 62.

	Налицо Состоять			
	число вещей	рубли	фунты	аршины
Навоевъ съ пряжею	3			
Полотна Суроваго				1070
Флеру белаго				190
краснаго				16
Шелку				
белаго Сырцу			12	
въ большихъ моткахъ			22	
въ малыхъ моточкахъ			6.30 зо	
желтого сырцу въ большихъ моткахъ			78.70 зо	
въ малыхъ моточкахъ		1	32.71 зо	
Зеленаго			8.70 зо	
Чернаго в Среднихъ моткахъ			35.50	
Лиловаго			2.31 зо	
Голубаго			90 зо	
Малиноваго			4.81 зо	
темно-розоваго			2.20	
светло розоваго			1.60 зо	
катушекъ намотанныхъ желтымъ шелкомъ Сырцомъ	82			
Катушекъ намотанныхъ белымъ шелкомъ Сырцомъ	80			
катушекъ съ чернымъ шелкомъ	8			
катушекъ разныхъ цветовъ шелку	18			
Охлопковъ шелковыхъ			½	
коконахъ шелку			1	
катушекъ намотанныхъ разного цвета гарасу	60			
бумаги хлопчатой прядильной годной и не годной		1	10	
Лиловаго цвету			2 ¾	
Наваевъ навитыхъ белымъ шелкомъ разной величины	6			
Нитей полотняныхъ, флеровыхъ, ленташныхъ и шелковыхъ годныхъ и не годныхъ	164			
Дощечокъ деревянныхъ употребляемыхъ ткачами	22			
Ретновъ	8			

	Налицо Состоять			
	число вещей	рубли	фунты	аршины
беардъ разной величины годныхъ и не годныхъ	32			
Шпарутокъ	24			
веретенъ железныхъ къ прялкамъ	85			
валиковъ железныхъ	71			
валиковъ съ медными колесами	10			
дощечекъ железныхъ къ прялкамъ	107			
ручекъ железныхъ къ прялкамъ	32			
челнаковъ разной величины	11			
Досокъ деревянныхъ для печатанія ситцевъ	3			
Колесъ железныхъ для тканыхъ Станковъ	104			
Олова – англінскаго			8 ½	
Иголь железныхъ для деланія грядней, въ ящикахъ, весомъ, съ ящикомъ		3	16	
Меди листовой			30	
Проволоки медной разнаго Сорта			18	
Меди въ разномъ деле			18	
/.../				
Мышьяку не большой ящикъ	1			
Ножницъ для резанія листовой меди и починкою годныхъ	4			
Пиль слесарныхъ держанныхъ съ ручками и безъ ручекъ годныхъ и негодныхъ		2	34	
Фратовъ для трепанья льна	2			
Гребней разныхъ для чески льна	12			
Крюковъ для гребней	16			
Гарпису		1		
Меховъ кузнечныхъ разной величины	3			
Точильныхъ камней разной величины по нужде годныхъ	2			

	Налицо Состоять			
	число вещей	рубли	фунты	аршины
Свинцу въ разныхъ штукахъ		6	4	
Железа всякого лому		10	12	
столярныхъ коловоротовъ	2			
железной проволоки разного Сорта			8	
винтовалень деревянныхъ	3			
токарного инструменту годного и негодного		1		
циркуль медной	1			
столярнаго разного инструменту годного и негодного		1	25	
винтовыхъ досокъ съ лентами	10			
столярныхъ разной величины пиль годныхъ и негодныхъ	14			
струговъ разной величины годныхъ и негодныхъ	13			
въ томъ числе безъ железокъ	2			
разсмуровъ	3			
разсмуровъ	8			
сверловъ железныхъ	2			
подсвечниковъ железныхъ и жестяныхъ	10			
клеенокъ ... или по нужде годныхъ	2			
шруповъ	18			
досокъ березовыхъ и ольховыхъ	87			
ореховыхъ	4			
пальмовыхъ штукъ	6			
становъ ленточныхъ	8			
токарныхъ	2			
полотняныхъ разобранныхъ	33			
верстаковъ съ починкою годныхъ	6			
ящиковъ большихъ деревянныхъ	4			

	Налицо Состоять			
	число вещей	рубли	фунты	аршины
столовъ простыхъ	4			
прялокъ разного манера годныхъ и негодныхъ	306			
разобранныхъ въ ящикахъ годныхъ и негодныхъ	48			
рамъ деревянныхъ безъ стеколъ	10			
машинъ разныхъ	4			
въ томъ числе съ железными прутьями	1			
нитокъ годныхъ и негодныхъ	5			
навоевъ	2			
катушекъ безъ шелку	1			
сноваленъ съ починкою годныхъ	2			
прялокъ для мотанія шпуль годныхъ и негодныхъ	4			
шкаповъ	4			
наковаленъ	2			
шкаповъ железныхъ	4			
пилъ брусковыхъ годныхъ и негодныхъ	6			
медныхъ котловъ большихъ и малыхъ	9			
машина для растачиванія шелку	1			
вески белаго железа небольшѣе	1			
стеколъ для лощенія ситцовъ	2			
фугановъ безъ железокъ	4			
гирей				
2-х пудовыхъ	8			
20 фунтовыхъ	1			
10 фунтовыхъ	1			
5 фунтовыхъ	2			
3 фунтовыхъ	2			
1 фунтовыхъ	2			

	Налицо Состоять			
	число вещей	рубли	фунты	аршины
½ фунтовыхъ	2			
цыркуль стальной	1			
Ящиковъ деревянныхъ для мытья полотень	3			
котель чугуной ветхой небольшой	1			

Полотняной фабрики директоръ Федоръ Якимовский»³⁹

В 1780 -е гг. Екатериной II были апробированы и утверждены для использования в интерьерах Царскосельского дворца несколько типов тафты, среди которых тафта двойного и одинарного плетения для занавесей и штор, двойного плетения – для мебели, тафта тонкая для подкладки. В архивных документах указано использование белой тафты для обивки задников кресел и стульев в покоях Екатерины II:

«Въ Большую Галлерею и другія ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покои

/.../ Тафты белой на задники къ стульямъ и кресламъ 72 ар. по 1 ру. 25 ко. аршинъ. На 90 ру.»⁴⁰.

В 1783 г. Екатерина II повелела оплатить расходы на приобретенные материалы, для оформления покоев своих внуков — великих князей Александра Павловича и Константина Павловича. В Счете указано приобретение тафты «Зеленой на шторы и зонтики»⁴¹.

«ИХ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА двух опочивалень и двухъ покоев [Туалетные комнаты – А.Т.]

Тафты белой на завесы къ окнамъ и балдахину	
двойной французской 461 ар. по 2 ру. и по 1 ру 50 ко арш. на	744 р. 50 ко.
одинакой 496 ар. 6 вер. по 1 ру. 20 ко аршинъ на	595. 65 ко.
Итальянской 68 ар. по 1 ру. аршинъ на	68 р.
Зеленой на шторы и зонтики» ⁴²	

³⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 371. Л. 232.

⁴⁰ РГИА. Ф. 468. Оп.1. Д. 3898. Л. 229–234.

⁴¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3897. Л. 206–207 об.

⁴² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3897. Л. 206–207 об.

Позднее шторы также делали из зеленой (темно-зеленой) тафты: «Тафта зеленая и другихъ цветовъ, французская марселиновая, шир. от 10 до 12 верш.» [44,5–53,3 см]⁴³. К 1795 г. императрица опробовала использование зеленых штор и впоследствии повелела сшить темно-зеленые шторы для Нового (Александровского дворца): «Тафты темно-зеленой на шторы въ Комнаты подъ № 13, 19, 20, 24 въ 6 венецианскихъ оконъ по 5 полотнищъ 30 полотнищъ по 6 $\frac{3}{4}$ ар.»⁴⁴. Таким образом, в Царскосельском дворце для шитья штор использовали зеленую тафту, оттенок которой соответствовал европейской моде, был практичным в употреблении.

Схемы шелковой тафты (одинарного и двойного плетения) в 1780-х гг. были опубликованы среди иллюстраций к томам уникального справочного издания эпохи Просвещения – «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» (*Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*), представлены в собрании Государственного Эрмитажа (инв. № У-1883/2486; У-1883/2484; У-1883/2483).

Образцы этих видов тафты представлены в музейных собраниях:

- в ГМЗ «Царское Село»: шелковой тафта 1770–1780-х гг. (платье ЕД-2661-II), и образцы тонкой (одинарного плетения) зеленой шелковой тафты (XIX в. (?), изнаночная сторона казакина Екатерины II, инв. № ЕД-1198-II, ЕД-1188-II). (Илл. 20)
- В Музее Виктории и Альберта: образец шелковой тафты для подкладки узорного одинарного плетения (подкладка занавесей французской кровати 1780-х гг., инв. 8459:1–31–1863).
- В Библиотеке Gallika: образец белой флорентийской тафты (№ 2645 «Taffetas du Florence») и образцы полотняной тафты 1736 г.
- В Государственном Эрмитаже образец итальянской тафты двойного плетения (инв. № Т-2308).

В то же время, развитие ткацкой промышленности в России по замыслу Екатерины Великой стала неразрывно связано с решением важных социальных вопросов. Ткацкому ремеслу обучали сирот, неимущих, больных и пожилых людей, состоящих на иждивении богоделен и трудоприимных заведений, что гарантировало занятость и заработок этим слоям населения. Да и у представителей нижних воинских чинов появилась возможность на выгодных условиях делать копии новых технологически усовершенствованных прялок и продавать их. Приведем архивные данные, касающиеся комондирования специалистов софийской шелковой, полотняной и приядильной фабрики в разные губернии для обучения работе на новых прялках и прочему ткацкому ремеслу:

⁴³ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6268 Л. 17 об.–43

⁴⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 139. Л. 273–290 об. «Сколько употреблено на убранство дворца ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя Александра Павловича в Царском селе на коликую сумму»

«Милостивый Государь Алексей Петрович!

Въ следствіе Высочайшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повеленія, имею честь препроводить к Вашему Высокопревосходительству для Распространенія прядильнаго рукоделія в Вологодской Губерніи Пятдесятъ прялокъ сделанныхъ в городе Софїи по изобретенію известнаго во ономъ Рукоделіи Господина Миллера разнымъ образомъ для чоски и чищения льна на образецъ четыре стальные щотки, съ которыми и отправлены от меня для обученія прясть на оныхъ прялкахъ и для чески льна на техъ щоткахъ, также и обучить сделать все оное вновь: Столяръ Авраамъ Федоровъ, чесальщикъ льна Моисей Никитин, и прядильная мастерица Марья Иванова, которыхъ и беру смелось рекомендовать в милостивое ваше Покровительство и помощь.

Ваше превосходительство по известному всемъ любопытству вашему усмотревъ из действія сїхъ прялокъ и щотокъ ощутительную пользу въ производствѣ прядильнаго Рукоделія противъ Обыкновенныхъ Употребляемыхъ Здесь до ныне, неблаговолители повелеть к Споспешествованію сей важной Для Государства отрасли под ведомствомъ приказа Общественнаго призренія посредствомъ Господина Директора домоводства, изъ состоящихъ въ ведомствѣ его по казеннымъ деревнямъ Сиротъ, и протчихъ в казенномъ призреніи Состоящихъ также и изъ помещечьихъ, кои сами пожелаютъ темъ пользоваться, обучить прясти на оныхъ прялкахъ Равнымъ образомъ делать вновь какъ те самыя прялки, так и щотки подъ присмотромъ сихъ отправленныхъ. Которыхъ по прошествіи Осьми месяцевъ, приказано обратно отправить въ городъ Софію, помянутые же прялки благоволить раздать обученнымъ на нихъ прясть, или другое полезное под руководствомъ приказа общественного призренія сделать изъ нихъ употребленіе.

И естлибы въ предъ кто изъ обучившихся совершенно прясть пожелали присылать пряжу супротивъ приложенныхъ при семъ образцовъ на прядильную софійскую фабрику, какимъ бы то большимъ или малымъ количествомъ ни было; тое в грядущее поощреніе сего Рукоделія, имею я платить по назначеннымъ на техъ образцахъ ценамъ, перваго номера по семидесяти, второго по пятидесяти пяти, и третьяго по пятидесяти рублей За пуд, и симъ надежнымъ способомъ, не только достаточно наградить труды ихъ къ поощренію многихъ, но и фабрике доставить для тканья полотень довольное число пряжи, а самымъ темъ исполнить Высочайшее намереніе о приведеніи въ совершенство прядильнаго Рукоделія. Все сїе отправленныя къ Вашему Высокопревосходительству мастеровыя, состоятъ на казенномъ жалованье въ софійской фабрике, которымъ и удовольствованы они на дсе помянутое время и на путь до губернскаго города Вологды. Естли же бы нужда по требовала оставить ихъ еще на некоторое время, въ такомъ случае по уведомленіи от вас, не Умелю я доставить имъ оное дсе время ихъ пребываніе, а при обратномъ отправленіи ихъ, покорнейше прошу Приказать Снабдить Свидетельствомъ отъ приказа общественного призренія, о показанныхъ ими успехахъ, сколько числомъ людей обучено прясть, и делать те прялки вновь, также и о числе, сколько сделано прялокъ, дабы соразмерно съ трудами ихъ, могли они получить воздаяніе. На Конецъ позвольте милости-

вый Государь приметить, что таковою щедротою, воспользовались Здесь: богадельни, Смирительной и рабочей дома, так же гарнизонные Солдаты ..., коя делая те прялки, могли продавать их дешевле других мастеровых.

Съ искреннимъ и усерднымъ почтениемъ имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства
Милостивого Государя

Такожь Писать

1-е къ Владимирскому Генералъ Губернатору Графу Ивану Петровичу Салтыкову

А мастеровыхъ вписать имена, столяръ Естафей Трофимовъ, Чесальщикъ льна такожь Григорьевъ и прядильная мастерица Дарья Тимофеева

2-е Къ Могилевскому Петру Богданову Пассеку

Мастеровые ...[в документе не указаны – А.Т.]

Ноября 7 дня

1786 года»⁴⁵

Укажем также сведения о комондировании мастеров Софийской полотняной фабрики в разные губернии России:

«Резстр

Сколько, когда и въ которые именно Губернии отправлено было По Высочайшему Повелению изъ Софийской Приядильной Фабрики Колоний, для распространения Прядильного Рукоделия

1-е) 1784 Года Августа 29-го в Московскую Губернию машинистъ Масони, Подмастерья Андрей Конвалето и Алексей Калывинъ. Приядильная мастерица Васелиса Филипова, да с ними 106 прялокъ и 4 стальные гребня.

2-е) Тогожь года Сентября 21-го къ Вашему Санктпетербургскому Губернатору Тарбееву, для здешней Богадельни и Женскаго Рабочего дома 100 прялокъ.

3) 1785-го Года Февраля 28-го к нему же Тарбееву для токарного и столярного цеховъ, 12 прялокъ.

4) Тогожь числа къ графу Чернышеву, для охтинскихъ плотниковъ и другихъ адмиралтейского ведомства мастеровыхъ 12 прялокъ.

5) Того же числа къ Генералъ Аншефу Меллеру, для состоящихъ въ артиллерийскомъ ведомстве мастеровыхъ 12 прялокъ.

6) къ Здешнему Оберъ Коменданту Чернышеву, для состоящихъ въ его ведомстве Гарнизонныхъ мастеровыхъ ... 12 прялокъ.

7) Тогожь 785 года Октября 10 въ Псковскую Губернию Машинистъ Жуальди, подмастерья Авраамъ Федоровъ и Степанъ Осиповъ, Приядильная мастерица Дарья Семенова, да с ними 50 прялокъ и 4 стальные гребня.

⁴⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 352.

8) Тогожь 785-го года Декабря 4

В Архангельскую и Олонецкую губернии: въ 1-ю Столяръ Алексей Калыбинъ, чесальщикъ льна Иван Калыбинъ и прядильная мастерица Василиса Филипова, да съ ними 50 прялокъ и 4 гребня; во 2-ю столяръ Филиппъ Назаровъ, чесальщикъ льна Иванъ Михайловъ и прядильная мастерица Просковья Игнатьева, да съ ними 50 прялокъ и 4 гребня.

9) 1786 года ноября 4-го дня въ Вологодскую Губернию столяръ Авраамъ Федоровъ, чесальщикъ льна Моисей Никитинъ и прядильная мастерица Мария Иванова, да съ ними 50 прялокъ и 4 гребня, а сего 787 года августа 23 Перевезены оныя въ Ярославскую Губернию.

10) Тогожь 4 числа ноября въ Вологодскую Губернию, столяръ Естафей Трофимовъ, чесальщикъ льна Иванъ Григорьевъ и прядильная мастерица Дарья Трофимова, да съ ними 50 прялокъ и 4 гребня, а 23 августа сего 787 году переведены оныя въ Костромскую Губернию.

11) Тогожь 4-го Ноября въ Могилевскую Губернию столяръ Захаръ Филимоновъ, чесальщикъ Льна Степанъ Осиповъ и прядильная мастерица Надежда Васильева, да съ ними 50 прялокъ и 4 гребня; а 23-го августа сего 784 года перевезены оныя въ Полоцкую губернию.

12) Тогожь 4 числа Ноября 786 года въ Тверскую Губернию, столяръ Яковъ Ивановъ, чесальщикъ льна Романъ Никитинъ и прядильная мастерица Дарья Семенова, да съ ними 50 прялокъ и 4 гребня; а 23 августа 787-го Года перевезены оныя въ новгородскую Губернию.

13) 1787-го года августа 23 дня переведены изъ Вологодской Губернии въ Ярославскую, столяръ Аврамъ Федоровъ, чесальщикъ льна Моисей Никитинъ и прядильная мастерица Марья Иванова, да съ ними 50 прялокъ и 4 стальныхъ гребня»⁴⁶.

Екатерина II была заинтересована в выделке не только тканей, необходимых для отделки дворцовых интерьеров, но и для бытовых нужд (столовое белье). Поэтому, в 1795 г. фабрики в Софии были реорганизованы и приспособлены для выделки полотняных изделий по голландской технологии. Эта реорганизация упомянута в записке, составленной голландским купцом, мастером фон Лилаардом:

«получилъ я ...приказание отъ Г-на Попова чтобъ навремя въ санктпетербургъ нанять домъ и начать фабрику вопервыхъ хотя станковъ капить, и къ ней приуготовить нужныя инструменты, также выписать изъ Архангельска пряжи; что я и исполнилъ. И когда началось на той малой фабрике первое действо, то ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила приказать, выписать еще изъ Голландии белильнаго мастера съ другими четырьмя ткачами, которыя и приехали 796 года в июне месяце. — Потомъ для обучения на голландской манеръ пряжи изъ воспитательнаго дома взято къ той фабрике 8 мальчиковъ и 6 девушекъ которые и довольствуются платьемъ и кушаньемъ. По исправление всего поставлено въ действие 10-ть становъ на которыхъ ныне и работа производит-

⁴⁶ Там же. Л. 305.

ся разныхъ полотень изъ которыхъ несколько и представилъ я Г-ну Попову. – Посимъ сего угодно было ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАМУ ВЕЛИЧЕСТВУ перевести сїю фабрику в Царское село начто и получилъ я приказаніе осмотреть прежде строеніе для оной фабрики, но по осмотру моему нашлось строеніе ветхо, однакожь воду для беленія полотень по нужде доставать можно въ которое потомъ время ездилъ я по приказанию въ царское село для расположенія уже къ постройки фабрики съ починкою строенія; что тогда же и началось по моему плану приготовляться на 48- становъ светлицы съ нужнымъ къ нимъ для жилья мастеровыхъ и белильны строеніемъ, а также приней и каналы для беленія. ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО паки изволила приказать, чтобъ все то было выстроено къ 1-му числу марта сего 1797 года. И та фабрика съ мастеровыми из санктпетербурга туда перевезенабъ была.

Потому расположению Г-н Поповъ приказалъ зделать 48 становъ и 50 самопрялокъ и прочіе къ тому потребные инструменты также еще выписать из Архангельска и Кастромы пряжи и 10 голландскихъ ткачей. – Несколько дней после вступленія на престолъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА онъ же Г-н Поповъ объявилъ мне что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО конфирмовалъ быть означенной полотняной фабрике, и чтбы я попрежнему оною правилъ и людей и пряжи выписывалъ.

О полученныхъ же мною деньгахъ подалъ я генваря 1-го сего 1797 года щетъ по некоторому мне кабинетъ остался должнымъ 246 ру 75 ко да недоплаченной еще за 23 стана за 30 самопрялокъ и несколько другихъ инструментовъ около 1700 ру и на покупку пряжи перевелъ уже въ Архангельскъ и въ Кострому около 1000 ру и къ тому еще имею всякой день расходъ для детей из воспитательного дома взятыхъ мастеровыхъ людей которыхъ при фабрике находится около 36 человекъ и из нихъ пяти человекамъ следуетъ выдать съ окончанием сего м-ца трехмѣсячное жалованіе»⁴⁷.

Приведемъ реестр матеріямъ и инструментамъ, находившимся к 1797 г. на «казенной Софійской фабрике», а также сведения о персонале:

На лицо	Опись о разныхъ къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Кабинета помянутой Фабрики принадлежащія Инструменты. А имянно:
48	Станковъ, из коихъ 24 при Фабрики и 24 еще въ обделке
6	Редня
12	Шлихтовальныхъ щетокъ
60	Сосновыхъ брусочковъ круглыхъ, плоскихъ
6	Колесъ пряжу мотать
16	Ножекъ железныхъ для пряжи

⁴⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 352. О возобновлении Софійской Полотняной Фабрики под управлениемъ Голландскаго Купца Лилиарда и об отдаче оной в Ведомство Удельнаго Департамента. Л. 56–57 об.

17	Спорутки в 1 ½ арш. шир.
27	Тожь -/- 1 ¼ -/-
3	Тоже
10	Бердь для Салфетоць въ 4 ¼ ар. шир.
22	Тоже -/- 1 ¼ -/-
30	Тоже -/- Полотна 1 ½ -/- пряжу ими работать от 1500 до 2600
33	Берды -/- 1 ½ -/- тоже от 800 до 1400
13	тоже -/- ревендук 1 -/- тоже от 400 до 700
5	Корзинь для Шлахть
44	Железныхъ ножниц
12	Чесалокъ
9	Лень расправлять щетоць
5	Скамеекъ на чесалки
49	Самопрялокъ из коих 25 в обделке
7	Мотушек
1	Сновальня
250	Вьюшекъ пряжу мотать
91	Челнокъ
32	подсвечника
45	Нитенницъ
1	Железный балясь съ медными кольцами
1	Тоже с деревянными тожь
1	Пара железная на пудъ 1 фт
	Медной вась 3-я доля отъ бочки ведати
	Белильня Инструменты
1	Катка в 20 вед. Выш. 15 Ширины
4	белильная лейка деревянная
1	Винтъ для выжиманія пряжи
80	Шесты для пряжи

Памятники культуры. Новые открытия
ИСКУССТВО

1 Бочка масло делать

6 Скамеекъ

1 Лейка жестяная

Количества Полотен и нитей на полотна				Руб.	коп.
№				Фунт	лот
1.	Салфетокъ	во Скобах нитокъ	18 из коих 8 в Кабинетъ	9.	22.
2.	Полотна	в 1500	в Кабинетъ	15.	12.
3.	Тожъ	1800		14	
4.	Тожъ	1700	половина в Кабинетъ	11.	
5.	Тожъ	1500	в Кабинетъ	10.	8.
6.	Тожъ	1600	тожъ	16.	
7.	тожъ	1300	тожъ	17	24
8.	тожъ	1100	Находится при фабрике	23.	8.
9.	тожъ	1200	тожъ	19.	20.
10.	тожъ	1700	тожъ	13.	16.
11.	тожъ	1600	тожъ	14.	24.
12.	тожъ	1800	тожъ	14.	
13.	тожъ	1700	тожъ	14.	24.
14.	тожъ	1800	тожъ	13.	16.
15.	тожъ	1600	тожъ	15.	
16.	тожъ	1800	тожъ	12.	
17.	тожъ	2000	тожъ	10.	18.
18.	тожъ	1100	тожъ	18.	
19.	тожъ	1900	тожъ	11.	26.
20.	тожъ	1800	тожъ	12.	16.
21.	тожъ	1800	тожъ	12.	16.
22.	тожъ	1500	тожъ	15.	24.
24.	тожъ	1100	тожъ	19.	24.
25.	тожъ	1800	тожъ	12.	12.

	26.	тожь	1600	тожь	16.	
	27.	Канифас	750	-/-	19.	
	28.	Полотно	1400		15.	12.
	30.	тожь	1700	Находится при фабрике	13.	
	31.	тожь	1100	тожь	19.	
	32.	тожь	1600	тожь	14.	24.
	34.	тожь	1000	тожь	21.	24.
	36.	тожь	1000	тожь	21.	
	37.	тожь	1100	тожь	21.	
	38.	тожь	1600	тожь	15.	
	41.	тожь	1000	тожь	22.	
	43.	тожь	1200	тожь	15.	24.
	44.	тожь	1300	тожь	17.	
	45.	тожь	600	тожь	20.	
	46.	тожь	1300	тожь	15.	16.
	49.	тожь	1700	тожь	19.	
	51.	тожь	950	тожь	23.	
	А всего в руб.				646	10
	Следующее издержано на употребленіе детей					
№	23.	Полотна	600	-/-	15.	
	29.	калменя			22.	
	48.	тожь			25.	16.
					62	16
	Нижеследующая основа на Станках					
№	33.		1000		21	
	39.		1500		14.	24.
	47.		1800		10.	3.
	50.		1800		11.	46.
	52.		1700		12.	18.
	53.		1500		15.	8.
	54.		1500		15.	24.

Памятники культуры. Новые открытия
ИСКУССТВО

	56.	650	19.	4.
	57.	1200	17.	6.
	63.	600	11.	10
	60	1700	6.	24.
	115.	39.		
Следующия основы еще не въ работе				
№	62.	1600	7.	10.
	65.	1600	7.	6.
	67.	1600	7.	12.
	58.	1800	6.	12.
	40.	1500	8.	4.
	55.	1500	8.	24.
	66.	1600	7.	16.
	59.	1500	9.	16.
	61.	1100	12.	16.
	49.	1000	12.	
	46.	650	12.	
	67.	2100	4.	20.
	68.	1900	5.	12.
	69.	1500	8.	16.
	70	400	11.	16.
			128.	20
	Пряжа изъ Царского Села всего весу		1457.	
	тоже изъ Архангеля и Ярославля		157	
	155 Мотковъ прядено Детьми		15	16
	17. тожь поклееной пряжи, на которой учились Дети		4	
			1633	16
1797 го	Нижеследующего льна еще находится		Пуд.	Фун.
Июля	28	Чистаго Льна	2	22.
		Пакли 1-го Сорта	3.	11.

тоже 2. -/-	1.	31.
тоже 3-/-	1.	10.
	9.	10.
Люди находящиеся при Фабрике		Человек
1. 1-й Мастеръ Фридригъ Боссъ съ женою 2-мя дочерьми живеть по Контракту	4.	
2-й Мастеръ Янъ Принденъ тожь	1.	
Подмастерье Герить Гробе тожь	1.	
тожь Манусъ Адамсъ тожь	1.	
Подмастерья Гендрикъ Меуленбельтъ тоже	1.	
тожь Беррендъ Герритъ тоже	1.	
тожь Иоанесъ Адамсъ тоже	1.	
тоже Виллемъ Бунхов...[неразборчиво – А.Т.] тоже	1.	
тоже Христианъ Ріек...[неразборчиво – А.Т.] безъ Кон- тракта	1.	
Белильный Мастеръ Ламбертъ Даке съ женою и съ 1-ю дочерью по Контракту	3.	
Девоекъ изъ воспитательного Дома	6.	
мальчиковъ оттудажъ	8.	
Работницы	2.	
Дворника	2.	

Обнаруженные и изложенные в данной статье сведения фиксируют методы и исторические особенности, эффективного проведения императрицей Екатериной II в России крупной реформы для промышленного и локального производства шелка, полотняных тканей и сукна. На этом этапе истории развития русского текстильного производства внедрялась машинерия, специально созданная в Италии нанятым механиком И.К. Миллером по заказу Екатерины II, доставленная мастером Ю. Гутейном, и, впоследствии, усовершенствована в России. Новаторские станки, мельницы и прялки, а также ножницы для стижки ворса сукна⁴⁸ разместили для «апробации» на вновь устроенном в Софии, близ Царского Села, предприятии – шелковой, полотняной и прядильной фабрике.

⁴⁸ РГИА. Ф, 468. Оп. 37. Д. 390. О Ножницахъ ворсостригательных, имеющихся в хранении о Софійскаго Городничего. Рационализация производства сукна при Екатерине II требует дальнейшего изучения выявленных архивных данных.

Такие станки, прялки и другие инженерные сооружения, созданные по апробированным при Екатерине II образцам, а также производимые на них ткани, впоследствии экспонировались в залах Мануфактурного Музеума⁴⁹, учрежденного в России в 1811 г. Так, при императоре Александре I были завершены преобразования русской ткацкой промышленности, сделанные Екатериной II. При этом, лучшие фабрики впоследствии, выкупались у прежних владельцев в казну в 1810 – 1820-е гг.

⁴⁹ РГИА. Ф. 18. Оп.1. Д. 25. Об учреждении при Департаменте Мануфактур и внутренней торговли Музеума и о должности инспектора оного. Для понимания значения Мануфактурного музея для последующего развития русской промышленности, в том числе и отраслей ткацкой промышленности, приведем текст инструкции, поясняющей принципы работы этого музея:

«Инструкция Инспектору Мануфактурного Музеума
Надворному Советнику Пальмову

Съ утвержденья господина министра внутренних делъ, департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, назначивъ васъ Инспекторомъ учреждаемаго при ономъ Музеума, поручаетъ вамъ принять Музеумъ сей въ непосредственное ваше расположеніе, и приступить къ надлежащему оного устройению. При чемъ предписываетъ вамъ къ исполненію нижеследующіе обязанности.

Іе. О должности Инструктора въ отношеніи
къ внутреннему устройству Музеума

§ 1й. Составъ мануфактурнаго Музеума заключаться долженъ въ трехъ собраніяхъ, то есть:

§ 2й. Въ Библиотеке изъ книгъ до Мануфактурнаго производства касающихся, въ машинахъ и въ моделяхъ лишь къ тому же предмету относящихся, и въ образцахъ Отечественныхъ. Следуя сему разделенію, начать устройство Музеума, приемомъ въ веденіе ваше всехъ въ Департаменте ныне имеющихся книгъ, картинъ и плановъ къ составленію таковой Библиотеки принадлежащихъ. Сюда не относятся ни какія законоположенія и поставленія, которыя нужны для текущихъ по Департаменту делъ, и которыя по роду своему хранятся должны особо въ отделенияхъ Департамента

§ 3й. По принятіи сихъ книгъ, картъ и Плановъ, заняться составленіемъ Списка Библиотеки Музеума. Въ которомъ подъ одинаковыми номерами на книгахъ поставленными означить заглавіе сочиненія съ краткимъ изъясненіемъ предметовъ оного, имя Сочинителя, число томовъ, величину формата годъ и место изданія, переплеть, и цену оныхъ, ежели сія последняя известна.

§ 4й. Такимъ же образомъ приступить къ всему въ веденіе ваше всехъ имеющихся ныне въ Департаменте машинъ и моделей и оныя также перенумеровать.

§ 5й. Списокъ машинамъ и моделямъ Музеума долженъ соответствовать темъ номерамъ которые поставлены на самыхъ машинахъ, съ краткимъ описаніемъ чьего они изобретенія, при какихъ издѣліяхъ употребляются, когда и где изобретены, и въ чемъ именно дрiгiя подобныя машины превосходятъ.

§ 6й. После сего заняться приемомъ въ веденіе ваше, всехъ находящихся въ Департаменте образцовъ Отечественныхъ изделий, и разделивъ оныя для лучшей удобности въ прѣискиваніи на главные роды какъ то: ткани, посуды, натуральные выделки, разные извлеченія и составы, приложить ко всемъ номера.

§ 7й. Согласно съ приложенными на модельныхъ образцахъ номерами, составить описаніе образцамъ отечественныхъ изделий, къ какой фабрике или частной промышленности образцы, съ названіемъ Имени Фабриканта или промышленника и съ показаніемъ Губерній, уезда, города или места, где что производится.

§ 8й. Но какъ таковыя три собранія составъ Музеума составлять долженствующія, по нынѣшнему Количеству предметовъ весьма недостаточны, чтобъ могли въ полной мере заслуживать названіе мануфактурнаго Музеума и доставлять какъ Департаменту, такъ и Мануфактурамъ всю ту пользу, которую музеумъ приносить можетъ: то по исполненіи всего вышеписаннаго заняться вамъ составленіемъ по усмотренію вашему обстоятельнаго списка потребныхъ для дополненія Музеума до мануфактуръ и изделий вообще касающихся сочиненій выходящихъ въ публику Технологическихъ изданій, и издельныхъ матерій, каковый списокъ и представить Департаменту. И съ прошеніемъ о покупке и доставленіи сихъ вещей въ Музеумъ.

§ 9й. Для всякаго рода выправокъ 1е Отдѣленіе Департамента будучи обязано издавать ежегодно печатныя извѣстія о всехъ Российскихъ фабрикахъ съ принадлежащими къ тому свѣдѣніями должно каждый разъ доставлять въ Музеумъ по Экземпляру оныхъ, а въ продолженіи года не применить извѣщать васъ кратко о новооткрывающихся заведеніяхъ и о приходе старыхъ от одного къ другому владельцу.

Пе. О должности инспектора Музеума въ отношеніи къ Департаменту

§ 10й. Знаніе Иностранныхъ Языковъ и достаточныя свѣдѣнія въ Химіи, Ботанике и Механике, составляють въ отношеніи къ Департаменту первую обязанность Инспектора Музеума, въ следствіи чего получается къ званію вашему изъ обоихъ отдѣленій Департамента Бумаги для перехода, по темъ изъ нихъ, кои доставляются изъ 1го Отдѣленія о какихъ либо издельныхъ изобретеніяхъ, справясь съ имеющимися книгами и свѣдѣніями, буде изобретенія сии окажутся не новы и у насъ уже въ употребленіи введены, тогда имеете вы докладывать о семъ Директору и по усмотренію его, при возвратѣ перевода, прилагаете отъ себя о томъ замечаніи письменно.

§ 11й. Когда Музеумъ достаточно наполненъ будетъ иностранными сочиненіями и отечественными свѣдѣніями по Мануфактурной части, то обязанностью вашею быть должно при чтеніи и разсматриваніи оныхъ замечать недостатки у насъ существующіе, и делая выписки объ исправленіи ихъ или о введеніи новыхъ какихъ либо отраслей промышленности предоставить о томъ письменно на усмотреніе Директору. На каковой конецъ съ дозволенія его прикомандированны въ помощь вамъ будутъ чиновники изъ Департамента въ иностранныхъ Языкахъ сведующіе для употребленія ихъ въ переводахъ и въ перепискахъ по вашему усмотренію.

§ 12й. Равнымъ образомъ занимаясь получаемыми Техническими изданіями, имеете вы доносить Директору о всехъ Статьяхъ, кои для Музеума, фабрикъ и частныхъ издельныхъ промысловъ могутъ быть полезны, какъ то: о вновь издаваемыхъ Мануфактурныхъ Сочиненіяхъ, о новоизобретенныхъ или усовершенствованныхъ издельяхъ Машинахъ и изысканныхъ какихъ-либо новыхъ средствахъ могущихъ споспешествовать издельной промышленности.

§ 13й. Книги, Машины и издельные образцы, кои впредь въ Департаментъ поступать будутъ принимать вамъ въ свое веденіе, помещать ихъ въ Музеумѣ, занумеривать и вносить въ списки по надлежащему.

§ 14й. Кроме вышеозначенныхъ Списковъ, какъ то: Списка Библиотеки, Списка Машинъ и Списка издельныхъ образцовъ, еще имеете завести справочный Списокъ о всехъ издельныхъ статьяхъ въ Библиотеке Музеума содержащихся и списокъ деламъ до Музеума Касающихся.

§ 15й. Все предметы Музеумъ составлять долженствующіе, имеете вы обязанность хранить въ целости и Отвѣтствовать въ случае утраты чего либо отъ недосмотра произшедшей; а для содержанія всего въ надлежащей опрятности имеете о томъ сноситься съ Екзекуторомъ Департамента.

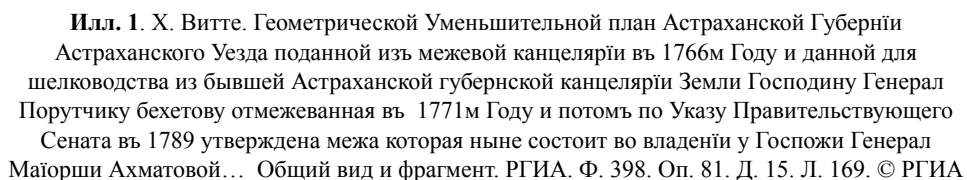
Пе. О должности инспектора Музеума по внешнему Отношенію.

§ 16й. Поелику главнейшая цель учрежденія Мануфактурнаго Музеума состоитъ въ томъ, чтобъ способствовать успѣхамъ фабрикъ и выделке изделий ближайшими средствами и открыть фабрикантамъ и желающимъ учреждать какия либо заведенія удобность заимствовать полезными для своего предприятия примерами, то по сему инспекторъ Музеума известнымъ фабрикантамъ самѣ собою, а другимъ охотникамъ съ предварительнаго доклада Директору или по приказанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ позволять входить въ Музеумъ.

§ 17й. Инспекторъ по требованію посетителей показывать имъ образцы отечественныхъ изделий, объяснять свойства машинъ и позволять съ оныхъ по желанію снимать рисунки или по онымъ заказывать, а изъ книгъ о мануфактурахъ и изобретеніяхъ делать выписки потребныхъ для каждого Статей.

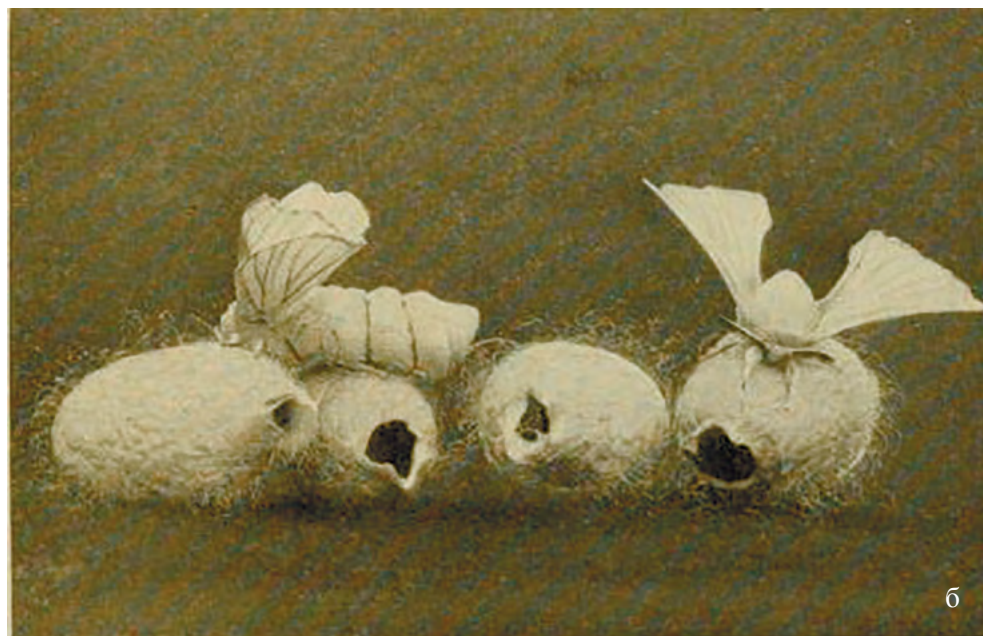
§ 18й. Но книги, Машины и образцы изделий въ Дома посетителей отпускать возбраняется.

Подписаль Директор Егоръ Карнеевъ
Скрепилъ Секретарь Александръ Татариновъ».

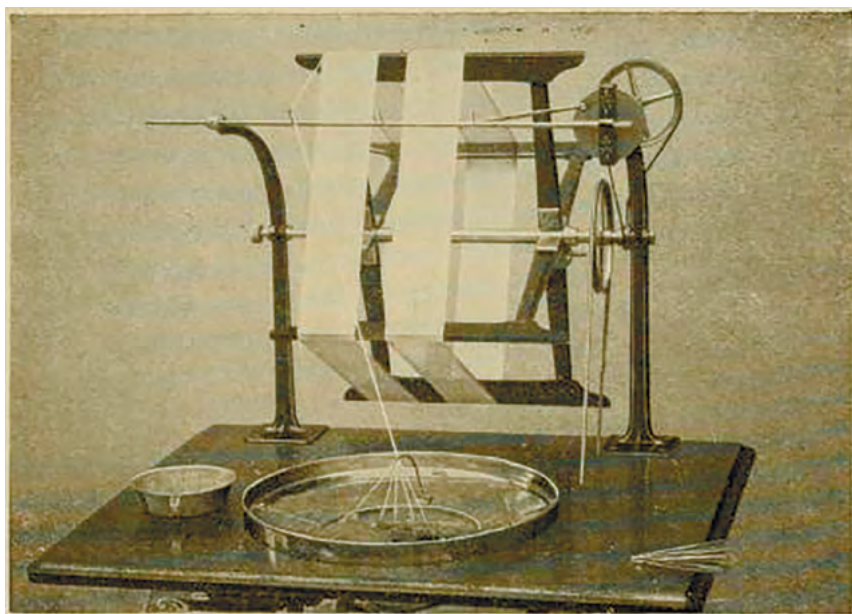
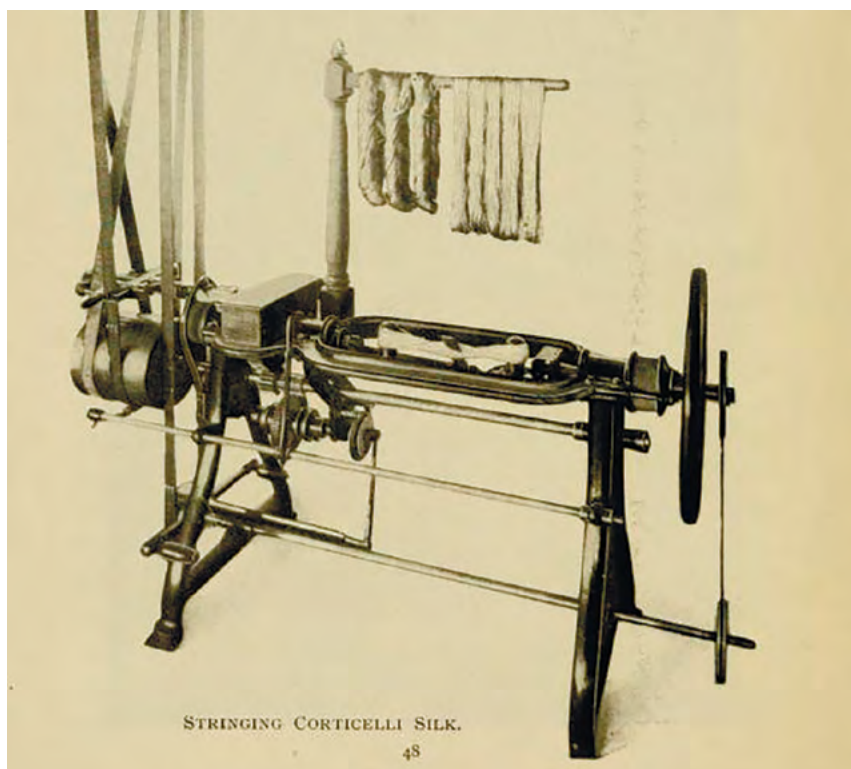
Илл. 2. Этапы шелководства: а) выкармливание шелковичных «червей» (десятый день),
б) формирование коконов. в) Виды коконов шелковицы

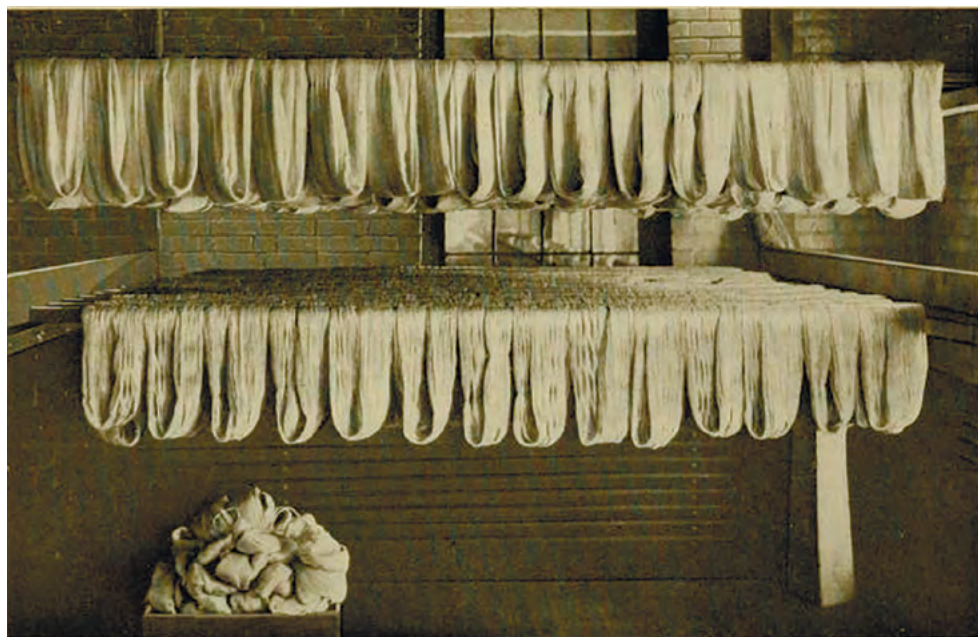
Илл. 2. а и б) Разведение шелкопряда. Фотографии, опубликованные в книге Silk, its Origin Culture and Manufacture, (Florence, Massachusetts, 1885, 1902; THE NONOTUCK SILK COMPANY; Illustrated From Photographs Taken at The Corticelli Silk Mills/ Copirighted 1895 and 1902).

Илл. 3. Появление производства шелка в Европе и стадии его получения. Иллюстрации Сарта, Яна ван дер (Страданус) из книги VERMIS SERICVS («Тутовый шелкопряд»). Антверпен, 1595. С. 4, 6.

Илл. 4. Машины для прядения шелковых нитей. Фотографии, опубликованные в книге:
Silk, its Origin Culture and Manufacture, (Florence, Massachusetts, 1885, 1902;
THE NONOTUCK SILK COMPANY;
Illustrated From Photographs Taken at The Corticelli Silk Mills/ Copirighted 1895 and 1902).

Илл. 5. Беление шелковых нитей. Иллюстрация из книги: *Silk, its Origin Culture and Manufacture*, (Florence, Massachusetts, 1885, 1902

а)

б)

Илл. 5. а) Ординарный ткацкий станок XVIII в. Музей шелка в Комо. [Электронный ресурс]
URL : <https://valelle.com/visita-al-museo-didattico-della-seta-como-apritimoda2020/>
(дата обращения 29.10. 2023 г.)

б) Образец ткани, созданной на жаккардовом станке. Музей шелка в Комо. [Электронный ресурс]
URL : <https://valelle.com/visita-al-museo-didattico-della-seta-como-apritimoda2020/>
(дата обращения 29.10. 2023 г.)

Илл. 6. Образцы шелковой ткани с декором XVIII в. French silk sample book. XIX с.

© Sterling and Francine Clark Art Institute Library.

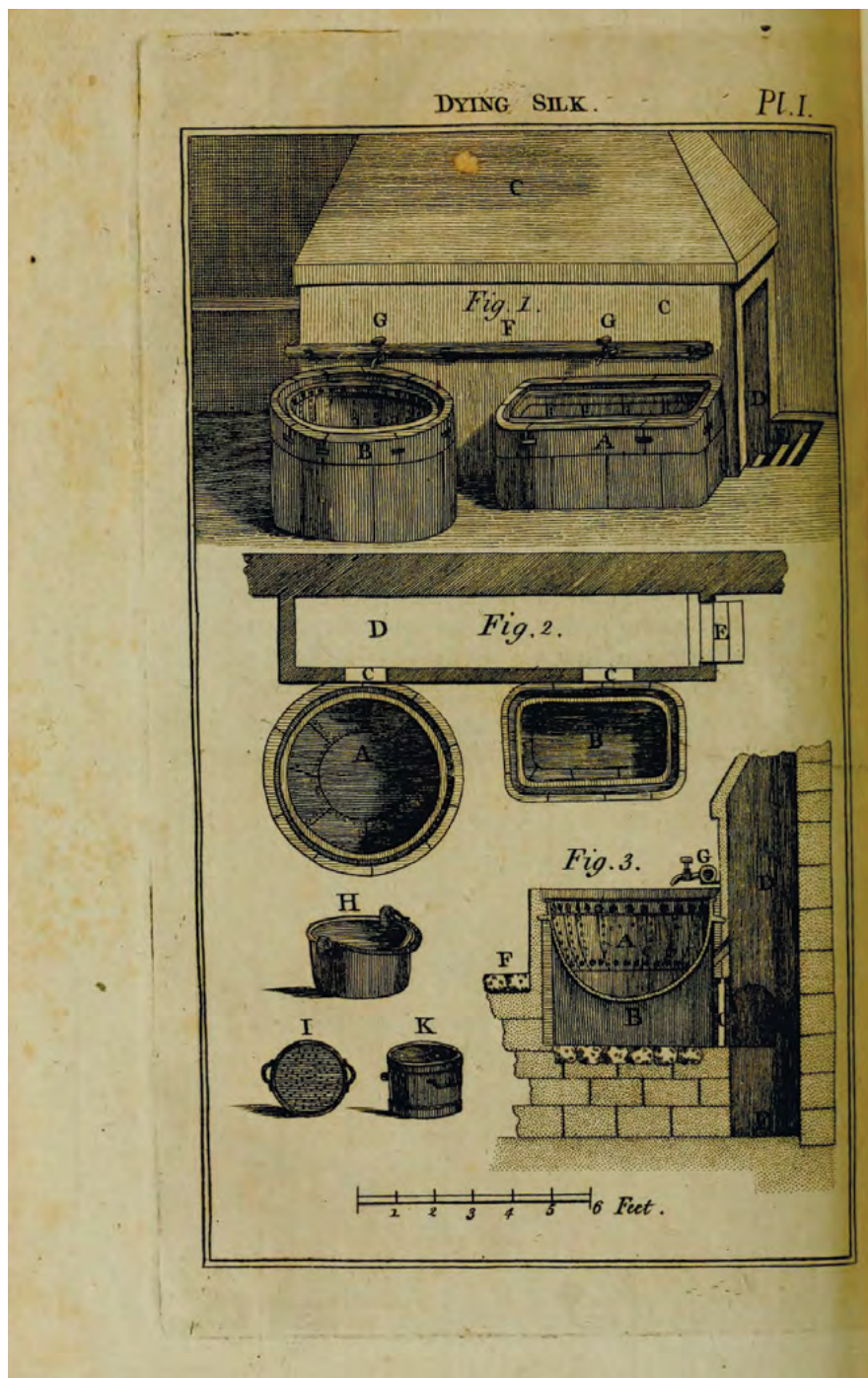
[Электронный ресурс] URL:<https://publicdomainreview.org/collection/french-silk-sample-book/>
(дата обращения 29. 09. 2023).

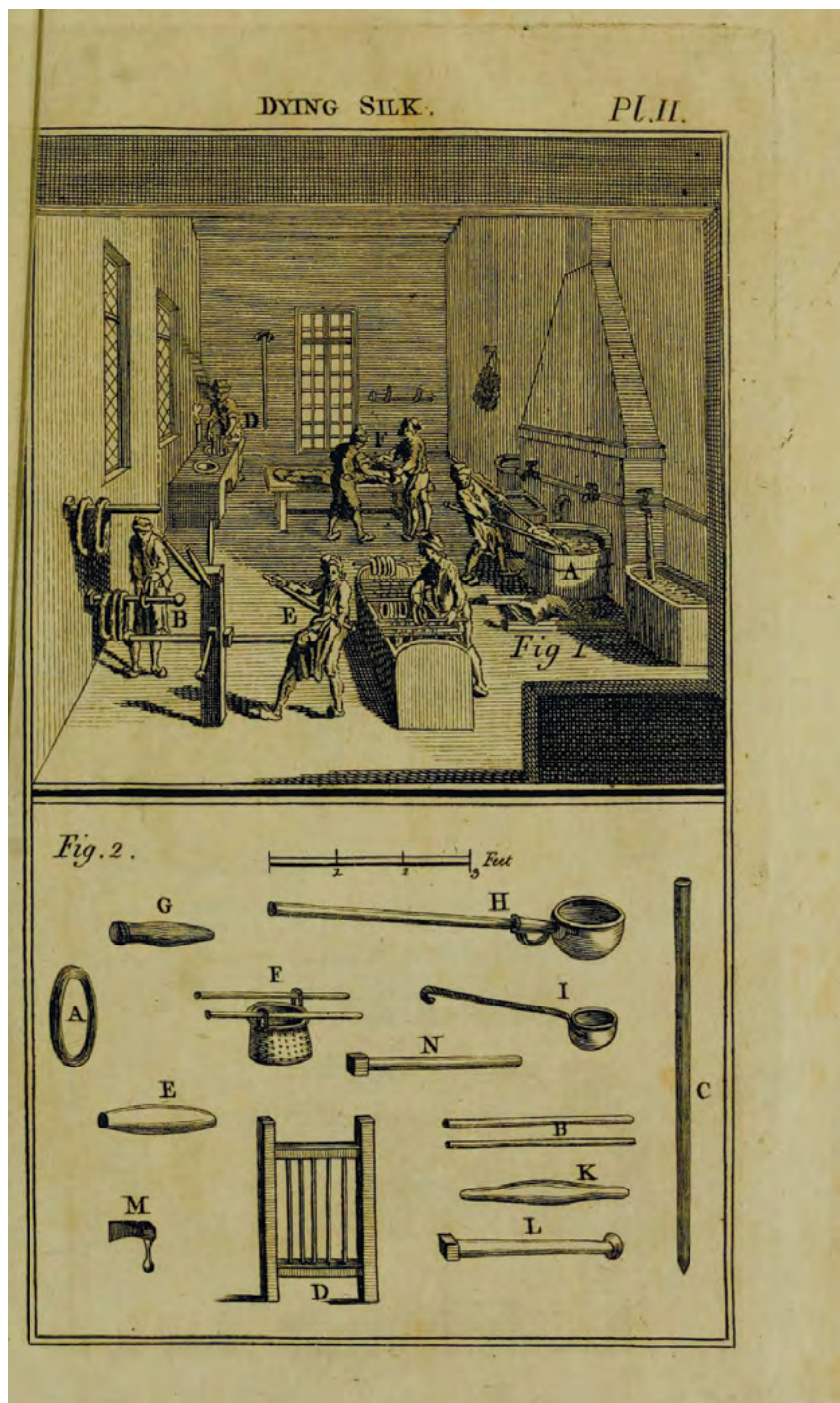
Илл. 7. Образцы шелковой ткани с печатным рисунком XVIII в. French silk sample book. XIX с.

© Sterling and Francine Clark Art Institute Library.

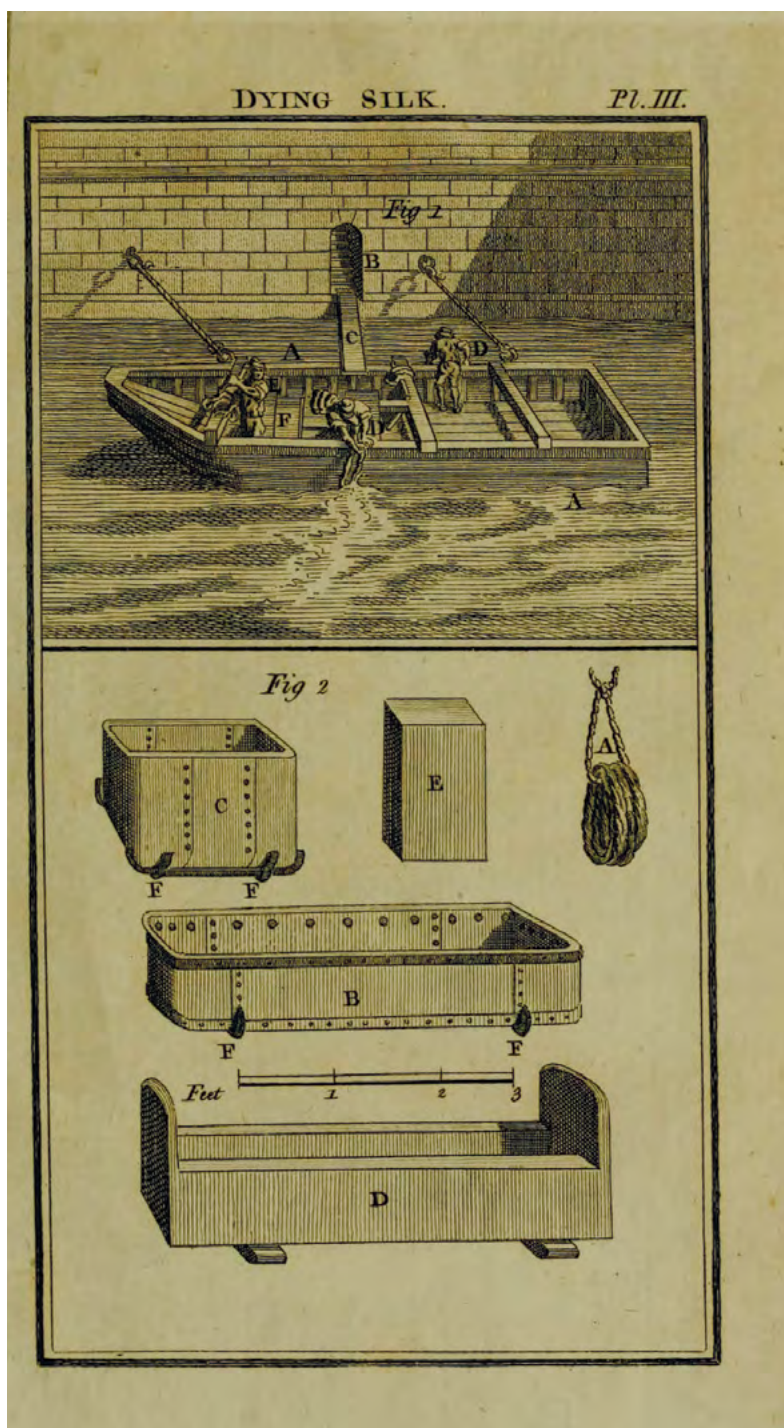
[Электронный ресурс] URL: <https://publicdomainreview.org/collection/french-silk-sample-book/>
(дата обращения 29. 09. 2023)

Илл. 8. Оборудование и инвентарь для окрашивания шелка. Иллюстрация из книги:
«The ART of Dying Wool, Silk and Cotton, translated from the French of M. HELLOT, M.
MACQUER and M. Le Pileur d'APLIGNY...», изданной в Лондоне в 1789 г.,
переведенной с французского языка на английский

Илл. 9. Инвентарь и процесс полоскания окрашенных шелковых нитей. Иллюстрация из книги: «The ART of Dying Wool, Silk and Cotton, translated from the French of M. HELLOT, M. MACQUER and M. Le Pileur d'APLIGNY...» (Лондон, 1789)

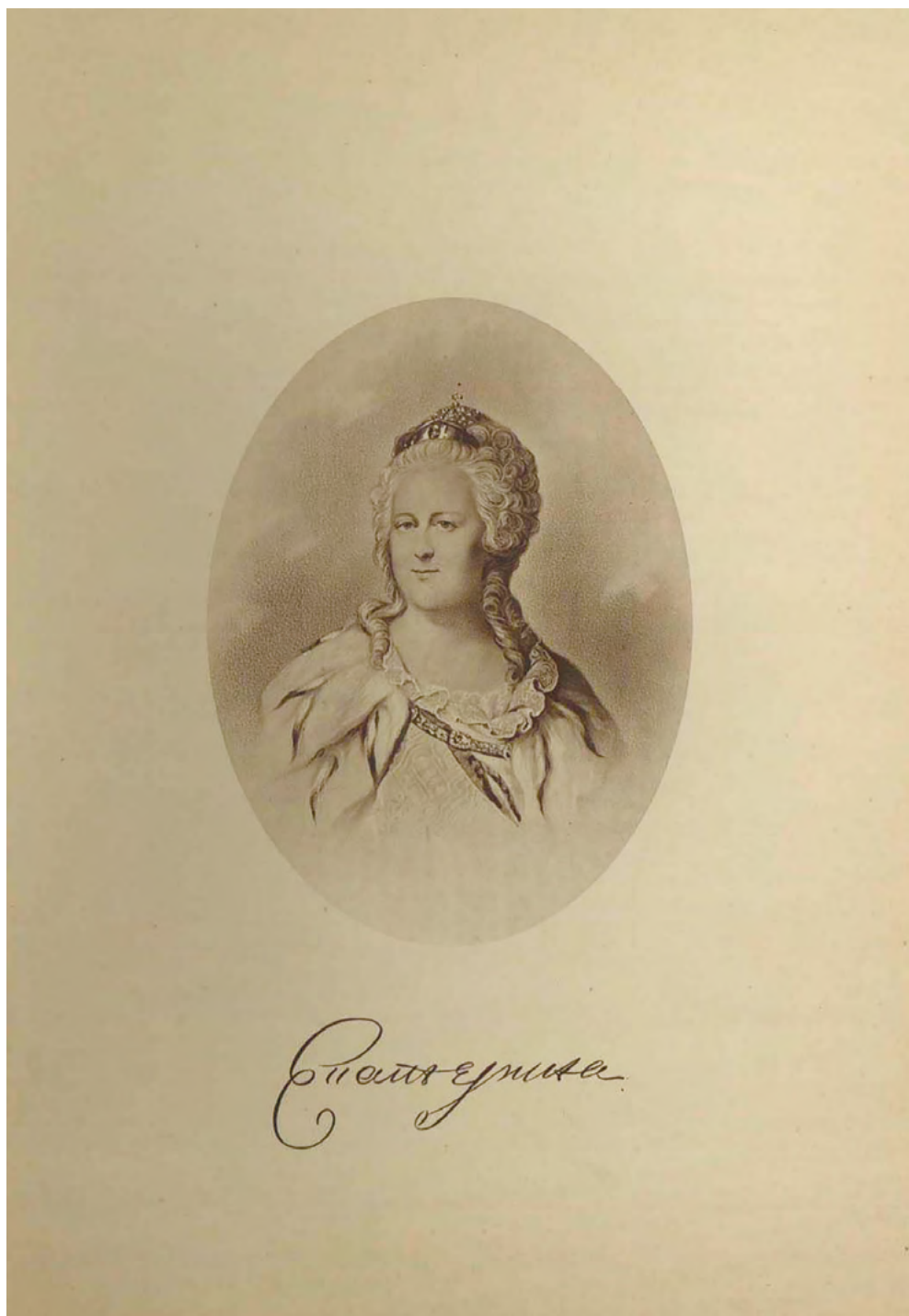
Илл. 10. Инвентарь и процесс полоскания окрашенных шелковых нитей. Иллюстрация из книги: «The ART of Dying Wool, Silk and Cotton, translated from the French of M. HELLOT, M. MACQUER and M. Le Pileur d'APLIGNY...» (Лондон, 1789)

Илл. 11. Образцы ткани, окрашенной по лионским рецептам XVIII в. French silk sample book.
XIX c. © Sterling and Francine Clark Art Institute Library

Илл. 12. Образцы ткани, окрашенной по лионским рецептам XVIII в. French silk sample book.
XIX с. © Sterling and Francine Clark Art Institute Library

Илл. 13. Портрет императрицы Екатерины II с факсимиле ее собственноручной подписи.
Иллюстрация из книги: Марков М. История Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка.
СПб., 1884 г.

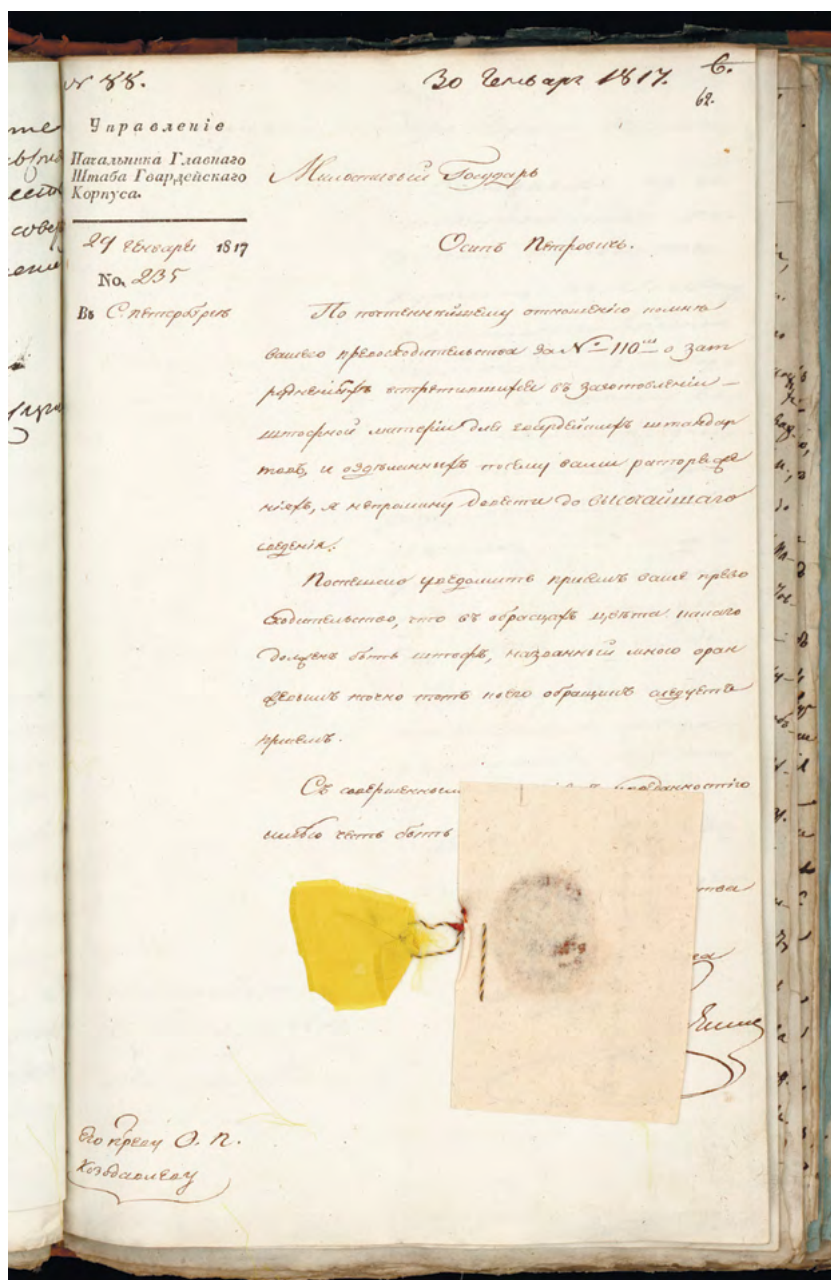

Илл. 14. Штандарт Лейб-Кирасирского полка [Ея Императорского Величества]. 1800 г.
Полотнище из белого штофа с мелким рапортом из изображений садовых цветов,
изготовлено на ткацком станке, сделанном в 1780-е гг. по указу Екатерины II

Илл. 15. Штандарт Лейб-Кирасирского полка [Ея Императорского Величества]. 1800 г.
Шелк (штоф), вышивка золотой и шелковой нитью. Размеры: Дл. – 52 см; ш. – 44, 2 см. ГМЗ
«Царское Село», инв. номер: ЕД-1507-II. © ГМЗ «Царское Село». Фрагмент.

Фото А.В. Тархановой

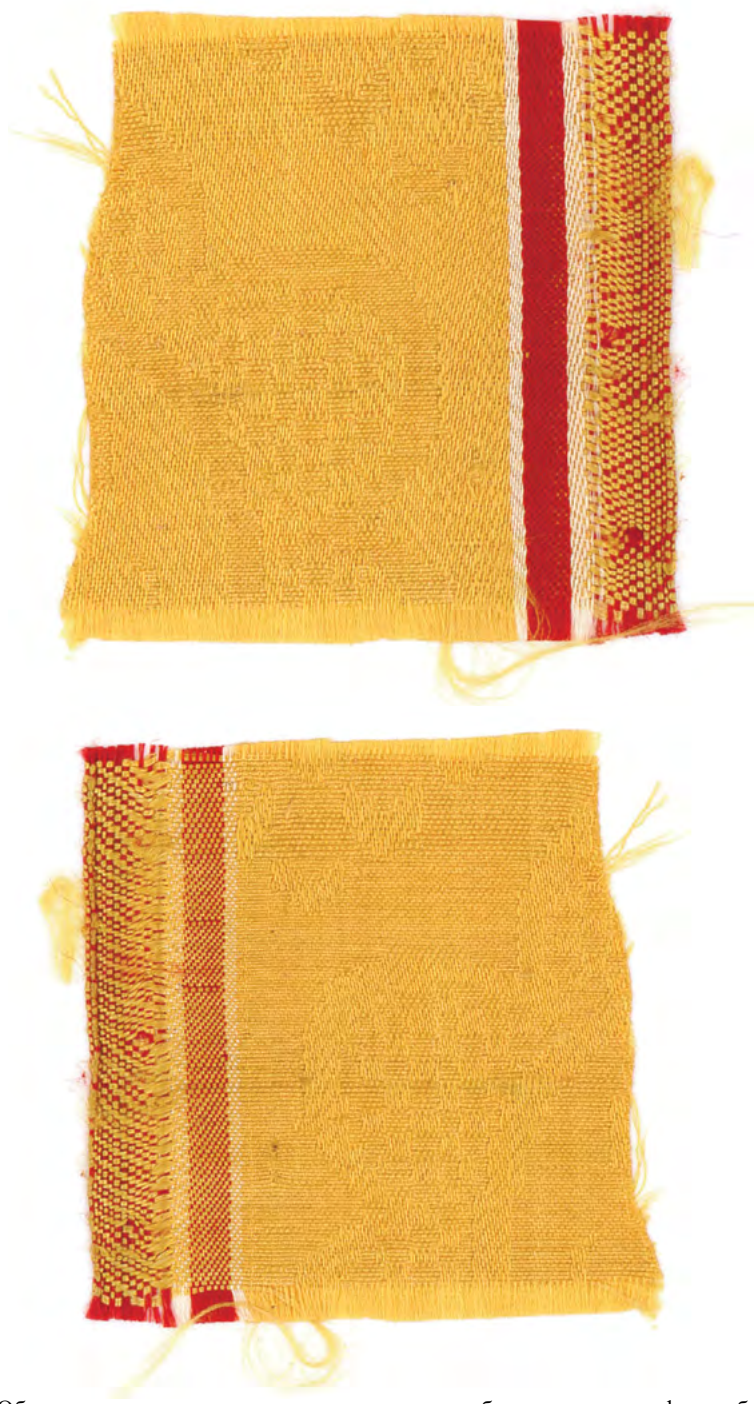

Илл. 16. а) Письмо начальника Главного Штаба Гвардейского корпуса, поясняющее оттенок цвета, названного прежде «оранжевым», с приложением образца ткани.

РГИА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 424. Л. 62 © РГИА

б) Образец ткани так называемого – «ранжевого» цвета, предназначенный в 1817 г. «для заготовления из онаго гвардейскимъ кавалерийскимъ полкамъ ВСЕМИЛОСТИВИЙШЕ пожалованныхъ Георгиевскихъ штандартовъ». Макросъемка текстуры русской ткани саржевого плетения, изготовленной на станках в конце XVIII – начале XIX в.

РГИА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 424. Л. 62 а. © РГИА

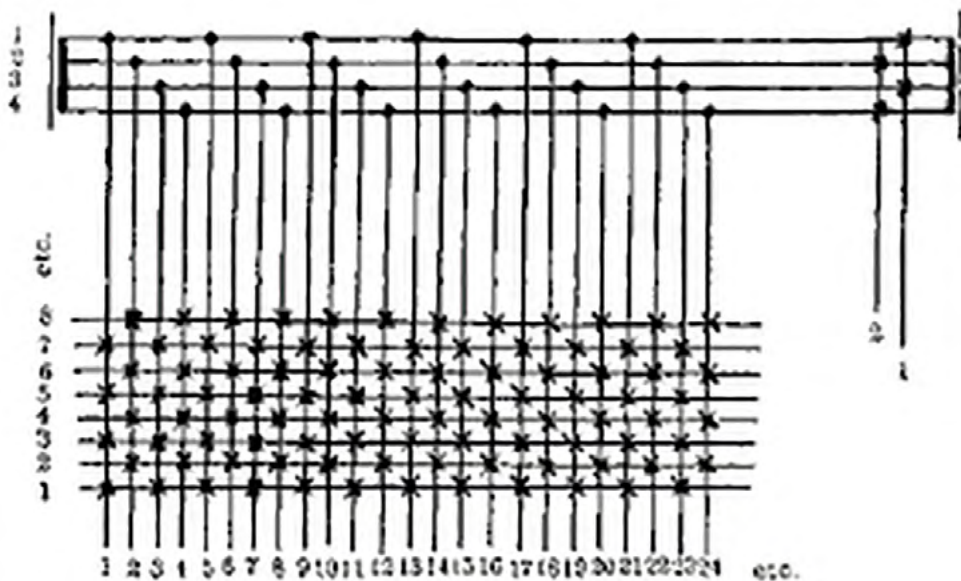

Илл. 17. Образец ткани оттенка «оранжевого цвета», выбранного для штофа, необходимого для изготовления наградных «георгиевских» штандартов кавалерийским полкам на фабрике Лазарева. Лицевая и оборотная стороны. Макросъемка текстуры русского левантина, изготовленного на станках в конце XVIII – начале XIX в.

РГИА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 424. © РГИА

Илл. 18. Русская парча с золотой нитью XVIII в., сохранившаяся на кресле-каталке Екатерины II. Фрагменты с деталями рисунка ткани. Вид до реставрации. © ГМЗ «Царское Село». Фото А.В. Тархановой

Илл. 19. а) Текстура голубой тафты (фрагмент платья). Платье. Западная Европа (?). 1770–1780-е гг. ГМЗ «Царское Село», ЕД-2661-П. © ГМЗ «Царское Село». Фото Ю. Игумновой. б) Схема плетения тафты. Рисунок № 16 из книги «The Teory of Silk Weaving...» (New-York, 1921)

Илл. 20. а, б, в - Самопрялка, сделанная по рекомендованному, усовершенствованному итальянскому образцу. Россия, 1780–1790-е гг. Дерево, металл. Общий вид и детали конструкции. Фрагмент экспозиции трактира-музея «Илья Муромец» в г. Муром

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ЖИВОПИСИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА В ОРАНИЕНБАУМЕ

Е.А. Бортникова

Аннотация: Ораниенбаумская живописная коллекция уже на протяжении многих лет вызывает закономерный интерес историков искусства. Общее представление о ее количественном составе и жанровом разнообразии известно благодаря описям Я. Штелина, однако факты поступления картин, украсивших интерьеры Картинного дома, в большинстве случаев неизвестны. Материалы настоящего исследования призваны обобщить, систематизировать и дополнить сведения о коллекции картин великого князя Петра Федоровича в Ораниенбауме.

Ключевые слова: XVIII век; император Петр III; история коллекционирования; живопись; картинная галерея; Картинный дом; Ораниенбаум.

Коллекция живописи великого князя Петра Федоровича, впоследствии императора Петра III (1728–1762), насчитывавшая при жизни владельца около 700 картин, была преимущественно расположена в летней резиденции в Ораниенбауме и относилась к категории частных собраний елизаветинского периода.

В трудах историков искусства, посвященных императорскому живописному собранию, до недавнего времени короткий период правления императора Петра III уступал место следующему значительному этапу в истории коллекционирования живописи, связанному с деятельностью Екатерины II. Тем не менее, существование этой коллекции нашло отражение в музееведческой литературе, а в последние годы стало вызывать и серьезный искусствоведческий интерес. Еще в 1901 году была опубликована «Опись картин, бывших в Зимнем и других Императорских дворцах в первые годы царствования Екатерины II», содержащая сведения о картинах, поступивших «от бывшего Императора Петра Федоровича», включая описания сюжетов и, в ряде случаев, имена авторов [Успенский, 2007: 1–182]. Систематическое изучение состава коллекции было начато в 1970-е годы, когда встал вопрос о реставрации Картинного дома в Ораниенбауме. В это время была написана первая историческая справка и дана характеристика собрания [И.Г. Алексеева (Гречишкина), 1972: 1–89]. В 1980 году историком искусства К.В. Малиновским была осуществлена научная публикация материалов из Архива Ленинградского отделения Академии наук СССР (СПб. филиал Архива РАН), содержащих схемы развески картин в галерее Картинного дома, сделанные Я. Штелином

в 1762 году, включая перевод с немецкого, расшифровку надписей на схемах и подробные комментарии, касающиеся вопросов современной атрибуции и местонахождения картин [Малиновский, 1980: 173–193]. Исследования состава коллекции были продолжены научным сотрудником ГМЗ «Ораниенбаум» Е.И. Кочеровой, которая систематизировала имеющиеся сведения, дополнила их новыми изысканиями, проследила историю перемещений ряда памятников из ораниенбаумской коллекции, а также ввела в научный оборот новые источники [Кочерова, 2002: 67–79]. Изучение вопроса продолжается и в настоящее время автором настоящего исследования в части, связанной с выявлением, систематизацией и атрибуцией конкретных памятников изобразительного искусства из императорской коллекции, находившихся в Картинном доме [Бортникова, 2011–2022; Артемьева, Бортникова, 2019–2023; Bortnikova, 2011, 2016; Artemieva, Bortnikova, 2018–2021].

Отдельным предметом изучения стал сам Картинный дом в Ораниенбауме, построенный в 1750-е годы специально для размещения коллекции живописи великого князя. Его истории посвящен раздел в монументальной монографии С. Б. Горбатенко «Архитектура Ораниенбаума. Западная дистанция Петергофской дороги» [Горбатенко, 2022: 432], а также серия изданий М. А. Павловой, опубликовавшей помимо развёрнутой исторической справки, суммирующей все накопленные по теме материалы, описи Картинного дома конца XVIII – начала XIX века, выписки из архивных документов за период с 1752 по 1916 гг. [Павлова, 2016: 303; Летопись Ораниенбаума, 2015: 448].

Несмотря на усилия, предпринятые несколькими поколениями историков искусства и музейных работников, живописная коллекция императора Петра Федоровича до сих пор не до конца изучена и не сняты вопросы, связанные с установлением источников и хронологии ее формирования, первоначального состава, искусствоведческого анализа, затруднен поиск и идентификация картин, рассеянных по различным частным и музейным собраниям. Одна из причин сложившейся ситуации кроется в отмеченной на протяжении длительного времени в российской и зарубежной историографии негативной оценки императора, как случайной фигуры на российском престоле, как человека малообразованного, не склонного к изучению наук и искусств. Объективное освещение его деятельности началось сравнительно недавно на основе расширения источниковой базы и ее критического анализа [Малиновский, 1980: 187–190; Мыльников, Радзюн, Суслова, 2000: 34–51; Мыльников, 2001: 670; Королев, 2017: 512]. Включение в этот контекст комплексного научного исследования ораниенбаумской живописной коллекции будет способствовать формированию объективного представления о Петре Федоровиче как о знатоке, ценителе и коллекционере произведений искусства, продолжателе традиции, заложенной его дедом, Петром Великим, – ведь именно благодаря ему коллекционирование живописи переросло из страстного увлечения в стратегию, направленную на создание первой картинной галереи в Петергофе, а также распространение моды на коллекционирование и, как следствие, повышение уровня образования и знаточества.

Самым ранним известным случаем проявленного интереса великого князя Петра Федоровича к живописи является приобретение в 1743 году «превосходного оригинала» Корреджо «Бегство в Египет»¹, который был выбран в качестве подарка императрице Елизавете Петровне на новоселье (илл. 1). Императрица приняла столь дорогой знак внимания и распорядилась повесить полотно в Картинном кабинете (в старом Зимнем дворце?). В дальнейшем картину переместили в Эрмитаж императорского Летнего дворца, о чем известно из описи Я. Штелина: «11. Корреджио. Бегство Марии в Египет. (Куплено мною у г-на Валериани за 200 рублей для великого князя, который подарил ее императрице Елизавете по случаю въезда в новый Летний дворец)» [*Записки Якоба Штелина*, 1990. Т. II: 49]. Спустя несколько месяцев, 17 ноября 1743 года, Сенату последовал императорский указ о передаче наследнику Петру Федоровичу летней загородной резиденции в Ораниенбауме, что дало начало грандиозным преобразованиям и дворцовому строительству, в котором особое место было отведено Картинному дому. Задумывая создание собственной картинной галереи, великий князь придерживался принципа преемственности и продолжения петровских начинаний и, вместе с тем, опирался на опыт крупнейших дворцовых ансамблей Рима, Венеции, Парижа, Вены, Брюсселя, Праги и Дрездена, представление о которых имел по гравированным изданиям, входившим в состав его книжного собрания². Однако, в первую очередь, достижение поставленной цели было необходимо для удовлетворения собственных владельческих интересов и амбиций, о масштабе которых можно судить уже по тому размаху, с которым в 1752 году будет начато строительство целого дворца, предназначенного для размещения коллекций и библиотеки.

Сама же коллекция начала складываться в 1743 году, когда великий князь получил в дар от голландского адмирала Линслэгера две небольшие картины, принадлежавшие, по определению Штелина, кисти «одного из величайших мастеров в изображении цветов и пейзажей» Яна ван Хейсума (1682–1749). Давая восторженную характеристику произведениям, автор заметок отметил важную деталь, которая указывает на их первоначальное место хранения – в картинном кабинете Его императорского высочества в Ораниенбауме «в ящичках из красного дерева, обитых внутри зеленым бархатом» [*Записки Якоба Штелина*, 1990. Т. I: 358]. Из истории Большого Ораниенбаумского дворца, которая в настоящее время хорошо изучена³, известно, что в начале 1740-х годов он был «в довольно разрушенном состоянии», однако это обстоятельство не помешало созданию в нем «Картинного кабинета». Другой кабинет был устроен в старом деревянном Зимнем дворце в Санкт-Петербурге в первый же год пребывания Петра Федоровича в России.

Ранние приобретения демонстрируют интерес молодого коллекционера к творчеству немецких художников-портретистов. Наиболее значительным

¹ ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 406-ж.

² Подробнее о библиотеке см.: Королев, 2017: 512.

³ Горбатенко, 2022: 432; Павлова, 2017: 503.

среди них был художник из Гамбурга Бальтазар Деннер (1685-1749), получивший известность благодаря необычайной тщательности исполнения своих работ. Слава художника разнеслась далеко за пределы его родного города, а творчество получило высокую оценку среди петербургских коллекционеров. Так, 1743 год отмечен крупной покупкой серии «голов» немецкого художника привезенных из Гамбурга живописцем Мартином Гослингом. Краткие сведения о картинах, осложняют их идентификацию, но можно предположить, что речь идет о трех «головах стариков» и целой галерее членов семьи художника, которые в 1758 году будут использованы в шпалерной развеске Картинного дома (илл. 2).

Еще одним событием культурной жизни столицы, произошедшим в 1743 году, стал приезд ученика Деннера – портретиста из Голштинии Бенъямин Калау (1724–1785), который, по мнению Штелина, довольно удачно подражал своему учителю. Не получив ожидаемого признания, художник уехал из России в феврале 1746 года, однако несколько лучших произведений купил великий князь и разместил в Картинном кабинете старого деревянного Зимнего дворца, в том числе – парные портреты «старого еврея»⁴ (ил. 3) и «старой женщины»⁵. Здесь они находились с момента покупки до 1762 года, когда Екатерина II распорядилась их передать в Императорскую Академию художеств [*Опись неподвижных вещей бывших в смотрении Кирилы Головачевского, 1762: № 115*].

Заложив основу будущей коллекции, великий князь отправился в 1744 году в Москву и Киев, что приостановило закупки на два года. Во всяком случае, в расходных документах за этот период не обнаружено сведений о поступлении картин, что при этом не означает отсутствия планов или переговоров по их приобретению. В 1746 году великий князь приобрел крупную партию из двадцати семи произведений итальянских мастеров, которые были доставлены в Санкт-Петербург крупным торговцем художественными предметами Диего Бодиссони (1714–1797)⁶, приехавшим из Венеции по приглашению графа М.И. Воронцова «с немногими, но среди них довольно хорошими оригиналами» итальянских мастеров. Лучшие из них купил великий князь, включая «две больших картины Гвидо Рени и несколько других за 5 000 руб.» [*Записки Якоба Штелина, 1990. Т. I: 359*]. На протяжении двух лет Бодиссони успешно торговал живописью преимущественно венецианских художников, что может свидетельствовать об особом интересе к венецианской школе среди петербургских знатоков и коллекционеров, а также о наличии у них выраженных художественных предпочтений [*Соколова, 2022: 88*].

Сделанный Штелином акцент на имени живописца Гвидо Рени (1575–1642) указывает на его подчеркнуто консервативное отношение к римско-болонской

⁴ ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 122-ж.

⁵ Местонахождение неизвестно.

⁶ О Бодиссони см.: *Записки Якоба Штелина, 1990. Т. I: 359, 364, 365, 380, 381; Малиновский, 2012: 74,75; Соколова, 2022: 87.*

академической традиции в итальянском искусстве, что особенно заметно на фоне усиливающегося в начале XVIII столетия влияния фламандского и голландского реализма XVII века. В настоящее время сложно определить, какие именно произведения Гвидо Рени принадлежали Петру Федоровичу, но если обратиться к «Первому каталогу картинной галереи Эрмитажа» Миниха (1773) в разделе ранних поступлений (период между 1763 и 1774) можно обнаружить два полотна, атрибуцию которых в разное время связывали с именем художника – это картина «Святой Иероним» (№ 330)⁷, поступившая, как «принадлежащая кисти Гуида Рени» и впоследствии признанная оригиналом Хосе де Риберы, и «Жизнь первых людей» (№ 1516), которая считалась произведением Доменикино со знаком вопроса, а в дальнейшем приписана кисти Гвидо Рени (Опись Лабенского)⁸. Время поступления и высокие живописные характеристики позволяют предположить, что именно они были привезены Д. Бодиссони из Венеции в Санкт-Петербург и предложены великому князю для его коллекции, однако эта гипотеза нуждается в подтверждении. В целом партия состояла из двадцати семи итальянских полотен, которые хранились на протяжении шести лет в Летнем дворце императрицы Елизаветы Петровны в Петербурге, пока в Ораниенбауме не началось строительство Картинного дома. В июне 1752 года они будут доставлены на буере в Ораниенбаум, а за помощь в доставке шестерым матросам был заплачен 1 рубль [РГАДА, 1752: 99 об]. Сегодня в музейной экспозиции Картинного дома представлены две картины, купленные у Бодиссони в 1746 году и расположенные на исторических местах в галерее – это два крупноформатных полотна школы Луки Джордано (1634–1705) «Фамарь и Аммон» и «Иосиф и жена Пентефрия» (илл. 4, 5).

Страсть к коллекционированию вместе с Петром Федоровичем разделял барон Иоганн фон Пехлин (1677–1757) – канцлер Готторпского Двора, возглавивший в 1746 году Готторпский правительственный совет при великом князе в Санкт-Петербурге. По свидетельству Штелина, примерно в это же время он устроил в Ораниенбауме галерею, состоящую из «больших и превосходных» картин из коллекции его отца, привезенной из Голштинии [*Записки Якоба Штелина*, 1990. Т. I: 359]. Здесь она была пополнена новыми произведениями, купленными у «синьора Бодиссони», в том числе – картинами «Три грации» кавалера Либери и «Портрет Фракасторио» Тициана⁹. Преждевременная смерть владельца положила конец существованию этого собрания живописи – несколько картин достались великому князю, а основная часть была распродана вдовой. Так, в конце 1758 года камергер И.И. Шувалов «купил из наследства голштинского тайного советника Пехлина весь остаток его прекрасных картин, в том числе «Избиение младенцев» Куапеля и другие превосходные картины за 3 500 рублей. Ранее г-н Никита Демидов купил двенадцать картин из этого собрания за 1 500 рублей» [*Записки Якоба Штелина*, 1990. Т. I: 367].

⁷ Картина утрачена в годы Великой Отечественной войны.

⁸ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ-51.

⁹ Лондонская Национальная галерея. NG3949.

Какие именно картины из галереи Пехлина оказались в Картинном доме Ораниенбаума можно определить из «Реестра отосланным во Аранимбом февраля 26 и 27 числа картинам» 1751 года, на полях которого сделана запись карандашом – «взяты от Пехлина» [РГАДА, 1747: 75–83 об.]. В списке перечислены двадцать шесть произведений, выполненных в различных жанрах: образа, исторические и мифологические картины, портреты, городские пейзажи («прошпекты венецианские»), бытовые сценки. Однако особое значение имеет наличие в нем крупноформатных произведений, пополнивших «итальянскую» коллекцию великого князя – это «большая четверугольная писанная на полотне историческая [картина] Вулкан, Меркурий, Марс и Юпитер», которую Штелин определил кисти Пьетро Либери или Никколо Бамбини, картина «Эркулес с пряслом» Винченцо Дандини или Себастьяно Конка и «Картина продолговатая время жизни человека с вертепом» Карло Чиньяни¹⁰ (илл. 6) [Артемова, 2020: 121–131; Artemieva, 2018: 69–83]. Опираясь на старые атрибуционные сведения, можно говорить о том, что для коллекции подбирали произведения разных региональных школ Италии, включая римскую, венецианскую, флорентийскую и болонскую, и в решении этого вопроса великий князь опирался на авторитетное мнение своего учителя, большого знатока и любителя итальянского искусства Якоба Штелина.

При создании картинной галереи большое значение придавали как жанровому разнообразию, так и разнообразию представленных национальных школ. Это видно на примере покупки у придворного живописца Г.К. Гроота в ноябре 1746 года четырех кабинетных картин фламандского художника Яна Йозефа Хореманса Старшего (1682–1759) с изображением беседы (“Conversation Naremas, originalien”) [РГАДА, 1748: 169]. Судя по определению “originalien” и высокой стоимости, которая составляет 200 рублей (это соответствовало стоимости крупноформатного полотна итальянского мастера), подлинность и художественные достоинства произведений у покупателя не вызывали никаких сомнений. Использование их в шпалерной развеске галереи Картинного дома показывает высокие требования к оформлению ее пространства, заявленные владельцем. Вместе с «Беседами» Хореманса Гроот предложил также два портрета своей кисти с изображением великого князя и великой княгини¹¹ за 200 рублей каждый. Покупка состоялась 16 июля 1747 года иполнила коллекцию Петра Федоровича первыми портретами, которые легли в основу ораниенбаумской портретной галереи¹².

Помимо крупных приобретений, в 1746 году великий князь заимствовал несколько картин из Петергофа и шестнадцать картин из Кронштадтского дворца, которые находились там в конце петровского царствования – это натюрморты, пейзажи, портреты, марины, баталии, жанровые и анималистические картины [Малиновский, 2012: 64, 113].

¹⁰ ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 49-ж.

¹¹ Предположительно в Государственном Русском музее, Инв. № Ж-5346.

¹² О собрании портретов Картинного дома см.: Денисова, 2002: 9–17.

Известная любовь наследника престола к музыке, балету и театру способствовала появлению в его ближайшем окружении иностранцев, которые нередко исполняли роль агентов и привозили из Европы различные товары. По словам Штелина он «...благоволит итальянцам и в особенности музыкантам: своего бывшего учителя на скрипке, Пиери, назначает капельмейстером <...>. Имеет запас отличных скрипок, из которых иные стоят от 400 до 500 руб.» [*Записки Штелина о Петре Третьем...*, 1866: 117]. В сентябре 1747 года великий князь купил у упомянутого итальянского скрипача Пьетро Пери десять «картин на полотне малеванных цветов и разных куриозностей» за 100 рублей. Далее следует рассказать о братьях Джузеппе (ок. 1710 – после 1791) и Доменико (ок. 1700–1764) Далл’Олио, итальянских музыкантах, деятельность которых в течение долгих лет была связана с Россией. Оба брата приехали в Санкт-Петербург еще в 1735 году вместе с композитором Франческо Арайя и были посредниками при заказах в Италии и покупках там картин для петербургской знати и императорского двора. Старший из братьев, Доменико, играл в оркестре партию первой скрипки, выступал также в качестве капельмейстера и композитора. По свидетельству Штелина «Доменико Далольо, один из первых скрипачей императорского оркестра, почти ежегодно заказывает привозить из своего отечества Падуи и Венеции значительное число супрапортов, большей частью венецианских проспектов в манере Каналетто, как и прочие пейзажи, развалины и т. п., и продает здесь в знатнейшие дома, которые соревнуются между собой быть обставленными на самый современный манер» [*Малиновский*, 2012: 76]. Его младший брат Джузеппе, виолончелист, до 1764 года жил в России, после чего поселился в Венеции, где был известен как дипломатический агент польского короля Станислава Августа Понятовского [*Андросов*, 2001: 266]. Именно с младшим Далл’Олио связаны музыкальные и торговые отношения великого князя, купившего у него 25 января 1750 года двадцать четыре картины, отправленные «в Ранимбом в ведомство Марьи Андреевны Патрекеевой марта 7 дня того ж году» [РГАДА, 1750: 17 об; *Кочерова*, 2002: 74]. Общая стоимость покупки составила 300 рублей, однако сведения из источника не позволяют идентифицировать новые поступления, представляющие из себя недорогую кабинетную живопись: шесть больших картин, писанных на полотне и восемнадцать меньшего размера. В июне 1750 года в Ораниенбаум была доставлена значительная по количеству и качеству партия предметов, состоящая из девятности картин и миниатюр, идентификация которых требует дополнительного исследования [РГАДА. Черная тетради взятым товаром, 1750: 17 об].

Спустя десять месяцев появляются новые сведения о покупке западноевропейской живописи, которая поступила в Ораниенбаум в апреле 1751 года, однако способ и источник в документах не указаны [РГАДА, 1747: 75–83 об; *Кочерова*, 2002: 75]. Это четыре картины немецкого живописца и гравера из Аугсбурга Иоганна Элиаса Ридингера (1698–1767): две большие, вертикально ориентированные композиции, изображающие «Охоту на оленя»¹³ и «Охоту на

¹³ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ-7061.

кабана»¹⁴, а также две горизонтально ориентированные картины меньшего размера с изображением сцен «Охоты на оленей»¹⁵ и «Охоты на медведей»¹⁶. Запись на полях описи: «Поставить к стене в зале до приезде Их Императорских Высочеств (к прочим картинам)» указывает на то, что они были доставлены в Большой картинный зал Картинного дома для осмотра владельцем. С момента поступления вся серия находилась в Картинном доме, затем вывезена в 1765 году в Императорскую Академию художеств, с 1931 года хранится в Государственном Эрмитаже.

Наступивший за этим двухлетний перерыв с декабря 1752 по май 1754 года, связан со второй поездкой великого князя в Москву, во время которой была создана уникальная серия из двенадцати ведут, выполненных в Венеции через посредничество музыканта Далл'Олио. Живописные картины, оформленные в резные позолоченные рамы, доставили в Ораниенбаум 14 марта 1755 года и разместили «в новом доме для просушки к стенам» [Горбатенко, 2022: 112]¹⁷.

Проявленный великим князем Петром Федоровичем интерес к произведениям искусства получил известность не только среди его ближайшего окружения, но и среди продавцов, давно работавших на столичном художественном рынке. В их числе – конторский служитель итальянский купец Леццано, прославившийся тем, что еще в 1742 году продал живопись для картинной галереи Кунсткамеры. Он предложил свои услуги великому князю в 1754 году, который приобрел у него девять картин итальянской, фламандской и голландской школ живописи различных жанров: мифологического («Триумф Нептуна и Амфитриты» Н. Бамбини и «Вахханалия»), исторического («Елиазар и Ревекка у колодца», «Нахождение Моисея»¹⁸), ландшафты и бытовые сценки. В следующем 1755 году из этого же источника поступили: «Венус, почти живой, натуральной величины, с купидоном», а также «Пустынник» (Святой Иероним) Герарда (Геррита) Доу¹⁹ и, предположительно, «Странствующий музыкант» Адриана ван Остаде²⁰. Часть картин из этой партии поступила в старый деревянный Зимний дворец, другая впоследствии была использована в Картинном кабинете императора Петра III в крепости Петерштадт.

Строительство Картинного дома в Ораниенбауме закончилось в 1755 году. Создание шпалерной развески в Галерее и Большом картинном зале было поручено смотрителю императорских галерей, живописцу и реставратору

¹⁴ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ-6937.

¹⁵ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 7620.

¹⁶ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 7616.

¹⁷ «12» картин живописных изображающих венецианских архитектурных проспектов в позолоченных резных рамах мерой в длину по 1 3/3 аршина в ширину по 1 аршину 2 вершка [примерно 71 x 110 см] ценой по 40 рублей каждая картина, итого 480 руб. Отметки: Оные картины того ж числа отосланы в Ораниенбургский дом в ведомство М. А. госпожи Патрекеевой [РГАДА, 1755: 64 об; Кочерова, 2002: 75; Малиновский, 2012: 118].

¹⁸ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 4365.

¹⁹ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 2894.

²⁰ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 898.

Л.К. Пфандцельту, который в этом же году завершил оформление Картинного зала в Большом Царскосельском дворце для императрицы Елизаветы Петровны. Подготовка проекта растянулась на долгих три года, в течение которых художник подбирал, реставрировал и, при необходимости, надставлял авторские холсты для достижения нужного формата. Еще одной причиной задержки исполнения великокняжеского задания стало поручение императрицы сделать шпалерную развеску в петергофском павильоне «Эрмитаж» с использованием картин из императорской коллекции. Над осуществлением этого проекта Л.К. Пфандцельт работал в 1757–1759 годах. Соответственно, ораниенбаумский и петергофский проекты он вел параллельно.

Нехватка картин среднего и малого размеров в коллекции великого князя Петра Федоровича, которые были необходимы для заполнения пространства стены вокруг крупноформатной итальянской живописи и на узких простенках между окон, восполнялась новыми поступлениями, в том числе за счет запасов, хранившихся в кладовых камерцалмейстерской канторы. В мае 1755 года «в Ораниенбаумскую Его Императорского Высочества казенную [кантору]» были отправлены 16 картин и 27 гравюр в основном небольшого формата [РГАДА, 1755: 7–8; *Малиновский*, 2012: 114–115]. Из их числа Л. К. Пфандцельт использовал для шпалерной развески, предположительно, три пейзажа (ландшафта), два из которых принадлежали кисти голландского живописца Николаса (Класа) Питерса Берхема (1620–1683), голландский натюрморт с изображением «розового пукета и бокала с облупленным лимоном», портреты турецкого султана²¹ и персидских женщин²² кисти Х.В.Э. Дитриха. Остальные произведения с изображениями «цесарской кавалерии», «морских мушелей», «ландшафтов и прешпектов», птичек и цветов, а также двадцать семь «печатных картин» в рамках под стеклом, могли быть использованы для оформления Большого картинного зала в Картинном доме, интерьеров Большого дворца, садового павильона Эрмитаж и других объектов на территории дворцового комплекса. Как и в предыдущих случаях, их идентификация затруднена отсутствием каких-либо уточняющих сведений об авторах, школах, размерах и дальнейших перемещениях.

Вторая половина 50-х годов XVIII века отмечена невероятной активностью великого князя Петра Федоровича в делах, связанных не только с коллекционированием. Весной 1756 года в Ораниенбауме начали возводить крепость Святого Петра, вскоре переименованную в Петерштадт. При этом великий князь не забывал и о Картинном доме, в котором необходимо было заполнить живописью галерею и Большой картинный зал. С мая по июль 1757 года сюда были доставлены тридцать три картины западноевропейских художников, из которых две вошли в шпалерную развеску галереи и тринадцать – в Большой картинный зал²³, о чем известно по карандашной записи на полях: «в Картин-

²¹ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 3669.

²² Картина продана с аукциона, известна по воспроизведению на фарфоровом пласте. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРФ-8907.

²³ Живописный состав Большого картинного зала до сих пор не установлен и является предметом дальнейшего изучения.

ную» [РГАДА, 1757: 62–83 об; Кочерова, 2002: 76–77]. Самым крупноформатным в партии было полотно венецианского художника Сильвестро Манаиго «Пир Ирода»²⁴, история которого документально прослеживается с момента поступления в Россию до настоящего времени [Артемова, 2023. – С. 69–88]. В реестре даны сведения еще о шести произведениях, а также о двенадцати живописных проспектах Санкт-Петербурга, выполненных в Италии по заказу великого князя с гравюр по рисункам М.И. Махаева. Впоследствии, в 1762 году, серия окажется по распоряжению императрицы Екатерины II на даче Санс-Эннуи – «одной из самых замечательных романтических усадеб на завершающем участке Петергофской дороги»²⁵, которую великий князь предназначал для своей фаворитки Елизаветы Романовны Воронцовой²⁶.

В 1758 году Якоб Штелин сделал запись, которая указывает на завершающий этап работ в Картинном доме: «Его императорское высочество великий князь заложил в Ораниенбауме картинную галерею, которая полна прекрасных оригиналов Гвидо <Рени>, Бамбини, Денера, Тициана и т. п.» [*Записки Якоба Штелина*, 1990. Т. I: 368]. По окончании работ здесь было размещено сто пятьдесят семь картин: 102 – в галерее и 55 – в Большом картинном зале. Известно, что развеска в последнем не была завершена и коллекция живописи Ораниенбаума продолжала ежегодно пополняться. В октябре 1758 года Петр Федорович приобрел у французского купца Ноеля Деное четыре картины: «Мир и Суд»²⁷, «Встреча Давыдова и Абигаилова», «Картина, представляющая мужиков» и «Зима» [РГАДА, 1750: 270; Кочерова, 2002: 76–77; Малиновский, 2012: 131]. В 1759 году от голландского купца де Фриза было «вято в комнату» двадцать одна картина; 30 октября великий князь купил у купца Антона Франка Бранка за 200 рублей «четыре картины живописные» и шесть «кунштов» (т. е. рисунки, чертежи или предметы декоративно-прикладного искусства) за 60 рублей [РГАДА, 1750: 414; РГАДА, 1759: 41 об; Кочерова, 2002: 76–77; Малиновский, 2012: 131]. Кроме этого, он принимал участие в аукционе, на котором купил еще две картины за 11 руб. 25 коп. [РГАДА, 1759: 85 об]. К крупным можно отнести покупку 4 января 1761 года, упомянутую в дневнике итальянца Мизере²⁸, писавшего, что великий князь получил «по комиссии купцов Питерса и Клаузинга» четыре картины немецкого художника Иоганна Карла Лота за 500 рублей. Предположительно, речь идет о картинах: «Блудный сын»²⁹, «Елиазар и Ревекка у колодца»³⁰, «Святой Иероним со крестом»³¹ и «Святой Иероним»³²,

²⁴ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 4728.

²⁵ Определение С.Б. Горбатенко [*Горбатенко*, 2022: 328].

²⁶ Подробнее см.: Малиновский, 2012: 117–130.

²⁷ В настоящее время находится в Национальной галерее Армении.

²⁸ Псевдоним, за которым, по мнению К.В. Малиновского, скрывается Я. Штелин.

²⁹ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 6367.

³⁰ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 3675.

³¹ Местонахождение неизвестно.

³² Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 8589.

которые могли быть использованы в Большом картинном зале Картинного дома в Ораниенбауме [*Дневник итальянца Мизере*, 1911: 6]. В этот же день поступил оригинал «Битвы при Лесной»³³, написанный Ж.-М. Наттье в присутствии Петра Великого в 1716 году в Париже. Картина, увековечившая событие 28 сентября 1708 года, во время которого царь разбил армию шведского генерала Левенгаупта, была прислана из Парижа посланником князем Дмитрием Михайловичем Голицыным камергеру Ивану Ивановичу Шувалову, от которого, по всей видимости, ее и получил великий князь.

Взаимодействие И. И. Шувалова с Петром Федоровичем в части приобретения произведений искусства было интенсивным и заслуживает отдельного изучения. Так, по приглашению И.И. Шувалова в 1758 году в Санкт-Петербург приехал французский художник Луи Жезеф Ле Лоррен (1715–1759), прославившийся на всю Европу тем, что сумел раскрыть секрет древнеримской живописи по воску. Это событие отражено в записках Штелина, которые косвенно указывают на то, что Петр Федорович был одним из обладателей произведения, выполненного в этой технике: «Мосье Лоррен, новоизбранный член парижской Королевской Академии, приехал весной 1758 года в новую Академию художеств, выписан сюда со скульптором Жилле. Он – исторический и плафонный живописец и ежедневно обучает несколько учеников в Академии <...>. Он овладел также вновь изобретенным искусством живописи восковыми красками (энкаустика!), и говорят, что написал в этой технике голову Флоры, которая висит в апартаментах Его императорского высочества великого князя» [*Записки Якоба Штелина*, 1990. Т. I: 76–77]. Продолжая повествование о новых поступлениях, необходимо упомянуть о подарке, полученном великим князем 7 января 1761 года от крепостного московских князей Трубецких Шмельца, написавшего два пейзажа. Этот небольшой эпизод может быть следствием проявленного Петром Федоровичем интереса к живописи во время его пребывания в Москве, вдохновившего автора на создание двух композиций.

Еще одно значительное поступление в коллекцию отмечено покупкой 19 января 1761 года у голландского купца Лорана Гирса Хюлтейна (Laurent Giers Hulteen³⁴) семи «картин галлерейных» и одной «портретной» за невероятную цену – 3 100 рублей, что примерно составляет 390 рублей за одну картину (!) [*Дневник итальянца Мизере*, 1911: 6; *Малиновский*, 2012: 131]. К сожалению, описей и списков, раскрывающих подробности этой сделки не найдено, но можно утверждать, что поступившая партия состояла из оригиналов очень высокого качества, которыми могли быть: «Мертвый лебедь, битая дичь, коза и баран» Дирка Говертса³⁵, «Морской вид» Якоба Адрианса Беллевоиса³⁶, а также «Свадебная процессия» Антуана Ватто³⁷.

³³ ГМИИ им. Пушкина. Инв. № Ж-1035.

³⁴ В архивных документах его имя записано: Лаврентий Герст и Гуитин.

³⁵ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 3663.

³⁶ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 4368.

³⁷ В настоящее время атрибуция пересмотрена неизвестному художнику. НИМ РАХ. Ж-165.

Возвращаясь к вопросу о влиянии камергера И.И. Шувалова на формирование живописного собрания великого князя, следует обратиться к запискам Я. Штелина, который сообщает, что весной 1761 года граф Петр Иванович Шувалов купил за 5000 рублей и подарил своему двоюродному брату Ивану Ивановичу Шувалову четырнадцать картин на меди австрийского художника Иоганна Георга Платцера (1704–1761). Автор записок дает восторженную оценку творчества мастера, обращая внимание на «особенно тщательную и блестящую живопись», и далее в примечаниях указывает важную деталь: «10 из них подарены при дворе императору Петру III и 4 г-н камергер оставил для себя» [*Записки Якоба Штелина*, 1990. Т. I: 369]. Действительно, в «Описи картин, бывших в Зимнем и других Императорских дворцах в первые годы царствования Екатерины II», опубликованной А.И. Успенским в монументальном труде «Императорские дворцы», сохранилась информация о десяти картинах «на меди, в рамках черных, с золочеными дорожниками, писаны мастером Плаццером» [*Успенский*, 2007: XLIV]. Две из них в 1762 году поступили в Академию художеств из Зимнего дворца, о чем сделана запись в упомянутой ранее описи К. Головачевского:

№ 113. Плаццерпов. Представляет Диану с нимфами³⁸, на меди. 1,4 фута $\frac{1}{4}$ дюйма x 1,10 ф. (43 x 60 см).

№ 114. Плаццерпов. Баханалия³⁹, на меди, в раме. 1,3 ф. $\frac{1}{2}$ дюйма x 1,9 $\frac{1}{2}$ ф. (41 x 59,5 см) [*Опись неподвижных вещей бывших в смотреии Кирилы Головачевского*, 1762].

Остальные восемь картин, вероятно, остались во дворце и установление их современного местонахождения является предметом дальнейшего исследования.

Завершающим событием 1761 года, связанным с покупками произведений искусства, стало предъявление счета на 300 рублей придворным архитектором Ф. Растрелли за четыре картины: натюрморт «с цветами и ландшафтами», две батальные картины, а также «Портрет второй государыни императрицы Екатерины Алексеевны в золоченых деревянных рамах». На этом история коллекционирования живописи великим князем Петром Федоровичем заканчивается, и открывается новая страница, связанная с собирательной деятельностью вступившего на престол императора Петра III.

Одним из ее аспектов было продолжающееся поступление картин, выполненных по высочайшему заказу императрицы Елизаветы Петровны крупнейшими представителями западноевропейской школы живописи. К их числу относится произведение Джамбеттино Чиньяроли «Анжелика и Медор»⁴⁰, написанное в 1761 году для одного из залов строящегося каменного Зимнего дворца [*Бортникова (Кузнецова)*, 2014: 313–319; *Bortnikova (Kuznetsova)*, 2011: 143–145].

Якоб Штелин, принимавший активное участие в процессе формирования живописного собрания императора, сообщает: «3–4 мая 1762 года Его Им-

³⁸ Местонахождение неизвестно.

³⁹ Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 3694.

⁴⁰ ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 168-ж.

ператорское Величество оставался в своих покоях, будучи не совсем здоров. Этим временем он развлекался, рассматривая и выбирая всякого рода вазы, картины мною взятые из *Cassone di Corona*»⁴¹ [Дневник итальянца Мизере, 1911: 14, 16]. Среди картин находился шедевр немецкого художника Лукаса Кранаха Младшего «Христос и Блудница»⁴², поступивший в Россию в первой четверти XVIII века с авторством Альбрехта Дюрера. Вот что пишет о картине автор записок: «Грешница перед Христом, превосходный оригинал Альб. Дюрера, на дереве, 3 фута высотой и 6 шириной, с изрядной трещиной почти посередине, появился из чулана среди множества других картин только тогда, когда Его величество император Петр пожелал осмотреть весь запас картин в феврале 1762 года [Записки Якоба Штелина, 1990. Т. I: 358]. Из описания следует, что сохранность картины была аварийная. При этом она продолжала находиться в Зимнем дворце, после чего ее передали в том же году в Академию художеств»⁴³. Только спустя пять лет, в 1768 году, Л.К. Пфандцельт предложил смелую методику реставрации по переводу красочного слоя с поврежденной деревянной основы на холст, о чем сообщил в Санкт-Петербургской прессе с приглашением жителей города прийти на осмотр картины до начала работ. По словам Я. Штелина, Пфандцельт «принял от Академии художеств поврежденную картину Альбрехта Дюрера, написанную на доске и расколотую посередине, чтобы перенести ее во всей красе на холст, и поэтому опубликовал в газете, чтобы картину прежде тщательно осмотрели в ее поврежденном состоянии» [Ibidem: 81]. В процессе выполнения реставрационных мероприятий Пфандцельтом были внесены изменения в программу, а именно – замена холста медной доской, о чем и сделана запись на тыльной стороне картины на латыни: «Эту картину... я, Лука Фанцельт, от близкой гибели спас и посредством искусства снятия живописи с дерева и переводом картины на медную доску вернул ее прежнюю красоту и блеск [Эрмитаж Ея Императорского Величества, 2014: 67].

Из кладовых Камерцалмейстерской канторы был также взят для демонстрации императору аллегорический портрет «Петра I с богиней Минервой», написанный венецианским мастером Якопо Амигони в 1734 году.

Последний известный факт поступления живописи связан с посещением императором вместе со Штелином биржи (таможни) вечером 10 мая 1762 года для осмотра большой партии голландских картин, прибывших «на Голанском корабле капитана Волкенсблата» [Дневник итальянца Мизере, 1911: 17], результатом которой стало приобретение 10 или 12 картин за 560 рублей, а также получение в дар от И.Ф. Гроота «Белого павлина»⁴⁴. Образ белого павлина

⁴¹ (Итал.) – «из казенного дома», т. е. кладовых Камерцалмейстерской канторы.

⁴² Государственный Эрмитаж. Инв. № ГЭ 3673.

⁴³ Опись К. Головачевского: «№ 120. Альбрех Дюрер. Представляет историю блудницы, пришедшей ко Христу, перенесена за ветхостью с деревянной на медную доску, в раме. 2,8 x 3,10 ф.».

⁴⁴ Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Инв. № РЖ-16 (указал С.Д. Алексеев, старший научный сотрудник Отдела живописи XVIII – 1-й половины XIX в. Государственного Русского музея).

является олицетворением славы, бессмертия и величия. Современники высоко оценили это произведение, написанное в 1762 году, отмечая сложность колористического решения и невероятную правдоподобность изображения: «Белый павлин в натуральную величину, чьей естественной красотой – все белое на белом – восхищались как шедевром» [*Записки Якоба Штелина*, 1990. Т. I: 58].

История создания коллекции живописи императора Петра III, начало которой отмечено покупкой «превосходного оригинала» Корреджо в 1743 году, развивалась на протяжении девятнадцати лет. За это время было собрано около семисот картин, которые поступали из разных источников: торговцев или коммерсантов, художников и купцов, через аукцион и частный заказ, в качестве даров и заимствований из кладовых Камерцалмейстерской конторы. Анализируя состав коллекции, можно прийти к выводу, что она во многом отражала принципы собирательства, заложенные Петром Великим: вкус и интерес к предмету коллекционирования, знаточество и просветительство. Штелин, принимавший непосредственное участие в ее формировании, писал: «Этот государь вообще очень ценил хорошие картины и, будучи еще великим князем, уже собрал превосходную коллекцию и основал в Ораниенбауме большую картинную галерею. Позднее, когда он стал императором, я должен был устроить ему в новом дворце картинный кабинет и в крепостном дворце картинный зал» [*Ibidem*: 371]. Добавим, что одновременно с этим велась активная работа по художественному убранству нового каменного Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, где также размещалась значительная часть императорской коллекции живописи.

Достигнув точки наивысшего расцвета, коллекция прекратила существование в результате дворцового переворота 1762 года. Заложенный фундамент, сформировавшиеся художественные связи и налаженные пути поставок картин, а также предметов декоративно-прикладного искусства, станут отправной точкой для следующего этапа развития коллекционирования произведений искусства, связанного с именем императрицы Екатерины II.

ЛИТЕРАТУРА

Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 207. И. Г. Алексеева (Гречишкина). Историческая справка по Картинному дому. Часть 1. 1972. 89 л.

Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 209. И. Г. Алексеева. Историческая справка «К воссозданию внутреннего убранства Картинного дома». Часть 2. 1973. 40 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61449. Тетради о забранных от купцов товарах. 1747.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61454. Счеты деньгам, выплаченным за товары. 1748. 1324 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61485. Гардеробная вещам. 1750. 129 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61492. Черная тетради взятым товаром. 1750. 209 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61508. Тетради о вещах. 1752. 214 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61515. Книга гардеробная вещам. 1753. 274 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61534. Журнал и тетради разными вещами с книгою. 1755. 222 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61549. Тетради о забранных от разных купцов товарах. 1757. 78 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61559. О забранных от купцов товарах и о пожаловании разным персонам оным. 1759. 87 л.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61273-61278. Книга в переплете с делами ораниенбаумскими во время дирекции обер-гофмаршала Сиверса. 1762-1767. Здесь: Д. 61276. Лл. 89-125. Опись коликое число имеетца во Араниэмбомском дворце в крепости на Сансануи и в казенной под смотрением порутчика Ивана Селвина мебели и разных вещей... 1765.

РГИА. Ф. 789. Оп. 1, ч. 1. Д. 570. Каталог оригинальных картин И.И. Шувалова. 1773. Здесь: Опись недвижимых вещей бывших в смотреии Кирилы Головачевского. На 63 л. В т. ч.: Картины вступившие из дворца в 1762 году (№№ 105-130); Картины, привезенные из Ариэмбома сентября 4 дня 1765 году без рам все (№№ 220-263).

Андросов С.О. Забытый русский меценат – граф Михаил Воронцов / С.О. Андросов // *Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник 2000.* – Москва : Наука, 2001. – С. 246–277.

Артемьева И.С. «Пир Ирода» Сильвестро Манаиго: к истории происхождения и атрибуции / И.С. Артемьева, Е.А. Бортникова // *Научные труды.* Вып. 66. Июль – сентябрь 2023. Сохранение культурного наследия. / Науч. ред. Ю.Г. Бобров. Сост. А.В. Чувин, С.А. Елешева, Е.М. Елизарова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия художеств, 2023. – С. 69-88.

Артемьева И.С. Две композиции Альенсе (Антонио Вассилакки) из церкви Сан-Джеремиа (Венеция) в экспозиции Картинного дома в Ораниенбауме / И.С. Артемьева, Е.А. Бортникова // *Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств.* – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская академия художеств, 2022. – Вып. 61. – С. 58–65.

Артемьева И.С. Итальянская живопись в собрании дворцов Ораниенбаума: история и атрибуция картины Себастьяно Маццони «Три парки» из Картинного дома Петра III / И.С. Артемьева, Е.А. Бортникова // *Научные труды / науч. ред. Н.М. Лентяшина ; сост. Е.В. Калимова, Ю.А. Орлова.* – Санкт-Петербург : СПбГАИЖСА им. И.Е. Репина при РАХ, 2020. – Вып. 53. – С. 121–131.

Бортникова Е.А. Живопись Якопо Гуараны в интерьерах императорских дворцов / Е.А. Бортникова // *Венецианцы в Петербурге : материалы науч. конф. / сост., отв. ред. И.А. Карпенко.* – Санкт-Петербург : ГМИ СПб, 2022. – С. 40–55.

Бортникова (Кузнецова) Е.А. История картины Джамбеттино Чиньяроли «Анжелика и Медор» из Китайского дворца / Е.А. Бортникова (Кузнецова) // *Жизнь дворца: публичное и приватное : сб. ст. по материалам науч.-практ.*

конф. ГМЗ «Петергоф» / ред. О.С. Капполь. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2014. – С. 313–319.

Бортникова (Кузнецова) Е.А. Живописное собрание Большого дворца в Ораниенбауме / Е.А. Бортникова (Кузнецова) // Реликвия. – № 25. – 2011. – С. 50–55.

Горбатенко С.Б. Архитектура Ораниенбаума. Западная дистанция Петергофской дороги / С.Б. Горбатенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2022. – 432 с.: ил.

Денисова Е.Г. Портреты Картинного дома / Е.Г. Денисова // Забытый император: материалы науч. конф. 11 нояб. 2002 г. – Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2002. – С. 9–17. – (Ораниенбаумские чтения ; вып. III).

Дневник итальянца Мизере. О службе при Петре Третьем // Русский архив. Т. 5. – Москва : Синодальная типография, 1911. – С. 5–21.

Записки Штелина о Петре Третьем, Императоре Всероссийском // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4, отд. 5. – Москва : Университетская тип., 1866. – С. 67–115.

Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. [В 2 т.] / [сост., пер. с нем., вступ. ст., предисл. к разделам и примеч. К. В. Малиновского]. – Москва : Искусство, 1990. Т.1. – 446, [1] с.; Т. 2. – 246, [1] с.

Королев С.В. Каталог библиотеки императора Петра III / С. В. Королев ; Российская национальная библиотека. – Санкт-Петербург : РНБ, 2017. – 512 с.

Кочерова Е.И. Ораниенбаумская коллекция живописи Петра Федоровича / Е.И. Кочерова // Забытый император. Ораниенбаумские чтения: материалы науч. конф. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 67–79. – (Ораниенбаумские чтения ; вып. III).

Летопись Ораниенбаума: история дворцового комплекса в документах, письмах, дневниках и воспоминаниях. 1710–1918 / сост. М.А. Павлова. – Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2015. – 448 с. : ил.

Малиновский К.В. Описания императорских живописных коллекций в Петербурге и загородных дворцах, составленные Якобом Штелиным / К.В. Малиновский // Музей 1: Художественные собрания СССР. – Москва, 1980. – С. 173–193.

Малиновский К.В. История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке / К.В. Малиновский. – Санкт-Петербург : Крига, 2012. – 536 с.

Мыльников А.С. «Он не похож был на государя...» : Петр III повествование в документах и версиях / А.С. Мыльников. – Санкт-Петербург : Лениздат, 2001. – 670 с.

Мыльников А.С., Радзюн А.Б., Суслова И.В. Ораниенбаумская Кунсткамера Петра III: К проблеме реконструкции инкорпорированных музейных собраний // 285 лет Петербургской Кунсткамере. Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры / Отв. редактор Ч.М. Таксами. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 34–51.

Павлова М.А. Ораниенбаумские тетради / М.А. Павлова. – Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2016 – . Вып. 1 : Петерштадт. Дворец Петра III. Картинный дом. – 2016. – 303, [1] с.

Павлова М.А. Ораниенбаумские тетради / М.А. Павлова. – Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2016 – . Вып. 2 : Большой дворец. – 2017. – 503, [1] с.

Павлова М.А. Ораниенбаумские тетради. Заметки на полях / М.А. Павлова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2024. – 376 с. : ил.

Соколова Я. Российско-венецианские художественные связи в XVIII веке: венецианские художники, торговцы картинами и культурные посредники в Санкт-Петербурге / Я. Соколова // Венецианцы в Петербурге : материалы науч. конф. ; [сост., отв. ред. И.А. Карпенко]. – Санкт-Петербург : ГМИ СПб, 2022. – С. 72–99.

Успенский А.И. Описание картин, бывших в Зимнем и других Императорских дворцах в первые годы царствования Екатерины II / А.И. Успенский // Императорские дворцы: [в 2 т.]. Т. 1 / А.И. Успенский. – Репр. изд. 1913 г. – Санкт-Петербург : Альфарет, 2007. – С. 1–182.

Эрмитаж Ея Императорского Величества : каталог выставки. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 320 с. : ил.

Artemieva I. Lettera da Oranienbaum (II): Ippolito Scarcellino, Pietro Liberi, Daniel Seiter / I. Artemieva, E. Bortnikova // Ricche Minere. – 2020. – No. 14. – P. 27–40.

Artemieva I. Lettera da Oranienbaum: Aliense, Ludovico Carracci, Mazzoni / I. Artemieva, E. Bortnikova // Ricche Minere. – 2018. – No. 9. – P. 69–83.

Bortnikova (Kuznetsova) E. Giambettino Cignaroli. Angelica e Medoro / E. Bortnikova (Kuznetsova) // Il Settecento a Verona. Tiepolo, Cignaroli, Rotari. La nobiltà della pittura / a cura di F. Magani, P. Marini, A. Tomezzoli. – Milano : Silvana Editoriale, 2011. – P. 143–145.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Корреджо (Антонио Аллегри), копия. Спящая Богоматерь, XVIII в.
ГМЗ «Петергоф», Инв. № ОДМП 406-ж

Илл. 2. Бальтазар Деннер. Портрет дочери художника. Германия, 1740-е.
ГМЗ «Петергоф», Инв. № ОДМП 234-ж

Илл. 3. Беньямин Калау. Портрет старого еврея. Германия, середина XVIII в.
ГМЗ «Петергоф», Инв. № ОДМП 122-ж

Илл. 4. Неизвестный художник школы Луки Джордано. Иосиф и жена Пентефрия.
ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 94-ж

Илл. 5. Неизвестный художник школы Луки Джордано. Фамарь и Аммон.
ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 93-ж

Илл. 6. Себастьяно Маццони. Три парки. Италия, 1669.
ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 49-ж

КАФТАН БОЯРСКИЙ ИЛИ ФРАНЦУЗСКИЙ? ИССЛЕДОВАНИЕ МАСКАРАДНОГО ПЛАТЬЯ КНЯЗЯ Ф.Ф. ЮСУПОВА

И.Ю. Меркулова

В процессе проведения предреставрационного исследования кафтана князя Феликса Феликсовича Юсупова-младшего (1887-1967) инв. № ВП 1973/13 (илл. 1, 2) и определения истории его бытования были сделаны наблюдения, позволяющие уточнить атрибуцию кафтана. Он был приобретён на аукционе парижского дома «Друо» 4 ноября 2016 г., № лота – 194 (Coutau-Begarie. Drouot. Art Russe. Collection du Prince et de la Princesse Felix Youssouppoff conserve par Victor Contreras, 2016: 77). Кафтан выставил на продажу в числе других вещей Феликса и Ирины Юсуповых мексиканский скульптор и художник Мануэль Виктор Контрерас. Из пресс-релиза эксперта по русскому искусству *К. Буре* (Cyrille Boulay) мы узнаём, что «когда князь скончался в 1967 г. и после кончины княгини в 1970 г., их единственный ребенок, княгиня Ирина Юсупова, графиня Шереметева завещала эту коллекцию Виктору Контрерасу в память о своих родителях» (Boulay, 2016).

М.В. Контрерас был другом и протеже Юсуповых. Они познакомились в Париже в 1958 г., где 17-летний мексиканец учился в Академии изобразительных искусств. Феликс Феликсович считал его приёмным сыном и помогал его карьере, а тот называл князя своим «духовным отцом» (Коваленко, 2016).

Кафтан атрибутировал эксперт *К. Буре* как: «Роскошный боярский кафтан из шелковой парчи, с золотыми и серебряными нитями... Добавлены два карманных клапана. Подлинная подкладка из тафты частично сохранилась. Расклеванный вниз рукав, называемый пагодой. Не хватает пуговиц, незначительное выцветание. Русская работа второй половины XVIII века. Костюм князя Феликса Юсупова на балу-маскараде» (Coutau-Begarie..., 2016: 77). При этом он, очевидно, ориентировался на другой карнавальный костюм князя Юсупова, проданный на том же аукционе, № лота – 189 (илл. 3). Это – наряд боярина, который Феликс Юсупов называет «русским». В нём он, когда учился в Оксфорде, был на костюмированном балу в лондонском Альберт-Холле 11 июля 1912 г., устроенном в память об Эглингтонском турнире – реконструкции средневековых турниров. Последний раз этот костюм был выставлен на продажу в 2019 г. аукционным домом Hermitage Fine Art в княжестве Монако. Он атрибутирован как: «Парадный костюм, состоящий из кафтана и богато вышитого камзола... Работа, заказанная в Санкт-Петербурге в 1912 г. из парчового кафтана XVIII в.» (Coutau-Begarie..., 2016: 74, 75). Феликс Юсупов в мемуарах так описывает этот свой костюм: «По возвращению в Англию получил я приглашение на костюмированный бал в Альберт-Холл. Времени имелось доволь-

но, и, успев съездить в Россию на каникулы, я заказал в Петербурге русский костюм из золотой с красными цветами парчи XVI века. Вышло великолепно. Кафтан и шапка расшиты были брильянтами, оторочены соболями. Костюм произвёл фурор. В тот вечер со мною перезнакомился весь Лондон, а назавтра фотографию мою напечатали все лондонские газеты» (Юсупов, 2022: 130). Фотографий Ф.Ф. Юсупова-младшего на балу было сделано несколько. Соболя, брильянты и шапка до аукциона не дошли.

Заказывая боярский наряд для бала в Альберт-Холле, князь Ф.Ф. Юсупов, несомненно, ориентировался на костюмы участников русского бала-маскарада в Зимнем Дворце в феврале 1903 г., посвящённого 290-ой годовщине дома Романовых, среди которых были его родители (илл. 4). Для одной из фотографий на маскараде 1912 г. он даже скопировал характерную позу Великого князя Андрея Владимировича Романова, нарядившегося на балу 1903 г. в костюм сокольничего. Обычно костюмы для маскарадов конца XIX – начала XX вв. приравнивались к театральному реквизиту, а их покрой был отчасти видоизменён, упрощен и приближен к современной моде.

Но кафтан из Музея-заповедника «Архангельское» не имеет ничего общего по силуэту, фасону, покрою и деталям как с кафтанами участников маскарада 1903 г., стилизованными под древнерусские одежды, так и с боярским кафтаном Феликса Юсупова от карнавального костюма 1912 г. Общий у них только вид ткани – парча.

Слово «парча» – на татарском языке означает «узор», на персидском языке – «кусок, обрезаю». Парча – ткань сложной текстуры и образуется переплетением нескольких шелковых основ и нескольких утков из пряженных или волочёных металлических нитей: золотых, серебряных или мишурных. В зависимости от состава нитей, их количества, а также техники переплетения, парча имеет множество разновидностей и названий: аксамит (от греч. – шестинитка), алтабас (от турец. алтун – золото, и бязь – ткань) (Савваитов, 1896: 2, 4), объярь (от перс. абдар – волнистый), а также глазет, бродат и т.д. Различие между аксамитом и алтабасом – в частности, в том, что в аксамите применялась пряденная металлическая нить, а в алтабасе волочёная, круглая в сечении (Кирсанова, 1989: 20). С начала XVIII в. названия аксамит и алтабас стали вытесняться общим термином «парча».

Кафтан также совсем не похож на типичные русские одежды XVI–XVII вв., которых сохранилось очень мало. Они известны также по акварелям академика Ф.Г. Солнцева (Древние великокняжеские, царские, боярские и народные одежды, изображения и портреты, 1851: рис. 7, 8, 12-15, 17-20, 22), по рисункам из «Описания старинных русских утварей, одежд,...» П.И. Савваитова (Савваитов, 1896: табл. 2, 4, 6, 7, 9) и из исследования М.Г. Рабиновича «Одежды русских XIII–XVII веков» (Рабинович, 1986: 63-111).

Самой торжественной русской верхней одеждой из самых дорогих тканей с золотыми или серебряными нитями и пуговицами было платно – широкое, прямое, длиною до пят, которое одевали только цари по большим выходам (Савваитов, 1896: 103) (илл. 5).

Слово «кафтан» – тюркского происхождения, означает «покрывало, обшив-ка» появляется в русских письменных источниках в XV в. В XVI–XVII вв. этим словом называли мужскую домашнюю и уличную одежду, которую носили все слои общества. Кафтаны различались по материалу, покрою, отделке и получили дополнительные обозначения турский, становой, русский, польский, терлик (Соснина, Шангина, 1998: 107), чуга и т. д.

Турский – это длиннополый свободного покроя кафтан с длинными рукавами, без воротника, застёгивающийся на шее и левом боку (Энциклопедический словарь, 1895: 802). Становой кафтан тоже был длинным, но облегающим фигуру (стан) (Рощина, 2019: 107), скроенным в талию, такую конструкцию на Руси называли с «перехватом» или «пережимом» (Соснина, Шангина, 1998: 108). Его шили с прямой спинкой и полами, между которыми вшивали косые клинья, расширяющие нижнюю часть, собранную у талии в сборки, с широкими, не столь длинными как у турецкого кафтана рукавами и застёжкой на груди. По бокам он имел разрезы, или «прорехи» (Савваитов, 1896: 53). Русский кафтан напоминал покроем становой, но был менее длинным, имел узкие рукава длиной до запястья, а в нижней части – прямые клинья (Кирсанова, 1989: 109; Рощина, 2019: 35).

Польский кафтан – узкий в талии, его верхняя часть облегла фигуру, нижние полы были широкими, рукава – очень широкими у плеча и узкими от локтя до кисти (Левинсон-Нечаева, 1930: 7) (илл. 6). Терлик похож на польский кафтан, но несколько короче, уже, отрезной по линии талии, с мелкими сборками (Кирсанова, 1989: 226). Его носили царские охранники (рынды) и сокольничьи (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Кафтан>).

В XVI в. при царском дворе появилась специальная одежда для верховой езды – чуга (чюга) или чугай – короткий узкий приталенный кафтан с короткими рукавами по локоть, с боковыми разрезами, с отложным воротником и застёжкой на груди (Савваитов, 1896: 168; Соснина, Шангина, 1998: 35).

Праздничные боярские кафтаны сзади обычно украшал стоячий, высокий с богатой вышивкой воротник-козырь. Отсюда пошло выражение «ходить козырем», то есть важничать.

Более всего юсуповский карнавальный кафтан похож на жюстокор (justaucorps – фр. – точно по телу, корпусу) последнего периода правления Людовика XIV (1690–1715 гг.) и отчасти Людовика XV периода регентства (1715–1726 гг.) (илл. 7, 8) С начала XVIII в. жюстокор стал называться аби (habit – фр. – одежда, платье). Французский кафтан был длиной немного ниже колена, плотно облегал верхнюю часть фигуры, сильно подчеркивая талию. Он имел узкие плечи и расширяющиеся книзу укороченные рукава с широкими, отогнутыми обшлагами, из-под которых выпускались рукава рубашки. Несмотря на обилие пуговиц, аби застегивали только на несколько штук на талии так, чтобы из-под него была видна веста (veste – фр. – куртка) или камзол (camisole – фр. – кофта), надетый поверх рубашки. Низ французского кафтана шили сильно расклешённым с тремя разрезами: двумя по бокам и одним сзади для ношения шпаги – символа дворянского достоинства. Спереди жюстокор и аби

были украшены клапанами, которые прикрывали сверху прорезные карманы. Их, однако, часто не делали, клапаны были декоративными, а письма и платки держали за обшлагами-отворотами. Отсутствие высокого стоячего или отложного воротника объясняется тем, что с конца XVII в. во Франции мужчины стали носить длинные пышные парики, закрывающие плечи, моду на которые ввёл начавший лысеть Людовик XIV. Парикам мешали бы такие воротники.

В России в начале XVIII в., после петровских реформ, когда дворяне и богатое купечество перешло на ношение одежды европейского образца, кафтаном стали называть соответствующую ему одежду. Термин «кафтан», который сначала относился к традиционной русской одежде, распространяется и на мужское платье европейского типа. Слово «аби» в России не прижилось. Однако Пётр I не поощрял использования для шитья кафтанов таких дорогих тканей, как парча. «Дабы напрасного убытка люди не имели» Именным указом от 11 декабря 1717 г. он «соизволил под великим штрафом объявить, чтоб никакого золота и серебра пряденного и волочёного не носили...» (Полное собрание законов Российской империи, 1830: 525, 532).

В Музеях Московского Кремля хранятся два парчовых платья Петра Алексеевича (*Рощина*, 2019: 28, 56), но они – иного типа, чем маскарадный костюм Ф. Юсупова. Это – царские платно, сшитые в мастерских Московского Кремля: одно – детское 1682 г. из лионской парчи (объяри) второй половины XVII в., другое – 1691 г. из венецианского «атласа золотного» (аксамита). Для гардероба Пётр I не были характерны кафтаны европейского покроя из парчи. Они сшиты большей частью из шерсти (сукна), шёлка (атласа, штофа, гродетура), реже – бархата, «саардамские» камзолы – из белой хлопковой простёганной ткани. Поскольку Петр I не любил и редко надевал парики, большинство его кафтанов имеют небольшой отложной воротник (*Меркулова*, 2009: 139–140).

В середине XVIII в. фасон мужского костюма меняется. В ответ на реформы французского министра финансов Э. Силуэта, попытавшегося сократить расходы двора Людовика XV, аристократия создаёт новую «экономную» моду, которая во Франции продержалась с небольшими изменениями до 1783 г., а в ориентировавшейся на французскую моду России – до начала XIX в. (правление Александра I). Объёмы кафтанов внизу уменьшаются до предела, длина укорачивается до колен, передние полы делают узкими, скошенными назад, рукава – очень узкими с небольшими обшлагами, более похожими на манжеты (*Меркулова*, 2009: 142–148, 156) (илл. 9).

Таким образом, становится очевидным, что кафтан из Музея-заповедника «Архангельское» не является «боярским» и «русской работой второй половины XVIII» (*Coutau-Begarie...*, 2016: 77), а стилизован под кафтан французского образца конца XVII – начала XVIII вв., и имеет аналогичный силуэт, фасон, покррой и детали. Он – короткий, цельнокроеный (не отрезной по линии талии), с очень узкой верхней частью и плечами, сильно приталенный и значительно расширяющийся книзу. Рукава – не длинные, сужающиеся к запястью, как у большинства русских кафтанов, а, как у кафтанов французского образца, типа «пагода» – немного укороченные, узкие сверху и воронкой расширяющиеся от локтя книзу.

В нижней части кафтана Ф.Ф. Юсупова – три разреза. Русская знать до Петра I шпаги не носила, и ни у одного из типов допетровских кафтанов сзади разрез для неё не предусмотрен, только у некоторых были разрезы («прорехи») по бокам. Кафтан имел множество пуговиц на обоих полах, но застёгивался только на талии на крючки. Как у французских кафтанов конца XVII в., у маскарадного кафтана нет высокого стоячего или отложного воротника, а на полочках очень низко расположены прорезные карманы с клапанами. Сохранились остатки чёрных нитей от утраченных четырёх декоративных пуговиц под ними.

Однако у кафтана князя Ф.Ф. Юсупова есть и два отличия от кафтана французского типа. Во-первых – отсутствие типичных для аби начала XVIII в. веерообразных складок-фалд по бокам. Впрочем, на жюстокорах конца XVII в. их тоже делали не всегда. Отсутствие складок можно объяснить также упрощением фасона маскарадного кафтана при его стилизации или же недостатком парчи. Во вторых – это отсутствие обшлагов. Обшлага у французских кафтанов были большими, постепенно их длина дошла до локтя, они приобрели характерную закруглённую форму крыльев, подчёркивающую сгиб руки, и пристегивались к рукавам пуговицами. Как удалось установить в результате исследования, первоначально у маскарадного кафтана были аналогичные обшлага, но они утрачены в процессе бытования. На это указывает большая потёртость рукавов в верхней части, а не как обычно снизу – там их раньше закрывали обшлага. От обшлага одного из рукавов маскарадного кафтана отдельно сохранился кусок парчи с характерным закруглённым краем (илл. 10). У локтя правого рукава видны фрагменты чёрных нитей, оставшихся от пяти отпоротых пуговиц (из шести бывших), на которые обшлаг пристёгивался к рукаву (илл. 11).

В результате изучения истории моды, стилистического и художественного исследования мы видим маскарадный костюм, стилизованный под французский кафтан, введенный в моду Людовиком XIV. Упоминание об аналогичном маскарадном костюме вместе со знаменитым русским боярским платьем, встречается в мемуарах Феликса Юсупова: «Этот мой последний год в Англии (1912 г. – И.М.) был самым весёлым. Чуть ли не каждый вечер я в маскараде... Костюмов у меня множество, но более всего рукоплещут моему русскому платью. На балу в Альберт-Холле собирался я представить Короля-Солнце (Людовик XIV – И.М.) Съездил даже в Париж, заказал себе королевский наряд, но скоро одумался. Помпезность одеяния показалась смешной. Я передал костюм герцогу Мекленбург-Шверинскому. Сам же отправился на бал не королём Людовиком, но простым его подданным, французским моряком. А немец-герцог щеголял в золотой парче, драгоценных камнях и пышном султানে с перьями» (Юсупов, 2022: 136). Под «пышным султаном» по-видимому, подразумевался плюмаж на шляпе. Какое-либо второе русское или боярское платье, кроме того, в котором он был на балу в Альберт-Холле, Ф.Ф. Юсупов в мемуарах не упоминает.

В 1912 г. великий герцог Мекленбург-Шверинский – это Фридрих Франц IV (1882–1945). У этого немецкого дома были давние связи с Россией. Его отец – Фридрих Франц III – праправнук российского императора Павла I и

правнук его дочери, великой княжны Елены, а мать – великая русская княжна Анастасия Михайловна – внучка императора Николая I и дочь великого князя Михаила Николаевича. Фридрих часто с семьёй гостил в Петербурге у своего деда ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Фридрих_Франц_IV_\(великий_герцог_Мекленбург-Шверина\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Фридрих_Франц_IV_(великий_герцог_Мекленбург-Шверина))) и мог познакомиться с Юсуповыми. Феликс состоял в приятельских отношениях с матерью Фридриха, о чём писал в своих мемуарах за август 1913 г.: «Сестра моего будущего тестя, великая княжна Анастасия Михайловна, герцогиня Мекленбург-Шверинская, также находилась в то время в Париже... Узнав, что я женюсь на её племяннице, она целиком завладела мной... Я завтракал, обедал, посещал театр и ужинал вместе с ней... Часто за вечер сменяли мы два-три театра... Выспавшись в театре, она могла танцевать ночь напролёт» (Юсупов, 2022: 146).

Кафтаном долгое время пользовались, и в реставрацию он попал в руинированном состоянии: с сильным поверхностным загрязнением, протечками и множественными пятнами от пролинявших на него вещей, хранившихся рядом, следами жизнедеятельности моли, сильно ношенный и потёртый. Позолоченные и посеребренные нити парчи окислены, потёрты и отрываются по всей поверхности, шелковые нити парчи сильно посечены и во многих местах почти полностью утрачены. Сильнее всего парча потёрта на спине, что не характерно, так как ткань обычно протирается на груди. Кафтан сшит частично на швейной машине, частично – различными видами ручных швов хлопчатобумажными, шёлковыми и льняными нитями. Нити обветшали, многие швы разошлись. Очевидно, что кафтан был неоднократно переделан, перекроен и перешит, при этом полочки выкроены из лучше сохранившейся ткани на спине.

Благодаря долговечности дорогих парчовых тканей их часто использовали повторно. Многие церковные одеяния, хранившиеся в ризницах Кремлёвских соборов, – «второго кроя», они были переделаны из царских облачений (Рощина, 2019: 22).

В процессе бытования также кафтан был уменьшен в плечах, у него меняли клапаны карманов и частично – подкладку из туалы. Вся подкладка – очень ветхая, выгоревшая, загрязнённая, с множественными пятнами, следами от протечек, сечениями, прорывами и утратами. С кафтана были спороты все многочисленные пуговицы. На сильно потёртом и окисленном посеребренном мишурном галуне в местах утрат пуговиц прослеживаются светлые пятна от сохранившегося серебрения. Из трёх отдельно хранящихся кусков парчи: один – это, как отмечалось ранее, фрагмент от утраченного обшлага одного из рукавов, а два других – первоначальные клапаны от карманов. Фрагменты парчи с уточной нитью из синели (ворсистая шёлковая нить) изначально бирюзового цвета сильно вытерты, выцвели и были покрашены сверху по ворсу водорастворимой мелкодисперсной ярко-зелёной краской, что похоже на типичный приём для театрального реквизита.

В XIX – начале XX вв. в русской дворянской среде, помимо карнавалов, были популярны домашние театры, где актёрами выступали члены семьи и друзья, а также шарады-загадки и живые картины – костюмированные изображения сцен

из литературных и живописных произведений. Костюмы для этих представлений обычно перешивались из старых сохранившихся гардеробов. В мемуарах за 1921–22 гг. Феликс Юсупов упоминает, что во флигеле их парижского дома в Булонь-сюр Сен он «в бывшем гараже, внизу устроил театрик» (Юсупов, 2022: 278). Маркиз Бонифас де Кастеллан, бывавший у Юсуповых, так пишет о нём: «показали мне старый сарай, превращённый в театр и убранный наисовременнейше, где князь предполагает разыграть любимые свои пьесы» (Юсупов, 2022: 285–286). Возможно, кафтан какое-то время использовался в этом театре в качестве реквизита. По воспоминаниям Ф.Ф. Юсупова по субботам в театре также устраивались танцы. Среди вещей князей Юсуповых в мае 2016 г. (до аукциона) в интервью корреспонденту РИА «Новости» Д. Знаменскому М.В. Контрерас упоминает некий «камзол для танцев» (Знаменский, 2016), а среди лотов на аукционе такой предмет одежды не значился. На фотографии же из интервью с подписью «Камзол Юсупова, хранящийся в Куэрनावеке», Контрерас демонстрирует кафтан из Музея-заповедника «Архангельское» (илл. 12).

Маскарадное платье князя Ф.Ф. Юсупова, скорее всего, могло быть перешиито на него из какого-то старого парчового одеяния, но, исходя из нынешних размеров и пропорций кафтана, последним, кто его носил, был не князь потому, что кафтан ему явно короток и мал. Артист и певец А.Н. Вертинский так описывал внешность Ф.Ф. Юсупова: «Высокий, худой, стройный с иконописным лицом византийского письма» (Вертинский, 1982: 54). Судя по портрету князя 1951 г. работы Жана-Клода Форне и многочисленным сохранившимся фотографиям, Ф.Ф. Юсупов был широкоплечим, с типичной мужской фигурой. Вещи часто переделывают, когда они переходят к новым хозяевам. Так для кого и зачем кафтан мог быть переделан?

В результате изучения соотношения длины спины и ширины плеч к росту высоких, как Ф.Ф. Юсупов, мужчин (выше 170 см) нормального телосложения с учётом параметров мужской одежды по таблицам размеров, было установлено, что последним кафтан носил невысокий мужчина с фигурой подростка ростом около 165 см (до 170 см). Маскарадный кафтан соответствует 44–46 размеру: обхват груди – около 90 см, обхват талии – 80 см, обхват шеи – 38–39 см, ширина плеч – 42 см, длина спины до талии – 38 см. При росте 170–176 см у взрослых мужчин телосложения, подобного Ф.Ф. Юсупову (в 1912 г. ему исполнилось 25 лет) ширина плеч составляет порядка 44–46 см, а длина спины до талии – 41–44 см.

Параметрам кафтана мог соответствовать М.В. Контрерас в молодости, который, судя по его фотографии конца 1950-х гг. вместе с князем Юсуповым (Власова, 2017) (илл. 13), был намного ниже князя ростом (не менее чем на 10 см) и значительно уже его груди и плечах. На фотографии в мае 2016 г., где Контрерас демонстрирует корреспонденту кафтан, ширина его плеч вполне соответствует ширине плеч кафтана. Он мог быть перешит на М.В. Контрераса в конце 1950-х – начале 1960-х гг., когда во время учёбы в Париже тот пять лет жил у князей Юсуповых в доме на улице Пьер Герен.

В акте выдачи предмета в реставрацию Музея-заповедника «Архангельское» (№ 14-в от 02.09.2022.) кафтан числится: «Неизвестный мастер. Кафтан

боярский – маскарадное платье князя Ф.Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон (1887–1967). Тафта шелковая, холст, галун, ручной шов». Хотя в результате исследования установить бесспорное подтверждение места и времени изготовления кафтана не удалось (это остаётся под знаком вопроса), тем не менее, стало возможным уточнить некоторые аспекты его атрибуции: «Маскарадный кафтан князя Ф.Ф. Юсупова-младшего, стилизованный под кафтан французского образца конца XVII – начала XVIII вв. Париж? 1912? Парча, туаль (подкладка), посеребренный галун, лён, бязь; машинные и ручные швы».

ЛИТЕРАТУРА

- Вертинский А.* Записки русского Пьеро. Нью-Йорк. 1982.
- Власова Д.* Княгиня Николаевна Юсупова и сюрпризы, что преподносила ей жизнь. 15.09.2017. – <http://www.control-point.ru/rossiya/zinaida-nikolaevna-yusupova/>
- Древние великокняжеские, царские, боярские и народные одежды, изображения и портреты. // Снегирёв Н. Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. М., 1851. Отд. IV.
- Знаменский Д.* «Мексиканец, упавший с небес». РИА «Новости». 02.05.2016. – <https://ria.ru/20160502/1424794181.html?#t>
- Кирсанова Р.М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. М., 1989.
- Коваленко Ю.* «Высокое собрание». Париж, 23.09.2016. – portal-kultura.ru/articles/world/139898/vysokoe-sobranie/
- Левинсон-Нечаяева М.* Костюмы XVII века. // Государственная Оружейная палата в Кремле. М., 1930. Серия 2. Вып. 4.
- Меркулова И.Ю.* Век кафтана. // Архангельское. Материалы и исследования. 90 лет Государственному музею-усадьбе «Архангельское». М., 2009.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5.
- Рабинович М.Г.* Одежда русских XIII-XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986.
- Рощина Н.В.* Царское платье. М., 2019.
- Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.
- Соснина Н., Шангина И.* Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998.
- Энциклопедический словарь. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1895. Т. XIV А.
- Юсупов Ф.* Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. М., 2022.
- Boulay C.* Collection of Prince Felix Yusupov and his spouse Princess Irina of Russia. // Coutau-Begarie. Press Release. Friday, November 4 2016. Hotel Drouot – Paris.
- Coutau-Begarie. Drouot. Art Russe. Collection du Prince et de la Princesse Felix Youssouppoff conserve par Victor Contreras. Paris – Hotel Drouot. 04 Novembre 2016.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Маскарадный кафтан князя Ф.Ф. Юсупова. Государственный музей-заповедник «Архангельское», инв. № ВП 1973/13. Вид до реставрации спереди. 2022 г.

Илл. 2. Маскарадный кафтан князя Ф.Ф. Юсупова. Государственный музей-заповедник «Архангельское», инв. № ВП 1973/13. Вид до реставрации сзади. 2022 г

Илл. 3. Костюм боярина с фотографией князя Ф.Ф. Юсупова
на маскараде в Альберт-Холле в 1912 г.

Илл. 4. Князь Ф.Ф. Юсупов-старший на балу-маскараде 1903 г.
Фотография Л.С. Левицкого, ГМЗ «Павловск».

Илл. 5. Кафтаны XVI-XVII вв. (слева – направо): платно царя Петра Алексеевича 1691 г., мастерские Кремля (Музеи Московского Кремля), турецкий кафтан (акварель Ф.Г. Солнцева), становой кафтан (по М.Г. Рабиновичу).

Илл. 6. Кафтаны XVI-XVII вв. (слева – направо): польский кафтан Петра I (акварель Ф.Г. Солнцева), сокольничий кафтан времён царя Алексея Михайловича (акварель Ф.Г. Солнцева), чуга (по М.Г. Рабиновичу).

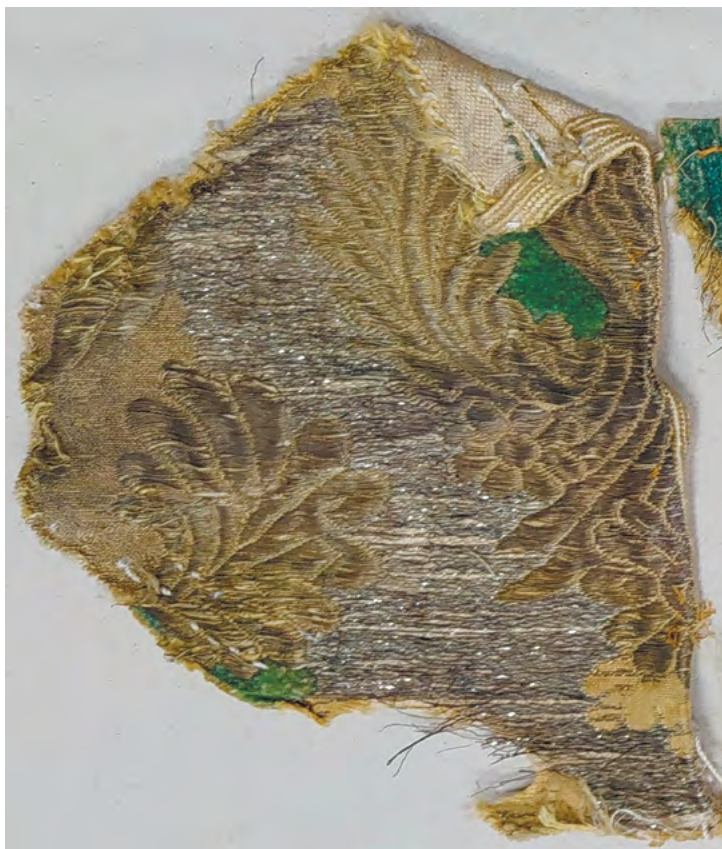
Илл. 7. Людовик Великий (XIV), король Франции. Гравюра А. Боннара I. Сборник мод двора Франции. Париж, около 1693 г. США, Музей искусств округа Лос-Анджелес.

Илл. 8. Портрет Людовика XV и Марианны Виктории Испанской. Ж.- Ф. де Труа. 1723 г.

Илл. 9. Парадный кафтан. Россия. Санкт-Петербург. 1793-1801 гг.
Шёлковая и золотошвейная фабрики Амвросия Барбазана (?) Шёлк, тюль, атлас (подкладка),
шёлковые нити, вышивка гладью, аппликация.
Музей-заповедник «Архангельское», инв. № П-1174.
Вид после реставрации 2005-2006 гг.

Илл. 10. Фрагмент обшлага от рукава кафтана князя Ф.Ф. Юсупова.

Илл. 11. Вид правого рукава кафтана Ф.Ф. Юсупова до реставрации
с остатками нитей от пуговиц.

Илл. 12. М.В. Контрерас демонстрирует камзол Юсупова, хранящийся в Куэрनावеке.

Илл. 13. М.В. Контрерас и Ф.Ф. Юсупов во время встречи в Париже.
Фотография конца 1950-х гг.

О. Жохова

АРХЕОЛОГИЯ

ЖОХОВСКАЯ

СОКРОВИЩА ЦАРСТВА ПОДЗЕМНЫХ ЛЬДОВ*

В.В. Питулько

Аннотация: Фундаментальной характеристикой археологических контекстов Арктики является их многолетнемёрзлое состояние. Вмещающие их глубокоохлажденные отложения являются уникальным архивом разносторонних данных, в том числе, культурных остатков и изделий из недолговечных материалов, антропологических находок, пригодных для молекулярно-генетических исследований. В приведённом обзоре новейших данных из малоизученного региона Восточно-Сибирской Арктики на примере материалов из уникальных памятников мирового культурного наследия – Жоховской стоянки и Янского комплекса палеолитических памятников представлены некоторые результаты изучения многолетнемёрзлых археологических контекстов, позволяющие судить о возможностях изучения подобных объектов. В заключение обсуждаются риски, проблемы и перспективы археологических исследований в криолитозоне.

Ключевые слова: Восточно-Сибирская Арктика, мерзлота, каменный век, палеолит, мировое культурное наследие, уникальные объекты, сохранение, изучение, перспективы

ВВЕДЕНИЕ

Россия является крупнейшим арктическим государством, чьи владения в Арктике простираются от Земли Франца-Иосифа до Берингова пролива, занимая приблизительно треть Арктического шельфа. Это невероятные по размеру пространства, на фоне которых прибрежные области Яно-Индибирской низменности и острова Новосибирского архипелага с прилегающими акваториями морей Лаптевых и Восточно-Сибирского выглядят небольшим утком. На самом же деле, данная территория арктической Восточной Сибири огромна, превосходя по площади многие европейские страны. Этот труднодоступный, удалённый и малонаселённый регион со сложной логистикой лежит к северу от изотермы среднегодовых значений температуры воздуха (-)14°C (*Атлас Арктики*, 1985). В хозяйственном смысле он обладает колоссальными разноплановыми ресурсами, в то же время, представляя собой бездонный кладёз научной информации, архив геологической, природной и исторической летописи.

* Исследование поддержано проектом Российского Научного фонда № 24-68-00031

ЦАРСТВО ПОДЗЕМНЫХ ЛЬДОВ И АРХЕОЛОГИЯ

В арктической области Восточно-Сибирской Арктики преобладают тундровые ландшафты обширных низменностей, испещрённые множеством озёр, образовавшихся в результате протаивания многолетнемёрзлых отложений, развитых здесь повсеместно (Илл. 1). Об этом нечасто вспоминают, но подобные отложения («мерзлота») занимают практически две трети территории России. Согласно определению классика геокриологии М.И. Сумгина (Сумгин, 1927), мерзлотой называют совокупность горных пород и осадков, температура которых на протяжении, по крайней мере, двух лет остаётся отрицательной. Состав и степень консолидации таких отложений многообразны, однако общим их свойством, помимо постоянной отрицательной температуры, вследствие которой имеющаяся в них вода находится в связанном состоянии, является наличие различных форм подземного льда. Формирование мёрзлых толщ было обусловлено глубоким охлаждением осадков с поверхности в связи с вековыми изменениями природно-климатических обстановок позднего плейстоцена. Ключевым фактором данного процесса были палеогеографические условия Восточносибирского региона евразийской Голарктики, определявшиеся отсутствием в его пределах крупных ледниковых покровов (Романовский, 1993: 18–20; *Hubberten et al.*, 2004; *Schirrmeister et al.*, 2011; *Schirrmeister et al.*, 2013; *Shur et al.*, 2022; *Wetterich et al.* 2014; *Wetterich et al.*, 2016).

Высокая ценность многолетней мерзлоты как хранилища разнообразных палеоархивов, т.е. длинных рядов данных, используемых в современной четвертичной науке и в смежных с ней научных дисциплинах, является общепризнанным фактом. Слабо изменяющиеся во времени отрицательные температуры многолетнемёрзлых пород (до $(-)$ 15°C, а в среднем до $(-)$ 8– $(-)$ 9°C) и анаэробные условия обеспечивают сохранность разнообразных субстанций и остатков организмов (*Biagini et al.*, 2012; *Slepchenko et al.*, 2015; *Vereschagin, Tikhonov*, 1999), а также биологических материалов из археологических раскопок (*Гусев и др.*, 2014; *Полосьмак*, 1994; *Molodin, Polosmak*, 2000; *Hollesen et al.*, 2016), в том числе, длительную стабильность материалов, позволяющих проводить молекулярно-генетические исследования ископаемых остатков животных и человека (*Lee et al.*, 2018; *Leathlobhair et al.*, 2018; *Sikora et al.*, 2019) и рассеянной ДНК из рыхлых отложений, используемой в метагеномных исследованиях (*Hebsgaard et al.*, 2009; *Rivkina et al.*, 2016; *Zimmermann et al.*, 2017; *Morley et al.*, 2019). Иначе говоря, мерзлота выступает здесь как исключительно благоприятный тафономический фактор.

Для археологических памятников и извлекаемых из них материалов, в особенности наиболее древних, многолетнемёрзлые условия имеют двойственный характер. С одной стороны, они благоприятствуют сохранению изделий из недолговечных материалов, которые неизбежно оказались бы серьёзно повреждены или полностью разрушены вне многолетнемёрзлого контекста. Одновременно и в мёрзлых условиях существует значительный риск разрушения артефактов за счёт механического воздействия (сломы, расщепление, рассло-

ние), проявляющегося вследствие разрастания подземного льда, криотурбаций и биогеохимических процессов (Hollesen *et al.*, 2018; Pitulko, 2019). Последние особенно негативно влияют на сохранность артефактов, изготовленных из кости, бивня мамонта, оленьего рога, археологического дерева (Matthiesen *et al.*, 2016) и прочие органические материалы в тех случаях, когда свидетельства прошлой человеческой деятельности оказывались на границе фронта промерзания и оставались там достаточно долго до окончательного перехода в многолетнемёрзлое состояние.

Биогеохимические процессы можно рассматривать в общем смысле как проявляющееся *in situ* химическое выветривание, осложнённое деятельностью микроорганизмов и ростом корневой системы растений. Эти процессы протекают наиболее активно вблизи фронта промерзания в связи с тем, что фронт промерзания является также водоупорным горизонтом. Многократно повторяющиеся циклы промерзания/оттаивания оказывают неблагоприятное воздействие на пропитанные влагой артефакты. Тем не менее, в целом многолетнемёрзлые условия скорее благоприятны для сохранения артефактов, нежели вредны.

С другой стороны, многолетнемёрзлые условия выступают серьёзным лимитирующим фактором, влияющим на *in situ* положение артефактов в культуроросодержащем горизонте и его целостность. В определённых ситуациях они могут способствовать существенной трансформации изначальных контекстов и даже создавать вторичные образования, которые также со временем будут залегать в многолетнемёрзлых условиях и могут быть ошибочно приняты за оригинальный контекст. Кроме того, мерзлотные деформации отложений (криотурбации) могут служить источником ошибок при оценке хронометрии отложений (Путулько, 2012; Pitulko, 2019; Pitulko, Pavlova 2016; Pitulko, Pavlova, 2022a). Таким образом, мерзлота является особой средой археологических исследований, имеющей как положительные, так и отрицательные свойства, и является важным фактором проведения археологических работ в криолитозоне (Путулько, 2012; Pitulko, 2021). Мёрзлое состояние отложений затрудняет поисковые и раскопочные работы, исключая закладку шурфов для обнаружения древних контекстов на глубине, превышающей мощность деятельного горизонта, а также вскрытие таких контекстов широкой площадью. Преодоление указанных обстоятельств представляет собою большую трудность; отчасти по этой причине, наряду с труднодоступностью территории, о культуре прошлого населения арктической Восточной Сибири до сих пор известно немного, что не мешает ей оставаться колыбелью арктической археологии.

Её рождение состоялось 22 июня (с. ст.) 1787 г., когда лейтенант флота Г.А. Сарычев, командир судна «Ясачная» в экспедиции Биллингса 1785–1793 гг. (Сарычев, 1802. С. 95–96), впервые провёл целенаправленные раскопочные работы для изучения остатков жилищ древних жителей побережья Восточно-Сибирского моря близ мыса Большой Баранов, к востоку от устья р. Колыма (Илл. 2). Это знаковое событие в истории не только российской, но и мировой археологии (Хлобыстин, 1991). В первой половине XIX-го столетия из вос-

точно-сибирской Арктики поступали и другие разрозненные сведения и материалы, полученные в ходе изучения региона, включая открытие и изучение островов Новосибирского архипелага, описания морского побережья и первоначального ознакомления с внутренними районами.

Ко времени первых ознакомительных работ, организованных на Новосибирских о-вах российским правительством в 1809-1811 годах, для проведения которых был назначен М.М. Геденштром, относятся первые сведения о присутствии на о. Новая Сибирь (Илл. 2) следов какого-то древнего населения (*Геденштром*, 1822). Несколько позже Ф.Ф. Матюшкин, в 1820-1824 гг. участник экспедиции Ф.П. Врангеля, обследовал на Медвежьих островах к северу от устья р. Колыма полуподземные жилища, оставленные древним населением побережья Восточной Сибири (*Врангель*, 1841). Вслед за этим экспедиция Г.Л. Майделя доставила различные находки из сборов миссионера А. Аргентова (*Майдель*, 1894). Таковы были первые исследователи археологии российской Арктики – мореплаватели, проштрафившиеся таможенники, полярные исследователи, географы и миссионеры. Вся эта деятельность, безусловно, направлялась из Санкт-Петербурга, по инициативе различных правительственных организаций, преимущественно по линии Морского ведомства.

Однако на протяжении примерно 150 лет от момента первых раскопок Г.А. Сарычева на Большом Барановом мысе поступление археологического материала из арктической Восточной Сибири было случайным и хаотичным (*Питулько*, 1998), а её наименее доступные районы, север Яно-Индигирской низменности и Новосибирские о-ва, долго оставались на археологических картах «белым пятном». Ещё в советское время эта территория оставалась во многих отношениях малоизученной. Постепенно складывалось впечатление, что арктические территории были заселены человеком сравнительно недавно, лишь в голоцене, причём в основном в его второй половине, в течение последних 5000 лет (*Питулько*, 1998). Царство подземных льдов арктической Тетта Incognita, забывшееся в вековой дрёме, продолжало хранить сокровища в ожидании своих исследователей.

Первый существенный прорыв в изучении плейстоценовой археологии российской Арктики произошёл в 1970 г. В среднем течении р. Берелёх (Илл. 2), левого притока р. Индигирка в её нижнем течении, Н.К. Верещагиным (*Верещагин*, 1977) был обследован важнейший археологический и природный феномен Северо-Востока – Берелёхский геoarхеологический комплекс (*Pitulko et al.* 2014), интерпретированный первооткрывателями соответственно как «кладбище» мамонтов (*Григорьев*, 1957) и «стоянка» древнего человека (*Верещагин*, *Мочанов*, 1972).

Результаты этих работ, в сочетании с данными датирования в сопровождении палеоприродных реконструкций (*Верещагин*, 1977; *Верещагин*, *Мочанов*, 1972; *Ложкин*, 1977), дали наглядное представление о том, что древние люди Арктики в полной мере владели теми же технологиями, что были в ходу у их южных соседей. Культура их не была ни отсталой, ни архаичной, хотя и имела определённую специфику, и это позволило им осваивать Арктику гораздо

раньше, чем было принято думать. Возраст Берелёхского комплекса был определён около 13,000–12,000 л.н., и эта цифра надолго стала базовым хронологическим показателем в оценке адаптивных возможностей человека, заселявшего Арктику после окончания последнего ледникового максимума в относительно комфортных условиях.

До начала исследований Восточно-Сибирской (Яно-Индигирской) экспедиции ИИМК РАН эта область на археологической карте России по-прежнему оставалось белым пятном с редкими точками разновременных, преимущественно поздних памятников, открытых десятилетия, а то и столетия назад (*Питулько*, 1998; *Питулько*, 2019а). Так, в центре Яно-Индиги́ро-Колымской арктической приморской равнины на ней виднелся одинокий Берелёх, служивший долгие годы ориентиром и интеллектуальным вызовом поколениям исследователей (Илл. 2). Ситуация радикально переменялась на современном этапе изучения региона.

Наиболее важные результаты были получены в ходе исследований на Новосибирских о-вах и севере Яно-Индигирской низменности (*Питулько*, 2011; *Питулько*, 2019а), предпринятых ИИМК РАН при поддержке различных организаций в последнее тридцатилетие. Приложенные усилия привели к заметному насыщению археологической карты материалом (Илл. 3). В ходе обследования территории было открыто около 20 памятников и иных объектов (*Питулько*, *Павлова*, 2023; *Pitulko et al.*, 2017), доставивших свидетельства прошлой деятельности человека, а также проведены повторные работы на Берелёхском геоархеологическом комплексе (*Pitulko et al.*, 2014). Среди вновь выявленных памятников особое место занимают Янский комплекс палеолитических стоянок в низовьях р. Яна (*Pitulko et al.*, 2004; *Pitulko et al.*, 2013) и раннеголоценовая Жоховская стоянка на о. Жохова, Новосибирские о-ва (*Питулько*, 1998; *Pitulko*, *Makeyev*, 1991). Оба объекта представляют собой уникальные памятники мирового культурного наследия, не имеющие себе равных.

ЖОХОВСКАЯ СТОЯНКА

Жоховская стоянка, расположенная под 76° с.ш. в Сибирской Арктике (на о-ве Жохова, о-ва Де Лонга, Новосибирские о-ва), является одним из наиболее северных археологических памятников мира (Илл. 3, 4) и древнейшим следом пребывания человека в высоких широтах, свидетельствующим об освоении человеком этих территорий ещё в эпоху раннего голоцена, около 9000 л.н. (*Питулько*, 1998; *Pitulko*, *Makeyev*, 1991; *Pitulko et al.*, 2017). В определённом смысле, её изучение даёт невероятную возможность проникнуть в прошлое Земли Санникова каменного века (*Питулько*, 2023). Начало её систематическому изучению было положено в 1989–90 гг. в ходе работ экспедиции ААНИИ А-162. Работы предполагалось продолжить, но, в связи с последовавшими неблагоприятными переменами в судьбе нашей Родины, исследования оказались надолго прерваны. Их удалось возобновить в 2000 г., когда по инициативе вид-

ного американского антрополога Э.С. Карпентера (Edmund S. Carpenter) при поддержке Rock Foundation (Нью-Йорк, США) были начаты работы по проекту Zhokhov-2000 (Питулько, 2011).

В период с 2000 по 2022 гг. с целью поиска и раскопок стоянок каменного века, изучения геологии и стратиграфии четвертичных отложений, изучения палеогеографии региона и его былых природных обстановок были проведены масштабные междисциплинарные исследования на островах Новосибирского архипелага и на Яно-Индигирской низменности от нижнего течения р. Яна на западе до бассейна р. Индигирка на востоке. Их важнейшим итогом стало открытие Янского комплекса стоянок (Питулько, Павлова, 2010; Pitulko, Pavlova, 2016; Pitulko et al., 2004; Pitulko et al., 2013).

В результате изучения Жоховской стоянки в 2000 – 2005 гг. (рис. 4, 5) объём коллекции, по сравнению с материалами раскопок 1989 и 1990 гг., значительно вырос, а общая раскопанная площадь составила 571 м² (Питулько и др., 2012а; Pitulko, Kasparov, 2017; Pitulko et al., 2015b; Pitulko et al., 2019). Раскопки проводились с использованием методики, разработанной для условий многолетне-мёрзлых отложений (Питулько, 2008; Питулько, 2012). Общий объём коллекции за все годы работ на Жоховской стоянке составляет десятки тысяч единиц материала. Наиболее многочисленны каменные артефакты ($n > 19,000$). Это преимущественно микропластинки, предназначенные для производства вкладышей для составных орудий и фрагменты пластинок, вкладыши, а также микропризматические ядрища и дебитаж, связанный с индустрией производства микропластинок. Имеются шлифованные рубящие орудия, немногочисленные трёхгранные метательные острия (Питулько, 1998; Pitulko, 1993), а также абразивные камни из песчаника и пемзы. Среди костных остатков Жоховской стоянки впервые для высокоширотной Арктики были получены антропологические остатки, разрозненные и сильно фрагментированные, но пригодные для молекулярно-генетического исследования (Питулько и др., 2015б; Lee et al., 2018).

Существенную часть коллекции составляют предметы и изделия из недолговечных материалов (Илл. 5–8). Прежде всего, это предметы комплекса охотничьего вооружения из кости, рога северного оленя, а также ископаемых костей и бивней мамонтов (Илл. 6, 7). В коллекции представлена серия различных по размеру костяных вкладышевых орудий с одним или двумя боковыми пазами, среди них целые экземпляры, незаконченные и переоформленные изделия (Илл. 7). Количественно они намного превосходят все известные в пределах Восточной Сибири находки подобного рода, относящиеся к тому же к различным эпохам (Питулько, 1998). Комплекс охотничьего вооружения также включает в себя неукладываемые формы, среди которых интересны единичные находки бородчатых наконечников острог (Питулько, 1998; Питулько, 2023; Pitulko, 1993; Pitulko, Kasparov, 1996). Один из фрагментов древка стрелы найден в сочленении с трёхгранным каменным наконечником (Илл. 6).

Изделия из дерева представлены значительной серией различных предметов, их обломков и отходов производства (Питулько, 1998). В их числе встреча-на разнообразная посуда – блюдообразные изделия, ковши и чаши различных

размеров (Илл. 8: 5, 6), древки стрел, а также обломки полозьев, деталей настила и вертикальных стоек нарт (Илл. 9Б: 5–7). Среди материалов Жоховской стоянки имеются берестяные и плетёные изделия (Илл. 8: 3, 4) (Питулько, 2023). Собрано значительное количество обломков обработанного дерева. Они имеют различный размер (длина наиболее крупного – 1050 мм при диаметре 32–35 мм) и форму. Многие имеют участки, предназначенные для скрепления обвязкой с какими-то иными элементами конструкций, облик и назначение которых трудно себе представить, однако наиболее вероятно, это детали нарт (Pitulko *et al.*, 2019), или, возможно, каркасных лодок.

Сохранность большинства изделий превосходна, что связано с их пребыванием в многолетнемёрзлых условиях с момента формирования культуросодержащих отложений стоянки, на короткое время прерванных интенсивной термоденудацией, завершившейся формированием псевдоморфоз по плейстоценовым повторно-жильным льдам, в которых культурный материал оказался повторно захоронен и вновь заморожен. Сформировавшиеся толщи культуросодержащих отложений достигают мощности 3 м, а их плановое положение повторяет рисунок полигональной сети плейстоценовых повторно-жильных льдов. Их большая часть находилась в мёрзлом состоянии до начала раскопок, отдельные участки отложений стоянки подверглись термоэрозии в последние ~2500 лет (Питулько и др., 2012а; Pitulko, 2019; Pitulko, Pavlova, 2022b). Комплекс материалов Жоховской стоянки является, тем не менее, гомогенным образованием, сохранившим, кроме того, основные планиграфические черты первоначального археологического контекста (Питулько и др. 2012а; Pitulko, Pavlova, 2022b; Pitulko *et al.*, 2015b).

Изучение серии 14С (радиоуглеродных) датировок, выполненных по разным материалам, имеющим непосредственное отношение к прошлой человеческой деятельности (дерево и изделия из него, костные остатки копытных, прямые даты по артефактам), показало, что возраст культурных остатков Жоховской стоянки надёжно определяется временным интервалом 8250–7800 14С лет назад (л.н.). Прямые датировки по костным остаткам человека имеют несколько более древние значения за счёт проявления морского резервуарного эффекта. С учётом $\Delta R = 451$ год, значения возраста антропологических остатков укладываются в интервал 8250–7800 14С л.н.

Анализом внутренней структуры массива датировок установлено, что присутствие человека на Жоховской стоянке описывают четыре возрастные группы датировок, соответственно, 8150, 8100–8075, 8000–7900 и 7800 14С л.н., отражающие время усиления археологически видимой активности людей. В калиброванных значениях возраста (относительно 1950 г.) им соответствует интервал 9300–8500 л.н., структура которого выглядит как 9100, 9000–8900, 8800–8600, 8500 календарных лет назад (calBP).

Длительность выделенных эпизодов составляет в каждом случае около 100 лет, однако это не означает непрерывного пребывания людей на Жоховской стоянке в течение каждого из них. Скорее всего, речь идёт о многократных посещениях, возможно, приводивших к более или менее постоянному пребыва-

нию на протяжении нескольких лет, с последующим отсутствием на этой территории в течение сопоставимого по продолжительности времени. Имелись и более долгие перерывы, которые позволяет опознать разрешающая способность метода датирования. Подобная реконструкция, на наш взгляд, хорошо вписывается в модель жизнеобеспечения жоховских охотников (*Pitulko et al.*, 2015b), которые периодически использовали территорию нынешнего острова для круглогодичного обитания. Дальнейшее изучение материалов из раскопок Жоховской стоянки привело к следующим важным результатам.

Изучение остеологической коллекции позволило существенно уточнить данные о характере стратегии жизнеобеспечения жителей Жоховской стоянки. Это своеобразная адаптационная модель сухопутных охотников, практиковавших промысел северного оленя и белого медведя в отношении 2:1, при этом охота на медведя была заметно более важной в плане обеспечения пищевыми ресурсами, поскольку эти животные в несколько раз превосходят оленя по полезной (съедобной) массе тела.

На основании данных о сезонности промысла, полученных в результате оценки сезона гибели животных по регистрирующим структурам зубного цемента оказалось возможным реконструировать особенности годового хозяйственного цикла обитателей Жоховской стоянки (*Pitulko et al.*, 2015b). Установлено, что это был базовый лагерь, использовавшийся круглогодично. Летняя активность на лагере была минимальной. Напротив, зимний период охарактеризован значительным объёмом добычи, в эти же месяцы добыта большая часть белых медведей. На оленей охотились во все сезоны, кроме зимы, однако на осенний период приходится максимальный показатель добычи. Промысел медведя представлял собой охоту на родильных берлогах, что связано с биологией и поведением этих зверей, судя по всему, он был стабильным и массовым (*Pitulko et al.*, 2015b).

Известно (*Кищинский*, 1976), что плотность родильных берлог в особенно удобных местах может достигать очень больших значений. Территория современного острова Жохова была в этом отношении, по какой-то причине, удобна, в связи с чем этот участок служил для древних охотников неиссякаемым источником пищи, за которой не нужно далеко ходить в зимнее время, и был особенно хорош для организации вблизи него зимнего лагеря. Возможно, наравне с наличием вблизи береговой линии плавникового леса (ресурса, крайне дефицитного в условиях открытых пространств), данное обстоятельство было важным фактором выбора места поселения.

В связи с изучением истории адаптаций древнего населения Арктики к среде обитания было проведено исследование костных остатков псовых из культурных отложений Жоховской стоянки. Анализом морфологии остатков псовых показано, что на Жоховской стоянке около 9000 л.н. присутствовала вполне сформировавшаяся как вид домашняя собака, использовавшаяся в хозяйстве древних насельников территории в качестве помощника на охоте и в качестве тягловой силы (*Pitulko, Kasparov*, 2017). Изучением коллекции стоянки установлено наличие стандарта ездовых и промысловых собак, что суще-

ственно меняет представления о времени начала формирования специализированных пород собак направленной селекцией. Присутствие таких животных около 9000 л.н. предполагает достаточно долгую историю экспериментальной деятельности, начавшейся уже после получения основной формы собаки, вопрос о времени и путях domestikации которой еще не получил окончательного решения. Генетические исследования костных остатков собак с о. Жохова показали, что в их митохондриальном геноме прослеживаются азиатские линии (Lee et al., 2015). Как установлено, от общих с жоховскими собаками предков происходят предки древней аборигенной породы североамериканских собак, ныне не существующей, но оказавшейся в Новом Свете либо с его первопоселенцами, либо с одной из последних миграционных волн на рубеже голоцена (Leathlobhair et al. 2018).

Наличие в арктической культуре охотников острова Жохова развитой формы упряжного собаководства является твёрдо установленным фактом (Pitulko, Kasparov, 1996; Pitulko, Kasparov, 2017). Развитая форма конструкции нарт (многокопильные нарты с высокой платформой), использовавшихся обитателями Жоховской стоянки 9000 л.н., свидетельствует о достаточно долгой истории развития транспортной системы, которая служила важнейшей частью стратегии жизнеобеспечения жоховских охотников. Её наличие позволяло не только перемещать грузы к базовому лагерю, но и совершать путешествия на значительные расстояния (Илл. 9). Такая возможность была жизненно необходимой.

Жизнедеятельность жоховского населения существенно облегчалась тем, что территория острова Жохова тогда была ещё окраиной прибрежной материковой равнины (Илл. 9А). Местные условия были достаточны для того, чтобы поддерживать небольшие группы охотников. Помимо необходимых пищевых и сырьевых ресурсов, здесь имелся в достатке и важнейший в открытых пространствах ресурс, доступный вдоль береговых линий – топливо и поделочный материал в виде плавникового леса. Какова была территория группы, сказать невозможно, но, вероятно, речь может идти о площади, включавшей в себя крупные острова современного Новосибирского архипелага – о-в Новая Сибирь, и, возможно, о-ва Фаддеевский и Котельный.

Анализ геохимических характеристик образцов обсидиана, использованного жителями Жоховской стоянки в небольшом количестве (Pitulko et al., 2019), показывает, что его источником, на основании присутствия уникальных геохимических компонентов, может быть только Красненское месторождение в низовьях р. Анадырь на Чукотке (более 1000 км на восток по прямой). Данный факт показывает, что люди Жоховской стоянки были вовлечены в систему дальнего обмена сырья и материалов (Илл. 9А). Участие в подобной интеграции облегчалось наличием транспортных средств, однако удивителен сам факт наличия подобной системы 9000 лет назад, что говорит о высокой степени социального развития уже в это время. Люди Жоховской стоянки принадлежали к кругу культур населения окраинной области материка, признаки формирования которой просматриваются в материалах памятников тундровой зоны Восточной Сибири на рубеже голоцена (Pitulko, 2001; Pitulko, Pavlova, 2020).

Находки из Жоховской стоянки, среди прочего, доставили наиболее ранние из известных свидетельства важнейшей инновации рубежа голоцена, которой является завершение процесса доместикировки собаки / волка, формирование породы собак, послужившей генетическим источником всех ныне существующих пород ездовых псов (*Sinding et al.*, 2020), и создание наземных транспортных средств (упряжного нарточного собаководства). Это достижение обеспечило мобильность населения на рубеже голоцена и способствовало быстрому распространению культурных знаний и обмену населения, в условиях арктической Сибири всегда малочисленного (*Долгих*, 1960).

ЯНСКАЯ СТОЯНКА

Данный памятник, расположенный в нижнем течении р. Яна в западной области Яно-Индибирской низменности в восточносибирской Арктике, был открыт в 2001 г. (*Pitulko et al.*, 2004), в географических координатах 70° 43' с.ш. и 135° 25' в.д. (Илл. 3, 10). В палеогеографическом смысле, она находится в западном пределе Западной Берингии, природного и культурного феномена позднего плейстоцена Северной Евразии (*Hoffecker*, 2005; *Hoffecker et al.*, 2022; *Pavlova, Pitulko*, 2020; *Pitulko, Pavlova*, 2020).

Несмотря на то, что в литературу данный памятник вошёл как «стоянка», фактически, это комплекс примерно одновременных, близкорасположенных археологических объектов, функции которых были различны (*Питулько, Павлова* 2010; *Питулько* 2019б; *Pitulko et al.*, 2013; *Pitulko et al.*, 2015а). Их пространственное соотношение и вопросы геологии стоянки неоднократно обсуждались ранее (*Питулько и др.*, 2007; *Питулько, Павлова* 2010; *Basilyan et al.*, 2011; *Pitulko, Pavlova*, 2016; *Pitulko et al.*, 2013). В составе этого комплекса выделяется несколько (не менее семи) известных отдельных участков («стоянок»), принадлежащих отложениям второй террасы, формирование которой началось ~40,000 л.н. (*Питулько, Павлова* 2010; *Pitulko, Pavlova*, 2016).

Некоторые из них охарактеризованы только подъёмным материалом (пункт Верхний, Яна АСН, пункт Южный), тогда как другие (пункт Северный, участок Яна В, участок ТУМС1, и Янское «кладбище» мамонтов, УМAM) имеют хорошо сохранившийся культуросодержащий горизонт, представленный более или менее протяжёнными участками. Массовое скопление костных остатков мамонтов УМAM (*Basilyan et al.*, 2011) представляет собой важнейший элемент пространственной структуры Янского комплекса стоянок и едва ли не его стержень (Илл. 11). Как было показано, данный участок служил хранилищем и технологическим пространством для первичной обработки бивней мамонтов и, в более широком смысле, для прочих видов деятельности, связанных с использованием костных остатков мамонтов (*Pitulko et al.*, 2015а).

Культуросодержащий горизонт имеет широкое распространение и залегает в середине тела второй надпойменной террасы с относительным превышением 7.5–8 м над урезом реки. Многолетнемёрзлые условия обеспечивают велико-

лепную сохранность изделий из недолговечных материалов. Горизонт насыщен чрезвычайно многочисленными костными остатками позднелепесточной фауны, изделиями из кости, рога и бивня мамонта, десятками тысяч единиц каменных изделий и дебитаж (Путулько, Павлова, 2010; Pitulko, Pavlova, 2016; Pitulko et al., 2013). Основные работы на Янской стоянке проведены в пределах пункта Северный (Илл. 10), где в течение раскопочных кампаний, последовательно проведённых в 2003–2018 гг., сплошным раскопом изучено около 3500 кв.м культурного слоя, а общая площадь раскопа, с учётом пространства, занятого телами образований повторно-жильного льда, превысила 5000 кв.м.

Плотность находок (фаунистических остатков и артефактов) в пределах изученной площади весьма изменчива. Жилые структуры раскопками не выявлены, однако некоторые раскопанные участки в явной форме являются результатом интенсивного использования. Потенциально, в качестве центров зон аккумуляции культурного материала могут рассматриваться очаги, к которым были приурочены жилища лёгкой каркасной конструкции, крытые полотнищами из шкур животных. Очаги, как правило, имеют диаметр 90–110 см и углублены на 15–20 см относительно уровня древней дневной поверхности (Pitulko et al., 2013).

Многочисленные определения возраста культурных остатков стоянки радиоуглеродным методом надёжно обосновывают хронометрию и хронологию событий (Путулько, Павлова, 2010; Pitulko et al., 2013; Pitulko et al., 2015a; Pitulko, Pavlova, 2016). Многочисленными датировками, полученными по фаунистическим остаткам, очажным массам и прямым датированием артефактов из органических материалов, возраст культурного горизонта определён интервалом 28,900–26,900 14C л.н. Этот возраст контролируется датировками подстилающих и перекрывающих отложений разреза стоянки. Датировки, полученные по разным материалам, не противоречат друг другу и находятся в согласии с их положением в разрезе, т.е. они синхронны осадконакоплению (Pitulko et al., 2004; Pitulko, Pavlova, 2016).

Датировано четыре отдельных области Янского комплекса стоянок. Ранее (Pitulko et al., 2013; Pitulko et al., 2015a) было показано, что культурный горизонт Янского комплекса стоянок сформировался в результате нескольких (трёх) циклов использования территории памятника древним человеком, соответственно, несколько ранее 30,000 л.н., затем, в интервале ~28,500–28,000 л.н. и, наконец, ~27,500–27,000 л.н. (Pitulko et al., 2013; Pitulko et al., 2015a), в промежутках между которыми местность посещалась спорадически. Для всех четырёх археологических объектов комплекса установлен близкий возраст ~32 000 л.н. (calBP), который соответствует времени основного эпизода обитания на Янской стоянке, древнейшего из известных памятников палеолита в Арктике.

Раскопки на пункте Северный Янской стоянки доставили более 100 000 закартированных артефактов, целых костей животных и фрагментов костных остатков, огромное количество мелких предметов получено промывкой материала культурного слоя на сите после расчистки слоя, в том числе, изделий из кости и бивня мамонта (бус, подвесок, фрагментов различных изделий). Фаунистические остатки особенно многочисленны, их количество многократно превышает

число изделий (*Pitulko et al.*, 2013). Фаунистическая коллекция содержит остатки различных травоядных (мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, плеистоценовых бизонов и лошадей) и хищных животных (бурый медведь, росомеха, волк, песец), а также зайцев и куропаток. Наиболее многочисленны остатки лошади, бизона, северного оленя и зайца (*Pitulko et al.*, 2004; *Pitulko et al.*, 2013), тогда как остатки мамонтов относительно редки, за исключением определённых участков Янского комплекса стоянок (*Basilyan et al.*, 2011; *Pitulko et al.*, 2015a). Как было показано, этих животных добывали не столько ради мяса, сколько ради их бивней (*Nikolskiy, Pitulko*, 2013; *Pitulko et al.*, 2015a), которые служили важным сырьём для производства охотничьего инвентаря.

Основным источником мясной пищи для обитателей стоянки служили бизон, лошадь и северный олень (*Pitulko et al.*, 2013). Они же, в особенности, северный олень, были важным хозяйственным ресурсом, обеспечивающим шкурами производство одежды и иных шитых изделий. С той же целью, очевидно, добывали и зайца, мех которого, лёгкий и тёплый, был идеальным сырьём для нижней зимней одежды. Для остатков зайцев характерны случаи скелетных залеганий, что говорит именно о пушном промысле с помощью силков (*Pitulko et al.*, 2012) при очевидном слабом вкладе в мясную диету обитателей стоянки, а также указывает на сезон промысла (осень), когда шкура имеет наилучшее качество.

Материальные культурные остатки Янской стоянки, добытые при раскопках, весьма разнообразны и представлены каменными и костяными (в широком смысле) артефактами (Илл. 12–18). В целом, открытая здесь индустрия включает в себя четыре основных технологических контекста: (1) производство полифункциональных орудий (скрёбел), служивших для обработки охотничьей добычи и органических материалов (*Питулько, Павлова*, 2010; *Питулько и др.*, 2012б); (2) производство микроорудий для обработки кости, рога и бивня мамонта, а также для создания элементов охотничьего инвентаря (*Pitulko et al.*, 2013); (3) производство предметов различного назначения из бивня мамонта, кости и рога (*Питулько, Павлова*, 2010; *Питулько, Павлова*, 2014; *Питулько и др.*, 2014; *Питулько и др.*, 2015a; *Pitulko et al.*, 2015a); (4) производство красной «охры» (*Pitulko et al.*, 2012).

Количество изделий из кости в Янском комплексе стоянок огромно. Это, прежде всего, охотничий инвентарь, в котором представлены две главные категории изделий – острия и форешафты, т.е. элементы снаряжения боевого окончания древка копья – стержни из бивня мамонта с уплощенными концами для скрепления обвязкой (Илл. 12), а также орудия и предметы повседневного бытового назначения – иглы с ушком, игольники, проколки и шилья (Илл. 13, 14), личные украшения – бусы двух типов (Илл. 16, 17), подвески (Илл. 17), диадемы и браслеты из бивня мамонта (Илл. 18: 1–6), и, наконец, символические объекты (Илл. 18: 7–10). Некоторые из изделий не имеют аналогий в мировом палеолите (Илл. 15), а другие, наоборот, принадлежат к распространённым типам (*Pitulko et al.*, 2012). Интересно, что количество изделий из костеподобных материалов превышает число каменных изделий со вторичной обработкой (*Pitulko et al.*, 2013). Таким образом, высокоразвитая костяная индустрия Янской стоянки, что

типично для памятников ранней поры верхнего палеолита, находимых повсеместно, является одним из лучших примеров высокого значения кости в эту эпоху (Аникович, 1992). Можно даже сказать, что она феноменальна.

Так, из Янской стоянки происходит крупнейшая в мире коллекция костяных игл с ушком ($n = 198$) (Питулько, Павлова, 2019), причём в западной области Северной Евразии в памятниках сопоставимого возраста эти изделия встречаются редко (d'Errico et al., 2018). Янские иглы чётко подразделяются на несколько размерных классов, различия между которыми в массивности/толщине, длине и размеру ушка обоснованы их предназначением, часть игл орнаментирована (Илл. 13). Однако, что интересно, орнаменты на иглах характерны только для алтае-сибирских памятников (Деревянко, Рыбин, 2003; Питулько, Павлова, 2019). Такие декоративные элементы с высокой степенью вероятности являются знаками собственности и свидетельствуют о наличии развитых представлений о личности (Pitulko et al., 2012). В то же время, регулярные орнаменты на шильях, напротив, носят, скорее всего, технический характер (Илл. 14). Высокая степень развития представлений о личности отражает заметная степень индивидуализации личных украшений, среди которых, вероятно, присутствуют статусные изделия (Pitulko et al., 2012). Признаки подобных представлений можно видеть в известных верхнепалеолитических погребальных комплексах.

В коллекции представлены все этапы технологической последовательности производства игл и шильев. В то же время, в контекстах каменной индустрии Янской стоянки не удалось выявить специальных орудий, однозначно связанных с этим производством. Широко представленные в коллекции изделия, относящиеся к комплексу микроорудий, вероятно, являлись универсальным средством для выделки предметов из бивня мамонта и кости, в том числе, игл и шильев. Вполне определённо можно сказать, что в производстве игл на Янской стоянке не использовались каменные изделия с резцовым сколом, которые в контекстах памятника почти не представлены.

Полные технологические цепочки реконструированы для производства бус обоих типов ($n = 5888$, простые круглые бусы из бивня мамонта, и около 300 предметов – бусы-пронизки с нарезкой, изготовленные из кости зайца), диадемы ($n = 248$), подвесок из зубов животных ($n = 81$), а также для производства длинных стержней из бивня мамонта – заготовок для острий и форешафтов (Питулько и др., 2014; Питулько и др., 2015а, Pitulko et al., 2015а).

Для каждой из категорий можно указать особые находки. Так, бусы часто образуют линейные концентрации, крупнейшая из них была составлена из 159 предметов, образуя композицию из бус 1 типа (простых круглых из бивня мамонта) и пронизок с нарезкой (из кости зайца), которые размещались на нитке в последовательности 3–1–3 и так далее (см. Илл. 16 и реконструкцию на Илл. 17: 8). Пронизки из зубов часто образовывали композиции из семи зубов (обычно, из резцов северного оленя). Использование резцов травоядных для этих целей характерно для Янской стоянки и Сибири в целом (Питулько, Никольский, 2014), тогда как в западной области Северной Евразии, наоборот, использовали зубы хищных.

Исключительный интерес представляет собой коллекция диадем (Илл. 18: 1-4). Это, по-видимому, крупнейшая выборка изделий такого рода ($n = 248$), указанное число включает заготовки и незавершённые изделия. Целых или почти целых изделий среди них немного, в основном, это фрагменты, которые принадлежат как минимум 233 различным предметам. Наличие заготовок и незавершённых изделий, и особенности готовых предметов позволяют понять технологию производства диадем. Коллекция диадем характеризуется заметным разнообразием орнаментов. Выделено девять типов орнаментации, определяющими признаками для которых являются число, расположение, графическое исполнение и конфигурация линий орнамента. Исключительно интересны находки браслетов из бивня двух типов – составные и разрезные, они декорированы сложным уникальным (неповторяющимся) орнаментом (Илл. 18: 5, 6), для которых характерны антропоморфные изображения и символы.

Наблюдения, сделанные по результатам анализа коллекций личных украшений, позволяют предположить, что функция данной категории предметов (диадем, браслетов, подвесок и бус) была не только и не столько утилитарной и просто декоративной, сколько информационной. Представляется, что они образуют трёхуровневую систему, в которой орнаменты из бус и подвески из зубов животных составляли наиболее общий уровень, характеризующий принадлежность каждого члена коллектива к группе в целом, орнаментация диадем, возможно, служила индикатором внутригруппового различия (для семейных групп), и, наконец, браслеты являлись в прямом смысле личными, т.е. индивидуальными украшениями, содержащими информацию о носителе и его социальном статусе. Обладание подобными системами указывает на развитые представления о личности и сложную социальную организацию, присущую людям верхнего палеолита Северной Евразии.

Высокому уровню социокультурного развития людей Янской стоянки соответствуют признаки культа волка, о наличии которого можно судить по находкам остатков голов этих животных (именно голов, т.е. черепов в сборе с нижней челюстью), обнаруженных при раскопках. Эти черепа помещали в центр очага, огонь в котором впоследствии не возобновлялся (*Питулько и др.*, 2012б; *Никольский и др.*, 2018).

Интересно, что тафономия таких находок указывает на то, что для этой цели использовали черепа погибших (но не убитых) животных, уже в течение какого-то времени находившиеся на поверхности. Остатков волка в материалах стоянки очень немного. Однако те, что имеются, позволяют рассматривать местную популяцию волков, обитавшую вблизи стоянки, как группу животных, практикующих комменсализм. Морфология и морфометрия изученных остатков костей краниальной области плейстоценовых волков Янской стоянки даёт основания рассматривать их как свидетельство первой стадии процесса одомашнивания, протекающего в режиме самодоместикации (*Никольский и др.*, 2018).

Между детально исследованными зонами Янского комплекса стоянок – пунктом Северный и участком Яна В имеются принципиальные различия (*Питулько*, 2019б), которые, скорее всего, могут быть объяснены с точки зрения

сезонности. Так, если пункт Северный служил летним (весенне-летне-осенним) лагерем, то участок Яна В использовали в зимнее время. Об этом говорят различия в составе фаунистических остатков, наличие на пункте Яна В мощных скоплений жжёных костей животных, присутствие большого количества костей мамонтов, служивших, в том числе, топливом, а также различия в видах деятельности, читаемые через категориальный состав коллекции. На участке Яна В отсутствуют любые украшения и следы их производства, крайне мало численны находки игл с ушком, обычные для пункта Северный. Основными видами деятельности на этом участке, насколько можно судить по его раскопанной части, являлись производство и ремонт предметов охотничьего вооружения из бивня мамонта (острий и форешафтов), обработка деревянных предметов для той же цели (производство древков), и производство микроострий для оснащения оружия.

На основании изучения материалов из пункта Северный, участка Яна В и «кладбища мамонтов» УМAM реконструирована технология обработки бивней мамонтов в контексте комплекса взаимоотношений в системе «человек – мамонт» (*Pitulko et al.*, 2015a). Установлено отсутствие практики массовой добычи данного вида, показано наличие отбора животных по полу и возрасту в связи с конфигурацией/размером бивней и механизм формирования костеносного горизонта как структурной части использовавшейся одномоментно территории, реконструированы приёмы обработки бивней, в частности, реконструирована технология производства длинных стержней – основ для производства крупных наконечников и копий (*Pitulko et al.*, 2015a). Данная технология была критически важной с точки зрения выживания в условиях открытых пространств (*Pitulko, Nikolskiy*, 2012; *Pitulko et al.*, 2015a). Охота на мамонта осуществлялась, скорее всего, зимой, с низким темпом, в пределах строгой необходимости (*Basilyan et al.*, 2011; *Nikolskiy, Pitulko*, 2013). В любом случае, несмотря на значительное количество добытых янскими охотниками зверей (не менее 100 – достоверно, на основании анализа парности и размерных классов бивней), случаев массового забоя/истребления не было, иначе это было бы видно в рядах радиоуглеродных датировок (*Pitulko et al.*, 2015a).

В материалах Янского комплекса стоянок ярко представлены верхнепалеолитические инновации (*Mellars*, 2005), благодаря набору которых люди верхнего палеолита смогли освоить бескрайние открытые пространства мамонтовой степи. Более точно появление новых элементов жизнеобеспечения отражает технологическое усложнение культуры древнего человека (*Hoffecker J., Hoffecker I.*, 2017; *Hoffecker J., Hoffecker I.*, 2018). За каждым из таких изобретений скрывается набор иерархически организованных частных технологий, часто связанных между собой по горизонтали, например, легко себе представить на примере технологии изготовления одежды и прочих изделий из шкур и кож (*Питулько, Павлова*, 2019). Главные технологии, перечисленные Мелларсом (2005), не имеют иерархии, однако очевидно, что наиболее важными были действия, непосредственно связанные с технологией выживания людских груп-

пировок в открытых пространствах тундростепного пояса Северной Евразии. Свидетельства таких технологий во всей полноте представлены в материалах Янской стоянки.

Изначально из них наиболее существенны три – добывание пищи охотой, изготовление одежды и домостроительство. На всем протяжении человеческой истории добыча животных охотой помимо пищи поставляла сырьё для производства изделий из шкур и кож, а также удовлетворяла потребность в сырье для производства любых изделий из кости, из которых наиболее важными были предметы охотничьего вооружения и швейный инструмент.

Фактически, технологии шитья были, очевидно, одной из двух критически важных технологий, необходимых для освоения человеком холодных регионов планеты. С её развитием связано появление игл с ушком, наиболее древние из которых найдены в Сибири (*Деревянко и др.*, 2016; *Шалагина и др.*, 2018), там же известны археологические объекты, где документировано их массовое производство и использование в раннем верхнем палеолите (*Питулько, Павлова*, 2019). Наличие игл с ушком позволяло производить многослойную одежду и подгонять её по размеру, а также создавать весь спектр предметов швейной продукции – обуви, спальных мешков, мягких контейнеров и сумок, а также жилищ. Последние, судя по свидетельствам из раскопок Янской стоянки, представляли собой лёгкие наземные сооружения с очагами (*Pitulko et al.*, 2013), в качестве топлива для которых в зимнее время использовались кости крупных животных, в том числе, мамонтов (*Питулько*, 2019б).

Наличие развитой культуры шитья является неперенным условием для успешной жизнедеятельности человека в субарктической и арктической зонах, где современные среднегодовые температуры изменяются от 0 до -16° С, а любое незначительное снижение среднеглобальной температуры значительно ухудшит условия окружающей среды. Подобные изменения происходили неоднократно, из них наиболее известны последний ледниковый максимум и резкое похолодание позднего дриаса, однако внезапные кратковременные похолодания, определяемые в палеоклиматической записи как Гренландские стадиалы, были гораздо более многочисленны (*Rasmussen et al.*, 2014). Они, несомненно, вносили свой вклад в пространственное распределение людских группировок, а также вызывали определённые изменения в материальной культуре этого населения в качестве культурного ответа на изменения среды обитания.

На протяжении МИС 3 (Морская изотопная стадия 3) и МИС 2 рассматриваемые территории Северной Евразии были заняты тундростепным биомом (см., например: *Hubberten et al.*, 2004; *Brigham-Grette et al.*, 2004; *Binney et al.*, 2017), отличавшимся значительной вариативностью в пространстве и времени. Главной чертой природной обстановки этих ландшафтов было полное или почти полное отсутствие древесной растительности (*Andreev et al.*, 2011; *Binney et al.*, 2009). Данное обстоятельство было чрезвычайно существенно для древнего человека Арктики, поскольку дерево служит не только и не столько топливом, но является строительным материалом, используемым для строительства каркасов жилищ, и, наконец, служит материалом для изготовления предметов охотничьего вооружения, а именно, древков копий и дротиков.

Если в первых двух случаях его можно заменить, т.е. использовать в качестве топлива ветки кустарников, торф, кости и жир животных, а в качестве строительного материала для каркасов жилищ применять крупные побеги кустарниковых растений, которые легко могут достигать 3–4 м длины в благоприятных для роста местообитаниях (например, побеги ивы в долинах рек), то для изготовления древка копья необходим материал гораздо более высокого качества. Как и в случае с овладением швейными технологиями, которые выглядят каждодневным обычным трудом, обладающим малой заметностью в культуре, несопоставимой с подлинным значением и ролью этой технологии в адаптации к суровой внешней среде, использование дерева в любой ситуации выглядит настолько же простым и естественным делом (Oswalt, 1976). Оценить степень важности этого ресурса в полной мере можно только в случае его полного отсутствия. Именно такая ситуация возникла уже в момент начального проникновения людей в открытые пространства пояса тундростепей евразийской Субарктики и Арктики.

Для преодоления недостатка дерева был найден оригинальный выход, который состоял в выработке особой технологии продольного расщепления бивней мамонтов, с помощью которой можно было получить прочные острия до 2 м длиной, достигающие размера полноценного копья. Следы этой технологии документированы для Яно-Индибирской низменности в материалах Янской стоянки (Питулько и др., 2015а, Pitulko et al. 2015а) и на Берелёхе (Верещагин 1977); для островов Новосибирского архипелага – местонахождением Новая Сибирь/East (Pitulko et al., 2015а); для Колымской низменности – местонахождением Зырянка-1 (Питулько и др., 2015а). Известна подобная технология и на юге Сибири (Pitulko et al., 2015а). С её помощью можно было получать серийные длинные массивные острия, необходимые для охоты на крупных плейстоценовых травоядных, включая самих мамонтов.

На основании результатов полногеномного исследования образцов адНК, выделенной из молочных зубов человека, найденных на Янской стоянке, впервые получена генетическая характеристика населения Восточно-Сибирской Арктики глубокого возраста, ок. 32,000 л.н. (Sikora et al., 2019). Установлено, что жители Янской стоянки принадлежали к небольшой по численности людской популяции (примерно 500 человек), отделившейся от западноевразийской генетической линии анатомически современного человека вскоре после разделения недифференцированного исходного генотипа на две основные линии (западноевразийскую и азиатскую). Указанная группа, названная «древнее северо-сибирское население» (Ancient North Siberians), видимо, представляла собой малочисленных первопоселенцев (Питулько, Павлова, 2023), достаточно долго оставалась на территории арктической Восточной Сибири, и исчезла в результате мощных миграционных импульсов, связанных с расселением носителей азиатских геномов.

Данные, полученные в ходе исследований Янского комплекса стоянок, рассмотренные совместно с иными материалами археологической летописи каменного века Восточно-Сибирской Арктики, открытыми за последнее тридцатилетие, позволяют выделить в ней три этапа расселения человека в пределах

территории, от ранней фазы МИС 3 до раннего голоцена (*Питулько, Павлова, 2023*). В различной степени охарактеризованы материалами три хронологические группировки: (1) ранняя (~50,000 – ~29,000 л.н., МИС 3); (2) средняя (~29,000 – ~11,700 л.н., МИС 2) и (3) поздняя (ранний голоцен, от 11,700 до ~8000 л.н.). Янский комплекс стоянок занимает промежуточную позицию на рубеже ранней и средней группировок памятников. Это самый северный памятник палеолита мира, яркие материалы которого позволяют судить о людях этой важной эпохи и об их культуре.

Приведённые выше выборочно краткие сведения об итогах исследований Янского комплекса стоянок дают представление об информационной значимости подобных памятников. Как показали результаты поисков, предпринятых на Яно-Индигирской низменности и Новосибирских островах (*Питулько, 2011; Питулько, 2019а; Питулько, Павлова, 2023; Nikolskiy et al., 2010; Pitulko et al., 2016; Pitulko et al., 2017*), потенциал этих территорий огромен, и каждый из объектов, который на них может быть однажды найден, сохраняет в себе колоссальный информационный ресурс, намного превосходящий информационную ценность сопоставимых по возрасту и даже более молодых в геологическом смысле объектов. Это и есть сокровища царства подземных льдов, которые хранит мерзлота.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мёрзлые отложения имеют твёрдость бетона, однако только до тех пор, пока они мёрзлые, и пока до них не добралась вода – главный враг мерзлоты. Колебания атмосферной температуры в области среднегодовой $T_{\text{возд}}$ до (-)14°C не способны внести существенный вклад в разрушение многолетнемёрзлых пород, тогда как вода является главным фактором их деградации, поскольку служит агентом переноса и аккумуляции тепла. Текущая вода является фактором эрозии таких отложений, протекающей тем эффективнее, чем быстрее и мощнее поток, и чем больше протяжённость контакта. Наиболее разрушительны термоабразивные процессы на морских побережьях. В речных долинах боковая эрозия берегов протекает по сходному сценарию, в особенности на подбойных берегах (*Kanevskiy et al., 2016*). В этом наглядно убеждает опыт работ в районе Янского комплекса стоянок (Илл. 10: Б, В), где неоднократно наблюдались гранидиозные разрушения берегов за счёт воздействия на мёрзлые отложения боковой эрозии (*Pitulko, 2019; Pitulko, Pavlova, 2022a*). Кроме того, вскрытые мёрзлые отложения подвержены быстрому разрушению за счёт совокупного действия солнечной радиации и воды, образующейся в результате оттайки. Темп таких разрушений может быть очень быстрым, иногда – стремительным.

Существуют техногенные риски, влияющие на целостность мёрзлых отложений. Это, прежде всего, хозяйственная деятельность, осуществляемая в криолитозоне. Это не только строительство дорог, мостов, трубопроводов и иных объектов, в результате чего возникают масштабные нарушения растительного

покрова и деятельного горизонта, изолирующих мерзлоту от атмосферного тепла и влаги. Простое сведение леса приводит к резкому увеличению объема атмосферных осадков, попадающих на поверхность и доставляющих избыточное тепло относительно существовавшей для данного экотопа нормы. В результате изменяется температурный баланс и местная гидрология, вследствие чего наступают разрушительные последствия. В этом отношении показателем пример так называемого Батагайского «мерзлотного кратера» в верхнем течении р. Яна (*Ashastina et al.*, 2017), где подобные действия имели катастрофические последствия. В результате подобных сценариев возможно растепление мёрзлых грунтов на значительных площадях, с соответствующими последствиями для природы территории в целом и для мёрзлых археологических контекстов в частности.

По указанным причинам, существование многих таких объектов может оказаться эфемерным вследствие подверженности вмещающих многолетне-мёрзлых отложений разрушительным эрозионным и термоденудационным процессам. При определённых условиях разрушение подобных отложений происходит очень быстро, и, очевидно, многие такие объекты оказываются утрачены прежде, чем они были просто замечены. В связи с этим необходим неуклонный мониторинг районов распространения многолетней мерзлоты, что требует институализации таких усилий и финансирования на уровне государственной программы.

Более 60% территории нашей страны приходится на область распространения вечной мерзлоты. Учитывая государственные планы социально-экономического развития, изучение этих территорий становится неизбежным, при этом, проведение археологического мониторинга следует вести с опережающим темпом, в противном случае никогда не будет достигнут искомый результат, ибо только своевременное информирование способно обеспечить возможность провести полноценное исследование обнаруженных объектов. Раскопки в условиях криолитозоны – медленная, кропотливая, дорогостоящая работа, гораздо более медленная, чем раскопки в иных условиях. По этой причине она нуждается в планировании, системной организации и адекватной государственной финансовой поддержке. Данный практический вывод вытекает из опыта тридцатилетних работ в Восточно-Сибирской Арктике.

Однако, наряду с вышеуказанными, существует специфическая форма техногенных рисков, связанных конкретно с памятниками археологии арктической Восточной Сибири (*Питулько, Павлова*, 2017; *Hollesen et al.*, 2018). В числе выявленных археологических местонахождений имеется большое количество объектов, содержащих костные остатки мамонтов (*Питулько*, 2019; *Питулько, Павлова*, 2017; *Pitulko et al.*, 2016). Практически в каждом из них встречаются кости, бивни, или изделия из них, однако наиболее ярко выглядят массовые концентрации костных остатков этих зверей, так называемые «кладбища», которые считались природным объектом. Этот крайне неудачный термин, предложенный в своё время Н.К. Верещагиным (*Верещагин*, 1977), оказался впоследствии вредоносным, поскольку создаёт иллюзию возможности свободного

пользования такими скоплениями, как источником благосостояния, на основании их естественного происхождения (Илл. 19). Н.К. Верещагин говорил о Берелёхском «кладбище» мамонтов, однако подобные объекты не уникальны и встречаются довольно часто (*Pitulko et al.*, 2016). Если в советское время они были никому, кроме учёных, не интересны, то в последние 30 лет техногенное воздействие на них, осуществляемое с коммерческой целью, сильно возросло, в связи с чем возникает серьёзное опасение за их судьбу (*Питулько, Павлова*, 2017). Весьма вероятный итог подобных действий – полная потеря важнейшей информации, которую хранят многолетнемёрзлые отложения Восточно-Сибирской Арктики, вместе с остатками фауны плейстоцена и артефактами.

Так, например, на Аляске отсутствуют древние археологические объекты, в том числе и в тех районах, где их присутствие возможно. Безусловно, на этой территории в прошлом действовали разнообразные фундаментальные природные факторы, влияющие на сохранность материала. Однако главная причина отсутствия таких объектов в этом регионе состоит в том, что он является областью колоссального по объёму прошлого экологического ущерба, имевшего место в эпоху «золотой лихорадки», когда отложения, вмещавшие соответствующие материалы, оказались уничтожены усилиями сотен тысяч рудокопов и золотоискателей (*Russel, McAbby*, 2003). Об этих событиях в нашей стране судят обычно по приключенческой романтике рассказов Джека Лондона и современному познавательному телесериалу на Discovery Channel. Действительность «золотой лихорадки» была абсолютно неприглядной – лес по обеим сторонам р. Юкон был сведён на 10 миль вглубь, а берега долины – изрыты и перемыты в поисках золота, одновременно с этим были утрачены любые потенциально существовавшие там археологические объекты.

Костные остатки плейстоценовой фауны до сих пор часто находят при периодической повторной переработке старых отвалов и «хвостов», куда они попали в тот момент, когда вмещавшие их отложения были уничтожены золотодобычей. Так, Отто Гейст собрал на таких отвалах и отправил в Музей Естественной Истории, Нью-Йорк, США, десятки тысяч костей плейстоценовой фауны, например, в одном только 1938 г. – более 8000 ед., он находил также мягкие ткани и фрагменты туш животных (*Péwé*, 1975), наверное, среди найденного могли оказаться и артефакты. Будучи вырванными из геологического контекста, данные материалы утратили более половины своей информационной ценности.

Показано (*Basilyan et al.*, 2011; *Nikolskiy et al.*, 2010; *Pitulko et al.*, 2014; *Pitulko et al.*, 2016), что мнение о природном происхождении массовых концентраций костных остатков мамонтов в большинстве случаев является заблуждением. Подобные образования возникли вследствие прошлой человеческой деятельности и представляют собой особый культурный слой, образовавшийся в специфических условиях. Следовательно, они рукотворны, и являются археологическим объектом, подлежащим охране наравне с прочими памятниками археологии. К сожалению, в правоустанавливающем документе данный вид объектов отсутствует, в связи с чем, видимо, следует задуматься о необходимости совершенствования законодательной базы в интересах сохранения

археологического наследия и палеонтологических материалов. Необходима разработка нормативных актов, регулирующих оборот палеонтологических остатков и обеспечивающих охрану объектов археологического наследия (массовых концентраций костных остатков мамонта и иной фауны плейстоцена) наравне с прочими объектами археологического наследия народов Российской Федерации, как части мирового культурного наследия.

Работы в Арктике, безусловно, должны продолжаться. Археологические объекты, находящиеся в это регионе, открытые и неизвестные, представляют собой уникальный источник информации о прошлых этапах освоения человеком этих удаленных территорий, о самом человеке, его материальной и духовной культуре, животных, современных ему, природной среде и климате. Сокровища царства холода разносторонни. «Вечная» мерзлота – их идеальный, но хрупкий хранитель, а скрытые в ней архивы могут быть утрачены в результате природных процессов, которым человек не в силах противостоять. Не вполне ясно, как велика сохранившаяся донныне часть уникальных информационных богатств, однако очевидно, что спасти то, что спасти возможно – наша задача.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследования, результаты которых составляют основу данной работы, были начаты в рамках сотрудничества ЛО ИА АН СССР (ИИМК РАН) и Арктического и антарктического НИИ, Санкт-Петербург, а в дальнейшем осуществлялись при поддержке Rock Foundation, Нью-Йорк, США. Основные результаты работ получены на протяжении двух последних десятилетий в рамках проектов Программы фундаментальных исследований Президиума РАН N 21, проект 1.25 (2006–2008 гг.), Программы ПФИ РАН N 33, проект 1.11 (2009–2011 гг.), и Программы ПФИ РАН N 25, проект 1.7 (2012–2014 гг.); Российского Фонда фундаментальных исследований (проект РФФИ ОФИ-м N 11-06-12018, в 2011–2012 гг.; проект РФФИ ОФИ-м 13-06-12044, в 2013–2015 гг.) и Российского Научного фонда – проекты 16-18-10265 (2016–2018), 16-18-10265П (2019–2020), 21-18-00457 (2021–2023) и 24-68-00031 (с 2024 г. по н.в.). Автор выражает глубочайшую благодарность всем, кто так или иначе причастен к достигнутым результатам. Особая благодарность П.И. Иванову, Е.Ю. Павловой и И.А. Спиридонову за помощь в подготовке иллюстративного материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас Арктики.* М.: ГУГК, 1985
- Аникович М.В.* К определению понятия археологическая эпоха // Советская археология. 1992. № 1. С. 85–94.
- Верещагин Н.К.* Берелёхское «кладбище» мамонтов // Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 5–50.

Верецагин Н.К., Мочанов Ю.А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита // Советская археология. 1972. №3. С. 332-336.

Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное, в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г., экспедицией, состоявшей под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля. Санкт-Петербург: в типографии А. Бородина и К, 1841. – 501 с.

Геденштром М. Путешествие Геденштрома вдоль побережья Ледовитого океана // Сибирский вестник. 1822. Ч. 17–19. С. 171–378.

Григорьев Н.Ф. Находки мамонта. Обзор поступивших в редакцию материалов // Природа. 1957. №5. С.104–106.

Гусев А.В., Ражев Д.И., Слепченко С.М., Зайцева О.В., Пушкарёв А.А., Водясов Е.В., Вавулин М.В. Археологический комплекс Зелёный Яр: новые технологии полевых исследований // Уральский исторический вестник. 2014. № 2(43). С. 89-96.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3. С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Павленок Г.Д., Белоусова Н.Е. Костяная игла из отложений раннего верхнего палеолита Главного зала Денисовой Пещеры // Проблемы археологии, этнография и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 72–75.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 662 с.

Кищинский А.А. Белый медведь // Крупные хищники. Москва: «Лесная Промышленность», 1976. С. 154–197.

Ложкин В.А. Условия обитания берелехской популяции мамонтов // Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 67–68.

Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1894. – 599 с.

Никольский П.А., Сотникова М.В., Никольский А.А., Питулько В.В. Взаимоотношения волка и человека в Восточной Сибири 30 000 лет назад по материалам Янской палеолитической стоянки: ранняя стадия одомашнивания // Stratum plus. 2018. №1. С. 231–262.

Питулько В.В. Жоховская стоянка. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 1998. – 189 с.

Питулько В.В. Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемёрзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. № 2(34). С. 26–33.

Питулько В.В. О работах экспедиции «Высокоширотная Арктика: природа и человек» (проект «Жохов-2000») на Новосибирских о-вах в 2000 – 2005 гг. // Полярный альманах. Москва: Paulsen, 2011. С. 77–91.

Питулько В.В. Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // Методика полевых археологических исследований. Вып. 7. Исследования памятников эпохи палеолита. М.: ИА РАН, 2012. С. 45–77.

Питулько В.В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2019а. С. 103–136.

Питулько В.В. Участок Яна В Янской стоянки: некоторые наблюдения, сделанные в ходе раскопок 2015-2018 годов // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2019б. № 1. С. 64–91.

Питулько В.В. Земля Санникова каменного века: человеческое измерение // Camera praehistorica. 2023. № 1(10). С. 30–83.

Питулько В.В., Никольский П.А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Хлопачев Г.А., Васильев С.А. (ред.). Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, ИИМК РАН, 2014. С. 408–418.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 264 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. Вып. 2. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. С. 140–161.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Проблемы изучения и сохранения древностей Восточно-Сибирской Арктики // Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации. Полярные чтения – 2016. Санкт-Петербург. 28-29 апреля 2016 г. Москва: Paulsen, 2017. С. 173–192.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Природно-климатические условия, расселение и адаптации человека в Восточно-Сибирской Арктике в позднем плейстоцене и раннем голоцене // Stratum plus. 2023. № 1. С. 193–228.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, арктическая Сибирь // Stratum plus. 2019а. № 1. С. 157–224.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Иванова В.В., Гиря Е.Ю. Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000-2005 гг.) // Stratum plus. 2012а. № 1. С. 211–256.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Иванова В.В. Искусство верхнего палеолита Арктической Сибири: личные украшения из раскопок Янской стоянки // Уральский исторический вестник. 2014. № 2(42). С. 6–18.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите арктической Сибири (по материалам Янской стоянки на севере Яно-Индигирской низменности) // Stratum plus. 2015а. №1. С. 223–284.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитиче-

ского населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. 2012б. №2. С. 33–102.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Кузьмина С.А., Никольский П.А., Басилян А.Э., Тумской В.Е., Анисимов М.А. Природно-климатические изменения на Яно-Индибирской низменности в конце каргинского времени и условия обитания людей верхнего палеолита на Севере Восточной Сибири // ДАН. 2007. Т. 417(1). С.103–108.

Питулько В.В., Хартанович В.И., Тимошин В.Б., Часнык В.Г., Павлова Е.Ю., Каспаров А.К. Древнейшие антропологические находки высокоширотной Арктики (Жоховская стоянка, Новосибирские о-ва) // Уральский исторический вестник. 2015б. № 2(47). С. 62–73.

Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Романовский Н.Н. Основы криогенеза литосферы. М.: Изд-во МГУ, 1993. – 335 с.

Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под началом капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. В 2-х ч. Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография Шнора, 1802. – 187 с.

Сумгин М.И. Вечная мерзлота в пределах СССР. Владивосток: Дальневосточная Геофизическая обсерватория, 1927. – 372 с.

Хлобыстин Л.П. 200 лет арктической археологии // КСИА. 1991. Вып. 200. С. 3–8.

Шалагина А., Бауманн М., Колобова К., Кривошапкин А. Костяные иглы из верхнепалеолитических комплексов Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 21(1). С. 89–98.

Andreev A.A., Schirrmeister L., Tarasov P.E., Ganopolski A., Brovkin V., Siebert C., Wetterich S., Hubberten H.-W. Vegetation and climate history in the Laptev Sea region (Arctic Siberia) during Late Quaternary inferred from pollen records // Quaternary Science Reviews. 2011. Vol. 30. P. 2182–2199.

Palaeoclimate characteristics in interior Siberia of MIS 6–2: first insights from the Batagay permafrost mega-thaw slump in the Yana Highlands // Climate of the Past. 2017. Vol. 13. P. 795–818, doi: 10.5194/cp-13-795-2017

Basilyan et al., 2011 – Basilyan A.E., Anisimov M.A., Nikolskiy P.A., Pitulko V.V. 2011. Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // Journal of Archaeological Science, 2011. Vol. 38(9). P. 2461–2474. doi:10.1016/j.jas.2011.05.017

Biagni et al., 2012 – Biagini P., Thèves C., Balaesque P., Géraud A., Cannet C., Keyser C., Nikolaeva D., Gérard P., Duchesne S., Orlando L., Willerslev E., Alekseev A., de Micco P., Ludes B., Crubézy E. Variola Virus in a 300-Year-Old Siberian Mummy // New England Journal of Medicine. 2012. Vol. 367(21). P. 2057–2059.

Binney, H.A., Willis, K.J., Edwards, M.E., Bhagwat, S.A., Anderson, P.M., Andreev, A.A., Blaauw, M., Damblon, F., Haesaerts, P., Kienast, F., Kremenetski, K.V.,

Krivanogov, S.K., Lozhkin, A.V., MacDonald, G.M., Novenko, P.O., Sapelko, T., Väli-ranta, M., Vazhenina, L. The distribution of late-Quaternary woody taxa in northern Eurasia: evidence from a new macrofossil database // *Quaternary Science Reviews*. 2009. Vol. 28. P. 2445–2464.

Binney H., Edwards M., Macias-Fauria M., Lozhkin A., Anderson P., Kaplan J. O., Andreev A., Bezrukova E., Blyakharchuk T., Jankovska V., Khazina I., Krivono-gov S., Kremenetski K., Nield J., Novenko E., Ryabogina N., Solovieva N., Willis K., Zernitskaya V. Vegetation of Eurasia from the last glacial maximum to present: Key biogeographic patterns // *Quaternary Science Reviews*. 2017. Vol. 157. P. 80–97.

Brigham-Grette J., Lozhkin A.V., Anderson P.M., Glushkova O.Y. Paleoenviron-mental conditions in western Beringia before and during the last glacial maximum // *Entering America Northeast Asia and Beringia Before the Last Glacial Maximum*. Salt Lake City: The University of Utah Press. 2004. P. 29–62.

d'Errico F., Doyon L., Zhang S., Baumann M., Lázníčková-Galetová M., Gao X., Chen F., Zhang Y. 2018. The origin and evolution of sewing technologies in Eur-asia and North America // *Journal of Human Evolution*. 2018. Vol. 125. P. 71–86. doi:10.1016/j.jhevol.2018.10.00.

Hebsgaard M. B., Gilbert M. T. P., Arneborg J., Heyn P., Allentoft M. E., Bunce M., Munch K., Schweger C., Willerslev E. ‘The farm beneath the sand’—an archaeo-logical case study on ancient ‘dirt’ DNA // *Antiquity*. 2009. Vol. 83. P. 430–44.

Hoffecker J.F. A Prehistory of the North: Human Settlement of the Higher Lati-tudes. – New Brunswick: Rutgers University Press, 2005. – 225 p.

Hoffecker J.F., Hoffecker I.T. Technological complexity and the global dispersal of modern humans // *Evolutionary Anthropology*. 2017. Vol. 26(6). P. 285–299.

Hoffecker J.F., Hoffecker I.T. The Structural and Functional Complexity of Hunt-er-Gatherer Technology // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2018. Vol. 25. P. 202–225.

Hoffecker J.F., Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Beringia and the Settlement of the West-ern Hemisphere // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2022. Vol. 67(3). P. 882–909.

Climate change and the loss of organic archaeological deposits in the Arctic // *Scientific Reports*. 2016. Vol. 6. Article 28690. <https://doi.org/10.1038/srep28690>

Hollesen J., Callanan M., Dawson T., Fenger-Nielsen R., Friesen T. M., Jensen A. M., Markham A., Martens V. V., Pitulko V. V., Rockman M. Climate change and the deterioration of the Arctic’s archaeological and environmental archives // *Antiquity*. 2018. Vol. 92 (363). P. 574–587. doi: 10.15184/aqy.2018.8

Hubberten H.-W., Andreev A., Astakhov V., Demidov I., Dowdeswell J., Hen-riksen M., Hjort C., Houmark-Nielsen M., Jakobsson M., Kuzmina S., Larsen E., Lunkka J.P., Lyså A., Mangerud J., Möller P., Saarnisto M., Schirrmeister L., Sher A., Siegert C., Siegert M., Svendsen J.I. The periglacial climate and environment in northern Eurasia during the Last Glaciation // *Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1333–1357.

Kanevskiy M., Shur Y., Strauss J., Jorgenson T., Fortier D., Stephani E., Vasiliev A. Patterns and rates of riverbank erosion involving ice-rich permafrost (yedoma)

in northern Alaska // *Geomorphology*. 2016. Vol. 253. P. 370–384, doi: 10.1016/j.geomorph.2015.10.023

Leathlobhair M. N., Perri A. R., Irving-Pease E. K., Witt K. E., Linderholm A., Haile J., Lebrasseur O., Ameen C., Blick J., Boyko A. R., Brace S., Cortes Y. N., Crockford S. J., Devault A., Dimopoulos E.A., Eldridge M., Enk J., Gori K., Gopalakrishnan S., Grimes V., Guiry E., Hansen A.J., Hulme-Beaman A., Johnson J., Kitchen A., Kasparov A. K., Kwon Y.-M., Nikolskiy P. A., Lope P.C., Manin A., Martin T., Meyer M., Myers K. N., Omura M., Rouillard J.-M., Pavlova E. Y., Sciulli P., Sinding M.-H.S., Strakova A., Ivanova V. V., Widga C., Willerslev E., Pitulko V. V., Barnes I., Gilbert M. T. P., Dobney K. M., Malhi R. S., Murchison E. P., Larson G., Frantz L. A. F. The Evolutionary History of Dogs in the Americas // *Science*. 2018. Vol. 361. P. 81–85. doi: 10.1126/science.aao4776

Lee E.J., Merriwether D.A., Kasparov A.K., Nikolskiy P.A., Sotnikova M.V., Pavlova E.Y., Pitulko V.V. Ancient DNA Analysis of the Oldest Canid Species from the Siberian Arctic and Genetic Contribution to the Domestic Dog // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10. P. e0125759.

Lee E. J., Merriwether D. A., Kasparov A. K., Khartanovich V. I., Nikolskiy P. A., Shidlovskiy F. K., Gromov A. V., Chikisheva T. A., Chasnyk V. G., Timoshin V. B., Pavlova E. Y., Pitulko V. V. 2018. A genetic perspective of prehistoric hunter-gatherers in the Siberian Arctic: ancient DNA analysis of human remains from 8,000 years ago // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2018. Vol. 17. P. 943–949, doi: 10.1016/j.jasrep.2016.06.001

Matthiesen H., Jensen J. B., Gregory D., Hollesen J., Elberling B. Degradation of archaeological wood under freezing and thawing conditions - effects of permafrost and climate change // *Archaeometry*. 2014. Vol. 56. P. 479–495.

Mellars P. The Impossible Coincidence. A Single-Species Model for the Origins of Modern Human Behavior in Europe // *Evolutionary Anthropology*. 2005. Vol. 14. P. 12–27.

Molodin V.I., Polosmak N.V. Grave sites of the Pazyryk culture on the Ukok Plateau // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2000. Vol. 4(4). P. 66–87

Morley M.W., Goldberg P., Uliyanov V.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Jacobs Z., Roberts R.G. Hominin and animal activities in the microstratigraphic record from Denisova Cave (Altai Mountains, Russia) // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9. Article 13785. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-49930-3>

Nikolskiy P.A., Pitulko V.V. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40. P. 4189–4197.

Nikolskiy P.A., Basilyan A.E., Sulerzhitsky L.D., Pitulko V.V. Prelude to the Extinction: Revision of the Achchagyi-Allaikh and Berelyokh mass accumulations of mammoth // *Quaternary International*. 2010. Vol. 219. P. 16–25.

Oswalt W.H. Habitat and technology: the evolution of hunting. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1973. – 191 p.

Pavlova E.Y., Pitulko V.V. Late Pleistocene and Early Holocene climate changes and human habitation in the arctic Western Beringia based on revision of palaeobotanical data. *Quaternary International*. 2020. Vol. 549. P. 5–25.

Péwé T.L. Quaternary Geology of Alaska // Geological Survey Professional Paper. 1975. No. 835. P. 91–92.

Pitulko V.V. An Early Holocene Site in the Siberian High Arctic // Arctic Anthropology. 1993. Vol. 30. P. 13–21.

Pitulko V.V. Terminal Pleistocene/Early Holocene Occupation in North East Asia and the Zhokhov Assemblage // Quaternary Science Reviews. 2001. Vol. 20. P. 267–275.

Pitulko V.V. Permafrost Digging // Smith C. Encyclopedia of Global Archaeology. 2nd edition. Cham: Springer, 2019. P. 1–29. https://doi.org/10.1007/978-3-319-51726-1_1513-2.

Pitulko V.V. Cultural layer in the Stone Age sites of Northeastern Siberia // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2021. Vol. 66(3). P. 867–889.

Pitulko V.V., Kasparov A.K. Ancient Arctic Hunters: Material Culture and Survival Strategy // Arctic Anthropology. 1996. Vol. 33(1). P. 1–36.

Pitulko V.V., Kasparov A.K. Archaeological dogs from the Early Holocene Zhokhov site in the Eastern Siberian Arctic // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 13. P. 491–515.

Pitulko V.V., Makeyev V.M. Ancient Arctic Hunters // Nature. 1991. Vol. 349. P. 374.

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A. Extinction of woolly mammoth in Northeastern Asia and the archaeological record // World Archaeology. 2012. Vol. 44(1). P. 21–42.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Geoarchaeology and Radiocarbon Chronology of Stone Age Northeast Asia. – College Station: Texas A&M University Press, 2016. – 334 p.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Colonization of the Eurasian Arctic // Encyclopedia of the World's Biomes. 1st Edition. Elsevier, 2020. P. 374–391, doi: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-409548-9.12395-4>

Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Structural Properties of Syngenetic Ice-Rich Permafrost, as Revealed by Archaeological Investigation of the Yana Site Complex (Arctic East Siberia, Russia): Implications for Quaternary Science // Frontiers in Earth Science. 2022a. Vol. 9. Article 744775.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Geoarchaeology, Age and Chronology of the Zhokhov Site // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2022b. Vol. 67. P. 1253–1295.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Ivanova V.V., Nikolskiy P.A. The Oldest Art of Eurasian Arctic // Antiquity. 2012. Vol. 86(333). P. 642–659.

Pitulko V.V., Basilyan A.E., Pavlova E.Y. The Berelekh Mammoth Graveyard: New Chronological and Stratigraphical Data from the 2009 field season // Geoarchaeology. 2014. Vol. 29. P. 277–299.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A. Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study based on the materials from Yana RHS site // World Archaeology. 2015a. Vol. 47. P. 333–389.

Pitulko V.V., Ivanova V.V., Kasparov A.K., Pavlova E.Y. Reconstructing Prey Selection, Hunting Strategy and Seasonality of the Early Holocene frozen site in the Siberian High Arctic: a Case Study on the Zhokhov Site faunal remains, De Long Islands // Environmental Archaeology. 2015b. Vol. 20. P. 120–157.

Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS 3 and 2 // *Quaternary Science Reviews*. 2017. Vol. 165. P. 127–148.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Basilyan A.E. Mass accumulations of mammoth (mammoth ‘graveyards’) with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 406. P. 202–217.

Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Chapter 2. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM // *Paleoamerican Odyssey*. College Station: Texas A&M University, 2013. P.13–44.

Pitulko V.V., Kuzmin Y.V., Glascock M.D., Pavlova E.Y., Grebennikov A.V. «They came from the ends of the earth»: long-distance exchange of obsidian in the High Arctic during the Early Holocene // *Antiquity*. 2019. Vol. 93(367). P. 28–44.

Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Giryа E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum // *Science*. 2004. Vol. 303(5654). P. 52–56.

Rasmussen S.O., Bigler M., Blockley S.P., Blunier T., Buchardt S. L., Clausen H. B., Cvijanovic I., Dahl-Jensen D., Johnsen S.J., Fischer H., Gkinis V., Guillevic M., Hoek W.Z., Lowe J.J., Pedro J.B., Popp T., Seierstad I.K., Steffensen J.P., Svensson A.M., Vallelonga P., Vinther B.M., Walker M.J.C., Wheatley J.J., Winstrup M. A stratigraphic framework for abrupt climatic changes during the Last Glacial period based on three synchronized Greenland ice-core records: refining and extending the INTIMATE event stratigraphy // *Quaternary Science Reviews*. 2014. Vol. 106. P. 14–28.

Rivkina E., Petrovskaya L., Vishnivetskaya T., Krivushin K., Shmakova L., Tutukina M., Meyers A., Kondrashov F. Metagenomic analyses of the late Pleistocene permafrost – additional tools for reconstruction of environmental conditions // *Bio-geosciences*. 2016. Vol. 13. – P. 2207–2219.

Russel H.H., McAbby J.C. Klondike Gold Rush. Rochester, WA: Gorham Publishers, 2003. – 538 p.

Schirrmeister L., Kunitsky V., Grosse G., Wetterich S., Meyer H., Schwamborn G., Babiy O., Derevyagin A., Siegert C. Sedimentary characteristics and origin of the Late Pleistocene Ice Complex on north-east Siberian Arctic coastal lowlands and islands – a review // *Quaternary International*. 2011. Vol. 241, 3–25.

Schirrmeister L., Froese D., Tumskoy V., Grosse G., Wetterich S. Yedoma: Late Pleistocene ice-rich syngenetic permafrost of Beringia / Elias S.A. (Ed.). *The Encyclopedia of Quaternary Science*, second ed., vol. 3. Elsevier: Amsterdam, 2013, pp. 542–552.

Shur Y., Fortier D., Jorgenson M.T., Kanevskiy M., Schirrmeister L., Strauss J., Vasiliev A., Jones M.W. Yedoma Permafrost Genesis: Over 150 Years of Mystery and Controversy // *Frontiers in Earth Science*. 2022. Vol. 9. Article 757891; doi: 10.3389/feart.2021.757891

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A.,

Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Y., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B. A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M. M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. 2019. Vol. 570. P. 182–188, doi: 10.1038/s41586-019-1279-z

Sinding M.-H. S., Gopalakrishnan S., Ramos-Madrigal J., de Manuel Monter M., Pitulko V.V., Kudema L., Feuerborn T., Frantz L.A.F., Vieira F.G., Niemann J., Casttruita J.A.S., Caroe C., Andersen-Ranberg E.U., Skoglund P., Jordan P.D., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Kasparov A.K., Ivanova V.V., Willerslev E., Fredholm M., Wennerberg S.B., Heide-Jorgensen M.P., Dietz R., Sonne C., Meldgaard M., Dalen L., Larson G., Petersen B., Sicheritz-Ponten T., Bachmann L., Wiig O., Marques-Bonet T., Hansen A.J., Gilbert M.T.P. Arctic-adapted dogs emerged at Pleistocene-Holocene transition // *Science*. 2020. Vol. 368(6498). P. 1495–1499.

Opisthorchiasis in infant remains from the medieval Zeleniy Yar burial ground of XII–XIII centuries AD // *Memorial Institute of Oswaldo Cruz, Rio de Janeiro*. 2015. Vol. 110(8). P. 974–980.

Vereshchagin N.K., Tikhonov A.N. Exterior of the Mammoth // *Cranium*. 1999. Vol. 1. P. 4–45.

Wetterich S., Tumskey V., Rudaya N., Andreev A. A., Opel T., Meyer H., Schirrmeister L., Hüls M. Ice Complex formation in arctic East Siberia during the MIS 3 Interstadial // *Quaternary Science Reviews*. 2014. Vol. 84. P. 39–55. doi: 10.1016/j.quascirev.2013.11.009

Wetterich S., Tumskey V., Rudaya N., Kuznetsov V., Maksimov F., Opel T., Meyer H., Andreev A., Schirrmeister L. Ice Complex permafrost of MIS5 age in the Dmitry Laptev Strait coastal region (East Siberian Arctic) // *Quaternary Science Reviews*. 2016. Vol.132. P. 1–14, doi: 10.1016/j.quascirev.2015.11.016

Zimmermann H. H., Raschke E., Epp L. S., Stoof-Leichsenring K. R., Schirrmeister L., Schwamborn G., Herzschuh U. The History of Tree and Shrub Taxa on Bol'shoy Lyakhovsky Island (New Siberian Archipelago) since the Last Interglacial Uncovered by Sedimentary Ancient DNA and Pollen Data // *Genes*. 2017. Vol. 8, 273; doi:10.3390/genes8100273

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Криогенные ландшафты Восточно-Сибирской Арктики: (А) – площадное распространение озёрного термокарста по ледовому комплексу на северо-западе Яно-Индигирской низменности; (Б) – обширные участки мелкобугристого байджарахового мезорельефа, образованного протаиванием с поверхности головных частей жил полигональной сети повторно-жильных льдов на водораздельных поверхностях (долина р. Балыктах, о. Котельный, Новосибирские о-ва, Восточно-Сибирская Арктика); В – озерно-аллювиальная равнина на отложениях ледового комплекса, левый берег р. Яна в окрестности Янского комплекса стоянок; Г – обрыв отложений ледового комплекса, там же.

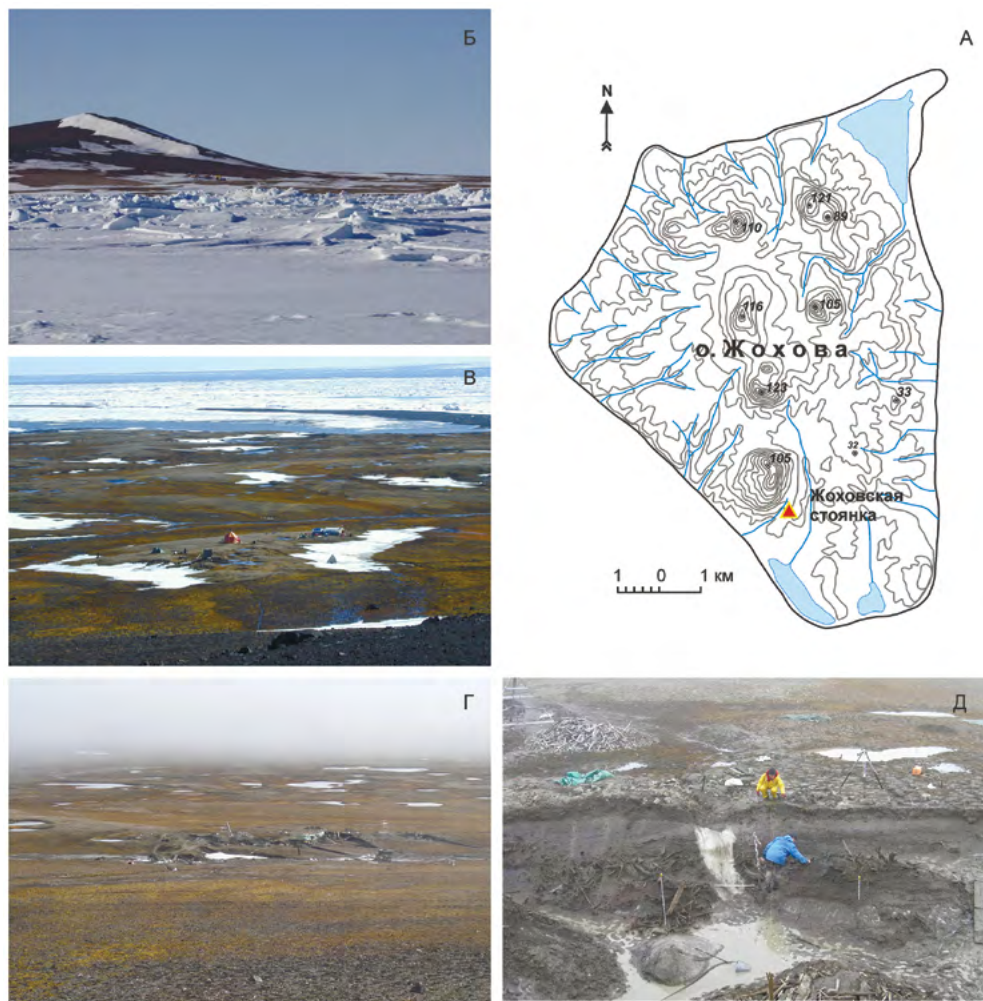
Фото: Е.Ю. Павлова.

Илл. 2. Новосибирские острова и Яно-Инди́гирская низменность, Восточно-Сибирская Арктика. Показаны памятники археологии, упоминаемые в тексте: 1 – Жоховская стоянка; 2 – Янский комплекс палеолитических стоянок; 3 – поселение на мысе Большой Баранов, обнаруженное Г.А. Сарычевым в 1787 г.; 4 – возможная область первых археологических находок Геденштрома на о. Новая Сибирь; 5 – Берелёхский геоархеологический комплекс («кладбище мамонтов» и «стоянка Берелёх»), по В.В. Питулько (Питулько, 2019а; Pitulko, Makeyev, 1991; Pitulko et al., 2013), Л.П. Хлобыстину (Хлобыстин, 1991); Н.К. Верещагину (Верещагин, 1977; Верещагин, Мочанов, 1972).

Илл. 3. Современная изученность Новосибирских островов и севера Яно-Инди́гирской низменности. Жёлтым показаны новооткрытые памятники, красным – Берелёхский геoaрхеологический комплекс, на котором были проведены повторные работы, приведено по В.В. Питулько и Е.Ю. Павловой (Питулько, Павлова, 2023).

Илл. 4. Остров Жохова и одноименная археологическая стоянка: А – вид на юго-западное побережье острова в направлении лагеря экспедиции и стоянки; Б – карта острова Жохова; В – вид с холма Лагерного на стоянку и участок равнины в направлении мыса Таймыр; Г – северная стенка раскопа площади 2 Жоховской стоянки, видна верхняя часть позднеплейстоценовой жилы повторно-жильного льда в днище раскопа и молодая ПЖЛ голоценового возраста, внедрённая в культуросодержащую толщу.

Фото: Е.Ю. Павлова.

Илл. 5. Раскопки Жоховской стоянки: А – расчистка верхней части культуросодержащих отложений, содержащих большое количество отходов обработки дерева, деревянные изделия и их фрагменты по линии 130; Б – берестяной контейнер с завязкой из жилки; В – фрагмент (остриё) крупного двустороннего вкладышевого орудия с вкладышами в пазах.

Фото: Е.Ю. Павлова.

Илл. 6. Жоховская стоянка, раскопки В. В. Питулько (2002): А – найденный in situ в кв. АА-130 трёхгранный метательный наконечник, сохранивший соединение с боевым концом деревянного древка стрелы, прямым датированием по древесине 14C AMS методом определён возраст 7960 ± 70 л.н.; Б – крупный план, лицевая сторона; В – обратная сторона.

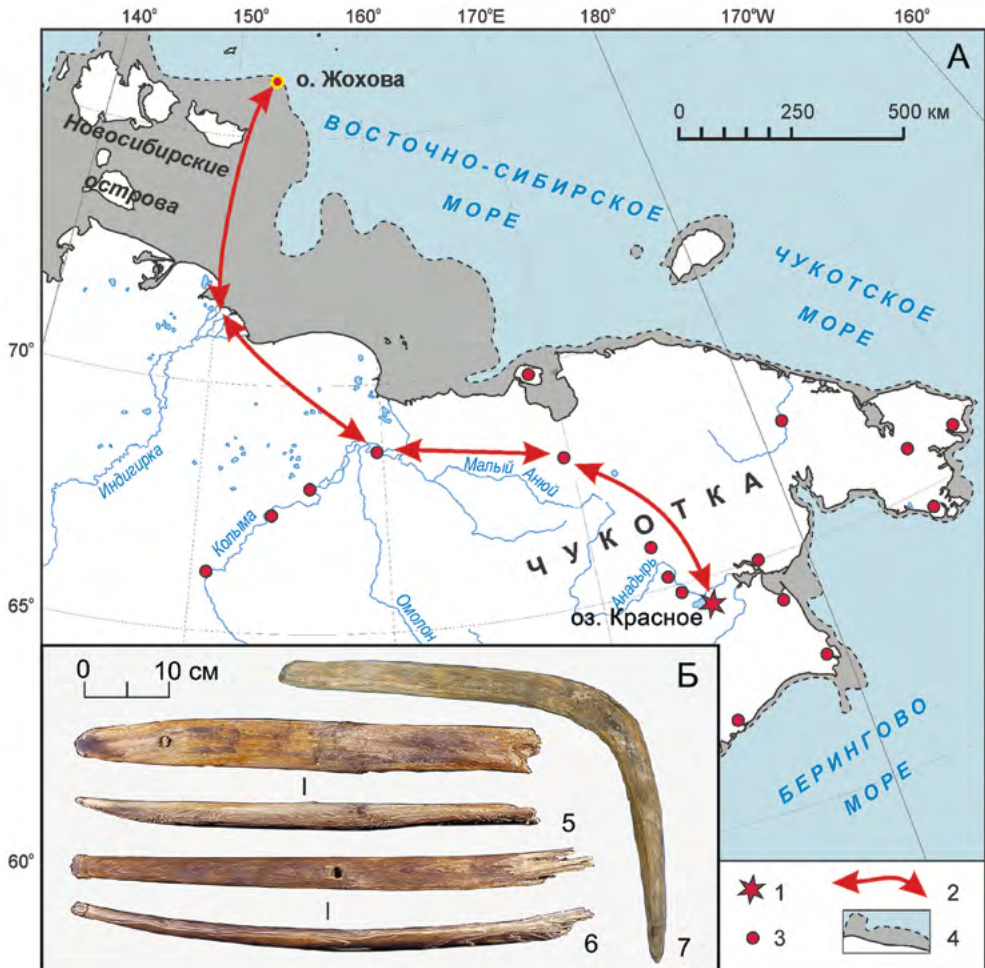
Фото: Е.Ю. Гиря (панель А), П.И. Иванов (панель Б и В).

Илл. 7. Охотничий инвентарь Жоховской стоянки: 1 – однолезвийный вкладышевый нож (по: [Питулько, 1998]); 2, 3 – базальные части однолезвийных наконечников с плосковыпуклым поперечным сечением (2 – моржовый клык, 3 – рог северного оленя, приведено по [Питулько, 1998]); 4 – комбинированный вкладышевый наконечник-гарпун из квадрата СВ15; 5 – вкладышевый наконечник из квадрата DC13; 6 – наконечник из длинной кости крупного плейстоценового животного, возможно, мамонта (раскопки 1989 г., по: [Питулько, 1998]); 7 – наконечник из бивня мамонта с двумя прорезными пазами из кв. Nn230, находка 2004 г.

Илл. 8. Бытовой инвентарь из раскопок Жуховской стоянки. Швейные принадлежности:
1 – костяная игла с прорезным ушком из квадрата С14; 2 – костяной футляр для игл
из квадрата Jj160. Бытовые предметы: 3 – берестяной контейнер с завязкой из жилки; 4 –
фрагмент плетеной корзинки. Деревянные предметы хозяйственного назначения:
1 – деревянная лопаточка, находка 1990 г.; 2 – деревянная миска прямоугольной формы,
находка 2001 г. в кв. Аa14.

Илл. 9. Территория Северо-Восточной Арктики, охваченная контактами населения и транспортом обсидиана около 9000 л.н. А – карта: показан возможный путь перемещения обсидиана на о. Жохова с р. Анадырь, Чукотка, что было возможно благодаря наличию наземной транспортной технологии – упряжного нарточного собаководства, по Pitulko et al. (2019), с изменениями; Б – фрагменты полозьев нарт (5, 6) и копыло (7) из раскопок Жоховской стоянки.

Рисунок: графика – Е.Ю. Павлова, фото – П.И. Иванов, оформление – И.А. Спиридонов

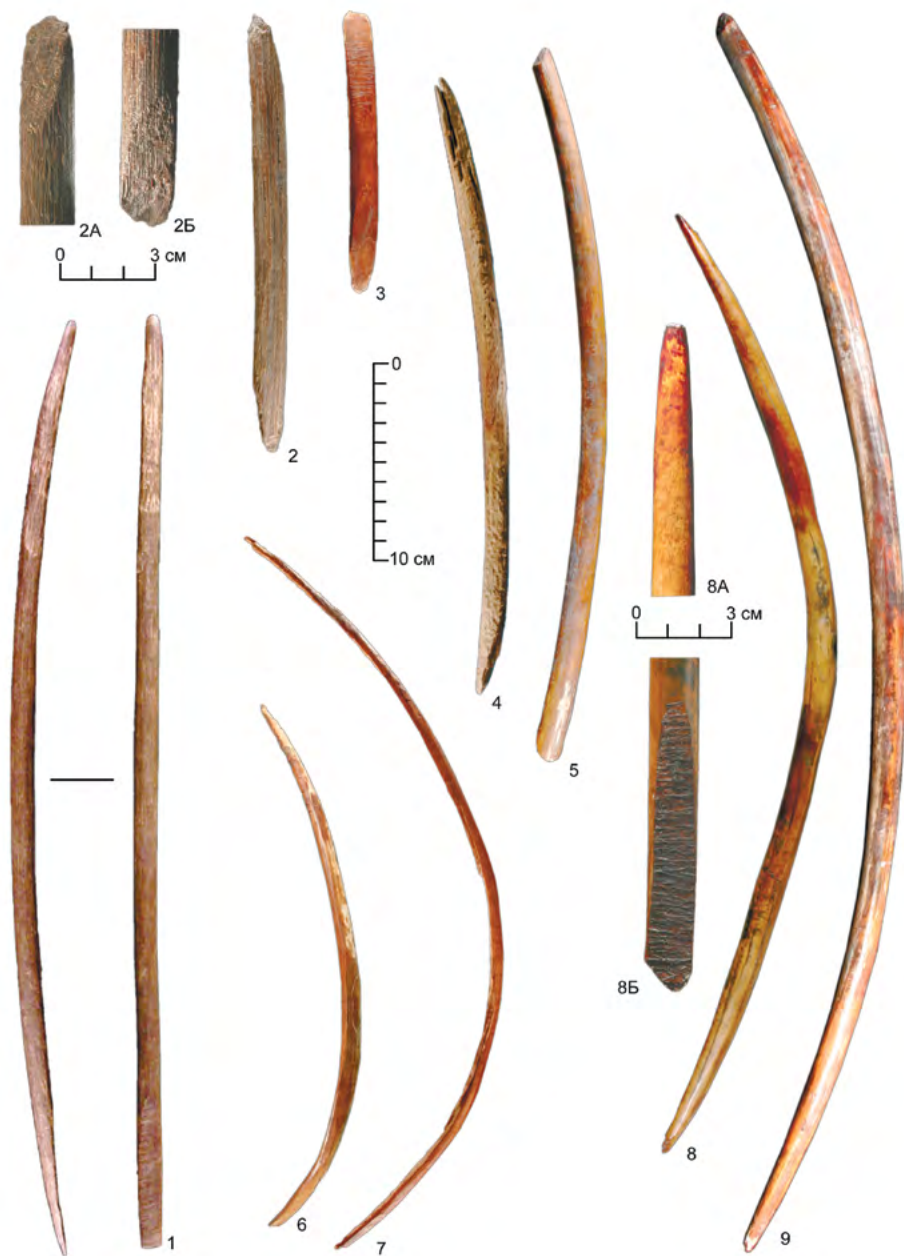

Илл. 10. Археологические работы в пункте Северный Янского комплекса стоянок:
А – раскопки культурного слоя и зарисовка расчищенной поверхности культуросодержащего горизонта на байджарахе Центральный. Термозрозионное разрушение берега в месте раскопа в 2008 г.; Б – образование глубокой термозрозионной ниши, врезавшейся вглубь берега;
В – катастрофическое обрушение крупных мерзлых блоков, которое привело к безвозвратной утрате подготовленных для раскопок участков культурного слоя (основной механизм разрушения вогнутого (подбойного) берега реки).

Фото: Е.Ю. Павлова.

Илл. 11. Янское «кладбище» мамонтов (YAMAM): А – общий вид в начале разрушительной деятельности по добыче бивней мамонтов, предпринятых местными жителями в 2008–2014 гг.; Б и В – документирование выборки бивней мамонтов из YAMAM силами участников Янской экспедиции; Г – нуклеус из бивня мамонта (расщепленный бивень мамонта, с которого снимали длинные линейные заготовки для производства длинных острий и полноразмерных копий); Д – взрослые, молодые и детские бивни мамонтов, извлечённые из YAMAM, по В.В. Питулько с соавторами (*Питулько и др., 2015a*).

Илл. 12. Предметы охотничьего вооружения и его компоненты, изготовленные из рога шерстистого носорога (1, 2) и бивня мамонта из Янского комплекса стоянок: форешафт (1–4); обломок (медиальная часть) длинного острия; остря с односторонне уплощенным насадом (6, 7); массивное острие с косо срезанным насадом (8) и крупные планы боевого окончания (8А) и насада (8Б); крупное острие без оформления насада (9),
по Nikolskiy, Pitulko (2013), с изменениями.
Фото: П.И. Иванов.

Илл. 13. Разнообразие коллекции иголок Янской стоянки. Иглы с ушком, оформленным двусторонним сверлением (1-7), их фрагменты (9-11), заготовки (12, 13) и игольник из трубчатой кости (8), украшенный нарезками, некоторые иглы (6, 7) имеют орнамент в области ушка (знаки собственности), по Питулько, Павлова (2019).
Фото: П.И. Иванов.

Илл. 14. Разнообразие шильев Янской стоянки. 1 – шило из грифельной кости лошади; 2 – шило из стенки длинной тонкостенной кости млекопитающего; 3 – шило с обломанным рабочим окончанием, изготовленное из длинной кости млекопитающего с массивной стенкой; 4 – шило из стенки длинной кости № 12250, кв. Н21; 5, 6 – идеально оформленные костяные шилья с заполированной поверхностью; 7 – шило, орнаментированное регулярными нарезками по боковым сторонам, по Питулько, Павлова (2019).

Фото: П.И. Иванов.

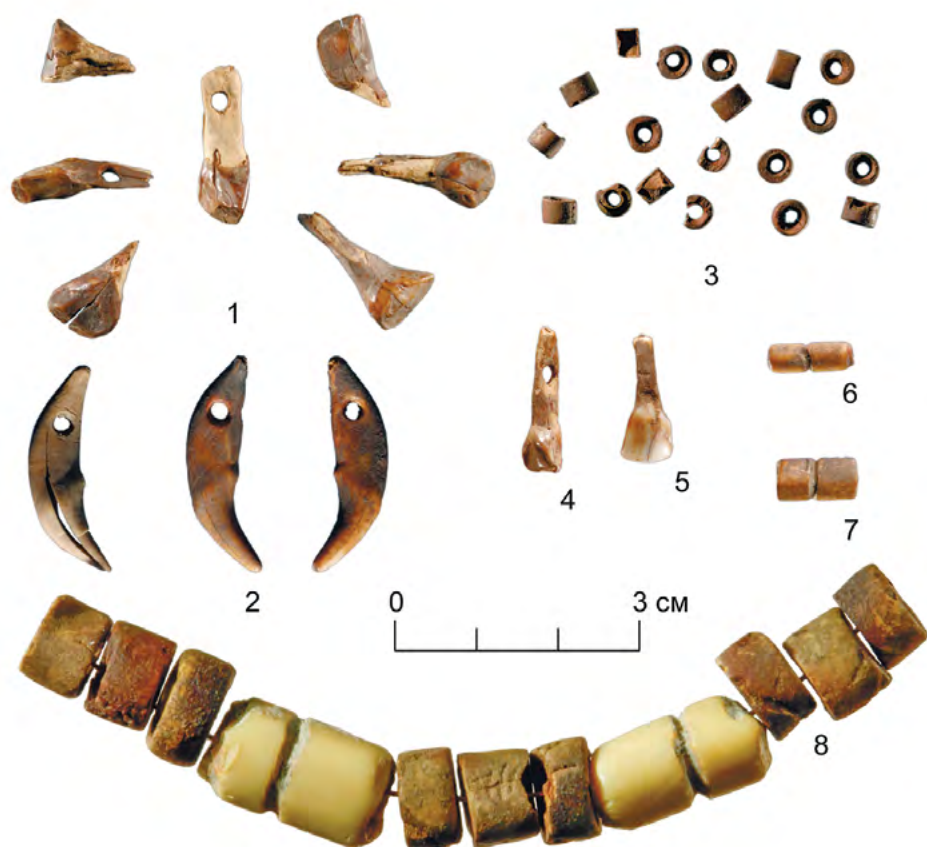
Илл. 15. Янский комплекс стоянок, пункт Северный. Декорированные предметы из бивня мамонта: 1 – орнаментированный ковш; 2 – бивень мамонта со сложной композиционной гравировкой, возможно, мнемонической записью. По Питулько (2019а), с изменениями. Фото: П.И. Иванов.

Илл. 16. Наиболее значительная концентрация бус из раскопок Янской стоянки (159 шт., организованных в «ожерелье») в кв. J40 (пункт Северный, байджарах Центральный 3): 1 – общий вид; 2 и 3 – различные стадии расчистки. Отчетливо видна последовательность 1–3–1 (пронизка с нарезкой – три простых бусины – пронизка с нарезкой и т. д.).

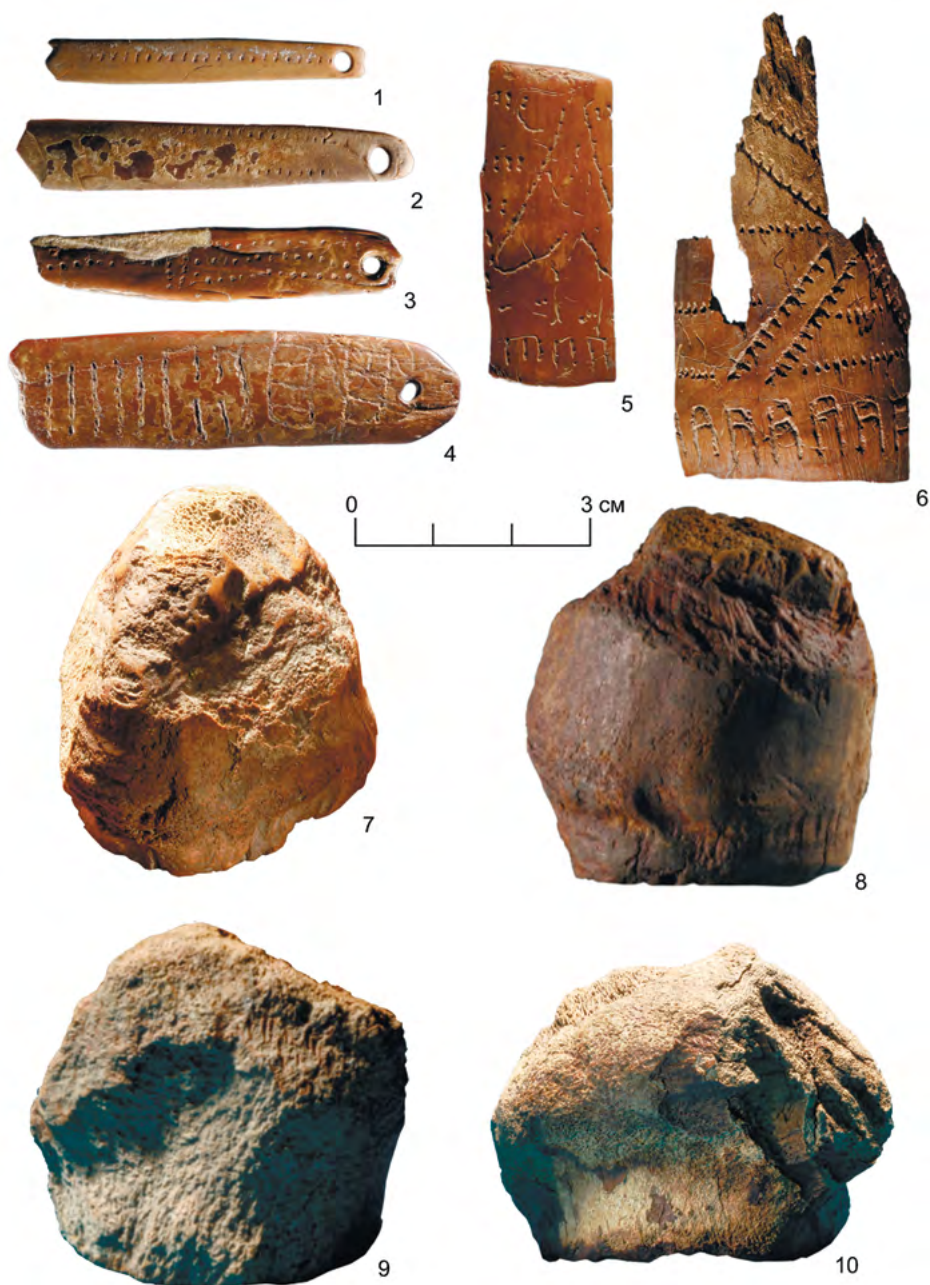
По Питулько и др. (*Питулько и др.*, 2012б).

Фото: Е.Ю. Павлова.

Илл. 17. Личные украшения из раскопок Янской стоянки: 1 – группа зубов северного оленя со сверлёнными отверстиями для подвешивания; 2 – просверленные клыки песца; 3 – бусы типа 1 (простые круглые из бивня мамонта с биконическим сверлением); 4 – подвеска из просверленного зуба северного оленя; 5 – подвеска из зуба северного оленя с круговой нарезкой для подвешивания в корневой части; 6, 7 – пронизки с кольцевой нарезкой в центральной части (бусы типа 2); 8 – реконструкция нитки бус на основе находки длиной нитки из 159 бусин (масштаб 1:1), по Питулько (2019а), с изменениями.

Фото: П.И. Иванов.

Илл. 18. Диадемы и браслеты Янской стоянки (бивень мамонта) и фигуративные изображения (мамонт) из оснований сброшенных рогов северного оленя: 1-4 – фрагменты орнаментированных диадем; 5, 6 – фрагменты орнаментированных браслетов (5 – с крупным антропоморфным изображением; 6 – со сложной геометрической орнаментацией и антропоморфными символами); 7-10 – обобщённые фигурки мамонтов. Приведено по Питулько (2019a), Питулько и др. (2012б), с изменениями.

Фото: П.И. Иванов.

Илл. 19. Массовое скопление костных остатков мамонтов УМAM, структурная часть Янского комплекса стоянок (известно также как Янское «кладбище» мамонтов), 2008 г. Целевое техногенное воздействие на костеносный горизонт (культурный слой, формирующийся при особых условиях): А – устье штольни, пробитой добытчиками бивня в левом берегу р. Яна; Б и В – вид изнутри искусственно промытого туннеля, в мерзлых стенках которого видны кости мамонтов. Приведено по Basilyan et al. (2011), Питулько, Павлова (2017).

Фото: Е.Ю. Павлова.

ИЗУЧЕНИЕ МУРОМСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В НИЖЕГОРОДСКОМ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ: ИСТОРИЯ И НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Швецова, Ю.В. Филиппов, О.В. Зеленцова, С.И. Милованов

История и материальная культура финно-угорского населения Поочья была и остается одной из наиболее разрабатываемых тем в археологических исследованиях. Скупость сохранившихся письменных источников не позволяет в полной мере проследить его историю. Все еще остаются актуальными вопросы, связанные с расселением муромских племен, характером их взаимоотношений с соседними племенами, механизмами интеграции в славянский мир. Продолжают разрабатываться вопросы, связанные с хронологией, социальной организацией финно-угорских племен, их участием в международной торговле. Комплексно изучаются предметы материальной культуры и технологии их производства.

Обилие и самобытность вещевого материала, сопровождающего финно-угорские захоронения, стали привлекать внимание нижегородских исследователей еще с конца XIX в. Исследование муромских древностей на территории Нижегородской области началось в 1923–1924 гг. работами Ф.Я. Селезнева, заведующего Муромским музеем, на Корниловском, Ефановском (Ефаново 1) и Перемиловском (Ефаново 2) могильниках (*Селезнев*, 1925: 3–9, 10–13).

Горьковский областной краеведческий музей (в настоящее время Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник – НМЗ) включился в исследовательскую работу по изучению финно-угорских древностей с конца 1930-х гг. В 1937 г. сотрудник музея С.М. Куль принимал участие в раскопках муромского Пятницкого могильника, находившегося в черте современного г. Муром. Горьковский музей частично профинансировал проведение работ, а после их завершения большая часть обнаруженных находок поступила на хранение в фонды музея (*Карпов*, 2012: 246–247). Это находки из 17 погребений (п. 1 – п. 17) в количестве 181 ед. и подъемный материал из разных участков могильника и из разрушенных погребений в количестве 41 ед.¹

В 1950-е гг. на территории Среднего Поволжья впервые были организованы широкомасштабные археологические исследования, включающие сплошное обследование территорий. Инициатором работ выступила Марийская археологическая экспедиция, созданная в 1956 г. на базе Марийского научно-исследо-

¹ Коллекции ГОМ 4025 – ГОМ 4041.

вательского института и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (Халиков, 1960: 8). Экспедицию возглавил А.Х. Халиков. Кроме выявления и обследования уже известных памятников археологии на территории Марийской АССР, в задачи экспедиции входили работы и на сопредельных территориях Кировской и Горьковской областей. Археологические разведки на территории Горьковской области начались в 1957 г. с обследования северо-восточных районов. В составе экспедиции работала Е.А. Безухова – старший научный сотрудник Горьковского музея. С 1959 г. основные работы Марийской экспедиции сосредоточились на территории Горьковской области. Для их осуществления на базе Горьковского областного краеведческого музея (с 1958 г. – Горьковский государственный историко-архитектурный музей-заповедник) при участии Горьковского государственного университета было организовано несколько разведочных отрядов, объединенных в Горьковскую археологическую экспедицию. Один из отрядов возглавила Е.А. Безухова, начальником другого отряда стал В.Ф. Черников – тогда еще студент 5 курса МГУ.

В ходе разведочных работ Горьковской экспедиции 1959 г. было открыто большое число археологических памятников, содержащих финно-угорские материалы. Второй отряд, работающий под руководством Е.А. Безуховой, обследовал участок правого коренного берега р. Оки (современные Навашинский, Вачский и Павловский районы Нижегородской области) (Безухова, 1959). В ходе этих работ был впервые осмотрен получивший большую известность Звягинский (Чулковский) могильник, впоследствии изучавшийся в период с 1974 по 1992 гг. М.Ф. Жигановым и В.В. Гришаковым (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2018). Были зафиксированы Ефановский могильник (Ефаново 1), Перемилловский могильник (Ефаново 2) и могильник Арефино. Кроме того, на археологическую карту региона было нанесено 15 селищ, материалы которых содержали фрагменты лепной муромской керамики.

Работы третьего разведочного отряда возглавлял В.Ф. Черников. Его маршрут пролегал по правому берегу р. Оки на участке от г. Павлово до г. Горького (современные Павловский и Богородский районы Нижегородской области). В районе г. Павлово был зафиксирован ряд памятников с материалами муромы: селища Павлово 1 и 2, могильник Павлово (Большая Тарка III) (Черников, 1960: 10–19).

С приходом В.Ф. Черникова на работу в Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник в 1960 г. начинается планомерное археологическое изучение области силами организованной в музее археологической экспедиции. Помимо разведочных работ, сосредоточенных в основном на территориях юго-западных районов Горьковской области, В.Ф. Черниковым были организованы раскопки нескольких археологических памятников разных периодов. Не остались без внимания и финно-угорские памятники. В 1962 г. было проведено исследование на площади грунтового муромского могильника, расположенного близ села Нижняя Верея (в настоящее время входит в состав городского округа г. Выкса). В 1974 г. организованы работы по изучению Желтухинского могильника (грунтовой могильник Иваново), находящегося на левом берегу

р. Волга (современный Городецкий район Нижегородской области) (*Черников, 1975*). Публикуя материалы могильника, исследователь отметил, что территориально, по погребальному обряду и составу вещевой коллекции он близок к погребениям VI–VII вв. Безводнинского могильника, и отнес его к муроме (*Уткин, Черников, 1994: 50*). В настоящее время могильник относится к кругу памятников безводнинско-ахмыловского типа.

Материалы раскопок этих двух могильников были введены исследователем в научный оборот и стали востребованными в научном сообществе (*Уткин, Черников, 1992; Голубева, 1989: 84–85; Бейлекчи, 2005: 68–69*). Так, В.Ф. Черниковым были заложены основы для изучения финно-угорских древностей в Нижегородском музее-заповеднике, и начала формироваться музейная коллекция, которая и сейчас активно используется в экспозиционно-выставочной деятельности.

Перспективность изучения памятников муромы в Окском Правобережье и необходимость повторного обращения к памятникам, выявленным в разведках 1950–60 гг., особенно ярко обозначились в последние годы, когда они оказались под угрозой уничтожения из-за деятельности грабителей. Нижегородский музей-заповедник совместно с Институтом археологии РАН с 2022 г. возобновил исследования памятников муромы. Первым шагом стало обращение к частично исследованному Нижневерейскому могильнику, сведения о котором требовали уточнений. Иллюстративные материалы к научному отчету о раскопках могильника оказались утраченными. Отчет отсутствует в архиве Института археологии РАН, а в архиве НМЗ хранится только его текстовая часть. Наиболее полные данные о могильнике сохранились в статье, опубликованной В.Ф. Черниковым в соавторстве с А.В. Уткиным (*Уткин, Черников, 1992*). Также данные о могильнике содержатся в Паспорте объекта культурного наследия, который был составлен в 1980-е гг. В настоящее время появилась необходимость в определении места расположения раскопа 1962 г. и границ территории памятника, а также в уточнении его датировки. Не менее важной задачей стало определение современного состояния могильника, который в последние десятилетия активно разграбляется черными копателями.

Могильник расположен на возвышенном участке восточного берега старичного озера Витерёво в Окском правобережье в 3 км от северо-западной окраины села Нижняя Верея. Он был известен еще с 1950-х гг. благодаря находкам местных жителей, которые использовали берег озера для своих хозяйственных нужд. В конце 1950-х гг. местный колхоз построил на берегу старицы летнюю молочную ферму, частично заняв и территорию могильника. Находки древних вещей способствовали росту интереса к этому месту среди жителей ближайшей округи и соответственно разрушению погребений. Учитель одной из местных школ, стремясь пополнить школьный музей новыми экспонатами, на протяжении нескольких лет организовывал на территории могильника самовольные «раскопки». Информация об этом дошла до Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника, где было принято решение об организации выезда на место обнаружения могильника (*Уткин, Черников, 1992: 13, 14*).

Раскоп площадью 50 кв. м был заложен на наиболее разрушенном участке могильника – на краю восточного склона возвышенности. Было обнаружено 10 захоронений, 8 из них были исследованы полностью, два оказались разрушенными грабительскими ямами. Большинство погребений было совершено по обряду ингумации (7 погребений). Половозрастной состав погребенных определен по составу сопровождающего инвентаря: два захоронения – мужские, пять – женские, три – детские (Черников, 1963).

Сопровождающий погребения инвентарь руководителем раскопок датирован втор. пол. IX – нач. X вв. Описание вещевых комплексов из вскрытых погребений было дано в публикации (Уткин, Черников, 1992: 13–27), коллекция находок хранится в фондах НМЗ. Также в музей были переданы предметы из разрушенных погребений, собранные местными жителями².

Ввиду того, что памятник расположен вдали от населенного пункта, территория могильника продолжала разрушаться грабительскими ямами и котлованами. Весной 2022 г. могильник был осмотрен сотрудниками Волжской экспедиции Института археологии РАН, которые зафиксировали новые, в том числе свежие, разрушения.

Для раскопа 2022 г. был выбран наименее разрушенный грабительскими разрытиями участок западного склона. Первоочередными задачами полевых работ стали выявление сохранившихся захоронений и определение границы территории могильника. Общая площадь раскопа составила 100 кв. м. Полученная стратиграфия оказалась практически аналогичной раскопу 1962 г.: плотный дерн; серо-коричневая супесь (мощностью от 5 до 20 см), связанная с хозяйственной деятельностью советского времени; желтая супесь (мощностью от 10 до 40 см), подстилаемая серой супесью с включениями желтой и белесой супеси (10–30 см), материк – белесая супесь. Погребения прорезали слои желтой и серой супеси, однако отчетливо их контуры читались только на фоне материка. Дно могильных ям зафиксировано на глубине 60–70 см от уровня современной дневной поверхности.

На вскрытой площади исследовано четыре погребения (Илл. 1, 1), два из которых совершены по обряду ингумации, два – по обряду кремации на стороне.

Погребения совершены в могильных ямах двух размеров: средний размер взрослых захоронений равен 248 x 86 см, размер детского погребения (п. 4) – 160 x 65 см. Могильные ямы ориентированы по линии С-Ю. Ориентировка погребенных, где ее удалось проследить, имеет северное направление. Захоронения, совершенные по обряду ингумации, были ограблены (п. 1, 3), по составу погребального инвентаря они отнесены к женским. Из украшений, обнаруженных в грабительских ямах, нарушивших погребения 1 и 3, были найдены фрагменты проволоочных височных колец с замком в виде округлого щитка и крючка – так называемые височные кольца муромского типа. В погребении 1 было найдено 5 височных колец: четыре диаметром 12 см., одно диаметром 9 см (Илл. 2, 1), тут же находились проволоочное височное кольцо с приострен-

² Коллекция подъемного материала – ГОМ 4097, коллекция предметов из раскопок 1962 г. – ГОМ 18154.

ными концами диаметром 5 см (Илл. 2, 2) и фрагмент лунничного височного кольца (Илл. 2, 3). Из грабительской ямы, нарушившей погребение 3, было извлечено 25 фрагментов височных колец муромского типа, предположительно от восьми колец диаметром 12–15 см (Илл. 2, 8). Характерно, что замок этих колец оформлен в виде хорошо выраженного круглого щитка с отверстием и крючка. Согласно наблюдениям над эволюцией этой категории украшений в материалах Подболотьевского могильника, форма щитка и диаметр кольца являются хронологическими признаками. Хорошо выраженный круглый щиток свойственен более ранним погребениям. В Подболотьевском могильнике такие височные кольца встречаются совместно с глазовскими гривнами, имеющими замок в виде массивной шляпки, и сюлгами, концы которых превышают диаметр кольца. Они датируются втор. пол. VIII–IX вв. (*Зеленцова, Милованов, 2021: 19–20*). Находка фрагмента лунничного височного кольца в составе украшений в погребении 1 говорит о его датировке в пределах IX в., когда в муромских погребениях появляются височные кольца такого типа (*Зеленцова, 2021: 60*). Среди находок в этом погребении имелись также три фрагмента спиральной уплощенной пронизки (Илл. 2, 4), вероятно, от головного венчика, и два фрагмента округлых пронизок, скорее всего, входивших в состав ожерелья. Также в коллекции есть бутылчатая привеска на восьмеркообразном звене цепи (Илл. 2, 5), которая была, вероятно, составной частью шумящего украшения, и узкий браслет треугольного сечения с несомкнутыми концами (Илл. 2, 6). Все эти находки, вместе с находками поясных железных пряжек и железных черешковых ножей с прямой спинкой (Илл. 2, 7), характерны для муромских древностей на широком хронологическом отрезке и не могут быть использованы для уточнения датировки исследованной части могильника. К сожалению, остальной материал уничтожен грабительскими раскопками.

Несколько лучше обстояло дело с погребениями, совершенными по обряду кремации, которые не были ограблены. Одно из них, погребение 2, по составу погребального инвентаря было определено как мужское. В южной части погребения было зафиксировано скопление кальцинированных костей с небольшими уголками размером 85 x 35 см, мощностью до 8 см. В южной части этого пятна лежали железные мотыжка (Илл. 3, 1), нож (Илл. 3, 4) и кресало, а также кресальный камень (Илл. 3, 2). Примечательно, что в качестве последнего был использован обломок наконечника копья, относящегося к эпохе бронзы. Мотыжка с несомкнутой втулкой и подтреугольной рабочей частью с округлым лезвием имеет аналогии в салтовских древностях и относится к типу 2 по материалам Дмитриевского могильника. Подобные мотыжки встречаются в катакомбах 2-й группы, которая датируется втор. пол. IX – нач. X вв. (*Плетнева, 1989: 93–94, 171–172*). Такие изделия, по мнению С.А. Плетневой, служили для рытья катакомб, и их следы зачастую фиксировались на стенках погребальных сооружений (*Плетнева, 1967: 146*). Находки втульчатых мотыжек на салтовских поселениях вне погребений позволяют считать их также сельскохозяйственными орудиями труда, служившими для вторичной обработки земли (*Колода, 2010: 33*). Втульчатые мотыжки, отличающиеся от нижневерейской выраженными плечиками и прямоугольной формой рабочей части, известны

в материалах мордовских могильников на Средней Цне, где они распространены тоже в салтовское время (Иванов, 1952, Табл. XXXVII, 4). Нож с прямой спинкой и фрагмент овального кресала из этого погребения характерны для муромских мужских погребений и имеют широкие датировки. С находкой мотыжки соотносится бронзовый пластинчатый браслет с расширяющимися прямыми концами, отогнутыми наружу в виде бортика, найденный в западной части среди кальцинированных костей (Илл. 3, 3). Аналогичные браслеты известны в Подболотьевском могильнике, где они присутствуют в погребениях с головными уборами из шумящих привесок, гривнами глазовского типа с уплощенными шляпками, «усатыми» перстнями – комплексом вещей, который датируется перв. пол. X в. (Зеленцова, Милованов, 2021: 22).

Детская кремация (п. 4) содержала 12 перстневидных височных колец с обрубленными заходящими концами (рис. 2, 9), два спиральных перстня в 4 оборота диаметром 1–1,2 см (Илл. 2, 10), три экземпляра рубленого бисера из стекла белого цвета диаметром 0,4–0,5 см (Илл. 2, 11), нож (Илл. 2, 12), шило (Илл. 2, 13) и железную пряжку. Для датировки погребения имеет значение находка рубленого бисера из тянутой трубочки, время наибольшего бытования которого приходится на VIII–IX вв. (Львова). В пользу этой датировки говорят находки спиральных перстней, выполненных из проволоки треугольного сечения с четко выраженным ребром.

В ходе работ была вскрыта грабительская яма в северной части раскопа. В ней найдены фрагменты женских украшений от головного убора и пояса. Среди них – фрагменты головного жгута в виде плотной обмотки проволокой из цветного металла подтреугольного сечения (Илл. 3, 7). Здесь же находились обломки проволочных височных колец со слабовыраженными щитками каплевидной формы (Илл. 3, 6). На одном из колец надета спиральная пронизка. Также обнаружена спиральная пронизка, уплощенная с одной стороны, вероятно, фрагмент головного венчика (Илл. 3, 9), спиральный перстень (Илл. 3, 8) и наконечник пояса из цветного металла (Илл. 3, 5). Наконечник трапецевидной формы изготовлен из тонкой пластины, загнутой сверху и закрепленной штифтом на железной пластинчатой основе. С внешней стороны бронзовая пластина по периметру орнаментирована двумя рядами мелких выпуклин, в центре этими же выпуклинами вычеканен крест. Аналогичный наконечник был обнаружен В.Ф. Черниковым в наиболее богатом женском погребении (Уткин, Черников, 1992: 26). Такие наконечники являются деталью боковых ремней, которые входят в состав традиционного костюма с головными жгутами и бытуют на рубеже VIII–IX – IX вв. (Зеленцова, Сапрыкина, 2018: 228–229). В.В. Гришаков и Ю.А. Зеленева датируют подобные наконечники более поздним временем: IX – перв. пол. X вв. (Гришаков, Зеленева, 1990). Из орудий труда в яме найден железный нож, аналогичный обнаруженным в погребениях. Вероятно, эта яма является остатками женского погребения, которое было полностью уничтожено грабителями.

В ходе раскопок было обнаружено 10 сосудов, 7 из которых происходят из погребений. Сосуды стояли в северной части (в изголовье) в трех погребениях, кроме мужской кремации (п. 2). В детское погребение (п. 4) было положено четыре сосуда. Ассортимент сосудов представлен баночными формами с при-

крытой горловиной средних/низких и средних пропорций, небольших (высота 8–10 см) и малых (6 см) размеров, а также горшковидными формами средних/низких и средних пропорций с цилиндрическим (1 сосуд) и расширяющимся горлом (4 сосуда). Технологическое изучение сосудов показало, что для их изготовления были использованы ожелезненные слабо- и среднезапесоченные глины. В состав формовочной массы входили минеральные примеси в виде шамота и гранитогнейсовой дресвы.

Исследованные погребения не образуют четких рядов, хотя два погребения (п. 1 и 3) расположены параллельно друг другу и, возможно, они входили в ряд, идущий по линии запад-восток (рис. 1, 1). На плане, опубликованном В.Ф. Черниковым, также несколько погребений (п. 8, 5, 4) располагаются в ряд, ориентированный аналогично (*Уткин, Черников, 1992: 13*). Судя по плану 1962 г., между отдельными захоронениями имелось значительное расстояние, но некоторые располагались достаточно близко друг к другу (*Уткин, Черников, 1992: 13*). В раскопе 2022 г. погребения находятся на удалении от 75 до 230 см друг от друга. В виду незначительной площади раскопа сложно судить, является ли это показателем невысокой плотности захоронений на территории могильника, либо это свидетельствует о том, что в последний сезон была исследована окраинная часть могильника. Для проверки этой гипотезы и определения западной границы памятника, раскоп 2022 г. был продолжен на 8 м к западу. В прирезке погребения не выявлены, и находка развала крупного лепного сосуда горшковидной формы (Илл. 2, 2) в этой части, очевидно, маркирует периферию могильника.

Исследования 2022 г. показали, что большая часть могильника разрушена грабительскими раскопками и утрачена для науки. Наиболее подверженными разрушению оказались женские погребения, содержащие украшения из цветного металла. В то же время раскопки показали, что научные исследования позволяют извлечь информацию даже из тех остатков, что сохранились после грабителей. Погребальный инвентарь позволяет датировать исследованные погребения в пределах втор. пол. VIII–IX вв. Наиболее поздней выглядит мужская кремация из погребения 2, содержащая железную втульчатую мотыжку и пластинчатый бронзовый браслет. Это погребение можно отнести к концу IX – началу X вв. В целом эта датировка хорошо соотносится с хронологической позицией могильника, которая была определена для участка, раскопанного в прошлом столетии. Исследованный могильник выглядит достаточно монолитным, и его функционирование можно отнести к классическому периоду существования муромской культуры, когда зафиксирован ее наибольший расцвет, что помимо прочего, выразилось в большом количестве погребений этого периода.

В ходе работ 2022 г. было установлено, что муромский могильник частично располагался на территории стоянки каменного века, соотносенной по характеристике кремневого инвентаря с двумя хронологическими периодами: поздним мезолитом (бутовская культура, VI тыс. до н.э.) и ранним неолитом (втор. пол. V – перв. четв. IV тыс. до н.э.). Была собрана представительная коллекция предметов из камня – более 600 единиц, среди которых чуть более 200 – орудия и их фрагменты, а также большое количество отходов производства. Немногочисленная керамика представлена фрагментами сосудов ново-щербининского типа.

Благодаря начавшимся в 2022 г. исследованиям муромских древностей возродилась археологическая экспедиция Нижегородского музея-заповедника. Сотрудничество с академической наукой формирует в исследовании нижегородских памятников новые подходы, которые заключаются в комплексном изучении полученных материалов с привлечением естественнонаучных методов. Обнаруженные артефакты демонстрируются на тематических выставках и войдут в состав краеведческой экспозиции музея. Изучение финно-угорских древностей на территории Нижегородской области оформилось в отдельное направление исследований, которое получило свое продолжение в полевых работах 2023 г. в Вачском районе области на новом муромском могильнике Звягино 2.

ЛИТЕРАТУРА

Безухова Е.А. Отчет об археологической разведке II отряда Горьковской экспедиции 1959 г. // Архив ИА РАН. 1960. Р-1. № 1928.

Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы: погребальный обряд и поселения. Муром, 2005.

Голубева Л.А. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Гришаков В.В., Зеленев Ю.А. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола, 1990.

Гришаков В.В., Седышев О.В., Сомкина А.Н. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н.э.: чулковский могильник. Саранск, 2016.

Зеленцова О.В. Лунничные височные кольца в уборе поволжских финнов // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М., 2021.

Зеленцова О.В., Милованов С.И. О планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М., 2021.

Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. 2018. №1 (23).

Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.: дневник археологических раскопок П.П. Иванова. Моршанск, 1952.

Карпов А.В. Пятницкий археологический комплекс в древнем Муроме: история изучения и вопросы интерпретации // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3.

Колода В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев, 2010.

Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi как исторический источник [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://chernov-trezn.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm. – Дата доступа: 09.10.2023.

Плетнева С.А. На хазарско-славянском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.

Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967.

Селезнев Ф.Я. Археологические исследования в окрестности Муром. Культура финнов Средней Оки // Оттиск из Трудов Владимирского государственного областного музея. Вып. II. Владимир, 1925.

Уткин А.В., Черников В.Ф. Муромский могильник близ с. Нижняя Верея на Нижней Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1992. Вып. 7. С. 13-27

Уткин А.В., Черников В.Ф. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Археология и этнография Марийского края. Вып. 23. Йошкар-Ола, 1994. С.41-66

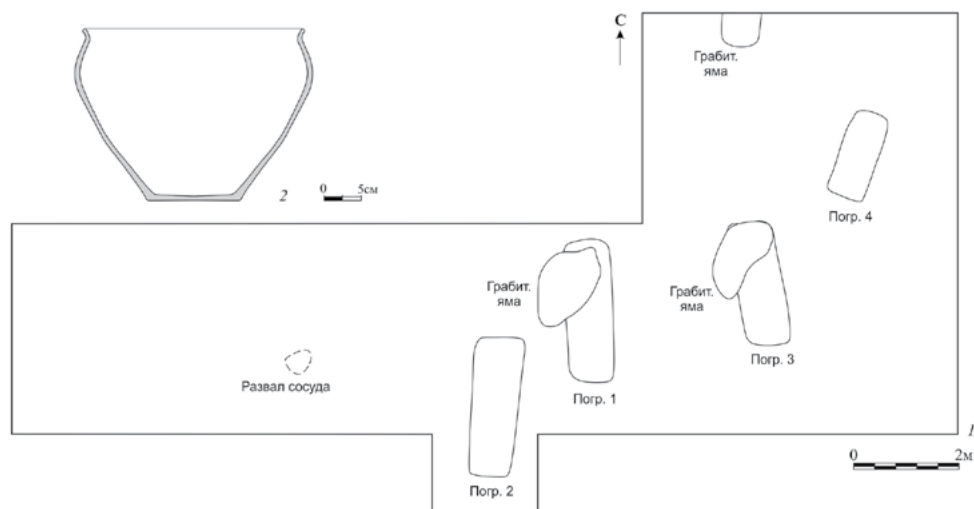
Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы: труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1960. Т. 1.

Черников В.Ф. Отчет о частичных раскопках могильника близ с. Нижняя Верея в 1962 г. // Архив ИА РАН. 1963. Р-1. № 2520.

Черников В.Ф. Отчет об исследовании Желтухинского могильника в Горьковской обл. в 1974 г. // Архив ИА РАН. 1975. Р-1. № 6070.

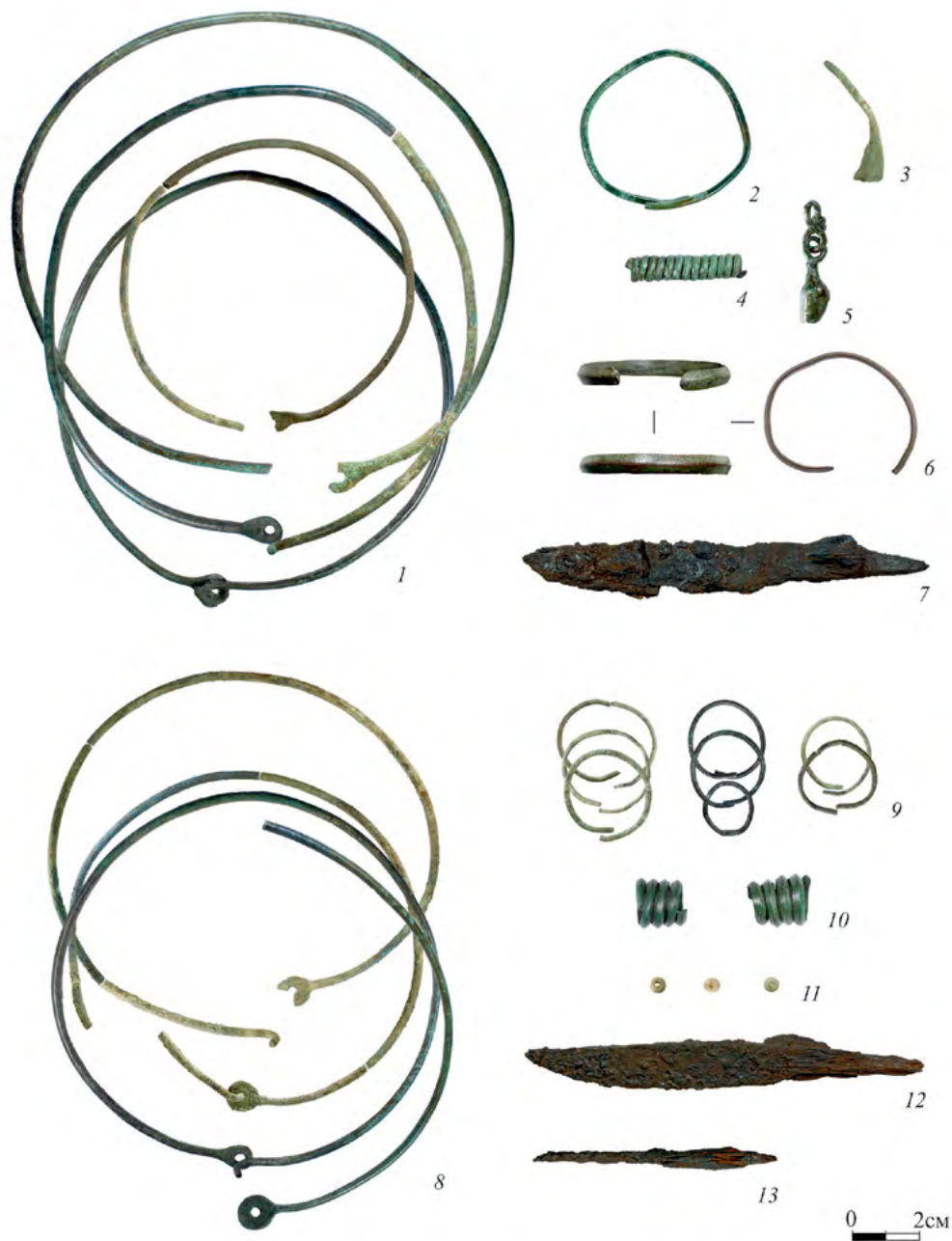
Черников В.Ф. Отчет 3-го разведочного отряда Горьковской археологической экспедиции за 1959 год // Архив ИА РАН. 1960. Р-1. № 1990.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Нижневерейский могильник

1 – план раскопа 2022 г.; 2 – лепной сосуд с западной периферии могильника

Илл. 2. Украшения и предметы из погребений 1, 3 и 4

1–3, 8, 9 – височные кольца; 4 – пронизка; 5 – бутылчатая привеска; 6 – браслет; 10 – перстни;
11 – бисер; 7, 12 – нож; 13 – шило (1–7 – погр. 1; 8 – погр. 3; 9–13 – погр. 4;
1–6, 8–10 – цветной металл; 7, 12, 13 – железо; 11 – стекло)

Илл. 3. Украшения и предметы из погребения 2 и грабительской ямы
1 – мотыжка; 2 – кресальный камень; 3 – браслет; 4 – нож;
5 – наконечник пояса; 6 – височные кольца; 7 – фрагменты головного жгута; 8 – перстень;
9 – пронизка (1–4 – погр. 2; 5–9 – грабительская яма ; 1, 4 – железо; 2 – кремнь;
3, 6–9 – цветной металл; 5 – железо, цветной металл)

ТЕРРАКОТОВЫЙ ДИСК АТ 1818 В ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА, МОСКВА: “DISCHI SACRI” И ИХ ОБРАЗ КОСМОСА

Л.И. Акимова

В ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве хранится небольшой терракотовый диск АТ 1818 (Дм. 14 см. Т. 1,4 см) (илл. 1), поступивший в Музей в 1946 г. из числа т.н. «перемещенных ценностей»; он был куплен в Неаполе и ранее принадлежал Государственным музеям Берлина. Диск гладкий с оборотной стороны, на лицевой имеет орнаментальный ободок из ов и стрел, выделенный снаружи одинарным, изнутри двойным тонким кантиком. Такие орнаменты изредка встречаются на дисках – в виде ветви с листьями плюща (*Elworthy*, 1900: Fig. 169), в виде двух скрещенных ветвей с редкими узкими листьями (*Elworthy*, 1900: Fig. 167; *McDaniel*, 1924: Fig. 7), но чаще они отсутствуют. Ободок московского диска поврежден: слева от зрителя утрачена примерно 1/6 его часть, а с противоположной стороны сколот декор (примерно 1/8 часть). В остальном он хорошо сохранился. Оттиск сделан в неоднократно использованной матрице, но его отнюдь нельзя считать «невнятным» (ср. *Elworthy*, 1895: 377 – “too indistinct and wanting in definiteness to be worth reproduction”).

Памятник был опубликован Х. Хейдеманном (*Heydemann*, 1883: Pl. III. Fig. 1); автор добросовестно его описал, сравнивая с тремя другими хорошо известными – дисками в Британском музее (*Elworthy*, 1900: Fig. 162; *McDaniel*, 1924: Fig. 3), в Неаполе (*Minervini*, 1857: Tav. VI; *Elworthy*, 1900: Fig. 163; *McDaniel*, 1924: Fig. 4) и в Лувре (*Elworthy*, 1900: Fig. 164 - прорисовка матрицы, сильно грешащая против истины, и оттиск – *Cumont*, 1917: Fig. 3). С тех пор внимания ему не уделялось.

Памятник принадлежит к специфической группе предметов, получивших название “dischi sacri”; они обратили на себя внимание ученых еще в середине XIX в., но из-за специфичности «жанра» и сложности изображений до сих пор не нашли удовлетворительных толкований. Их лицевая сторона заполнена изображением множества разных предметов, среди которых выделяются символы богов – молния Зевса, керикийон/кадуцей Гермеса, трезубец Посейдона, палица Геракла, виноградная гроздь Диониса и т.п. У некоторых дисков есть короткая выступающая ручка, иногда с двумя просверленными отверстиями; порой отверстие одно, с остатками металлического крепления – возможно, ручка была деревянной, как у зеркал; но ряд вещей, подобно диску АТ 1818, признаков ручек не имеют.

В обсуждении памятников принимали деятельное участие такие выдающиеся знатоки античной иконографии и символики, как Отто Ян, Джулио Минервини, Артур Эванс, Фредерик Элворти, Франц Кюмон, но смысл и назна-

чение этих предметов до сих пор вызывают серьезные вопросы. Ряд ученых, в том числе А. Эванс, считали их (тогда были известны в основном матрицы) штампами для изготовления оттисков на ритуальных пирогах (*Evans*, 1886: 48–49 (“moulds for sacred cakes”)); другие, как Отто Ян (*Jahn*, 1857: 8) и Хейнрих Хейдеманн (*Heydemann*, 1883: P. 8, 10), видели в них апотропеи; третьи, как Ф. Кюмон (*Cumont*, 1917: 103–107), считали функцию гадательной, родственной функции магических зеркал; четвертые, как Франсуа Ленорман (*Lenormant*, 1881–1882: 95) и Фредерик Элворти (*Elworthy*, 1900: 302–303), полагали, что диски служили штампами для печати рельефов на оборотах бронзовых зеркал; а некоторые, как, например, Ф. МакДэниэл (*McDaniel*, 1924: 44f.), утверждали, что ничего сакрального в дисках нет, они служили чем-то вроде печатей или рекламных бирок для тарентских товаров (потому одни были матрицами, другие оттисками). Последняя точка зрения встретила всеобщий протест – как из-за обилия на дисках символов божеств, так и из-за их смысловой близости к более поздним, уже римского времени, «рукам всех богов» (*mano panthea*), – амулетам, распространенным в культе Сабазия и связанным также с изображением отдельных предметных символов (см. *Elworthy*, 1895: 293–342).

История изучения вопроса (см. *Falcone*, 2011: 16–22) насчитывает вот уже более полутора веков: многое сделано, много остается неясным. Попробуем подойти к анализу проблемы со стороны структурно-композиционной и семантической (пока практически не освещенной): выяснению принципов деления дисков на секторы и фризы; организации предметных блоков; отражению в них смысловых концептов. Сразу отметим, что ряд предметов на дисках был и, вероятно, останется навсегда неотожествленным – как из-за неясности форм и оттисков, так и из-за отсутствия их аналогов в других видах искусства Южной Италии; похоже, что некоторые из них фигурируют лишь на таких дисках, и значение их стерлось вместе с уходом в небытие ограниченного круга носителей информации. Но и те предметы, что давно всем известны, тоже по существу мало исследованы, а у каждого из них, будь то трезубец Посейдона, молния Зевса или кадуцей Гермеса, – длительная и многослойная история, не менее важная, чем история самих богов в пантеоне Южной Италии (каковая, кстати, тоже пока не изучена). Здесь мы наметим линию исследования пока в общем виде.

Композиции ныне известных дисков (они насчитывают условно около полусотни экземпляров, среди которых большинство фрагменты¹) классифицированы на шесть главных групп: 1) фризовые; 2) секторные; 3) радиальные; 4) роторные (*Wuilleumier*, 1939: 27); 5) лучевые (*Loprete, Bini*, 1989: 58); 6) «нео-

¹ Отсутствие каталога данных терракот было отмечено уже более десяти лет назад. По данным Лидии Фальконе (*Falcone*, 2011: 14, п. 16; 21–22), ей было известно свыше 30 дисков и фрагментов, имеющих археологический контекст и найденных в следующих центрах: Бриндизи, Гераклея (4 матрицы, 2 диска), Локры (1), Лучера (2 матрицы, 1 диск), Метапонто (2 матрицы), Помпеи (1), Поццуоли (1 диск), Таранто (8 дисков, 2 матрицы), Угенто (1), Веноза (1), Ватикан (1), с неизвестным провенансом (2 матрицы, 2 диска). Из сакральных зон происходят экземпляры Гераклеи, Венозы, Фондо Скрина в Санта Мариа Капуа Ветере. Один диск, из Мандурии в Бриндизи, имеет погребальный контекст (*Wuilleumier*, 1932: 61). Если прибавить к ним давно известные экземпляры (около двух десятков) и ряд неучтенных вещей в местных музеях (см. прим 3, Кереньи 2007), то выйдет до шестидесяти предметов.

пределенные». Наиболее многочисленна первая группа, вторая следует за ней, остальные представлены единичными экземплярами².

Московский диск принадлежит к с е к т о р н о й группе. Он разделен крестообразно на 4 части; в центре 1) небольшой плоский кружок – средоточие космоса, поименованное омфалом (*Heydemann*, 1883: 9) или «жертвенным пирогом» (*McDaniel*, 1924: 26). Вертикальная ось состоит из 2) опрокинутого факела Персефоны с перекрестным навершием и 3) молнии Зевса. Горизонтальная – из 4) трезубца Посейдона и 5) палицы Геракла. Эти четыре атрибута, инсигнии 4-х богов³, составляют «оси» колеса-космоса (*Heydemann*, 1883: 9; *Evans*, 1886: 46). Еще одна особенность композиций таких дисков заключается в наличии у них наружного пояса из предметов, как бы стягивающего части в единое целое; назовем его Кольцом.

Под опрокинутым факелом Персефоны находится опрокинутый же рогами вниз лунный серп. Их можно считать основанием сцены, по аналогии с другими рельефами, у которых сохранилась ручка – например, луврским (*Cumont*, 1917: Fig. 3) и оксфордским (*Evans*, 1886: Fig. 6; *McDaniel*, 1924: Fig. 5, про-рисовка). Стало быть, здесь изображена нижняя часть космоса, преисподняя царицы Персефоны. Она делится на две половины, левую и правую (с точки зрения не зрителя, а самой вещи) – женскую и мужскую, что важно в контексте представлений древности, и специально пифагорейства (Фрагменты, 1989: 144 [Пифагор, 11]), пустившего в Южной Италии самые глубокие корни. Низ в космогонических мифах – хаотическая водная среда, из которой создается мир; земледельческий слой, как более новый, ложится поверх нее. Возможно, поэтому Низ отделен от Верха (в левой его стороне) трезубцем Посейдона, «властителя морей» и «колебателя земли», в правой – палицей Геракла, известного своими земными подвигами.

Начнем разбор композиции с левого нижнего сектора. Именно он выглядит самым «хаотическим» и неупорядоченным, будучи целиком заполненным предметами, не только соседствующими друг с другом, но и частично наслаивающимися друг на друга. Оставляя пока Кольцо, рассмотрим внутреннее содержимое диска.

Сектор I. Сразу при вершине факела находится 6) странный предмет в виде двух ажурных форм: словно два «зеркальных» сердца, соединенные остриями, с неким коротким стержнем по центру; А. Эванс считал это любовным амулетом (*Evans*, 1886: 44). В нижнее «сердце» утыкается головой 7) опрокинутая птица

² Невыясненной осталась ситуация с дисками, найденными близ агоры в Таранто в 1896 г. (кроме двух-трех, все матрицы); это несколько целых дисков и многочисленные фрагменты, всего свыше шестидесяти терракот. Ф.Т. Элворти, видевший их на месте и снявший с матриц оттиски, в феврале 1898 г. представил о них доклад в лондонском Обществе Антикваров; демонстрировались 56 образцов, дм. от 10 до 45 см); самые большие были украшены только головой горгоны раннего типа, с раздвоенным языком (*Elworthy*, 1900: 281–282). Однако изданы автором были всего три памятника, и впоследствии К. Кереньи, пытавшийся найти их следы уже в 1950-е годы, в Таранто ничего не нашел, хотя обнаружил ряд новых фрагментов в Бриндизи, Бари, Потенце и один целый диск в Палинуро (*Кереньи*, 2007: 315, прим. 128).

³ Геракл в Южной Италии и в Таренте, в частности, официально богом не считался. Однако, в среде, где циркулировали такие диски, он явно не был ниже Посейдона, антитезу к трезубцу которого являет его палица.

со сложенными крыльями, над ней сверху висит 8) правая рука человека, а ближе к факелу – 9) предмет, который считают луком или ярмом (*Heydemann*, 1883: 8), связанным с Герой (*Falcone*, 2011: 24); мы склоняемся к «ярму». Между птицей, ярмом и «сердцами» затиснута еще 10) одна миниатюрная форма, а между ярмом и сердцевиной диска – 11) некий крупный предмет, который А. Эванс, на сходном диске в Оксфорде, признал “a large grain of corn” (*Evans*, 1886: 44); ниже виден 12) еще один мелкий предмет.

Кольцо составляют три вещи: рядом с лунным серпом – 13) прямоугольник с 12 равномерно нанесенными углублениями – табличка (лат. *tabula*, ит. *tabella*); далее 14) группа из трех дисков с ободками и выпуклыми сердцевинами – предположительно, три фиалы или патеры; и еще выше, 15) нижняя половина крупного предмета – храмовый ключ.

Сектор II. В самом низу, вдоль лестницы, принадлежащей к Кольцу, помещен 16) узкий длинный предмет без «головы», с заостренным «хвостом»; по его верхнему краю проходят 6 косых насечек. Предмет не отождествлен; его пытались считать ящерицей или водным существом (*Heydemann*, 1883: 9; ср. *Evans*, 1886: 45, “a tunny fish”). Прямо над ним, опираясь двумя концами, стоит 17) изогнутая вещь с одним заглубленно обрезанным краем – рог или серп (*McDaniel*, 1924: 27), клык тигра или дельфин (*Elworthy*, 1900: 286-287), лемех плуга (*Evans*, 1886: 45) или прора корабля (*Falcone*, 2011: 9); мы склоняемся к последнему значению. Перед пророй в середине диска помещено еще 18) что-то небольшое, невнятной округлой формы с перемышкой. Далее идет 19) стержень с пушистой овальной вершиной; по аналогии с другими дисками можем считать его знаком (*Evans*, 1886: 45). Самый угол занимает еще одна крупная вещь – 20) кисть винограда, горизонтально лежащая прямо под палицей Геракла. В целом видно, что данный сектор заметно более разрежен, и вещи не наслаиваются друг на друга.

Кольцо его составляют два предмета – 21) лестница, идущая вверх от лунного серпа, и 22) крупный подтреугольный предмет с «глазком», замененный на оксфордском диске цикадой (*Evans*, 1886: 46, “cicala”).

Сектор III переводит нас из Нижнего мира в Верхний. За палицей Геракла открывается зона с тремя крупными вещами: 23) снизу лежит амфора с высокими ручками над устьем – атрибут одного из Диоскуров (*Lippolis*, 2011: 137f.; *Guarducci*, 1984: 143f.). Над ней громоздится странная группа вещей, в которой можно признать, по аналогии с другими дисками, 24) сову Афины с круглой головой, летящую вправо и помещенную над 25) крупными мужскими гениталиями.

Кольцо составляют три с половиной вещи: 26) клещи Гефеста; 27) крупный цветок с 4-мя лепестками треугольной формы; 28) три прялки с намотанной на них шерстью (атрибуция А. Эванса, по аналогии с фигурами Демоса и Тараса, эпонима города, с прялкой в руках на монетах Тарента – *Evans*, 1886: 45; см. также *Elworthy*, 1895: 381). Три прялки – символ трех Мойр, богинь судьбы: Клото прядет, Лахесис определяет участь, Атропос обрывает нить жизни (*Hes.*

Theog. 904 sq.; *Druckenmüller*, 1932: 2470f.). За тремя прялками идет 29) четвертая, очень крупная и помещенная прямо над молнией Зевса, напротив нижнего лунного диска. Обратим внимание, что три главные вещи в Кольце над атрибутами богов, составляющих «оси космоса», помещены так, что захватывают одновременно два смежных сектора: и лунный серп, и ключи, и прялка. Вероятно, клещи Гефеста изначально тоже помещались на стыке смежных зон.

Сектор IV. Сразу за молнией Зевса идет 30) лира Аполлона, за ней 31) кадуцей Гермеса, за ним 32) вторая амфора Диоскуров.

Кольцо составляют: половина большой прялки, 33) группа из трех кружков с припухшими серединками и ободками (предположительно три пирога); 34) солнце с очень крупным размытым центром и 9-ю неровными лучами; верхняя часть ключа.

Ясно, что диск представляет не случайное скопление предметов, а строго упорядоченную их систему, эволюционирующую в направлении от Низа (левого, женского), против часовой стрелки, – в правую, мужскую часть, и затем снова в левую, где и заканчивается космогоническая история. Огромную роль в этой системе играет царица подземного мира Персефона, с ее лунным светом и горящим в ночи факелом, ответственная за рост и процветание природной жизни. Во всяком случае, сотворение мира относится к сфере богини Луны, к хаотической материнской среде, которой родственна более молодая подземная сфера, производящая растения, злаки, цветы и плоды. А мир культуры с его амфорами, лирами и прялками – это дело мужей, их интеллекта и рации. Первый, «хаотический», лунный сектор смыкается с последним, «космическим» – гармоничным, мудрым и солнечным.

Теперь попытаемся понять изображенный процесс формирования космоса и представленный на диске его образ.

В секторе I начинается все с руки как главного орудия космогенеза, особенно в земледельческом его варианте: латинское слово *colo* «обрабатываю, возделываю» связано с рукой, «культом» и «культурой» (*colo, colui, cultum, colere* – *Дворецкий*, 1976: 205 “*colo II*”). Эта рука опущена вниз и бездействует, тем более что перед ней словно падает в бездну мертвая, оцепенелая птица. Ниже находится связка двух «сердец», напоминающая узор на тарентских сосудах (см. фрагмент пифоса, *Lenormant*, 1881–1882: 183). Изображение можно понять как тесную связь еще не расчлененных двоих (т.е. Первотело хаоса, в котором два начала еще сращены, но уже противостоят друг другу как нижнее-женское и верхнее-мужское; тут же рядом ярмо для упряжки двух волов – парадигматический образец новой связи двоих, и зерно как их будущий плод. То есть, здесь все еще пребывает в стадии брожения и «обработки». Нижний мир открывается (ключ между Верхом и Низом) в «плавающем» лунном народном календаре греков после дней летнего солнцестояния (от Плинерий – Скирофорий – Панафинея до Элевсинских мистерий, с мая по сентябрь).

За ключом в наружном поясе идут три фиалы – знак фундаментального для древности ритуала возлияния (*Hanell*, 1937: 2131-2137), знаменующего

преодоление смерти жизнью, и табличка при лунном серпе – воплощение «писаных законов» земледельческого мира, тех $\theta\eta\sigma\mu\omicron\iota$ (расценивались как закон, νόμος), в честь которых праздновались Тесмофории Деметры и Персефоны (Sonthmeier, 1936: 21). Без них не родится хлеб, не зреют плоды, не ягнятся овечки. Не случайно табличка на ряде дисков стоит в основании космоса (ср. ниже, диск в Британском музее, илл. 5 a-b). Табличка-диптих, вместе со стилем, часто встречается на реверсах апулийских ваз, в аналогичном космогоническом контексте: в центре над двумя антитетическими фигурами юношей в плащах (Trendall, Cambitoglou, II, 1982: Pl. 212.4; 213.6; 214.2; 215.1, 4; 218.6; 219.2, 4 etc.).

В секторе II хаос начинает упорядочиваться, и предметы предстают «разделенными» («разделение» как расчленение, разрезание, жертвоприношение есть важнейший ритуал космогенеза), морские отдельно (прора и «ящерица»), земные отдельно (колос и виноград). Лестница знаменует восхождение в Верхний мир зародившихся начал космоса. А «предмет с глазком» явно не случайно стоит на вершине лестницы – это он символически восходит в Верхний мир как квинтэссенция всего зародившегося в потусторонности.

В секторе III возникает движение форм: мертвая птица-душа оживает, превращаясь в сову Афины – воплощение мудрости, знаний, просвещенности. Ее взлет над символом мужской репродуктивности может означать двуначалие космоса: мужчина – праотец и зачинатель поколений, а женщина – его дух, душа и мудрость. Казалось бы, в нижних секторах проводилась противоположная мысль: там царила богиня Персефона, а душа-птица, соотносимая с мужской рукой, представляла мужское начало. Но эти два мира разные и противоположные. Внизу зачинает жизнь женское начало – «сырое», стихийное и чувственное, вверху – мужское, логическое и здравомыслящее. Сова среди героев диска – единственное живое существо, которое сдвигает с мертвой точки мир, наделяя жизнью всю застывшую предметную систему. Она воплощает женское начало, однако оно «мужеподобное»: «совоокая» ($\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\omicron\lambda\iota\varsigma$) богиня Афина (Dümmler, 1896: 1994). Характерно, что именно над ней помещены и три прялки Мойр, и большая прялка: Афина у греков – Эргана, покровительница ремесленников, богиня-пряильщица и ткачиха (Paus. I. 24. 3; Dümmler, 1896: 1967f.), которой подносили на Великих Панафинях новосотканный и вышитый пеплос (Dümmler, 1896: 1962, 1995f.). Примечательно, что сова соседствует с молнией Зевса – мифического отца Афины, из головы которого она вышла при родах в полном вооружении. В Таренте почитался Зевс Καταδάτης – «Нисходящий в молнии» (Cumont, 1917: 93, п. 2; см. Athen. XII. 522d); но и сама Афина могла появляться с молнией вместо копья (в частности, на монетах Македонии: Dümmler, 1896: 1994).

В секторе IV лира Аполлона, кадуцей Гермеса и амфора второго Диоскура составляют четкую и замкнутую группу. Если первый Диоскур находился, подобно Афине, справа от Зевса-молнии, то второй – непосредственно связан с трезубцем Посейдона. Он помещен в самом упорядоченном секторе,

однако это означает и близость к концу, к водам хаоса: космос, достигнув высот своего совершенства, клонится к упадку. Значит, в секторе III умозрительно пребывает смертный Кастор, а здесь бессмертный Полидевк (в Риме бессмертным почитался Кастор – *Bethe*, 1905: 1090). Диоскуры как олицетворение двух половин космоса, Низа и Верха (*Bethe*, 1905: 1091f.), весьма знаменательны. Они – порождение патриархальной культуры; их амфоры – «мужского» типа, с узкими туловами-лонами и чрезмерно удлиненными ножками, шейками и ручками. Именно над амфорой-Полидевком светит солнце, умирающий и воскресающий бог, благодаря которому произрастает все живое. Лира и кадуцей, атрибуты Аполлона и Гермеса, говорят о гармонии мироздания и о тесной связи в нем смерти и жизни. Группа из трех пирогов в Кольце близ большой прялки может представлять собирательный плод – результат прошедшего цикла, в отличие от его земного начала, цветка, помещенного прямо напротив в секторе III.

Таким образом, перед нами развернута картина становления и развития жизни космоса в четырех ее стадиях, от зарождения до апогея/смерти. Представлена она в специфическом виде – через атрибуты и символы богов, «инструменты» и некоторые символы культуры.

Известны еще три диска, примерно тех же размеров и с такой композицией – в Лувре (илл. 2), в Оксфорде (илл. 3 а-б) и в Таранто (илл. 4); все три с «негативным» рельефом, т.е. матрицы. Московский диск ближайшим образом напоминает луврский экземпляр, тогда как два других отличаются деталями.

Диски с фризовой композицией, лучшим представителем которых является экземпляр в Британском музее (илл. 5 а-б), по существу повторяют секторные; у них тоже очевидна крестовидная схема: выделены вертикальная и горизонтальная оси и отмечена сердцевина, иногда с вписанным крестом. Отличия заключаются в том, что несмотря на аналогичное АТ 1818 построение фризов снизу вверх и слева направо (от хаоса к порядку), идея эволюции космогенеза существенно стерта; отсутствует божественный стержень мира, состоявший из четырех фигур (Посейдон, Персефона, Геракл, Зевс); Зевс (молния) перестал исполнять роль главы пантеона, будучи помещенным иерархически ниже Афины и Диоскуров; в основе мире – уже не светило подземной богини (луна), а закон (табличка); главные символы Ночи и Дня, мрака и света, смерти и жизни подняты в самый верхний, почетный уровень композиции. Это солнце и луна, между которыми находятся богини судьбы, Мойры (три прялки); они-то и правят космосом.

Выдвижение Мойр в центр бытия космоса говорит об отходе греков Италии от веры в классический пантеон, который здесь представлен весьма широко: Зевс (молния), Гера (ярмо?), Посейдон (трезубец), Аполлон (лира), Афродита (голубь), Арес (меч, см. на британском диске), Афина (сова, большая прялка), Гермес (керикейон/кадуцей), Геракл (палица), Деметра (колос, зерно), Персефона (крестовидный факел), Селена (луна), Гелиос (солнце), Геката (ключ), Диоскуры (амфоры), Дионис (виноград), Мойры (три прялки) и др.

Вместе с тем очевидно, что главенствующий в позднеклассической Италии Дионис, знаки которого присутствуют так или иначе почти на всех тысячах произведенных там ваз, здесь фигурирует только в виде виноградной грозди – нет канфаров, кратеров, ситул, масок и тем более тирса, казалось бы, столь уместного в ряду скипетров-инсигний богов. Мощная итальянская Афродита тоже держится в стороне, с косвенными знаками и при полном отсутствии Эро-та; нет и явного представления Геры, хотя она всплывает в качестве сердцевин-ны космоса на загадочном диске из Гравины, исполненном в местном стиле (*Falcone*, 2011: Fig. 14).

То есть, перед нами очень особый и явно не официальный образ тарент-ского космоса. Мойры связаны с Афиной-совой, поскольку их прялки поме-щены прямо над ней (или в непосредственной близости), а Афина выступает в блоке с Диоскурами, присутствующими почти на всех дисках, не только в виде амфор, но и в виде фигур овцы и барана (см. илл. 5 a-b), двух звезд, двух головных уборов-пилосов или ритуального портала (*δόκων*) «неразделимых братьев» (*Guarducci*, 1984; *Lippolis*, 2011: 139f.). Диоскуры – высокочтимые божества в Спарте, метрополии Тарента; думали даже, что известное спартан-ское двоецарствие связано именно с ними (*Herod.* V. 75). Близнецы почита-лись там, в том числе, вместе с Афиной и Зевсом, но как, когда и почему они выдвинулись в число главнейших богов Тарента, как оказались связанными с Посейдоном и Гераклом, при скипетрах которых находятся их амфоры, как оказались в сфере влияния Мойр, – все это остается неизвестным вплоть до полного исследования образно-символической системы «священных дисков». Пока лишь ясно, что это очень важная и серьезная глава в истории позднеан-тичного искусства и мирозерцания.

“*Dischi sacri*”, по фактически всеобщему признанию, являются продукцией Тарента. Относительно их датировки высказывались самые разные гипотезы, в рамках IV–I вв. до н.э. Сопоставление их с расписными апулийскими вазами погребального характера, производившимися в огромном количестве в IV в. до н.э. в Таренте и Апулии и исчерпавшими силы в начале III в. до н.э., показыва-ет лишь тенденцию к замене антропоморфных фигур предметными символами (в качестве последних выступают в основном сосуды), причем этот процесс даже в самых поздних вазах не приобрел характера оформленности. Хотя об этом пока рано судить, все же кажется, что секторные диски типа AT 1818, самые ранние в серии и еще достаточно «классические», могли быть созданы в III в. до н.э., тогда как фризовые типа британского, доминирующие численно среди других, должны были следовать за ними (III–I вв. до н.э.).

Ученые справедливо отмечали пантеистическую и универсалистскую ли-нию этого загадочного «жанра» южноиталийского искусства, направленную на собирание образа мира и переосмысление его в новом, эллинистическом клю-че. Ф. Кюмон проникательно отмечал близость «священных дисков» к рим-скому мышлению, но при этом отсутствие в них ярко вспыхнувших уже при первых императорах восточных и александрийских влияний (Исида, систр,

Митра, бык, шишка пинии, фригийский колпак, Аттис и т.д.) (*Cumont*, 1917: 107). "Dischi sacri" исчезли где-то в I в. до н.э., уступив место предметам типа «Лампы Бароне» (*Elworthy*, 1895: 377f. Fig. 184) и *mano panthea*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Athen. – Афиней. Пир мудрецов.
Herod. – Геродот. История.
Hes. Theog. – Гесиод. Теогония.
Paus. – Павсаний. Описание Эллады.
RE – Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894f.

ЛИТЕРАТУРА

- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
Кереньи К. Дионис: Пробраз неиссякаемой жизни. Пер. с нем. А.В. Фроловой, Л.Ф. Поповой. М., 2007. С. 243–245.
Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики. Издание подготовил А.В. Лебедев. М., 1989.
Bethe E. Dioskuren // RE Hbbd. XI. Stuttgart, 1905. Sp. 1087–1123.
Cumont F. Discs ou miroires magiques de Tarènte // *Révue Archéologique*. Tome V. 1917. P. 87–107.
Druckemüller A. Moira // RE XV. 1932. Sp. 2449–2497.
Dümmler F. Athena // RE Hbbd. IV. 1896. Sp. 1941–2020.
Elworthy F.Th. The Evil Eye: An Account of this Ancient and Widespread Superstition. London, 1895.
Elworthy F.Th. Horns of Honor and Other Studies in the By-Ways of Archaeology. London, 1900.
Evans A.J. Recent Discoveries of Tarentine Terra-Cottas // *Journal of Hellenic Studies* VII, 1886. P. 44–50.
Falcone L. Votivi fitili dall'area sacra del Fondo Patturelli: Alcuni Oscilla ed un "Disco sacro" // L. Falcone (ed.). Curti tra storia e archeologia. / Atti della giornata di studio, venerdì, 26 febbraio 2010, Biblioteca Comunale – Curti, Caserta: Frammenti edizioni, 2011. P. 33–54.
Guarducci M. Le insegne dei Dioscuri // *Archeologia Classica*, 1984. Vol. 36. P. 133–154.
Hanell K. Trankopfer // RE VI, 1937. Sp. 2131–2137.
Heydemann H. Remarques sur une moule en terre cuite // *Gazette Archéologique* 1883. P. 7–10.
Jahn O. Über den Aberglauben des bösen Blicks bei den Alten // *Berichte der k. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*, VII. 1855. S. 28–110.

Lenormant F. Notes archeologiques sur la Terre d'Otrante // *Gazette Archéologique*, 1881-1882. VII Année. P. 88-127.

Lenormant F. Notes archéologique sur Tarente (1) // *Gazette Archéologique* 1881-1882. VII Année. P. 148-190.

Lippolis E. Rituali di guerra: I Dioscuri a Sparta e Taranto // *Archeologia Classica*. 2009. Vol. 60. P. 117-159.

Loprete T.C., Bini M.P. I dischi sacri di Heraclea // *Studi su Siris-Eraclea*. 1989. P. 49-74.

McDaniel W.B. The Holiness of the Dischi Sacri // *American Journal of Archaeology*. 1924. Vol. 28. P. 24-46.

Minervini G. [Dischi Sacri] // *Bulletino archeologico Napoletano*, 1856-1857. N.S. Vol. V. No. 120. P. 169 sq.

Sontheimer W. Thesmophoria // *RE Hbhd.* XI, 1936. Sp. 15-28.

Trendall A.D., Cambitoglou A. The Red-Figured Vases of Apulia. Vol. II. Late Apulian. Oxford, 1982.

Wuilleumier P. Tarente de ses origines à la conquête romaine // *Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome*, 148. Paris, 1939.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Терракотовый диск. Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. АТ 1818.
Фото А.Ф. Кудрявицкого

Илл. 2. Терракотовый диск-матрица. Париж, Лувр.
Инв. Ср 4822. Отгиск работы Э. Потье (Cumont, 1917: Fig. 3)

Илл. 3. Терракотовый диск-матрица. Оксфорд, Музей Эшмола.
а) Фото (Evans, 1886: Fig. 6) и б) прорисовка (McDaniel, 1924: Fig. 5)

Илл. 4. Терракотовый диск-матрица. Таранто, Национальный археологический музей.
а) Фото (*Lippolis*, 2009: Fig. 8) и б) зеркальный вариант

Илл. 5. Терракотовый диск из коллекции У. Темпла. Лондон, Британский музей.
Инв. 1856,1226.336 (E. 129). а) Фото и б) прорисовка (*McDaniel*, 1924: Fig. 3)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЕКТЕ РЕСТАВРАЦИИ ТРИУМФАЛЬНОЙ АРКИ ПАЛЬМИРЫ

*Н.Ф. Соловьева, Б.М. Атаянц, Е.К. Блохин, П.Д. Котелевец, Р.С. Малай,
Е.А. Малай, Я.А. Низов, М.С. Тушкина*

Арка Пальмиры – один из трех наиболее значимых объектов, включенных в список всемирного наследия ЮНЕСКО «Археологические памятники Пальмиры», которые пострадали от актов терроризма в 2015 году. В период с конца лета до начала осени 2015 года, наиболее хорошо сохранившиеся и широко известные архитектурные памятники Пальмиры, олицетворяющие сирийскую историю и культуру, и европейскую цивилизацию в целом, были заминированы и взорваны боевиками из запрещенной в России организации ИГИЛ (ДАЕШ). Этим актам терроризма подверглись такие исторически важные сооружения, как Храм Бела, Храм Баалшамина и Триумфальная Арка, находящаяся на Большой Колонной улице Пальмиры (Илл. 1).

В марте 2022 года Генеральный департамент древностей и музеев Сирии и Институт истории материальной культуры Российской академии наук подписали договор о реставрации Триумфальной Арки.

С российской стороны проект выполняется Центром спасательной археологии ИИМК РАН под эгидой Русского географического общества при поддержке Минобороны. Мы собрали уникальный научный творческий коллектив, в который вошли лучшие специалисты Санкт-Петербурга и России: сотрудники ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа, специалисты «Архитектурного бюро «Студия 44», которым руководит народный архитектор России, лауреат двух Государственных премий Никита Явейн, сотрудники «Архитектурной мастерской М. Атаянца», возглавляемой специалистом в области античной архитектуры Максимом Атаянцем, ученые Санкт-Петербургского Государственного Университета, члены ИКОМОС Россия и «Союза реставраторов Санкт-Петербурга», руководители и сотрудники профильных компаний «АЖИО», «ЛСУ» и «Бастион».

С сирийской стороны проект курирует Министерство культуры и Сирийский фонд развития, в работе принимают участие специалисты Генерального Департамента древностей и музеев Сирии (ДГАМ) и Дамасского Университета, и жители современного города Тадмор, на окраине которого расположена Пальмира. Все работы выполняются в соответствии с протоколами ЮНЕСКО и требованиями правительства Сирийской арабской республики.

В настоящей статье коллектив авторов предлагает разработанную под руководством ЦСА ИИМК РАН методику использования цифровых подходов в архитектурно-археологической реставрации сложных объектов, пострадавших в ходе военных действий.

СОСТОЯНИЕ АРКИ НА МОМЕНТ НАЧАЛА ПРОЕКТА

Взрывные устройства были установлены на центральных опорах арки, что привело к практически полному разрушению опоры А (частично сохранилась только до высоты 70 см от поверхности земли), частичному разрушению остальных центральных опор на высоте более 3,5 метров и полному разрушению сводов и стен между опорами (Илл. 2). Боковые опоры остались почти нетронутыми. Большая часть осколков от взрыва разлетелась не далее 6 метров от эпицентра. Образовавшаяся куча осколков частично засыпала основания опор, и вокруг них образовался сложный завал высотой до 3,7 метров, состоящий из больших каменных блоков, обломков и мелкого щебня. Некоторые мелкие фрагменты были выброшены взрывной волной на большее расстояние, а крупные упали неподалеку от основания опор. В таком состоянии разрушения арка находилась с октября 2015 года до апреля 2022 года, и за это время некоторые части завала успели покрыться эоловыми отложениями, а у основания начала расти растительность пустыни.

Первые шаги в посттравматическом восстановлении объектов культурного наследия включают в себя детальную документацию состояния памятника и оценку его текущего состояния (согласно рекомендациям ICOMOS 2017). В случае разрушения объекта в результате взрыва единственным способом создания полной документации является разбор завала и систематическое изучение каждого элемента, что напоминает процесс традиционных археологических раскопок. Наша команда решила использовать трехмерное моделирование различной сложности как основной инструмент фиксации при выполнении этой задачи. Весь процесс цифровой документации по посттравматическому восстановлению был разделен на следующие этапы (Илл. 3):

1. Первоначальная документация: создание трехмерной модели видимой поверхности завала в состоянии сразу после взрыва.

2. Создание базовой упрощенной модели для предварительного анализа, позволяющей выявить видимые блоки на поверхности, провести подсчет сохранных элементов и спланировать дальнейшие шаги в документировании разрушения.

3. Послойный разбор завала и создание трехмерной модели каждого сохранившегося элемента арки.

4. Виртуальная реконструкция арки и восстановление выявленных сохранившихся элементов на исходных местах в пространстве трехмерной модели.

Одной из главных сложностей, с которыми сталкивается специалист, планирующий использовать ВМ-подходы и фотограмметрию в аналитическом процессе, всегда является баланс между упрощением моделей и поиском оптимального соотношения между простотой и точностью (см. *Bagnolo* и др., 2019: 60–61, для сравнительной оценки методов фотосъемки см. *Chiabrando* и др., 2017: 171). Программные продукты, предназначенные для архитекторов и дизайнеров, обычно предполагают работу с простыми формами, созданными

«с нуля», и не предусматривают использование сложных многополигональных объектов, как это обычно бывает в археологии. Существуют разные способы решения этой проблемы, начиная от полной переработки каждого объекта вручную или с использованием алгоритмов, и заканчивая отказом от использования многополигональных моделей и переходом к облакам точек в качестве конечного хранилища археологической информации (*Achille* и др., 2015: 600). При этом важно сохранить информацию о поверхности и текстуре каждого элемента, и оптимальным решением видится создание двойного архива моделей: для сохранения исходной информации создается высокополигональная модель с наибольшим количеством поверхностей, а для текущей работы в трехмерной среде создается упрощенная копия путем ретопологии поверхности (с использованием децимации и фильтрации). Для каждого проекта находится оптимальное соотношение количества полигонов и точности передачи формы экспериментальным методом.

ПОЛЕВАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ И АНАЛИЗ ПОСТРАДАВШЕГО ОБЪЕКТА

Первоначальная документация проводилась с использованием фотограмметрии, включая аэрофотосъемку с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и наземную фотосъемку (*Соловьева* и др., 2019). Аэрофотосъемка выполнялась с помощью октокоптера компании "Беспилотные системы", оснащенного камерой Sony α6000 с объективом 20 мм, а наземная съемка проводилась с использованием фотоаппарата Canon 5D Mark III и объектива 24 мм. Геодезическая основа была создана с использованием методов спутниковой геодезии спутниковым приемником Spectra Epoch 60 и развита в сеть реперов тахеометром Leica TS07 5". Полученные данные, при поддержке Отдела обработки данных дистанционного зондирования земли группы компаний Геоскан, используя программу фотограмметрической реконструкции Agisoft Metashape, были использованы для создания трехмерной модели развала с более чем 32 миллионами полигонов. Модель была геопривязана в системе координат WGS 84 UTM 37 N, что позволило проводить измерения и анализ состояния объекта. На основе этой модели были проведены предварительные подсчеты количества блоков в развале и расчеты, необходимые для планирования последующей разборки завала.

Анализ состояния арки был начат с того, что по первоначальной модели были выделены поверхностные модели отдельных больших блоков, на основе которых были предварительно определены параметры этих блоков. Эти параметры использовались для создания рабочей параметрической модели арки в программе BIM-моделирования Autodesk Revit (Илл. 4). Создание такой модели, включая уже идентифицированные на поверхности блоки, до начала полевых работ, существенно упростило планирование и организацию документации об отдельных элементах арки.

На втором этапе были проведены обширные полевые работы по разборке завала и перемещению отдельных рухнувших блоков в специально подготовленный лапидарий. При этом были соблюдены следующие основные принципы:

1. Максимальное сохранение информации о положении объектов: При организации перемещения камней из завала в лапидарий главным приоритетом было сохранение информации о точном положении каждого камня. Это было необходимо для дальнейшей архивации и анализа.

2. Максимальное сохранение физической целостности объекта: При перемещении камней из завала в лапидарий придавалось большое значение сохранению их физической целостности. Это предотвращало возможное повреждение камней в процессе перемещения.

3. Обеспечение безопасного хранения в лапидарии: Лапидарий был спроектирован с учетом безопасного и долгосрочного хранения камней, а также обеспечения удобного доступа для сканирования и исследований (Илл. 5).

На начальном этапе разборки поверхность завала очищалась от мелкой крошки, оловых отложений и растительности. Затем выбирались камни, которые находились наиболее доступно в структуре завала и их извлечение не представляло опасности для всей конструкции. Положение каждого камня фиксировалось, либо на уже существующей первичной модели поверхности завала, либо с помощью тахеометрической съемки, особенно если камень находился в нижних слоях завала и не был виден на поверхности.

Камни, отобранные для последующего сканирования, должны были соответствовать определенным критериям. Эти критерии включали в себя следующее: либо размер камня более 0,02 кубических метров, либо наличие декоративных элементов или обработанных поверхностей. Камни, не удовлетворявшие хотя бы одному из этих критериев, считались мелкими бутовым заполнением и не выбирались.

Выбранный для перемещения камень получал специальную маркировку и затем вносился в опись учета камней. Все каменные блоки, выбранные для перемещения, были помечены в соответствии с системой маркировки, установленной для пилонов Робера Ами во время реставрации 1930-х годов (см. *Ату* 1933: 398). Основные элементы этой системы маркировки были установлены на основе анализа первоначальной модели поверхности разрушения, и они дополнялись при обнаружении новых слоев развала.

Выбранные и помеченные камни перемещались в лапидарий с использованием как ручного труда, так и специальной техники, включая краны и подъемники. При организации лапидария были учтены следующие требования:

1. Камни, происходящие из одного и того же участка развала, располагались близко друг к другу для обеспечения компактного размещения.

2. Камни не перемещались на большие расстояния от места разборки.

3. Между камнями создавалось достаточное пространство для безопасного движения тяжелой техники.

4. Камни не устанавливались на известных археологических объектах, и минимальное расстояние между камнями составляло 1,5 метра для обеспечения доступа для сканирования и прохода.

5. Камни устанавливались на тыльную сторону, чтобы обеспечить доступ к фасадным (орнаментированным) частям камней для туристов и исследователей.

Всего в лапидарий было перемещено 1440 камней из завала, а мелкий щебень и камни, не имеющие идентификационных признаков, были размещены на отведенной территории на краю лапидария.

Лапидарий выполнял роль не только места хранения камней, но и места для сканирования отобранных фрагментов. Для создания трехмерных моделей камней был использован метод сканирования структурированной подсветкой (Structured Light Scanning – SLS), и в качестве сканера использовалось устройство Artec Eva 3D. Этот сканер освещает целевую область структурированным светом, а две камеры одновременно регистрируют отраженный свет. После этого программное обеспечение, используя алгоритмы аналогичные фотограмметрическим, восстанавливает геометрию объекта, а также его текстурную информацию. Использование SLS сканера имеет преимущество по сравнению с классической фотограмметрией, так как значительно экономит время при создании моделей.

Однако, при использовании сканера, возникла проблема с ярким солнечным светом, который мешал камерам сканера получать качественные изображения. Для решения этой проблемы было создано мобильное укрытие, которое состояло из легкой арматуры и брезентовой ткани. Это укрытие позволяло проводить сканирование в условиях, когда солнечный свет был менее интенсивным, что особенно актуально было в осенний период. Весной, когда солнце было более ярким, сканирование проводилось в сумерках и вечернее время.

Для сканирования отбирались камни, которые соответствовали следующим критериям:

1. Размер одной из поверхностей камня составлял более 0,2 квадратных метра.
2. Камень был аутентичным, то есть не был заменен в процессе реставрации Робера Ами.
3. Камень имел обработанную поверхность.

Камни, которые не соответствовали этим критериям, считались неидентифицируемыми обломками и не подвергались сканированию. По этим критериям было отобрано и отсканировано 477 камней.

Сканирование структурированной подсветкой создавало высокополигональные модели, содержащие миллионы полигонов. Для использования этих моделей в среде трехмерного моделирования или BIM-программах, необходимо было упростить модели, чтобы снизить количество полигонов до более управляемого уровня, обычно от 20 000 до 30 000 полигонов (Илл. 6). Это упрощение проводилось методом децимации, и для каждой категории камней (сложные, простые и мелкие) были установлены определенные значения полигонажа, которые соответствовали оптимальному балансу между точностью модели и ее упрощением. Для сложных камней допустимое значение полигонажа определялось в 50000, для простых и мелких – от 1000 до 30000.

Таким образом, были созданы оптимизированные модели, которые легко интегрировались в среды трехмерного моделирования и BIM-программы и позволяли сохранить всю важную информацию об исследуемом объекте. При необходимости исследователям всегда была доступна возможность обращаться к архиву камней, в котором хранились как исходные полноразмерные, так и упрощенные модели.

Документация и фиксация состояния арки Пальмиры после разборки завала была осуществлена с использованием разных итераций и методов съемки, что позволило получить детальную и точную информацию о состоянии объекта. Всего были созданы три модели:

1. **Промежуточная модель:** Сразу после разборки завала была создана модель с использованием квадрокоптера DJI Mavic 2 Pro. Эта модель использовалась в дальнейшем как промежуточная фиксационная модель.

2. **Детальная модель:** Вторая модель была создана одновременно с началом раскопок. Для этой модели использовался квадрокоптер DJI Mavic 3, и было сделано более 1000 снимков, на основе которых была построена модель, содержащая 18 миллионов полигонов. Это обеспечило высокую детализацию модели, которая позволяет выделять мелкие детали орнамента и трещины в каменных блоках.

3. **Финальная модель:** После окончания раскопок и раскрытия фундамента арки была снята финальная модель, в которой основное внимание уделялось элементам в основаниях сооружения. Для этой модели использовалась комбинация съемок с квадрокоптера DJI Mavic 3 и зеркального полнокадрового фотоаппарата Canon 5D Mark III.

Все модели были созданы с использованием программы Agisoft Metashape, и снимки были координированы в системе координат WGS 84 UTM 37 N с использованием базовых реперов, установленных на первом этапе съемки в 2019 году.

Множественные итерации в моделировании объекта позволили оптимально организовать процесс съемки и добиться наилучших результатов на каждом этапе. Это также обеспечило возможность контролировать точность съемки моделей относительно друг друга, что важно для документации и анализа (Илл. 7).

СОЗДАНИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ОБМЕРНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Созданная объемно-пространственная модель стала основой для построения архитектурных чертежей и отчетной чертежной документации. Обмерная фиксация, переведенная в графический вид, представляет собой наиболее корректную основу для дальнейших исследовательских и проектных работ, так как она содержит исчерпывающую информацию о размерах и состоянии объекта культурного наследия. Это позволяет провести архитектурный мониторинг объекта и использовать полученные данные в различных аспектах исследования и сохранения исторического наследия (Афанасьев, 2004; ГОСТ Р 56905-2016).

Для создания чертежей в рамках отчетной документации, мы придерживались требований, установленных в техническом задании. Эти чертежи включают в себя планы, фасады, разрезы, а также архитектурные элементы и шаблоны (согласно ГОСТ Р 55528-2013). Чтобы создать чертежи текущего состояния пилонов Арки использовались результаты фотограмметрической съемки и векторный редактор. Для создания архитектурных чертежей была выбрана программа Autodesk AutoCAD.

Перед началом работы мы разработали определенный визуальный стиль для чертежей. Для этого были проанализированы примеры классического рисунка, чертежей, выполненных в ручной графике, такие как монографии о храме Бэла и чертежи античных Триумфальных Арок (Seyrig at al., 1968). Был выбран метод академического изображения руинированного памятника. Чертежи подробно передают объем каждого элемента архитектуры, а также глубину и степень повреждений. Применяются линии разных типов и толщин, чтобы создать иллюзию объемности на плоском чертеже. Для лучшего восприятия объема также используется прозрачность линии. Все основные объекты, находящиеся на переднем плане чертежа, имели более выделенные контуры и более детальные элементы. На втором и последующих планах, а также при передаче орнаментов, сколов и трещин, мы использовали более тонкие и светлые линии, чтобы избежать визуального зашумления. Этот подход с различными типами линий помог создать впечатление объема и глубины каждого элемента, сохраняя при этом плоский характер чертежа.

Для более точного представления геометрии Арки в наших чертежах мы создали две аксонометрические проекции этой архитектурной структуры с верхней и нижней стороны. Аксонометрическая проекция обеспечивает более наглядное и полное представление об объемных и пространственных характеристиках объекта, что содействует лучшему пониманию памятника. Для создания аксонометрических чертежей мы использовали плоские чертежи, такие как планы и фасады, а также визуализацию объемной модели. В аксонометрической проекции измерения во всех трех плоскостях – высота, ширина и глубина – остаются неизменными и математически точными. В отличие от перспективы, где параллельные линии сходятся в одной точке, в аксонометрии все параллельные линии остаются строго параллельными. Это позволяет точно представить пропорции между всеми компонентами конструкции и промежутками между ними, что обеспечивает возможность измерения и анализа всех элементов с высокой точностью.

Также была проведена работа по созданию каталога декоративных элементов Арки. После тщательного анализа существующих и утраченных орнаментов были выделены различные типы декора в зависимости от их местоположения на арке, пилоне, капителе, карнизе и антаблементе. Особое внимание было уделено категориям архитектурных элементов, таких как базы пилонов и колонн, эдикулы и консоли.

Каталог декоративных элементов содержит информацию о местоположении каждого орнамента на Арке, указание на соответствующий пилон, фотографии орнаментов и заметки о их характеристиках и состоянии, включая размеры, наличие различных декоративных элементов (например, цветки, листья аканта,

пальметты, бусы, ионические мотивы и так далее) и степень сохранности. На основе этого каталога были созданы более детальные чертежи всех декоративных элементов Арки. На данный момент основное внимание было уделено орнаментам пилонов Арки, каждый из которых является уникальным, хотя есть и некоторые повторяющиеся мотивы. В результате было выявлено 10 типов вертикальных орнаментов, и для каждого из них были созданы соответствующие чертежи (Илл. 8, 9).

Таким образом, был завершен полный объем обмерной фиксации, который также используется в создании точной объемной модели объекта.

СОЗДАНИЕ ТРЕХМЕРНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ОБЪЕКТА

В этом этапе основной задачей является объединение 3D-моделей в единую структуру. Изначально была создана предварительная информационная 3D-модель Арки, охватывающая период с 1930 по 2015 год. Эта модель служит основой для интеграции камней и моделирования утраченных элементов. Однако в процессе работы эту опорную модель заменили на более точную версию.

Процесс поиска и сопоставления обрушенных камней с их исходным положением осуществлялся путем анализа фотографий до обрушения, а также материалов Робера Ами и данных, полученных в ходе полевых исследований (Аму, 1933). Сопоставление проводилось по нескольким признакам:

1. Конфигурация и форма камня: Этот признак позволял отобрать крупные блоки и анализировать конструктивное строение камня, его пропорции и размеры.

2. Декоративный орнамент: Блоки отбирались на основе их уникальных декоративных особенностей и орнаментации.

3. Дефекты камня: Проводился визуальный анализ камней, включая сколы, трещины, неровности и текстуру породы. Это позволяло определить степень обветренности и высоту изначального положения камня.

4. Технологические отверстия: Исследовались технологические отверстия, используемые для крепления камня. Это помогало определить место и ориентацию блока.

5. Горизонтальная ориентация стилолитовых швов: Камни укладывались с горизонтальной ориентацией стилолитовых швов, что было важным признаком для определения их положения.

6. Сопоставление с соседними обрушенными фрагментами: Проводилось детальное сопоставление плоскостей сопряжения блоков и их габаритных размеров.

7. Инверсионный поиск: Этот метод использовался для нахождения камней «от обратного» путем выявления отсутствующих камней на модели и их последующего поиска и сопоставления.

Эти методы и признаки помогли точно определить положение и исходное состояние обрушенных камней, что является важным шагом в восстановлении Арки и понимании характера ее разрушения.

На начальном этапе работы было распознано 168 фрагментов Триумфальной Арки, и результаты данной работы были собраны в компьютерной программе по объемному моделированию Autodesk 3ds Max (Илл. 10). Для более точного позиционирования отсканированных упавших камней внутри пространства Арки была создана новая трехмерная модель состояния Арки до взрыва с использованием программы Blender 3D и метода полигонального мультиреференсного моделирования. Основным материалом для создания этой модели был взят из фотографического архива Арки до взрыва, собранного в ходе экспедиций, а также из архивов и интернет-ресурсов. Эти фотографии были классифицированы и отсортированы по различным критериям, включая приоритет ракурса, наличие данных Exif (Exchangeable Image File Format), разрешение и степень сжатия изображений, а также видимые искажения. Полученная трехмерная модель Арки была создана с учетом этой классификации и расположения виртуальных камер, которые соответствуют данным фотографий Арки до взрыва в отношении ракурса, углов наклона и даже искажений фокусного расстояния и перспективы (Илл. 11).

Поскольку многие фотографии из интернета не содержали Exif-данных о камере и объективе с фокусным расстоянием, были написаны дополнительные программные команды на языке Python для программы Blender 3D, чтобы улучшить точность виртуальных камер. Улучшенные виртуальные камеры позволили сравнивать визуальные различия между состоянием Арки до взрыва и текущим состоянием уцелевших пилонов по конкретным ракурсам фотографий (Илл. 12). Виртуальная сцена также позволяет быстро переключаться между необходимыми ракурсами для анализа фотографий всей Арки и одновременно моделировать пилоны, создавая различные плоскости в пространстве для описания швов между блоками.

С использованием виртуальных камер и прикрепленных к ним фотографий была создана трехмерная полигональная модель Арки в виде контейнеров для каждого упавшего каменного блока после взрыва (Илл. 13). Далее в эту трехмерную сцену в Blender 3D была интегрирована группа трехмерных моделей, представляющих отсканированные каменные блоки. Работа над полигональной моделью Арки и размещением сканированных блоков построена таким образом, что каждый элемент взаимоуточняет друг друга, чтобы достичь максимальной точности и соответствия.

По мере обнаружения новых блоков они добавляются в сцену, и новые виртуальные камеры используются для анализа фотографий (Илл. 22). Точность моделирования в итоге достигает уровня 0,2–0,3% от линейных величин.

Затем модели уцелевших пилонов, модели обнаруженных блоков и модели воссоздаваемых блоков интегрируются в программу для BIM-моделирования Autodesk Revit. Эта программа позволяет создавать информационную модель сооружений (BIM – Building Information Modeling) и предоставляет возможность трехмерного моделирования, создания чертежей, а также редактирования элементов информационной модели. Модели, полученные в ходе полевых исследований, могут быть детализированы и аннотированы в Revit, а также использованы для автоматического расчета площадей, объемов, количества и других характеристик, необходимых для проектирования и рабочей документации.

На текущий момент можно предоставить следующую информацию о состоянии Арки и ее фрагментах (Илл. 23):

- **Общая площадь Арки:** 354,67 кубических метров, что составляет 100%.
- **Уцелевшие пилоны:** 143,29 кубических метров, что составляет 40%.
- **Обрушенные конструкции:** 211,38 кубических метров, что составляет 60%.
- **Разрушенные и забутовочные камни:** 56,9 кубических метров, что составляет 16%.
- **Камни, находящиеся в лапидарии:** 154,48 кубических метров, что составляет 44%.
- **Обнаруженные камни:** 83,20 кубических метров, что составляет 23%.
- **Уцелевшие конструкции (пилоны и определенные камни):** 226,49 кубических метров, что составляет 64%.

Эти данные о состоянии и распределении фрагментов Арки использованы при разработке проекта реконструкции этого исторического сооружения.

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Полученные в результате полевых и камеральных исследований данные стали основой для разработки информационной модели Триумфальной Арки Пальмиры. Эта модель, в свою очередь, послужила основой для создания исторических реконструкций арки и для планирования реставрационных мероприятий. В ходе полевых работ мы выделили две основные категории документируемых элементов: первая включает в себя элементы архитектурного сооружения, которые сохранились на своем историческом месте (*in-situ*), а вторая – отдельные фрагментированные блоки, из которых состоит арка. Для каждой из этих категорий были применены разные методы документации, оптимизированные для получения данных с высокой точностью и оперативностью. Конечной целью этих полевых работ было создание единого информационного пространства, которое позволило бы интегрировать эти разнообразные данные.

Интеграция всех собранных данных в одну информационную модель предоставляет многокомпонентный инструмент для анализа, реконструкции и проектирования, применимый к конкретному архитектурно-археологическому объекту (Moynan et al. 2020: 304). Отказ от ручной пересборки каждого элемента позволил достичь высокой степени достоверности создаваемой цифровой копии, что имеет критическое значение при работе с объектами культурного наследия, где стандартизация или унификация компонентов обычно недопустимы (в отличие от противоположного подхода, предложенного в Bagnolo, Argiolas и Cusci 2019, который основывается на пересборке элементов и поиске соответствующих алгоритмических решений). Мы считаем, что методики документации, разработанные для целей информационного моделирования, могут успешно применяться в различных контекстах, не ограничиваясь воссозданием разрушенных памятников.

Один из потенциальных примеров такого использования - традиционные археологические исследования с последующим перемещением изучаемого

объекта для создания музейной экспозиции. В таком случае потребуется небольшая адаптация методов съемки, чтобы данные могли использоваться как для археологической документации, так и для создания BIM-модели объекта.

Представляется, что BIM-подход может быть полезен и в административно-учетной сфере, где требования к стандартизации и установлению общих критериев описания объектов выше, чем в академической среде (см. *Нечаев* и др. 2020, *Intignano et al.* 2021, *Pepe et al.* 2021). Для этого потребуется некоторая адаптация методов документации, но мы считаем, что принципы, разработанные в ходе наших исследований на Арке Пальмиры, могут способствовать созданию надежной основы для дальнейшего развития этой области.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е., 2004. Основные направления применения ГИС- и ДЗ-технологий в археологии // Геоинформационные технологии в археологических исследованиях. Москва.

ГОСТ Р 56905-2016 Проведение обмерных и инженерно-геодезических работ на объектах культурного наследия.

ГОСТ Р 55528-2013 Состав и содержание научно-проектной документации по сохранению объектов культурного наследия. Памятники истории и культуры.

Михаловский К., Дзевановский А., 1968. Пальмира. Варшава.

Нечаев В.Д., Татарков Д.Б., Блохин Е.К., Васильев Ст.А., Соловьева Н.Ф., 2020. Введение цифровых технологий в процесс археологических исследований: анализ и оценка мирового опыта // Записки Института Истории Материальной Культуры. Вып.23.

Соловьева Н.Ф., Соловьев С.Л., Блохин Е.К., Казаков Э.Э., 2019. Пальмира во времени и пространстве // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий: (к 100-летию создания российской академической археологии). Санкт-Петербург

Achille C., Lombardini N., and Tommasi C., 2015. BIM and Cultural Heritage: Compatibility Tests in an Archaeological Site // WIT Transactions on The Built Environment: Building Information Modelling (BIM) in Design, Construction and Operations. Bristol, UK.

Amy R., 1933. Premières restaurations de l'Arc monumental de Palmyre // Syria. Vol.14. №4.

Bagnolo V., Argiolas R., Cuccu A., 2019. Hbim for Archaeological Sites: From SFM Based Survey to Algorithmic Modeling // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. Vol. XLII-2/W9 (January).

Banfi F., 2020. HBIM, 3D Drawing and Virtual Reality for Archaeological Sites and Ancient Ruins // Virtual Archaeology Review. Vol.11. №23.

Chiabrando F., Turco M. Lo, Santagati C., 2017. Digital invasions: From point clouds to historical building object modeling (H-BOM) of a UNESCO WHL site // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. Vol. XLII-2/W3 (February).

ICOMOS Guidance on Post Trauma Recovery for World Heritage Cultural Properties. 2017. Paris.

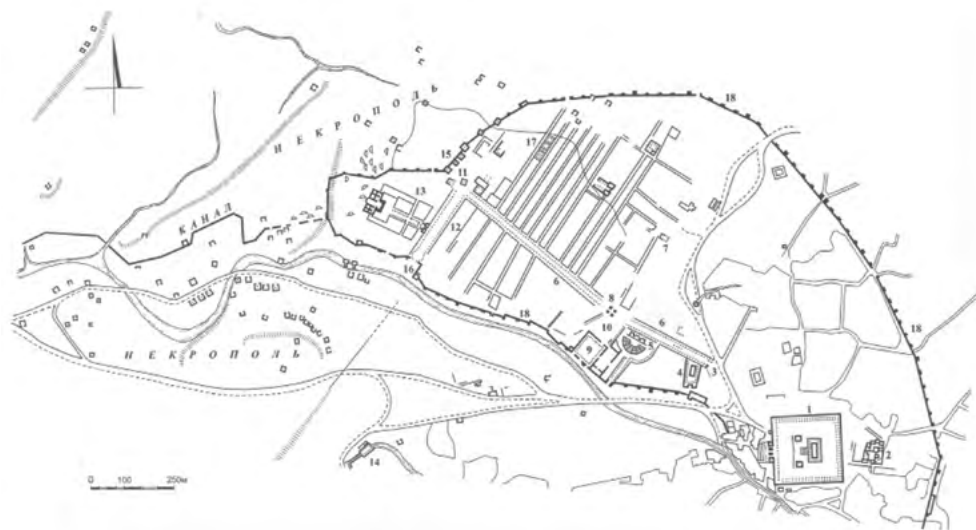
Intignano M., Biancardo S.A., Oreto C., Viscione N., Veropalumbo R., Russo F., Ausiello G., Dell'Acqua G., 2021. A Scan-to-BIM Methodology Applied to Stone Pavements in Archaeological Sites // *Heritage*. Vol.4 №4.

Moyano J., Odriozola C.P., Nieto-Julián J.E., Vargas J.M., Barrera J.A., León J., 2020. Bringing BIM to Archaeological Heritage: Interdisciplinary Method/Strategy and Accuracy Applied to a Megalithic Monument of the Copper Age // *Journal of Cultural Heritage*. Vol.45 (September).

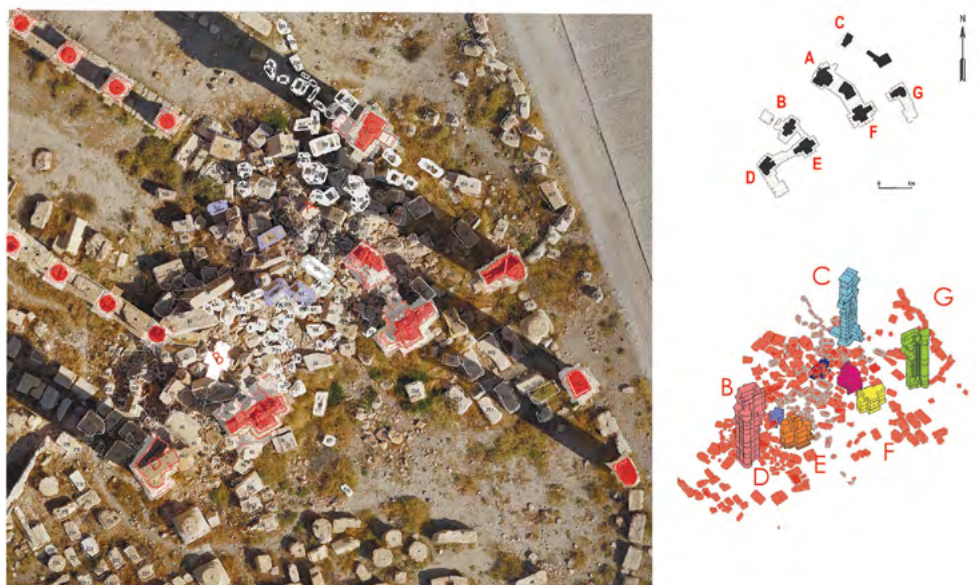
Pepe M., Costantino D., Alfio V.S., Restuccia A.G., Papalino N.M., 2021. Scan to BIM for the Digital Management and Representation in 3D GIS Environment of Cultural Heritage Site // *Journal of Cultural Heritage*. Vol.50 (July).

Seyrig, H., Amy R., Will E. 1968. Le Temple de Bel à Palmyre. Bibliothèque Archéologique et Historique, т. 1. Librairie orientaliste Paul Geuthner.

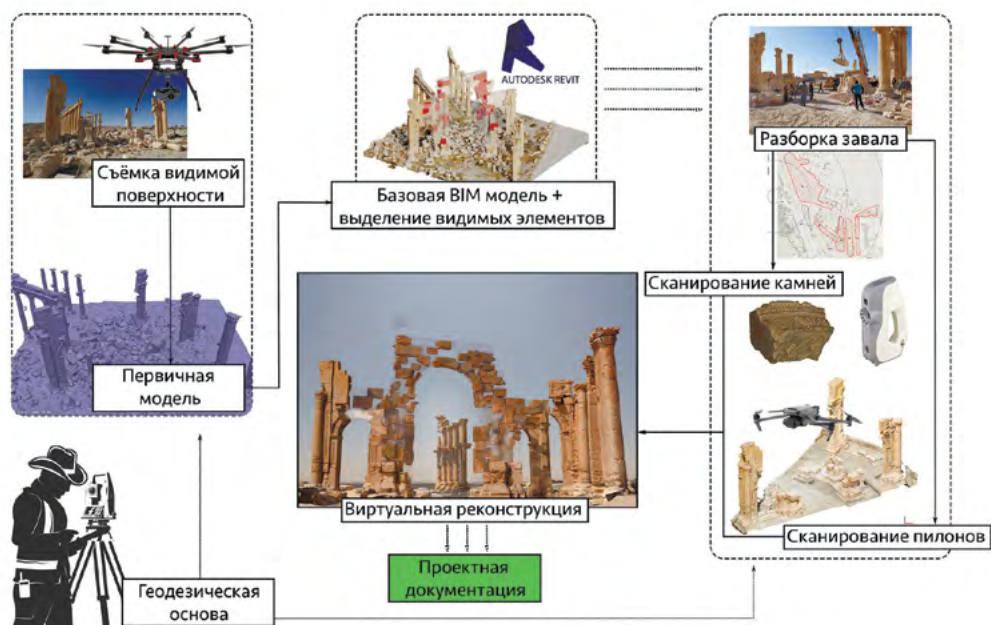
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Пальмира. План-схема: 1 – храм Бэла; 2 – жилые дома с мозаиками; 3 – Монументальная Арка; 4 – храм Набу; 5 – театр; 6 – Большая колоннада; 7 – храм Баалшамина; 8 – тетрапилон; 9 – агора; 10 – Сенат (?); 11 – храм-усыпальница; 12 – поперечная колоннада; 13 – лагерь Диоклетиана; 14 – источник Эфка; 15 – башенные гробницы, включенные в оборонительную систему; 16 – Дамасские ворота; 17 – жилые дома; 18 – оборонительная стена (по Михаловский, Дзевановский, 1968)

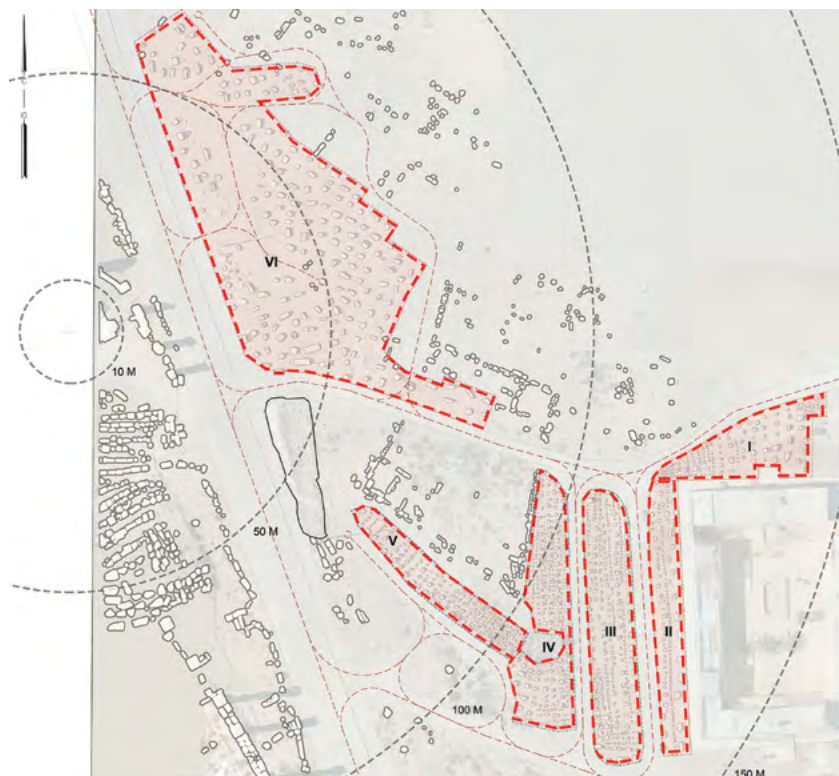
Илл. 2. Схема Монументальной Арки Пальмиры с указанием рухнувших блоков

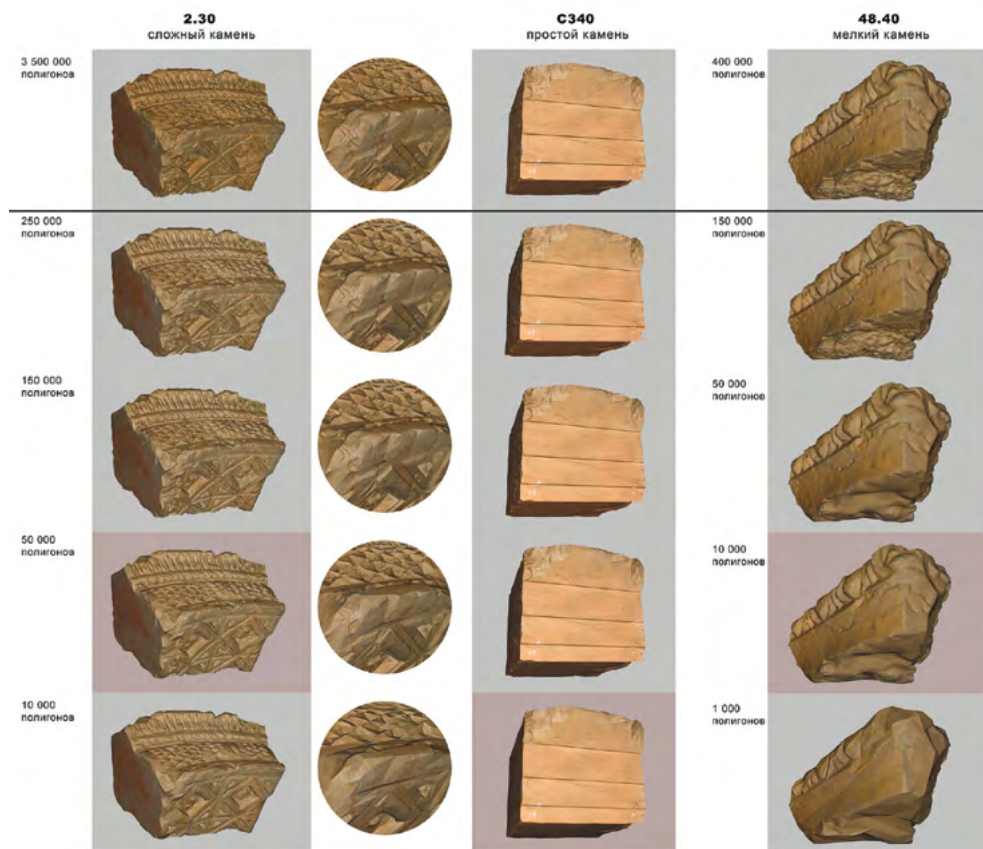
Илл. 3. Структура рабочего процесса по цифровому сопровождению посттравматического реагирования

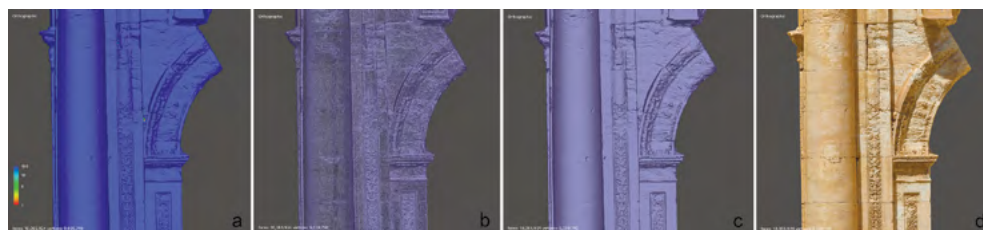
Илл. 4. Параметрическая первичная модель Арки в среде Autodesk Revit

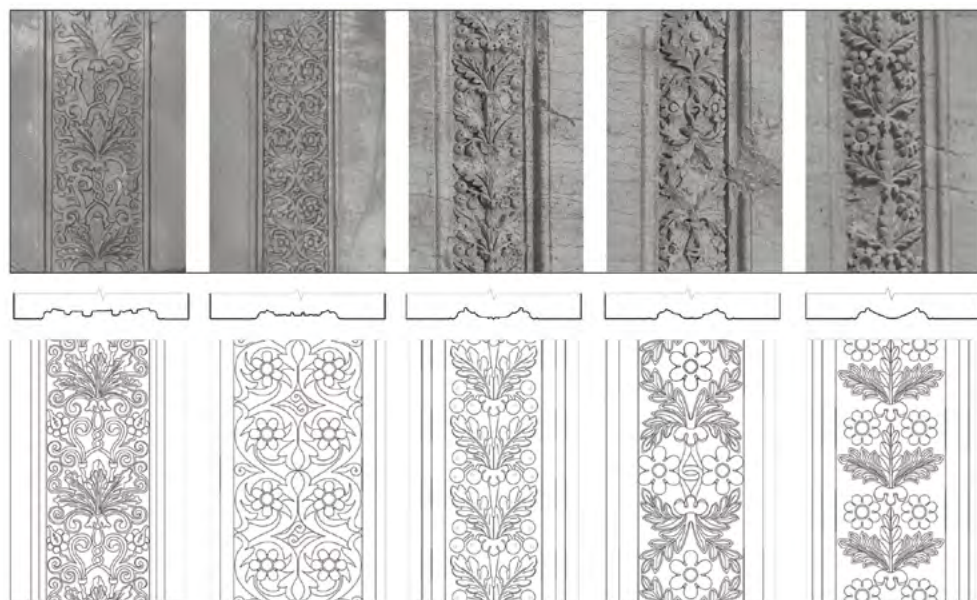
Илл. 5. Схема лапидария

Илл. 6. Схема упрощения моделей камней

Илл. 7. Различные фрагменты итоговой полевой модели арки. а – визуализация достоверности реконструкции; б – сетка треугольников; с – твердотельная модель; d – текстурированная модель

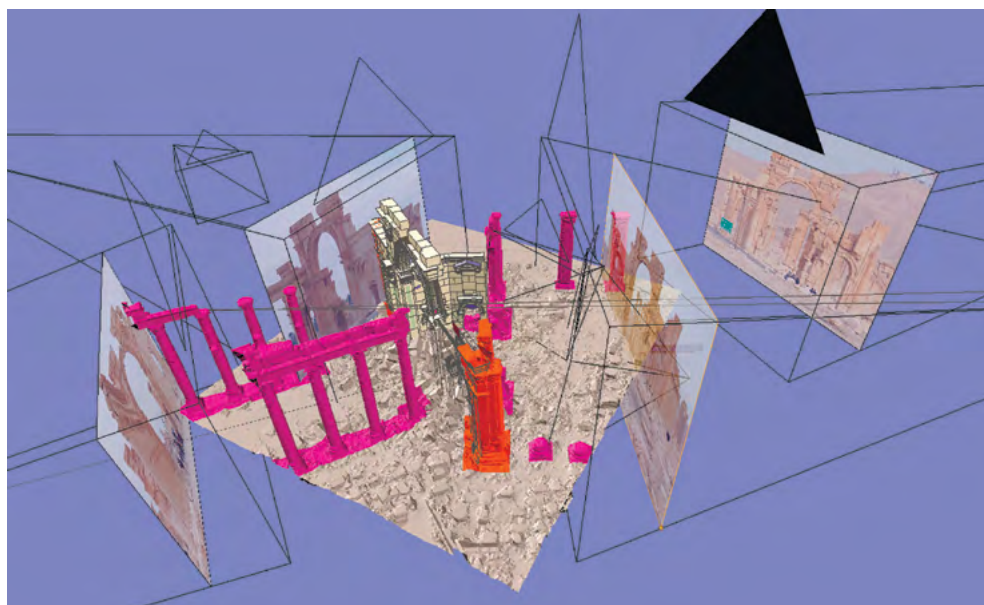
Илл. 8. Типы орнаментов Арки Пальмиры

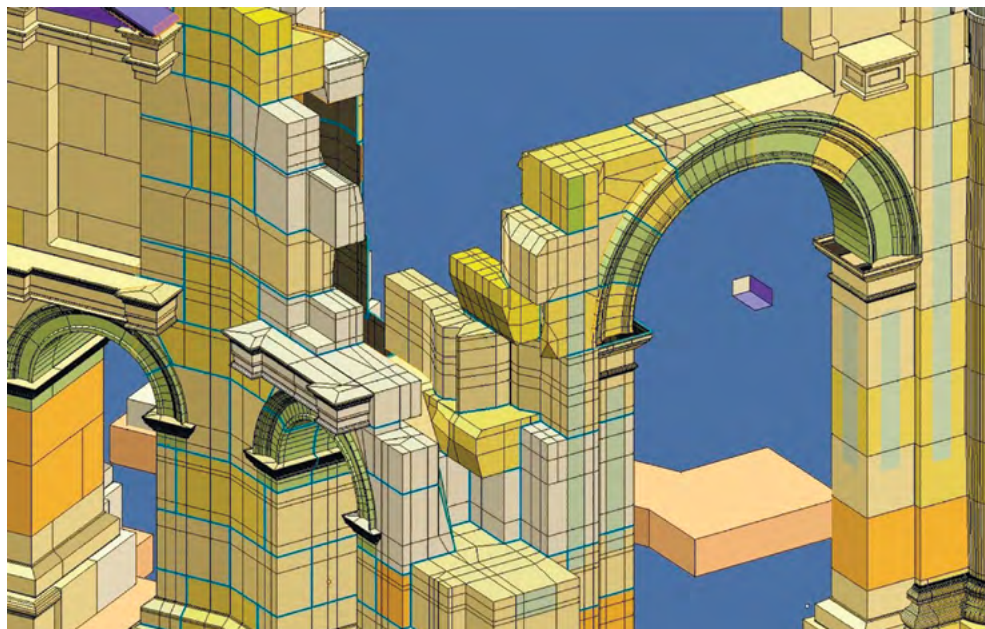
Илл. 9. Типы орнаментов Арки Пальмиры

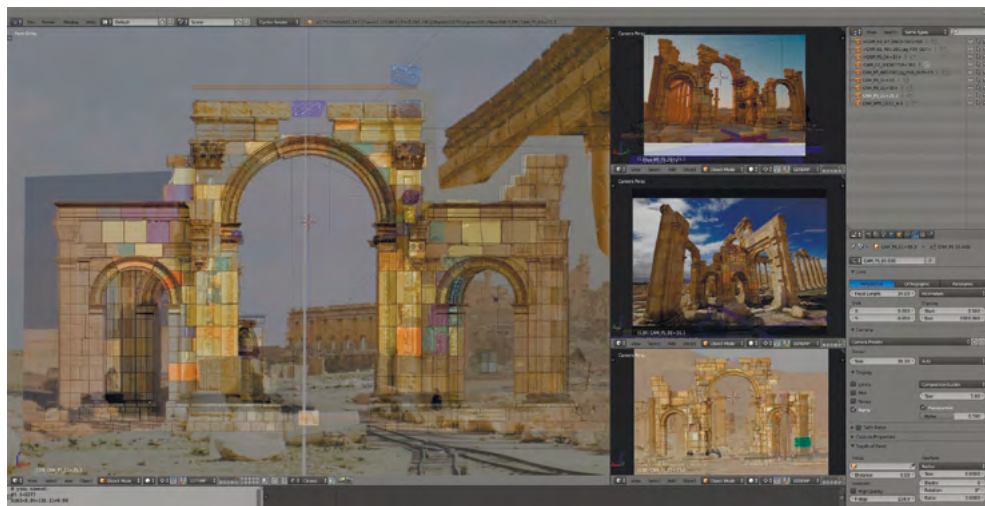
Илл. 10. Арка Пальмиры с уцелевшими элементами и выставленными фрагментами в среде трехмерного моделирования Autodesk 3ds Max

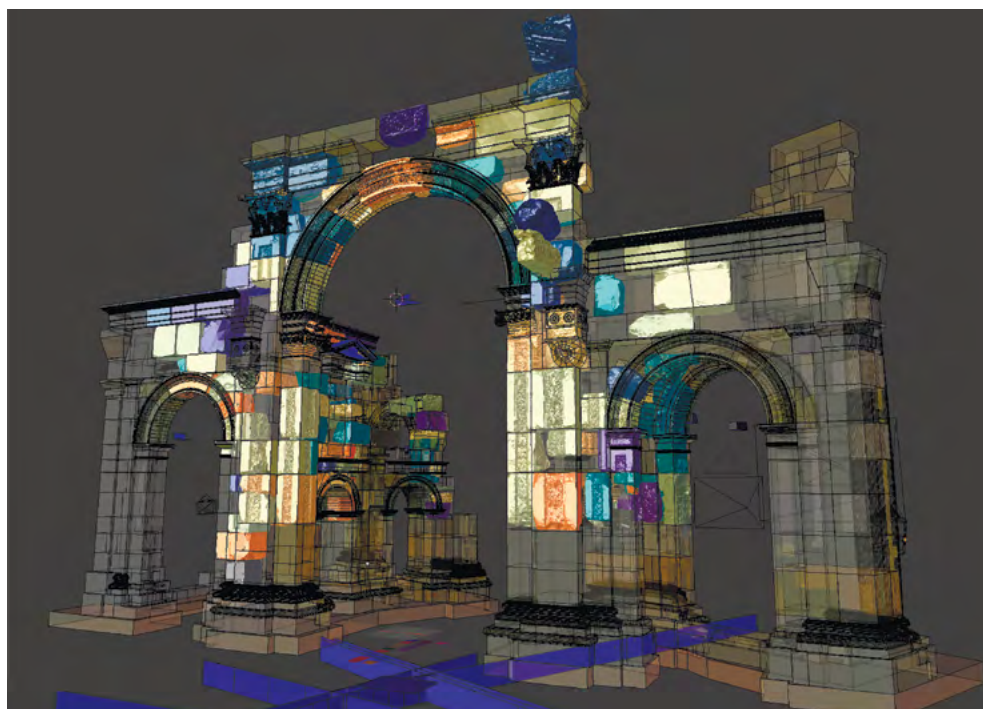
Илл. 11. Расстановка виртуальных камер

Илл. 12. Трехмерная модель состояния Арки до взрыва

Илл. 13. Работа с виртуальными камерами

Илл. 14. Выравнивание отсканированных каменных блоков и модели состояния Арки до взрыва

Илл. 15. Анализ данных в программе по BIM-проектированию

МОНЕТЫ ПЕТРА I В МЕЛАНЕЗИИ (СОЛОМОНЫ ОСТРОВА)*

А.Ю. Енатко

Возможно, наше сообщение станет приятным сюрпризом для исследователей петровской эпохи: в столице Новой Каледонии - Нумеа, в музее Морской истории, хранится необычная для этой части света коллекция: российские монеты XVIII в. В основном, это – серебряные рубли и золотые империалы, охватывающие эпоху от Петра I до Екатерины II. Сами по себе эти монеты не являются особенно редкими, но уникальность всей коллекции придает то место, где они были найдены.

Российские монеты были обнаружены в Меланезии, близ тихоокеанского острова Ваникоро, входящего в группу Соломоновых островов. Именно здесь, двести тридцать лет назад потерпела крушение и погибла французская королевская экспедиция, возглавляемая капитаном Жаном Франсуа Гало де Лаперузом. За последние десятилетия французские археологи нашли на месте гибели судов, помимо других многочисленных предметов, около трехсот монет, собранных моряками Лаперуза в самых различных частях света. Среди них были и российские экземпляры, украшенные изображениями монархов Дома Романовых.

Мы назвали эту коллекцию «Камчатской», т.к. она была вывезена экспедицией Лаперуза из Петропавловска – маленького острога, находящегося на краю Российской империи.

Кругосветное путешествие Лаперуза, патронируемое лично королем Францией Людовиком XVI, удивительным образом оказалось тесно связано с Россией и, в частности, с Петербургом, где служил консулом один из участников экспедиции – Бартеlemi де Лессепс. Коснемся вкратце некоторых обстоятельств этой экспедиции, благодаря которой российские монеты оказались в пределах Океании...

Плавание Лаперуза, как известно, закончилась трагически и поэтому источники, которыми мы располагаем, крайне скудны. Это, в основном, книга де Лессепса – единственного члена экипажа, вернувшегося в Европу (Лессепс де, 1801-1803. Ч. 1-3), и отчет Лаперуза о посещении его флотилией Камчатки (G.-L. Milet-de-Mureau, 1797). Что касается данных о подводных изысканиях на месте гибели кораблей Лаперуза, мы располагаем информацией и фотографиями, которые нам любезно предоставили Ассоциация Соломоновых островов (Association Salomon) и музей Морской Истории в Нумеа (Новая Каледония).

* По материалам публикации «Ассоциации Соломоновых островов» (Труды ГЭ. XLVII. Петровское время в лицах – 2009. Материалы научной конференции. СПб., 2009. С. 137–152)

Экспедицию Лаперуза, называют «несбывшейся мечтой» Людовика XVI. Именно этому монарху принадлежала идея кругосветного плавания, которое могло бы встать один ряд со знаменитыми путешествиями Джемса Кука. К подготовке экспедиции были привлечены лучшие научные силы Франции: Лаперуза консультировал сам Людовик – страстный поклонник географии. В состав экспедиции вошли несколько видных ученых с мировым именем.

В России пристально следили за предстоящей французской экспедицией. «По газетам, г-н де-Лаперуз не уехал» (Екатерина II – барону Гримму, 1878: 359), – сообщала Екатерина II своему постоянному корреспонденту в Париже барону Гримму в письме от 10 августа 1785 г. Императрица ошибалась: корабли Лаперуза «Буссоль» и «Астролябия» были уже десять дней как в море, но к российской земле флотилия подошла только через два года. Географические карты до сих пор сохранили французские названия в российских дальневосточных водах: бухта Терней, остров Моннерон, пик Ламомона, залив де Лангаль и, конечно же, пролив Лаперуза, по которому экспедиция обогнула Сахалин и направилась на Камчатку.

Лаперуз был также в восторге от приема, который ему оказали на российской земле: «Благодаря особо счастливому случаю, – напишет он позднее, – я встретил в Петропавловске г-на Козлова-Угренина, Охотского губернатора... Мне не приходилось встречать в своем отечестве у моих лучших друзей более радушного приема... Всяческая помощь, которую может дать этот бесплодный край, была нам предоставлена, и он не пожелал взять никакой платы». (Лаперуз – графу Л.-Ф. Сегюру. Архив СПбИИ РАН. № 7/634).

В эти дни Лаперуз делает важную для нас запись; он отмечает, что гостеприимные жители каждый одаривали матросов «какими-нибудь камчатскими произведениями». Несомненно, что вместе с подарками, среди которых были камчадалские нарты, чучела птиц, образцы местных тканей, на борт кораблей попали и российские монеты, речь о которых пойдет ниже.

В Петропавловске флотилию покинул Бартеlemi де Лессепс. Молодому дипломату была поручена особая миссия: доставить с Камчатки в Версаль объемистое секретное донесение о прошедшем этапе экспедиции, в которое входили путевые журналы, карты, зарисовки и научные отчеты. Для этого Лессепсу предстояло пересечь Сибирь, всю Европейскую часть России, и через Петербург добраться до Франции.

Дальнейшая судьба бывшего спутника Лаперуза была также связана с нашей страной – он служил генеральным консулом Франции в Петербурге, а позднее участвовал в походе Наполеона на Россию и даже был назначен Бонапартом интендантом захваченной Москвы.

...Больше Лессепс никогда не видел своих товарищей по плаванию. Французские корабли, простившись с Камчаткой, взяли курс на Австралию, куда прибыли в январе 1788 г. Здесь Лаперуз передал через англичан свои последние депеши, адресованные королю. В них командор флотилии сообщал, что планирует вернуться на родину через полтора года. Это были последние известия от Лаперуза; его корабли не пришли к намеченному сроку ни во французский Брест,

ни в какой другой порт мира. «Он бесследно исчез в безбрежном синем океане, – напишет о Лаперузе Томас Карлель, – и только лишь скорбная загадочная тень его долго не покидает наши умы и сердца» (Ярошенко Н. 1998: С. 13).

Все поиски каких-либо следов исчезнувшей экспедиции оказались бесплодными. Удача неожиданно улыбнулась капитану Диллону, который в 1827 г. вел меновую торговлю с аборигенами на Соломоновых островах. Диллон заметил у меланезийцев предметы явно европейского происхождения: вилки, ложки, чашки, ножи. Его особенное внимание привлекли серебряные эфесы шпаг с надписями «Париж», которые аборигены носили на груди в качестве украшений, а также крест св. Людовика, висевший в ухе туземца вместо серьги. По словам местных жителей, эти предметы они выменяли у своих соседей на острове Ваникоро, откуда и поступили необычные находки.

Диллон немедленно отправился на Ваникоро, где туземцы рассказали ему, что много лет назад здесь потерпели крушение два больших корабля. Позднейшие изыскания прояснили, что флотилию Лаперуза погубил сильнейший тропический циклон, который буквально затянул парусники на рифы, опоясывающие Ваникоро. Этим и объяснялось немалое количество европейских вещей, обнаруженных на острове. В ходе поисков в лагуне, Диллону удалось поднять со дна топоры, ядра, подсвечники, отдельные детали астрономических приборов, эфесы шпаг с выгравированными на них лилиями, корабельный колокол, маленькую бронзовую пушку и даже кусок деревянной скульптуры с гербом Франции. Сомнений не было: это были следы пропавшей экспедиции.

Через два года после открытия Диллона, поисковый отряд французского капитана Дюмон-Дюрвиля выяснил место крушения одного из кораблей Лаперуза – «Астролябии». Обломки парусника удалось обнаружить напротив деревни Пайю, с внутренней стороны рифа на глубине около 8 метров. Дюмону-Дюрвилю удалось поднять на поверхность якорь, несколько пушек и корабельный колокол.

В течении XIX в. Ваникоро посещали, в основном, французские военные корабли, которые время от времени доставляли в Париж все новые находки. Возможность проводить методические научные исследования на Ваникоро появилась только в 80-х гг. прошлого века, когда была основана Ассоциация Соломоновых островов. Однако первый российский предмет, обнаруженный на месте гибели кораблей Лаперуза, был поднят в 1959 г.

...Французский вулканолог Гарун Тазиев, исследовавший останки «Астролябии», среди прочих находок обнаружил серебряный петровский рубль 1724 года чеканки. Любопытно, что именно эта петровская реликвия стала одним из определяющих свидетельств в индентификации разбившегося корабля. По этому поводу Г. Тазиев писал: «Конечно же, в XVIII веке рубли не имели хождения в Южных морях, поэтому, найденная нами серебряная монета, лишняя раз подтверждала, что это был действительно корабль Лаперуза» (Haroun Tazieff. 1975: С. 83). В самом деле, кому могла принадлежать такая монета, если не участнику экспедиции, достигшей берегов Сибири и плававшей затем в Океании?

Рубль Петра Великого вместе с другими находками с Ваникоро был доставлен на родину Лаперуза, где фотография российской реликвии попала на страницы парижского еженедельника «Paris Match» (1960). Ныне монета экспонируется в мемориальном музее Лаперуза в городе Альби, разместившемся в родовом замке мореплавателя. Мы располагаем фотографией реверса этой монеты. Перед нами – один из первых образцов т.н. «крестовиков», – как их называли в народе: с 1722 г. реверс на петровских рублях был изменен – вместо орла появились четыре вензеля П, связанных между собою крестообразно. На конце каждого креста – по императорской короне, а в углах – римская I. Слева направо – круговая надпись: «монета новая цена рубль». Вероятно, этот серебряный рубль принадлежал к первой продукции Петербургского монетного двора, который был открыт в том же 1724 г.

Но вернемся обратно в Океанию...

1963 год ознаменовался на Ваникоро новыми открытиями: новозеландские аквалангисты обнаружили останки второго судна, – флагманского корабля Лаперуза «Буссоль». Оно покоится, примерно, в километре от «Астролябии», с внешней стороны рифа, на глубине 36 м. Нетронутый за последние два столетия рукой человека, этот корабль представляет собой настоящую «капсулу времени». Именно с «Буссоли» археологи позднее получают наиболее сохранившиеся предметы, включая великолепные образцы китайского фарфора из Макао, золотые часы одного из членов экипажа, а также – золотые империиалы эпохи Екатерины II.

Как уже упоминалось, регулярные археологические исследования на Ваникоро стали возможны после основания в 1981 г. Ассоциации Соломоновых островов, которая была специально создана для поисков следов экспедиции Лаперуза. Следует отдать должное французским ученым, которые за последние сорок лет подготовили и провели около пятнадцати дорогостоящих экспедиций на изолированном острове Тихого океана ...¹

Когда-то Ваникоро был действующим вулканом, а теперь он весь покрыт джунглями. Однако время от времени остров подвергается землетрясениям, столь характерным для островов Меланезии; это приводит к оседанию почвы и изменению ландшафта, что, разумеется, не облегчает задачу исследователям. Археологический сезон здесь очень короткий, т.к. влажный тропический климат на Ваникоро считается самым нездоровым на архипелаге. 35-градусная жара на острове соседствует с проливным дождем, а годовой уровень осадков достигает почти шести метров. Сюда же можно отнести непростые переговоры с властями Соломоновых островов, которые пришлось вести археологам, и обязательные ритуалы с местными вождями...

Результаты исследований «Ассоциации» оказались ошеломляющими: французские археологи в сотрудничестве с австралийскими коллегами подняли на поверхность и зафиксировали более тысячи предметов, относящихся к погибшим кораблям Людовика XVI.

¹ Две экспедиции велись в сотрудничестве с австралийским Королевским музеем в Брисбене (1981, 1986), а археологический сезон 1990 г. проходил при участии музея Noniara (Соломоновы острова).

Об исследованиях на Ваникоро мы узнали из журнала GEO (*Алин Мом, Надежд Моншо*. 2005: 146–160), в одном из его номеров были опубликованы фотографии некоторых предметов, поднятых с места крушения флотилии Лаперуза. Просматривая их, мы обратили внимание, что среди монет, имеют место и российские экземпляры. На сайте Ассоциации Соломоновых островов мы нашли информацию, что все находки, обнаруженные близ Ваникоро, ныне хранятся в трех музеях: в Королевском музее в Брисбене (Австралия), в музее Лаперуза в Алби (Франция) и в музее Морской Истории в Нумеа (Новая Каледония).

Мы послали запросы в два последних музея; нас интересовало, какие российские предметы были найдены во время подводных исследований близ Ваникоро. Первый ответ пришел из Франции от почетного президента Ассоциации Лаперуза в Альби Пьера (Берард П. – автору. 29.05.07).

Г-н Берард сообщил нам, что, говоря о российских предметах, вывезенных Лаперузом с Камчатки, можно отметить, некоторые вещи, которые числились в журнале самого капитана. Это – сахалинский меч, оленья шкура на каркасе, образцы тканей, несколько топоров, камчадалские сани, и «два королевских орла» – очевидно, чучела птиц. Все эти предметы погибли вместе с кораблями. Что касается российских монет, найденных близ Ваникоро, г-н Берард ответил, что музей в Алби располагает несколькими такими экземплярами, и рекомендовал обратиться в музей Морской Истории в Нумеа, где разместились основная часть подводных находок.

Вскоре нам пришел ответ из Новой Каледонии от Жана Гийю, члена Ассоциации Соломоновых островов, одного из археологов, неоднократно опускавшегося к останкам «Буссоли» и «Астролябии» (Гийю Жан – автору. 27.07.07).

90-летний исследователь подтвердил, что большинство российских находок ныне экспонируется в Нумеа². Он также сообщил, что в скором времени собирается посетить Санкт-Петербург, где готов передать нам все фотоматериалы и документы, касающиеся российских реликвий, найденных близ Ваникоро. Наша встреча состоялась в сентябре 2007 г., во время которой мы узнали много подробностей о работе археологов на месте крушения кораблей Лаперуза.

Археологические исследования велись в трех местах: аквалангисты работали на месте останков «Буссоли» и «Астролябии», а полевые раскопки шли непосредственно на самом острове – в т.н. «Лагере Французов», о котором мы расскажем ниже.

Шла речь и о монетах, обнаруженных археологами. По словам ученого, на сегодняшний день, со дна поднято около трехсот монет, которые в момент катастрофы были на борту кораблей. Это, естественно, французские луидоры, взятые моряками с их далекой родины; также – испанские или «колониальные» доллары, мексиканской чеканки, имевшие хождение в колониях в Америке. Были подняты на поверхность испанские мараведи, несколько бразильских и китайских монет. И, наконец, в руки археологов попали российские экземпляры

² Все находки, обнаруженные близ острова Ваникоро являются собственностью государства Соломоновы острова.

ры, украшенные двуглавыми орлами, – наглядное свидетельство посещения Лаперузом Петропавловска.

Жан Гийю передал нам фотографии этих монет, а также данные о количестве и характере находок.

Монеты	Количество
Петр I	3
Екатерина I	2
Петр II	4
Анна Иоанновна	16
Елизавета Петровна	30
Екатерина II	15

Русские монеты, найденные на месте крушения судов Лаперуза

(Данные предоставлены «Ассоциацией Соломоновых островов»)

Судя по этим данным, близ Ваникоро было найдено 70 российских монет. Причем их значительная часть – почти половина экземпляров – относится к правлению Елизаветы Петровны (30 экз.). Это не удивительно: именно с эпохи Елизаветы на Камчатке увеличивается денежное обращение, явившиеся следствием смены приоритетов российской политики на Дальнем Востоке. Денежное насыщение Камчатки продолжалось и при Екатерине II, которая уделяла особое внимание этой части Российской империи; в «коллекции» Лаперуза мы видим 15 монет, отчеканенных в екатерининскую эпоху.

Также обращает на себя внимание тот факт, что французские моряки вывезли из Петропавловска, в основном, серебряные монеты. Это можно объяснить тем, что торговля здесь шла на серебро. «Медных денег на Камчатке почти нет, – писал капитан Г.А. Сарычев через два года после посещения Лаперузом Петропавловска, – и до сего времени одни серебряные были в употреблении, но нынче начали показываться мелкие ассигнации» (Сарычев Г.А. 1952: С. 130).

Нельзя не отметить и разнообразие российских монет, оказавшихся на борту флотилии, включая такие старые экземпляры, как петровские рубли. Для матросов Лаперуза они являлись лишь сувенирами, взятыми ими на память о пребывании на краю Российской Империи. Однако, по всей видимости, монеты Петра Великого и его ближайших преемников не теряли своей покупательной способности на Камчатке вплоть до конца правления Екатерины II. Это подтверждает Лессепс, который отмечал, что в Петропавловске в обороте «много старинных монет, как то ПЕТРА I, ЕКАТЕРИНЫ I и ЕЛИСАВЕТЫ, и за них берется промен (обмен – А.Е.); серебро в них очень чистое и дороже обыкновенных монет» (Лессепс де. Указ. соч. Ч. I: С. 135).

С другой стороны, можно задаться вопросом, насколько вообще правомочно было вывозить российские рубли и имперIALы за пределы страны в эпоху Екатерины II. Например, Елизавета Петровна запрещала вывоз из России монет любимого номинала с ее изображением. Эту информацию мы находим в записках графа Мессельера, относящихся к 1757 г. «В России есть странный обычай, который не может не показаться странным, – отмечает граф, – при последней заставе на выезде из Империи, офицер должен осмотреть кошель путешественника и обменивать монеты с изображением императрицы на червонцы или другая деньги страны, в которую он въезжает. Князь Долгорукий запретил использовать ко мне эту формальность» (*Мессельер де ла*. 1874: С. 1030), – завершает свое сообщение Мессельер.

Но перейдем собственно к «Камчатской коллекции» Лаперуза, экспонирующейся ныне в музее Морской Истории в Новой Каледонии.

В таблице, представленной «Ассоциацией», отражены только три серебряные петровские монеты, в то время как мы знаем, что близ Ваникоро было обнаружены три рубля и одна полтина, с вензелями Петра Великого. Очевидно «пущен» рубль, обнаруженный Г. Тазиевым в 1959 г., о котором мы упоминали.

Два других петровских рубля датируются 1725 г. Они были найдены в 1981 и 1999 гг. на месте останков «Буссоли» и «Астролябии». Лицевые штемпели, по всей видимости, выполнены резчиком Осипом Калашниковым, работавшим на Московском монетном дворе (ММД) с 1718 по 1747 г. На аверсах обоих экземпляров – погрудное изображение Петра I, обращенное вправо, в лавровом венке, в доспехах и мантии. Круговая надпись: «*Исамодержавецъ всеросИскИй петръ а (Алексеевич – А.Е.) императоръ*». На реверсах – крестообразная монограмма из четырех П и круговая надпись: «*монета новая цена рубль*». В двух П – представлена дата чеканки, разнесенная по сторонам монеты: «1725».

Любопытно, что, стремясь приблизить российскую монетную систему к западной, Петр I отказался от латинских надписей (легенд), господствовавших в то время в европейском денежном деле. В записках ганноверского резидента Христиана Вебера сохранилось высказывание царя по этому поводу: когда Петру заметили, что монеты со славянской надписью не будут приниматься в Европе и посоветовали заменить их латинской, царь отвечал, что «скажет спасибо тому, кто укажет способ, как сохранить монеты в государстве, а не как скорее выпустить их из него» (*Виклер фон П*. 1897: С. 24-25).

Фотографию следующей монеты эпохи Петра Великого, представленной в музее Морской истории в Нумеа, мы получили от его главного хранителя Вероники Пронер (Veronika Proner). Эта российская реликвия, в силу своей плохой сохранности, была неверно определена исследователями как петровский рубль, «но другого размера и типа» (<Association Salomon>. 2008: P. 321).

Судя по фотографии, это – полтина, чеканки 1725 г. (диаметр 33 мм). На аверсе – погрудное изображение Петра I в мантии, повернутое вправо. Надпись: «*Исамодержецъ всеросИскИй петръ а... <импера>...торъ*». Монетный двор не обозначен, но по сравнительным признакам, это Санкт-петербургский монетный двор (СПб). На реверсе представлен двуглавый гербовый орел, дер-

жащий в лапах знаки царской власти – скипетр и державу; над орлом размещены три императорские короны. Круговая надпись: «*монета новая цена... <-полтина> ... 1725*». В отличие от двух последних рублей экземпляра полтины мы находим в более плохом состоянии; из-за потертостей некоторые буквы практически неразличимы. Это можно отнести к тому, что мелкая монета чаще была в обращении, чем рублевики Петра Великого.

На месте гибели фрегатов были найдены два серебряных рубля правления Екатерины I, чеканки 1725 и 1726 гг. Оба экземпляра происходят с «Буссоли» – флагманского корабля Лаперуза. Первый из них относится к типу, который вышел после т.н. «траурного» рубля: погрудное изображение императрицы, обращенное влево, в мантии с наплечниками. Из-под мантии видна орденская лента и звезда. В волосах, переплетенных жемчужными нитками, – императорская корона. Круговая надпись: «*Екатери́на Императри́ца Исамоде́ржица всеросси́ская*». Монетный двор не указан.

Как уже упоминалось, бюст Екатерины на лицевой стороне рубля 1725 г. был обращен влево, в то время как все бюсты Петра I всегда изображались обращенными вправо. Это необычное обстоятельство дало повод народу называть эти ранние екатерининские рубли «*супротивниками*» (Шодуар де. Барон. 1837. Ч. I: С. 173).

Второй экземпляр 1726 г. чеканки относится к очень редким «коллекционным» образцам. Портретный тип Екатерины I здесь слегка изменен. Погрудное изображение императрицы повернуто вправо, а на правом плече «появилась» изящная жемчужная подвеска, напоминающая бант. Над нею – орденская лента. Две жемчужные нити на груди украшают портрет бывшей супруги Петра Великого. Круговая надпись: «*Екатери́на Императри́ца Исамоде́ржица всеросс.*». Реверс традиционный: «*монета новая цена рубль 1726*». Гравер, вероятно, Иван Константинов (ММД).

В музее в Нумеа экспонируются также четыре рубля эпохи Петра II, чеканки 1727 и 1728 гг., обнаруженные на месте останков обоих кораблей. На лицевой стороне рубля 1728 г. – погрудное изображение молодого императора вправо, в парике с длинными локонами, на голове – лавровый венок, перехваченный сзади бантом. На императоре римские латы с двуглавым орлом на груди. На правом плече – наплечник из пяти лент. Бюст задрапирован плащом. Круговая надпись: «*Петръ II Императоръ Исамоде́ржець всеросси́ски*». На реверсе представлен крест, образованной монограммой Петра II из четырех букв «*PI*», разделенной по углам римской цифрой «*II*». Круговая надпись, разделенная коронами: «*Монета новая цена рубль. 1728*».

С «Буссоли» также происходит значительное количество монет, относящихся к эпохе Анны Иоанновны: это – 16 серебряных рублей, чеканки 1730–1737 гг. Два рубля из-за плохой сохранности не датируются. Мы располагаем фотографией рубля 1732 г. Погрудное изображение императрицы, покрытое мантией, обращено вправо. На правом плече Анны Иоанновны – широкий наплечник, поверх которого перекинута орденская лента; грудь императрицы украшают восемь жемчужин и брошь в виде звезды. На голове монархини – малая коро-

на. Большие глаза, энергично поджатый подбородок и морщинка в уголке губ оживляют лицо; перед нами, несомненно, один из лучших портретов медальерного искусства XVIII в. Автор лицевого штемпеля, вероятно, датский медальер на российской службе Антон Шульц. Круговая надпись, частично не читается: «Б.м. анна Им... <императрица Исамодержави> ...ца всеросиская». На реверсе представлен двуглавый гербовый орел, которого венчают три императорские короны. На груди орла - щит с гербом Москвы (св. Георгий на коне вправо). Щит обрамляет длинная цепь ордена Андрея Первозванного. Надпись: «Монет... <а руб> ...ль. 1732».

Наибольшее количество российских монет, обнаруженных на месте останков обоих кораблей Лаперуза, относится к правлению Елизаветы Петровны: 29 серебряных рублей, чеканки 1742–1743–1748–1751–1752–1755–1757 гг. и одна полтина, чеканки 1745 г. На двух монетах дата неразборчива. Один из рублей Елизаветы 1761 г., был ошибочно отнесен французскими исследователями к эпохе Екатерины II. Еще одна монета, неверно соотношенная с той же эпохой, – медные пять копеек Елизаветы. На фотографии реверса, которой мы располагаем, – представлен витиеватый вензель, составленный из буквы «Е» («Елизавета»), сочлененной с латинской буквой «Р» («Петровна»); обе буквы повторены в зеркальном отражении. Год чеканки, по всей видимости, 1761-й.

Что касается второго рубля правления Елизаветы, фотографией которого мы располагаем – он почти идеальной сохранности и датируется 1751 г. Бюст императрицы обращен вправо. Правое плечо украшает орденовая лента, частично перекрывающая жемчужные подвески. Голову Елизаветы венчает малая корона остроконечной формы. Надпись круговая, сокращенная: «б.м. елисаветъ I Им. Исамод. всерос». Под бюстом – знак монетного двора – «СПб». На реверсе – двуглавый орел со знаками императорской власти. Надпись: «Монета рубль. 1751».

Полтина Елизаветы Петровны представляет исключительный интерес. Это – единственный российский экземпляр, который был найден не на месте гибели судов, а непосредственно на самом острове! Это находка была сделана в 1999 г., когда в устье реки Пайю был обнаружен т.н. «Лагерь Французов»; здесь предположительно жили матросы из команды Лаперуза, спасшиеся после кораблекрушения. Наземные раскопки открыли многие бытовые предметы, которые были необходимы матросам для выживания на уединенном тропическом острове: следы частокола, свинцовые пули, ружейные кремни, гвозди, фрагменты посуды, навигационные инструменты, пуговицы от морской униформы³. Из «Лагеря Французов» происходят также несколько монет, вероятно, находившихся в карманах моряков в момент гибели фрегатов. Для оказавшихся на острове людей деньги уже не представляли никакой ценности, поэтому их находки в «Лагере» единичны. Один из экземпляров – рос-

³ По местным преданиям, записанным в разные годы на Ваникоро, в устье реки Пайю, матросы построили из обломков разбившегося корабля небольшое судно, на котором через полгода покинули остров; судьба их так и осталась невыясненной. Однако два человека остались на острове и прожили здесь около тридцати пяти лет, немного не дожив до приезда капитана Диллона. (Guillou J. 1998: 89).

сийская полтина эпохи Елизаветы Петровны, отчеканенная в 1745 г. на ММД. Погрудное изображение императрицы обращено вправо, высокую прическу украшают жемчужные подвески, в волосах – маленькая изящная корона, увенчанная крестом. Правое плечо монархини обрамляет орденская лента, на вырезе платья – подвески в виде драгоценных камней. Надпись круговая: «б.м. елисаветъ I Имп. Исамод. всерос.» – «ммд». На реверсе представлен двуглавый гербовый орел; надпись: «монета полтина. 1745».

Помимо своего уникального местонахождения эта монета представляет редкий образец перечеканки из полтины Иоанна Антоновича. С 1741 по 1744 гг. Елизаветой Петровной было издано четыре указа, которые обязывали сдавать монеты с изображением бывшего императора в казну, а сенатским указом от 27 февраля 1743 г. была предусмотрена перечеканка рублей и полтин с портретом «принца Иоанна» в рубли и полтины Елизаветы Петровны. Как правило, на таких монетах остались следы «первичного экземпляра»; они заметно расплющены и, соответственно, обладают более широкими «полями» за пределами круговой надписи. Почти все эти признаки имеются на аверсе полтины из «*Лагеря Французов*». Края монеты сильно расплющены, а круговая надпись «сдвинулась» к центру монеты. При внимательном рассмотрении экземпляра, на портрете Елизаветы замечен тонкий профиль малолетнего императора. В результате перечеканки монеты, аверс полтины значительно пострадал, чего нельзя сказать о реверсе, где был перебит только год монеты – с 1741-го на 1745-й.

Наиболее поздние по времени чеканки российские монеты, найденные археологами близ Ваникоро, относятся к правлению Екатерины II. Это – пять серебряных рублей и десять золотых империалов. Любопытно, что все пятнадцать экземпляров подняты с места гибели одного корабля – «*Буссоли*». Это можно объяснить тем, что флагманский корабль Лаперуза был укомплектован более высокопоставленной и обеспеченной командой, включающей несколько ученых с европейским именем; вероятно, последние и приобрели золотые империалы Екатерины Великой в Петропавловске.

Что касается серебряных экземпляров, – они датируются 1764–1766 гг. Мы располагаем фотографией аверса одной из таких монет, который представляет собой первый тип «рублевиков» Екатерины II и относится, таким образом, к началу правления знаменитой монархини. Погрудное изображение императрицы обращено вправо, бюст задрапирован. На голове – маленькая корона. Через правое плечо перекинута орденская лента, грудь украшает подвеска из драгоценных камней. Круговая надпись: «Б.м. екатерина II Имп. Исамод. всерос. СПб.».

Говоря об империалах, заметим, что это – название золотой монеты достоинством в 10 рублей, которая впервые была выпущена в обращение в России в правление Елизаветы Петровны (с 1755 г.). При Екатерине II вес этой монеты согласно указу 1763 г. был уменьшен до 11.61 граммов, чтобы привести ее в ту же «пропорцию, как... во всей Европе есть в употреблении» (Флуг К.Н. 1898: 19–20).

Среди останков «Буссоли» было обнаружено десять империалов чеканки 1764–1767–1768–1774–1776–1778–1780 гг. Мы располагаем фотографией одного империала, чеканки 1776 г. Он был найден лежащим на коралле, практически в идеальном состоянии (экспедиция 1990 г.).

Портрет императрицы, выбитый на аверсе, относится к предыдущему «Екатерининскому» типу и выполнен гравером Тимофеем Ивановым, работавшим на Петербургском монетном дворе. Реверс представляет собой четыре крестообразно расположенных геральдических щита с гербами Москвы, Казанского, Сибирского и Астраханского царств. В центре монеты, в круглом щите – двуглавый орел со знаками императорской власти. В промежутках, образованных боковыми щитами, находится по розе, за которыми дата – «1776». Круговая надпись, разделенная коронами: «*Имперская россліа. мон. цена десят. руб.*».

Естественно, что все предметы, поднятые после более чем двухвекового пребывания в соленой воде, сильно пострадали от коррозии. Обработку находок взяла на себя французская лаборатория «EDF-Valecetra», которая специализируется в области реставрации произведений искусства. Ставшая известной во всем мире после работы с вещами, поднятыми с «Туманика», «EDF-Valecetra» эффективно использует методы реставрации, связанные с использованием электролиза.

Главный хранитель Морского музея в Нумеа – Вероника Пронер, рассказала нам о целительных процессах, к которым прибегали ученые, спасая российские реликвии. Первоначально, поднятые монеты были похожи на светло-коричневые комья, расцвеченные зелеными пятнами, где иногда проблескивал кусочек металла. За два столетия в металле скопились вредоносные анионы хлора; на открытом воздухе они становятся очень токсичными. Приступая к очистке монет, специалисты сначала помещали их в электролизную ванну. Микроскопические пузырьки водорода разъедают известняковую корку, и тогда на монете медленно проступают надписи и изображения. Затем реликвию погружали в раствор щавелевой кислоты, потом – чистили щеткой. Необходимо около двух часов, чтобы серебряная монета снова заблестела, как в XVIII в.

Как мы уже упоминали, в исследованиях на Ваникоро принимали участие и австралийские археологи (представители Королевского музея в Брисбене). Поэтому первоначально, поднятые со дна предметы, включая и российские монеты, были перевезены на временное хранение в этот музей. Здесь они проходили первичную обработку и экспонировались в течение последующих десяти лет. Однако в 1996 г. правительство Соломоновых островов решило передать реликвии, связанные с экспедицией Лаперуза, в Новую Каледонию, имеющую статус особой заморской территории Франции. Большая часть предметов разместилась в специально созданном в Нумеа музее Морской Истории. Единичные предметы, среди которых были несколько российских монет, отправили во Францию – в музей Лаперуза, расположенный в его родовом замке близ города Алби.

В 2008 г. в Национальном Морском музее в Париже открылась первая крупная выставка, посвященная пропавшей экспедиции Людовика XVI – своеобразный итог работы «Ассоциации» за последние четверть века. В небольших

полуосвещенных залах, где была воссоздана обстановка корабельных кают, помимо прочих находок, имела место и отдельная витрина, представлявшая «российскую часть» экспедиции. Здесь вместе с «камчатскими» гравюрами работы Дюше де Ванси экспонировались монеты, украшенные профилями Петра Великого и других российских монархов XVIII в.

Размышляя над удивительной судьбой этих реликвий, совершивших поистине кругосветное путешествие, мы приходим к одному из ключевых выводов нашего исследования: изображения Петра I на монетах его эпохи, вывезенных Лаперузом с Камчатки, – на сегодняшний день являются самыми первыми изображениями российского императора, попавшими в Южное полушарие ⁴. Это стало возможным благодаря тому обстоятельству, что флотилия Лаперуза была единственной экспедицией XVIII столетия, достигшей берегов России и, плававшей затем в Океании. Пока монеты с вензелем Петра Великого найдены только на Соломоновых островах, но не исключено, что подобные экземпляры могли попасть и в Австралию, где флотилия Лаперуза простояла полтора месяца.

Что касается дальнейших изысканий на Ваникоро, – они, безусловно, очень перспективны. Мы полагаем, что археологи подняли на поверхность лишь малую часть «Камчатской коллекции» Лаперуза. Г-н Гийю обещал информировать нас о любых российских находках, которые могут быть сделаны на Ваникоро в ходе будущих полевых и подводных исследований. А значит, есть надежда, что коллекция, связанная с именем Петра Великого будет пополняться ⁵.

ЛИТЕРАТУРА

Берард Пьер – автору. Письмо от 29.05.07.

Виклер фон П. Из истории монетного дела в России. СПб., 1897, С. 24-25.

Гийю Жан – автору. Письмо от 27.07.07.

Екатерина II – барону Гримму. Письмо от 10 августа 1785 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XXIII. СПб., 1878, С. 359. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XXIII. СПб., 1878, С. 359.

Лаперуз Ж.-Ф. – графу Л.-Ф. Сегюру от 25 сентября 1787 г. // Архив СПбИИ РАН. Коллекция иностранных материалов о России (39), № 7/634.

Лессепс де. Лессепово путешествие по Камчатке и по Южной стороне Сибири. Исторический журнал путешествия Г. Лессепа, Консула Французского,

⁴ Это предположение относится также к изображениям Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II.

⁵ Автор выражает искреннюю признательность за фотоматериалы и сообщения об археологических исследованиях на Ваникоро президенту Ассоциации Соломоновых островов Алену Конану (Alain Conan; Новая Каледония), историку Жану Гийю (Jean Guillou; Новая Каледония), главному хранителю музея Морской истории в Нумеа Веронике Пронер (Veronika Proner; Новая Каледония), а также почетному президенту Ассоциации Лаперуза в Альби Пьеру Берарду (Pierre Berard; Франция). Также приношу свою благодарность за консультации по вопросам нумизматики - Р.В. Краснову (ГРМ; Санкт-Петербург), А.Г. Мосину (УрГУ; Екатеринбург) и А.Ю. Истратовой (Франция).

находившегося при Графе Перузском в должности Королевского переводчика со времени прихода его к Петропавловской Камчатской гавани, где он оставил Французские фрегаты, до прибытия во Францию 17 октября 1788 г. М., 1801-1802 гг. Ч. 1-3.

Мессельер де ла. Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года // Русский архив, М., 1874. – Кн. 1. – Вып. 4. – С. 1030.

Мом Алин, Моншо Надежд. Спутник Лаперуза // GEO, 2005, № 4, С. 146–160.

Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, С. 130.

Ярошенко Н. (Главный редактор русского издания). Тайны истории. Германия. 1998. С. 13.

Флуг К.Н. О внешнем типе главнейших типов Русских золотых монет. СПб., 1898, С. 19-20.

Шодуар де. Барон. Обзорение русских денег и иностранных монет с древнейших времен. Ч. I. СПб., 1837. С. 173.

<Association Salomon>. Le mystere Laperouse. Noumea, 2008, P. 321.

Guillou Jean. Peter Dillon Capitan des Mers du Sud. Le decouvreur des restes de La Perouse. Noumea. 1998. P. 89.

Mureau Milet-de. G.-L. Voyage de la Perous autour du monde pendant les annes 1785-88, t. I-IV, Paris, 1797.

Tazieff Haroun. Vingt-cinq ans sur les volcans du globe. Fernan Nathan. 1975, С. 83.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

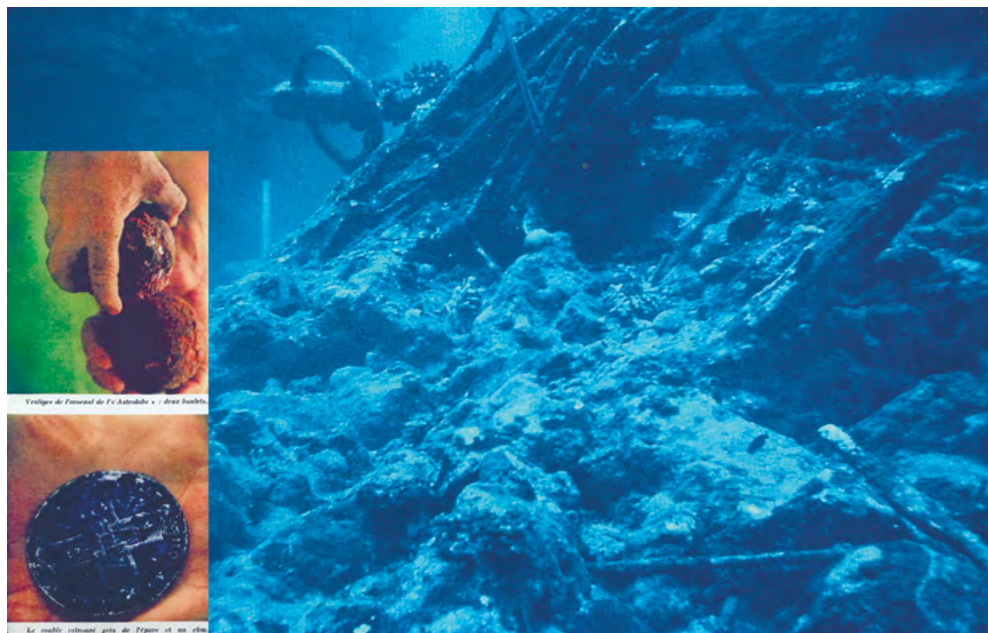
Илл. 1. Ж.-Ф. Лаперуз. Неизвестный худ. 1770-е гг.
Частное собрание.

Илл. 2. Бартеlemi де Лессепс, консул Франции в Санкт-Петербурге переводчик экспедиции Лаперуза, участник похода Наполеона на Россию 1812 г.
Слева – книга де Лессепса, рассказывающая о его путешествии из Камчатки в Версаль в 1787-1788 гг.

Илл. 3. Жители острова Ваникоро (Соломоновы острова).
Внизу слева – эфес французской шпаги: первая находка капитана Диллона, сделанная в 1826 году.

Илл. 4. Место крушения флагманского корабля Лаперуза «Буссоль». Слева – пушечное ядро и первая российская находка, сделанная в 1959 г., – рубль Петра I 1724 г. Фото из журнала «Paris Match» (1960). Мемориальный музей Лаперуза в г. Алби (Франция)

Илл. 5. Рубль Петра I. 1725 г. Серебро. Аверс, реверс. Музей морской истории в Нумеа (Новая Каледония)

Илл. 6. Полтина Петра I. 1725 г. Серебро. Аверс, реверс.
Музей морской истории в Нумеа (Новая Каледония)

Илл. 7. Рубль 1726 г. Екатерины I. Серебро. Аверс. Реверс.
Музей морской истории в Нумеа (Новая Каледония)

Илл. 8. Рубль 1728 г. Петра II. Серебро. Аверс. Реверс.
Музей морской истории в Нумеа (Новая Каледония)

Илл. 9. Полтина 1745 г. Елизаветы Петровны, найденная в т.н. «Лагере французов» на о. Ваникоро. Серебро. Аверс. (Перечеканка из полтины императора Иоанна Антоновича). Музей морской истории в Нумеа (Новая Каледония)

Илл. 10. Империял 1780 г. Екатерины II, обнаруженный на месте крушения
флагманского корабля Лаперуза «Буссоль». Золото.
Музей морской истории в Нумеа (Новая Каледония)

Илл. 11. Очистку империяла Екатерины II
ведет специалист французской компании «EDF-Valectra»
Вероника Пронер

ТВОРЧЕСТВО Ф.О. ШЕХТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ: ДРЕВНЯЯ ЦЕРКОВЬ СВ. МУЧЕНИКА ТРИФОНА В НАПРУДНОМ И ЕЕ РЕКОНСТРУКЦИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Е.Е. Докучаева

Творчество известного архитектора конца XIX – начала XX вв. Федора Осиповича Шехтеля поистине многогранно. С его именем связаны все наиболее значимые постройки в стиле модерн. Занимался Ф.О. Шехтель и созданием проектов для реконструкции иконостасов и церковной утвари исторических храмов. Ф.О. Шехтель принимал участие и в работах по реконструкции одного из древнейших храмов Москвы – Святого мученика Трифона в Напрудном.

Поводом к изучению этой страницы творчества известного архитектора послужило изображение Царских врат иконостаса церкви св. Трифона в Напрудном, опубликованное в «Московском архитектурном мире» за 1914 год. Под фотографией стояло имя академика архитектуры Ф.О. Шехтеля и сообщалось, что врата были выполнены «Товариществом И.П. Хлебников, сыновья и Ко» (илл. 1). Никаких комментариев, а также сопроводительной статьи не было. Начались поиски в архивах Москвы, которые позволили восстановить историю строительных работ

Илл. 1. Шехтель Ф.О. Царские врата иконостаса церкви св. Трифона в Напрудной Слободе. Московский архитектурный мир. 1914 г.

в церкви св. Трифона во второй половине XIX – начале XX вв., а также понять степень участия в них Ф.О. Шехтеля. Такой аспект исследования показался интересным, поскольку позволил увидеть работу архитектора модерна в контексте исторической архитектуры

Активные строительные работы начались в церкви св. Трифона во второй половине XIX века, но этому предшествовали события, которые способствовали той популярности, какую приобрел храм св. Трифона в это время. Ещё в 1800 г. Москву посетил архимандрит Черногории Стефан Вукотич. К нему обратился серебряных дел мастер, московский купец Трифон Семёнович Добряков с просьбой соорудить на свои средства серебряную раку для мощей св. Трифона, хранящихся в соборе города Катора. 1803 году черногорский князь Пётр Негош прислал Трифону Добрякову три частицы мощей от главы святого мученика Трифона. Добряков сделал для мощей три небольших ковчежца. В 1812 году во время нашествия Наполеоновской армии Т.С. Добряков преподнёс ковчежцы с мощами императору Александру I в качестве защиты и помощи небесных сил. После окончания войны император передал частицы мощей Трифоновской церкви в Москве. 14 сентября 1819 года епископ Дмитровский Лаврентий, викарий московской митрополии, торжественно перенес мощи св. мученика Трифона в древнюю церковь в Напрудной Слободе. С этого времени 14 сентября был учрежден праздник перенесения мощей св. Трифона. На серебряных позолоченных ковчежцах с мощами св. мученика Трифона располагались цифры: на двух боковых сторонах 1803 года, на среднем – 1812 (Денисов, 1914: 32). С этого времени начинается паломничество к мощам св. Трифона. Небольшая древняя церковь не могла вместить всех верующих, поэтому с 1825 г. начинается её перестройка: пристраивается колокольня и трапезная, а также южный Никольский придел, а в 1861 году придел во имя св. Филарета Милостивого. Однако уже к концу XIX века вновь встал вопрос о расширении и перестройке храма. Все архитектурно-строительные работы возглавлял Павел Петрович Зыков (1821–1887), или, как его называли, Зыков I. Ему помогал сын – Петр Павлович, который в документах значится как Зыков II (1852 – 1899).

В 1882 г. Петр Павлович Зыков снял общий план участка церкви и выполнил проект каменной пристройки к алтарной апсиде. Дело в том, что с внешней стороны апсиды находилось древнее изображение св. Трифона, представленного на белом коне с соколом в руке (илл. 2). Для такой иконографии великомученика нельзя найти основания ни в его жизнеописании, ни в церковных молитвословиях ему. В Софийском подлиннике конца XVI века, опубликованном Г.Д. Филимоновым в 1874 году, говорится, как надо изображать св. Трифона: «Трифон аки Георгий, риза кеноварь, испод лазорь» (Филимонов, 1874: 68). В обширном издании «Русский иконописный Подлинник» автор Д.А. Григоров, собирая сведения из сохранившихся Подлинников пишет, что существовали краткие характеристики того, как надо писать святого, и более развернутые. Он приводит пример и более подробного описания св. мученика Трифона, указывая на то, что он при жизни пас гусей: «в руке

птичка бела; под ногами гора и езеро, а над ним гуси плавают и по горе гуси гуляют» (Григоров, 1887: 39). Таким образом, как считали исследователи, изображение св. мученика Трифона на коне в образе Сокольника является чисто русским иконографическим изводом.

Илл. 2. Роспись с изображением св. Трифона на внешней стороне апсиды ц. св. Трифона в Напрудном. Фототека Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева

Как писали исследователи в XIX веке, образ всадника с соколом являлся на Руси древней традицией. Известно, что на монетах князя Василия I (1389–1425) – сына Дмитрия Донского, а затем на монетах и Василия Темного (1415–1462) было изображение всадника с соколом. В правление Ивана III данное изображение на монетах отсутствует, но зато появляется на родовой печати

князей Патрикеевых (Денисов, 1914: 20). Народное сказание связывает появление такого изображения св. Трифона и строительство церкви в Напрудном с преданием о царе Иване Грозном и князе Трифоне Патрикееве. В XIX веке этот рассказ был настолько популярен, что доктор медицины А.Г. Лукьяновский изложил его в поэтической форме в виде древней былины (Лукьяновский, 1897). В ней рассказывалось о том, как сокольничий Трифон Патрикеев упустил на охоте сокола и по царскому велению должен был в трёхдневный срок отыскать его. Отчаявшись, он вышел к пруду и здесь у села Напрудное стал молить своего небесного покровителя о помощи.

*«И нежданное, и чудесное,
Пресвятое ли и небесное,
Сновидение князю видится.
Небо ширится, разверзается...
Во блистающем одеянии,
Во божественном во сиянии
Светозарный муж ниспускается:
«Я хранитель твой, Трифон мученик,
Покровитель твой и поручник! ...
Княже Трифоне !... пробудися ты!
И честным крестом осенися ты!
Как возстанешь ты, на восток пойдёшь!
Там и сокола не искав, найдёшь!»*
(Лукьяновский, 1897: 121)

Князь дал обет построить на этом месте церковь, которая сохранилась и по сей день в Напрудной Слободе. Ещё в начале XX века исследователи писали об исторической достоверности народного сказания о князе Патрикееве, но современные исследователи связывают это событие со временем правления Ивана III, создание которого относят к последней трети XV века (Заграевский, 2008).

Как уже отмечалось, древнее изображение св. Трифона на коне, держащего сокола в руке, находилось на внешней стороне церковной апсиды (илл. 3), со временем, чтобы защитить роспись, к апсиде была пристроена деревянная часовенка с отдельным входом. «Очевидно, она есть не иное что, как искони благоговейно охраняемое подобие той обыденной часовни, которая была сооружена Трифоном Патрикеевым в благодарность перед Богом за своё избавление от постигшей его беды» (Жизнь, страдания..., 1902: 121).

По-видимому, в связи с начавшимися в 80-х годах XIX века проектными работами по перестройке храма св. Трифона, встал вопрос и о возведении каменной часовни взамен деревянной. В послании священников церкви, адресованном епископу Дмитровскому Амвросию, говорилось: «При московской Трифоновской, что в Напрудной Слободе церкви с давних времён на наружной стороне восточной стены алтаря находится сделанное по штукатурке живопис-

Илл. 3. Часовня с восточной стороны ц. св. Трифона в Напрудном. 1895 г.
Фототека Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева

ное весьма чтимое богомольцами изображение святого мученика Трифона на коне, по преданию над тем самым местом и в том именно виде, где и как этот святой мученик явился царскому сокольничему для указания опущенного царского сокола. Перед сим изображением, для защиты его от дождя и снега к алтарной стене издавна пристроен деревянный навес с таковыми же стенками и дверями в роде часовни, а также с возвышенною для богомольцев площадкою, на которую ведет деревянная лестница в 9 ступеней. Но так как этот навес

пришёл уже в крайнюю ветхость и самым видом своим всегда представлял слишком некрасивую пристройку, то мы намереваемся выстроить по примерному вычислению на 4 тыс. рублей новую каменную пристройку по прилагаемым при сём на двух листах новых чертежах с отдельным на полулисте планом местности, составленном в стиле существующей настоящей церкви архитектором Зыковым II» (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 453. Д.1. Л. 1 – 1об). В документе говорится, что деньги на строительство часовни были пожертвованы купцом Николаем Александровичем Давыдовым.

П.П. Зыков II исполнил проекты в разных стилях, (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп.1. Д. 868. Л. 4,9,10,12), но Строительное Отделение Московского губернского правления 14 августа 1882 г. утвердило тот, на котором часовня представлена в виде одноглавого храма с трёхлопастным завершением фасада и килевидной центральной закомарой. Проект явно был ориентирован на формы раннемосковского зодчества (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 858. Л. 7). Однако он не был утвержден Московским Археологическим обществом, так как посчитали целесообразным потратить пожертвованные деньги не на строительство новой каменной часовни, а на восстановление самого древнего храма: «Нельзя также одобрить пристройку к древнему небольшому храму малой с него копией. В проекте часовни воспроизводятся формы древнего храма в меньшем размере и со всеми новейшими его искажениями. Было бы весьма желательно, если бы средства, назначенные на устройство часовни, могли быть обращены на восстановление этого редкого древнего памятника в первоначальном виде» (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 435. Д. 1. Л. 6 – 6 об.).

Поэтому строительные работы начинаются с перестройки колокольни, они были завершены в 1890 году. Практически сразу же встаёт вопрос и о расширении трапезной и приделов. В пояснительной записке к проекту говорилось, что среднюю часть трапезной должен перекрывать купол, который «...предполагается утвердить на арках, покоящихся на четырёх массивных столбах, из которых два будут как бы ограничивать алтари приделов. Купол этот будет служить как для освещения средней части трапезы, так равно будет способствовать освобождению воздуха при большом стечении молящихся» (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 858. Л. 56). Особо отмечалось, что древний храм при всех перестройках останется неприкосновенным, в том самом виде, как ныне существует (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 858. Л. 59).

По правилам, установившимся во второй половине XIX века, Московское Археологическое общество рассматривало каждый проект, связанный с перестройкой древнего архитектурного сооружения. На открытии Общества граф А.С. Уваров, подчеркивая необходимость бережного отношения к памятникам старины, сказал: «Не только мы, но и наши предки не умели ценить важности родных памятников, и без всякого сознания, с полным равнодушием, безобразно исправляя старинные здания или восстанавливая из сызнова, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи» (Уваров, 1865: III).

Строительное отделение Московского губернского правления 3 июня 1892 г. подаёт запрос в Московскую Духовную Консисторию с просьбой сооб-

щить, к какому веку относится церковь св. Трифона в Напрудной Слободе «...и не замечена ли она какими-либо историческими воспоминаниями». В справке говорилось: «По клировой ведомости за 1892 год о церкви св. мученика Трифона что в Напрудной Слободе, Сретенского сорока значиться: главная, так называемая настоящая церковь по своей архитектуре, по-видимому принадлежит к зданиям XVI века, но когда и кем именно была она построена, неизвестно» (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 463. Д. 5. Л. 4).

Далее 20 июня 1892 года все чертежи по достройке трапезной были переданы в Московское Археологическое общество, которое после их рассмотрения не разрешило постройку, аргументируя это тем, что «...проектируемое увеличение храма должно совершенно закрыть пристройками древнюю церковь..., что исказит одну из древнейших святынь московских» (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 463. Д. 5. Л. 9). Подписали ответ архитектор К.М. Быковский и секретарь С.У. Соловьёв. В это время к работам был привлечён архитектор Г.А. Кайзер. Однако предоставленные им проекты также не были утверждены. Вновь открытые архивные материалы и исследования Ю.Р. Савельева, а также упоминание в архивных материалах сведения, что священник Григорий Дьяченко попросил Н.В. Султанова доработать проекты, позволили связать окончательное проектное решение по перестройке Трифоновской церкви с именем Н.В. Султанова. Осенью 1893 года Султанов записал в своём дневнике: «23 октября. Был Трифоновский священник с предложением переделать проект их новой церкви – взялся. <...> 28 октября. <...> Выработал один приём (пятиглавый) для переделки проекта Трифоновской церкви, составленного очень скверно «архитектором» Кайзером. <...> 29 октября. Опять сидел над переделкой Трифоновской церкви и выработал второй приём; сделал фасад и разрез. <...> Новый проект Трифоновской церкви вышел очень удачный» (Савельев, 2008: 47). Московское археологическое общество утвердило этот третий, исправленный Н.В. Султановым проект, и назначило архитектора А.М. Павлинова ответственным за строительство (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 463. Д. 5. Л. 24, 42).

К 1895 году все основные строительные работы в церкви были завершены: купола покрыты железом, крест выполнен и доставлен, внутри всё оштукатурено и окрашено, полы покрыты метлахской плиткой, паникадила повешены, престолы для обоих приделов установлены. Устроен также иконостас в Филаретовском приделе, иконостас для Николаевского придела ещё находился в отделке у мастера (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 463. Д. 5. Л. 44-45). Таким образом, к началу XX века церковь св. мученика Трифона в Напрудной Слободе представляла собой большой величественный храм с колокольной и трапезной, построенный в русском стиле. Древняя церковь стала его своеобразной алтарной частью.

Следует отметить, что с 1882 г. и в течение всего последующего времени вопрос о строительстве часовни вокруг изображения св. Трифона не поднимался, поскольку все средства были направлены на расширение храма. Как и в середине XIX века, со стороны алтарной апсиды к храму примыкала неболь-

шая деревянная пристройка с лестницей. В таком виде храм простоял до 1912 года. В газете «Московский листок» за 1913 год было опубликовано объявление, что Императорская Археологическая комиссия разрешила притчу и прихожанам храма св. Тифона в Напрудном провести реставрацию. Для этого была создана комиссия в составе притча храма, ктитора В.И. Смирнова, Бабушкина, Туманова, Барашкова и еще четверых прихожан. Работы поручены академику Ф.О. Шехтелю. На эти работы было отпущено 26 000 рублей. В.П. Гурьянов уже приступил к реставрации древних икон из старого иконостаса, которые представляли огромный интерес «для археологов по своей древности и замечательной искусной работе» (Московский листок, 1913: 2). Вместе с реставрацией икон возникла необходимость в поновлении главного иконостаса, и вновь встал вопрос о строительстве часовни. В Государственном историческом архиве Москвы нами была обнаружена смета на реставрацию храма и устройство часовни, а также проект самой часовни. Все документы подписаны Ф.О. Шехтелем (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп.1. Д. 858, 879). В церкви предполагалось покрыть пол тарусским мрамором; сделать железные ворота с медными украшениями (500 р.); поставить новые железные подзоры с кронштейнами и крестами с позолотой; исправить и позолотить главу и крест. Внутри церкви необходимо было сделать и поставить главный иконостас, а также два клироса с дубовыми локотниками и скамьями.

Ф.О. Шехтель заложил в смету и живописные работы: образа в двух тимпанах (700 р.), на барабане в нижнем ярусе (640 р.), в алтаре по стенам и сводам (2500 р.). Архитектору за проект и технический надзор полагалось вознаграждение в размере 1500 рублей.

Внутри храма необходимо было поставить новый главный иконостас и два боковых из «белой золочёной латуни» (8840 р.), сделать и поставить два клироса с дубовыми локотниками и скамьями (1200 р.). На фотографии из фототеки Музея истории архитектуры им. А.В. Щусева можно видеть высокий иконостас с Царскими вратами (илл. 4). Все поверхности его покрыты мелким рельефным басменным орнаментом, повторяющим основные типы древнерусской басмы XVI-XVII вв.: сетчатый, «линейный бордюр», «вертикальная кайма» (Игошев, 2001: 61–79). Исключением являлся декор «коруны» и тябла, состоящих из крупных, чуть стрельчатых медальонов с вписанными в них строго по оси большими цветами на прямых стеблях с симметрично расходящимися сочными лепестками. Приёмы стилизации напоминают росписи крестьянских сундуков и прялок. В древнерусском искусстве всегда существовала традиция тябловой росписи «...горизонтальный брус – тябло покрывался резьбой или золотился, а чаще расписывался масляной краской пёстрым орнаментом», – писал Н.В. Султанов, как известно серьёзно изучавший наследие древнерусского искусства (Султанов, 1893: 18). Орнаментальный фриз широкого тябла, отделяющего ряд местных икон от праздничного ряда, был явно придуман Ф.О. Шехтелем, так как на проекте восточной части церкви св. Трифона, представленной в разрезе, хорошо виден изящно нарисованный иконостас с подобным крупным орнаментом.

Илл. 4. Шехтель Ф.О. Восточная часть церкви св. Трифона.
Фабрика Товарищества И.П. Хлебников с сыновьями и Ко. 1913 г.
Фототека Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева

Интересно отметить, что значительные по объёму «басменные работы» были выделены Ф.О. Шехтелем в смете в отдельную статью. (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 879. Л. 12). Дело в том, что техника басмы, столь любимая в XV – XVII вв., была практически забыта в XVIII и первой половине XIX вв. Как известно, Н.В. Султанов приложил немало усилий к изучению, восстановлению басмы и введению её в технический репертуар мастеров, изготавливающих церковный художественный металл. Он отформовывал различные басменные оклады в Софии Новгородской, в соборе Саввино-Сторожевского монастыря и особенно ратовал за то, «...что при подобном украшении не только повторяется древний рисунок, но и восстанавливается самый древний способ производства» (Султанов, 1893: 25).

Илл. 5. Шехтель Ф.О. Проект большого подсвечника к местным иконам. 1899.
ГНИМА ОФ-1478/288

Все басменные работы по оформлению иконостаса и клироса выполнила московская ювелирная фирма И.П. Хлебникова. По-видимому, этой же фирмой также были исполнены большие подсвечники к образам и хоругви, которые видны на фотографии. Они представляют собой ансамбль, объединённый общим орнаментальным декором, фактурой и общими линейными ритмами.

Большие подсвечники к образам спроектированы Ф.О. Шехтелем в формах, так называемой, «тошей свечи». Такие подсвечники были характерны для нарядного полихромного декора древнерусских храмов XVII века, только их делали из дерева и расписывали разноцветными красками. В конце XIX – начале XX в. архитекторы часто обращались к данному историческому прототипу, но подсвечники изготавливали из металла, а полихромный декор выполняли в технике эмали. Сохранился один из проектов Ф.О. Шехтеля такого большого подсвечника к местным иконам, датируемый 1899 годом (илл. 5). Но в церкви св. Трифона очень похожие по орнаментальному декору большие подсвечники можно увидеть на приведенной выше фотографии интерьера.

В смете отдельно были прописаны работы по устройству часовни, примыкающей к алтарной апсиде. Предполагалось сделать железобетонный свод над часовней, устроить лестницу с балюстрадой из тарусского мрамора; покрыть мрамором пол часовни; сделать и поставить железную главу с цинковым покрытием и позолотить на лак мардан $\frac{3}{4}$ золотником червонным золотом; сделать к главе шестиконечный крест; сделать и поставить золочёные подзоры. Фасад необходимо было окрасить по штукатурке силикатной краской. Снаружи, в трёх тимпанах предполагалось написать образа на золотом фоне. Внутри часовня также должна была быть расписана. Вознаграждение архитектору за проект часовни и технический надзор назначался в размере 700 рублей (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 879. Л. 12). В проекте Ф.О. Шехтеля часовня фактически неотделима от древнего храма и в миниатюре повторяет его трёхчастную структуру, где композиционное единство строится на ритме волнообразно нарастающих объёмов. Таким образом, она смотрится не присоединённой к храму, а являющейся его органичной частью.

Строительство часовни не было осуществлено, хотя переговоры по этому поводу продолжались до 1915 года. Все пристройки к древней церкви св. Трифона, выполненные в XIX веке, были уничтожены в ходе реставрации 30–40-х годов XX века, которая проходила под руководством П.Д. Барановского и Л.А. Давида. Однако архивные документы и фотографии позволили дополнить картину архитектурной истории древнейшего храма Москвы, с которым также была связана ещё одна, до сей поры неизвестная страница творчества выдающегося архитектора модерна Федора Осиповича Шехтеля.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев Д.А.* Русский иконописный подлинник. СПб., 1887.
Денисов Л.И. Жизнь и страдания св. мученика Трифона и почитание его в России. М., 1914.

Дьяченко Г.М. Московская Трифоновская церковь. М., 1895.

Жизнь, страдания и духовные дары святого мученика и чудотворца Трифона, и уроки из его жизни. М., 1902.

Заграевский С.В. Архитектурная история церкви Трифона в Напрудном и происхождение крещатого свода. М., 2008.

Игошев В.В. Типология и символика серебряной басмы XV-XVII вв. // Художественный металл России. М., 2001. С. 61–79.

Лукьяновский А.Г. Сказание о том, как построена церковь св. великомученика Трифона в Москве. Былина про царя Ивана Грозного и про князя Трифона Патрикеева. М., 1897.

Московский листок. 1913. № 8.

Приклонский И.И. Историческая записка о московской Трифоновской, что в Напрудной (Слободе) церкви и о совершаемых в ней особых молебствиях. М., 1884.

Савельев Ю.Р. Неизвестные проекты Н.В. Султанова в Москве // Архитектура и строительство Москвы. № 2. 2008 С. 42–48.

Султанов В.Н. Церковь в доме московского Генерал Губернатора // «Зодчий», 1893.

Уваров А.С. Вступительная речь «О деятельности, предстоящей Московскому Археологическому Обществу» // Древности. Труды Московского Археологического Общества. М., 1865. Т. 1.

Филимонов Г.Д. Софийский список Подлинника Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века // Иконостасный Подлинник Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века. С вариантами Забелина и Филимонова. М., 1873.

ЗАГАДКА ПОСТРОЙКИ МОСКОВСКОГО ЮСУПОВСКОГО ДВОРЦА (ВОПРОС О ЗАКАЗЧИКЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВЛАДЕЛЬЦЕ ЗДАНИЯ)

А.В. Постников

Дворец князей Юсуповых в Москве (Б. Харитоньевский пер., д. 21 стр. 4) – известный, но недостаточно изученный памятник, хранящий в себе немало нераскрытых тайн. Одной из таких тайн являются обстоятельства постройки будущего юсуповского дома. Строили его, как известно, не Юсуповы, получившие дворец только в 1727 г. Но кто же тогда? До недавнего времени это не было известно, однако сейчас мы можем предложить ответ на данный вопрос.

Нынешнее здание дворца состоит из двух каменных домов, построенных, как предполагается, в конце XVII в. (Памятники архитектуры Москвы. 1989. 234–235; *Потапов*. 1903. 160; Тиц. 1966. 44, 144; *Ильин, Моисеева*. 1979. 456), причем на разных дворах, и лишь в 1891 г. соединенных каменным переходом в один комплекс. Стоят эти дома в одну линию, вытянутую с запада на восток (вдоль Б. Харитоньевского пер., называвшегося до начала XIX в. ул. Хомутовской) и условно могут быть названными поэтому «западным» и «восточным». Этих названий мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Западное здание было построено, видимо, в 1670-е или 1680-е гг., поскольку на втором этаже его восточного фасада сохранились следы трех сбитых наличников с «килевидным» завершением, характерных для этого времени. Юго-восточная палата подклетного этажа, судя по своду – еще более старая и может быть отнесена к середине или к началу 2-й половины XVII в. Вероятно, западное здание было построено сперва как деревянный дом с каменным поребриком и лишь позже выстроено полностью в камне.

Восточное здание, судя по сохранившемуся первоначальному декору, было построено во 2 пол. 1690-х гг. Именно это здание принадлежало с 1727 г. князьям Юсуповым, а до них, как утверждалось в литературе вплоть до сер. XX в., его владельцем был некий Алексей Волков (Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. 1850. 90; *Потапов*. 1903. 160; *Сытин*. 1948. 200), в связи с чем памятник получил распространенные до сих пор, но совершенно неправильные названия: «палаты Волкова», «палаты боярина Волкова» и «палаты Волковых-Юсуповых». Встречаются в литературе и более корректные названия («дом Юсупова», «палаты Юсуповых»), однако они указывают лишь на поздних владельцев здания. Лишь в конце XX в. раннюю владельческую историю восточных палат удалось уточнить. Начиная с 1980-х гг. известный краевед С.К. Романюк утверждал, что до А.Я. Волкова восточным

зданием владел П.А. Толстой, а до него (до 1723 г.) – П.П. Шафиров (*Романюк*. 1981. 132-133; 1988. 239; 2000. 80-81). Ссылки на документы, подтверждающие указанную последовательность, исследователь, правда, не приводил (кроме ссылки на данные переписи 1716 г.), однако документы эти известны.

Прежде всего, это челобитная князя Г.Д. Юсупова императору Петру II от ноября 1727 г. с просьбой передать ему в собственность конфискованный московский двор Алексея Волкова (т.е. будущий юсуповский дворец). Описывая просимый двор, князь упоминает и прежних его владельцев: «В прошлом 723 году ... в Москве в Земляном городе двор Петра Шафирова ... отдан был Петру Толстому; а в нынешнем 727 году оный же двор отдан Алексею Волкову» (Сборник императорского русского исторического общества. 1889. Т. 69. 761).

Информацию Г.Д. Юсупова подтверждают и другие источники. Так, в указе Петра I Сенату от 24 февраля 1723 г. говорится следующее: «Двор Петра Шафирова, которой на Мясницкой улице, в Земляном городе, в приходе у церкви Трех Святителей, с каменным и деревянным строением, велите отдать тайному действительному советнику Петру Толстому ...» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–23об). О том, что московский дом Шафирова был в феврале 1723 г. подарен «графу Толстому», пишет в своем дневнике и Ф.В. Берхгольц (*Берхгольц*. 2018. 511.). Факт же перехода двора от П.А. Толстого к А.Я. Волкову подтверждает журнал заседаний Верховного тайного совета в записи за 14 мая 1727 г., где отмечается: «Его Императорское Величество пожаловал ... Алексею Волкову дать Толстова в Москве двор» (Сборник императорского русского исторического общества. 1888. Т. 63. 512). О принадлежности здания до А. Волкова П.А. Толстому сообщает и указ Петра II Сенату конца 1727 г.: «Пожаловали мы 20 ноября... князь Григорья Юсупова Княжево... отдать ему отписной у Алексея Волкова двор в Москве, в Земляном городе, который ему дан был по отписке у Петра Толстого» (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 265. Л. 1).

Итак, до Юсуповых восточным зданием московского юсуповского комплекса последовательно владели П.П. Шафиров, П.А. Толстой и А.Я. Волков. А от кого и когда получил дворец Шафиров? Этого долгое время выяснить не удавалось.

Как владелец двора на Хомутовке Петр Павлович Шафиров упоминается уже в переписи московских дворов 1716 г. Из этой же переписи мы видим, что соседний с шафировским двор с запада (т.е. двор, главным домом которого было здание, составляющее теперь западную часть Юсуповского дворца) – принадлежал «Гостю Григорью Чирьеву». Двор, расположенный еще западнее (на месте, где сейчас стоит так наз. «дом Прокофьева», Б. Харитоньевский пер., д. 19) принадлежал «Гостину сыну Василью Гаврилову с. Чирьева». Неподалеку, в переулке «идучи к Трем Святým» (видимо, речь идет о нынешнем Хоромном тупике), располагался двор отца П.П. Шафирова – «Дворянина Павла Филиппова с. Шафирова». Самому Петру Павловичу принадлежал, согласно переписи 1716 г., еще один двор в Огородной слободе – «У лесного ряду» (Переписи московских дворов XVIII столетия. 1896. 100, 102). Видимо, речь идет о переулке, называемом ныне Гусятниковым. Самыми же ранними опубликованными документами, отражающими факт принадлежности восточных палат Шафирову, являются два письма ему из Москвы – от 8 июля 1709 г.

и от 9 сентября 1710 г. (Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. 2011. Ч. 1. 174–176, 204–206). Из них мы узнаем, что нынешний объем с «Большой палатой» на 2-м этаже был пристроен к восточному зданию именно в эти годы, однако вопрос о первоначальных владельцах здания указанные письма не проясняют.

Предположение о возможном заказчике будущего Юсуповского дома также высказал в свое время С.К. Романюк. Если в ранних своих работах исследователь утверждал, что первым документально известным владельцем здания был П.П. Шафиров» (Романюк. 1981. 132; 1988. 239), то в более поздней книге он писал уже другое: «Первым известным нам по документам владельцем старинных палат – их ... правой, если смотреть с переулка части – был богатый купец из торопецкой семьи Чирьевых» (Романюк. 200. С. 80). О каких документах идет речь, С.К. Романюк, правда, не уточнил, а в последних изданиях своей книги о московских переулках о постройке восточного здания Чирьевым писал уже не как о факте, а как о вероятности: «Возможно, что первым хозяином этих палат был богатый купец Чирьев» (Романюк. 2021. 689).

Не исключено, что выдвинутое краеведом предположение опиралось лишь на факт принадлежности Чирьевым к 1716 г. двух домов к западу от палат Шафирова, а не на какую-либо другую информацию (источник которой был бы в противном случае указан). Как бы то ни было – гипотеза С.К. Романюка о Чирьеве полного признания в науке не получила, и большинство исследователей до сих пор отказываются называть имя первоначального владельца юсуповского дома. Попробуем, однако, разобраться с этим вопросом.

Как уже отмечалось, и восточный, и западный дома, составляющие ныне Юсуповский дворец, построены строго в одну линию, причем расстояние между их торцами – всего четыре метра. Трудно поэтому предположить, что эти здания были построены разными лицами в разных владениях. Более вероятно другое: первоначально на месте обоих домов было единое длинное здание, принадлежащее одному владельцу. Это здание было либо деревянным, либо деревянно-каменным (с одним-двумя каменными погребями). Со временем отдельные части дома могли перестраиваться полностью в камне – сперва западная часть, а затем и восточная. Ко времени же второй каменной постройки двор мог вообще разделиться, «разрезав» единое прежде здание на две части.

Кто же был владельцем этого первоначального единого здания?

Сохранился любопытный документ – купчая крепость от 22 июля 1675 г. на двор в Москве, в Огородной слободе, на улице Хомутовке, в приходе церкви Трех Святителей, продаваемый тяглем Огородной слободы Павлом Ивановым сыном Михалева тяглицу этой же слободы Афанасию Федорову сыну Чирьева (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 154. Л. 1-2об). Согласно документу, купленный двор Афанасий Чирьев сразу же завещал своему сыну Гавриле. Следовательно, речь идет о дворе, на котором позже был построен так наз. «Дом Прокофьева», поскольку из переписи московских дворов 1716 г. мы видим, что данным двором владел к тому времени Василий Гаврилович Чирьев – сын Гаврилы Афанасьевича.

Согласно купчей, продаваемый двор Михалева находился между двором Афанасия Чирьева (покупателя) и двором некоего Наума Иванова. Из переписи 1716 г. мы видим, что к востоку от двора Василия Гавриловича Чирьева находился двор Григория Чирьева, а к западу – двор дьяка Андриана Ратманова. К востоку же от двора Гр. Чирьева в 1716 г. находился двор П.П. Шафирова (т.е. восточные палаты Юсуповского комплекса). Стало быть, двор А.Ф. Чирьева, упоминаемый в купчей, соседствовал с двором Михалева с востока (и достался после смерти Афанасия Федоровича его сыну Григорию), а двор Наума Иванова – это будущий двор А. Ратманова. Но двор Григория Чирьева, как мы уже знаем – это дом, составляющий ныне западную часть Юсуповского дворца (западные палаты). Получается, что к 1675 г. данный двор уже принадлежал Чирьевым. Вспомним, что примерно в это же время (в 1670-е или 1680-е гг.) западные палаты отстраиваются полностью в камне. Заказчиком этой каменной перестройки и был, видимо, тогдашний владелец двора, купец А.Ф. Чирьев – выходец из г. Торопца, тяглец Огородной слободы в Москве к 1672 г., в 1683 г. получивший чин гостя (*Голикова*. 1998. 164–165) и умерший в 1694 г. (Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. 1884. Ч. 1. 681). Он же построил, видимо, и прежний – единый и длинный деревянно-каменный дом. Но почему же тогда и двор Чирьевых, и их дом, были разделены со временем на два двора? Может быть, Афанасий Федорович выделил восточную половину своего владения одному из своих сыновей? Если так, то речь в этом случае должна идти не о Гавриле, которому отец купил соседний с запада двор, и не о Григории, которому достались основные чирьевские («западные») палаты, а о ком-то другом.

Источники упоминают следующих сыновей Афанасия Федоровича: Гаврилу, Максима, Григория и Василия (*Голикова*. 165; *Аксенов*. 1988. 43) – видимо, именно в таком порядке старшинства. Кандидатами на роль первоначального владельца восточных палат являются, стало быть, двое – Максим и Василий Афанасьевичи.

Здесь мы подходим к интереснейшему документу, опубликованному еще в 2002 г., но ни кем до сих пор не отождествляемому с Московским юсуповским дворцом. Речь идет о копии духовной грамоты гостя Максима Афанасьевича Чирьева от 11 марта 1702 г. (Городская семья XVIII века. 2002. 67–69). Согласно документу, М.А. Чирьев завещал свои каменные палаты жене Татьяне Захарьевне – потому, что строил их на деньги ее отца, Захария Кузьмича (причем в тексте особо подчеркивается, что строил свои палаты сам Максим, а не кто-либо другой). Из документа мы также узнаем, что тесть Максима завещал весь свой капитал своей дочери и зятю. Это, видимо, ухудшило отношения Максима с отцом, и после смерти последнего Максим не получил доли отцовского наследства – двор А.Ф. Чирьева (т.е. «западные» палаты) достался по долям всем афанасьевым сыновьям, кроме Максима – Гавриле, Григорию и Василию (Городская семья XVIII века. 2002. 68). Максим, в свою очередь, завещал весь свой двор одной своей жене.

Согласно опубликованным окладным спискам 1713 и 1717 гг., после смерти Максима Чирьева вдова его, Татьяна Захарьевна, «платила в разные приказы многия доимки и многие долги», но не сумела расплатиться, в результате чего двор ее мужа был «взят в Ижерскую канцелярию». В конечном счете, как указывает источник, вдова «в той скудости ради пострижения сошла в монастырь» (Материалы для истории московского купечества. 1891. Т. 1. Прил. 3. 24). Дата конфискации двора при этом не указывается.

Не являются ли построенные М.А. Чирьевым каменные палаты восточным зданием нынешнего Юсуповского комплекса? Текст опубликованных документов позволяет это допустить, однако прямо не подтверждает (в духовной Максим Афанасьевич не дает четких топографических привязок своего двора).

Для прояснения данного вопроса нам потребовалось изучить все архивные документы, сопутствующие опубликованному завещанию. Они составляют большое «спорное дело» братьев Гаврилы, Григория и Василия Афанасьевичей Чирьевых со своей невесткой Татьяной Захарьевной за наследство умершего гостя Максима Афанасьевича Чирьева (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 109–112об, 368–368об, 441–441об; Д. 8. Л. 443–444; Д. 11. Л. 245–273об).

Из дела мы узнаем, что сразу после смерти М.А. Чирьева (14 марта 1702 г.) братья последнего явились на двор к его вдове и, пользуясь ее стрессовым состоянием, присвоили самое ценное движимое имущество умершего (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 249об). Затем Чирьевы затеяли какую-то перестройку максимова дома – слуга Григория Чирьева Петр Колоднин, как гласит документ, «у той вдовы Татьяны, на полатах воровски [т.е. незаконно – А.П.] своды ломал» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 268об). Именно данное самоуправство вывело, видимо, вдову из терпения и она, похоже, подняла скандал. В ответ братья начали судебную тяжбу. 28 мая 1703 г. они подали челобитную в Приказ земских дел, требуя раздела большей части имущества умершего брата между ними (Гаврилой, Григорием и Василием) и выделения вдове лишь «четвертого жребия» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 249об, 261–261об). Сперва истцы имели успех. Глава Земского приказа, боярин князь И.Б. Троекуров решил дело по их челобитью и опечатал двор умершего. Вдова вынуждена была съехать с него и скитаться «по чужим дворам» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 249об–250, 261об).

21 июня 1703 г. Татьяна Захарьевна подала на своих деверьев встречную челобитную (в Московскую ратушу), приложив к ней духовную своего мужа (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 249об–250, 262, 266–267). Братья пытались оспорить завещание, называя духовную «неправой» (незаконной) и «составной», т.е. подложной (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 11–11об). Доказать свои обвинения они, видимо, не смогли, поскольку в конечном счете вынуждены были пойти с невесткой на мировую (13 марта 1704 г.). Условия сделки, однако, оказались для вдовы кабальными. Татьяне Захарьевне оставили и двор умершего мужа, и все его имущество, но в случае смерти, пострижения или вторичного замужества вдовы наследство М.А. Чирьева полностью переходило к его братьям. При этом все судебные расходы, затраченные на тяжбу, долж-

на была оплатить вдова (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 110–111, 441). Этот то пункт ее и погубил.

Как мы уже знаем, Татьяна Захарьевна не сумела расплатиться с многочисленными налогами и судебными пошлинами, и ее двор был конфискован Ижорской (Ингерманландской) канцелярией за долги.

О том, что произошло дальше – повествует выпись Ижорской канцелярии, приложенная к челобитной Т.З. Чирьевой от 21 апреля 1709 г.: «И в платеж вышепомянутых пошлин, и в приказы доимок продан ее, вдовы Татьяны, двор с каменным и деревянным строением из Ижерской канцелярии тайному секретарю Петру Шафирову за 1520 рублей, для того, что с торгу той цены никто больше не давал» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8. Л. 443об).

Вот мы и нашли связующее звено между документами, повествующими о споре за наследство М.А. Чирьева – и документами, отражающими историю Московского юсуповского дома. О последнем (т.е. о «восточных» палатах) мы знали, что до 1723 г. дом принадлежал П.П. Шафирову, а теперь нам известно, что тот купил каменные палаты на аукционе после конфискации их у Т.З. Чирьевой.

Правда, как мы знаем, у Шафирова было к 1716 г. два двора – на улице Хомутовке (будущий дом Юсуповых) и «у лесного ряда». Какой же из этих двух дворов принадлежал раньше М.А. и Т.З. Чирьевым?

Из челобитной братьев Чирьевых от 22 июля 1706 г. мы узнаем, что право на двор умершего брата Максима они получили в 1703 г. «по ротству и по близости» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 441). Будущий дом Юсуповых (восточные палаты), действительно, располагался «поблизости» от двух дворов братьев Чирьевых (соседствовал с двором Гр. Чирьева с востока), чего не скажешь о втором дворе, находящемся гораздо дальше.

Из документов «спорного дела» мы также узнаем, что священник церкви Трех Святителей в Огородниках был духовным отцом как Максима Чирьева, так и его жены Татьяны, и значительную часть своих денег Максим Афанасьевич завещал на строительные работы в данной церкви (Городская семья XVIII века. 2002. 67; РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 110об.; Д. 11. Л. 249). Более чем вероятно, поэтому, что двор М.А. Чирьева находился в приходе церкви Трех Святителей (как и дворы его братьев). Данное предположение подтверждает и «Ружная розметная книга» 1699 г., в которой говорится, что в приходе церкви Трех Святителей в Огородниках находятся три «гостина» двора (Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. 1891. Ч. 2. 519). Скорее всего речь идет о дворах трех братьев Чирьевых – Гаврилы, Максима и Григория Афанасьевичей, которые все были к тому времени гостями. Другие фамилии гостей среди домовладельцев – прихожан церкви Трех Святителей – в переписи московских дворов 1716 г. не значатся. Двор П.П. Шафирова «у лесного ряда» не относился к приходу церкви Трех Святителей, и это еще одна причина, по которой мы не можем считать его бывшим двором М.А. Чирьева. Купленный Шафировым двор Максима Афанасьевича может быть смело поэтому отождествлен с будущим главным московским двором Юсуповых.

Итак – можно считать установленным, что восточный дом нынешнего Юсуповского комплекса (без объема Большой палаты) впервые был построен в камне как жилые палаты гостя Максима Афанасьевича Чирьева. После смерти Максима в 1702 г. дом перешел к его вдове Татьяне Захарьевне, был конфискован у нее государством за долги, продан с торгов и куплен П.А. Шафировым.

Остаются не ясным, однако, два важных вопроса: когда палаты М.А. Чирьева были построены в камне и когда были куплены Шафировым? (процитированная выше выписка Ижорской канцелярии от апреля 1709 г. дату торгов, к сожалению, не указывает).

Начнем со второго вопроса.

Покупка чирьевского двора П.П. Шафировым состоялась не позднее 21 апреля 1709 г., т.к. этим числом датирована челобитная Т.З. Чирьевой с просьбой быстрее переслать вырученные за проданный двор деньги в приказы, требующие с нее недоимки. В то же время, торги не могли состояться ранее 1707 г., ибо за 1706 год Татьяне были еще начислены платежи (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8. Л. 443–443об). Следовательно, только в 1707 г. могла выясниться полная несостоятельность вдовы как плательщика, что требовало продажу ее имущества за долги. Как видим, Шафиров купил палаты М.А. Чирьева либо в 1707, либо в 1708, либо в нач. 1709 г. – довольно широкие временные рамки, но их можно сузить.

С момента торгов до момента подачи Т.З. Чирьевой челобитной о пересылке денег – не должно было пройти слишком много времени: вдова не могла долго терпеть ситуацию, когда двор ее был уже продан, а недоимки с нее продолжали требовать. А коли так – торги вряд-ли могли состояться раньше конца 1708 г.

На это же время указывает и дата пристройки П.П. Шафировым к дому М.А. Чирьева «Большой палаты» (1709–1710 гг.). Более чем вероятно, что масштабную перестройку своего дома Петр Павлович задумал сразу после его приобретения. «Большая палата», как видно из письма Шафирову от 8 июля 1709 г., всю уже строилась к этому времени (Походная канцелярия ... Шафирова. 2011. Ч. 1. 174), а началось строительство, видимо, в мае. Логично поэтому предположить, что приобрел Петр Павлович новый двор незадолго до этого – когда строительный сезон либо уже закончился (т.е. в конце предшествующего, 1708 г.), либо подходил к завершению.

Косвенным подтверждением предложенной даты служит еще один документ – «память» из Московской ратуши в Посольский приказ от 28 декабря 1708 г. об отведении двора гостя Григория Чирьева в Огородной слободе в Москве для размещения венгерского резидента Матвея Талобы (РГАДА. Ф. 158. 1708 г. Д. 173. Л. 1–5). Документ отражает скандальную историю: в связи с решением Посольского приказа разместить дипломата в доме Гр.А. Чирьева – на дворе купца был поставлен караул из драгун (в отсутствие хозяина). Приехавший вскоре Григорий Афанасьевич возмутился, велел свои слугам бить и гнать солдат, а венгерский посланник был в конечном счете размещен в другом доме. Исходя из контекста документа, можно предположить, что к моменту его составления двор, соседний с двором Гр.А. Чирьева с востока – уже принадлежал

П.П. Шафирову. Именно последний как заместитель главы Посольского приказа и организовал, видимо, отведение соседского двора для поста «резидента». Возможно, тем самым Петр Павлович пытался поставить несговорчивого соседа на место, ибо, зная скандальный характер Григория – легко можно допустить, что тот активно возмущался переходом двора умершего брата к «чужаку». Если же скандал декабря 1708 г. произошел вследствие покупки дома М.А. Чирьева Шафировым – вероятнее всего он произошел вскоре после данной покупки.

Все, как мы видим, указывает на конец 1708 года. Именно тогда, вероятно, бывший двор М.А. и Т.З. Чирьевых и приобрел П.П. Шафиров.

Другой вопрос: когда М.А. Чирьев построил свои палаты в камне?

К 1689 г. Максим Афанасьевич был уже зрелым, состоятельным человеком. В этом году он получил должность главы пушного отделения Купеческой палаты Сибирского приказа, в связи с чем упомянут как гость (*Оглоблин*. 1901. 83) и наверняка уже женатым. Женился М.А. Чирьев, стало быть, во 2-й пол. 1670-х или в 1-й пол. 1680-х гг. Вероятно, после женитьбы отец и выделил Максиму в качестве отдельного двора восточную часть чирьевского владения (с деревянной восточной половиной прежде единого дома Чирьевых).

Мог ли М.А. Чирьев построить для себя каменный дом именно тогда? Вряд ли.

Мы уже знаем, что из-за наследства максимова тестя отношения Максима с отцом, видимо, ухудшились. Строить в таких условиях каменный дом по соседству с отцовским – было бы для М.А. Чирьева явным вызовом отцу. Более вероятно, поэтому, что на постройку каменных палат (точнее, на перестройку в камне деревянной восточной половины бывшего единого чирьевского дома) Максим Афанасьевич решился только после смерти отца (в 1694 г.) – в сер. или во 2-й пол. 1690-х гг. Сохранившийся первоначальный декор восточных палат как раз соответствует этому времени – периоду расцвета стиля «нарышкинского барокко». Постройка палат М.А. Чирьева в самом начале XVIII в. (до марта 1702 г., когда Максим умер) менее вероятна – в «Книгах записных подлинных писем подрядных крепостей» за 1701 и начало 1702 г. договоры на постройку каких-либо чирьевских объектов отсутствуют.

Весьма вероятной датой постройки (или начала строительства) каменных палат М.А. Чирьева представляется нам 1699 год.

В этом году, 25 июля, в Москве произошел страшный пожар, опустошивший, согласно запискам И.А. Желябужского, Китай-город и восточную половину Белого города (Русский архив. 1910. Кн. 3. 73) (стало быть, возможно, затронувший и восточную часть Земляного города). В этом пожаре мог сгореть и деревянный дом Максима Чирьева, что в свою очередь могло бы подвигнуть хозяина на постройку нового – каменного. Тем более, что именно тогда Максиму, видимо, представилась возможность получить и необходимые для каменного строительства материалы.

Дело в том, что, согласно письму А.А. Виниуса Петру I (рубежа 1707/1708 гг.) – от пожара 1699 г. сильно пострадало здание Сибирского приказа и было восстановлено в результате масштабных строительных работ

(Милуков. 2009. 253). А.А. Виниус был тогда главой Сибирского приказа, а М.А. Чирьев, как мы знаем – служил там же под его началом. Судя по тому, что в духовной Максима Афанасьевича А.А. Виниус назван его душеприказчиком – можно предположить, что обоих руководителей приказа связывали не только служебные отношения, но и личная дружба. Не исключено поэтому, что оба они сообща могли повернуть дело по использованию выделенных для восстановления денег и стройматериалов на личные нужды.

Любопытно, что именно тогда же была кардинально перестроена и приходская церковь М.А. Чирьева – Трех Святителей в Огородниках (над уже существовавшим ее четвериком был сооружен восьмерик, увенчанный главкой). Указанная связь Максима Афанасьевича с клиром данной церкви делает вероятным предположение о том, что он мог быть главным ктитorem перестроенных работ. Точное время перестройки неизвестно. Известно лишь то, что 11 января 1700 г. был выдан антиминс в придел Иоанна Богослова «новопостроенной» церкви Трех Святителей (Материалы для истории ... Москвы. 1884. Ч. 1. 681). Следовательно, перестройка церкви происходила незадолго до этого – ориентировочно, именно в 1699 гг. (в год большого пожара). Не в это ли время М.А. Чирьев построил и свои жилые каменные палаты? Их могли строить даже те самые мастера, которые перестраивали церковь Трех Святителей. Здесь стоит отметить, что еще в 1922 г. архитектор Н.Д. Виноградов отмечал сходство наличников московского юсуповского дворца с наличниками именно указанной церкви (НИОР РГБ. Ф. 177. К. 1. Д. 9. Л. 76).

Возможны, конечно, и другие датировки. Каменные палаты М.А. Чирьева могли быть построены в 1695 г., когда также перестраивалось здание Сибирского приказа (Можжаев. 2022. 265) или в 1696 г., когда Москву также опустошил большой пожар. Кстати: по нашему мнению, наличники окон 2-го этажа палат М.А. Чирьева наиболее близки по своим формам наличникам 2-го яруса церкви Троицы в Хохловке в Москве, построенной в 1696 г.

Вопрос, как видим, требует уточнения, однако наиболее вероятной датой постройки палат М.А. Чирьева представляется на сегодняшний момент все-же 1699 г.

Подведем итог.

Высказанное в свое время С.К. Романюком предположение о купце Чирьеве, как о первоначальном владельце Юсуповского дворца – оказывается, как видим, верным. Нет, правда, никаких свидетельств того, что исследователь опирался в своей гипотезе на материалы «спорного дела» Чирьевых (вероятнее всего, не известного ему). Догадка Сергея Константиновича была, скорее, интуитивной, однако в результате проведенного нами исследования получила и документальное подтверждение, и значительную конкретизацию. Оба дома, составляющие ныне Юсуповский комплекс, были построены гостями Чирьевыми: западный – Афанасием Федоровичем в 1670-е или в 1680-е гг., а восточный – его сыном Максимом Афанасьевичем во второй половине 1690-х гг.

Получается, что будущий аристократический дворец строился сперва как купеческие палаты. Именно из этого факта нужно прежде всего исходить при

реконструкции первоначального внешнего облика и планировки здания (видимо, носящего в себе в первые годы существования многие типовые признаки купеческого дома). В аристократический дворец здание превратилось позже – при П.П. Шафирове, однако этот период является предметом уже другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988.

Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. М., 1998.

Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост., вводная ст. и коммент. Н.В. Козловой. М., 2002.

Берхгольц Фридрих Вильгельм. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721-1726. / вступ. ст. И.В. Курукина; коммент. К.А. Залесского, В.Е. Климанова, И.В. Курукина. М., 2018.

Ильин М., Моисеева Т. Москва и Подмосковье. Справочник-путеводитель. М., 1979.

Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / собр. и изд. И.Е. Забелиным. Ч. 1. М., 1884. Ч. 2. М., 1891.

Материалы для истории московского купечества. Т. I. Прил. 3. М., 1891.

Милюков С.Г. Неизвестное послание А.А. Виниуса к Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург, 2009.

Можаев А.В. Великий посад Москвы: подлинная история Китай-города. М., 2022.

НИОР РГБ. Ф. 177. К. 1. Д. 9.

Оглоблин Н.Н. (сост.) Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). Ч. 4. М., 1901.

Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Ю.И. Аренкова, М.И. Домшлак, Г.И. Мехова и др. М., 1989.

Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896.

Потапов, А.А. Очерк древней русской гражданской архитектуры. Вып. 2. М., 1903.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. В 3 ч. / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Ч. I. СПб., 2011.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16.

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1.

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 8.

РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11.

РГАДА. Ф. 158. 1708 г. Д. 173. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 154.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 265.

Романюк С.К. В поисках пушкинской Москвы. М., 2000.

Романюк С.К. Из истории московских переулков: Путеводитель. М., 1988.

Романюк С.К. О семье Пушкиных в Москве в 1801–1803 гг. // Временник пушкинской комиссии. 1981. Сбор. науч. тр. Л., 1985.

Романюк С.К. Переулки старой Москвы. История. Памятники архитектуры. Маршруты. М., 2021.

Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. / Сост. А. Мартыновым. Текст И.М. Снегирева. Изд. 2, с доп. Год 2. М., 1850.

Русский архив / изд. П. Бартенев. 1910. Кн. 3. М., 1910.

Сборник императорского русского общества. Т. 63. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. III. (январь-июнь 1727 г.). СПб., 1888.

Сборник императорского русского общества. Т. 69. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 / под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. IV. (июль-декабрь 1727 г.). СПб., 1889.

Сытин П.В. Из истории московских улиц (очерки). М., 1948.

Тиц А.А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966.

СОСТАВ И ХРОНОЛОГИЯ КЛАДОВ БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ ИЗ СОБРАНИЯ ЯРОСЛАВСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

А.В. Максимов

Музейными экспонатами клады бумажных денежных знаков становятся реже монетных. Так, в собрании Ярославского музея-заповедника на 54 монетных клада приходится только 4 клада бумажных денег. Такое соотношение типов денежных кладов, представленных в музейной коллекции, можно объяснить, по меньшей мере, двумя причинами: во-первых, бумага, по сравнению с металлом, хуже сохраняется с течением времени, а, во-вторых, сбережения в бумажных деньгах обычно предпочитали хранить не архаичным способом – в кладах, а в Государственном или частных банках. Однако тенденция скрывать бумажно-денежные накопления по старинке (образно говоря, «хранить деньги в чулке») начинала ярче и чаще проявляться в обществе в переломные и кризисные моменты истории. В трудные и беспокойные времена люди старались сохранить на руках все, что в их представлении имело какую-либо ценность. Тогда-то и появлялись клады бумажных денежных знаков, к моменту скрытия уже сильно обесцененных инфляцией.

Объектом углубленного исследования клады бумажных денег из фондов Ярославского музея-заповедника стали сравнительно недавно. В 2019–2022 гг. денежные знаки и ценные бумаги этих комплексов были систематизированы с учетом сведений из каталогов А.Е. Денисова (*Денисов, 2004*), составлены каталожные описания кладов, в основу которых был положен хронологический принцип распределения кладового материала (см. Приложение). Клады представлены в Приложении в последовательности, обусловленной их хронологической структурой.

Единственным городским и самым ранним среди них является клад бумажных денежных знаков из Красноперекопекого района города Ярославля, обнаруженный на чердаке одного из домов близ парка имени XVI Партсъезда (в настоящее время этот старинный парк известен под своим исконно официальным названием – Петропавловский). Кладовый комплекс состоял из 673 единиц бумажных денежных знаков и ценных бумаг: 563 государственных кредитных билета образцов 1898–1917 гг., 108 казначейских знаков образца 1915 г. и двух 4% билетов государственного казначейства 1914 и 1915 гг. Один из них – тот, что был без купонов – судя по потертостям на сгибах и другим признакам износа, принимал участие в обращении как денежный суррогат, допущенный с 1918 г. в оборот по своей нарицательной стоимости. Другой же мог быть допущен к обращению только при условии, если лишился двух неотрезанных купо-

нов, а в сохранившемся виде являлся потенциальным денежным суррогатом. Вместе с деньгами в кладе находились две карточки: фототипия с портретом Александра III и хромолитография с портретом Николая II в кругу семьи: на карточке изображена императорская чета со старшими дочерьми – великими княжнами Ольгой и Татьяной, что следовало из поясняющего теста.

Старшими по номиналу денежными знаками клада были кредитные билеты образца 1917 г. достоинством 250 рублей на сумму 2000 рублей, младшими – казначейские знаки достоинством 50 копеек общей суммой 54 рубля; основу же составляли 555 кредитных билетов образцов 1898–1910 гг. семи номиналов, от 1 до 100 рублей, на сумму 6656 рублей. Процентные бумаги – 50-рублевые билеты государственного казначейства – добавляли по своей нарицательной стоимости еще 100 рублей к общей сумме сбережения, составлявшей, таким образом, 8810 рублей.

По литературным и литерно-номерным сериям присутствующих в кладе кредитных билетов было установлено, что большая их часть отпечатана при правительстве РСФСР – 323 из 563 экз. В целом же хронологическая структура комплекса позволяет считать временем его появления 1918 г. С большой долей вероятности причиной скрытия и не востребованности сбережения могли стать события Ярославского мятежа или последствия этих событий. Летом 1918 г. оно представляло значительное сумму, которая быстро обесценивалась набирающей темп инфляцией. В это время хранение на руках более или менее крупных сумм в бумажных денежных знаках получает, вероятнее всего, широкое распространение как результат недоверия населения сберегательным кассам, которые к осени сворачивают свою операционную деятельность по стране (Мокерова, 2019: 338).

Из кладовых комплексов сельского происхождения самым крупным по числу бумажных денежных знаков является клад из деревни Когаево Лютовского сельсовета Ярославского района. Сбережение включало в себя 397 государственных кредитных билетов, 10 казначейских знаков и один 4% билет государственного казначейства без купонов. Кредитные билеты были представлены денежными знаками дореволюционных образцов 1898, 1905, 1909 и 1910 гг. шести номиналов от 1 до 100 рублей (286 экз. на сумму 2267 рублей), знаками образца 1917 г. достоинством 250 и 1000 рублей (15 экз. на сумму 4500 рублей) и знаками образца 1918 г. десяти номиналов от 3 до 5000 рублей (96 экз. на сумму 18063 рубля). Казначейские знаки на сумму 5 рублей все были образца 1915 г. достоинством 50 копеек. Билет государственного казначейства 1915 г. был достоинством 100 рублей. Общая сумма сбережения составляла 24935 рублей.

Сложился Когаевский клад, как свидетельствует его состав, в период совместного обращения кредитных билетов образцов до 1917 г. и образцов 1917 и 1918 гг. Присутствующий в сбережении кредитный билет образца 1918 г. номиналом 5000 рублей, введенным в обращение декретом СНК РСФСР от 21 октября 1919 г. (Денисов, 2004. Ч. 1: 43), и отсутствие расчетных знаков РСФСР образца 1919 г., выпущенных по декрету от 4 марта 1920 г. (Денисов, 2004.

Ч. 1: 109), дают основание считать наиболее вероятным временем формированияклада конец 1919 – первую половину 1920 г.

В период преобладания в обороте «романовских» и «пятаковских» кредитных билетов, в конце 1919 – середине 1920 г., очевидно, сложился третий клад бумажных денег из музейной коллекции, найденный на чердаке дома в деревне Селище Борисоглебского района. Клад состоял из 71 государственного кредитного билета: 61 экз. купюр дореволюционных образцов (1 рубль образца 1898 г. – 17 экз., 3 рубля образца 1905 г. – 9 экз., 5 рублей и 10 рублей образца 1909 г. – соответственно, 25 и 10 экз.) и 10 кредитных билетов образца 1918 г. (250 рублей – 1 экз., 500 рублей – 6 экз. и 1000 рублей – 3 экз.). Общая сумма сбережения составляла 6519 рублей. По всей вероятности, это были карманные деньги для повседневных расходов, скрытые в свое время непосредственно в портмоне, тогда как остальные клады, скорее всего, представляют собой отложенный и невостребованный денежный резерв, быстро обесценившийся гиперинфляцией 1920 г.

Самый поздний из кладов бумажных денежных знаков, хранящихся в Ярославском музее-заповеднике, был найден в поселке Чебаково Тутаевского района, в доме № 55 по улице Железнодорожной, также на чердаке. Сбережение включало в себя 8 государственных кредитных билетов дореволюционных образцов (1 рубль образца 1898 г. – 4 экз., 5 рублей образца 1909 г. и 100 рублей 1910 г. – по 2 экз.), 12 кредитных билетов образца 1918 г. (100 рублей – 3 экз., 250 и 500 рублей – по 1 экз., 1000 рублей – 3 экз. и 5000 рублей – 4 экз.), два расчетных знака РСФСР образца 1919 г. номиналом 10000 рублей и один 4% билет государственного казначейства 1914 г. достоинством 50 рублей с сохранившимся купоном. Общая сумма сбережения составляла 44714 рублей.

Как говорилось выше, эмиссия расчетных знаков РСФСР образца 1919 г., старший номинал которых представлен в кладе, началась в марте 1920 г. Преобладание в обороте кредитных билетов образца 1918 г. и расчетных знаков РСФСР данного образца в период их совместного обращения приходилось на середину 1920 – середину 1921 г. Именно в этих бумажных деньгах выражена почти вся денежная сумма клада, и скрытие его, вероятно, произошло во второй половине 1920 г., когда расчетные знаки еще не преобладали в обращении над кредитными билетами.

Итак, три из четырех рассмотренных кладов сложились, вероятнее всего, в конце 1919 – второй половине 1920 г. то есть в первый год гиперинфляции, за темпами которой уже не успевал печатный станок. В обращении остро ощущался недостаток денежных средств даже при том, что политика военного коммунизма до крайности ограничила сферу товарно-денежных отношений. В основном они существовали только на «вольном рынке», где под влиянием дефицита товаров и спекуляции продолжался бурный рост цен (Щелоков, 1989: 15). Спрос у населения на денежную наличность был высок, и ее по возможности стремились задержать на руках. Но быстрое падение покупательной способности отложенных сумм далеко не всегда оставляло шанс их владельцам использовать свой денежный резерв по назначению. И, вероятно, часть

обесцененных сбережений даже в условиях доступности их реализации могла остаться невостребованной, сохранившись до наших дней в виде кладов бумажных денежных знаков.

ЛИТЕРАТУРА

Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов. М., 2004. Ч. 3.

Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Государственные бумажные денежные знаки РСФСР и СССР 1917–1924 годов. М., 2004. Ч. 1.

Мокерова Е.Ю. Клад вятского обывателя 1925 г.: банкноты и документы // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. СПб., 2019. Вып. 2.

Щелоков А.А. Монеты СССР. Каталог. М., 1989.

ОПИСАНИЕ СОСТАВА КЛАДОВ БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ

№ 1. Ярославль, Красноперекотский р-н, близ Петропавловского парка (ЯМЗ-55023, 673 экз.)

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
Выпуск императорского правительства							
1	3 рубля 1905	А. Коншин	Овчинников	ЛН 205665	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.2
2	3 рубля 1905	А. Коншин	Софронов	СА 016333	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.2
3	3 рубля 1905	А. Коншин	Софронов	СА 121319	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.2
4	3 рубля 1905	А. Коншин	П. Барышев	ТЛ 715959	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.2
5	5 рублей 1909	А. Коншин	А. Афанасьев	БЯ 043311	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-34.1
6	5 рублей 1909	А. Коншин	Овчинников	ВЭ 210452	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-34.1
7	10 рублей 1909	А. Коншин	П. Коптелов	БЪ 818255	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-33.2
8	10 рублей 1909	А. Коншин	Наумов	БЪ 203851	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-33.2
9	10 рублей 1909	А. Коншин	Михеев	ВП 688727	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-33.2
10	10 рублей 1909	А. Коншин	Е. Родионов	ВС 085410	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-33.2
11	10 рублей 1909	А. Коншин	Гаврилов	ГИ 269806	1910–1914	1	Д¹.2004.ч.3.К-33.2

1	2	3	4	5	6	7	8
12	10 рублей 1909	А. Коншин	Гаврилов	ГН 956351	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.2
13	10 рублей 1909	А. Коншин	Чихиржин	ГЧ 469299	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.2
14	10 рублей 1909	А. Коншин	А. Афанасьев	ГЯ 770544	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.2
15	10 рублей 1909	А. Коншин	Морозов	ДЗ 435370	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.2
16	25 рублей 1909	А. Коншин	Ф. Шмидт	БЗ 396801	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
17	25 рублей 1909	А. Коншин	А. Афанасьев	БИ 412145	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
18	25 рублей 1909	А. Коншин	Морозов	БК 602556	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
19	25 рублей 1909	А. Коншин	Чихиржин	БЛ 725768	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
20	25 рублей 1909	А. Коншин	Я. Метц	БТ 949845	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
21	25 рублей 1909	А. Коншин	Овчинников	БТ 965308	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
22	25 рублей 1909	А. Коншин	Морозов	БЬ 463819	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
23	25 рублей 1909	А. Коншин	А. Афанасьев	ВВ 062844	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
24	50 рублей 1899	А. Коншин	Метц	АЛ 434305	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-31.3
25	100 рублей 1910	А. Коншин	Наумов	БЯ 061611	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1
26	100 рублей 1910	А. Коншин	Е. Родионов	ВИ 079901	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1
27	100 рублей 1910	А. Коншин	Чихиржин	ВХ 056354	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1
28	100 рублей 1910	А. Коншин	Е. Родионов	ВЭ 039825	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1
29	100 рублей 1910	А. Коншин	Я. Метц	ГБ 051240	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1
30	100 рублей 1910	А. Коншин	Овчинников	ГК 101171	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
31	100 рублей 1910	А. Коншин	Софронов	ГМ 030667	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1
32	100 рублей 1910	А. Коншин	Морозов	ГР 145080	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1
33	100 рублей 1910	А. Коншин	П. Барышев	ГХ 159195	1911–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.1
34	1 рубль 1898	И. Шипов	Я. Метц	ГВ 918601	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
35	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Афанасьев	ГЪ 074481	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
36	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Афанасьев	ДФ 012833	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
37	1 рубль 1898	И. Шипов	Морозов	ЕР 370382	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
38	1 рубль 1898	И. Шипов	Софронов	ЗЦ 306545	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
39	1 рубль 1898	И. Шипов	Морозов	ИА 158403	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
40	1 рубль 1898	И. Шипов	Чихиржин	ИТ 879767	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
41	1 рубль 1898	И. Шипов	Чихиржин	ИХ 182702	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
42	1 рубль 1898	И. Шипов	Чихиржин	КУ 757381	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
43	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Афанасьев	КΘ 618016	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
44	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Афанасьев	ЛР 437093	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
45	3 рубля 1905	И. Шипов	Ф. Шмидт	ФБ 564849	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а

1	2	3	4	5	6	7	8
46	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ХД 380068	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
47	3 рубля 1905	И. Шипов	Морозов	ХЕ 888162	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
48	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ХИ 695760	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
49	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ХМ 985453	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
50	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ЦФ 391438	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
51	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	ЦХ 858138	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
52	3 рубля 1905	И. Шипов	В. Шагин	ЦЭ 779584	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
53	3 рубля 1905	И. Шипов	Чихиржин	ЦӨ 003636	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
54	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	ИН 809021	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
55	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ИС 268624	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
56	5 рублей 1909	И. Шипов	Морозов	ИЪ 585112	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
57	5 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	КЯ 354746	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
58	5 рублей 1909	И. Шипов	Терентьев	ОН 327461	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
59	10 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ДЪ 680040	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
60	10 рублей 1909	И. Шипов	Морозов	ЕТ 325685	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
61	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ЕӨ 088887	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
62	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ЗИ 402339	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
63	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	ЗИ 872635	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
64	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ЗО 502511	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
65	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ЗП 951931	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
66	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ЗР 305068	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
67	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ЗХ 520673	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
68	10 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	ЗӨ 382618	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
69	10 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	ИБ 516927	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
70	10 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	ИЛ 072408	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
71	10 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	ИТ 623543	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
72	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ИБ 379403	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
73	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	КБ 302698	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
74	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	КВ 060108	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
75	10 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	КД 360099	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
76	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	КИ 227732	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
77	10 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	КЛ 851570	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
78	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	КМ 444308	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
79	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	КП 473359	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а

1	2	3	4	5	6	7	8
80	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	КС 274601	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
81	25 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ВР 967150	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
82	25 рублей 1909	И. Шипов	Морозов	ВФ 157041	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
83	25 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	ВХ 979191	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
84	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ВЦ 482056	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
85	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ВБ 215641	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
86	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ВБ 301316	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
87	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ВБ 584276	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
88	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ВБ 792110	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
89	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ВБ 111496	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
90	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ВБ 148833	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
91	25 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ВЭ 349776	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
92	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ВЯ 552024	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
93	25 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ГД 496009	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
94	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ГЕ 767081	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
95	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ГЛ 509665	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
96	25 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ГО 114497	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
97	25 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ГО 235419	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
98	25 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	ГО 905064	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
99	25 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ГС 959985	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
100	25 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ГТ 812320	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
101	25 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ГХ 095778	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
102	25 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ГЦ 415185	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
103	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ГЬ 182790	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
104	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ГӨ 961920	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
105	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ДВ 425143	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
106	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ДД 774150	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
107	100 рублей 1910	И. Шипов	Софронов	ДЛ 115442	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2а
108	100 рублей 1910	И. Шипов	П. Барышев	ДО 152722	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2а
109	100 рублей 1910	И. Шипов	Чихиржин	ДЦ 001237	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2а
110	100 рублей 1910	И. Шипов	А. Афанасьев	ДЦ 074554	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2а
111	100 рублей 1910	И. Шипов	Овчинников	ДЯ 091190	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2а
112	100 рублей 1910	И. Шипов	П. Барышев	ЕД 039344	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2а
113	100 рублей 1910	И. Шипов	Богатырев	ЕЕ 192096	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2а

1	2	3	4	5	6	7	8
114	100 рублей 1910	И. Шипов	Иванов	ЕЛ 073306	1914–1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-36.2а
115	100 рублей 1910	И. Шипов	Софронов	ЕЪ 156001	1914–1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-36.2а
116	100 рублей 1910	И. Шипов	Е. Родионов	ЕӨ 156791	1914–1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-36.2а
117	100 рублей 1910	И. Шипов	Е. Родионов	ЗБ 019033	1914–1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-36.2а
118-119	1 рубль 1898	И. Шипов	Дудолькевич	НА – 4	Декабрь 1915 – февраль 1917	2	Д¹.2004.ч.3.К-38.1
120	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НА – 27	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.1
121	1 рубль 1898	И. Шипов	Дудолькевич	НА – 34	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.1
122	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НА – 52	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.1
123	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НА – 59	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.1
124	1 рубль 1898	И. Шипов	Лавровский	НА – 65	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.1
125	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НА – 70	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.1
126	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НА – 86	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.1
127	1 рубль 1898	И. Шипов	Дудолькевич	НА – 104	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.1

Продолжение таблицы

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Выпуск Временного правительства</i>							
128	1 рубль 1898	И. Шипов	Лавровский	НА – 135	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.2
129	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НА – 180	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.2
130	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НА – 189	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.2
131	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 223	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.2
132	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НБ – 227	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.2
133	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 240	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.2
134	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 303	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-38.2
135	3 рубля 1905	И. Шипов	Софронов	ЧХ 187868	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36

1	2	3	4	5	6	7	8
136	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ЪС 898913	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
137	3 рубля 1905	И. Шипов	Софронов	ЪС 574914	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
138	3 рубля 1905	И. Шипов	Софронов	ЪЧ 335500	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
139	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ЪЗ 886984	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
140	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ЪБ 854008	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
141	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ЭБ 948710	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
142	3 рубля 1905	И. Шипов	Софронов	ЭП 970838	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
143	3 рубля 1905	И. Шипов	В. Шагин	ЭР 461843	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
144	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ЭТ 722510	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
145	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ЭХ 603126	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36
146	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ЭЪ 963991	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.ч.3.К-32.36

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
147	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	ЭЭ 464404	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
148	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ЭЭ 872723	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
149	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	ЭӨ 366704	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
150	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ЯД 945490	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
151	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ЯУ 588382	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
152	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ӨЕ 640770	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
153	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ОЯ 050209	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
154	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ПБ 278383	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
155	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	ПГ 857885	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
156	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ПЗ 136650	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
157	5 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ПК 825898	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26

1	2	3	4	5	6	7	8
158	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ПЯ 447341	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
159	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	РН 374598	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
160	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	РЧ 215627	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
161	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	РЭ 494876	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
162	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	РЭ 768345	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
163	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	СЕ 737388	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
164	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	СО 036775	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
165	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	СТ 074285	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
166	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	СЭ 562698	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
167	5 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	ТБ 613813	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
168	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	ТД 652520	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
169	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	ТД 652696	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
170	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ТМ 306840	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
171	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ТП 782141	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
172	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ТП 782142	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
173	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ТП 782144	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
174	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ТП 782145	Март – май 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-34.26
175	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	КТ 029800	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-33.36

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
176	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	КТ 484647	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
177	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ЛА 481993	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
178	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ЛГ 162312	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
179	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ЛГ 792694	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
180	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ЛО 808687	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
181	10 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	ЛФ 525050	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
182	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ЛЦ 634619	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
183	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ЛЧ 082663	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
184	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ЛТЬ 348866	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36

1	2	3	4	5	6	7	8
185	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ЛЪ 435245	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
186	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ЛЪ 814340	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
187	10 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	МА 440152	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
188	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	МВ 380363	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
189	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	МЗ 472648	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
190	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	МТ 148753	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
191	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	НБ 491550	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
192	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	НБ 700768	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
193	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	НД 400003	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
194	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	НЛ 199947	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
195	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	НМ 105368	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
196	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	НМ 168426	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
197	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	НС 264370	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
198	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	НТ 875835	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
199	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	НХ 690866	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
200	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	НХ 894944	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
201	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	НХ 920586	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
202	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	НЯ 536922	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
203	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	ОЗ 530672	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
204	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ОЛ 066229	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36

1	2	3	4	5	6	7	8
205	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ОП 460748	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
206	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ОП 829412	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
207	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ОФ 501144	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
208	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	ОХ 537338	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
209	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ОЦ 371354	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
210	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ОЧ 047729	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
211	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ОЧ 290158	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
212	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ОФ 078973	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
213	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ОФ 840856	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
214	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ПБ 064818	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
215	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ПВ 194327	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
216	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ПВ 806345	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
217	25 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ДМ 593715	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.26
218	25 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ДП 143876	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.26
219	25 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ДП 412199	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.26
220	25 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ДР 370200	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.26
221	25 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ДС 884700	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.26
222	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ДУ 020633	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.26
223	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ДХ 742767	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.26
224	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ДЦ 220919	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.26

1	2	3	4	5	6	7	8
225	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ДЧ 301527	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-35.26
226	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ДЧ 316550	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-35.26
227	25 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ДЪ 914030	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-35.26
228	25 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ДЪ 076109	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-35.26
229	25 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	ДЪ 276270	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-35.26
230	50 рублей 1899	И. Шипов	Богатырев	АО 024430	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-31.46
231	100 рублей 1910	И. Шипов	Гаврилов	ЗН 021019	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-36.26
232	100 рублей 1910	И. Шипов	Иванов	ЗЦ 057713	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-36.26
233	100 рублей 1910	И. Шипов	Метц	ЗӨ 135978	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-36.26
234	100 рублей 1910	И. Шипов	Метц	ИГ 168962	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-36.26
235	100 рублей 1910	И. Шипов	Метц	ИК 109816	Март – октябрь 1917	1	Д'.2004.Ч.3.К-36.26

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
236	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УА – 018	Май – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.1
237	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УА – 024	Май – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.1
238	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УА – 025	Май – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.1
239	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УА – 026	Май – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.1
240	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	УА – 030	Май – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.1
Выпуск Советского правительства							
241	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НБ – 314	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
242	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НБ – 319	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
243	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НБ – 336	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
244	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НБ – 337	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
245	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НБ – 344	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3

1	2	3	4	5	6	7	8
246	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НБ – 351	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
247	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 353	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
248	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НБ – 359	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
249	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НБ – 364	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
250	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НБ – 368	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
251	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НБ – 369	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
252	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 370	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
253	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НБ – 374	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
254	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НБ – 381	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
255	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НБ – 382	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
256	1 рубль 1898	И. Шипов	Гальцов	НБ – 385	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
257	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 393	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
258	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НБ – 394	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
259-260	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НБ – 399	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
261	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 400	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
262	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НБ – 401	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
263	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 403	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
264	1 рубль 1898	И. Шипов	Гальцов	НБ – 405	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
265	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 410	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
266	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НВ – 413	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
267	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НВ – 417	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
268	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НВ – 423	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
269	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НВ – 428	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
270	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НВ – 429	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
271	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НВ – 430	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
272	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НВ – 433	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
273	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НВ – 434	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
274	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НВ – 436	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
275	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НВ – 437	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
276-277	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НВ – 442	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
278	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НВ – 446	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
279-281	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НВ – 448	1917–1919	3	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
282-292	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НВ – 452	1917–1919	11	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
293	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НВ – 453	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3

1	2	3	4	5	6	7	8
294-295	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НВ – 454	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
296	1 рубль 1898	И. Шипов	Гальцов	НВ – 455	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
297	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НВ – 456	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
298	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НВ – 457	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
299	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НВ – 459	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
300	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НВ – 462	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
301	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НВ – 464	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
302	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НВ – 467	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
303	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НВ – 468	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
304	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НВ – 469	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
305	1 рубль 1898	И. Шипов	Старилов	НВ – 470	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
306-307	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НВ – 471	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
308-309	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НВ – 474	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
310	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НВ – 476	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
311	1 рубль 1898	И. Шипов	Старилов	НВ – 480	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
312	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НВ – 481	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
313	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НВ – 483	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
314	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НВ – 497	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
315	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	АЯ 542265	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
316	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	БГ 427444	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
317	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БН 837830	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
318	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	БП 008662	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
319	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БР 622405	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
320	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БС 572849	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
321	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	БУ 292732	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
322	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	БУ 731911	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
323	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	БУ 776329	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
324	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БФ 545659	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
325	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БФ 955381	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
326	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	БЦ 422175	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
327	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БФ 088359	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
328	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	БЭ 119726	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
329	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	БЯ 472297	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
330	3 рубля 1905	И. Шипов	А. Афанасьев	БЯ 582045	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в

1	2	3	4	5	6	7	8
331	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ВБ 197330	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
332	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ВК 364950	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
333	3 рубля 1905	И. Шипов	А. Афанасьев	ВЛ 793046	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
334	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ВЛ 805294	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
335	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ВЛ 884178	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
336	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ВЛ 913693	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
337	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	ВН 821325	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
338	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ВФ 281964	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
339	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ВХ 427477	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
340	3 рубля 1905	И. Шипов	А. Афанасьев	ВЦ 520807	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
341	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	ВЧ 501017	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
342	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ВЃ 070048	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
343	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ВЭ 408120	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
344	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ВЭ 586152	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
345	3 рубля 1905	И. Шипов	А. Афанасьев	ГВ 400560	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
346	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГГ 800568	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
347	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ГМ 044180	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
348	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ГС 653038	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
349	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ГЭ 431253	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
350	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ГЭ 431254	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
351	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928249	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
352	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928250	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
353	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928251	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
354	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928252	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
355	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928254	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
356	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928255	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
357	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928256	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
358	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928257	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
359	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928258	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
360	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928259	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
361	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ГЭ 928266	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
362	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УА – 050	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
363	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УА – 054	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
364	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 058	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2

1	2	3	4	5	6	7	8
365	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА – 061	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
366	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УА – 068	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
367-368	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 073	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
369	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УА – 077	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
370-371	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УА – 079	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
372-374	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УА – 081	1917–1920	3	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
375	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 085	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
376-377	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УА – 090	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
378	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УА – 094	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
379-383	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	УА – 095	1917–1920	5	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
384	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 098	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
385	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УА – 102	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
386	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	УА – 108	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
387-389	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УА – 109	1917–1920	3	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
390	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 110	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
391-392	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 112	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
393	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА – 113	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
394	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УА – 114	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
395	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УА – 119	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
396	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 123	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
397	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 124	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
398	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 125	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
399	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УА – 127	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
400	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УА – 133	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
401	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 137	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
402	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УА – 141	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
403-404	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УА – 145	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
405	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 149	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
406	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УА – 155	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
407	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА – 165	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
408	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УА – 169	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
409	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УА – 174	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
410	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 176	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
411	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 177	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2

1	2	3	4	5	6	7	8
412	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА – 178	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
413-414	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УА – 179	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
415	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УА – 182	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
416-417	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УА – 184	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
418-419	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УА – 185	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
420	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	УА – 186	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
421	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 189	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
422	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 190	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
423	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УА – 192	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
424	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УА – 194	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
425	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УА – 200	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
426	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УБ – 403	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
427	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УБ – 406	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
428	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УБ – 407	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
429-430	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УБ – 408	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
431	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УБ – 409	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
432-433	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УБ – 410	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
434	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УБ – 413	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
435	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УБ – 420	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
436-438	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УБ – 421	1917–1920	3	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
439	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УБ – 429	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
440	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УБ – 430	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
441	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УБ – 433	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
442-444	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УБ – 436	1917–1920	3	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
445	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УБ – 437	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
446	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УБ – 442	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
447	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УБ – 448	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
448	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УБ – 460	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
449	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УБ – 475	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
450-452	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УБ – 488	1917–1920	3	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
453	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УБ – 496	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
454	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ПЗ 395889	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
455	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ПЛ 525900	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
456	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Былинский	ПМ 424974	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в

1	2	3	4	5	6	7	8
457	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ПМ 882573	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
458	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ПП 573345	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
459	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	ПУ 816269	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
460	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ПФ 340863	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
461	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ПФ 895914	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
462	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ПФ 950856	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
463	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ПЦ 212119	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
464	10 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	ПФ 090435	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
465	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ПФ 147598	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
466	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	РА 418527	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
467	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	РБ 003109	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
468	10 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	РБ 015447	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
469	10 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	РК 826612	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
470	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	РЛ 034969	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
471	10 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	РН 111618	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
472	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	РН 521783	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
473	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	РТ 497903	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
474	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	РТ 552518	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
475	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	РЧ 034514	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
476	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	РБ 976666	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
477	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	РБ 102581	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
478	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	РЭ 070656	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
479	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	РЭ 169692	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
480	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	СГ 672095	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
481	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	СН 720632	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
482	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	СС 964774	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
483	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	СУ 817847	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
484	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТА 542162	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
485	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТД 019446	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
486	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТД 217648	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
487	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТД 217649	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
488	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТД 217650	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
489	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТД 217662	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
490	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТД 217663	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в

1	2	3	4	5	6	7	8
491	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТД 217664	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
492	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТД 217665	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
493	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТД 984436	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
494	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТЕ 227588	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
495	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ТЕ 233385	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
496	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ТЕ 285081	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
497	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ТЕ 306883	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
498	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ТЕ 961438	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
499	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТЗ 772453	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
500	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ТК 903373	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
501	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ТР 947349	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
502	10 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ТС 332440	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
503	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТТ 881675	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
504	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТФ 431182	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
505	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ТХ 346443	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
506	10 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ТХ 544075	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
507	10 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ТХ 654404	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
508	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ТХ 678552	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
509	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ТХ 715136	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
510	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТХ 849922	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
511	10 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ТЦ 964016	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
512	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ТБ 027402	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
513	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ТБ 209287	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
514	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТБ 411373	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
515	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТБ 411486	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
516	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТБ 411487	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
517	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ТБ 475640	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
518	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ТБ 633929	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
519	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ТБ 694100	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
520	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТБ 762879	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
521	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ТБ 833654	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
522	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	УБ 962561	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
523	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	УБ 962563	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
524	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	УБ 962564	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в

1	2	3	4	5	6	7	8
525	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	УБ 962565	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
526	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	УБ 962566	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
527	10 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	УВ 866873	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
528	10 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УД 503864	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
529	10 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УД 503873	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
530	10 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УЕ 874427	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
531	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УЗ 257225	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
532	10 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	УХ 104622	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
533	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УӨ 538924	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
534	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УӨ 790608	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
535	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ФГ 933769	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
536	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ФГ 933770	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
537	10 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ФЛ 053678	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
538	10 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ФО 835049	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
539	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ФР 059297	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
540	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ФР 565090	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
541	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ФР 565091	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
542	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ФР 565092	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
543	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ФР 565093	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
544	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ФХ 276393	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
545	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ФӨ 832954	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
546	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ХВ 154497	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
547	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ХР 783371	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
548	10 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ЦМ 247033	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
549	10 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	ЦУ 612665	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
550	25 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ЕА 018366	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2в
551	25 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	ЕА 943888	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2в
552	25 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ЕА 985373	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2в
553	25 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	ЕВ 759760	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2в
554	25 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ЕЗ 933507	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2в
555	100 рублей 1910	И. Шипов	Метц	КР 003156	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2в
556	250 рублей 1917	И. Шипов	Богатырев	АА – 049	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
557	250 рублей 1917	И. Шипов	А. Федулеев	АБ – 135	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
558	250 рублей 1917	И. Шипов	Софронов	АБ – 138	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2

1	2	3	4	5	6	7	8
559	250 рублей 1917	И. Шипов	Богатырев	АБ – 149	1917–1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-53.2
560	250 рублей 1917	И. Шипов	Ив. Гусев	АБ – 171	1917–1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-53.2
561	250 рублей 1917	И. Шипов	А. Афанасьев	АВ – 210	1917–1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-53.2
562	250 рублей 1917	И. Шипов	Овчинников	АВ – 279	1917–1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-53.2
563	250 рублей 1917	И. Шипов	Чихиркин	АВ – 293	1917–1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-53.2

Казначейские знаки

№	Номинал	Дата	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
564-671	50 копеек	Без даты	1915–1918	108	Д ¹ .2004.Ч.3.К-46

4% билеты государственного казначейства

№	Номинал и дата выпуска	Подпись управляющего	Подпись директора	Серия и номер	Период обращения как денежного суррогата	Кол-во	Ссылка на каталог*
672	50 рублей 1914	Арк. Шумахер	А. Андреевский	447 322770	1918–1922	1	Д ¹ .2004.Ч.3.КБ-22.1
		Примечание. У данного экземпляра билета государственного казначейства сохранились неотрезанными купоны №№ 7, 8.					
673	50 рублей 1915	Арк. Шумахер	А. Андреевский	464 313744	1918–1922	1	Д ² .2004.Ч.1.КБ-17

* 1. Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Ч. 3. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов. М., 2004.; 2. Он же. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Ч. 1. Государственные бумажные денежные знаки РСФСР и СССР 1917–1924 годов. М., 2004.

№ 2. Ярославский р-н, д. Кобаево (ЯМЗ 55537, 408 экз.)

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
Выпуск императорского правительства							
1	1 рубль 1898	Э. Плеске	Соболь	БА 691785	1898-1903	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-24.1
2	10 рублей 1909	С. Тимашев	Михеев	АЗ 589642	Конец 1909	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.1
3	3 рубля 1905	А. Коншин	П. Коптелов	ЛР 783229	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.2
4	3 рубля 1905	А. Коншин	П. Коптелов	ЛЯ 686021	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.2
5	3 рубля 1905	А. Коншин	Я. Метц	ПЗ 554647	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.2
6	3 рубля 1905	А. Коншин	Наумов	ПЦ 903389	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.2
7	5 рублей 1909	А. Коншин	Е. Жихарев	АЪ 458090	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
8	5 рублей 1909	А. Коншин	В. Шагин	БФ 125880	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
9	5 рублей 1909	А. Коншин	В. Шагин	БФ 691651	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
10	5 рублей 1909	А. Коншин	Ф. Шмидт	БХ 291339	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
11	5 рублей 1909	А. Коншин	Я. Метц	ВА 386626	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
12	5 рублей 1909	А. Коншин	Я. Метц	ВА 612899	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
13	5 рублей 1909	А. Коншин	Я. Метц	ВР 361087	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
14	5 рублей 1909	А. Коншин	А. Афанасьев	ГГ 344281	1910-1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1

1	2	3	4	5	6	7	8
15	5 рублей 1909	А. Коншин	В. Шагин	ГЗ 715081	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.1
16	5 рублей 1909	А. Коншин	Овчинников	ГУ 404053	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.1
17	5 рублей 1909	А. Коншин	Я. Метц	ГХ 557732	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.1
18	5 рублей 1909	А. Коншин	Овчинников	ГБ 144529	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.1
19	5 рублей 1909	А. Коншин	Софронов	ГӨ 295083	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.1
20	5 рублей 1909	А. Коншин	П. Барышев	ДЛ 737822	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.1
21	5 рублей 1909	А. Коншин	Я. Метц	ЕБ 045645	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.1
22	5 рублей 1909	А. Коншин	Гаврилов	ЗО 369810	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.1
23	10 рублей 1909	А. Коншин	Ф. Шмидт	ВЭ 112207	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.2
24	10 рублей 1909	А. Коншин	П. Барышев	ДК 170462	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.2
25	25 рублей 1909	А. Коншин	Наумов	БЦ 679381	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
26	25 рублей 1909	А. Коншин	Овчинников	БЧ 097872	1910–1914	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.1
27	1 рубль 1898	И. Шипов	П. Барышев	ВЭ 031192	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
28	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Афанасьев	ГБ 719209	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
29	1 рубль 1898	И. Шипов	Я. Метц	ДИ 424943	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
30	1 рубль 1898	И. Шипов	Морозов	ДР 435882	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
31	1 рубль 1898	И. Шипов	Чихиржин	ЕК 470510	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
32	1 рубль 1898	И. Шипов	П. Барышев	ЕЛ 601512	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
33	1 рубль 1898	И. Шипов	Морозов	ЕР 818940	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
34	1 рубль 1898	И. Шипов	Я. Метц	ЕӨ 379347	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
35	1 рубль 1898	И. Шипов	Я. Метц	ЗА 174391	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
36	1 рубль 1898	И. Шипов	Морозов	ЗД 036799	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
37	1 рубль 1898	И. Шипов	Чихиржин	ЛБ 789103	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
38	1 рубль 1898	И. Шипов	Я. Метц	ЛЮ 663652	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
39	1 рубль 1898	И. Шипов	Богатырев	ЛФ 484587	1914–1915	1	Д¹.2004.Ч.3.К-24.4
40	3 рубля 1905	И. Шипов	А. Афанасьев	ФЗ 717167	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
41	3 рубля 1905	И. Шипов	Морозов	ФП 467414	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
42	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	ФЯ 377335	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
43	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ХЕ 860069	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
44	3 рубля 1905	И. Шипов	Софронов	ХЪ 038511	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
45	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ЦР 737098	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
46	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	ЧИ 129919	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
47	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ЧК 177564	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
48	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ЧН 609788	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а

1	2	3	4	5	6	7	8
49	3 рубля 1905	И. Шипов	Овчинников	ЧФ 620840	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3а
50	5 рублей 1909	И. Шипов	Морозов	ИЧ 081071	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
51	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	КБ 916997	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
52	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	КЕ 947968	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
53	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	КЯ 281713	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
54	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	ЛӨ 372627	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
55	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	ЛӨ 733017	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
56	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	МБ 820529	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
57	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	МЗ 029342	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
58	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	МТ 080832	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
59	5 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	НЕ 638686	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
60	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	НО 427459	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
61	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	НП 123516	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
62	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	НӨ 910515	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.2а
63	10 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	ЗБ 901299	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
64	10 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	ЗЯ 778802	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
65	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ИВ 126251	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
66	10 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	ИО 035388	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
67	10 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ИӨ 094679	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
68	10 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	КК 512129	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
69	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	КС 231159	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
70	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	КХ 486065	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3а
71	25 рублей 1909	И. Шипов	Морозов	ВО 038980	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
72	25 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ГЦ 780171	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
73	25 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ГЦ 948146	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
74	25 рублей 1909	И. Шипов	Е. Родионов	ГӨ 272089	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2а
75	100 рублей 1910	И. Шипов	Богатырев	ЕД 146352	1914–1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-36.2а
76	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НА – 50	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.1
77	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НА – 52	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.1
78	1 рубль 1898	И. Шипов	Поликарпович	НА – 58	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.1
79	1 рубль 1898	И. Шипов	Лавровский	НА – 65	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.1

1	2	3	4	5	6	7	8
80-81	1 рубль 1898	И. Шипов	Лавровский	НА – 75	Декабрь 1915 – февраль 1917	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.1
82	1 рубль 1898	И. Шипов	Поликарпович	НА – 78	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.1
83	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НА – 80	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.1
84	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НА - 109	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.1
Выпуск Временного правительства							
85	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НА – 129	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
86-87	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НА - 141	Март – октябрь 1917	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
88	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НА - 142	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
89	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НА – 156	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
90	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НА – 171	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
91	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НА – 173	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
92	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НА – 176	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
93	1 рубль 1898	И. Шипов	В. Протопопов	НА – 179	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
94	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НА – 180	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
95	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НА – 181	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
96	1 рубль 1898	И. Шипов	Поликарпович	НА – 188	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
97	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НА – 192	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
98-99	1 рубль 1898	И. Шипов	Лавровский	НА – 195	Март – октябрь 1917	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
100-101	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НА – 196	Март – октябрь 1917	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
102	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НА – 197	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
103	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НА – 200	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
104-106	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 203	Март – октябрь 1917	3	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
107	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НБ – 206	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
108	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 213	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
109	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 233	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
110-111	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НБ – 241	Март – октябрь 1917	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
112	1 рубль 1898	И. Шипов	Лавровский	НБ – 245	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
113	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 250	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
114	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НБ – 288	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
115	1 рубль 1898	И. Шипов	Гальцов	НБ – 295	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
116	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 300	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2

1	2	3	4	5	6	7	8
117	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НБ – 304	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
118	1 рубль 1898	И. Шипов	Старилов	НБ – 310	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.2
119	3 рубля 1905	И. Шипов	Ф. Шмидт	БЗ 300049	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
120	3 рубля 1905	И. Шипов	Ф. Шмидт	БН 174819	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
121	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БУ 169427	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
122	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ББ 349594	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
123	3 рубля 1905	И. Шипов	В. Шагин	БЧ 392230	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
124	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	БЫ 822647	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
125	3 рубля 1905	И. Шипов	Овчинников	БЛ 650271	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
126	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	ЭС 768861	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
127	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	ӨН 799836	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
128	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	АД 252826	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
129	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	АИ 673223	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
130	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	АК 138199	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.36
131	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	ОБ 060911	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
132	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	ОЭ 756303	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
133	5 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ПФ 705422	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
134	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ПЧ 752287	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
135	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	ПЯ 760618	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
136	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	РБ 603374	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
137	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	РИ 934572	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
138	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	РП 696440	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
139	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	РЭ 033007	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
140	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	СБ 246864	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
141	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	СД 153847	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
142	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	СЗ 724236	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
143	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	СФ 849737	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
144	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	ТГ 276182	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
145	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	ТД 588741	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
146	5 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	ТН 877629	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
147	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ЛГ 013165	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
148	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ЛЛ 806791	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
149	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	ЛЭ 608267	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
150	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	МВ 662876	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36

1	2	3	4	5	6	7	8
151	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	МУ 672259	Март – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.36
152	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	МФ 235791	Март – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.36
153	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	МБ 724992	Март – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.36
154	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	НФ 008078	Март – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.36
155	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	НФ 935164	Март – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.36
156	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УА – 015	Май – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.1
157	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 019	Май – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.1
158	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УА – 028	Май – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.1
159	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УА – 031	Май – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.1
160	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 034	Май – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.1
161	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УА – 042	Май – октябрь 1917	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.1
Выпуск Советского правительства							
162	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НБ – 318	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3
163	1 рубль 1898	И. Шипов	Евг. Гейльман	НБ – 322	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3
164	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 323	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3
165	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НБ – 328	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3
166	1 рубль 1898	И. Шипов	М. Осипов	НБ – 337	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3
167	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НБ – 341	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3
168	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НБ – 344	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-38.3

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
169-170	1 рубль 1898	И. Шилов	М. Осипов	НБ – 347	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
171-173	1 рубль 1898	И. Шилов	Титов	НБ – 348	1917–1919	3	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
174-175	1 рубль 1898	И. Шилов	Стариков	НБ – 350	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
176-178	1 рубль 1898	И. Шилов	Г. де Милло	НБ – 353	1917–1919	3	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
179-198	1 рубль 1898	И. Шилов	В. Протопопов	НБ – 369	1917–1919	20	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
199	1 рубль 1898	И. Шилов	М. Осипов	НБ – 377	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
200	1 рубль 1898	И. Шилов	Титов	НБ – 378	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
201	1 рубль 1898	И. Шилов	Стариков	НБ – 380	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
202	1 рубль 1898	И. Шилов	Титов	НБ – 388	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
203-204	1 рубль 1898	И. Шилов	Г. де Милло	НБ – 393	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
205	1 рубль 1898	И. Шилов	Быков	НБ – 394	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
206	1 рубль 1898	И. Шилов	А. Алексеев	НБ – 411	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
207	1 рубль 1898	И. Шилов	В. Протопопов	НБ – 429	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
208	3 рубля 1905	И. Шилов	П. Барышев	АЭ 031066	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
209	3 рубля 1905	И. Шилов	Гр. Иванов	АЭ 221413	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в

1	2	3	4	5	6	7	8
210	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	ББ 892850	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
211	3 рубля 1905	И. Шипов	П. Барышев	БТ 611976	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
212	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БЯ 757809	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
213	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	БЯ 926259	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
214	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	БӨ 402468	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-32.3в
215	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УА – 053	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
216-217	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	УА – 056	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
218	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА – 061	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
219	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УА – 066	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
220	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УА – 070	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
221	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 071	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
222	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УА – 076	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
223-224	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА – 087	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
225	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УА – 093	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
226	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УА – 094	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
227-228	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 098	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
229	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УА – 101	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
230	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УА – 109	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
231-232	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 110	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
233	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 111	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
234	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 112	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
235	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УА – 116	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
236	5 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	УА – 119	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
237	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 123	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
238	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 125	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
239	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА – 126	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
240	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Былинский	УА – 135	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
241	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УА – 148	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
242-243	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УА – 153	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
244	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УА – 155	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
245	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УА – 192	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
246-258	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	УА – 199	1917–1920	13	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
259	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УБ – 409	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
260	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УБ – 417	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2

1	2	3	4	5	6	7	8
261	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УБ – 428	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
262	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УБ – 434	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
263	5 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	УБ – 437	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
264	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	УБ – 438	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
265-266	5 рублей 1909	И. Шипов	А Былинский	УБ – 452	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
267	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УБ – 453	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
268-269	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УБ – 467	1917–1920	2	Д¹.2004.Ч.3.К-55.2
270	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ПО 598390	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
271	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	СД 690587	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
272	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	СД 905885	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
273	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	СМ 381749	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
274	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	СЧ 782012	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
275	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Былинский	ТА 818358	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
276	10 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	ТЕ 297605	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
277	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	ТЗ 801616	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
278	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ТО 019588	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
279	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ТР 437361	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
280	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ТБ 256747	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
281	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	ТӨ 443407	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
282	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	ФК 618732	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
283	10 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ФЧ 225687	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
284	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ФХ 675739	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
285	10 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ХЪ 189009	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.3в
286	25 рублей 1909	И. Шипов	Метц	ЕН 265046	1917–1920	1	Д¹.2004.Ч.3.К-35.2в
287	250 рублей 1917	И. Шипов	Гр. Иванов	АА - 030	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
288-289	250 рублей 1917	И. Шипов	П. Барышев	АА - 057	1917–1921	2	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
290	250 рублей 1917	И. Шипов	Богатырев	АА - 088	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
291	250 рублей 1917	И. Шипов	П. Барышев	АБ - 131	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
292	250 рублей 1917	И. Шипов	А. Былинский	АБ - 137	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
293	250 рублей 1917	И. Шипов	Овчинников	АБ - 159	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
294	250 рублей 1917	И. Шипов	В. Шагин	АБ - 160	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
295	250 рублей 1917	И. Шипов	А. Афанасьев	АБ - 166	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
296-297	250 рублей 1917	И. Шипов	Софронов	АБ - 177	1917–1921	2	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2
298	250 рублей 1917	И. Шипов	Ив. Гусев	АБ - 184	1917–1921	1	Д¹.2004.Ч.3.К-53.2

1	2	3	4	5	6	7	8
299	250 рублей 1917	И. Шипов	А. Афанасьев	АБ - 192	1917-1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-53.2
300	250 рублей 1917	И. Шипов	А. Федулеев	АВ - 272	1917-1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-53.2
301	1000 рублей 1917	И. Шипов	Софронов	БЪ 109157	1917-1921	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-546.1
302	3 рубля 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА - 009	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-2
303	5 рублей 1918	Г. Пятаков	Лошкин	АА - 013	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-3
304	5 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 034	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-3
305	5 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 067	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-3
306	5 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АА - 071	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-3
307	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Е. Жихарев	АА - 001	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
308-310	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Лошкин	АА - 002	1919-1920	3	Д ² .2004.Ч.1.К-4
311	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Гальцов	АА - 025	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
312	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 026	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
313	10 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА - 037	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
314	10 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 039	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
315	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АА - 050	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
316	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Лошкин	АА - 052	1919-1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
317-318	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Старилов	АА - 054	1919-1920	2	Д ² .2004.Ч.1.К-4
319-320	10 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 059	1919-1920	2	Д ² .2004.Ч.1.К-4

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
321	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Стариков	АА - 064	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
322	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 066	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
323-324	10 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 079	1919–1920	2	Д ² .2004.Ч.1.К-4
325	10 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА - 088	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
326	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 093	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
327	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 103	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
328	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 113	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
329	10 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 116	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
330	10 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА - 137	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-4
331	25 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 058	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-5
332	25 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА - 077	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-5
333	25 рублей 1918	Г. Пятаков	Стариков	АА - 103	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-5
334	25 рублей 1918	Г. Пятаков	Стариков	АА - 143	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-5
335	25 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 185	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-5
336	25 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АБ - 218	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-5

1	2	3	4	5	6	7	8
337	25 рублей 1918	Г. Пятаков	Е. Жихарев	АБ - 220	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-5
338-339	25 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АБ - 228	1919–1920	2	Д ² .2004.Ч.1.К-5
340	25 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АБ - 229	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-5
341	50 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 001	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-6
342	50 рублей 1918	Г. Пятаков	Гальцов	АА - 003	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-6
343	50 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 004	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-6
344	50 рублей 1918	Г. Пятаков	Гальцов	АА - 033	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-6
345	50 рублей 1918	Г. Пятаков	Стариков	АА - 082	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-6
346	50 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА - 086	1919–1920	1	Д ² .2004.Ч.1.К-6
347	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 020	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
348	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Гальцов	АА - 082	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
349	100 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 106	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
350	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Лошкин	АА - 159	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
351	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Гальцов	АА - 162	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
352	100 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 166	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
353	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Лошкин	АА - 169	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
354	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 170	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
355	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 173	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
356	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Стариков	АА - 181	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
357	100 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА - 185	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
358-359	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Лошкин	АА - 189	1919–1921	2	Д ² .2004.Ч.1.К-7
360	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА - 190	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
361	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 193	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-7
362	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Лошкин	АА - 008	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
363	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Е. Жихарев	АА - 027	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
364	250 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА - 034	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
365	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АА - 036	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
366	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Е. Жихарев	АА - 037	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
367	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Старилов	АА - 040	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
368	250 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 075	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
369-372	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АА - 076	1919–1921	4	Д ² .2004.Ч.1.К-8
373	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Е. Жихарев	АА - 077	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
374	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Лошкин	АА - 078	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
375	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Гальцов	АА - 081	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8

1	2	3	4	5	6	7	8
376-377	250 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА - 083	1919–1921	2	Д ² .2004.ч.1.К-8
378	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АА - 096	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-8
379	250 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА - 104	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-8
380-383	250 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 105	1919–1921	4	Д ² .2004.ч.1.К-8
384-385	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Гальцов	АА - 121	1919–1921	2	Д ² .2004.ч.1.К-8
386-389	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Е. Жихарев	АА - 127	1919–1921	4	Д ² .2004.ч.1.К-8
390	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 132	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-8
391	500 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА - 001	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-9
392	500 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА - 004	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-9
393	500 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА - 013	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-9
394	500 рублей 1918	Г. Пятаков	Е. Жихарев	АА - 056	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-9
395	500 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА - 073	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-9
396	1000 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АА - 044	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-10
397	5000 рублей 1918	Г. Пятаков	Гаврилов	АЗ 000990	1919–1921	1	Д ² .2004.ч.1.К-11

Казначейские знаки

№	Номинал	Дата	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
398-407	50 копеек	Без даты	1915–1918	10	Д ¹ .2004.ч.3.К-46

4% билеты государственного казначейства

№	Номинал и дата выпуска	Подпись управляющего	Подпись директора	Серия и номер	Период обращения как денежного суррогата	Кол-во	Ссылка на каталог*
408	100 рублей 1915	Арк. Шумахер	Г. Круликовский	469 099611	1918–1922	1	Д ¹ .2004.Ч.1.КБ-18

* 1. Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Ч. 3. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов. М., 2004.; 2. Он же. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Ч. 1. Государственные бумажные денежные знаки РСФСР и СССР 1917–1924 годов. М., 2004.

№ 3. Борисоглебский р-н, д. Селище (ЯМЗ-54612, 71 экз.)

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
Выпуск императорского правительства							
1	3 рубля 1905	А. Коншин	Овчинников	ЛС 835982	1910–1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.2
2	3 рубля 1905	А. Коншин	Гаврилов	ОН 255810	1910–1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.2
3	5 рублей 1909	А. Коншин	П. Барышев	БВ 607175	1910–1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
4	5 рублей 1909	А. Коншин	Гр Иванов	ДО 516673	1910–1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1
5	5 рублей 1909	А. Коншин	Софронов	ЗХ 752854	1910–1914	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-34.1

1	2	3	4	5	6	7	8
6	10 рублей 1909	А. Коншин	П. Барышев	ДЛ 030921	1910–1914	1	ДЛ.2004.ч.3.К-33.2
7	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Афанасьев	ГБ 907586	1914–1915	1	ДЛ.2004.ч.3.К-24.4
8	1 рубль 1898	И. Шипов	П. Барышев	ИГ 395912	1914–1915	1	ДЛ.2004.ч.3.К-24.4
9	3 рубля 1905	И. Шипов	Софронов	ФЕ 460600	1914–1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-32.3а
10	5 рублей 1909	И. Шипов	Гаврилов	ИС 581676	1914–1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-34.2а
11	10 рублей 1909	И. Шипов	П. Барышев	ЕХ 581318	1914–1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-33.3а
12	10 рублей 1909	И. Шипов	Ф. Шмидт	ЗТ 099075	1914–1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-33.3а
13	1 рубль 1898	И. Шипов	Поликарпович	НА - 8	Декабрь 1915 – февраль 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-38.1
Выпуск Временного правительства							
14	1 рубль 1898	И. Шипов	Дудолькевич	НБ – 244	Март – октябрь 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-38.2
15	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НБ – 246	Март – октябрь 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-38.2
16	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 260	Март – октябрь 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-38.2
17	1 рубль 1898	И. Шипов	Поликарпович	НБ – 268	Март – октябрь 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-38.2
18	1 рубль 1898	И. Шипов	А. Алексеев	НБ – 271	Март – октябрь 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-38.2
19–20	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 300	Март – октябрь 1917	2	ДЛ.2004.ч.3.К-38.2
21	3 рубля 1905	И. Шипов	Овчинников	БӨ 514202	Март – октябрь 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-32.36
22	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	ЯР 928485	Март – октябрь 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-32.36
23	3 рубля 1905	И. Шипов	А. Афанасьев	ӨД 191038	Март – октябрь 1917	1	ДЛ.2004.ч.3.К-32.36

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
24	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	ОС 321270	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
25	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	ОЭ 778554	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
26	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Былинский	РЕ 883477	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
27	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Былинский	РТ 024086	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
28	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	ТЗ 695358	Март – май 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-34.26
29	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	НО 692765	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
30	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ОГ 677952	Март – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-33.36
31	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА - 022	Май – октябрь 1917	1	Д¹.2004.Ч.3.К-55.1
Выпуск Советского правительства							
32	1 рубль 1898	И. Шипов	Г. де Милло	НБ – 323	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
33	1 рубль 1898	И. Шипов	Гальцов	НБ – 335	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
34–35	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НБ – 358	1917–1919	2	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
36	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НБ – 378	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
37	1 рубль 1898	И. Шипов	Стариков	НБ – 390	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3
38	1 рубль 1898	И. Шипов	Быков	НБ – 404	1917–1919	1	Д¹.2004.Ч.3.К-38.3

1	2	3	4	5	6	7	8
39	3 рубля 1905	И. Шипов	Гр. Иванов	АХ 026429	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.3в
40	3 рубля 1905	И. Шипов	Я. Метц	БП 388026	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.3в
41	3 рубля 1905	И. Шипов	Гаврилов	БТ 868526	1917–1919	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-32.3в
42	5 рублей 1909	И. Шипов	Чихиржин	УА – 077	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
43	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Афанасьев	УА – 079	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
44	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УА – 086	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
45	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УА – 091	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
46	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УА – 102	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
47	5 рублей 1909	И. Шипов	Софронов	УА – 127	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
48–49	5 рублей 1909	И. Шипов	Ив. Гусев	УА – 136	1917–1920	2	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
50	5 рублей 1909	И. Шипов	Гр. Иванов	УА – 137	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
51	5 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	УА – 139	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
52	5 рублей 1909	И. Шипов	В. Шагин	УА – 156	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
53	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УА – 180	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
54	5 рублей 1909	И. Шипов	С. Бубякин	УБ – 412	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
55	5 рублей 1909	И. Шипов	Я. Метц	УБ – 416	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
56	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Федулеев	УБ – 432	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-55.2
57	10 рублей 1909	И. Шипов	Гусев	ПУ 863375	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.3в
58	10 рублей 1909	И. Шипов	Овчинников	ПХ 114506	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.3в
59	10 рублей 1909	И. Шипов	А. Былинский	РК 251652	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.3в

Государственные кредитные билеты							
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
1	2	3	4	5	6	7	8
60	10 рублей 1909	И. Шипов	Богатырев	СГ 513014	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.3в
61	10 рублей 1909	И. Шипов	Иванов	ФХ 457524	1917–1920	1	Д ¹ .2004.Ч.3.К-33.3в
62	250 рублей 1918	Г. Пятаков	Стариков	АА – 130	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
63	500 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА – 013	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-9
64	500 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА – 072	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-9
65	500 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА – 078	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-9
66	500 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АА – 083	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-9
67	500 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА – 091	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-9
68	500 рублей 1918	Г. Пятаков	А. Алексеев	АБ – 013	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-9
69	1000 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА – 001	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10
70	1000 рублей 1918	Г. Пятаков	Титов	АА – 030	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10
71	1000 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА – 047	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10

* Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Государственные бумажные денежные знаки РСФСР и СССР 1917–1924 годов. М., 2004. Ч. 1.

№ 4. Гутаевский р-н, п. Чебаково, ул. Железнодорожная, 55 (ЯМЗ-52991, 23 экз.)

Государственные кредитные билеты						
№	Номинал и дата на кредитном билете	Подпись управляющего	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во
1	2	3	4	5	6	8
Выпуск императорского правительства						
1	5 рублей 1909	А. Коншин	Я. Метц	ЕЛ 927878	1910–1914	1
2	100 рублей 1910	А. Коншин	Овчинников	ГЧ 094824	1911–1914	1
3	1 рубль 1898	И. Шипов	Поликарпович	НА – 48	Декабрь 1915 – февраль 1917	1
4	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НА – 116	Декабрь 1915 – февраль 1917	1
Выпуск Временного правительства						
5	5 рублей 1909	И. Шипов	А. Былинский	ПЯ 389042	Март – май 1917	1
Выпуск Советского правительства						
6	1 рубль 1898	И. Шипов	Титов	НБ – 318	1917–1919	1
7	1 рубль 1898	И. Шипов	Лошкин	НБ – 386	1917–1919	1
8	100 рублей 1910	И. Шипов	Метц	ЛА 068666	1917–1921	1
9	100 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА – 164	1919–1921	1
10	100 рублей 1918	Г. Пятаков	Г. де Милло	АА – 200	1919–1921	1

1	2	3	4	5	6	7	8
11	250 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА – 123	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-8
12–13	500 рублей 1918	Г. Пятаков	Евг. Гейльман	АА – 095	1919–1921	2	Д ² .2004.Ч.1.К-9
14	1000 рублей 1918	Г. Пятаков	Гальцов	АА – 049	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10
15	1000 рублей 1918	Г. Пятаков	М. Осипов	АА – 081	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10
16	1000 рублей 1918	Г. Пятаков	П. Барышев	АА – 083	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-10
17	5000 рублей 1918	Г. Пятаков	Ф. Шмидт	АГ 034828	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-11
18	5000 рублей 1918	Г. Пятаков	Гаврилов	АУ 109455	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-11
19	5000 рублей 1918	Г. Пятаков	Ф. Шмидт	БВ 005707	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-11
20	5000 рублей 1918	Г. Пятаков	Ф. Шмидт	БВ 005745	1919–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-11
Расчетные знаки РСФСР							
№	Номинал и дата на расчетном знаке	Подпись наркома финансов	Подпись кассира	Серия и номер	Период эмиссии	Кол-во	Ссылка на каталог*
21	10000 рублей 1919	Н. Крестинский	А. Былинский	ВГ 176634	1920–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-12

1	2	3	4	5	6	7	8
22	10000 рублей 1919	Н. Крестинский	П. Барышев	ГВ 229754	1920–1921	1	Д ² .2004.Ч.1.К-12
4% билеты государственного казначейства							
№	Номинал и дата выпуска	Подпись управляющего	Подпись директора	Серия и номер	Период обращения как денежного суррогата	Кол-во	Ссылка на каталог*
23	50 рублей 1914	Арк. Шумахер	П. Небольсин	448 235938	1918–1922	1	Д ¹ .2004.Ч.3.КБ-22.1

* 1. Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Ч. 3. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов. М., 2004.; 2. Он же. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 годов. Ч. 1. Государственные бумажные денежные знаки РСФСР и СССР 1917–1924 годов. М., 2004.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Формат 70x100 1/16
Гарнитура Times
Усл.-п. л. 49,08. Уч.-изд. л. 32,8
Тираж 300 экз.

Издатель – Российская академия наук

Публикуется в авторской редакции

Верстка – УНИД РАН

Отпечатано в экспериментальной цифровой типографии РАН

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 11.04.2024 № 1
и распространяется бесплатно